Г24 6/54

ОИК
дет. уч.отд.

РУССКАЯ

ХРИСТОМАТІЯ,

СЪ ПРИМѢЧАНІЯМИ.

ДЛЯ ВЫСШИХЪ КЛАССОВЪ СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ

СОСТАВИЛЪ

Андрей Филоновъ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЭЗІЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ІОСАФАТА ОГРИЗКО.

1863.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 15 іюля 1863 года.

403130

J24 6/54
536

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Вниманіе публики и литературы къ первому выпуску «Русской Христоматіи» и, въ слѣдствіе того, весьма быстрая его распродажа *), ускорили появленіе втораго тома нашего труда. Онъ составленъ на тѣхъ же основаніяхъ, которыми руководился издатель и въ первомъ. Поэтому:

1) Во второмъ томѣ «Христоматіи» обращено преимущественное вниманіе на произведенія чисто-народнаго характера. Отдѣлъ «Пѣсня», какъ замѣтятъ читатели, особенно значителенъ.

2) Въ «Христоматіи» въ первый разъ напечатаны: Украинскія пѣсни, Стихи духовные и раскольничьи, сатиры Ювенала, пѣсни Борнса, Беранже и Гейне съ ихъ біографіями; сонеты Мицкевича и стихотворенія Шевченки съ его автобіографіей.

3) Отдѣлъ «Разныя Стихотворенія» заключаетъ въ себѣ нѣсколько піэсъ, написанныхъ по поводу совершающихся преобразованій въ нашемъ отечествѣ. Этого роду піэсы, имѣя современное значеніе, покажутъ юнымъ читателямъ, что поэты — граждане родной земли и что поэзія, подобно наукѣ, пристально слѣдитъ за дѣйствительною жизнію.

4) Педагогическія замѣтки подъ стихотвореніями значительно противъ перваго выпуска умножены.

---

*) Первый выпускъ печатанъ въ числѣ 5000 экземпляровъ.

5) Хотя второй томъ «Русской Христоматіи» заключаетъ въ себѣ только тридцать два печатныхъ листа, между тѣмъ какъ первый — пятьдесятъ листовъ, однакоже онъ, по содержанію матеріала, почти равняется первому, потому что напечатанъ четырьмя убористыми шрифтами и мѣстами — въ два столбца.

Нѣкоторые члены «Педагогическаго Собранія», — что при Второй гимназіи въ С.-Петербургѣ, — на судъ которыхъ былъ представленъ нашъ трудъ, предлагали расположить статьи «Христоматіи» въ историческомъ порядкѣ, а не по родамъ и видамъ поэзіи. Соглашаясь вполнѣ съ основательностію подобнаго взгляда, мы, однакожъ, не нашли пока возможнымъ выполнить его, потому что наша переводная литература далеко еще не богата. Впрочемъ, историческая почва была единственною, на которой издатель старался стоять какъ въ первомъ, такъ и въ предлагаемомъ томѣ: что весьма легко видѣть.

Третій томъ (Драматическая поэзія) печатается и выйдетъ въ ноябрѣ нынѣшняго года.

РУССКАЯ ХРИСТОМАТІЯ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЭЗІЯ.

ПѢСНЯ.

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

Значеніе пѣсенъ. — Слова И. Снегирева: «Самородная поезія есть главная стихія нравственнаго образованія народа, начинающаяся съ первыми его вѣрованіями, съ первыми понятіями о себѣ и природѣ. Изъ вѣрованій проистекаютъ праздники и обряды съ обрядовыми и миѳическими пѣснями, приговорами и причитаніями. Сіи гласные, самородные памятники словесности, не смотря на всѣ измѣненія и обновленія въ языкѣ оныхъ, живутъ народнымъ безсмертіемъ, составляютъ завѣтную стихію отечественности. Во всѣхъ населенныхъ странахъ міра, на всѣхъ языкахъ гласъ радости и печали превращался въ пѣснопѣніе. И дикія племена и образованные народы пѣснями выражаютъ свои моленія и проклятія; ибо пѣть— для сердца человѣческаго значитъ жить. У древнихъ искони пѣты были законы, бытія племенъ, похвалы богамъ и богатырямъ. Пѣснь предшествовала письму. Всякое постановленіе въ религіи и мудрости, воспоминанія о важнѣйшихъ событіяхъ въ народѣ передавались въ пѣсняхъ, кои были не писаны, но переходили изъ устъ въ уста и пѣвались съ игрою на мусикійскихъ орудіяхъ и плясками при богослужебныхъ и народныхъ торжествахъ. Изслѣдованія старинныхъ обычаевъ и народныхъ пѣсенъ у Нѣмцевъ и Славянъ показываютъ, что у нихъ богослужебные праздники сопровождались пѣснями, наставительными для народа. Въ остаткахъ древнихъ пѣсенъ увѣковѣчены нѣкоторыя важнѣйшія епохи Русскаго народа; что умалчиваетъ лѣтопись, то иногда досказываетъ пѣсня. Самая пословица Русская: *Пѣсня быль*, сходная съ Нѣмецкою: Die Sage lebt im Gesang — свидѣтельствуетъ, что въ пѣсняхъ сохранялись *былины древнихъ лѣтъ.*

«Главнѣйшее словесное богатство Славянскихъ племенъ состоитъ въ *пѣсняхъ*, коими онѣ отличаются предъ всѣми другими народами

свѣта: въ VI вѣкѣ онѣ слыли у Византійцевъ пѣснолюбивыми; Славянскіе странники брали съ собою въ путь гусли (киѳары), а не оружіе. Неизвѣстный пѣвецъ Игорева похода упоминаетъ о *вѣщемъ Боянѣ, соловьѣ, пѣснотворцѣ стараго времени*, а Волынская лѣтопись о *словутномъ пѣвцѣ Митусѣ*. Когда князь Даніилъ, по переходѣ чрезъ рѣку Нарову, избавилъ многихъ христіанъ: тогда, по выраженію той же лѣтописи, *пѣснь славну пояху има*. Въ сихъ завѣтныхъ лѣтописяхъ души и сердца (пѣсняхъ) заключаются бытія, миѳы, мысли, чувства, надежды народа. Хотя древнее вѣрованіе не могло удержаться у Русскихъ Славянъ, при обращеніи ихъ въ христіанскую вѣру; но существенная часть онаго для поэзіи, внутренняя сила поэтическая проникнула нѣкоторыя старинныя народныя пѣсни и приговоры, какъ отклики древняго времени, повторяемые въ настоящемъ. Народная пѣснь находится во внутренней связи съ чувственною жизнію сказанія. Богослуженіе у Славянъ Русскихъ не могло обойтись безъ пѣснопѣній: въ чемъ удостовѣряютъ насъ свидѣтельства лѣтописцевъ и остатки старинныхъ хороводныхъ пѣсенъ, миѳическихъ думъ и сказаній. Сколько время ихъ ни искажало; однако не могло совершенно изгладить кореннаго ихъ свойства, которое оставило слѣды при всѣхъ новѣйшихъ измѣненіяхъ и прикрасахъ.

«Однѣ изъ старыхъ Русскихъ пѣсенъ носятъ на себѣ миѳическій цвѣтъ; другія, намекающія на древніе богослужебные обряды и жертвоприношенія, принадлежатъ къ обрядовымъ пѣснямъ, къ коимъ относятся причитанія и приговоры пѣсненные. Въ остаткахъ немногихъ миѳическихъ пѣсенъ и припѣвовъ упоминаются древнія божества и рѣки, въ честь коихъ онѣ были пѣты, напр. *Ладо*, *Дидиладо*, *Купало*, *Туръ*, *Ярило*, *Таусень*, или *Авсень*,— *Дунай*, *Донъ*. Нерѣдко въ нихъ смѣшиваются языческія вѣрованія съ христіанскими понятіями, напр. въ Тульской губ. въ Троицынъ день поютъ:

Благослови, *Троица*, Намъ въ лѣсъ пойти,
Богородица, Вѣнокъ сплести,
Ой *дидъ Ладо*!

«Пѣснями поселяне привѣтствуютъ въ Россіи *солнце* на Петровъ день. Пѣснями поселяне встрѣчаютъ первый весенній *дождикъ* и *закликаютъ красную весну*. Пѣсни, какія пѣвались въ сѣверныхъ странахъ среди весеннихъ хороводовъ и плетней вокругъ майскихъ деревъ, относятся къ языческимъ обрядамъ, выражаютъ союзъ между обоими полами, между небомъ и землею.

«По отношенію пѣсенъ къ народнымъ праздникамъ въ разныя времена года, ихъ раздѣлить можно на *святочныя*, *колядскія*, *весеннія*, *семицкія* и *троицкія*, или *русальныя*, *купальскія*, или *ладовыя*, по названію Карпато-Россовъ, которые празднуютъ Ладу въ день

Купала и пр. Почти всѣ сіи роды пѣсенъ миѳологическихъ, нашихъ сагъ, имѣютъ характеръ хороводныхъ и примѣненіе къ особливымъ обрядамъ, напр. *А мы просо сѣяли*,—*Заплетися плетень* и пр. Въ разныхъ краяхъ Великой Россіи онѣ представляютъ мѣстныя отмѣны по своему содержанію и выраженію, достойныя изслѣдованія; что онѣ утратили въ одномъ мѣстѣ, то сохраняютъ въ другомъ. Такимъ образомъ, одно дополняясь и объясняясь другимъ, составляетъ цѣлое, стройное проявленіе духа народнаго въ живущихъ, гласныхъ памятникахъ.

«Духовные наши писатели, изъ ревности къ православію и изъ презрѣнія къ суевѣрію, называютъ старинныя пѣсни, какія пѣвались на праздникахъ простонародныхъ, *сатанинскими, бѣсовскими, отъ бѣса замышленнымъ дѣломъ*. Объ нихъ упоминаютъ Номоканоны и Стоглавъ. Препод. Памфилъ, при описаніи Купальскаго праздника, въ посланіи своемъ къ намѣстнику Псковскому, говоритъ, что тогда «егда не весь градъ возмятется и въ селѣхъ возбѣсятся въ бубны и сопѣли и гуденіемъ струннымъ, и всякими неподобными играми сатанинскими, плесканіемъ и плясаніемъ, женамъ же и дѣвамъ, и главами киваніемъ, и устнами ихъ непріязненъ кличь, всесквернныя пѣсни, и хребтомъ ихъ вихляніе и ногамъ ихъ скаканіе и топтаніе.»

«Въ *свадебныхъ пѣсняхъ*, нашихъ епиталамахъ, столь обильныхъ и разнообразныхъ въ Россіи, проявляются еще непростывшіе слѣды обрядовъ древняго вѣрованія, живая картина нравовъ и обычаевъ народныхъ. Онѣ нерѣдко проникнуты бываютъ глубокими и умильными чувствованіями. Едва ли есть народъ, кромѣ Русскихъ, особливо Малороссіанъ, у коего можно бъ было собрать цѣлую книгу свадебныхъ пѣсенъ. Малороссійскія пѣсни со всѣми обрядами настоящая опера-водевиль и едва ли гдѣ она имѣла столь естественное происхожденіе.

«Похороны и поминки сопровождаются *причитаніями* или *голошеньемъ*, въ коихъ плачевнымъ речитативомъ вычисляются достоинства покойника и жалобы осиротѣвшихъ. Мы сравнивали сіи причитанія съ Греческими ϑαλεμοὶ, съ Римскими laudes funebres, naeniae и Литовскими заупокойными пѣснями. По свидѣтельству Кельхена, Финны и Латыши Балтійскіе, въ XIII вѣкѣ, совершая тайно свои языческіе обряды во глубинѣ лѣсовъ, плакали надъ умершими, которымъ клали въ могилы пищу, питье, топоръ и нѣсколько денегъ съ слѣдующими причитаніями: «Ступай, бѣднякъ, въ лучшій міръ. Вотъ тебѣ на дорогу запасъ, оружіе и деньги!» Сарницкій говоритъ: «На Руси пѣвались елегіи въ память двухъ храбрыхъ братьевъ Струсевъ, павшихъ 1506 г. въ битвѣ съ Варягами. Елегіи сіи назывались у Русскихъ *думами*. Соглашая заунывный голосъ и

тѣлодвиженія со словами, они иногда сопровождаютъ пѣніе оныхъ печальными звуками свирѣли.» Въ нашихъ лѣтописяхъ, умильныхъ повѣстяхъ, сказаніяхъ и въ иностранныхъ писателяхъ о Россіи сохранились остатки таковыхъ причитаній, кои и доселѣ употребляются простолюдинами и старовѣрами.

«Напѣвы старинныхъ обрядовыхъ пѣсенъ почти всѣ заунывные и часто торжественные; они отзываются не звуками рабства Татарскаго, какъ думаютъ иностранные писатели; но какимъ-то благоговѣйнымъ тономъ, тоскливостію о прошедшемъ и будущемъ, какъ таинственные отголоски умиленной души.» (Русскіе простонародные праздники и суевѣрные обряды. Москва. 1837 Вып. I, стр. 216—226).

Слова профессора Бодянскаго: «Всякой первоначальной естественной народной Поэзіи всѣхъ временъ и племенъ человѣческихъ непремѣннымъ типомъ, общею формою, всегдашнимъ проявленіемъ, единственною одеждой бываетъ *пѣсня*. Это ни мало неудивительно, это въ порядкѣ вещей. Каждый народъ, выступая на поприще жизни, начиная свое бытіе, и будучи отъ природы поэтомъ-художникомъ, все, что въ немъ и внѣ его ни творится, что выходитъ изъ колеи обыкновенной, положительно прозаической жизни, что нарушаетъ теченіе матеріальнаго существованія, выплескиваетъ за края однообразнаго ежедневнаго житейскаго міра, что по какой бы то ни было причинѣ нарушаетъ обычный бѣгъ вещей, возбуждаетъ внутреннюю дѣятельность духа, производитъ живое, глубоко сильное впечатлѣніе, все это, всѣ эти необыкновенныя положенія свои, эти исключенія въ своей жизни, народъ схватываетъ, жадно ловитъ и въ то же мгновеніе, на самомъ мѣстѣ событія, по свѣжимъ, жаркимъ, слѣдамъ его, воспѣваетъ въ звучной, самородной, своеобразной пѣснѣ. Само собою разумѣется, что такая пѣсня началомъ своимъ одолжена бываетъ какому-нибудь одному недѣлимому въ народѣ, какому-нибудь одному лицу, въ душѣ коего горитъ пламень поэтическаго творчества, сердце коего живѣе почувствовало данный толчекъ, скорѣе, такъ сказать, наэлектризовалось, поняло поэтическую сторону случившагося, вспыхнуло и невольно, безъ всякаго умышленнаго расчета и подготовленія, запѣло пѣснь [1]). Пѣснь эта тутъ же и пошла летать соловьемъ по народу, сообщаясь ему со всею легкостью, ему, приготовленному уже прежде самимъ событіемъ, слѣдовательно находящемуся подъ магическою силою впечатлѣнія, или же пораженному новостію, нечаянностію, общечело-

---

[1]) Гоголь говоритъ: «Пѣсня сочиняется не съ перомъ въ рукѣ, не на бумагѣ, не съ строгимъ расчетомъ, но въ вихрѣ, въ забвеніи, когда душа звучитъ, руки вольно вскидываются на воздухъ и дикія волны веселья уносятъ душу отъ всего». («О Малорос. пѣсняхъ» въ соч. Гоголя).

вѣческой, народной занимательностью, яркимъ изъятіемъ изъ пошлой, безхарактерной однообразности настоящаго. Такимъ образомъ пѣсня порхаетъ между народомъ, который ее доканчиваетъ, если она имѣетъ какую нибудь шороховатость, неполноту, и дѣлается его достояніемъ, общимъ имуществомъ всѣхъ и каждаго. Пѣсни составляютъ собою начало, исходный пунктъ какъ вообще словесности, такъ въ особенности поэзіи народной, какъ первыя, самыя старшія ея произведенія, какъ первоотпечатокъ, начальный отпрыскъ, первоявленіе, первенецъ творчества народнаго, какъ первобытная, естественная схема поэзіи, и съ тѣмъ вмѣстѣ единственное имущество, весь, пока, наличный капиталъ народа; въ нихъ заключаются, какъ въ матернемъ лонѣ, всѣ элементы дальнѣйшей жизни поэзіи, ея дальнѣйшаго хода, самостоятельнаго совершенствованія и бытія. Пѣсни въ эту эпоху жизни народа составляютъ для него все, замѣняютъ собой всѣ роды и виды поэзіи, будучи и родомъ и видомъ ея, будучи всей поэзіей: тогда всякое поэтическое произведеніе принимаетъ образъ пѣсни, воплощается въ нее, потому что народъ въ эту пору все воспѣваетъ. Такое состояніе поэзіи представляетъ собой первый періодъ поэзіи народной, въ обширномъ значеніи, періодъ поэзіи всего народа, безъ исключенія, общенародный, продолжающійся, даже, и тогда, когда народъ начинаетъ образовать изъ себя одно правильное цѣлое, болѣе сплоченое тѣло, когда вступаетъ въ гражданскую жизнь и продолжаетъ на этомъ поприщѣ совершенствоваться. Эта поэзія и теперь продолжаетъ свое существованіе, если гражданское образованіе совершается не цѣлымъ народомъ, идетъ неровнымъ шагомъ, но только въ высшихъ его слояхъ.... Въ жизни народа, какова бы она ни была: дѣятельна, своевольна, разнообразна, или же покойна, тиха, односторонняя, главное лишь бы она не получила еще высшей гражданственности, пѣсня составляетъ единственный родъ поэзіи этого народа и единственную форму всѣхъ его поэтическихъ произведеній, какъ бы ни были они многочисленны. Это доказывается еще ея названіемъ, одинаково тождественнымъ у всѣхъ народовъ. Греческія *оды* (ᾠδή, canticum, cantio, carmen, ᾠδάριον, cantilena, отъ ἀείδω, cano, canto, carmine celebro), *эпосы* (ἔπος, verbum, vocabulum, carmen heroicum, отъ ἔπω), Итальянскія *канзоны*, Испанскіе *романсы*, Англійскія баллады и проч., все это — названія первобытныхъ, самородныхъ поэтическихъ произведеній у разныхъ Европейскихъ народовъ, которыя всѣ въ сущности не что иное означаютъ, какъ пѣснь, пѣсню, и изъ которыхъ развилась ихъ національная поэзія. Славяне тоже всѣ первоначальныя свои поэтическія произведенія, всю свою естественную поэзію, называютъ *пѣснію*, *пѣснями* (Чешск. писнѣ, Серб. пѣсме, Венд. спѣваньо и д.).

«Славяне — самый *пѣсенный* народъ.

«Чо е славикъ мези птакми,
То е Сованъ мези народми.»

«Пѣсни — это ихъ дневникъ, ихъ исторія, хранилище всякаго вѣдѣнія, всякаго вѣрованія, ихъ ѳеогонія, космогонія, память, тризна по своихъ отцахъ и дорогихъ сердцу, надгробный памятникъ священной старины, живая, говорящая лѣтопись временъ давно прошедшихъ, въ коей, какъ въ прозрачномъ кристаллѣ воды, отражается, безъ малѣйшей примѣси, вся ихъ жизнь, съ ея добромъ и зломъ, характеръ каждаго врозь и обще всего цѣлаго, многосложная картина минувшаго вѣка, его духа, вѣрный очеркъ быта и всѣхъ его, неуловимыхъ простымъ глазомъ, мельчайшихъ подробностей. Это исповѣдь души, разоблаченной передъ вами до тончайшихъ изгибовъ своихъ и оттѣнковъ чувствъ, волненій, дѣйствій, страданій, надеждъ, веселія и грусти; это чистѣйшее выраженіе Славянской народности, нравовъ, обычаевъ, занятій, причудъ и т. п. Въ нихъ, наконецъ, языкъ родной хранится во всей своей чистотѣ, неподдѣльности, свѣжести, силѣ, прелести и богатствѣ, языкъ, звуки коего пріятнѣе всего на свѣтѣ ударяютъ въ наши уши, какъ говоритъ Вальтеръ-Скоттъ. Славянинъ, въ какихъ бы обстоятельствахъ ни находился, что бы онъ ни дѣлалъ, во всякую пору времени пѣсня у него шевелится на языкѣ: это безсмѣнная спутница, всегдашняя нацерсница и повѣренная его думъ, мыслей и желаній; для нея сердце его и весь онъ самъ какъ есть, когда угодно, открыты.

«Отличительный признакъ пѣсень Сѣверныхъ Руссовъ (Великороссіянъ) составляютъ глубокая унылость, величайшее забвеніе, покорность своей судьбѣ, какое-то раздолье и плавная протяженность. Отъ чего же это? Тутъ много было причинъ; во первыхъ вспомните мѣсто жительства, этотъ хладный, угрюмый сѣверъ, съ его пасмурнымъ небомъ, съ его мрачными, дебристыми лѣсами, необозримыми топями и болотами, сѣверъ — царство зимы, вьюгъ, мятелей и бурановъ, его мимолетную весну, короткое лѣто, его осень, которая ужаснѣе зимы южной. Далѣе вспомните скудость, бѣдность природы, ея почти повсемѣстную равнинность, прерываемую только изрѣдка, кой-гдѣ небольшими холмиками, нагорностью и наконецъ страстную привязанность Сѣвернаго Русса къ отдѣленію себя отъ всего существующаго, къ какой-то забывчивости, къ отвлеченію отъ міра дѣйствительнаго, его неохоту выражать обстоятельства и событія этого послѣдняго, отъ коихъ зависитъ замѣчательный переломъ въ судьбѣ человѣка, какъ члена гражданскаго общества. Эти-то причины условили теперешній характеръ Сѣверно-

Русскихъ пѣсень: мрачность, суровость, унынiе Сѣвера навели и на пѣсни Сѣверныхъ Руссовъ эту унылость, томность, составляющiя ихъ необходимую принадлежность.» (О народной поэзiи Славянскихъ племенъ. Разсужденiе О. Бодянскаго. М. 1837. Стр. 17 — 20, 115).

Пушкинъ говоритъ: «Отъ ямщика до перваго поэта
Мы всѣ поемъ *уныло. Грустный вой*
Пѣснь Русская. Извѣстная примѣта!
Начавъ за здравiе, *за упокой*
Сведемъ какъ разъ. *Печалiю* согрѣта
Гармонiя и нашихъ музъ и дѣвъ,
Но нравится ихъ жалобный напѣвъ.»

Гоголь: «Почему слышится и раздается немолчно въ ушахъ твоя (поэтъ обращается къ Россiи) *тоскливая*, несущаяся по всей длинѣ и ширинѣ отъ моря до моря, пѣсня? Что въ ней, въ этой пѣснѣ? Что зоветъ и *рыдаетъ* и хватаетъ за сердце? Какiе звуки *болѣзненно* лобзаютъ и стремятся въ душу и вьются около моего сердца?» (Мертвыя души. Т. I.)

Причинами «грустнаго воя» пѣсни Русской, обыкновенно полагаютъ бѣдность Русской природы (см. вышеприведенное мнѣнiе Бодянскаго и Гоголя), и нѣкоторыя историческiя обстоятельства, какъ то: удѣльную систему, Татарское иго, отчужденiе Руси отъ Европы, затворничество женскаго пола. На всѣ эти причины указано въ прекрасной книжкѣ г. Милюкова: «Очеркъ исторiи Русской поэзiи.» Критически повѣряя разные взгляды на занимающiй насъ предметъ, мы не можемъ не заявить, что у насъ какъ въ наукѣ, такъ и жизни есть много истинъ, принятыхъ на вѣру. Къ числу ихъ относится вопросъ о печальномъ тонѣ Русской пѣсни. *Удѣльная система*, пишутъ, была причиною меланхолическаго строя пѣсни.... А говорятъ наши пѣсни объ удѣльной системѣ? Оплакиваютъ онѣ удѣлы, когда князья усобицами раздирали Русскую землю? Да и была ли борьба за удѣлы, или за право старшинства въ родѣ, — была ли эта борьба борьбою народною? Сколько извѣстно, одинъ пѣвецъ «Слова о полку Игоря» оплакиваетъ раздоры князей. Но «Слово» единственный памятникъ въ этомъ родѣ. Притомъ «Слово» описываетъ одно извѣстное несчастное событiе. *Татарщины*, какъ злой годины, народъ въ пѣсняхъ не касается. Ни одной нѣтъ пѣсни, посвященной изображенiю тягостей и бѣдствiй Татарскаго ига. Лирическiя пѣсни не вѣдаютъ «Монгольскихъ бичей.» Въ былинахъ говорится о Татарахъ, но что̀ говорится? Татарская сила велика, силушки нашло видимо-невидимо, но одинъ богатырь, Илья Муромецъ истребляетъ всю бусурманскую силу. Объ этомъ ли горевать народу? Вѣдь дѣло не въ нашествiи враговъ, а въ борьбѣ

съ ними. Если враги, хоть даже и не значительные числомъ, одолѣли насъ: есть о чемъ плакать пѣвцу народному. Если же тьматьмущая непріятелей сокрушена однимъ изъ среды народа (Илья Муромецъ—крестьянинъ), то тутъ мѣсто ликованію народному. Знать силы народа мощны, коли одинъ справляется съ тысячами.... Исторія, помимо былинъ, тоже не подтверждаетъ того взгляда, что будто татарщина вконецъ разорила Русь. Татарское иго было игомъ чисто внѣшнимъ. Внутреннихъ дѣлъ страны Татары не знали. Что же касается духовенства, оно блаженствовало во время Татарщины, особенно со временъ митрополита Алексѣя. Извѣстны ярлыки Ханскіе, охраняющіе бытъ духовенства... Главное дѣло въ томъ, что въ лирическихъ народныхъ пѣсняхъ ужасы Татарскаго ига пройдены молчаніемъ.—*Отчужденіе свое отъ Европы* едва ли понималъ народъ до Петра, да едва ли понимаетъ оное и теперь. Народъ столько зла видѣлъ отъ всякаго рода иноземщины, что скорѣе будетъ радоваться, если *отчужденъ* отъ нея, нежели печалиться о томъ. Въ пѣсняхъ объ *отчужденіи* отъ Европы не поется. — *Затворничество* женскаго пола—причина важная. Затворничество служило крѣпкою преградою къ сближенію юношества обоихъ половъ, вредно дѣйствовало на семейную жизнь, порождало многія печальныя въ ней явленія и, дѣйствительно, отразилось въ пѣсняхъ.

Такимъ образомъ бѣдная, однообразная и суровая природа, а также затворничество женщинъ, остаются пока единственными причинами элегическаго характера нашихъ пѣсень.

Можно причины грустнаго строя пѣсень найти въ самомъ ихъ *содержаніи*. Содержаніе Русскихъ пѣсень преимущественно печальное. Поэтъ народный изображаетъ въ особенности безотрадныя картины. Въ пѣсняхъ разсказывается о смерти добраго молодца, который лежитъ въ степи забытъ и заброшенъ; описывается отправленіе молодца на службу царскую; женщина представляется въ разлукѣ съ родителями; оплакивается ея несчастное положеніе въ чужой семьѣ: деспотизмъ мужа и притѣсненія со стороны его родныхъ. Эти и подобные сюжеты грустны, но грустны въ общечеловѣческомъ смыслѣ. Смерть, разлука, угнетеніе — это такого рода явленія, которыя на всемъ земномъ шарѣ поражаютъ человѣка и извлекаютъ изъ глазъ его горькія слезы.

Почему же именно Русская пѣсня останавливается преищественно на изображеніи *печальныхъ* явленій жизни, а не отрадныхъ ея картинъ? Вопросъ этотъ требуетъ еще отвѣта, ждетъ своихъ изслѣдователей.—Отъ себя замѣтимъ, что въ пѣсняхъ нашихъ не грусть только воспѣвается, а и веселье. На половину Русскія пѣсни печальны и на половину веселы. Почему же наши ученые доискиваются причины только перваго явленія, а забываютъ причины втораго? Еще разъ

повторяемъ, что народная Русская лирическая поэзія требуетъ своего Гримма.

Скажемъ о другихъ особенностяхъ Русскихъ пѣсень. Русскія пѣсни отличаются любовію къ природѣ. Природа почти всегда на первомъ планѣ въ Русской пѣснѣ. Поэтъ обращается къ березѣ кудрявой, полю чистому, вѣтру буйному, лѣсу дремучему, травушкѣ-муравушкѣ, ясному соколу, бѣлому лебедю, кукушечкѣ, сѣрой утицѣ и пр. Самая близкая связь находится между народнымъ поэтомъ и природою. Эта дружественная связь сообщаетъ особенную прелесть и простоту Русской пѣснѣ. Почему постоянное обращеніе къ природѣ мы видимъ въ Русскихъ пѣсняхъ? Бодянскій въ указанномъ выше разсужденіи объясняетъ это обращеніе земледѣльческимъ бытомъ Славянъ. Славянинъ, по преимуществу, земледѣлецъ. А земледѣлецъ, какъ само собою понятно, находится въ самомъ близкомъ общеніи съ природою. Безъ природы не мыслима земледѣльческая жизнь. Вполнѣ соглашаясь съ объясненіемъ почтеннаго профессора, нельзя не высказать и того убѣжденія, что вообще природа могущественно дѣйствуетъ на человѣка, какой бы родъ жизни онъ ни велъ. Вліяніе природы на человѣка существуетъ всюду и всегда. Онъ живетъ среди нея. Онъ видитъ въ ней или враждебное къ себѣ отношеніе, или дружеское. Желающіе ближе познакомиться съ этимъ предметомъ, могутъ обратиться къ сочиненію Англійскаго, недавно умершаго, историка Бокля: «Исторія цивилизаціи въ Англіи» (Сочиненіе Бокля существуетъ на Русскомъ языкѣ въ двухъ переводахъ). Если природа вездѣ и всегда оказываетъ на человѣка сильное и неотразимое вліяніе, то понятно, почему въ пѣсняхъ и человѣкъ и природа близки другъ къ другу.

Другая особенность Русскихъ пѣсень — любовь къ уподобленіямъ, выражаемая часто отрицательнымъ образомъ. Народный поэтъ рѣдко называетъ прямо предметъ, рѣдко высказываетъ вдругъ главную свою мысль: онъ стороною подходитъ къ предмету, о которомъ хочетъ сказать. Издали начинаетъ дѣло, а потомъ уже выражаетъ занимающую его думу. «*Не былинушка* въ чистомъ полѣ зашаталася, зашаталася безпріютная головушка;» «*не трава* ростетъ, *не огонь* горитъ, *не огонь* горитъ — ретиво сердце;» «ужъ *не лебедь* ходитъ бѣлой, ходитъ красна дѣвица душа;» «что *не ласточки, не касаточки* кругъ тепла гнѣзда увиваются, увивается тутъ родная матушка» и пр.

Наконецъ послѣдняя, и едва ли не главнѣйшая особенность Русской пѣсни есть, по словамъ Берга, «достоинство ея языка, свѣжаго, яркаго, не искаженнаго никакимъ чуждымъ вліяніемъ. Это главный источникъ, откуда образованный языкъ народа можетъ почерпать силу и крѣпость.» Кромѣ выразительныхъ и типическихъ эпитетовъ, замѣчательны уменьшительныя слова въ Русскихъ пѣс-

няхъ. Тутъ мы видимъ солнышко, цвѣточки, василечки, травушку, яблоньку, грушицу, пташечку, бабочекъ, утицу, утушку, лебедушку, свѣтличку и пр. и пр. Прилагательныя и нарѣчія встрѣчаются въ уменьшительной формѣ: милешенекъ, тонешинька, бѣлешинька, поскорешиньку, бѣлешенько и пр. Обиліе уменьшительныхъ словъ показываетъ богатство и выразительность языка.

Библіографическій указатель. — Съ 1770 года по 1838 вышло сто двадцать шесть изданій Русскихъ пѣсень. Оцѣнку ихъ можно читать въ книгѣ Сахарова «Сказанія Русскаго народа,» изд. 3-е. С.-Петербургъ. 1841. Въ первомъ томѣ «Сказаній» напечатаны «Пѣсни Русскаго народа.» Сборникъ Сахарова самый лучшій и самый полный до сего времени. Сахаровъ раздѣлилъ пѣсни на 12 отдѣловъ: святочныя, хороводныя, плясовыя, свадебныя, семейныя, разгульныя, удалыя, солдатскія, казацкія, историческія, обрядныя и колыбельныя. — Русскіе простонародные праздники и суевѣрные обряды. Снегирева. М. 1838. Вып. 1, 2, 3 и 4.—Пѣсни, собранныя Языковымъ. Отеч. Зап. 1839. № 4. — Пермскій Сборникъ. М. 1859. — Пѣсни изъ собранія Якушкина. Отеч. Зап. 1860 и Лѣтописи Русской литературы, изд. Тихонравова. Книга 2. — Пѣсни, собранныя въ Саратовской губерніи Мордовцевой и Костомаровымъ въ Лѣтописяхъ Русской литературы. Кн. 4.—Сборникъ Самарскихъ пѣсенъ. Варенцова. С.-Петербургъ. 1860. — Свадебныя пѣсни разсѣяны во многихъ журналахъ и газетахъ: От. Зап. Свиньина. 1821. Ч. 6. — Вѣстникъ Европы 1829, № 7 и 27. — Ученыя Зап. Москов. Универс. 1836. — Сынъ Отеч. 1839. Т. 8.— Русскій Инвалидъ 1838, № 68.—Сынъ Отеч. 1840. Кн. 3.—Черниг. губ. вѣд. 1842. № 36. — Отеч. Зап. 1843, № 1. — Арханг. губ. вѣд. 1843, № 29. — Олонецкія губ. вѣд. 1845, № 14.—Вятскія губ. вѣд. 1846, № 10. — Владим. губ. вѣд. 1847, № 43. — Воронеж. губ. вѣд. 1850, № 50,—1851, №. 9.—Москвитянинъ 1845, № 12. — 1852, № 23. — Этнографическій Сборникъ. С.-Петербургъ. 1862. Вып. V.—Здѣсь указаны многія народныя пѣсни, помѣщенныя въ губернскихъ вѣдомостяхъ подъ рубрикою «Библіографическій указатель этнографическихъ сочиненій и статей, изданныхъ на Русскомъ языкѣ въ Россіи», ст. В. И. Межова.—Всѣ губернскія вѣдомости — богатый источникъ для изученія народной поэзіи.—Пѣсни разныхъ народовъ, Берга. М. 1854. — Пѣсни Кохановской въ Р. Бесѣдѣ 1860. Кн. 1 и 2.—Разборы пѣсень: О народной поэзіи Славянскихъ племенъ, разсужденіе Бодянскаго. М. 1837.—Объ историческомъ значеніи Русской народной поэзіи. Н. Костомарова. Харьковъ. 1843. — Отеч. Зап. 1839, № 2 и 5. — Очеркъ исторіи Русской поэзіи. Милюкова. С.-Петербургъ. 1847.—О святочныхъ пѣсняхъ. Свѣточъ, 1861. № 2.

1) ВЕЛИКОРУССКІЯ И БѢЛОРУССКІЯ.

КОЛЯДСКІЯ.

За рѣкою, за быстрою,
Ой коліодка! ой коліодка!
Лѣса стоятъ дремучіе,
Во тѣхъ лѣсахъ огни горятъ,
Огни горятъ великіе,
Вокругъ огней скамьи стоятъ,
Скамьи стоятъ дубовыя,
На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы,
Добры молодцы, красны дѣвицы,
Поютъ пѣсни каліодушки.
Ой коліодка! ой коліодка!
Въ срединѣ ихъ старикъ сидитъ,

Онъ точитъ свой булатный ножъ.
Котелъ кипитъ горючій,
Возлѣ котла козелъ стоитъ;
Хотятъ козла зарѣзати.
Ой коліодка! ой коліодка!
Ты, братецъ, Иванушко,
Ты выди, ты выпрыгни!
Я радъ бы выпрыгнулъ,
Горючь камень
Къ котлу тянетъ,
Желты пески
Сердце высосали,
Ой коліодка! ой коліодка!

Коляда, коляда!
Пришла коляда
На канунѣ Рождества;
Мы ходили, мы искали
Коляду святую
По всѣмъ по дворамъ, по проулочкамъ.
Нашли коляду
У Петрова-то двора;
Петровъ-то дворъ желѣзный тынъ:
Среди двора три терема стоятъ,
Въ первомъ терему свѣтелъ мѣсяцъ,
Въ другомъ терему красно солнце,
А въ третьемъ терему частыя звѣзды.
Свѣтелъ мѣсяцъ—Петръ, сударь,
Свѣтъ Ивановичъ;
Красно солнце—Анна Кириловна;
Частыя звѣзды—то дѣти ихъ.
Здравствуй хозяинъ съ хозяюшкой,
На долгіе вѣки, на многія лѣта.

Примѣчаніе. — Слова Сахарова: «Пѣсни Колядскія принадлежатъ къ незапамятнымъ временамъ. Что такое Коляда? Рѣшительнаго опредѣленія никто еще не сдѣлалъ; различныя мнѣнія нашихъ писателей объ этомъ предметѣ не произвели еще положительнаго результата. Чулковъ (XVIII в.) и его послѣдователи говорятъ: «Коляда, идолъ его былъ въ Кіевѣ и почитали его богомъ мира; праздникъ его совершали 24-го декабря играніемъ, веселіемъ и пированіями, въ конхъ не оставляли употреблять обрядовъ, и идолу Туру принадлежащихъ, но и нынѣ по нѣкоторымъ городамъ и деревнямъ память идола Коляды не оставляютъ. Въ день, называемый сочельникъ, т. е. 24-го декабря, въ вечеру, собираются нѣсколько дѣвокъ, и, приходя подъ окно къ каждому, поютъ особую для того пѣсню, упоминая имя Коляды, что называется: «колядуютъ»—за что обыватели даютъ имъ по нѣскольку денегъ.» (Абевега Русскихъ суевѣрій, идолопоклонническихъ жертвоприношеній, свадебныхъ простонародныхъ обрядовъ, колдовства, шеманства и проч. М. 1786 г. 8°. Изданіе 2. Первое изданіе этой книги носило названіе: Словарь Русскихъ суевѣрій. С.-Петербургъ. 1782).

«Гнѣдичъ, въ введеніи своемъ къ Ново-Греческимъ пѣснямъ, писалъ на стр. 32: «Праздникъ и пѣсни Коляды, въ Малороссіи и теперь существующія, можно изъяснять *Холядесъ*. Обыкновенно о Рождествѣ дѣлаютъ тамъ изъ свиныхъ кишекъ колбасы, холядесъ; въ это время простолюдины ходятъ подъ окнами домовъ колядовать, такъ сказать, выпрашивать колбасъ: ибо въ пѣсни, которую при этомъ случаѣ поютъ, требуютъ въ награду между прочимъ — «кильцо колбасъ.» Гнѣдичъ не помѣстилъ этой пѣсни, но она слѣдующая:

Щедрикъ, ведрикъ!
Дайте вареникъ.
Грудочку кишки
Кильцо килбаскы.

«Максимовичъ, въ примѣчаніяхъ къ Малороссійскимъ пѣснямъ, перваго изданія, на стр. 222, писалъ: «Колядки, суть пѣсни, которыя поютъ вечеромъ 25-го декабря, обыкновенно подъ окнами, называя по именамъ хозяевъ, его дѣтей и проч. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ однакожъ колядуютъ и цѣлую недѣлю, которая и называется колядами.

«И. М. Снегиревъ, въ описаніи Русскихъ простонародныхъ праздниковъ, во второй части, пишетъ о Колядѣ: «по сродной человѣчеству олицетворяемости и Коляда празднество, по примѣру Римскаго двуликаго Януса, въ послѣдствіи обращено въ Кіевское божество мира и торжествъ, какими обыкновенно оканчивалось прошедшее лѣто и начиналось новое; но вѣроятно она совершалась въ честь древнихъ отечественныхъ божествъ, Перуна, или Дажба, или Волоса, передъ которыми клялись, полагая золото, на которыхъ намекаетъ хороненіе золота и гаданіе. Такимъ образомъ древній обрядъ обращенъ въ миѳическое лице и, какъ укоренившійся давностью, обычай, вошелъ въ составъ жизни народной и семейной (стр. 60).... Многіе производятъ коляду отъ Римскихъ календъ потому, что празднованіе оной приходится въ одно почти съ ними время и самыя слова созвучны между собою; но календы у Римлянъ были не въ одномъ январѣ, а во всѣхъ мѣсяцахъ. Что жъ касается до замѣченнаго нами сходства въ нѣкоторыхъ частяхъ этого праздника Янусова съ Славяно-Русскимъ; то вѣроятно оно произошло отъ Славянскихъ племенъ, бывшихъ подъ Римскимъ владычествомъ, и въ послѣдствіи передавшихъ этотъ обычай своимъ переселенцамъ на западъ и югъ Россіи, гдѣ донынѣ воспѣвается Коляда и продолжается колядованіе а на Сѣверъ, полагать надобно, она перенесена Балтійскими Славянами.

«Н. М. Карамзинъ, въ I т. стр. 101 своей Исторіи, писалъ: «Декабря 24 язычники Русскіе славили Коляду, бога торжествъ и мира. Еще и въ наше время, наканунѣ Рождества Христова, дѣти земледѣльцевъ собираются колядовать подъ окнами богатыхъ крестьянъ, величаютъ хозяина въ пѣсняхъ, твердятъ коляды и просятъ денегъ. Святочныя игрища и гаданія кажутся остаткомъ сего языческаго праздника.

«Коляда есть замѣчательное явленіе въ преданіяхъ всѣхъ Славянскихъ поколѣній. Велико-Руссы почти рѣшительно истребили память о Колядѣ. Изъ всѣхъ преданій только сохранились колядскія пѣсни, и то въ рѣдкихъ селеніяхъ. Пѣсни поютъ дѣти и старики, извѣстные тамъ подъ именемъ «побирушекъ» нищихъ. Вечеръ предъ Рождествомъ Христовымъ называется у Велико-Руссовъ — «Сочельникъ.» Мало-Руссы вѣрятъ въ бытіе Коляды; дѣти ихъ вмѣстѣ съ молодыми ходятъ колядовать подъ окнами; колядчики поютъ пѣсни, ударяя въ бубны и колокольчики, съ величаніемъ хозяина. Словаки празднуютъ Трехъ царей, и обрядами сопровождаютъ благословеніе домовъ. Виндійцы считаютъ Коляду божествомъ празднествъ съ особенными обрядами; дѣти колядуютъ по домамъ съ пѣснями и плясками. Сербы и Болгары ходятъ колядовать и поздравляютъ съ новымъ годомъ; хозяева награждаютъ колядовщиковъ подарками.» (Сказанія Русскаго народа. Т. I, стр. 24 — 26 «Святочныя пѣсни.»)

Въ Смоленской губерніи, скажемъ мы отъ себя, колядовать значитъ еще собирать хлѣбъ (рожь) осенью по деревнямъ. Духовенство отправляется въ свой приходъ съ мѣшками и собираетъ лепту съ каждаго дома: священнику

дается мѣра ржи, дьячку — гарца два или одинъ. Эта дань и называется колядою.

Слова профессора С. М. Соловьева: «Если Славяне поклонялись явленіямъ природы, то легко догадаться, при какихъ случаяхъ, въ какое время года будутъ они торжествовать свои религіозные праздники. Такъ напр. они праздновали въ концѣ декабря, когда солнце начинаетъ брать силу, дни начинаютъ прибывать; этотъ праздникъ, совпадающій теперь съ праздникомъ Рождества Христова, носитъ преимущественно названіе Коляды; существенный обрядъ праздника состоитъ въ хожденіи славить (божество) и сбирать подаяніе; какъ видно, во времена языческія, приношенія собирались для общей жертвы. Это видно изъ того, что въ Хорутанскомъ нарѣчіи (Хорутане живутъ въ земляхъ Австрійской Имперіи: Крайнѣ, Штиріи, Каринтіи) колдовати (колядовати) до сихъ поръ значитъ приносить жертву, калдовавцъ —жрецъ, калдовница — жертвенникъ (см. книгу Срезневскаго: «Святилища и обряды языческаго богослуженія древнихъ Славянъ,» стр. 66). Во время коляды на столъ кладутъ рукоять плуга, для того чтобы мыши и кроты не портили нивы; этимъ обрядомъ объясняется старинное преданіе о плугѣ: въ навечеріи Богоявленія кликали *плугу*. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Коляда извѣстна подъ названіемъ Авсеня или Тауселя, что можно принимать измѣненнымъ Ясень, также, по всѣмъ вѣроятностямъ, имя солнца.» (Исторія Россіи. Изданіе 3-е. Т. I, стр. 69 и 326).

Коляда—праздникъ—сходна съ однимъ Литовскимъ празднествомъ и симъ послѣднимъ объясняется первая Колядская пѣсня. Это Литовское празднество носитъ названіе «*Секмине.*» Снегиревъ о немъ говоритъ: «Ето праздникъ пастуховъ, которые воспоминаютъ своего божка Гонигля, Литовскаго Велеса, богиню Ладу и Солнце. И теперь еще сохранились остатки онаго въ нѣкоторыхъ селахъ, а прочее въ преданіяхъ. Въ етотъ день пастушки съ пастухами, нарядясь въ праздничныя платья, съ вѣнками на головѣ, утромъ ходятъ по всему селу, отъ одного дома къ другому, гдѣ ихъ дарятъ и подчуютъ; въ полдень на пастбищѣ разводится большой огонь, вокругъ коего дѣлается пирушка; избранный старикъ изъ пастуховъ распоряжаетъ оною. Между тѣмъ играютъ на свирѣлкахъ и трубахъ, пляшутъ и поютъ, вспоминая Гонигля. Громада (міръ) или волость, собравшись въ одну пространную стодолу (ригу), приводила туда козла и посреди оной раскладывала огонь, а женщины замѣшивали тѣсто изъ пшеничной муки. Когда все было готово: тогда жрецъ садился на возвышенномъ мѣстѣ и, по произнесеніи рѣчи, выводилъ козла на средину и, призвавъ боговъ, возлагалъ на него руки. Потомъ поднявъ козла къ верху какъ очистительную жертву, извѣстную у Евреевъ, пѣли св. пѣснь и наконецъ заколали его и кровью его окропляли народъ. Между тѣмъ, пока варилась пища, пекли калачи, перебрасывая черезъ огонь; начиналась пирушка, во всю ночь продолжавшаяся. Поутру рано выходили въ поле для жертвоприношенія подземнымъ богамъ, которое состояло въ зарываніи въ землю костей и всѣхъ останковъ отъ сей трапезы. По наблюденіямъ открывается, что торжество сіе съ обрядами и жертвоприношеніями, болѣе или менѣе сходными, было общимъ не токмо по всей Литвѣ, но и въ Литовской Руси.» (Русскіе простонародные праздники и суевѣрные обряды. И. Снегирева. 1837. Ч. I, стр. 101—103).

Словами пѣсни: «Желты пески сердце высосали» изображается жертвоприношеніе, гдѣ насыпался песокъ, въ который у Сѣверныхъ народовъ изливалась *кровь* жертвы.

СВЯТОЧНЫЯ.

1) Подблюдныя.

Катилося зерно по бархату,
Слава!
Еще ли то зерно бурмитское,
Слава!
Прикатилося зерно ко яхонту,
Слава!
Крупенъ жемчугъ со яхонтомъ,
Слава!
Хорошъ женихъ со невѣстою.
Слава!
Да кому мы спѣли, тому добро,
Слава!
Кому вынется, тому сбудется,
Тому сбудется, не минуется.
Слава!

Летитъ соколъ изъ улицы,
Слава!
Голубушка изъ другой,
Слава!
Слеталися, цѣловалися,
Слава!
Сизыми крыльями обнималися.
Слава!
Ужъ и имъ добрые люди дивовалися,
Слава!
Какъ соколъ съ голубушкой уживалися.
Слава!

Растворю я квашонку на донышкѣ,
Слава!
Я покрою квашенку чернымъ соболемъ,
Слава!
Опояшу квашонку краснымъ золотомъ;
Слава!
Я поставлю квашенку на столбичкѣ. Слава!
Ты взойди, моя квашонка, съ краями ровна,
Слава!
Съ краями ровна и совсѣмъ полна.
Слава!

У Спаса въ Чигасахъ за Яузою *),
Слава!
Живутъ мужики богатые,
Слава!
Гребутъ золото лопатами,
Слава!
Чисто серебро лукошками.
Слава!

Слава Богу на небѣ,
Слава!
Государю нашему на сей землѣ,
Слава!
Чтобъ нашему Государю не старѣться,
Слава!
Его цвѣтному платью не изнашиваться,
Слава!

*) Въ лѣтописцѣ подъ 1483 г. отмѣчено, что «Заложилъ церковь кирпичную за Яузою С. Спаса игуменъ Чигасъ.» Сія церковь донынѣ существуетъ въ Москвѣ. Исторія Карамзина. Т. VI, прим. 629.

Его добрымъ конямъ не изъѣзживаться,
Слава!
Его вѣрнымъ слугамъ не измѣниваться,
Слава!
Чтобы правда была на Руси
Слава!
Краше солнца свѣтла;
Слава!
А эту пѣсню мы хлѣбу поемъ,
Слава!
Хлѣбу поемъ, хлѣбу честь воздаемъ.
Слава!

Еще ходитъ Никола по погребу, слава!
Еще ищетъ Никола не полнаго, слава!
Что не полнаго, не покрытаго, слава!
Еще хочетъ Никола дополнити, слава!
Да кому мы спѣли, тому добро, слава!
Кому вынется, скоро сбудется, слава!
Скоро сбудется, не минуется, слава!

Идетъ кузнецъ изъ кузницы,
Слава!
Несетъ кузнецъ три молота.
Слава!
Кузнецъ, кузнецъ, ты скуй мнѣ вѣнецъ,
Слава!
Ты скуй мнѣ вѣнецъ и золотъ и новъ,
Слава!
Изъ остаточковъ золотъ перстень,
Слава!
Изъ обрѣзочковъ булавочку.
Слава!
Мнѣ въ томъ вѣнцѣ вѣнчатися,
Слава!
Мнѣ тѣмъ перстнемъ обручатися,
Слава!
Мнѣ тою булавкою убрусъ притыкать.
Слава!

Ужъ, какъ на небѣ двѣ радуги,
Слава!
А у богатаго мужика двѣ радости,
Слава!
Что первая-то радость — сына женить,
Слава!
Что другая-то радость — дочь замужъ отдаетъ.
Слава!
Ужъ какъ за сыномъ корабли бѣгутъ,
Слава!
А за дочерью сундуки везутъ.
Слава!

Примѣч. — Эти пѣсни называются «подблюдными.» Сахаровъ такъ описываетъ подблюдныя пѣсни: «Послѣ всѣхъ увеселеній (на святочномъ вечерѣ) вносили (въ старину) столъ и ставили посреди комнаты. Старики, старушки вставали и давали просторъ молодушкамъ и суженымъ обоего пола. Явля-

лась почетная сваха со скатертью и накрывала столъ. Старшая нянюшка приносила блюдо съ водою и ставила на столъ. Красныя дѣвицы, молодушки, старушки, суженые снимали съ себя кольца, перстни, серьги и клали на столъ, загадывая надъ ними «свою судьбу.» Хозяйка приносила *скатерть-столечникъ*, а сваха покрывала ею блюдо. Гости усаживались. Въ срединѣ садилась сваха прямо противъ блюда. Нянюшки клали на столечникъ маленькіе кусочки хлѣба, соль и три уголька. Сваха запѣвала первую пѣсню: «*хлѣбу да солю*». Всѣ сидящіе гости пѣли подъ ея голосъ. Съ окончаніемъ первой пѣсни сваха поднимала столечникъ и опускала въ блюдо хлѣбъ, соль, угольки, а гости клали туда же свои вещи. Блюдо снова накрывалось. За этимъ начинали пѣть святочныя подблюдныя пѣсни. Во время пѣнія сваха разводила въ блюдѣ, а съ окончаніемъ пѣсни трясла блюдомъ. Каждая пѣсня имѣла свое значеніе; но всѣ эти значенія не вездѣ были одинаковы. Такъ во многихъ мѣстахъ одно и то же значеніе прилагалось къ разнымъ пѣснямъ, смотря по мѣстному значенію. Эти значенія: къ скорому замужству; къ свиданію; замужство съ ровнею; замужство съ чиновнымъ; къ сватанію; къ бѣдности; къ сытой жизни; къ свадьбѣ; къ богатству и пр. По окончаніи каждой пѣсни пѣлся особенный припѣвъ:

«Да кому мы спѣли, тому добро,
Слава!
Кому вынется, тому сбудется,
Слава!
Скоро сбудется, не минуется.
Слава!

Послѣднему кольцу теперь въ около-Московныхъ губерніяхъ не поютъ подблюдной пѣсни: ему обрекаютъ горькую участь. Напротивъ того поступаютъ въ Сибири и Заволжскихъ мѣстахъ. Тамъ послѣднему кольцу поютъ свадебную пѣсню, а послѣ его уже катаютъ по полу, смотря въ какую сторону оно покатится; если дѣвушкѣ покатится кольцо къ дверямъ, то къ замужеству, мужчинѣ къ дорогѣ.

«По окончаніи святочныхъ подблюдныхъ пѣсенъ, начинали *хоронить золото*. Оставшееся кольцо отъ подблюдныхъ пѣсенъ одна изъ дѣвушекъ брала въ руку и ходила около дѣвушекъ, которыя сидѣли, сложивъ руки на колѣняхъ. Пока пѣли первые четыре стиха, она потихоньку клала кольцо въ чьи-нибудь руки, а дѣвушки передавали его одна другой. Пѣсня кончилась. Кто хоронилъ золото, тотъ долженъ отгадать, у кого оно. Если отгадаетъ, то оканчивалась игра; если же нѣтъ, то опять начинали хоронить золото.» (Сказанія Русскаго народа. I, стр. 8 «Русскія Святки»).

О подблюдныхъ пѣсняхъ говорится въ началѣ «Свѣтланы» Жуковскаго.

---

2) Игорныя (круговыя).

И я золото хороню, хороню,
Чисто серебро хороню, хороню,
Я у батюшки въ терему, въ терему,
Я у матушки во высокомъ, во высокомъ.

Палъ, палъ перстень
Въ калину, въ малину,
Въ черную смородину.
Гадай, гадай, дѣвица, отгадывай красная!
Въ коей рукѣ былица?
И я рада бы гадала,
И я рада бъ отгадала,
Кабы знала, кабы вѣдала.
Черезъ поле идучи,
Русу косу плетучи,
Шелкомъ первиваючи,
Златомъ приплетаючи,
Ахъ, вы, кумушки, вы, голубушки!
Вы скажите, не утайте,
Мое золото отдайте;
Меня мати хочетъ бити,
По три утра, по четыре,
По три прута золотые,
Четвертымъ жемчужнымъ.
Еще дѣвицы гадали,
Еще красныя гадали,
Да не отгадали.
Палъ, палъ перстень
Въ калину, въ малину,
Въ черную смородину.
Очутился перстень
Да у боярина, да у молодаго,
На правой, на ручкѣ,
На маломъ мизинцѣ.
Еще дѣвицы гадали,
Да не отгадали,
Еще красныя гадали,
Да не отгадали.
Наше золото пропало,
Призаиндивѣло, призаплеснивѣло.
Молодайка, отгадай-ка!

Подъ ко́ренемъ олень,
Да подъ дубовымъ олень.
Тепло-ли те, олень?
Студено-ли те, олень?
Мнѣ не то тепло,
Мнѣ не то студено.
Приодѣнься, олень,
Приокутайся!

Какъ со дѣвушки вѣнокъ,
Со молодушки платокъ,
Со старой бабы шлыкъ,
Съ малаго ребеночка пеленочка,
Съ мужичка, бурлачка,
Полкорабличка.

(Кто сидитъ въ кругу оленемъ, тотъ собираетъ со всѣхъ платки, ленты, и когда соберетъ со всѣхъ, то ему поютъ):

Сиди, сиди, ящеръ—ладу́, ладу́!
На золотѣ стулѣ—ладу́, ладу́!
Грызи, грызи, ящеръ—ладу́, ладу́!
Орѣховы ядра—ладу́, ладу́!

Примѣч. — *Полкораблика.* «*Корабликъ*, по изъясненію Словаря Росс. Академіи, родъ старинной шапки, мужчинами и женщинами носимой, у которой передъ и задъ околыша возвышается въ верхъ островатыми козырями, наподобіе носа и кормы у водоходнаго судна.» Въ Древнихъ Росс. стихотвореніяхъ такъ говорится объ этомъ головномъ украшеніи: *Кораблики* бобровые, верхи бархатные.

Какъ за горницей, за *повалушею*,
Не въ гусли играютъ,
Не въ свирѣли говорятъ;
Говорятъ мои подруженьки
На игрища идти,
А меня ли молодешеньку
Свекоръ не пускаетъ,
Заставляетъ свекоръ батюшка
Гумно чистить,
Гумно чистить,
Метлой мести;
Ужъ я въ сердце взойду
И метлу изломлю
И гумно истопчу,
Сама ли молодешенька
На игрище пойду:
Наскачуся, напляшуся,
Наиграюсь молода!
(Начальныя четыре строки повторяются).
А меня молодешеньку
Свекровь не пущаетъ,
Заставляетъ свекровь матушка
Кросенца ткать.
Ужъ я въ сердце-то войду,
Кросна изорву, бердо изломлю,
Какъ на игрище уйду,
Наскачуся, напляшуся,
Наиграюсь молода!
(Повтореніе четырехъ начальныхъ строкъ).

Примѣч. — Слова Снегирева: «*Повалушею* въ Касимовскомъ уѣздѣ называется холодная горница, какія строются противъ избы черезъ сѣни; ето родъ *клѣти*. Разница между *гриднею* и *повалушею* видна изъ слѣдующаго мѣста въ Арханг. Лѣтоп. 170: «Великій князь выйде отъ него въ *повалушу*, а князю Андрею повелѣ себѣ ждати и бояромъ его повелѣ итти въ столовую гридню.» Старая пословица говоритъ, что *Теремъ высокъ, а повалуша выше.* Что̀ подтверждаютъ слѣд. слова Курбскаго: «Обрѣлъ храмину зѣло высоку, по ихъ же нарицаютъ *повалуша*, въ самыхъ верхнихъ каморахъ.» Въ Новгородскомъ Таможенномъ уставѣ 1571 г. велѣно брать пошлину «съ хоромъ рубленыхъ, горницъ, *повалушъ*, избъ, клѣтей» и пр. При разложеніи стихій въ Святочныхъ пѣсняхъ, открываются въ нихъ однѣ древнія, проистекшія изъ вѣрованій и миѳическихъ сказаній, другія изъ быта народнаго; послѣднія бо-

лѣе Новгородскія и Московскія, какъ показываютъ слова пѣсенъ. При переходѣ на Москву Святочныхъ игрищъ и пѣсенъ, повидимому, не ранѣе XV или XVI вѣка, къ древнимъ припѣвамъ присоединились новыя, заимствованныя изъ быта тѣхъ временъ и духа правленія; ибо въ нихъ уже воспѣвается царь. Изъ царскихъ теремовъ, гдѣ онѣ проявились, въ послѣдствіи вѣроятно перешли въ хоромы и терема боярскіе и купеческіе, а потомъ въ городскія слободы и въ жилища поселянъ, гдѣ и до нынѣ еще удерживаются, какъ старинное достояніе народное.» (Р. простонародные праздники. Ч. 2, стр. 142).

---

3) Авсеневыя.

Ай во борѣ, борѣ,
Стояла тамъ сосна,
Зелена, кудрява.
Ой Овсень! ой Овсень!
Ѣхали бояре,
Сосну срубили,
Дощечки пилили,
Мосточикъ мостили,
Сукномъ устилали,
Гвоздьми убивали.
Ой Овсень! ой Овсень!
Кому жъ, кому ѣхать
По тому мосточку?
Ѣхать тамъ Овсеню,
Да Новому году!

Примѣч.—Слова Снегирева: «Таусень, или Овсень, подобно Коледѣ, долженъ быть не божествомъ, но мѣстнымъ праздникомъ народнымъ, въ коемъ главное дѣйствіе есть *обсыпаніе* или *обсѣваніе*, какъ видно изъ прообразовательныхъ обрядовъ, наблюдаемыхъ въ Бѣлоруссіи и другихъ мѣстахъ. Соединеніе Овсеня съ Коледою намекаетъ на соединеніе миѳовъ разноплеменныхъ народовъ на Руси, у которыхъ етотъ знаменательный обрядъ проявился подъ разными именами, облекся въ разные народные миѳы и впадаетъ въ то самое время, когда совершаются гаданія о жребіи въ наступающемъ году. По существу своему Овсень сходенъ съ Коледою; потому что какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ ходятъ поздравлять съ пѣснями и просятъ подарковъ за поздравленіе. Разница только въ томъ, что въ первомъ бываетъ обсѣваніе. Ежели Римская Frutis—Seja, Sejana (*Sejam* a serendo) родственница съ Славянскою *Съванною:* то, повидимому, не чуждъ имъ *Авсень,* или *Овсень,* созвучный и подобозначущій съ старинными Нѣмецкими словами Awsten, Aussäen, посѣвъ, обсѣваніе, Самогитскою и Польскою богинею земли Sema или Zemina, Литовскою Zemmes mahti, мать—земля.

«Какъ народы сіи были земледѣльческіе, и одинъ другому передавали искусство воздѣлывать поля: то вѣроятно у нихъ были и божества, покровительствовавшія оному, и праздники земледѣльческіе, къ коимъ можетъ относиться и *Овсень.* Самое слово ето, совмѣщающее въ себѣ разныя понятія, при переходѣ сквозь разныя нарѣчія, получило разныя видоизмѣненія въ первомъ слогѣ слова и является то *Усенемъ,* то *Таусенемъ,* то *Говсенемъ.* По особенной наклонности Славянъ Русскихъ перелицевывать иностранныя слова на свой ладъ, можетъ статься, Авсеню дано значеніе *обсѣванія овсомъ* и вообще яровымъ, какъ кореннымъ на Руси хлѣбомъ. Но какъ сѣяніе дѣлается на авось: то и предшествовали ему гаданія, и умилостивительныя жертвы, къ коимъ, вѣроятно, отчасти принадлежитъ и обрядъ Авсеня. Заимствуя свое начало

отъ народнаго быта и вѣрованія, онъ перешелъ въ народный обычай, приноровленный къ мѣстности, климату и къ времени года, когда запасаются хлѣбомъ на круглый годъ и отдѣляютъ сѣмена на весенній посѣвъ. Хотя въ другихъ странахъ Великой, Малой, Бѣлой и Красной Руси, кромѣ Рязанской, Владимірской, Симбирской, Нижегородской и частію Пензенской губерній, и не встрѣчается нашъ Авсень, но почти вездѣ совершаются нѣкоторые обряды наканунѣ новаго года, съ мѣстными особенностями и пѣснями.

«Въ ето время ходятъ по домамъ крестьянскія дѣти поздравлять хозяевъ пѣснями, а въ предвѣстіе урожая бросаютъ изъ лукошка или рукавицы нѣсколько зеренъ разнаго хлѣба, особенно *овса,* кои сбираются старухами до весенняго посѣва. Въ Бѣлоруссіи, Украйнѣ, Подолѣ и Волыни встрѣчается подобный обрядъ. Авсень сопровождается особенными пѣснями, различными по мѣстности. Едва появятся звѣзды на небѣ, какъ начинается торжество молодыхъ поселянокъ, поющихъ передъ окнами каждаго:

Ой Авсень! ой Авсень!
Я ходилъ, я гулялъ
По святымъ вечерамъ и т. д.

«Къ Авсеню въ деревняхъ чинятъ кишки, желудки и варятъ ноги свиныя, кои раздаются обсыпаламъ.

«Въ Муромѣ и въ окрестностяхъ его, толпы заходятъ въ домы съ пѣснею: *Таусень, Таусень! дома ли хозяинъ?* Когда же получатъ въ отвѣтъ, что «хозяина дома нѣтъ, уѣхалъ соли купить, мясо солить, чтобы сына женить, пашенку пахати, хлѣба промышляти»—онѣ просятъ пироговъ, съ припѣвами: *Подавай пирога! Коль не дашь пирога, разломаемъ ворота, двери, окна разобьемъ* и т. д. Получивъ пирогъ, онѣ пляшутъ подъ пѣсню:

По Дунаю, по рѣкѣ,
По бережку по крутому
Лежатъ гусли неналаженыя.
Каледа!
Кому гусли налаживати?
Каледа!
Наладить гусли
Зензевѣю Андрѣяновичу.
Каледа!

«Великорусскій Авсень, или Овсень, празднуемый во время Святокъ, есть старинный земледѣльческій праздникъ, или прообразовательный обрядъ *обсѣванія*, отчасти сходный съ древнимъ обрядомъ *осыпанія* при бракосочетаніи молодыхъ, въ предвѣщаніе изобилія благъ земныхъ.» (Русскіе простонародные праздники. Снегирева. Ч. 2, стр. 102—9).

Ой Овсень! ой Овсень!
Походи, погуляй
По святымъ вечерамъ,
По веселымъ теремамъ!
Ой Овсень! ой Овсень!
Посмотри, погляди,
Ты взойди, посѣти
Къ Филимону на дворъ.
Ой Овсень! ой Овсень!
Посмотрѣлъ, поглядѣлъ,

Ты нашелъ, ты взошелъ
Къ Филимону на дворъ!
Ой Овсень! ой Овсень!
Какъ въ срединѣ Москвы
Здѣсь вороты красны,
Вереи всѣ пестры.
Ой Овсень! ой Овсень!
Филимоновъ весь дворъ
Обведенъ, затыненъ
Кипарисным тыномъ.
Ой Овсень! Ой Овсень!
Филимоновъ-то тынъ
Серебромъ обложенъ,
Позолотой увитъ.
На дворѣ у Филимона
Три теремчика стоятъ:
И свѣтленьки и красненьки
Золотые терема!
Первый теремъ
Свѣтелъ мѣсяцъ;
Другой теремъ
Красно солнце;
Третій теремъ
Часты звѣзды.
Свѣтелъ мѣсяцъ
Хозяинъ нашъ,
Красно солнце
Жена его,
Часты звѣзды
Ихъ дѣтушки.
Ой Овсень! ой Овсень!

ХОРОВОДНЫЯ.

1. А мы просо сѣяли, сѣяли;
Ой Дидъ, Ладо, сѣяли, сѣяли!
2. А мы просо вытопчемъ, вытопчемъ;
Ой Дидъ, Ладо, вытопчемъ, вытопчемъ!
1. А чѣмъ же вамъ вытоптать, вытоптать?
Ой Дидъ, Ладо, вытоптать, вытоптать!
2. А мы коней выпустимъ, выпустимъ;
Ой Дидъ, Ладо, выпустимъ, выпустимъ!
1. А мы коней переймемъ, переймемъ;
Ой Дидъ, Ладо, переймемъ, переймемъ!
2. А чѣмъ же вамъ перенять, перенять?
Ой Дидъ, Ладо, перенять, перенять!
1. Шелковымъ поводомъ, поводомъ;
Ой Дидъ, Ладо, поводомъ, поводомъ!
2. А мы коней выкупимъ, выкупимъ;
Ой Дидъ, Ладо, выкупимъ, выкупимъ!
1. А чѣмъ же вамъ выкупить, выкупить?
Ой Дидъ, Ладо, выкупить, выкупить!
2. А мы дадимъ сто рублей, сто рублей;
Ой Дидъ, Ладо, сто рублей, сто рублей!
1. Не надо намъ тысячи, тысячи;
Ой Дидъ, Ладо, тысячи, тысячи!

2. А что же вамъ надобно, надобно?
Ой Дидъ, Ладо, надобно, надобно!
1. Намъ-то надобно дѣвицу, дѣвицу;
Ой Дидъ, Ладо, дѣвицу, дѣвицу!
1. А нашего полку убыло, убыло;
Ой Дидъ, Ладо, убыло, убыло!
2. А нашего полку прибыло, прибыло;
Ой Дидъ, Ладо, прибыло, прибыло!

Примѣч. — Слова Сахарова: «Сія общенародная пѣсня извѣстна повсюду. Нѣтъ мѣстечка, нѣтъ на Руси человѣка, гдѣ бы она не приводила въ восторгъ наше родное чувство. Наши археологи приписываютъ этой пѣснѣ безграничную древность; увѣряютъ безъ доказательствъ, что она принадлежала Славянамъ-язычникамъ. Слова: «Дидъ, Ладо» — были и будутъ камнемъ преткновенія для этихъ изыскателей, увѣренныхъ твердо, что эти слова суть имена языческихъ боговъ, и что эта пѣсня осталась памятникомъ язычества нашихъ предковъ.» «Ничтожность» этихъ предположеній Сахаровъ излагаетъ въ статьѣ: «Русская Народная Литература» (стр. 9 въ первомъ томѣ Сказаній Русскаго народа). Почтенный любитель старины пишетъ: «Дидъ никогда не былъ богомъ Славяно-Руссовъ: это позднѣйшія выдумки людей, непонимавшихъ значенія словъ: Дидъ—Ладо. Пѣвецъ слова о полку Игоревомъ заставляетъ Ярославну называть супруга своего: *Ладою*. Въ одной старинной Русской пѣснѣ поется: «У меня Ладо змѣя скороспѣя» Здѣсь женщина говоритъ о своемъ мужѣ. Въ другой пѣснѣ сказано:

Не утай, молодое, да что перва Лада?
Ой Дидъ и Ладо! да что перва Лада?
Какъ перва-то Лада, *золотъ съ руки перстень,*
Ой Дидъ и Ладо! золотъ съ руки перстень.
Не утай, молодое, да что друга Лада?
Ой Дидъ и Лада! да что друга Лада?—
Другая-то Лада *кунья съ плеча шуба,*
Ой Дидъ и Ладо! кунья съ плеча шуба.
Не утай, молодое, на что третья Лада?
А третья-то Лада *другъ милой сердечной,*
Ой Дидъ и Ладо! другъ милой сердечной.

«Вотъ и старая пѣсня, гдѣ Ладо высказывается ясно. Русскія слова: *ладъ, ладить* имѣютъ совершенно другое значеніе. Не въ нихъ ли искать происхожденіе выдуманныхъ боговъ Дидъ—Ладо?

«Русскіе люди поютъ эту пѣсню съ разными измѣненіями въ словахъ. Голосъ этой пѣсни протяжной, сходной съ обрядовыми пѣснями, имѣетъ особенное отличіе отъ всѣхъ другихъ. Старики разсказываютъ, что въ старину она была первою пѣснею при встрѣчѣ весны, первою народною радостію для всѣхъ сословій, первымъ началомъ лѣтняго веселія. Какъ пѣсня, сопряженная съ играми, она сопровождалась всеобщимъ веселіемъ. Для игры этой пѣсни сбирались дѣвицы и молодцы въ селеніяхъ изъ разныхъ деревень, въ городахъ изъ разныхъ дворовъ. Обыкновенно, предъ началомъ этой пѣсни, хороводница выступала на лугъ и запѣвала первую сборную пѣсню; а игроки, постепенно сближаясь въ кружки, приготовлялись пѣть хороводныя пѣсни. Предъ началомъ пѣсни, игроки раздѣлялись на двѣ половины, сна-

чала въ дальнемъ разстояніи, потомъ, при пѣніи, сближались постепенно одна къ другой. Въ разныхъ мѣстахъ мнѣ случалось видѣть рѣзкія особенности: когда оканчивали пѣсню, вторая половина, уступая дѣвицу первой, запѣвала снова пѣсню, тѣмъ же порядкомъ до конца, и брала въ обмѣнъ отъ первой также дѣвицу. Другіе совершали иначе: по окончаніи пѣсни, вторая половина уступала дѣвицу съ трудомъ, такъ что первая половина почти насильно исторгала изъ среды ея; а потомъ, при вторичномъ пѣніи этой пѣсни, отдавала добровольно вторую дѣвицу. Иные допускали еще особенное: когда послѣ перваго пѣнія, вторая половина вручала первой дѣвицу, то ее встрѣчалъ отважной молодецъ и вводилъ за собою въ кругъ, при удареніи въ ладоши. При второмъ пѣніи первая половина сама уступала уже молодца, и его неохотно принимали во второй. Такія разнообразныя дѣйствія отличаютъ эту игру болѣе своими мѣстностями, нежели измѣненіями древнихъ обрядовъ. Можетъ быть, наши предки имѣли свои причины въ этомъ дѣйствіи; но оно какъ непонятное намъ, не можетъ допускать предположеній. Для исторіи нужны факты, а не ничтожныя предположенія.» (Сказанія Русскаго народа. Т. 1, стр. 75 «Хороводныя пѣсни»).

Слова проф. Соловьева: «Поклоненіе солнцу было сильно распространено между Славянами: въ словѣ о Полку Игоревѣ Русскіе называются внуками Дажбога (Дажбогъ — Солнце); если такъ, то къ нему имѣемъ право относить извѣстныя воззванія въ нашихъ пѣсняхъ: *Дидъ (дѣдъ) Ладо*; послѣднее названіе, означающее свѣтъ, красоту, миръ, любовь, радость, всего приличнѣе можетъ относиться къ солнцу; другой припѣвъ: *Люль, Лель* означаетъ также дѣда. На значеніе солнца, какъ отца народа, указываетъ извѣстная пѣсня:

Солнышко, солнышко, Твои дѣтки плачутъ,
Выгляни въ окошечко, Пить, ѣсть просятъ.»

(Исторія Россіи. Т. I, стр. 68 и 324).—Послѣдняя пѣсня въ Смоленской губерніи поется такъ:

Солнышко, ядрышко, Сыръ колупаютъ,
Выгляни, вытопи! Во масло мокаютъ.
Твои дѣтки пляшутъ,

Пѣсня поется дѣтьми весною, лишь солнце начинаетъ ярко и тепло грѣть, «топить» землю. Дѣти кладутъ кирпичи и камышки рядышкомъ, устилаютъ плотиночку передъ окнами дома, пляшутъ по этой плотинкѣ и бьютъ въ ладоши, припѣвая «Солнышко, ядрышко!» Я самъ такъ дѣлалъ въ дѣтствѣ.

Слова Боричевскаго: «*Ладо* у древнихъ Литовцевъ была богиня юности и красоты. Въ честь ея совершались общественныя увеселенія, между 25 мая и 25 іюня, и пляски на лугахъ, сопровождаемыя пѣснями; въ жертву ей приносили бѣлыхъ пѣтуховъ.» (Литовскіе боги. Журналъ Мин. Нар. Просв. 1844, XLII).

Слова Снегирева: «Изъ хороводныхъ игръ извѣстно по всей Россіи *Сѣяніе проса.* Ето драматическое представленіе проистекло изъ быта земледѣльческаго Славяно-Руссовъ, питавшихся, по свидѣтельству Мавриків, еще въ VI вѣкѣ етимъ житомъ (Исторія Государства Россійскаго, Карамзина. Т. I, примѣч. 8, 145, 159). Хоровая и антифоническая сія пѣсня похожа на древнія Греческія, сопровождавшія *χόροι κύκλιοι.* Игра ета поетическая и вмѣстѣ воинственная, мимическое представленіе изъ жизни народа земледѣльческаго и воинственнаго—набѣга, похищенія и выкупа невѣстъ. Она сходствуетъ съ

Сербскою *отмицею* и съ древнимъ сказаніемъ нашего Лѣтописца, который повѣствуетъ, что у Радимичей, Вятичей и Сѣверянъ, обитателей нашего Сѣвера, въ Язычествѣ «брацы не бываху въ нихъ, но игрища, межи селъ и ту слѣгахуся рищуще на плясанія и на вся бѣсовскія пѣсни, и ту *умыкаху* жены себѣ, съ нею же кто преже свѣщевашесь.» Самые припѣвы *Дидъ*, *Ладо*, *Леля*, наводятъ насъ на слѣды Славянскихъ миѳовъ. У древнихъ Грековъ также при хоровожденіи въ празднества вокругъ алтарей, были припѣвы: *αἰ, αἰ ἐλελεῦ, ἀλαλά*, похожіе на наши *ай люли.*» (Русскіе простонародные праздники и суевѣрные обряды. М. 1838. Ч. III, стр. 29 — 35).

Плетень.

Заплетися, плетень, заплетися;
Ты завейся, труба золотая,
Заверпися, камка крущатая!
Изъ-за горъ дѣвица утей выгоняла:
Тига утушка домой!
Тига сѣрая домой!
Я сама гуськомъ,
Сама сѣренькимъ.
Ой свѣтъ, сѣра утица!
Потопила малыхъ дѣтушекъ
Во меду, да во патокѣ,
Да во яствѣ сахарномъ,
Да во питьѣ медяномъ.
Я старымъ старикамъ
Киселя съ молокомъ;
Молодымъ молодкамъ
Шелковую плетку;
А краснымъ дѣвицамъ
Бѣлилъ да румянъ.
Расплетися, плетень, расплетися;
Ты развейся, труба золотая,
Ты развернися, камка крущатая!
Изъ-за горъ дѣвица утей выгоняла:
Тига утушка домой!
Тига сѣрая домой!
Я сама гуськомъ,
Сама сѣренькимъ.
Ой свѣтъ, сѣра утица!
Вынимала малыхъ дѣтушекъ,
Изъ меду, изъ патоки,
Изъ яствъ сахарныхъ,
Изъ питья медянаго.

Примѣч. — Слова Сахарова: «Игра «Плетень,» самая восхитительная для сельскихъ дѣвушекъ, сопровождается этою пѣснею. Молодицы, дѣвушки, мужчины становятся попарно и, сомкнувшись руками въ видѣ плетня, вытягиваются въ линію. Пѣсня раздѣляется на двѣ половины: во время пѣнія первой, игроки заплетаются въ плетень, а во второй первая пара поднимаетъ въ верхъ соединенныя руки; подъ эту арку начинаютъ проходить игроки и и постепенно расплетаются.» (Сказанія Русскаго народа. Т. I, стр. 76 «Хороводныя пѣсни»).

Воробышекъ.

Скажи, скажи, воробышекъ,
Какъ дѣвицы ходятъ?
Они этакъ, и вотъ этакъ!
Туды глядь, сюды глядь,

Гдѣ молодцы сидятъ.
Скажи, скажи, воробышекъ,
Какъ молодцы ходятъ?
Они этакъ, и вотъ этакъ!
Туды глядь, сюды глядь,
Гдѣ голубушки сидятъ.
Скажи, скажи, воробышекъ,
Какъ старушки ходятъ?
Они этакъ и вотъ этакъ!
Туды глядь, сюды глядь,
Гдѣ молодые сидятъ.
Скажи, скажи, воробышекъ,
Какъ злые люди ходятъ?
Они этакъ и вотъ этакъ!
Туды глядь, сюды глядь,
Гдѣ добрые сидятъ.

Примѣч. — Слова Сахарова: «Съ этою хороводною пѣснею наши поселяне соединяютъ игру «Воробышекъ.» Игроки соединяются въ кружокъ, а хороводникъ представляетъ изъ себя воробья. При началѣ каждаго куплета хороводникъ стоитъ спокойно, а потомъ, сообразно словамъ пѣсни, изображаетъ минами разные характеры людей, съ присоединеніемъ отъ себя всѣхъ возможныхъ кривляній. Продолженіе этой игры часто бываетъ безконечно. Игроки умѣютъ причитывать разныя затѣи. Большею частію стараются изображать горбатыхъ, хромыхъ, людей ненавистныхъ. Здѣсь выказывается въ полной мѣрѣ сатирическій характеръ нашего народа». (Сказанія Русскаго народа. Т. I, стр. 76).

Донъ Ивановичъ.

Какъ пошелъ нашъ молодецъ
Вдоль улицы на конецъ.
Ахъ, Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ, Донъ!
Ахъ, какъ звали молодца,
Позывали удальца!
Ахъ, Донъ и проч.
Какъ во пиръ пировать,
Во бесѣдушку сидѣть,
На игрище поиграть.
Ахъ, Донъ и проч.
Ужъ, какъ мнѣ ли, молодцу,
Мало можется,
Мало можется,
Играть хочется.
Иль я выйду, молодецъ,
На свой новый на крылецъ,
Закричу я, молодецъ,
Громкимъ голосомъ своимъ:
Ахъ! какъ есть ли у меня
Слуги вѣрные мои?
Вы берите ключи,
Отмыкайте сундуки,
Вынимайте кафтанъ,
Рудожелтъ камчатъ;
Вынимайте шапку,
Черную мурмашку;
Вы подайте гусли,
Звончатыя мои!
Ахъ, Донъ и проч.
Какъ пошелъ нашъ молодецъ
Ко вдовушкѣ на конецъ.
Ахъ, Донъ и проч.
Какъ садился молодецъ,
Какъ садился удалецъ
Противъ вдовушки на скамьѣ.
Ахъ, Донъ и проч.
Заигралъ онъ во гусли,
Заигралъ во звончатые свои.
Ахъ, Донъ и проч.
Молодецъ вдовѣ челомъ,
Уронилъ шапку долой.
Ахъ, Донъ и проч.
Ужъ ты, вдовушка моя,

Молодая вдова,
Подними шапку мурмашку.
Ахъ, Донъ и проч.
Не твоя, сударь, слуга,
Я не слушаю тебя.
Ахъ, Донъ и проч.
Какъ пошелъ нашъ молодецъ
Вдоль улицы на конецъ.
Ахъ, Донъ и проч.
Ахъ, какъ звали молодца,
Позывали удальца!
Ахъ, Донъ, и проч.
Какъ во пиръ пировать,
Во бесѣдушку сидѣть,
На игрище поиграть.
Ахъ, Донъ, и проч.
Какъ пошелъ нашъ молодецъ
Ко дѣвушкѣ на конецъ.
Ахъ, Донъ, и проч.
Какъ садился молодецъ,
Какъ садился удалецъ
Противъ дѣвушки на скамьѣ.
Ахъ, Донъ, и проч.
Заигралъ онъ во гусли,
Заигралъ во звончатыя свои.
Ахъ, Донъ, и проч.
Молодецъ дѣвицѣ челомъ,
Уронилъ шапку долой.
Ахъ, Донъ, и проч.
Ужъ ты, дѣвушка моя,
Ты, красная моя,
Подними шапку мурмашку?
Ахъ, Донъ, и проч.
Я твоя, сударь, слуга,
Я послушаюсь тебя.
Ахъ, Донъ, и проч.

Примѣч. — Слова Сахарова: «Не думаемъ, чтобы эта пѣсня была сочинена въ честь Дона Ивановича, рѣки, вытекающей въ Тульской губерніи изъ Иванъ-озера. Въ игрѣ, сопровождающей пѣсню, есть слѣды древности но какъ разгадать, что самая пѣсня именно относится до рѣки Дона? Рѣка Донъ имѣетъ свою народную исторію — Велико-Русскую, свое родство съ сестрою Волгою, по повѣрьямъ Велико-Русскимъ. Рѣка Донъ находится въ особенномъ почтеніи у казаковъ, составляетъ для нихъ быль историческую въ отношеніи къ отцамъ. Вотъ всѣ народныя воспоминанія о Донѣ.

«Эта народная пѣсня, сопровождаясь игрою, извѣстна повсюду. Въ Москвѣ она распѣвается: въ Марьиной рощѣ, въ Тверской ямской, за Роговскою заставою. Игроки сходятся вмѣстѣ, становятся въ кружокъ, а хороводникъ, находясь въ срединѣ, изображаетъ собою Дона Ивановича разными дѣйствіями, сообразными пѣснѣ. Отважные игроки сопровождаютъ пѣніе игрою на балалайкѣ. Когда игроки поютъ: «Какъ садился удалецъ противъ вдовушки на скамьѣ,» хороводникъ съ балалайкою въ рукахъ, садится на землю. Когда игроки стоятъ противъ него и поютъ продолженіе, онъ подыгрываетъ на балалайкѣ, кланяется вдовушкѣ, шапка съ него спадаетъ. Съ отказомъ вдовы, хороводникъ поднимаетъ свою шапку и встаетъ, а игроки продолжаютъ ходить хороводъ и пѣть. То же самое дѣйствіе совершается и при пѣніи стиховъ: «Какъ садился удалецъ противъ дѣвушки на скамьѣ.» Въ это время дѣвушка выходитъ изъ круга поднимать его шапку; хороводникъ принимая изъ ея руки шапку, благодаритъ ее поцѣлуемъ.

«Въ Замосковныхъ селеніяхъ эту пѣсню употребляютъ и на свадебныхъ вечеринкахъ. Если свадьба бываетъ весною или осенью, то игроки выходятъ на лугъ, или на погостъ, или на огородъ. Въ это время молодыя дѣвицы-невѣсты — подъ предводительствомъ свашеньки, веселятся съ женихомъ и его товарищами. Зимою же составляютъ эту хороводную пѣсню въ покояхъ. Въ Алексинѣ, въ Тульской губерніи, при капустныхъ зарубкахъ поютъ также эту пѣсню». Сказанія Русскаго народа. Т. I, стр. 76—77).

Синичка.

За моремъ синичка не пышно жила,
Не пышно жила, пиво варивала,
Солоду купила, хмѣлю взаймы взяла,
Черный дроздъ пивоваромъ былъ.
Дай же намъ, Боже, пиво-то сварить,
Пиво-то сварить и вина накурить.
Созовемъ къ себѣ гостей — мелкихъ пташечекъ.
Совушка-вдовушка, — незваная пришла.
Снигирюшка по сѣничкамъ похаживаетъ,
Соловушка головушку поглаживаетъ.
Стали всѣ птички межъ собой говорить:
Что же ты, Снигирюшка, не женишься?
Радъ бы жениться, да не кого взять!
Взялъ бы я пернатку — та матка моя;
Взялъ бы я чечетку — та тетка моя;
Взялъ бы я синичку — сестричка моя;
Взялъ бы я сороку — щекотливая;
Есть за моремъ перепелочка,
Та мнѣ ни матушка, ни тетушка;
Ту я люблю, ту за себя возьму.
Здравствуй, хозяинъ съ хозяйкою,
Со малыми дитятами!

Примѣч. — Слова Сахарова: «Русскіе поселяне олицетворили свою семейную жизнь хороводною игрою: свадьбою Снигиря съ Перепелкою. Синичка, какъ свекровь, дѣлаетъ приготовленія къ свадебнымъ пирамъ; Снигирь, какъ женихъ, выбираетъ себѣ невѣстъ. Въ этой хороводной игрѣ женихъ-Снигирь ходитъ по хороводу, указываетъ на игроковъ, означая тѣмъ свой выборъ. Игроки поютъ пѣсню. Мнѣ часто случалось слышать эту пѣсню и на зимнихъ посидѣлкахъ, и въ это время пѣвцы измѣняли голосъ ея на тихій тонъ, между тѣмъ какъ въ хороводѣ она имѣетъ быстрый и веселый напѣвъ». (Сказанія Русскаго народа. I, стр. 81 «Хороводныя пѣсни»). — О «Синичкѣ» вспоминаетъ Пушкинъ въ стихотвореніи «Зимній вечеръ.»

ПЛЯСОВЫЯ.

Ай во саду, саду, люблю садовую,
Люблю, люблю садовую, грушу зеленую,
Грушу, грушу зеленую, дѣвку веселую.
Надъ рѣкой дѣвка стоитъ, сама рѣчи говоритъ:

Аль я безчастна, дѣвка безталанна!
Сговорила меня мать за крестьянина отдать.
Нейду, нейду, матушка, нейду осударыня,
Нейду, осударыня, замужъ за крестьянина.
Крестьянинъ, родимая, много пашни пашетъ,
Много пашни пашетъ, много засѣваетъ,
Борозды глубокія, полосы широкія,
Серпы-то тупые, жнецы-то глупые.
Ай во саду, саду, люблю садовую,
Люблю, люблю садовую, грушу зеленую,
Грушу, грушу зеленую, дѣвку веселую.
Надъ рѣкой дѣвка стоитъ, сама рѣчи говоритъ:
Аль я безчастна, дѣвка безталанна!
Сговорила меня мать за боярина отдать;
Нейду, нейду, матушка, нейду осударыня,
Нейду, осударыня, замужъ за боярина.
Бояринъ охотникъ, много собакъ держитъ,
Собаки борзыя, холопи босые,
Что бояринъ воевать, а я горе горевать,
Что бояринъ въ Москву, а я кинуся въ тоску.
Ай во саду, саду, и проч.
Сговорила меня мать за земскаго отдать.
Иду, иду матушка, иду осударыня,
Иду, осударыня, замужъ за земскаго.
Что земской-то міромъ кутитъ,
А я млада, младешенька, посулы считать.

Примѣч. — Представить на основаніи этой пѣсни характеристику жизни крестьянина, боярина и *земскаго*, т. е. чиновника.

СВАДЕБНЫЯ.

Характеристика свадебныхъ пѣсенъ.—Русскія пѣсни полны поэзіи. Вслушайтесь въ пѣсни, распѣваемыя хоромъ молодыхъ дѣвушекъ на крестьянскихъ свадьбахъ, въ эти простыя, безыскусственныя пѣсни, въ которыхъ выражаются то сожалѣніе о прошедшихъ дняхъ дѣвической свободы, то трепетъ за будущее, то нѣжное чувство любви, — всѣ думы, которыя волнуютъ грудь дѣвушки, готовящейся идти, какъ говоритъ Русская пѣсня, *къ суду Божію, къ вѣнчанію*. Посмотрите, какъ горько плачетъ невѣста, внимая этимъ звукамъ. Вотъ гдѣ поэзія является почетнымъ, званымъ гостемъ.

Свадебныя пѣсни наиболѣе заключаютъ въ себѣ поэтическаго элемента, потому что свадьба есть важнѣйшее событіе въ жизни женщины. Счастье, или несчастье цѣлой ея жизни зависитъ отъ этой минуты и потому, готовясь къ вѣнцу, женщина перечувствуетъ все свое прошедшее и все, что можетъ представить ей будущее.

Слова Снегирева: «Въ разныхъ странахъ сѣверной Россіи свадебные обряды весьма разнообразны и многочисленны, такъ что они представляютъ многосложную, разительную и живую картину нравовъ и обычаевъ, повѣрьевъ и обрядовъ, въ коихъ отсвѣчивается мѣстность и духъ народа: большая часть етихъ обрядовъ суть символы и аллегоріи, коихъ смыслъ отчасти потерянъ. Сія драма народная, или лучше сказать, опера-водевиль, во многихъ отношеніяхъ важна и занимательна. Нигдѣ такъ не проявляется народность и древній ея бытъ, какъ въ актахъ Русской свадьбы, болѣе умилительной и торжественной при многихъ ея странностяхъ, нежели веселой и разгульной, хотя она и называется въ старомъ Русскомъ языкѣ, такъ какъ нынѣ и въ Чермнорусскомъ и Малороссійскомъ, *веселъемъ*, *веселымъ пиркомъ*, въ коемъ слилось религіозное съ народнымъ, древнее съ новымъ.

«Лѣтописецъ говоритъ, что въ Язычествѣ, вмѣсто браковъ, у Радимичей, Вятичей, Сѣверянъ, были *игры межи селы* (т. е. не между селеній, а между полей), гдѣ среди игръ, пѣсенъ и плясокъ мущины выбирали себѣ невѣстъ. Остатокъ етого находятъ въ игрѣ *прососпѣянія*. Самое выраженіе наше *играть свадьбу* едва ли не происходитъ отъ древнихъ *игръ*; притомъ въ областныхъ нарѣчіяхъ Россіи донынѣ говорится, вмѣсто пѣть пѣсни, *играть пѣсни*. Какъ свадебные обряды сопровождаются пѣснями и музыкою, то по сему и говорится *играть свадьбу*.

«Въ XI уже вѣкѣ были веселья и пѣсни на свадьбахъ, какъ видно изъ посланія Вел. Князя Владиміра Мономаха къ Олегу, которому онъ пишетъ, что «и оны сватбы его въ *пѣсни* имѣсь, не видѣхъ бо его первѣе радости.» По сказанію Стоглава, гл. 41, вопр. 16: «въ мирскихъ свадьбахъ играютъ глумотворцы и арганники. и гусельники. и смѣхотворцы и *бѣсовскіе пѣсни* поютъ. и какъ къ церкве вѣнчатися поѣдутъ. священникъ со крестомъ будетъ. а предъ нимъ со всѣми тѣми играми бѣсовскими рищутъ» (Стоглавъ. Изд. Кожанчикова. 1863, стр. 135). Духовные писатели народныя пѣсни и слѣд. свадебные обряды называли *бѣсовскими*.

«Свадебныя пѣсни, извѣстныя въ Россіи издревле, употребительны были у Грековъ (ὑμέναιος, ἐπιθαλάμια), у Римлянъ, также у Готовъ; у первыхъ дѣвицы пѣли ихъ до полуночи близъ дверей спальни новобрачныхъ. Русскія эпиталамы, нерѣдко проникнутыя глубокими и умилительными чувствами, сопровождаютъ всѣ акты етой семейной драмы;

каждому дѣйствію соотвѣтствуетъ особенная пѣсня: сговору, дѣвишнику, величанью и т. д. Онѣ содержатъ въ себѣ приготовленіе къ исполненію обязанностей жены и хозяйки, изображеніе замужней жизни съ ея горестями и заботами, радостями и надеждами — описываютъ переходъ изъ дѣвическаго состоянія въ замужнее, изъ рукъ и дома родителей въ руки и домъ мужа, нерѣдко изъ родной въ чужую, дальную сторону; ибо для невѣсты Русской въ старину женихъ былъ *суженый*, который избирался волею родительской и для невѣсты былъ *судьбою* и самый обрядъ вѣнчанія называется *судомъ Божіимъ*. Въ етихъ пѣснопѣніяхъ остались еще непростывшіе слѣды древняго быта народнаго; онѣ воспоминаютъ намъ миѳическаго Ладо, Тура и припѣвъ Леля, Синее море, горючь камень, терема и свѣтлицы, *калиновые мостки*, *дубовые столы*, *скатерти бранья*, *каравai*, *перепечи*, *сахарныя яства*, *гривны*, и пр. Свадебныя пѣсни, выражая мѣстность и духъ народа, бываютъ различны.» (Русскіе простонародные праздники. Ч. IV, стр. 120—129).

На зорѣ Иванъ, сударь, Петровичъ,
Вставалъ ранешенько,
Умывался бѣлешенько,
Передъ зеркаломъ хрустальнымъ
Чесалъ кудри черныя,
Чесалъ, самъ приговаривалъ:
Завивайтесь кудри,
Завивайтесь черныя!
Ужъ, какъ завтра-ль васъ, кудри,
Ужъ, какъ завтра-ль васъ, черныя,
Не самъ буду завивати,
Станетъ завивати красна дѣвица.
А и матушка родимая
А и слышавши его рѣчи,
Говорила своему сыну милому:
Дитя-ли мое, дитятко,
Дитя-ли мое, милое!
Не гадай впередъ, не загадывай,
Не угадавши, не отгадывай.
Какова еще рука у дѣвицы?
Какова еще бѣлая у красной?
Либо завьются кудри,
Либо не завьются черныя;
Коли будетъ совѣтъ да любовь,
Кудри сами станутъ завиваться;
Коли будетъ кось да перекось,
Не развивши, станутъ развиваться.
Ужъ, завьются ли кудри,
Ужъ, завьются ли черныя
Не отъ бѣлыхъ рукъ суженыхъ,
Не отъ румяныхъ рукъ ряженыхъ,
Не отъ частаго гребешка,
Не отъ частаго костянаго;
Завиваются ли кудри,
Завиваются ли черныя
Отъ веселья, отъ радости;
Развиваются ли кудри,
Развиваются ли черныя,
Отъ печали, отъ горести,
Отъ тоски, отъ кручинушки.

Примѣч. — Сравните эту пѣсню съ «Пѣснею Лихача Кудрявича» Кольцова.

Что во свѣтлой во свѣтлицѣ,
Подъ косящетымъ окошечкомъ,
Сидѣла красна дѣвица, душа,
Похвалялась похвальбой своей,
Похвальбой своей великою:
Что не взять, не взять Алексѣю меня,
Что не взять, не взять Васильевичу?
Что ни стомъ рублей, ни тысячей,
Ни помѣстьемъ, большой вотчиной?
Какъ услышалъ Алексѣй, господинъ,
Похвальбу ея великую:
Не хвалися, красна дѣвица, душа,
Свѣтъ Ефросинья Васильевна!
Я возьму тебя за себя,
И безъ ста рублей, безъ тысячи,
Безъ помѣстьевъ, большой вотчины;
Я самъ-семъ пріѣду съ боярами,
Я восьмую возьму свашеньку,
И девятую присватаю,
А десятую тебя за себя;
Я возьму тебя за праву руку,
Поведу тебя къ суду Божьему,
Къ суду Божьему, ко злату вѣнцу,
Отъ злата вѣнца, къ себѣ на дворъ.
Еще вотъ тебѣ, батюшка,
Вѣковѣчная ключница!
Еще вотъ тебѣ, матушка,
Вѣковѣчная платьемойница!
Ужъ, какъ мнѣ ли, молодцу,
Вѣковѣчная молода жена!

Примѣч. — Темы для воспитанниковъ: Свадебные обряды. — Взглядъ народа на бракъ. — Положеніе молодой въ чужой семьѣ.

По марю утенушка плавала,
Плавала, плавала.
У теримя Ахимьюшка плакала,
Плакала, плакала,
Сидючи за убранымъ за столомъ (2),
Глядючи на зиленай сатъ въ акошка (2),
На алаи и лазоривы твиточки (2).
«Бохъ судья маму батюшки роднаму (2),
Што моладу въ чужды люди аддаеть (2),
Астаетца зиленай сатъ безъ мине (2),
И алаи и лазоривы твиточки (2).
Вставай, вставай, мой батюшка раненькя (2),
Паливай маи твѣтики чистенькя (2),
И ранними, вичерними зарями (2),
Пасля таго гарючими слизами (2),
Прикрывай маи твѣтики тавтою (2),
Пасля таго сирдешнаю таскою (2)».
— Буду, буду, мае дititка, уставать (2),
Буду, буду тваи твѣтики паливать (2),
И ранними, вичерними зарями (2),

Пасля таго гарючими слизами (2);
Буду, буду, мае дитятка, прикрывать (2)
Шолкаваю, палушолкаваю тавтою (2),
Пасля таго сирдешнаю таскою,
Таскою, таскою.

Примѣч. — Въ Курской губерніи эту пѣсню поютъ въ то время, когда невѣсту посадятъ за набранный столъ въ кругу ея подругъ, до пріѣзда жениха. Въ продолженіе пѣнія всѣ плачутъ, а особенно невѣста и ея мать. (Этнографическій Сборникъ. 1862. Вып. V. «Бытъ Курскихъ крестьянъ.» Стр. 59—60).

На рѣчкѣ лебедушка кликала,
На быстрой бѣлая кликала:
Ты лети, лети лебедь мой,
Ты лети, лети бѣлый мой!
Безъ тебя ли мнѣ, лебедушкѣ,
Рѣчка не такъ течетъ,
Въ полѣ трава не зелена.
Въ теремѣ Марьюшка плакала,
Во высокомъ Ефимовна плакала.
Ты иди, иди суженый мой,
Ты иди, иди ряженый мой,
Скорѣй иди Петръ, господинъ,
Петръ, сударь, Петровичь!
Безъ тебя ли мнѣ, дѣвицѣ,
Темно красное солнышко;
Безъ тебя ли мнѣ, дѣвицѣ,
Не ясенъ свѣтелъ мѣсяцъ;
Безъ тебя ли мнѣ, дѣвицѣ,
Теремъ не такъ стоитъ;
Безъ тебя ли мнѣ, дѣвицѣ,
Сахарны яства на умъ не идутъ;
Безъ тебя ли мнѣ, дѣвицѣ,
Сладкаго меду не хочется;
Безъ тебя ли мнѣ, дѣвицѣ,
Денечекъ весь пасмуренъ.

Кормилецъ мой, батюшка,
Кинулся ты, мой батюшка,
На злато, на серебро!
Кормилица моя, матушка,
На цвѣтно платье!
Запоручили вы меня, горькую,
За поруки за крѣпкія,
Молодехоньку, зеленехоньку!
Ахъ, кормилецъ мой, батюшка!
Ахъ, кормилица моя, матушка!
Не примайте вы, винной чарочки;
Не посолъ вашъ, винная чарочка,
Не посолъ, не перемѣнушка;
Своего посла вы избываете,
Посла вольнаго, слугу вѣрнаго,
Безотвѣтнаго.

Винаградная ягатка
Раствитала,
Али ляй лели, лели
Раствитала.
Раствитемшы, ягатка
Ападала,
Али и пр.
Ахимья батюшки
Гаварила,
Али и пр.:
«Ни оддавай мине, батюшка,
Младу замужъ,
Али и пр.
Ни упавай, радимай мой
На багатства,
Выбирай, радимай мой
Чилавѣка;

Ни зъ багатствамъ жыть, батюшка,
Шъ чилавѣкамъ,
Ни съ высокими харомами
Думу думать,
Да ни съ свѣтлымъ платьицамъ
Гаварити;
Штопъ ня стыдна къ табѣ, батюшка,
Въ гости ѣхать;
Штопъ ня стыдна падружунькамъ
Похвалитца,
Што харошъ Пятреюшка
Урадилси —
Енъ — и ростамъ, дародствамъ,
Красатою,
Енъ — сваею маладецкаю
Чистатою,
Енъ и бѣлай, руменай:
Чирнабровай,
Енъ и чистай, рячистай,
Гаварливай!

Ужъ, ты, сватушка родимый,
Ужъ, ты, умная головушка,
Ты окладиста бородушка,
Александръ Петровичъ!
Ты охочь по пирамъ ходить,
Пѣсни слушати;
Ты досужъ по свадебкамъ гулять,
Дѣвушекъ сманивати;
Ты охочь ли дѣвушекъ дарить?
Не дари рублемъ, не полтиною,
Ты дари золотою гривною.
Слышешь ли, сватушка,
Александръ Петровичъ?
Мы тебѣ пѣсни поемъ,
По имени называемъ,
По отчеству величаемъ;
Станешь дарить,
Станемъ хвалить;
Не станешь дарить,
Станемъ корить.

(Во время сговора, невѣста, если сирота, то поетъ къ брату или сестрѣ):

Уже всѣ-то гости съѣхались,
Одново-то гостя нѣтъ, какъ нѣтъ,
Родимова моего батюшки.
Не свѣтла-то ночь безъ мѣсяца,
Не красенъ день безъ солнышка,
Не весела свадьба безъ батюшки,
Безъ батюшки, безъ кормилеца.
Ты вступись-ка, мой милый братъ,
Вмѣсто батюшки родимова!
Ты поди-тко на широкой дворъ,
Обсѣдлай-ко ворона коня,
Поѣзжай-ко къ Божьей церкви!
Ты взойди-тко на колоколенку,
Ты ударь-ко въ звонкой колоколъ,
Ты пусти-тко звонъ по сырой землѣ!
Разступися, мать сыра земля,
На четыре на сторонушки!
Ты раскройся гробова доска,
Распахнися бѣлъ тонкой саванъ,
Ты воскинь-ко, родной батюшко,
Ты своимъ-то очамъ яснымъ
На меня-то ли на горькую!
Подожми-тко, родной батюшко,
Ты подъ правую подъ рученьку,
Ты скажи мнѣ, другъ мой, батюшко,
Всю правду ту великую!

(Когда благословляютъ).

Не прошу я у тебя, батюшка,
Я ни злата, я ни серебра,
Ужъ прошу я у тебя, батюшка,
Благословеньица великаго!
Ужъ первую я ступень ступила,

Волю батюшкину заступила,
Ужъ другую ступень ступила,
Нѣгу матушки заступила.
По лѣсенкѣ, по брусчатой
Не шелко́вый клубъ катается,
Не фата-то ли разстилается?
Разстилается русà коса.—
По моимъ могучимъ плечамъ.
У батюшки на широкомъ дворѣ
Не яблонца ли сто́яла,
Не яблочки ль ро́нила;
Ужъ стояла я, горькая,
Ронила горючи слезы
На матушку на сыру землю.

Вострубi, трубушка,
Вострубi, золоченая,
Жалостно и радостно!
Ты расплачься, Анна душа,
Растужися Михайловна,
Передъ батюшкою стоючи,
Передъ родимымъ плачучи!
Государь, родной батюшка,
Государыня матушка!
Говорили, всiо обманывали,
Что не дамъ, не дамъ, дитятко,
Молодешеньку въ чужи люди;
А теперь у васъ, батюшка,
Не то въ умѣ задумано,
И не тѣ мысли замыслены:
Пиво, вино поварено,
И сладки меды насычены,
Дубовы столы разставлены,
Браны скатерти разостланы!
Только сѣсть и поѣхати
Ко суду Божью, ко вѣнчанью,
Отъ суда Божья, отъ вѣнчанья
Къ тебѣ, родимой батюшка,
Хлѣба соли покушати,
Бѣлаго лебедя порушати;
Отъ тебя ли, родной батюшка,
Къ богоданному батюшкѣ
На житье, на вѣковѣченье.

Пѣсни дѣвицъ на дѣвичнику.

Перекатно красно солнышко,
Ты звѣзда перекатная,
За облакъ звѣзда закатилася
Прочь отъ свѣтлаго мѣсяца.
Перешла наша дѣвица
Изъ горницы во горницу,
Изъ столовой во новую;
Перешедъ, она задумалася,
А задумавшись, заплакала,
Во слезахъ слово молвила:
Государь мой, родный батюшка,
Не возможно-ль того сдѣлати,
Меня дѣвицу, не выдати?

Не лежи, черный бобръ, у крутыхъ береговъ,
Черная куна возлѣ быстрой рѣки;
Не сиди, Севастьянъ, во чужомъ пиру,
Севастьянъ господинъ и Созонтовичъ;
Снаряжай ты свадьбу Ѳедосьину,
Что Ѳедосьину Севастьяновнину.
Глупые люди, неразумные!
Ужъ у меня свадебка снаряжена:
Девять печей хлѣба испечено,
Десятая печь тертыхъ калачей;
Девять четвертей пива наварено,
Десять четвертей зелена вина.
Ужъ у меня приданое изготовлено:
Девять городовъ съ пригородками.

Ужъ, не вихри рьяные вылетали,
Ужъ, не солнце красное замеркало,
Ужъ, не свѣтелъ мѣсяцъ затмѣвался,
Ужъ, не тучи грозныя бушевали,
Ужъ, не туманы дождевые носилися;
А Марьюшка Ефимовна во терему
Сидя, во высокомъ помрачилась,
Своей печалью, горестью,
Своей несносною кручиною.
Марьюшка горько плачетъ,
Ефимовна, какъ рѣка льется.
Она вечеръ поздно слышала:
Какъ хочетъ ее батюшка,
Какъ хочетъ ее матушка,
Что отдать ли во чужи люди,
Во чужи люди, незнакомые,
На чужудальню сторонушку.
Ко чужому отцу, къ матери.
Ой не плачь, наше дитятко,
Ой не плачь, наше милое!
Чужая сторонушка слюбится,
Чужадальняя полюбится!

Цвѣла грущица во садику,
Цвѣла моя во зеленомъ,
Жило мое дитятко,
Жило мое милое,
Во терему во высокомъ,
Во высокомъ, въ изукрашенномъ;
Не все тебѣ жить во теремѣ,
Не все тебѣ жить со дѣвицами,
Не все тебѣ быть со красными.
Какъ пріѣдетъ Иванъ, господинъ,
Иванъ, сударь, Петровичъ,
Завезетъ тебя къ себѣ домой,
Не къ дѣвушкамъ, не къ краснымъ,
Къ молодымъ ли все молодушкамъ.
Молодыя ли ужъ молодушки
Родились всѣ примѣтливы,
Всѣ примѣтливы, всѣ насмѣшливы;
Ступишь ли ногой?
Поглядятъ всѣ за тобой;
Махнешь ли рукой?
Засмѣются надъ тобой.
Молвишь ли словечко?
Передражнивать начнутъ;
Сядешь ли за столъ?
Всѣ куски во рту сочтутъ;
Станешь ли молчать?
Станутъ дурой величать.

Примѣч. — Описывается безотрадное положеніе молодой въ чужой семьѣ.— Сравнить съ пѣснію Кольцова «У чужихъ людей горекъ бѣлый хлѣбъ.»

Виноградъ въ саду растетъ,
Виноградъ во зеленомъ растетъ,
А ягода, ягода поспѣваетъ;
Виноградъ, Иванъ господинъ,
Да Петровичъ сударь,
А ягода Марья душа,
Да Ефимовна!
Рыбушка, плотвитушка,
По водѣ рыба плыветъ, извивается,
Да мнѣ молодой мало можется,
Батюшкина хлѣба ѣсть не хочется;
Батюшкинъ хлѣбъ полынью пахнетъ,
Горькой горчицей отзывается.
(Опять слѣдуетъ повтореніе первыхъ стиховъ отъ «виноградъ» до «да мнѣ молодой»)
Да мнѣ молодой много можется.

Да Иванова хлѣба кушать хочется,
Его хлѣбъ сахаромъ пахнетъ.
И разными духами отзывается.

Съ рѣченьки утушка слетывала,
Съ тихой сѣрая вспархивала,
Прилетала утушка,
Прилетала сѣрая
На бурное, на сине море;
Не знала утушка,
Не знала сѣрая:
Гдѣ ей опуститися?
Отъ вихоря уклонитися?
Гуси стали щипати,
А утушка громко кликати:
Ой ты, рѣчка моя, рѣченька,
Ты, рѣчка ли моя, тихая!
Кабы знала я, да вѣдала
Такую надъ собой невзгодушку,
Разстаться бы съ тобой не подумала.

Сходила съ терема Машенька,
Сходила съ высокаго Ефимовна,
Пріѣзжала ко свекору въ домъ;
Свекоръ — батюшка неласковый,
Не ласковый, не какъ родной.
Входила къ свекрови во теремъ;
Свекровь — матушка угрюмая,
Угрюмая—не какъ родная.
Деверья по свѣтличкѣ похаживаютъ,
Объ ней все поговариваютъ:
Ужъ какъ наша ли невѣстка
Не хороша, не пригожа,
Не ласкова, не привѣтлива;
Золовушки перешептываютъ:
Ужъ какъ наша ли невѣстка
Не горазда ни чему:
Ни ткать, ни прясть,
Ни золотомъ шить,
Ни щей сварить, ни пирога испечь,
Ни пѣсенку запѣть,
Ни во дудочку, ни поплясать,
А словечушко промолвитъ,
За другимъ въ карманъ пойдетъ.
Ужъ, не знала Машенька,
Ужъ, не вѣдала Ефимовна,
Куда ей дѣватися,
Куда ей укрытися,
Отъ насмѣшекъ, отъ зависти?
Что всплачетъ, что возгорюется,
Что возгорюется, что встоскуется:
Ой ты, теремъ мой у батюшки,
Ой ты, высокой мой у матушки!
Кабы знала я, да вѣдала
Здѣсь себѣ таково житье,
Разстаться бы съ тобой я не подумала,
Выдти бы изъ тебя не помыслила;
Я жила бы въ тебѣ смирнешенько,
Я была бы въ тебѣ веселешенька,
Не знала бы я тоски и горести.

Ладушка наша милая,
Анна Ивановна!
Надо жить во чужихъ людяхъ
Умѣючи,
Разумѣючи.
Чужи люди словно темный лѣсъ,
Словно туча грозная.
Безъ морозу сердце вызябнетъ,
Безъ бѣды глаза выхолятъ.
Во чужихъ людяхъ будь:
И покорна, и пословна.

СЕМЕЙНЫЯ.

Ужъ какъ палъ туманъ на сине море,
А злодѣй-тоска въ ретиво сердце;
Не сходить туману съ синя моря,
Ужъ не выдти кручинѣ изъ сердца вонъ.
Не звѣзда блеститъ далече во чистомъ полѣ,
Курится огонечекъ малешенекъ;
У огонечка разостланъ шелковой коверъ,
На коврикѣ лежитъ удалъ добрый молодецъ,
Прижимаетъ платкомъ рану смертную,
Унимаетъ молодецку кровь, горючую;
Подлѣ молодца стоитъ тутъ его добрый конь.
И онъ бьетъ своимъ копытомъ въ мать сыру землю,
Будто слово хочетъ вымолвить своему хозяину:
Ты вставай, вставай, удалъ добрый молодецъ!
Ты садись на меня, своего слугу,
Отвезу я добра молодца на родиму сторону,
Къ отцу, матери родимой, къ роду племени,
Къ малымъ дѣтушкамъ, къ молодой женѣ!
Какъ вздохнетъ тутъ удалъ добрый молодецъ;
Подымалась у удалова его крѣпка грудь,
Опустились у молодца бѣлы руки,
Растворилась его рана смертельная,
Пролилась ручьемъ кровь горючая;
Тутъ промолвилъ добрый молодецъ своему коню:
Ахъ ты, конь мой, конь, лошадь вѣрная!
Ты товарищъ въ полѣ ратномъ,
Добрый пайщикъ службы царской!
Ты скажи моей молодой вдовѣ,
Что женился я на другой женѣ,
Что за ней я взялъ поле чистое;
Насъ сосватала сабля острая,
Положила спать калена стрѣла.

Ты рябинушка, ты кудрявая,
Ты когда взошла, когда выросла?
Ты рябинушка, ты кудрявая,
Ты когда цвѣла, когда вызрѣла?
—Я весной взошла, лѣтомъ выросла,
Я весной цвѣла, лѣтомъ вызрѣла.—
Подъ тобою ли, подъ рябинушкой,

Что не макъ цвѣтетъ, не трава ростетъ,
Не трава ростетъ, не огонь горитъ,
Не огонь горитъ — ретиво сердце,
Ретиво сердце, молодецкое.
Ахъ, горитъ, горитъ, какъ смола кипитъ,
По душѣ-ль, душѣ, по лебедушкѣ,
По лебедушкѣ, по голубушкѣ,
По голубушкѣ, красной дѣвицѣ.
Ты душа-ль, душа, красна дѣвица!
На зарѣ-ль, зарѣ, зарѣ утренней,
При восходѣ ли свѣтла солнышка,
Не простившися съ отцемъ, съ матерью,
Не видавшись съ добрымъ молодцомъ,
Жизнь оставила, скончалася.
Ой, вы вѣтры, вѣтры теплые,
Вѣтры теплые, вы осенніе!
Вы не дуйте здѣсь, васъ не надобно.
Прилетайте вы, вѣтры буйные,
Что со сѣверной со сторонушки,
Вы развѣйте здѣсь мать сыру землю,
И развѣевши по чисту полю,
По чисту полю, по широкому,
Вы раскройте мнѣ гробову доску,
Ужъ и дайте мнѣ вы въ послѣдній разъ
Распрощатися съ моей милою,
Съ моей милою, душей дѣвицей!
Окропивъ ея горячей слезой,
Я вздохну, умру подлѣ ней тогда!

А и горе, горе, гореваньице!
А и въ горѣ жить — некручинну быть,
Нагому ходить — не стыдитися,
А и денегъ нѣту — передъ деньгами,
Появилась гривна — передъ злыми дни.
Не бывать плѣшатому кудрявому,
Не бывать гулящему богатому,
Не отростить дерева суховерхаго,
Не откормить коня сухопараго,
Не утѣшити дитя безъ матери,
Не скроить атласу безъ мастера.
А и горе, горе, гореваньице!

А и лыкомъ горе подпоясалось,
Мочалами ноги изопутаны!
А я отъ горя въ темны лѣса —
А горе прежде вѣкъ зашелъ;
А я отъ горя въ почестный пиръ —
А горе зашелъ, впереди сидитъ;
А я отъ горя на царевъ кабакъ —
А горе встрѣчаетъ, ужъ пиво тащитъ.

Примѣч. — «Горе» въ народной поэзіи представляется особымъ какимъ-то существомъ. Это — древняя неумолимая судьба, постоянно преслѣдующая человѣка, всегда его гнетущая. У насъ есть превосходная повѣсть «Горе—Злочастіе,» въ которой «горе» является въ разныхъ образахъ доброму молодцу:

«Полетѣлъ молодецъ яснымъ соколомъ,
А Горе за нимъ бѣлымъ кречетомъ;
Молодецъ полетѣлъ сизымъ голубемъ,
А Горе за нимъ сѣрымъ ястребомъ;
Молодецъ пошелъ въ поле сѣрымъ волкомъ,
А горе за нимъ съ борзыми выжлецы (гончія собаки);
Молодецъ сталъ въ полѣ ковыль — трава,
А Горе пришло съ косою вострою;
Пошелъ молодецъ въ море рыбою,
А Горе за нимъ съ частыми неводами;
Молодецъ пошелъ пѣть дорогою,
А горе подъ руку подъ правую:
Научаетъ молодца богато жить,
Убити и ограбити,
Чтобы молодца за то повѣсили,
Или съ каменемъ въ воду посадили.
Спамятуетъ молодецъ спасенный путь,
И оттолѣ молодецъ въ монастырь пошелъ постригатися;
А Горе у святыхъ воротъ остается,
Къ молодцу впередъ не привяжется.»

И въ пѣснѣ о «Горѣ» и въ повѣсти «Горе — Злочастіе» изображается одно и тоже неумолимое горе. Замѣчательна та сила и бодрость духа, съ какими встрѣчаетъ Русскій человѣкъ свое гнѣвное, вѣчно преслѣдующее его, мрачное божество — горе. «Въ горѣ жить — некручинну быть, нагому ходить — не стыдитися.» Отчаянію нѣтъ мѣста въ сердцѣ нашего народа. Будучи убиваемъ несчастною, злою долею, онъ не только не падаетъ духомъ, но даже смѣется надъ нею, горькою долею: «А и денегъ нѣту — передъ деньгами.» Здѣсь скрывается глубокая иронія надъ нищетою! Кажись нѣтъ силы, которая бы сокрушила въ концѣ Русскую, твердую, закаленную душу. Поэты наши, писавшіе въ народномъ духѣ, очень хорошо понимали эту злосчастную долю Русскаго человѣка и часто ее воспѣвали. Прочтите стихотворенія Кольцова, Никитина и Пушкина. Кольцовъ говоритъ:

«Зла бѣда, не буря —
Горами качаетъ,
Ходитъ невидимкой,
Губитъ безъ разбору.
Отъ ея напасти
Не уйдти на лыжахъ:
Въ чистомъ полѣ найдетъ,
Въ темномъ лѣсѣ сыщетъ.»

Предается ли жъ поэтъ отчаянію при видѣ злой бѣды? Нѣтъ. Читайте:

«Нѣту силъ; усталъ я
Съ этимъ горемъ биться;
А на свѣтъ посмотришь:
Жалко съ нимъ проститься.»

Безропотное перенесеніе несчастій, спокойствіе души среди обуревающихъ бѣдъ — вотъ тотъ мотивъ, на который поютъ лучшіе наши поэты.

Спокойствія такъ много на душѣ, что поэтъ позволяетъ даже издѣваться надъ горемъ. Эта мысль особенно ярко выражена въ стихотвореніи Никитина: «Ни кола ни двора,» гдѣ поэтъ заставляетъ «бѣдноту» гулять. Пушкинъ во многихъ стихотвореніяхъ приводитъ мысль о несокрушимости духа Русскаго человѣка.

«Сулитъ мнѣ трудъ и горе
Грядущаго волнуемое море:
Но не хочу, о други, *умирать,*
Я *жить хочу,* чтобъ мыслить и страдать.

Въ другомъ стихотвореніи говорится:

«Если жизнь тебя обманетъ,
Не печалься, не сердись,
Въ день унынія смирись:
День веселья, вѣрь, настанетъ.
Сердце въ будущемъ живетъ,
Настоящее уныло:
Все мгновенно, все пройдетъ;
Что пройдетъ, то будетъ мило.»

Выдавала меня матушка далече замужъ,
Хотѣла матушка часто ѣзжати,
Часто ѣзжати, подолгу гостити.
Лѣто проходитъ, матушки нѣту;
Другое проходитъ, сударыни нѣту;
Третье въ доходѣ, матушка ѣдетъ....
Ужъ меня матушка не узнаваетъ:
— Что это за баба, за старуха? —
Я, вѣдь, не баба, я не старуха:
Я твое, матушка, милое чадо.
— Гдѣ твое дѣвалося бѣлое тѣло?
Гдѣ твой дѣвался алый румянецъ? —
Бѣлое тѣло на шелковой плеткѣ,
Алый румянецъ на правой на ручкѣ:
Плеткой ударитъ — тѣла убавитъ,
Въ щеку ударитъ — румянцу не станетъ.

Отдавали молоду
Въ чужедальню сторону,
Во чужую во семью,
Въ непокрытую избу:
Есть и свекоръ, и свекровь,
Есть и трое деверьевъ,
Три золовушки,
Да три тетушки...,
Ужъ какъ свекоръ говоритъ:
Къ намъ медвѣдицу везутъ....
А свекровь-то говоритъ:
Людоѣдицу везутъ....
Деверья-то говорятъ:
Къ намъ непряху везутъ....
А золовки говорятъ:
Къ намъ неткаху везутъ....
Ужъ какъ тетушки стоятъ, —
Все про то-же говорятъ....

Мимо моего садика,
Мимо моего зеленаго,
Пролегала дороженька,
Широкимъ не широкая,
Только очень пробоиста:
Какъ по той по дороженькѣ
Дочь отъ матери ѣхала,
Горючо слезно плакала,
Соловейкѣ наказывала:
Ты лети, соловеюшко,
На родиму сторонушку,
Ты и сядь во зеленый садъ,
На любимую яблоньку,
Утѣшай мою матушку,
Чтобъ она, государыня,
Не тужила, не плакала,
На чужихъ дѣтей глядючи,
Ко своимъ примѣняючи.

Ахъ, кабы на цвѣты не морозы,
И зимой бы цвѣты разцвѣтали!
Ахъ, кабы на меня не кручина,
Ни о чемъ бы я не тужила!
Не сидѣла бы я подпершися,
Не глядѣла бы я въ чисто поле!..
И я батюшкѣ-то говорила
И я свѣту мому доносила:
Не давай меня, батюшка, замужъ,
Не давай, государь, за неровню,
Не мечись на большое богатство,
Не гляди на высоки хоромы;—
Не съ богатствомъ мнѣ жить — съ человѣкомъ,
Не въ хоромахъ нужда — а въ совѣтѣ.

У насъ было въ новомъ городѣ,
Въ новомъ городѣ, во Саратовѣ;
На зарѣ было на утренней,
На восходѣ красна солнышка,
У купца ли, купца, у богатова,
У богатова, у Шахматова,
Несчастьице не малое,
Какъ жена-то мужа потеряла:
Вострымъ ножичкомъ зарѣзала,
Въ холостой его погребъ бросила,
Дубовой доской захлопнула,
Да желтымъ пескомъ засыпала;
Сама взошла въ нову горницу,
Во столовую свѣтлицу,
Она сѣла подъ окошечко,
Подъ хрустальное стеклышко,
Сама плачетъ какъ рѣка льется.
Прилетѣли къ ней два сокола,
Два сокола, два ясныихъ,
Деверья ея любезные:
«Здравствуй сноха—невѣстушка,
Сноха, бѣлая лебедушка!
Гдѣ же братецъ нашъ Иванушка?»
—Вашъ братецъ увелъ коня поить.—
«Ты сноха наша, невѣстушка,
Сноха бѣлая-лебедушка!
Его добрый конь въ конюшенкѣ,
Шелкова узда на гвоздикѣ.
Ты сноха-ль наша, невѣстушка,
Сноха бѣлая-лебедушка!
Да что у тебя въ избѣ за кровь?—
—Бѣлу-рыбицу я пластала;
Бѣла-рыбица больно билася.—
«Ты сноха-ль наша, невѣстушка,
Сноха бѣлая-лебедушка!
Да гдѣ братецъ нашъ Иванушка?»
—Соколы вы мои ясные,
Деверья мои любезные!
Вы возьмите саблю вострую,
Вы срубите мнѣ буйну голову!
Вашего братца я потеряла:
Вострымъ ножичкомъ зарѣзала,
Въ холостой погребъ бросила,
Дубовой доской захлопнула,
Да желтымъ пескомъ засыпала.

На степи-то, степи, на Саратовской,
На другой-то степи, на Камышенской,
У лѣсика было, у дремучаго,
У ключа-то было, у текучаго,
У колодезя у студенаго,
Младъ Донской казакъ коня поилъ,
Коня чёрнаго, возбоченаго;
Не коня-то онъ поилъ—онъ жену журилъ,
Онъ жену журилъ—погубить хотѣлъ!
Какъ жена-то мужу возмолилася,
Во рѣзвы ноженьки поклонилася:
«Ужъ ты мужъ мой, младъ Донской казакъ!
Не губи ты меня рано съ вечера,
Погуби ты меня со полуночи,
Когда дѣтушки спать полягутся,
Шабры ближніе припокоются!»
Просыпалися малы дѣтушки,
Хватилися они родной матушки:
«Ты скажи, скажи, родной батюшка,
Гдѣ дѣвалася наша матушка?»
—Ваша матушка въ новой горницѣ,
Она бѣлится и румянится,
Въ цвѣтно платье наряжается,
Въ Божью церковь собираетя.—
Пошли дѣтушки въ Божью церковь,
А и всѣхъ людей они видѣли,
Ихней матушки тамъ нѣтъ, какъ нѣтъ.
«Охъ ты батюшка, ты родимый нашъ!
Ты куда дѣвалъ нашу матушку?»
—Ваша матушка во сыромъ бору,
Во сыромъ бору беретъ ягодки!
Какъ пошли малы дѣтушки во сырой боръ,
А и всѣхъ людей они видѣли,
Берутъ ягодки, берутъ красныя,
Ихней матушки все нѣтъ, какъ нѣтъ.
Какъ расплакались малы дѣтушки,
Какъ ударились объ сыру землю,
Завопили тромкимъ голосомъ:
«Не обманывай насъ, родной батюшка,
Наша матушка во темномъ лѣсу,
Во темномъ лѣсу, подъ колодою,
Подъ колодою, подъ дубовою.
Ужъ и Богъ тебѣ судья, родной батюшка,
Ты убилъ, убилъ нашу матушку!»
—Вы не плачьте, милые дѣтушки,
Я состроюю вамъ нову горницу,
Я складу вамъ муравлену печь,
Я собью вамъ дубовую дверь,
Я собью вамъ золотую цѣпь,
Я возьму вамъ молодую мать.—
«Загорись, загорись, нова горница!
Развались, развались, муравлена печь!
Расколись, расколись, дубовая дверь!
Растопись, растопись, золотая цѣпь!
Ты умри, умри, злая мачиха!
Ты возстань, возстань, родна матушка!»

Да спасибо же тебѣ, синему кувшину,
Ты размыкалъ, разогналъ злу тоску кручину!

Посѣдѣла-то моя буйная головушка
Ни отъ время, ни отъ лѣтъ, все отъ безвременья;
Я родился во слезахъ, во слезахъ крестился,
Плакалъ долго сиротой отъ людскихъ навѣтовъ;
Красна дѣвица душа не для утѣшенья,
Все для слезъ же меня молодца полюбила;
Потухаютъ во слезахъ мои ясны очи,
Изсыхаетъ бѣла грудь съ тяжкихъ воздыханій.
Да спасибо же тебѣ, синему кувшину,
Ты размыкалъ, разогналъ злу тоску кручину!

Примѣч. — Разгульное отчаяніе — смыслъ этой пѣсни. Всѣ горести свои, всю печаль-тоску, всю страду Русскій человѣкъ привыкъ топить въ зеленѣ-винѣ. Пѣсни наши, какъ само собою явствуетъ, самая вѣрная и самая яркая картина народнаго духа. Въ нихъ, по глубокому выраженію Пушкина, «слышится *то разгулье удалое*, то сердечная тоска.» (Стихотвор. «Зимняя дорога»).

Ахъ, ты поле мое, поле чистое!
Ты раздолье мое, широкое!
Ахъ, ты всѣмъ, поле, изукрашено,
Ты травушкой и муравушкой,
Ты цвѣточками, василечками;
Ты однимъ поле обезчещено,
Что посреди тебя, поля чистаго,
Выросталъ тутъ частъ ракитовъ кустъ,
Что на кусточкѣ, на ракитовомъ,
Какъ сидитъ тутъ младъ сизъ орелъ,
Въ когтяхъ держитъ черна ворона;
Онъ точитъ кровь на сыру землю.
Подъ кустикомъ, подъ ракитовымъ,
Что лежитъ, убитъ добрый молодецъ,
Избитъ, израненъ, исколотъ весь.
Что не ласточки, не касаточки
Кругъ тепла гнѣзда увиваются,
Увивается тутъ родная матушка;
Она плачетъ — какъ рѣка льется,
А родна сестра плачетъ — какъ ручей течетъ,
Молода жена плачетъ — какъ роса падетъ,
Красно солнышко взойдетъ, росу высушитъ!

УДАЛЫЯ.

Не шуми мати зеленая дубровушка,
Не мѣшай мнѣ, доброму молодцу, думу думати,
Какъ заутра мнѣ, доброму молодцу, во допросъ идти,
Передъ грознаго судью, самого Царя.
Еще станетъ меня Царь Государь спрашивати:
Ты скажи, скажи, дѣтинушка, крестьянской сынъ,
Ужъ какъ съ кѣмъ ты воровалъ, съ кѣмъ разбой держалъ?
Еще много ли съ тобой было товарищей?
Я скажу тебѣ, надежа, Православный Царь,
Всю правду я скажу тебѣ, всю истину:
Что товарищей у меня было четверо,
Ужъ какъ первой мой товарищъ — темная ночь,
А второй мой товарищъ — булатный ножъ,
А какъ третій товарищъ — мой добрый конь,
А четвертый мой товарищъ — тугой лукъ,
Что разсыльщики мои — калены стрѣлы.
Что возговоритъ надежа Православный Царь:
Исполать тебѣ, дѣтинушка, крестьянской сынъ,
Что умѣлъ ты воровать, умѣлъ отвѣтъ держать,
Я за то тебя, дѣтинушку, пожалую
Среди поля хоромами высокими,
Что двумя ли столбами съ перекладиною.

СОЛДАТСКІЯ.

Какъ у ласточки, у касаточки,
На лету крылья примахалися!
Какъ у душечкѣ красной дѣвицы
На ходу ноги подломилися;
У дороднаго добра молодца
Въ три ряда кудри завивалися,
Во четвертой рядъ по плечамъ лежатъ,
Ой во пятой рядъ съ плечъ валилися.
Ой почуяли черны кудри,
Что невзгодушку великую,
Что служить службу Государеву.
Повели тутъ добра молодца
Въ канцелярію Государеву,

Записали добра молодца
Въ драгуны Государевы.
Ой не жаль-то мнѣ черныхъ кудрей,
Только жаль мнѣ своей стороны!
На сторонушкѣ три зазнобушки:
Ой какъ первая зазнобушка —
Разставался я съ отцемъ, съ матерью,
Съ отцемъ, съ матерью,
Съ молодой женой,
Съ сиротами, ребятами,
Съ моими малыми дѣтками.

ВЕСНЯНКИ.

Весна красна!
На чемъ пришла?
На чемъ пріѣхала? —
На сошечкѣ,
На бороночкѣ.
Какъ и всѣ дѣвки на улицѣ,
И всѣ красныя на широкой,
Одной дѣвушки нѣтъ:
Сидитъ она во теремѣ,
Ширинку шьетъ золотомъ,
Узду везетъ тесменную,
Ахъ, горе великое!
Кому-то достанется?
Достанется моему суженому,
Моему ряженому.

Весна, весна красная!
Приди, весна, съ радостью,
Съ радостью, радостью,
Съ великою милостію:
Со льномъ высокіимъ,
Съ корнемъ глубокіимъ,
Съ хлѣбами обильными.

СЕМИЦКІЯ.

Благослови, Троица!
Богородица!
Намъ въ лѣсъ пойти,
Намъ вѣнки завивать,
Ай Дидо! ой Ладо!
Намъ вѣнки завивать
И цвѣты сорывать,
Ай Дидо! ой Ладо!
А мы въ лѣсъ пойдемъ
И цвѣтовъ нарвемъ
И вѣнокъ совьемъ,
Ай Дидо! ой Ладо!
Свекру батюшкѣ,
Свекрови матушкѣ,
Свекру батюшкѣ малиновой,
Свекрови матушкѣ калиновой.
Ай Дидо! ой Ладо!
Пойду-ль я тишкомъ,

Лужкомъ, бережкомъ,
Сломлю-ль съ сыра дуба вѣточку,
Брошу на быструю рѣченку,
Ай Дидо! ой Ладо!
Не тонетъ, не плыветъ
Съ сыра дуба вѣточка,
Не тужитъ по мнѣ
Свекоръ батюшка,
Свекровь матушка.
Ай Дидо! ой Ладо!

Примѣч. — Опишемъ Семикъ словами Сахарова: «Семицкая недѣля бываетъ на *седьмой* недѣлѣ послѣ Пасхи и получила такое названіе отъ Семика. Эта недѣля въ старину извѣстна была подъ именемъ *Русальной*. Семикъ отправляется народомъ въ четвергъ въ рощахъ, лѣсахъ, на берегахъ рѣкъ и прудовъ. Къ этому дню рубятъ березки, красятъ яйца въ желтую краску, готовятъ короваи, сдобники, драчены и яичницы. Съ разсвѣтомъ дня молодежъ разставляетъ березки по домамъ, улицамъ и дворамъ. Въ старину, наши старики хаживали встрѣчать Семикъ на могилахъ родителей, гдѣ, послѣ поминовенія, они со своими семействами разъѣдали яичницы и драчены. Отсюда молодежь отправлялась въ рощи завивать вѣнки изъ березъ. Здѣсь пѣли, плясали, играли въ хороводы до глубокой ночи. Послѣ игръ «всею гурьбою» заламывали березку, обвѣшивали ее лентами и лоскутками, и съ пѣснями возвращались домой.

«Мѣстные обряды, отправляемые народомъ въ Семикъ, заслуживаютъ особенное вниманіе. Въ Покровѣ, уѣздномъ городѣ Владимірской губерніи, дѣвушки ходятъ съ пирогомъ сбирать деньги. Вѣроятно, что это старый божедомскій остатокъ, когда сбирались деньги для похоронъ въ убогомъ домѣ. Въ степныхъ селеніяхъ дѣвушки сносятъ *ссыпчину*—муку, крупу, хлѣбъ и блины. Ссыпчину роздаютъ нищей-братіи. Въ селеніяхъ Нерехотскаго уѣзда дѣвушки изготовляютъ *козули*—круглыя лепешки съ яйцами въ видѣ вѣнка. Съ этими козулями онѣ ходятъ въ лѣсъ завивать вѣнки. Обвивая плакучія березы лентами, нитками, привязываютъ вѣнки къ вѣтвямъ, а изъ вѣтвей дѣлаютъ одинъ вѣнокъ. Подходя къ вѣнку, цѣлуются и приговариваютъ: «здравствуй, кумъ и кума, березку завивши». Послѣ этого обвиваютъ березку поясомъ и лентами, и поютъ пѣсни. По окончаніи всѣхъ игръ садятся подъ березки, съѣдаютъ козули и яичницы. Вологодскій Семикъ справляется на полянѣ, гдѣ погребены бѣлоризцы, сражавшіеся съ Литвою. Въ Саратовской губерніи, въ селеніяхъ по Волгѣ, выходятъ въ лѣсъ *срѣзывать* березки; съ этими березками и вѣнками, украшенными лентами, приходятъ въ село. Березку врываютъ въ землю и поютъ Семицкія пѣсни. Послѣ пѣсенъ становятся двѣ дѣвушки съ поднятыми руками въ верхъ, а другія ходятъ кругомъ ихъ и поютъ пѣсни.

«Семицкіе вѣнки въ однихъ мѣстахъ сохраняются въ избахъ до Троицына дня, а въ другихъ бросаютъ ихъ въ воду съ гаданіемъ: потонетъ-ли вѣнокъ, или нѣтъ? На одномъ ли мѣстѣ онъ остановится, или поплыветъ въ сторону? Чей вѣнокъ плыветъ впереди и чей остается назади? Подруги бросаютъ свои вѣнки вмѣстѣ, а иногда и братъ съ сестрой. Не рѣдко случается, что влюбленные, какъ будто нечаянно, бросаютъ свои вѣнки вмѣстѣ. Догадливые люди о сближеніи такихъ вѣнковъ на водѣ нерѣдко угадываютъ о близкой свадьбѣ. Бывали примѣры, что матушки иногда не отдавали своихъ дочекъ за такихъ суженыхъ, которыхъ Семицкіе вѣнки потопли въ водѣ, въ виду всѣхъ. По замѣчаніямъ старушекъ, такіе суженые или скоро умираютъ, или *спиваются съ круга*. Ленты, которыми наши бабушки перевивали семицкіе вѣнки, сохранялись всю жизнь. Когда онѣ въ этотъ годъ выходили

замужъ, ими связывали вѣнчальныя свѣчи.» (Сказанія Р. народа. Т. II, стр. 84—5 «Праздники и обычаи»).

Изъ Снегирева: «У Волжскихъ жителей Семикъ составляетъ веселое празднество, которое сопровождается мимическими представленіями и обрядными пѣснями. Въ селахъ и деревняхъ Нерехотской округи пекутъ для дѣвицъ козули. Съ козулями онѣ идутъ въ лѣсъ. При завиваніи, обвивъ березу поясомъ или лентою, дѣвки поютъ:

Береза моя, березонька,
Береза моя, бѣлая,
Береза моя кудреватая!
Стоишь ты, березонька,
Осередь долинушки.
На тебѣ, березонька,
Листья бумажные,
Подъ тобой, березонька,
Трава шелковая.
Близь тебя, березонька,
Красны дѣвушки
Въ Семикъ поютъ,
Подъ тобою, березонька,
Красны дѣвушки
Вѣнокъ плетутъ.
Что не бѣлая березонька
Къ землѣ клонится,
Не шелкова травонька
Подъ ней разстилается;
Не бумажны листочки
Отъ вѣтру раздуваются:
Подъ этой березонькой
Съ красной дѣвицей
Молодецъ разговариваетъ.

«Послѣ этой пѣсни поселянки садятся за козули и яишницу подъ березою; за пиршествомъ слѣдуютъ сценическія игры.

«Семикъ можно почесть остаткомъ *тризны,* по времени его, мѣсту и обряду погребальному; потому что онъ приходится на недѣлѣ поминовенія усопшихъ предъ вселенской Троицкой субботой, совершается на скудельницахъ при убогихъ домахъ (кои превращались въ рощи отъ посаженныхъ тамъ деревьевъ) и начинается благочестивымъ обычаемъ погребать и поминать несчастно умершихъ.

«Но поминовеніе составляетъ особенную стихію, противорѣчущую содержанію и цѣли Семика, въ коемъ *гаданіе* столь важный предметъ, какъ и въ Колядѣ или Святкахъ. Ношеніе же и завиваніе березки, хороводы, Семицкія игры и призываніе миѳическихъ существъ (Ладо, Тора) обнаруживаютъ, по замѣчанію митрополита Филарета, рѣзкую противоположность стихій христіанскаго и древнеязыческаго міровъ и ведутъ насъ къ заключенію, что первый — «человѣколюбивый обычай введенъ при распространеніи христіанства въ Россіи для противодѣйствія послѣднимъ — остаткамъ идолослуженія; по етому церковь и хотѣла противоположить языческому Семику христолюбивое погребаніе странныхъ, чувственному веселію мысль о смерти, набожность и благотвореніе.» Но люди, воззываемые къ новому духовному, по привычкѣ, упадали въ старое чувственное; отъ сего въ Семицкомъ празднествѣ и произошла такая смѣсь разныхъ стихій.

«У сѣверныхъ народовъ на весеннемъ или лѣтнемъ праздникѣ, въ торжественномъ собраніи народа обыкновенно пѣвали пѣсни вокругъ Майскаго дерева; при чемъ веселые хороводы юношей обоего пола мимически представляли разныя сцены, кои предметомъ своимъ имѣли ладъ между людьми, или союзъ между небомъ и землею.

«Безъ сомнѣнія, гаданіе на водѣ есть остатокъ отъ древняго языческаго обряда Славянороссовъ, которые, по свидѣтельству нашихъ лѣтописцевъ, обожали рѣки и озера, чтили деревья и дуплины, приносили имъ жертвы, (требы кладуще) и дѣлали гаданіе.» (Р. праздники. Ч. III, стр. 99—116).

Ой Дидо! ой Ладо! на курганѣ
Соловей гнѣздо завиваетъ,
А иволга развиваетъ;
Хоть ты вей, не вей соловей,
Не бывать твоему гнѣзду свитому.
Не бывать твоимъ дѣтямъ вывожатымъ,
Не летать имъ по дубровѣ,
Не клевать имъ яровой пшеницы.
Ой Ладо! ой Ладо! ой Дидо!

Ты не радуйся,
Дубъ съ горькой осиною,
Ты радуйся, бѣлая береза!
Къ тебѣ дѣвки идутъ,
Къ тебѣ красныя идутъ,
Съ пирогами, со яишницей,
Со драченами.

Ходитъ ко́лосъ по яри,
Что по бѣлой по пшеницѣ,
Изъ зерна-то коврига;
Изъ полузерна пирогъ.
Гдѣ дѣвушки шли,
Тутъ рожь густа;
Гдѣ бабы шли,
Тамъ вымокла;
Гдѣ мужчины шли,
Тамъ повыросла;
Гдѣ ребята шли,
Тамъ повылегло.

У Волжскихъ жителей Семикъ открывается хороводною пѣснею, которую поютъ ходя около березы, изъ вѣтвей которой дѣлаютъ вѣнки, украшая оные лентами.

Не дожжикъ березу обмываетъ,
Здѣсь въ рощѣ дѣвокъ прибываетъ;—
Скачите, пляшите, красны дѣвки!
А вы, холостые, поглядите!
Съ гулянья вамъ дѣвушекъ не взяти!
А взять-ли, не взять-ли съ доброй воли,
По батюшкину повелѣнью,
По матушкину благословенью,
По невѣстину рукодѣлью.

По окончаніи сей пѣсни, дѣлаютъ собою другой кругъ, въ срединѣ котораго мужчина и женщина ходятъ и поютъ съ прочими:

Ахъ! во полѣ липинка стояла,
Во полѣ кудрявая стояла,
Подъ липою былъ шатеръ,
Во томъ шатрѣ столъ стоитъ,
За тѣмъ столомъ дѣвица,
За тѣмъ сидитъ красная,
Шьетъ ширинку золотомъ,
Нижетъ узду жемчугомъ.
Ѣхалъ мимо молодецъ.

Богъ на помощь дѣвица!
Богъ на помощь красная!
Ширинку шить золотомъ,
Низать узду жемчугомъ.

Мужчины поютъ:

Не мнѣ ли ширинка?
Не моему ли коню уздичка?

Женщины отвѣтствуютъ:

Не по молодцѣ ширинка,
Не по твоемъ конѣ уздичка.

Ходитъ въ срединѣ круга одинъ мужчина, а потомъ женщина и по нѣкоторымъ словамъ пляшутъ:

Царь по городу гуляетъ,
Царь царевны своей ищетъ.

Пляшутъ:

Ужъ! какъ гдѣ моя царевна?
Гдѣ княгиня молодая?
Ужъ и вотъ твоя царевна,
Вотъ княгиня молодая!
По загороду гуляетъ,
Шелковымъ платкомъ махаетъ,
Златымъ перстнемъ освѣщаетъ.
Растворяйтесь, ворота,
Растворяйтеся, широки,
Вы еще тово пошире.

При этихъ словахъ одна сторона круга раздвигается, и двое, поднявъ вверхъ руки, держатъ платокъ за оба конца, чтобы дать пройти сквозь сдѣланныя такимъ образомъ ворота царевнѣ, которая въ то время была внѣ круга. Когда же пройдетъ царевна, продолжаютъ пѣть:

Вы сойдитеся поближе!
Вы еще тово поближе!
Поцѣлуйтесь помилѣе!
Вы еще тово милѣе!

Въ каждое междудѣйствіе, какъ кончатъ кругъ, садятся за столы, накрытые скатертьми, и продолжаютъ за оными угощать другъ друга лакомствами, пивомъ и виномъ. Потомъ, вставъ, поютъ:

Пошелъ молодецъ на гулянье,
На веселое, на веселье.
На немъ синь кафтанъ на распашку,
Шелковой кушакъ на рубашкѣ,
Трость камышева съ алой лентой,
Перчаточки въ правой ручкѣ.
Подошедъ къ дѣвушкамъ, поклонился:
Ужъ! вы здравствуйте на гуляньѣ,

На веселомъ, на весельѣ.
Тутъ дѣвушки пріуныли,
Тутъ всѣ красныя пріумолкли,
Одна дѣвушка всѣхъ рѣзвѣе,
На рѣчахъ она всѣхъ смѣлѣе
и проч.

Потомъ срѣзываютъ нѣсколько березокъ съ весельемъ и пѣснями, вѣнки, на нихъ сдѣланные, украшаютъ лентами и идутъ въ село. Пришедши, врываютъ березки въ землю и продолжаютъ пѣть:

Какъ за нашимъ за дворомъ
Растетъ трава шелковая;
По той травкѣ Панья шла,
А за Паньей Панъ летѣлъ,
Крича: Панья, ты моя!
А я, сударь, не твоя!
Родимова батюшки,
Сударыни матушки.
(Эту пѣсню поютъ три раза).

Потомъ, сдѣлавъ изъ себя кругъ, перевиваются, проходя по очереди подъ поднятыя двумя дѣвицами руки вверхъ, и поютъ:

Какъ за Волгой яръ хмѣль,
Подъ кусточкомъ вьется;
Перевился яръ хмѣль
На нашу сторонку.
Какъ на нашей сторонкѣ
Житье пребогато.
Серебряны листья, вѣнки золотые.
Нащиплю я хмѣлю, хмѣлю яровова,
Наварю я пива, пива молодова.
Позову я гостя, гостя дорогова,
Ай-ли гостя дорогова, батюшку роднова:
Мое жъ батюшка вить пьетъ, пьетъ,
Пьянъ не напьется, домой соберется.

Эту пѣсню поютъ два раза съ тою перемѣною, что слова къ отцу перемѣняютъ на слова къ матери. Кончивъ оную, начинаютъ другой кругъ и поютъ:

Ахъ! по травкѣ, по муравкѣ,
Вокругъ города большова
Гулялъ молодецъ удалой.

Мужчина, а чаще дѣвушка въ мужской шляпѣ расхаживаетъ гордо вокругъ хоровода при пѣснѣ:

Ой Туръ *), молодецъ, удалый,
Онъ изъ города большаго,
Вызывалъ красну дѣвицу
Съ нимъ на травкѣ побороться.

Въ то же время другая съ платкомъ въ рукѣ посреди хоровода:

Ой, Дидъ, Ладо! побороться
Вышла красна дѣвица
И молодца поборола,
На муравку, уронила
Ой Дидъ, Ладо! уронила.

*) Вѣроятно Перунъ.

Дѣвушка побораетъ мужчину, срываетъ съ него шапку, треплетъ волоса.

Доброй молодецъ вставая,
Закрывалъ лице руками,
Утиралъ горючи слезы.
Онъ не смѣлъ своей кручины
Добрымъ объявить.
Ой, Туръ! Дидъ! Ладо! объявить!

2) УКРАИНСКІЯ.

Слова Гоголя: «Камень съ краснорѣчивымъ рельефомъ, съ историческою надписью — ничто противъ этой, говорящей, звучащей о прошедшемъ лѣтописи. Въ этомъ отношеніи пѣсни для Малороссіи—все: поэзія и исторія и отцовская могила. Кто не проникнулъ въ нихъ глубоко, тотъ ничего не узнаетъ о протекшемъ бытѣ этой цвѣтущей части Россіи....» (О Малоросс. пѣсняхъ въ соч. Гоголя).

Слова Максимовича: «Историческія лица и воинскіе подвиги составляли хотя главный, но не единственный предметъ Украинской думы. Любила она и семейную жизнь, и нерѣдко воспѣвала отношенія и чувства родственныя, въ поученіе своему народу. Украинскій бандуристъ не былъ забавникомъ и скоморохомъ. Потѣшивъ иногда молодежь краткимъ сказаньемъ объ удали козацкой, онъ внушалъ ей простодушныя, но глубоко-нравственныя понятія о томъ, что составляетъ святой долгъ человѣка. Строгая иногда до суровости, дума бандуриста чуждалась даже любви между козакомъ и дѣвицею.» (Сборникъ Украинскихъ пѣсень. Кіевъ. 1849).

Опытъ собранія старинныхъ Малороссійскихъ пѣсней. Кн. Цертелева. Спб. 1819. — Малороссійскія пѣсни. Максимовича. М. 1827. — Голоса Украинскихъ пѣсень. Тетрадь I. Его же. М. 1834.—Украинскія народныя пѣсни. Его же. Часть I. М. 1834.— Сборникъ Украинскихъ пѣсень. Ч. I. Кіевъ. 1849. — Запорожская старина. Изд. Срезневскаго. Харьковъ. 1833—1848. — Малороссійскія и Червонорусскія думы и пѣсни. Спб. 1836.—От. Зап. 1841 «Малороссійскія историческія пѣсни и думы,» сборникъ Евецкаго.—Народныя Южнорусскія пѣсни. Метлинскаго. Кіевъ. 1854.—Малоросс. литер. сбор. Изд. Мордовцовъ. Спб. 1859.—Соч. и ст. о Малорусской поэзіи: Объ историческомъ значеніи Р. народной поэзіи. Костомарова. Авторъ обращаетъ преимущественное вниманіе на Южнорусскую поэзію. Весьма замѣчательный разборъ брошюры Костомарова, написанный Калайденскимъ, находится въ Маякѣ 1844. Т. XV. — Цертелева письмо къ Максимовичу о народныхъ стихотвореніяхъ. Вѣст. Европы 1827, № 12. — Предисловіе Максимовича къ собранію Малоросс. пѣсень. Тамъ же, № 15.— По поводу изданія въ 1834 г. Максимовичемъ Украинскихъ народныхъ пѣсень, Польскій литераторъ Грабовскій написалъ цѣлый трактатъ «O Pieśniach Ukraińskich» въ книгѣ: Literatura i Krytyka. Pisma M. Gr. Wilno. 1837.—Буслаева «Объ эпическихъ выраженіяхъ въ Украинской поэзіи. Историч. Очерки.—Т. I. Предисловіе къ Украинскимъ мелодіямъ. Маркевича. М. 1831. Исторія Р. словесн. Галахова Спб. 1863. Т. I, стр. 208—217.

Гóмôнъ, гóмôнъ по дубрóвѣ,
Туманъ поле покрывае,
Мати сына проганяе:
Поди, сыну, геть одъ мене—
Нехай тебе Турки возьмуть!
Мене, нене, Турки знають—
Мене коньми надѣляють!
Гомонъ, гомонъ по дубровѣ,
Туманъ поле покрывае
Мати сына проганяе:
Поди, сыну, геть одъ мене—
Нехай тебе Орда возьме!
Мене, нене, Орда знае—
Сребломъ, злотомъ надѣляе!
Старша сестра коня веде,
А подстарша зброю несе,
А меньшая выпытуе:
Коли, брате, зъ войська прійдешь?
Возьми, сестро, песку жменю (горсть),
Посѣй его на каменю,
Ходи къ ёму зороньками,
Поливай его слезоньками:
Коли, сестро, песокъ зойде—
Тогди братъ твой зъ войська прійде!
Гомонъ, гомонъ по дубровѣ,
Туманъ поле покрывае,
Мати сына призывае:
Вернись, сынку, до-дóмоньку,
Змыю тобѣ голóвоньку!
Мене, нене, змыють дожчи,
А розчешуть густи терны,
А высушуть буйни вѣтры!...

Засвистали козáченьки въ походъ зъ-полунóчи;
Заплакала Марýсенька свои ясни очи.—
Не плачь, не плачь, Марýсенько! не плачь, не журися:
За своёго милéнького Богу помолися!—
Стоить мѣсяць надъ горою да сонця немае;
Мати сына въ дорóженьку слезно провожае.
«Прощай, милый мой сыночку, да не забавляйся!
Черезъ чотыри недѣлоньки до-дóму вертайся.»
—Ой радъ бы я, матýсенько, скорѣйше вернуться;
Да вже що-сь мôй ворóненькій вь ворóтяхъ зготкнувся.
Ой Богъ знае коли вернусь, въ якую годину:
Прійми-жъ мою Марýсеньку, якъ родну дитину.
Прійми ей, матусенько — всѣ въ Божіей волѣ!
Бо кто знае: чи живъ вернусь, чи ляжу на полѣ?»
«Ой рада я Марýсеньку, за рôдну приняти;
Да все не такъ вонá мене буде шановати.»
—Ой не плачте, не журѣтесь, въ тугу не вдавайтесь;
Загрáвъ мôй кôнь ворóненькій, назадъ сподѣвайтесь.

Соколóньку сынку, чини мою волю:
Продай коня вороного, вернися до-дому.
— Соколúхо мати, коня не продати,
Мому́ коню́ воронóму треба сѣньця дати.

Соко́лоньку сынку, рыбъ намъ не ловити,
Нѣчого намъ ѣсти — голодомъ сидѣти.
— Соколихо мати, пусти погуляти,
Буду гулять, да гуляти, доленьки шукати.
Соко́лоньку сынку! хиба́-жъ теперъ время?
— Время, мати, время! орлу разъ-то время!
Ой привезу́, мамо, тобѣ три жупаны,
Да всѣ тыи три жупаны всѣ сребломъ поткани;
Ой межъ тѣми одинъ жупанъ изъ само́го Хана:
Ой прощай-же, моя мамо, по́йду я до Хана.

Стоить яворъ надъ водою, въ воду похилився;
На козака приго́донька (бѣда), козакъ зажурився.
Не хилися, яворо́ньку, ще ты зелененькій!
Не журися, коза́ченьку, ще ты молоденькій!
Не радъ яворъ хили́тися — вода корни мые;
Не радъ коза́къ жури́тися, да серденько ные!
Ой поѣхавъ въ Моско́вщину козакъ молоденькій —
Орѣхове сѣделечко и конь ворonéнькій.
Ой поѣхавъ въ Моско́вщину да тамъ и загинувъ,
Сою милую Украину на вѣки покинувъ.
Казавъ собѣ: насыпали высоку могилу,
Казавъ собѣ: посадили въ головкахъ калину!
Будутъ пташки прилетати калиноньку ѣсти,
Будутъ менѣ приносити одъ ро́доньку вѣсти!..

Видкиль идешь?—Одъ Дунаю!—
А що чувавъ про Михайлу? —
Эге, чувавъ! я самъ видавъ:
Ишли Ляхи на три шляхи,
Казаченьки на чотыри,
А Татаре поле крыли.
А въ тимъ війську козацькому
Ихавъ возокъ да й покрытый
Червоною китайкою,
Заслугою козацькою;
А въ тимъ возку було тило
Порубане, почорниле.
За тимъ возкомъ кинь лыцарській;
Веде коня хлопъ козацькій,
Держить въ руци списъ довгенькій,
А у другій мечъ ясненькій —
Ой, ще зъ меча и кровъ тече!
По Михайли мати плаче,...
Не барзо винъ порубаный:
Головонька на три части,
Биле тило на чотыри!
На що, мати, траву дбати!
Треба дощокъ добувати,
Хоромину будовати!
Дай три доски кленовыи,
Четвертую сосновую:
Безъ дверь хата, безъ виконець,
Бо вже прійшовъ ёму конець!

Сама хожу по каминю;
Коня вожу — кинь лѣнъ топче;
На дорози горобець скаче.
Ой чижичку — воробейчику!
Скажи мини всю правдочку:
Кому воля, кому нема? —
Дивонькамъ своя воля:
Да за стричечку, да за виночокъ,
Да на уличку, да у таночокъ!—
Чижичку — воробейчику!
Скажи мини всю правдочку:
Кому воля, кому нема?—
Паробкамъ своя воля:
Да за шапочку, да за стрилочку,
Да на уличку.....
Чижичку — воробейчику!
Скажи мини всю правдочку:
Кому воля, кому нема? —
Молодичкамъ нема воли:
У запичку буркунъ бурчить,
У колысци дитя кричить,
Пидъ порогомъ порося пищить,
А у печи горщокъ бижить;
Горщокъ каже: одставъ мене!
Порося каже: погодуй мене!
Дитя каже: розповый мене!
Буркунъ каже: поцилуй мене!

Ой не шуми, луже, дубровою дуже,
Не завдавай сердцю жалю, бо я въ чужомъ краю,
Ой я въ чужомъ краю якъ на пожаринѣ,
Нихто мене не пригорне при лихой годинѣ!
Ой роблю я, роблю, робота ни-за-що,
Люди кажуть и говорять: сирота ледащо!
Сирота ледащо, не хоче робити;
Ой отдаймо вража сына у войсько служити!
Сирота втомився, на тинъ похилився —
Люди кажуть и говорять: вонъ мабуть упився!
Ой пойду я, пойду на гору крутую,
Ой стану-жъ я, подивлюся на рѣчку быструю.
Ой рѣченька, быстренькая! на еи дивлюся,
Таки мене думки взносять: пойду утоплюся!...
— Не топися, козаченьку! марне душу згубишъ:
Треба зъ нею въ свѣтѣ жити, хочъ еи не любишъ!

Ой по горамъ снѣги лѣжать,
По долинамъ воды стоять,
А по шляхамъ маки цвѣтуть:
То не маки, а чумаки —
Зъ Крыму идуть, рыбу везуть.
Мати сына вызнавала,
Да не взнала — выкликала:
— Иди сынку, до-домоньку,
Змыю тобѣ головоньку! —
«Измый, мати, сама собѣ,
Або моей родной сестрѣ:
Мене змыють — дробни дожчи,
А розчешуть — густи терны,
А просушить — ясне солнце,
А розкудрють — буйни вѣтры!...»

Доле моя, доле, дежъ ты ся подила?
Цы ты, моя доле, въ мори утонула,
Цысь, доле, въ огни згорила?
Еслись въ мори втонула, приплынь къ береженьку,
Але еслись, доле, въ огни погорила,
Жаль-бы моему серденьку!
Пріихали сваты до нашои хаты,
Та вже хотять мене, мене молоденьку,
За нелюба замужъ дати.
Мене мати дала, тай наказывала:
Шо-бы ты у мене, моя ридня доню,
Черезъ симъ литъ не бувала!
Я не вытерпила, за рикъ прилетила,
Перекинуламъ ся въ сиву зазуленьку,
Въ калиновымъ гаю (рощѣ) сила.
Якъ взела ковати, жалибно спивати,
Ажъ си взели къ земли лиси калинови
Видъ голосу розлигати.
Выйшла моя мати, стала на порози,
Пригадала соби свою ридню дочку,
Обилляли ею слезы:
Еслись моя дочка, прошу тя до хаты;
Але еслись сива пташка зазуленька,
Лети въ зеленъ лисъ ковати!

Вѣють вѣтры, вѣють буйны,
Ажъ деревья гнуться;
Ой, якъ болить мое серце,
Сами слезы льються!
Трачу лѣта въ лютомъ горѣ
И конця не бачу;
Тильки минѣ й легче стане,
Якъ трошки поплачу!
Не поможуть слезы счастю—
Серцю легче буде!
Хто счасливъ бувъ хоть часочокъ,
По вѣкъ не забуде!
Есть же люди, що и моей
Завидують долѣ;
Чи счастлива та-жь былинка,
Що росте у полѣ?
Ой у полѣ на песочку,
Безъ росы на сонцѣ...
Тяжко жити безъ милого,
На чужой сторонцѣ!
Безъ милого доли нема,
Стане свѣтъ тюрьмою;
Безъ милого счастя нема,
Нема и покою!
Де ты, милый чернобривый?
Де ты? озовися?
Якъ безъ тебе я горюю—
Прійди подивися!
До кого я пригорнуся,
И хто приголубить —

Коли нема того тута,
Якій мене любить!
Полетѣла-бъ я до тебе,
Да крылецъ не маю;
Сохну, чахну я безъ тебе
Всякъ часъ умираю.

3) ДУХОВНЫЯ ПѢСНИ.

(Стихи).

Значеніе духовныхъ стиховъ.—Слова Надеждина: «Наше Русское Православное Христіанство пришло къ намъ, водворилось у насъ безъ всякаго насилія и принужденія, единственно путемъ кроткаго и мирнаго, настоящаго евангельскаго благовѣствованія; оттого оно и срослось наконецъ съ природой Русскаго человѣка до того, что составляетъ нынѣ существенную, неотдѣлимую часть его, такъ сказать, народной сущности. У насъ не было ни крутаго, угнетательнаго напора въ пользу юнаго Христіанства, ни слишкомъ злаго, ожесточеннаго упорства со стороны стараго язычества; не было ни откуда вызововъ къ противоборству, не было и борьбы, которая, какъ бы ни кончилась, всегда, раньше или позже, отзывается въ жизни народовъ горькими, печальными послѣдствіями. При такомъ ходѣ распространенія и утвержденія Христіанства въ древней языческой Руси, становится весьма понятно, почему изъ общей, какъ видно, значительной въ свое время массы народныхъ миѳическихъ созданій, иное затерлось совсѣмъ и погибло безслѣдно, или истерлось въ такой прахъ, что едва-ли есть уже возможность разгадать и возстановить первоначальный видъ его; другое напротивъ уцѣлѣло въ кускахъ болѣе или менѣе крупныхъ, оттолкнутыхъ только въ самый темный уголъ народнаго быта, въ сказки, повѣрья и привычки простонародія, гдѣ они и сберегліись по сю пору, индѣ—вовсе безъ сознанія, и вездѣ — безъ малѣйшаго намѣренія и умысла оскорблять ими истинное благочестіе.

«Было, наконецъ, мѣсто и для попытокъ — продлить, среди новаго порядка идей и вещей, старую миѳическую жизненность и дѣятельность народной фантазіи; и это происходило посредствомъ больше или меньше удачной переработки стариннаго баснословнаго вещества, въ духѣ и формахъ той-же старины, но уже по возможности сообразно новымъ понятіямъ и потребностямъ крещенаго, Православнаго міра. Въ этомъ-то послѣднемъ видѣ народная память донесла и до настоящаго времени единственные, цѣльные памятники самаго склада, внутренняго и наружнаго, какимъ, для об-

щенароднаго употребленія, обработывались у насъ древніе миѳы. Они, памятники эти, составляютъ особый разрядъ произведеній нашей старинной народной словесности, которому въ самомъ народѣ присвоено особое характеристическое наименованіе стиховъ народныхъ.

«И дѣйствительно, складъ ихъ есть складъ стихотворный, тотъ же самый, который употребляется въ прочихъ Русскихъ старо-народныхъ пѣсняхъ; но существенное различіе между тѣми и другими состоитъ въ ихъ содержаніи, которое въ «стихѣ» всегда бываетъ «духовное, религіозное.» Отсюда происходитъ, что эти, такъ называемые «стихи», держатся и понынѣ въ народѣ не простымъ разсказываньемъ, а пѣньемъ; но и пѣньемъ опять не простымъ же, какъ обыкновенныя народныя пѣсни, а запечатлѣннымъ нѣкоторою особенною торжественностью. Ихъ не поютъ, какъ говорится—«зря,» кто и какъ ни попало, для веселаго и забавнаго времяпрепровожденія: ихъ поютъ—если дома, то благочестивые и богобоязненные старики и старухи, дѣды или бабки семействъ, а иногда и вся семья общимъ хоромъ, въ минуты степенной душевной настроенности, напр., во время Великаго поста или другихъ печальныхъ праздниковъ; въ особенности же пѣнье ихъ составляетъ ремесло такъ называемой у насъ «нищей братьи,» и преимущественно «слѣпцовъ,» которые, подобно древнимъ Греческимъ рапсодамъ, состоявшимъ также изъ слѣпцевъ (= Омировъ), являются съ ними при всякомъ людномъ стеченіи народа, на базаръ, ярмарку, и особливо на богомолье, и тамъ распѣваютъ ихъ публично, собирая вкругъ себя толпы, которыя слушаютъ ихъ со всѣми признаками искренняго, сердечнаго умиленія. При настоящемъ случаѣ, беру для примѣра, одинъ изъ этихъ «народныхъ стиховъ», въ которыхъ вообще видятся мнѣ единственно цѣльные памятники старо-народнаго, чисто-русскаго и въ собственномъ смыслѣ «миѳическаго» творчества. Стихъ этотъ извѣстенъ въ народѣ подъ примѣчательно-таинственнымъ именемъ «Стиха о Голубиной Книгѣ.» Я признаю его самымъ старшимъ изъ всѣхъ сохранившихся у насъ остатковъ нашей миѳической старины: старшимъ по первоначальному его происхожденію, которое, по убѣжденію моему, должно непремѣнно принадлежать временамъ силы и цвѣта народнаго Русскаго язычества, хотя видъ, въ которомъ онъ сохранился до нынѣ, очевидно выработанъ уже подъ вліяніемъ господствующаго Христіанства. Содержаніе этого «стиха» не ограничивается развитіемъ одного какого-нибудь опредѣленнаго миѳическаго воззрѣнія на одно какое-либо отдѣльное явленіе жизни или природы: оно состоитъ изъ цѣлаго длиннаго ряда умопредставленій, касающихся до разнообразнаго множества предметовъ въ природѣ и въ жизни, какіе только могутъ интересовать юное воображеніе

народа, только что пробудившагося къ сознанію и любопытству; умопредставленій, изложенныхъ въ свойственной миѳическому настрою формѣ вопросовъ и отвѣтовъ. Мы имѣемъ у себя нѣсколько редакцій этого «стиха,» присланныхъ къ намъ съ разныхъ сторонъ Россіи. Въ однѣхъ онъ — короче, въ другихъ — длиннѣе. Самая полнѣйшая редакція находится у насъ въ двухъ видахъ: одинъ — чисто Велико-россійскій, тотъ самый, который изданъ Московскимъ Обществомъ; другой—собственно Бѣло-русскій, присланный въ наше Общество [1]), со словъ Русскихъ простолюдиновъ Витебской губерніи, Себежскаго уѣзда, въ спискѣ, сохраняющемъ всѣ особенности мѣстнаго народнаго нарѣчія, даже и въ отношеніи къ произношенію. Вотъ какъ начинается этотъ «стихъ» въ первомъ видѣ, по Московскому изданію:

«Восходила туча сильна грозная,
Выпадала Книга Голубиная,
Не малая, не великая:
Долины книга сороку́ сажень,
Поперечины двадсяти сажень.
Ко той книгѣ ко божественной
Сходилися, соѣзжалися:
Сорокъ царей со царевичами,
Сорокъ князей со князевичами,
Сорокъ поповъ, сорокъ дьяконовъ,
Много народу, людей мелкіихъ,
Христіанъ Православныихъ.
Никто ко книгѣ не приступится,
Никто ко Божьей не пришатнется.
Приходилъ ко книгѣ премудрый царь,
Премудрый царь Давыдъ Ессеевичь:
До Божьей онъ книги доступается;
Передъ нимъ книга разгибается,
Все Божественное писаніе ему объявляется.
Еще приходилъ ко книгѣ Володиміръ князь,
Володиміръ князь Володиміровичь:
— «Ой ты гой еси, нашъ премудрый царь!
Премудрый царь, Давыдъ Ессеевичь!
Прочти, сударь, книгу Божію!
Объяви, сударь, дѣла Божіи:
Про наше житіе про свято-русское,
Про наше житіе свѣту вольнаго! —

[1]) Русское Географическое Общество.

Отчего у насъ начался бѣлый вольный свѣтъ!
Отчего у насъ солнце красное?
Отчего у насъ младъ свѣтелъ мѣсяцъ?
Отчего у насъ звѣзды частыя?
Отчего у насъ ночи темныя?
Отчего у насъ зори утренни?
Отчего у насъ вѣтры буйные?
Отчего у насъ дробёнъ дождёкъ?
Отчего у насъ умъ-разумъ?
Отчего наши помыслы?
Отчего у насъ міръ — народъ?
Отчего кости крѣпкія?
Отчего тѣлеса наши?
Отчего кровь — руда наша?»

«Въ этомъ прологѣ «стиха,» который, и для нашего времени, не лишенъ своего рода поэзіи выраженія, открывается уже довольно явственно, что подъ фантастическимъ именемъ и образомъ «Голубиной Книги» старина наша представляла всю сокровищницу современнаго ей народнаго знанія, весь тогдашній запасъ домашней мудрости. Видно также изъ самаго этого пролога, какъ ни обставленъ онъ подробностями явно Христіанскими, что первоначальная основа «стиха» задумана и зачата была внѣ Христіанства. Христіанинъ, если бы предложилъ себѣ такія задачи, какія предложены въ «стихѣ», не могъ бы никакъ искать на нихъ разрѣшенія въ такомъ странномъ, очевидно баснословномъ источникѣ, какимъ представляется здѣсь «Голубиная Книга:» въ основаніи Христіанства лежитъ книга дѣйствительно существующая, книга истиннаго, Божественнаго откровенія, заключающаяся въ Священномъ Писаніи. Книга эта, содержащая въ себѣ положительные отвѣты на предложенные здѣсь вопросы, съ тѣхъ поръ, какъ Русскій человѣкъ принялъ святое крещеніе, находилася всегда предъ его глазами, и притомъ, по особенному для Руси счастью, на такомъ языкѣ, который допущенъ былъ общенародному разумѣнію; къ какой же бы стати пришла ему въ голову мысль придумывать, для разрѣшенія своихъ недоумѣній, какую-то другую, особую книгу? такую книгу, про которую, во времена Христіанскія, произведшія настоящую редакцію «стиха,» надлежало сказать, что къ ней никто изъ Христіанъ не можетъ и приступиться, не только простой, мелкій народъ, но ни даже попы и дьяконы, ежедневно обращающіеся съ святой книгой истиннаго слова Божія? Продолженіе «стиха» еще яснѣе свидѣтельствуетъ, что въ немъ подъ «Голубиной Книгой,» разумѣется вовсе ни книга Священнаго Писанія, Евангеліе, или

цѣлая Библія, или наконецъ весь составъ церковныхъ книгъ, какъ бы слѣдовало непремѣнно ожидать, какъ бы не могло не быть въ народѣ безъ принятія на душу страшнаго грѣха, еслибъ «стихъ» этотъ, содержанія и направленія чисто-религіознаго, былъ происхожденія Христіанскаго. Вотъ что̀ отвѣчаетъ въ немъ царь Давидъ князю Володиміру:

«Возго̀воритъ премудрый царь,
Премудрый царь, Давыдъ Ессеевичь:
— «Ой ты гой еси, Володиміръ князь,
Володиміръ князь Володиміровичь!
Не могу я прочесть книгу Божію!
Ужъ мнѣ честь книгу, не прочесть Божью!
Эта книга не малая,
Эта книга великая!
На рукахъ держать, не сдержать будетъ;
На налой положить Божій, не уложится!
Я по старой по своей памяти,
Разскажу вамъ, какъ по грамотѣ»....

Тутъ уже осязательно ощутимо, что «Голубиная Книга,» при составленіи объ ней разсматриваемаго «стиха,» была не иное что, какъ миѳическое представленіе всего того, что̀ по предметамъ, интересовавшимъ народную любознательность, заключалось въ собственной народной памяти, было слѣдовательно своей, старинной, домашней, народной самодѣльщины.

«Нынѣшняя редакція «стиха» обязываетъ говорить «по памяти, какъ по грамотѣ,» самаго даже премудраго царя Давида, который введенъ въ позднѣйшую переработку стараго миѳа, очевидно — въ удовлетвореніе преданію Христіанскому! Нахожу не неумѣстнымъ прочесть теперь этотъ же самый прологъ «стиха,» и по другой, имѣющейся у насъ, редакціи — Бѣлорусской: онъ дастъ намъ тѣже самые выводы, но еще съ нѣкоторыми новыми оттѣнками, примѣчательными особенно потому, что этотъ варіантъ, очевидно одного и того же основнаго, первоначальнаго текста, видимо проще, и, въ слѣдствіе того, меньше можетъ быть заподозрѣнъ въ позднѣйшей искуственной подработкѣ. Буду читать, для вразумительности, обыкновеннымъ Велико-россійскимъ выговоромъ съ устраненіемъ и другихъ слишкомъ рѣзкихъ особенностей Бѣло-русскаго нарѣчія:

«Што на матушкѣ на Святой Руси,
На Святой Руси, на подсвѣтноей,
Што на той горѣ Сайрачинскоей:

Ахъ не чудо-ль тамъ сочудилося,
Не проявушка-ль проявилася?
Выпадала Книга Голубиная,
Превелика Книга Голубиная:
Вдоль книга сорока локотъ,
Поперегъ книга двадцати локотъ;
На рукахъ держать, не сдержать ону,
На престолѣ класть, не вляжетъ она,
По листамъ читать, не вчитать ону,
По стихамъ ходить, не входить ону.
Ко той книгѣ собиралися,
Собиралися, соѣзжалися,
Соѣзжалися, сомнѣвалися:
Сорокъ поповъ со поповичами,
Сорокъ дьяковъ со дьяковичами,
Сорокъ пановъ со пановичами,
Сорокъ князевъ со князевичами,
Сорокъ царевъ со царевичами;
Собрались два царя премудрые,
Премудрый царь Давидъ Ессеевичь,
Малатоминъ царь Малатомьевичь:
Онъ хорошъ загадочки загадывать.
— «Вы послушайте всѣ, люди добрые,
Люди добрые, мужи честные!
Распечатаю Книгу Голубиную!
По листамъ читать, не вчитать ону,
По стихамъ ходить, не входить ону;
А скажу вамъ, братцы, по памяти,
По памяти, какъ по грамотѣ....»

«И за симъ слѣдуютъ тѣже самые вопросы, какіе прочитаны были мною по Велико-русской редакціи «стиха,» въ тѣхъ же самыхъ и выраженіяхъ, только съ нѣкоторымъ измѣненіемъ порядка, и потомъ съ опущеніемъ нѣкоторыхъ вопросовъ, именно послѣднихъ, которые касаются собственно человѣка, а не внѣшней физической природы. Первое, что̀ бросается въ глаза при сличеніи обѣихъ этихъ редакцій, минуя видимое различіе всего изложенія, есть различіе лицъ, которыя вводятся въ бесѣдованіе съ царемъ Давидомъ о таинствахъ «Голубиной Книги,» лицъ, тѣмъ болѣе примѣчательныхъ при этнографическомъ изученіи «стиха,» что въ нихъ очевидно олицетворяется сама старая Русь, тогда какъ царь Давидъ есть олицетвореніе той мудрости, которая разрѣшаетъ предложенныя задачи. Велико-россійская редакція прибѣгаетъ и здѣсь къ лю-

бимому, знаменитому на всей Руси, имени князя Владиміра, которое какъ извѣстно, было долго главнымъ и почти единственнымъ средоточіемъ для нашихъ старонародныхъ вымысловъ. Но въ редакціи Бѣло-русской является совершенно новое, нигдѣ кромѣ неслыханное, имя: царь Малатоминъ Малатомьевичь! Исторія не сохранила для насъ никакого подобнаго имени ни изъ древне-русскаго, ни изъ послѣдовавшаго Литовскаго періода того края общерусской земли, который составляетъ нынѣшнюю Бѣлоруссію: стало быть, это имя есть явно доисторическое, положительно миѳическое! Замѣтимъ еще, что въ этой послѣдней редакціи, весь складъ которой обличаетъ болѣе грубую, циклопическую такъ сказать, работу воображенія и самаго языка, Христіанскій образъ царя Давида носитъ явные признаки позднѣйшей въ старый текстъ вставки: тутъ вовсе не раздѣляются между собой вопрощикъ и отвѣтчикъ; упоминаются только два царя, и оба премудрые, Давидъ и таинственный Малатоминъ; но потомъ одинъ изъ нихъ и предлагаетъ вопросы, и отвѣчаетъ на нихъ: и этотъ одинъ есть не кто иной, какъ олицетвореніе старой Руси, миѳическій царь Малатоминъ Малатомьевичь! Объ немъ говорится и потомъ, въ продолженіи «стиха,» неоднократно, въ слѣдующемъ, лишенномъ всякой грамматической связи, смѣшеніи съ явно вставленнымъ послѣ именемъ царя Давида:

«Слава тебѣ, премудрый царь,
Премудрый царь, Давыдъ Ессеевичь —
Малатоминъ царь Малатомьевичь!
Онъ хорошъ загадочки загадывать,
И загадывать, и отгадывать!»

«Не знаю, достаточно ли я выяснилъ теперь эти критическіе признаки; но во мнѣ они, совокупно съ другими болѣе мелкими чертами, которыя объяснять здѣсь долго и неумѣстно, раждаютъ несомнѣнное убѣжденіе, что разсматриваемый «стихъ,» не смотря на Христіанскую переработку сохранившихся донынѣ его редакцій, въ сущности есть самородное произведеніе нашей чисто-Русской народной фантазіи, есть образщикъ нашего стариннаго въ собственномъ смыслѣ миѳическаго творчества, принадлежавшаго отдаленнымъ временамъ народнаго нашего язычества. Еслибъ подлинный текстъ всего этого «стиха» дошелъ до насъ во всей сохранности первобытнаго своего состава и склада, то мы имѣли бы въ немъ безъ сомнѣнія самое полное и вѣрное изложеніе нашей чисто-Русской народной космогоніи: ибо къ этому предмету относятся, можно сказать, исключительно всѣ предлагаемые въ немъ вопросы, которые я выше исчислилъ. Въ настоящее время, мы находимъ на

эти вопросы слѣдующіе отвѣты, по Велико-россійской редакціи «стиха,» отъ которой впрочемъ ничѣмъ существенно не отличается и Бѣло-русская:

— «У насъ бѣлый вольный свѣтъ зачался отъ суда Божія;
Солнце красное отъ лица Божьяго;
Младъ свѣтелъ мѣсяцъ отъ грудей Божіихъ;
Звѣзды частыя отъ ризъ Божіихъ;
Ночи темныя отъ думъ Господніихъ;
Зо́ри утренни отъ очей Господніихъ;
Вѣтры буйные отъ Свята Духа;
У насъ умъ—разумъ Самаго Христа,
Самаго Христа, царя Небеснаго;
Наши помыслы отъ облацъ небесныихъ;
У насъ міръ—народъ отъ Адамія;
Кости крѣпкія отъ камени;
Тѣлеса наши отъ сырой земли;
Кровь—руда наша отъ черна́ моря!»

«Не мѣсто здѣсь останавливаться на каждомъ изъ этихъ отвѣтовъ, хотя всѣ они весьма примѣчательны по ихъ оригинальности; хотя, изъ подробнаго анализа ихъ и сличенія съ космогоническими понятіями другихъ народовъ и вѣковъ, открылись бы чрезвычайно любопытные виды и соображенія для этнографическаго изученія подлинной Русской народности. Выражу только общее впечатлѣніе, производимое цѣпью этихъ отвѣтовъ. Христіанство проскользнуло по нимъ, озолотило ихъ своимъ небеснымъ блескомъ; но еще и теперь примѣтенъ ветхій основный грунтъ старонароднаго, языческаго міросозерцанія, въ которомъ нельзя не признать характера глубокопантеистическаго и съ тѣмъ вмѣстѣ рѣзко антропоморфическаго.

«Обращикомъ положительныхъ результатовъ, какіе можно извлекать изъ подобныхъ миѳическихъ памятниковъ народной старины, собственно и непосредственно для главнаго предмета нашихъ общественныхъ занятій, для Географіи, есть отвѣтъ на вопросъ о «морѣ, которое всѣмъ морямъ мать,» въ томъ видѣ, какъ онъ изложенъ въ Бѣло-русской редакціи «стиха о Голубиной Книгѣ.» Въ предшествовавшее чтеніе, отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ читанъ мною по Велико-россійской редакціи; и я имѣлъ честь кратко объяснить тогда, что въ сознаніи Русской старины, въ то время, какъ складывалась эта редакція, первенствовало, подъ именемъ окіянъ-моря, наше нынѣшнее Черное, въ старину, какъ свидѣтельствуетъ исторія, собственно такъ называвшееся «Русское» море, съ присовокупленіемъ весьма старой и общераспространенной въ древнемъ

мірѣ Христіанскомъ легенды о совершавшемся нѣкогда въ этомъ морѣ ежегодно чудѣ появленія изъ волнъ его церкви съ мощами нѣкогда пострадавшаго тамъ за Христа св. Климента Папы Римскаго. Въ Бѣло-русской редакціи разбираемаго «стиха», говорится, при этомъ случаѣ, явно о другомъ морѣ, и совершенно съ другимъ отличительнымъ воспоминаніемъ, болѣе своенароднымъ, Русскимъ. Вотъ какъ предлагаются тамъ вопросъ и отвѣтъ по этому предмету, въ неразрывномъ соединеніи съ другимъ вопросомъ и отвѣтомъ, которыхъ вовсе нѣтъ въ редакціи Велико-россійской:

«А кое жъ море всѣмъ морямъ отецъ,
И который камень каменямъ отецъ?
—«Ахъ! Лàтырь — море всѣмъ морямъ отецъ,
И Лàтырь — камень каменямъ отецъ!»
«Почему жъ Латырь—море всѣмъ морямъ отецъ,
Почему Латырь—камень всѣмъ каменямъ отецъ?»
—«Потому Латырь—море всѣмъ морямъ отецъ,
Потому Латырь — камень всѣмъ каменямъ отецъ:
Лежитъ онъ середи моря,
Середи моря, середи синяго;
Идутъ по морю много корабельщиковъ,
У того камня останавливаются,
Они берутъ много съ его снадобья,
Посылаютъ по всему свѣту бѣлому.
Потому Латырь — море морямъ отецъ,
Потому Латырь — камень каменямъ отецъ!»

«Что это такое за Латырь-камень и Латырь-море, которыя здѣсь въ первый разъ, сколько мнѣ по крайней мѣрѣ извѣстно, являются въ такомъ тѣсномъ между собою союзѣ? — Что есть или былъ когда то на свѣтѣ какой-то чудный камень Алатырь, преданіе о томъ распространено издревле по всей Руси, но преимущественно господствуетъ на Великой Руси въ такъ называемыхъ «народныхъ заговорахъ», употребляемыхъ при леченіи разныхъ тѣлесныхъ и сердечныхъ недуговъ; тутъ онъ упоминается безпрестанно подъ именемъ «бѣлъ — горючаго камня Алатыря», лежащаго впрочемъ не на соименномъ морѣ, а просто «на морѣ на окіанѣ, на островѣ на Буянѣ», съ разными сокрытыми подъ нимъ, или дѣющимися на немъ, чудесами. Въ настоящемъ случаѣ, напротивъ, о камнѣ — Латырѣ не разсказывается вовсе никакихъ чудесъ, говорится лишь объ немъ, какъ о товарѣ, который, съ извѣстнаго моря, развозится по всему свѣту въ большомъ количествѣ. О какомъ именно морѣ идетъ тутъ рѣчь, ясно указываетъ

мѣстность, гдѣ произошла такая редакція «стиха». Бѣло-руссіею вообще называется тотъ край Руси, который расположенъ въ водоемѣ моря Балтійскаго; какое же другое море могло быть извѣстно тамъ ближе и опредѣлительнѣе? Но Балтійское море, со временъ самой отдаленной древности, славилось и славится до нынѣ богатой добычей какъ изъ него самаго, такъ и изъ окружающихъ его береговъ, вещества, извѣстнаго у насъ подъ именемъ «янтаря,» который еще Финикіане начали развозить по свѣту на своихъ купеческихъ корабляхъ. Янтарь есть дѣйствительно чудное, и до сихъ поръ въ точности неразгаданное наукой произведеніе природы: ему приписываютъ происхожденіе растительное, считая его отвердѣлою древесною смолою; но для простаго глаза онъ имѣетъ совершенно видъ камня. Понынѣ находятъ его, въ большемъ или меньшемъ изобиліи, по всему южному берегу Балтійскаго моря, отъ Копенгагена до Курляндіи. Самый обильный сборъ его бываетъ послѣ сильнаго морскаго вѣтра, когда онъ внезапно перемѣняется, начинаетъ дуть съ берега и обыкновенно сгоняетъ воду съ прибрежья; на мелкихъ мѣстахъ сбираютъ его и со дна моря ручными сѣтями. Когда же понадобится вдругъ большое количество янтаря, а его въ запасѣ нѣтъ, то въ Пруссіи, гдѣ добыча янтаря составляетъ государственную регалію, присяжные сыщики отправляются на лодкахъ къ высокому носу восточной Пруссіи, называемому Простенъ-Ортъ, и тамъ длинными шестами отламываютъ отъ возвышеннаго и рыхлаго берега большія глыбы земли, и съ ними почти всегда порядочные куски янтаря. Процессъ, на который видимо намекаетъ описаніе добычи камня — Латыря корабельщиками, останавливающимися у острова, середи моря! Въ древности Греки и Римляне дорожили весьма янтаремъ, не только какъ украшеніемъ, но и какъ высокоцѣлебнымъ средствомъ: его носили на себѣ въ качествѣ амулетовъ. Мы видѣли, что въ Бѣло-русской редакціи «стиха о Голубиной Книгѣ», Латырь—камень называется снадобьемъ, что на народномъ Русскомъ языкѣ означаетъ именно «лекарство;» въ нашихъ же Велико-россійскихъ «заговорахъ» «камень—Алатырь» вездѣ является одареннымъ чудною противъ всякихъ болѣзней силою. Цвѣтъ янтаря бываетъ или изъ красна и изъ сѣра желтый, или—изъ желта бѣлый, желто-соломенный; а горючесть его такова, что его употребляютъ одинъ или въ смѣси съ другими благоухающими веществами, какъ необходимый ингредіентъ для состава благовонныхъ куреній: вотъ объясненіе имени «бѣлъ — горючь камень — Алатырь.» Наше Русское слово «янтарь» одинаково съ Литовскимъ «gintaras,» которое значитъ тоже самое; у древнихъ Грековъ «янтарь» назывался ἤλεκτρον, откуда произошло и Латинское «electrum:» ближайшимъ филологическимъ розысканіямъ остается

опредѣлить, до какой степени эти всѣ слова «янтарь», «gintaras», «ἤλεκτρον», «Алатырь» и «Латырь» — могутъ быть признаны разноязычными видоизмѣненіями одного и того же первообразнаго имени. Но во всякомъ случаѣ, нельзя, кажется, сомнѣваться, что подъ обоими послѣдними именами, въ нашей миѳической старинѣ, разумѣлось не иное что, какъ «янтарь», по которому и главная родина его, Балтійское море, называлось, въ сосѣдней съ нимъ Руси, «Латырь-моремъ», то есть «янтарнымъ» моремъ! — Такимъ образомъ, изъ баснословнаго преданія старины, и при томъ такого, которое не утвердилось въ общемъ народномъ сознаніи, а завалилось гдѣ то въ глуши провинціальнаго захолустья, добывается любопытный историко-географическій фактъ, связывающій Балтику съ самыми ранними воспоминаніями Русскаго человѣка и связывающій тою же самою связью, которой море это нѣкогда привязалось въ первый разъ къ общему географическо-историческому сознанію человѣчества!» (Русская Бесѣда. 1857. Кн. 8-я «О Русскихъ народныхъ миѳахъ и сагахъ», въ смѣси, стр. 19 — 38).

Русскіе народные стихи. Кирѣевскаго. Чтенія Общ. Исторіи и древностей Росс. 1848, № 9. — Сборникъ Русскихъ духовныхъ стиховъ. Варенцова. Спб. 1860. — Калѣки перехожіе. Сборникъ стиховъ и изслѣдованіе Безсонова. I—IV выпуска. 1861—3. — Пѣсни Якушкина. Лѣтописи Русской Литературы. 1861. Кн. 2. — Русскіе духовные стихи. Буслаева. Р. Рѣчь 1861, № 23 — 26. — Историч. Очерки. Т. II, стр. 17 — 30. — Историческіе очерки народнаго міросозерцанія и суевѣрія. Щапова. Журн. Мин. Нар. Просв. 1863, № 1 — 7. — Опытъ историческаго обозрѣнія Р. Словесности, Ореста Миллера. Спб. 1863, стр. 41 — 78. — Исторія Русской Словесности. Шевырева. М. 1859. Ч. 1, стр. 287 — 303. — Исторія Русской Словесности. Галахова. Спб. 1863. Т. I, стр. 251 — 262. — Р. Калики древняго времени. Срезневскаго. Записки Академіи Наукъ. Спб. 1862. Т. I, кн. 2.

О Георгіѣ храбромъ.

Во святомъ градѣ Іерусалимѣ,
Ѳедора благовѣрнаго
Жена Софія премудрая
Породила Ѳедору три дочери,
Четвертаго сына Георгія.
Изъ того царства Вавилонскаго
Поднимался царь Дектіанъ
На той святой Іерусалимъ градъ;
Полонилъ у Ѳедора три дочери,
Четвертаго сына Георгія.
Сталъ онъ Георгія допрашивати:

«Ты которую, Георгій, вѣру вѣруешь:
Которому Богу молишься?»
— «Я вѣрую вѣру крещеную —
Въ мать Божію Богородицу,
Въ Троицу нераздѣлимую.»
А злодѣй — царище Дектіанище:
«Ты вѣруй, Георгій, мою вѣру,
Поклоняйся, Георгій, моимъ идоламъ!
Я устрою тебѣ свѣтлую свѣтлицу,
Дамъ тебѣ слугу вѣрную,
Дамъ тебѣ злата — серебра,
Драгоцѣнная каменя.»
Святый Георгій проговаривалъ,
Святый храбрый проглаголивалъ:
— «Злодѣй — царище Дектіанище!
Мнѣ не надо отъ тебя злата — серебра,
Не надо свѣтла свѣтлица,
Не надо слуга вѣрная.
Пропадешь на семъ свѣту на бѣлоёмъ
Со златомъ, со серебромъ,
Съ драгоцѣннымъ каменемъ:
Велика наша вѣра крещеная,
Мать Божія Богородица,
Еще Троица нераздѣлимая!»
Злодѣй — царище Дектіанище,
На святаго Георгія зло — паляюще,
Повелѣлъ Георгія на мученье взять,
На мученье взять на великое;
Приказалъ Георгія въ топоры рубить во желѣзные —
У топорьевъ по обухъ лезвіё обломалося, —
Ничѣмъ святаго Георгія не вредитъ.
Георгій гласы гласитъ до небесъ свои:
—«Велика наша вѣра крещеная,
Мать Божія Богородица,
Еще Троица нераздѣлимая.»
Злодѣй — царище Дектіанище,
На Святаго Георгія зло — паляюще,
Приказалъ Георгія на мученье взять на великое,
Приказалъ Георгія во пилы пилить во желѣзныя.
У пилъ зубье обломалося, —
Ничѣмъ святаго Георгія не вредитъ.
Онъ гласы гласитъ до небесъ свои:
—«Велика наша вѣра крещеная! и проч.

Злодѣй — царище Дектіанище,
На святаго Георгія зло — паляюще,
Приказалъ Георгія въ пещи жечь въ огнѣ—въ пламени.
Георгій стоитъ на во́здусѣ, —
Святаго Георгія ничѣмъ не вредитъ.
Онъ гласы гласитъ до небесъ свои:
—«Велика наша вѣра крещеная! и проч.
Злодѣй — царище Дектіанище,
На святаго Георгія зло — паляюще,
Приказалъ Георгія на мученье взять на великое,
Приказалъ Георгія въ сапоги ковать во желѣзные,
Разжигать жаромъ, огнемъ — пламенемъ.
Въ сапогахъ гвозди трех-верховые!
Повелѣлъ Георгію въ сапоги вставать,
Во желѣзные, во каленые, —
Святаго Георгія ничѣмъ не вредитъ.
Онъ гласы гласитъ до небесъ свои:
—«Велика наша вѣра крещеная! и проч.
Злодѣй — царище Дектіанище,
На святаго Георгія зло — паляюще,
Приказалъ Георгія на мученье взять на великое,
Приказалъ Георгія на водѣ топить на синемъ морѣ.
Святый Георгій поверхъ воды плаваетъ, —
Ничѣмъ святаго Георгія не вредитъ.
Онъ гласы гласитъ до небесъ свои:
—«Велика наша вѣра крещеная, и проч.
Злодѣй—царище Дектіанище,
На святаго Георгія зло—паляюще,
Приказалъ Георгія на мученье взять на великое,
Приказалъ наледники копать преглубокіе —
Въ глубину копать 60 саженъ,
Въ ширину копать 40 саженъ,
Обшивать шитвомъ дубовымъ,
Закрывать крышей желѣзною,
Засыпать песками крутожелтыми.
Копали наледники глубокіе,
Въ глубину 60 саженъ,
Въ ширину 40 саженъ,
Обшивали шитвами дубовыми,
Закрывали крышею желѣзною,
Засыпали песками крутожелтыми.
Святаго Георгія посажаючи
На тридцать лѣтъ и на три-года,

Самъ злодѣй пескомъ притоптывалъ,
Самъ злодѣй приговаривалъ:
«Не бывать бы Георгію на бѣломъ свѣту,
Не видать бы Георгію свѣту бѣлаго,
Не узрѣть бы Георгію солнца краснаго,
Что на тридцать лѣтъ на три-года.»
Въ то время прохождаючи,
Ровно тридцать лѣтъ и три-года,
Георгій возмолился:
— «Услышь, Господи, мое моленіе,
Услышь, Господь Богъ, мое терпѣніе,
Сошли съ небесъ погодушку
Со восточной сторонушки;
Раскрой крыши желѣзныя,
Разнеси пески крутожелтые,
Разбей шитвы дубовыя.»
По Георгіеву моленію,
По его святому терпѣнію,
Поднималась погодушка со вихоремъ
Со восточной сторонушки.
Разнесло пески крутожелтые,
Раскрывало крыши желѣзныя,
Расшивало шитвы дубовыя.
Увидалъ Георгій свѣту бѣлаго,
Возвидѣлъ Георгій солнце красное,
Выходилъ Георгій изъ той ямы глубокія
На-землю свято-Русскую.
Георгій прохождаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Видитъ въ далечѣ, въ чистомъ полѣ —
Стоитъ одна церковь соборная.
Георгій входилъ въ церковь соборную,
Поклонился Георгій чудному образу.
И стоитъ тутъ одна женщина,
Богу молится, Спасову образу, —
Его мать Софія премудрая.
Поклонился Георгій родной матери въ рѣзвы ноги:
— «Гой еси мать моя, Софія премудрая!
Гдѣ мой конь богатырскій?»
«Твой конь въ чистомъ полѣ;
На немъ вся сбруя цѣлымъ цѣла,
Сбруя несмятая, булатная.»
Поклонился Георгій чудному образу.

Георгій, похождаючи
Изъ тоя церкви изъ соборныя,
Богатырска коня искаючи,
На богатырска коня сажаючись,
Георгій поѣзжачи,
Святую вѣру утверждаючи,
Святый Георгій наѣхавши
На то на стадо на звѣриное —
На сѣрыхъ волковъ;
Волкъ съ волкомъ сойдутся и не разойдутся:
Нельзя Георгію проѣхати,
Нельзя святому подумати.
Святой Георгій проговаривалъ,
Святой храбрый проглаголивалъ:
— «Гой еси вы, волки сѣрые!
Разойдитеся по всему свѣту по бѣлому
По два, по четыре и по единому,
Пейте, ѣшьте посуленое и благословлёное.»
По Георгіеву по моленію,
По его святому терпѣнію,
Расходилися волки по всему свѣту по бѣлому
По два, по четыре и по единому.
Георгій проѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Святый Георгій наѣхавши
На то стадо на змѣиное,
На лукавое окаянное:
Нельзя Георгію проѣхати,
Нельзя святому подумати.
Строгалъ Георгій стружки дубовыя,
Самъ къ стружкамъ приговаривалъ:
—«Обращайтеся, стружки, въ калены стрѣлы,
Прибейте стадо змѣиное,
Змѣиное стадо лукавое, окаянное!»
По Георгіеву моленію,
По его святому терпѣнію,
Обращались стружки въ калены стрѣлы,
Прибили стадо змѣиное,
Лукавое, окаянное.
Георгій проѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Георгій наѣхавши на трехъ пастуховъ,
Пастухи — красныя дѣвицы.

Георгій проговаривалъ,
Святой храбрый проглаголивалъ:
—«Гой еси, пастухи — красныя дѣвицы!
Вы скажитеся, не утайтеся,
Котораго вы сами города,
Котораго отца — матери!»
— «Мы — города Іерусалимскаго,
Отца — Ѳедора благовѣрнаго,
Мать у насъ — Софія премудрая.»
— «Ахъ вы пастухи — красныя дѣвицы,
Мои вы родныя сестрицы!
Вы змѣинаго духа нахвателися,
И на васъ тѣло, какъ дубовая [1]) кора.
Вы сходите въ Іордань рѣку, искупайтеся.»
По Георгіеву моленію,
По его святому терпѣнію,
Сходили онѣ — въ Іорданѣ искупалися,
Приходятъ въ царство Вавилонское.
Георгій проѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Святой Георгій доѣхавши
До того царства до дальняго,
До того царства Вавилонскаго,
Ко тому ли царю Дектіанищу.
Зашипѣлъ онъ, злодѣй, по змѣиному,
Заревѣлъ по звѣриному.
Устрашился у Георгія богатырскій конь,
Палъ конь на сыру землю;
Вынимаетъ Георгій палицу боевую,
Бьетъ коня по крутымъ бедрамъ,
Пробиваетъ у него кожу до-мяса,
Мясо пробиваетъ до-костей,
Пробиваетъ кости до-мозгу.
Отвѣчалъ ему конь человѣчьимъ голосомъ:
«Гой еси, Георгій святой храбрый!
Вынимай свой тугой лукъ
И вскладывай калену стрѣлу,
Пускай злодѣю въ челюсти,
Отбей у него легкое съ печенью,
Пролей кровь за батюшку и за матушку,
И за родныхъ сестеръ!»

---

[1]) По другому списку еловая.

Вынималъ Георгій тугой лукъ,
Вскладывалъ калену стрѣлу,
Пускалъ злодѣю въ челюсти,
Отбивалъ легкое со печенью,
Проливалъ кровь за батюшку,
Проливалъ кровь за матушку,
Проливалъ кровь за родныхъ сестеръ!
Одолѣла кровь Георгія бусурманская, окаянная;
Стоялъ онъ въ крови ни по колѣнъ, не по-поясъ,
А стоялъ онъ въ крови по бѣлы-груди;
Вынимаетъ онъ копье долгомѣрное,
Ударилъ въ мать во сыру землю:
—«Раступися, мать — сыра земля!
Пожри кровь бусурманскую и окаянную!»
По Георгіеву моленію,
По его святому терпѣнію,
Раступилася мать сыра земля,
Пожрала кровь бусурманскую, окаянную.
Георгій проѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Георгій въѣхавши въ тое царство Вавилонское,
Сколь народу Георгію поклонилося,
Ко святому Георгію обратилося.
И стали они святую вѣру вѣровать —
Во Мать Божію Богородицу,
Въ Троицу нераздѣлимую.
И сдѣлали Георгію въ году два праздника.
Во вѣки. Аминь.

Георгій въ Русской землѣ.

Ѣдетъ онъ, Георгій храбрый,
Къ той землѣ Свѣтлорусской,
Отъ востока до запада поѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Бесерменскую вѣру побѣждаючи,
Наѣзжаетъ онъ, Георгій храбрый,
На тѣ лѣса, на темные,
На тѣ лѣса, на дремучіе.
Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати,
Хочетъ онъ, храбрый, туто проторити.

Нельзя Георгію туто проѣхати,
Нельзя храброму туто подумати.
И Георгій храбрый проглаголуетъ:
«Ой вы лѣса, лѣса темные!
Ой вы лѣса, лѣса дремучіе!
Зароститеся лѣса темные
По всей землѣ Свѣтлорусской,
Раскиньтеся лѣса дремучіе
По крутымъ горамъ по высокіимъ,
По Божьему все велѣнью,
По Георгіеву все моленью.

По его слову, Георгіеву, заростали лѣса темные, раскидались по всей землѣ Свѣтлорусской.

Наѣзжаетъ онъ Георгій храбрый
На тѣ горы на высокія,
На тѣ холмы на широкіе;
Хочетъ онъ Георгій туто проѣхати,
Хочетъ онъ туто, храбрый, проторити,
Нельзя Георгію туто проѣхати,
Нельзя храброму туто подумати.
И Георгій храбрый проглаголуетъ:
«Ой вы горы, горы высокія!
Ой вы холмы, холмы широкіе!
Разсыпьтесь горы высокія
По всей землѣ по Свѣтлорусской,
Становитесь холмы широкіе
По степямъ — полямъ зеленымъ.»

Слова Георгія исполняются.

Наѣзжаетъ Егорій храбрый
На тѣ моря, на глубокія,
На тѣ рѣки, на широкія.
Хочетъ онъ Георгій туто проѣхати,
Хочетъ онъ храбрый туто проторити.
Нельзя Георгію туто проѣхати,
Нельзя храброму туто подумати.
И Георгій храбрый проглаголуетъ:
«Ой вы моря, моря глубокія!
Ой вы рѣки, рѣки широкія!
Потеките моря глубокія

По всей землѣ Свѣтлорусской,
Побѣгите рѣки широкія
Отъ востока да и до запада.

Велѣніе Георгія исполняется. Наѣзжаетъ потомъ Храбрый на рогатыихъ звѣрей и тутъ ему нельзя проѣхать; опять Георгій говоритъ:

«Ой вы звѣри, звѣри могучіе!
Ой вы звѣри, звѣри рогатые!
Заселитеся звѣри могучіе
По всей землѣ Свѣтлорусской.»

Велѣніе Георгія исполняется.

И онъ Георгій храбрый заповѣдуетъ
Всѣмъ звѣрямъ могучіимъ,
Всѣмъ волкамъ рыскучіимъ:
А и есть про васъ на съедомое,
Въ поляхъ трава муравчата,
А и есть про васъ на пойлище
Въ рѣкахъ вода студеная.

Георгіево велѣніе исполняется.

Примѣч. — Слова Щапова: «Во всемъ этомъ стихѣ, сквозь миѳическій ликъ Георгія храбраго, сквозь миѳическія черты его богатырской, героическо-полубожеской дѣятельности, проглядываютъ нѣкоторые смутные оттѣнки историческіе. Егорій храбрый является намъ, въ народномъ изображеніи, героемъ-полубогомъ, могучимъ воздѣлывателемъ Русской земли, начинателемъ, основателемъ ея физической культуры, земскаго устроенья [1]). Для такого объясненія стиха мы имѣемъ нѣкоторыя историческія основанія. Изъ исторіи колонизаціи видимъ, что на обоихъ путяхъ первоначальнаго движенія и разселенія Славянскаго племени по Финскому сѣверовостоку, на системѣ Волжско-камской или Ростовско-суздальской и на системѣ полярно-балтійской или Новгородской колонизаціи,—Егорій храбрый былъ признаваемъ Русскими колонистами спутникомъ и помощникомъ въ борьбѣ съ суровой сѣверо-восточной природой, съ Чудью, съ Финскимъ язычествомъ, а потомъ, съ XIII вѣка, и съ бусурманствомъ.

«Побѣдоносный Юрій Долгорукій, не даромъ носившій имя храбраго побѣдоносца, первый неутомимый устроитель сѣверо-восточной, Волжской страны Великой Руси,—Юрій Долгорукій, именно, какъ изображаемый народнымъ эпосомъ Егорій храбрый, героически носился по Русской землѣ, вдоль и поперекъ исходилъ ее, въ теченіе своихъ 22 лѣтнихъ походовъ, отъ приднѣпровья до Новгорода, отъ верховьевъ и до низовьевъ Волги, вдоль и поперекъ извѣдалъ свою *мѣсную* и *польскую* землю. Раздѣляя въ ней лѣсъ и

[1]) По переводу азбуковниковъ XVII вѣка, Георгій значитъ *воздѣланный*.

поле, онъ рубилъ лѣса, средоточія звѣрей и звѣроловной Чуди-Мери, и строилъ въ *полѣ* свои знаменитые *польскіе* и *залѣсскіе* города—начатки гражданственной культуры—Москву, Юрьевъ Польскій, Юрьевъ Повольскій, Дмитровъ, Переяславль Залѣсскій, Коснятинъ, Кострому, Галичъ Мерскій, а по Татищевой лѣтописи, и Ярославль, и еще нѣкоторые другіе города. Строя города и ставя въ уѣздахъ ихъ села, заботясь о распространеніи и утвержденіи христіанской вѣры на Финскомъ сѣверѣ, Юрій Долгорукій признавалъ своимъ сподвижникомъ въ борьбѣ съ дикой, не початой почти природой и съ невѣрными Финскими и другими племенами сѣверной Руси, св. Георгія храбраго. Потому онъ любилъ въ городахъ и селахъ, имъ устроенныхъ, ставить первыя церкви во имя Георгія храбраго. По свидѣтельству Никоновской лѣтописи, онъ не только въ городахъ, но и въ нѣсколькихъ селахъ построилъ церкви во имя Георгія побѣдоносца [1]). Точно также Новгородцы, колонизуя сѣверо-восточную Финскую страну Русской земли за увалами, въ другой, полярно-балтійской рѣчной системѣ, также большую часть погостовъ назвали *Георгіевскими* отъ церквей во имя св. Георгія храбраго. Въ этомъ всякій можетъ удостовѣриться изъ писцовыхъ книгъ пятинъ и погостовъ Новгородскихъ. Мало того: путь Новгородской колонизаціи среди дремучихъ лѣсовъ въ сѣверо-восточныхъ земляхъ *«Бѣлоглазой Чуди»*, по р. Сухонѣ и ея притокамъ ознаменованъ въ лѣтописяхъ Новгородскихъ даже особыми легендами о Георгіи побѣдоносцѣ. Вотъ, напримѣръ, одно изъ такихъ сказаній. Около половины XII в., когда Новгородцы, подвигаясь по рѣкѣ Сухонѣ и ея притокамъ, положили основаніе Вологдѣ и дошедши до устья Юга, основали Устюгъ, нѣкоторые изъ Новгородскихъ повольниковъ—гостей, пользуясь свободою переходить съ одного мѣста на другое, явились и далѣе на берегахъ рѣки Юга. Здѣсь, въ 27 верстахъ ниже нынѣшняго города Никольска, при впаденіи рѣки Молоковицы въ Югъ, они нашли Чудское селеніе. Прекрасная мѣстность плѣнила пришельцевъ, и они, поселившись на лѣвой сторонѣ Юга, противъ самыхъ жилищъ Чуди, на горѣ, построили молитвенный храмъ или часовню во имя Георгія храбраго. Водвореніе Новгородскихъ пришельцевъ было непріятно туземцамъ и они не замедлили напасть на новыя обиталища. Дружнымъ отпоромъ встрѣтили поселенцы враговъ многочисленныхъ, скатывали на нихъ съ горы бревна и камни, лили кипящую воду, наконецъ, когда ничто не помогало, отверзли храмъ молитвенный и предъ образомъ Георгія побѣдоносца просили себѣ небесной помощи. Враги отступили. Чрезъ нѣсколько времени они сдѣлали новое нападеніе, столь же безуспѣшное, послѣ котораго навсегда удалились отъ этого мѣста, а нѣкоторые изъ нихъ тогда же приняли христіанскую вѣру. Егорій храбрый, какъ гласитъ легенда, внялъ молитвѣ храбрыхъ «молодцовъ» Новгородскихъ, и явилъ Чуди два чудныхъ видѣнія, о которыхъ послѣ разсказывали сами враги, обратившіеся въ христіанство. Мѣстность эта, гдѣ, на отлогой сторонѣ горы, сдѣланъ былъ Новгородскими выходцами ровъ для защиты отъ нападеній Чуди, съ тѣхъ поръ названа была *у Егорья въ Полу-горѣ*. Происхожденіе такого названія объясняется преданіемъ, что при первомъ нападеніи Чуди, когда Новгородцы молились въ часовнѣ св. Георгія, на ея кровлѣ явился воинъ, который сидѣлъ на бѣломъ конѣ и копьемъ своимъ грозилъ осаждавшимъ. При второмъ нападеніи тотъ же воинъ съ копьемъ явился стоявшимъ въ *Полугорѣ*. Въ благодарность Георгію побѣдоносцу, храброму сподвижнику Новгородской колонизаціи, церкви

[1]) Никон. лѣтоп. 11, 135 и слѣд.

въ новыхъ приходахъ Новгородскихъ выходцевъ построены были во имя его. Такъ образовались напр. приходы старо-георгіевскій, Холежскій и ново-георгіевскій [1]).

«На основаніи такихъ историческихъ фактовъ, мы позволяемъ себѣ догадку, что въ стихѣ о Егоріи храбромъ народный эпосъ выразилъ идею первоначальнаго «земскаго строенья,» физической культуры Русской земли, идею могучей богатырской силы Славянскаго племени въ борьбѣ съ лѣсами непроходимыми, дремучими, съ цѣлыми стадами звѣрей рыскучихъ и рогатыхъ, да съ Чудью языческой, а съ XIII вѣка и съ Татарами-бесерманами. Какъ Егорій храбрый проторялъ себѣ путь до перваго жилья, поселенія человѣческаго, черезъ темные дремучіе лѣса, черезъ широкія рѣки, черезъ болота топучія, черезъ стада лютыхъ звѣрей и волковъ рыскучихъ, черезъ лютыя стада змѣиныя, такъ и Славяно-русское племя проторяло себѣ путь колонизаціи на Финскомъ сѣверо-востокѣ, сквозь темные, дремучіе лѣса, черезъ зыбучія болота и толкучіе холмы, по широкимъ рѣкамъ пробираясь, съ одной стороны, въ слѣдъ за удалыми Новгородскими *молодцами*, *ушкуйниками* и *гостями*—устроителями сѣверо-поморской земли, съ другой—по слѣдамъ храбраго Юрія Долгорукаго, неутомимаго устроителя Волжской земли. На пути своемъ Славяно-русскій народъ раздѣлалъ лѣсъ и поле, ноставлялъ на пути гостьбы, торговъ, рядковъ *«погосты въ Чуди, въ Лопи, въ Корѣлѣ»* и проч., *«посажалъ деревни и починки на лѣсѣхъ,» на пашенныхъ, бортныхъ* и другихъ хозяйственно-промышленныхъ *путяхъ* и *ухожаяхъ*. Неутомимо двигался онъ по рѣкамъ Волжко-камской и Ильменско-двинской системы, разширяя свои колоніи по рѣчнымъ системамъ, по землѣ и по водѣ, въ уѣзды, станы, волости и проч. и боролся съ дикими звѣрями, встрѣчаясь въ непроходимыхъ дебряхъ съ цѣлыми стадами волковъ, медвѣдей, оленей и другихъ звѣрей, какъ гласятъ житія сѣверо-восточныхъ отшельниковъ Русскихъ—Трифона Печенгскаго, Никодима Кожеезерскаго, Антонія Сійскаго, Павла Обнорскаго, Макарія Унженскаго и другихъ, которые въ то же время, по слѣдамъ колонизаціи, распространяли христіанство среди Чудскихъ и бесерменскихъ племенъ [2]). И когда народъ Русскій, призывая на помощь Георгія храбраго, въ основныхъ частяхъ, совершилъ первоначальную, подготовительную физическую культуру, архитектоническую обстройку и пограничную территоріальную установку Русской земли путемъ покоренія и собранія всей земли, путемъ вольно-народнаго перехода и колонизаціоннаго самоустройства среди лѣсовъ непроходимыхъ, среди Финскихъ и частію бесерменскихъ племенъ,—тогда для него наступилъ многознаменательный въ нашихъ юридическихъ актахъ *Юрьевъ-*

---

[1]) Архангельская лѣтопись издан. Моск. 1819 г. стр. 132 и 193. Прибавленіе къ Вологодскимъ губернскимъ вѣдомостямъ 1845 г., № 11.

[2]) Изображаемое въ стихѣ избіеніе змѣинаго стада указываетъ на легенды народныя о взятіи различныхъ городовъ и царствъ Татарскихъ, напр. на Казанскую легенду, по которой змѣй лежалъ на крѣпости города Казани, когда ее брали Русскіе, и защищалъ, а такъ же указываетъ на легенды о миѳическихъ змѣяхъ на сѣверѣ въ Чудской землѣ и въ низовьяхъ Волги, о змѣевыхъ горахъ и т. п. Покореніе и обращеніе въ христіанство дѣвицъ намекаетъ, повидимому, на тотъ историческій фактъ, что Русскіе, покоряя новыя Чудскія или бесерменскія земли, имѣли обычай уводить въ полонъ преимущественно женщинъ и дѣтей, крестили ихъ и на крещеныхъ нерѣдко женились. По слѣдамъ христіанства, шла обыкновенно Славяно-русская колонизація и совершалось постепенное обрусѣніе Чудскихъ и бесерменскихъ земель.

день, — памятный доселѣ и въ народной земледѣльческой исторіи и въ народномъ физическомъ или сельско-хозяйственномъ дневникѣ — день Георгія храбраго.

«Позволяя себѣ такую догадку объ исторической основѣ народнаго стиха о Георгіи Храбромъ, мы тѣмъ не менѣе должны признать въ немъ, особенно по другой редакціи его, и миѳологическіе оттѣнки, восходящіе къ глубокой древности. По духовному народному стиху, изданному Кирѣевскимъ, Егорій Храбрый наѣзжалъ на стада чудовищныхъ, миѳическихъ животныхъ, на стада летучихъ зміевъ, да рыскучихъ волковъ. Только пастухи этого послѣдняго стада носятъ на себѣ обличье человѣческое; но ихъ чудовищный, сверхъ естественный видъ, напоминающій миѳическія, стихійныя существа, въ родѣ вилъ, русалокъ, лѣшихъ, не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что Егорій Храбрый наѣзжалъ еще въ языческія мѣста Свѣтло-русской земли и при томъ въ жилища миѳическихъ пастуховъ.

И пастятъ стада три пастыря,
Три пастыря, да три дѣвицы....
На нихъ тѣла, яко еловая кора,
Власъ на нихъ, какъ ковыль трава.»

(Журналъ Минист. Народ. Просв. 1863, № 1 «Историч. очерки народнаго міросозерцанія и суевѣрія»).

Слова Буслаева о миѳическомъ значеніи стиха: «Поэтическій стиль нашихъ духовныхъ стиховъ вполнѣ соотвѣтствуетъ, вообще въ исторіи средне-вѣковаго искусства, стилю *Романскому*, который въ украшеніяхъ на капителяхъ, порталахъ и во всѣхъ подробностяхъ скульптурныхъ, представляетъ грубѣйшую смѣсь языческаго съ христіанскимъ, смѣсь вѣрованій и воззрѣній туземныхъ съ заимствованными. Въ немъ господствуетъ таже чудовищность въ сочетаніи формъ человѣческихъ съ звѣриными или птичьими, въ изображеніи крылатыхъ звѣрей и другихъ небывалыхъ животныхъ.

«Въ этомъ отношеніи отличается высокимъ Романскимъ стилемъ превосходный народный стихъ объ Егорьѣ храбромъ. Тотъ вовсе не понялъ бы всего обаянія народной поэзіи въ этомъ стихѣ, кто рѣшился бы въ храбромъ героѣ видѣть святочтимаго Георгія Побѣдоносца, точно также какъ въ пѣсенномъ Владимірѣ *Красномъ-Солнышкѣ* — Равноапостольнаго князя.

«Разъѣзжая по землѣ Свѣтлорусской, вмѣсто людей, наѣзжалъ Георгій на стада чудовищныхъ животныхъ, на стада летучихъ зміевъ да на рыскучихъ волковъ. Только пастухи этого послѣдняго стада носятъ на себѣ обличье человѣческое; но ихъ сверхъестественный, чудовищный видъ, напоминающій миѳическія, стихійныя существа, въ родѣ Русалокъ, Лѣшихъ — не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что Егорій храбрый попалъ не только въ страну языческую, но даже заѣхалъ въ самое святилище языческихъ божествъ.

И пастятъ стадо три пастыря,
Три пастыря да три дѣвицы,
Егорьевы родныя сестрицы:
На нихъ *тѣла*, *яко еловая кора*,
Власъ на нихъ, *какъ ковыль трава*.

«Братомъ такихъ существъ, обросшихъ древесною корою, и съ зелеными волосами, какъ у Русалокъ, могло быть, конечно, не лицо христіанскаго міра, а миѳическое существо, какимъ и описывается Егорій въ пѣснѣ:

По колѣна ноги въ чистомъ серебрѣ,
По локоть руки въ красномъ золотѣ,
Голова у Егорія жемчужная,
По всемъ Егорьѣ часты звѣзды.

«Частыя звѣзды на Егорьѣ напоминаютъ ризу въ стихѣ о Голубиной книгѣ: «звѣзды частыя отъ ризъ Божіихъ.»

«Какъ *рыскучіе волки*, которыхъ наѣзжаетъ Егорій, не только *волкодлаки* (люди, превращенные въ волковъ) древней миѳологіи, но и символическіе знаки Романскаго стиля, подобные крылатому или многоглавому змію; такъ и чудесный образъ самаго героя, выходя изъ миѳическихъ основъ, въ тоже время напоминалъ нашимъ предкамъ художественное произведеніе того же древне-христіанскаго стиля, литое или чеканное, изъ золота и серебра, съ драгоцѣнными каменьями» [1]). (Историческіе очерки. Т. II, стр. 21 — 23).

Слова Снегирева: «Святой великомученикъ Георгій, родомъ Каппадокіанинъ, современникъ Діоклитіана, почитается покровителемъ земледѣлія, стадъ и пастуховъ, по самому значенію его имени [2]) и потому, что онъ являлся на конѣ и въ одно изъ такихъ явленій исцѣлилъ пастуха, обличивъ его въ похищеніи овцы. Онъ славенъ также низложеніемъ въ Ливійскихъ странахъ ужаснаго дракона и спасеніемъ отъ него дѣвицы, обреченной ему на жертву. Подобное чудо приписывается и въ другихъ странахъ другимъ святымъ. Такое преданіе, укоренившееся у многихъ народовъ, побуждаетъ насъ искать общаго начала сему вѣрованію. Слова св. Евсевія, согласныя съ словами легенды, представляютъ намъ объясненіе. Въ письмѣ своемъ къ Константину онъ изъявляетъ совершенную радость объ истребленіи язычества въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Теперь возстановлена свобода, и промысломъ всемогущаго и всеблагаго Бога сокрушенъ драконъ». Драконъ означаетъ геній язычества: отсюда и сокрушеніе такого страшнаго звѣря аллегорически представляло христіанамъ положеніе перваго камня новой Церкви на развалинахъ языческаго служенія, или, другими словами, торжество откровенія надъ духомъ мрака. Столь обширное значеніе дано подвигу св. Георгія!

«О св. Георгіѣ у крестьянъ существуетъ повѣрье, что онъ ѣздитъ на *бѣломъ* конѣ, который въ средніе вѣка былъ символомъ феодальнаго государя; хранитъ скотъ и только за нечестіе пастуховъ предаетъ его на расхищеніе волкамъ; оттого вѣроятно и поговорка: *Что у волка въ зубахъ, то Егорій далъ*». (Русскіе простонародные праздники. Вып. 3 «Юрьевъ день весенній»).

Стихъ о страшномъ судѣ.

Съ восточной стороны идетъ Небесный Царь,
И идетъ Судья Праведный, наше солнышко праведное,

---

[1]) Рядъ чудовищныхъ, необычайныхъ изображеній въ скульптурныхъ украшеніяхъ Димитріевскаго собора во Владимірѣ (1197 года) хорошо извѣстенъ любителямъ нашей старины, которые въ этихъ украшеніяхъ видятъ Романскій стиль. *Буслаевъ.*

[2]) *Γεωργὸς* и *γεώργιος*, земледѣлецъ, селянинъ.

Идутъ за нимъ вѣрные, идутъ и спасеные,
Идутъ и труждающіе, идутъ и питающіе.
И встрѣчаетъ ихъ Небесный Царь,
И встрѣчаетъ Судья Праведный:
«Подите вы, вѣрные, подите, спасеные,
Во мой во прекрасенъ рай;
Вамъ райскія двери отверзаются,
И прекрасенъ вамъ рай красуется.»
Въ западную сторону идутъ же тутъ грѣшные,
Раби беззаконные.
И встрѣчаетъ ихъ Небесный Царь:
«Подите вы грѣшные, раби беззаконные,
Въ западную сторону, во мѣсто во адовое,
Во пропасть глубокую,
И не будетъ вамъ, грѣшные, моленья, ни радости.
Инымъ будетъ грѣшнымъ
Судьямъ, властямъ не милосливымъ —
Имъ мѣсто и адовое, и пропасть глубокая:
То мука имъ вѣчная, житье вѣковѣчное.
Инымъ будетъ грѣшнымъ, дружникамъ —
Имъ рѣка *огнянная*, пламя неугасимое.
Инымъ будетъ грѣшнымъ женамъ,
Младенцевъ губительницамъ —
Змѣи поѣдающія, сердце высосающія.
Инымъ будетъ грѣшнымъ барышникамъ и ростовчикамъ—
Черви усыпляющіе, пилы имъ терзающія, кости разрубляющія.
Инымъ будетъ грѣшнымъ сквернословцамъ, пьяницамъ —
Котлы имъ горящіе, смола зла кипущая:
То имъ мука вѣчная, житье вѣковѣчное.
Нападетъ на грѣшныихъ зла бѣда великая;
И погонятъ грѣшныихъ
Въ западную сторону, во мѣсто во адовое,
Во пропасть глубокую.
Не слышно отъ грѣшныихъ ни писку, ни вереску
Отнынѣ и до вѣку.

Отрывокъ изъ другаго стиха о страшномъ судѣ.

Подымутся съ неба волменскій громъ (молнія и громъ),
Волменскій петры громъ трикающій (молнія, вѣтры).
Приразитъ народу много грѣшнаго ко сырой землѣ,
Разшибетъ мать сыру землю на двѣ полосы.

Разступится мать сыра земля на четыре четверти;
Протечетъ грѣшнымъ рабамъ рѣка огненна
Отъ востоку солнца до запада,
Пламя пышетъ отъ земли и до небеси;
Со небесъ сойдутъ на землю святы Ангелы,
Ударятъ грѣшныхъ рабовъ скипетрамъ желѣзными
И прутьямъ каленымі,
Погонятъ грѣшныхъ рабовъ во рѣку огненну.
Они свяжутся своими грѣхами тяжкими.
Понесетъ грѣшныхъ рабовъ рѣка огненная
На муки разныя, на муки разноличныя!
Кому Господь создалъ по дѣламъ душамъ мученіе,
По грѣхамъ розличеніе.
Тогда сядетъ самъ Іисусъ Христосъ
На престолѣ, Судья Праведный,
Задернетъ грѣшныхъ рабовъ
Святымъ Духомъ Господнимъ,
Землей, травой и муравой,
Чтобы отъ грѣшныхъ отъ рабовъ не слышати
Госпожѣ Владычицѣ и Богородицѣ
Не писку, не визгу, не взраду,
И не зубнаго скрыданія
И не слезнаго рыданія.

Примѣч. — Сравнить этотъ стихъ съ поэмою Данте «Божественная комедія.» — Адъ, по изображенію Данте и Русскаго народнаго поэта. — См. первый выпускъ нашей Христоматіи, стр. 438 и д.

4) РАСКОЛЬНИЧЬИ СТИХИ.

Пѣсня глухой нѣтовщины, оставшаяся послѣ временъ самосожигательства.

Какъ шелъ старецъ по дорожкѣ,
Черноризецъ по широкой;
Идучи онъ слезно плачетъ,
Во слезахъ пути не видитъ,
Во рыданьяхъ слова не молвитъ.
Какъ на встрѣчу ему идетъ
Самъ Христосъ Царь Небесный.
«Охъ гой еси, старецъ черноризецъ,

Ты о чемъ, старецъ, слезно плачешь,
Ты о чемъ, черноризецъ, воздыхаешь?»
Отвѣчалъ Господу старецъ,
Отвѣчалъ Царю Небесному черноризецъ:
«Охъ ты гой еси, Христосъ, Царь Небесный!
Какъ мнѣ, Господи, не плакать?
Потерялъ я златую книгу,
Потопилъ ключъ церковный въ морѣ».
Отвѣчаетъ Христосъ старцу,
Отвѣчаетъ Царь Небесный черноризцу:
«Не плачь, старецъ, не плачь, черноризецъ!
Я сыщу тебѣ златую книгу,
Ключъ церковный изъ моря выну.
Ты поди, старецъ, въ пустыню,
Ты спасай тамъ свою душу.»
Какъ возговоритъ ему старецъ со слезами:
«Охъ ты гой еси, батюшка Христосъ, Царь Небесный,
Ты поставь-ка мнѣ въ пустынѣ келью,
Гдѣ бы люди не ходили,
Однѣ бы пташки пролетали,
Меня бы, старца, потѣшали,
Ото сна бы пробуждали;
Ото сна бъ я пробудился,
На правило становился.»
Какъ возговоритъ Христосъ Царь Небесный:
«Ой вы люди, рабы мои—Христовы,
Православные христіане,
Не забывъ Бога, живите,
Не буянно поступайте,
Не рѣчисто говорите.
Народился духъ нечистый,
Духъ нечистый — злой антихристъ,
И пустилъ онъ свою прелесть
По городамъ и по селамъ.
Людей моихъ изгоняетъ,
Въ свою вѣру принуждаетъ,
Въ свою церковь ходить заставляетъ,
Своихъ поповъ поставляетъ,
Своихъ судей посылаетъ,
Свои письма разсылаетъ
По селамъ и по деревнямъ,
По прекраснымъ пустынямъ.
Не сдавайтесь вы, мои свѣты,

Тому змію седмиглаву,
Вы бѣгите въ горы, вертепы,
Вы поставьте тамъ костры большіе,
Положите въ нихъ сѣры горючей,
Свои тѣлеса вы сожгите.
Пострадайте за меня, мои свѣты,
За мою вѣру Христову:
Я за то вамъ, мои свѣты,
Отворю райскія свѣтлицы,
И введу васъ во царство небесно,
И самъ буду съ вами жить вѣковѣчно.

Примѣч. — Ужасный фактъ самосожигательства или самоубіенія раскольниковъ, къ сожалѣнію, существуетъ и теперь. Недавно въ газетахъ было напечатано, что одинъ раскольникъ, буквально понимая ученіе Спасителя о распятіи каждымъ христіаниномъ своей плоти со страстями, распялъ самъ себя на крестѣ... Самосожженіе же въ громадномъ размѣрѣ было въ XVIII в. Въ 1760 г. въ Оренбургской губерніи, въ Исетскомъ округѣ, въ деревнѣ Кузиной, сгорѣло 150 душъ. Раскольники, передъ самосожженіемъ, прямо говорили, что предаютъ себя горѣнію, боясь жестокихъ преслѣдованій со стороны правительства. (Русскій расколъ старообрядства. Щапова. Казань. 1859 стр. 545).

Пѣсня морельщиковъ.

Охъ ты, матушка, пустыня,
Распрекрасная раиня!
Еще кто бъ тебя поставилъ;
Середи темнаго лѣсу,
Во зеленой во дубровѣ?
Не слыхать бы въ тебѣ было
Прелестнаго злаго міра.
Пришло времячко гонимо:
Народился злой антихристъ;
Въ сію землю онъ вселился,
На весь міръ вооружился.
Стали его волю творити —
Усы, бороды стали брити,
Латынскую одежду носити,
Трепроклятую траву пити.
Какъ возговоритъ Христосъ,
Царь Небесный:
«Охъ вы люди мои, рабы грѣшные,
Рабы грѣшные, неключимые,
Убоясь, вы, Бога, живите,
Вы мою волю творите,
Не буянно поступайте,
Не рѣчисто говорите,
Не до-сыта наѣдайтесь,
Не до-пьяна напивайтесь;
Вы бѣгите въ темны лѣсы,
Зарывайтеся песками,
Рудожелтыми хрящами,
Помирайте-ка всѣ гладомъ.
Не умрете — оживете,
Моего царствія не минете.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПѢСНИ.

Художественнаго своего развитія впервые достигла народная пѣсня подъ перомъ знаменитаго Греческаго поэта Анакреона. *Анакреонъ* (554 — 469 до Р. Х.), еще двадцатилѣтнимъ юношею переселился изъ роднаго города Теоса («Зрѣлъ ли ты, пѣвецъ Тіисскій?» стих. Державина «Русскія дѣвушки») въ Абдеры, колонію во Ѳракіи. Но скоро роскошный дворъ царя Самосскаго, гдѣ преобладала любовь къ музыкѣ и пѣснямъ, привлекъ его на славный островъ. Въ то время Анакреонъ извѣстенъ былъ не столько своими стихотвореніями, сколько искусною игрою на арѳѣ и флейтѣ. Сначала воспитатель, а потомъ совѣтникъ царя Поликрата, Анакреонъ нѣжной лирой своей смягчилъ сердце этого жестокаго человѣка. По смерти Поликрата, Иппархъ, сынъ Пизистрата, покровитель поэтовъ, посылаетъ въ Самосъ корабль съ пятьюдесятью гребцами и Анакреонъ переѣзжаетъ на немъ въ Аѳины. Послѣ убіенія Иппарха, Анакреонъ возвратился въ свой городъ и умеръ [1]) въ глубокой старости. Старость не оказала своего дѣйствія на поэта: онъ до конца жизни сохранилъ юную бодрость для наслажденія и пѣсенъ.

Граждане Теоса воздвигли поэту великолѣпную гробницу и прекрасную статую. Въ цитадели Аѳинской, даже во времена Павзанія, стояла его статуя подлѣ Перикловой.

Пѣсни Анакреона показываютъ въ немъ по преимуществу пѣвца прекрасныхъ музъ, Эрота и безпечнаго веселья. Древніе называли его сладчайшимъ, медоточивымъ, плѣнительнымъ и наконецъ мудрымъ поэтомъ.

Пятьдесятъ піэсъ составляютъ все сокровище, оставшееся послѣ Анакреона. Содержаніемъ ихъ служатъ: красота, любовь, розы, вино, пиры, пляски и сладкозвучныя пѣсни, короче — радости жизни. Стихотворенія съ подобнымъ содержаніемъ называются Анакреонтическими.

Исторія Греческой литературы Мунка, Бернгарди и Миллера. — Анакреонтическія стихотворенія, переводъ Державина, Львова и Мартынова. — Пѣсни Анакреона, пер. Елисаветы Кульманъ. — Пѣсни Анакреона Теосскаго. Мея: въ собраніи его сочиненій. — Пѣсни Анакреона въ переводѣ и съ примѣчаніями Баженова. 1861. — Анакреонъ, статья въ Сынѣ Отеч. 1851, № 6. — Анакреонъ, ст. Водовозова. Соврем. 1856, № 9.

[1]) Нѣкоторые говорятъ, что Анакреонъ умеръ подавившись виноградной косточкой, во время оргіи.

Къ Лирѣ.

Хочу я пѣть Атридовъ [1])
И Кадма пѣть охота,
А ба̀рбитонъ струнами
Звучитъ мнѣ про Эрота.
Недавно перестроилъ
И струны я и лиру,
И подвиги Алкида
Хотѣлъ повѣдать міру;
А лира въ новомъ строѣ,
Эрота славитъ вновь;
Простите же, герои!
Отнынѣ струны лиры
Поютъ одну любовь.

Мей.

Примѣч. — Эта пѣсня не безъ умысла ставится во всѣхъ изданіяхъ Анакреона на первомъ планѣ. Она служитъ прекраснымъ вступленіемъ. Анакреонъ отказывается въ ней отъ всѣхъ остальныхъ родовъ поэтическихъ произведеній и хочетъ быть по преимуществу пѣвцомъ любви. Лира была его любимымъ инструментомъ; она состояла изъ роговаго, обыкновенно черепаховаго, вогнутаго станка, на которомъ были натянуты семь струнъ. Кромѣ того Анакреонъ употреблялъ еще цитру (тоже родъ семиструнной лиры, но меньшаго размѣра) и ба̀рбитонъ (родъ арфы о двадцати струнахъ).

Розѣ.

Розу нѣжную Эротовъ
Съ Діонисомъ сочетаемъ:
Красолиственною розой
Наши че́ла увѣнчаемъ
И нальемъ съ веселымъ смѣхомъ
Въ чаши нектаръ винограда.
Роза—лучшій цвѣтъ весенній,
Небожителей услада!
Мягкокудрый сынъ [2]) Киприды [3])
Розой голову вѣнчаетъ,
Какъ съ Харитами онъ въ пляскѣ
Хороводной пролетаетъ.
Дайте-жъ мнѣ вѣнокъ и лиру
И подъ Вакховой божницей
Закружусь я въ быстрой пляскѣ.

Мей.

Весна.

Посмотри, весна вернулась—
Сыплютъ розами Хариты;
Посмотри, на тихомъ морѣ
Волны дрёмою повиты;

---

[1]) Подъ Атридами разумѣется здѣсь не только Агамемнонъ и Менелай, но цѣлый родъ Атрея, котораго герои и героини выбирались по большей части въ дѣйствующія лица трагедій.

[2]) Эротъ.

[3]) Венеры.

Посмотри, ныряютъ утки,
Журавлей летитъ станица;
Посмотри, Титана — Солнца
Въ полномъ блескѣ колесница.
Тучи тихо уплываютъ,
Унося ненастья пору;
На поляхъ труды людскіе
Говорятъ привѣтно взору.

Гея [1]) нѣжные посѣвы
На груди своей лелѣетъ;
Почка маслины пробилась
Сквозь кору и зеленѣетъ.
Лозы пламеннаго Вакха
Кроетъ листва молодая,
И плодовъ румяныхъ завязь
Разцвѣла, благоухая.

Мей.

Зевесъ быкамъ далъ роги,
Копыта лошадямъ,
Проворны зайцамъ ноги,
Зубасты зѣвы львамъ,
Свободность плавать рыбамъ,
Паренiе орламъ,
Безстрашный духъ мужчинамъ;
Но что жъ онъ далъ женамъ?
Чѣмъ все то замѣнить?
Красой ихъ надѣляетъ:
Огонь, и мечъ, и щитъ
Красавица сражаетъ.

Державинъ.

Пьютъ и воздухъ, и поля,
Пьетъ и черная земля,
Море, солнце — всѣ вы пьете;

Всѣхъ поитъ одна струя —
Такъ за что же вы, друзья,
Вволю пить мнѣ не даете?

Всев. Крестовскій.

Что же сухо въ чашѣ дно?
Наливай мнѣ, мальчикъ рѣзвой;
Только пьяное вино
Раствори водою трезвой.

Мы не Скиѳы; не люблю,
Други, пьянствовать безчинно;
Нѣтъ! За чашей я пою,
Иль бесѣдую невинно.

Пушкинъ.

---

[1]) Земля.

Примѣч. — Эта «разсудительно — спокойная пѣсня» совершенно противоположна тѣмъ, которыя у Анакреона выражаютъ безуміе радости. Смыслъ всѣхъ шіэсъ: поэтъ съ мудрою умѣренностью ищетъ однихъ мирныхъ, безвредныхъ удовольствій; вино окрыляетъ его душу, возбуждая къ пѣснямъ, но не омрачаетъ ума, не разрушаетъ въ немъ наивной прелести чувства. Въ духѣ Анакреоновой умѣренности Пушкинъ написалъ:

«Юноша! скромно пируй, и шумную Вакхову влагу
Съ трезвой струею воды, съ мудрой бесѣдой мѣшай.

«Но неужели, приводимъ слова Водовозова, ни разу печальная дума не осѣнила беззаботнаго пѣвца? Онъ не былъ бы человѣкомъ, еслибъ остался безчувственнымъ къ тому, что тревожитъ невольно всякаго смертнаго. Анакреонъ, конечно, не создавалъ себѣ искусственныхъ печалей, и если онъ грустилъ, то на это безъ сомнѣнія была основательная причина. Дѣло въ томъ, что мысль о смерти наконецъ толкнулась и къ нашему пѣвцу. Съ обычной простотой онъ высказываетъ свои горькія думы:

«Ужъ виски мои посѣдѣли,
Побѣлѣла вся голова,
Ужъ умчалась веселая юность,
И у старца зубы плохи.
Остается сладостной жизни
Малый срокъ на долю мою,
И объ этомъ я тяжко рыдаю,
Мнѣ такъ страшенъ Тартара мракъ.
Ахъ! ужасна бездна Аида....
Спускъ въ нее и крутъ и тяжелъ,
А тому, кто сошелъ ужъ однажды,
Никогда не выйти на свѣтъ [1]).»

Водовозовъ.

Кузнечикъ.

О счастливецъ, о кузнечикъ,
На деревьяхъ на высокихъ
Каплею росы напьешься
И какъ царь ты распѣваешь.
Все твое, на что ни взглянешь,
Что въ поляхъ цвѣтетъ широкихъ,
Что въ лѣсахъ растетъ зеленыхъ.
Другъ смиренный земледѣльцевъ
Ты ничѣмъ ихъ не обидишь;
Ты пріятенъ человѣкамъ,
Лѣта сладостный предвѣстникъ;
Музамъ чистымъ ты любезенъ,

---

[1]) *Переводъ Пушкина:*

Порѣдѣли, побѣлѣли
Кудри — честь главы моей,
Зубы въ деснахъ ослабѣли,
И потухъ огонь очей.
Сладкой жизни мнѣ немного
Провожать осталось дней;
Парка*) счетъ ведетъ имъ строго,
Тартаръ тѣни ждетъ моей.
Страшенъ хладъ подземна свода:
Входъ въ него для всѣхъ открытъ,
Изъ него же нѣтъ исхода;
Всякъ на вѣки тамъ забытъ.

---

*) Парка, по миѳологіи, старуха. Три было парки: одна брала нить жизни человѣка, другая продолжала ее, а третья обрывала.

Ты любезенъ Аполлону:
Даръ его — твой звонкій голосъ.
Ты и старости не знаешь,
О мудрецъ, всегда поющій,
Сынъ, жилецъ земли невинной,
Безболѣзненный, безкровный,
Ты почти богамъ подобенъ!

Гнѣдичъ.

Въ новой Европѣ прославились своими пѣснями: Борнсъ, Беранже и Гейне.

Робертъ Борнсъ, возведшій Шотландскую народную пѣсню на высшую степень совершенства и тѣмъ самымъ существенно способствовавшій обновленію національной литературы Великобританіи, родился 1759 года въ бѣдной лачугѣ [1]) графства Эйръ и умеръ истощенный горемъ и заботами, уже въ 1796 г. въ Домфризѣ. Его поэтическія произведенія являлись въ безчисленномъ множествѣ изданій. Если кому-нибудь, то ужъ конечно Борнсу, — который, идя за плугомъ, возвышался изъ гнетущей сферы бѣдности въ область поэзіи, — принадлежитъ такъ часто и безъ разбору употребляемое и такъ рѣдко заслуживаемое имя поэта природы. «Онъ родился поэтомъ, — говоритъ Карлейль, землякъ и лучшій критикъ Борнса — поэтическая дѣятельность была небеснымъ началомъ его существа. Бѣдность, неизвѣстность и всякая бѣда, только не профанація себя самого и своего искусства, были для него не стоющею вниманія мелочію. Гордость и страсти свѣта лежали неизмѣримо ниже его и одинаково смотрѣлъ онъ на свободнаго и раба, на принца и нищаго и на всѣхъ, кто носитъ образъ человѣческій, съ ясною внимательностью, съ братскою любовью, съ сочувствіемъ и состраданіемъ. Въ его поэзіи какъ бы живетъ сила зеленыхъ полей и горнаго воздуха; она напоминаетъ о жизни въ природѣ и о крѣпкихъ людяхъ природы. Въ немъ слышится рѣшительная сила и въ тоже время чудная природная прелесть. Онъ умиляетъ сердце или воспламеняетъ его мощью, которая кажется въ немъ привычною и родною. Въ немъ слышны слезы и снѣдающее пламя, скрыто, какъ молнія, въ капляхъ лѣтней тучки. Въ своей груди носитъ онъ звуки для каждой ноты человѣческаго чувства. Онъ не видитъ въ Аркадскомъ свѣтѣ грубыя сцены Шотландской жизни; но въ дыму и грязи грубой дѣйствительности находитъ еще болѣе достойнаго любви и похвалы. Бѣдность его всегдашній товарищъ, но вмѣстѣ съ любовью и мужествомъ; — простыя чувства, достоинство, благородство, живущія подъ соломенною крышей, всегда любезны и почтенны его сердцу. Другъ его, крестьянинъ, и дѣвушка, у него не необразованная деревенщина, а скорѣе герой и королева. Такъ въ самые низкіе слои человѣчества онъ вливалъ величіе своего собственнаго духа.» Уже самый бѣглый обзоръ стихотвореній Борнса, пишетъ Шерръ, можетъ оправдать эти слова Карлейля, а ближайшее знакомство непремѣнно сдѣлаетъ поэта одинаково дорогимъ уму и сердцу. Если вы хотите узнать, какъ истинно при-

---

[1]) Сынъ садовника. Нѣсколько мѣсяцевъ Борнсъ поучился въ школѣ, а потомъ поступилъ мальчикомъ къ чесальщику льна. Затѣмъ занялся земледѣліемъ въ собственномъ домѣ. Онъ умеръ, какъ жилъ, бѣднымъ фермеромъ, умеръ 37 лѣтъ отъ нищеты и истощенія силъ. Онъ былъ, хотя не долго, сборщикомъ, но и этой должности лишился за то, что имѣлъ собственное убѣжденіе о политическихъ дѣлахъ.

родный поэтъ возноситъ самые обыденные случаи сельской жизни въ область глубокой мысли или юмора, прочтите «Стансы къ горной маргариткѣ», или «Джона-Ячменное Зерно;» если вы хотите прихотливой рѣзвости и шаловливаго смѣха, у Борнса есть превосходное «Кто тамъ у двери бесѣдки моей?»; хотите знать, какъ мастерски разрѣшить задачу соединенія шутки, смѣха и кидающаго въ дрожь ужаса въ одной и той же фантастической піэсѣ, попросите Борнса разсказать исторію Тэма О'Шэнтера; хотите почувствовать, какъ сердце народа вѣчно лежитъ къ родинѣ, отчизнѣ и народнымъ воспоминаніямъ, прислушайтесь къ грустнымъ мелодіямъ Борнсовыхъ пѣсенъ. Изъ той же груди, откуда вышли трогательнѣйшіе вздохи о Маріи (подруга поэта), вылился и смѣлый гимнъ вѣры въ себя и истинно мужественнаго достоинства. И, конечно, Борнсъ съ справедливою гордостью могъ въ одной изъ своихъ пѣсенъ указать на себя, какъ на свободнаго Шотландскаго народнаго поэта. Давъ поэзіи своей земли новые, свѣжіе соки, онъ обогатилъ тѣмъ самымъ всемірную литературу. Необыкновенное сочувствіе, встрѣченное Борнсомъ во всѣхъ классахъ Шотландскаго населенія, вызвало цвѣтущее время для народной лирики и чрезвычайно увеличило число народныхъ поэтовъ.

Исторія всеобщей литературы. Шерра. Р. переводъ. Спб. 1863. Вып. 2, стр. 421 — 423. Здѣсь же и мнѣніе Карлейля. — Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка Геттнера. Перев. Пыпина. Спб. 1863. Т. I, стр. 461—468. — Борнсъ и Кольцовъ, ст. Тургенева. Р. Вѣстникъ 1860. — Поэты всѣхъ временъ и народовъ. Изданіе Костомарова и Берга. М. 1862. Вып. 2, стр. 3 — 74.

Вешнее солнце взошло надъ землей:
Пахарь — красавецъ идетъ за сохой.
Тихо идетъ онъ, и громко поетъ:
«Кто-то весною, какъ пахарь живетъ?»
Рѣзвая пташка летитъ въ небеса;
Рано проснулась на крыльяхъ роса.
Съ пахаремъ пташка поутру поетъ,
Къ ночи подруга въ гнѣздѣ ее ждетъ.

Джонъ — Ячменное Зерно.

Когда-то сильныхъ три царя
Царили за одно —
И порѣшили: сгинь ты, Джонъ —
Ячменное зерно.
Могилу вырыли сохой
И былъ засыпанъ онъ
Сырой землей, и цари
Рѣшили — сгинулъ Джонъ!

Пришла весна, тепла, ясна,
Снѣга съ полей сошли....
Вдругъ Джонъ-Ячменное зерно
Выходитъ изъ земли.

И сталъ онъ полонъ, бодръ и свѣжъ
Съ приходомъ лѣтнихъ дней;
Вся въ острыхъ шипьяхъ голова —
И тронуть не посмѣй!

Но осень томная идетъ....
И началъ Джонъ хирѣть,
И головой поникъ: совсѣмъ
Собрался умереть.

Слабѣй, желтѣе съ каждымъ днемъ,
Все ниже гнется онъ;
И поднялись его враги:
«Теперь-то нашъ ты, Джонъ!»

Они пришли къ нему съ косой,
Снесли бѣднягу съ ногъ.
И привязали на возу,
Чтобъ двинуться не могъ....

На землю бросивши потомъ,
Жестоко стали бить,
Взметнувши къ верху высоко,
Хотѣли закружить.

Тутъ въ яму онъ попалъ съ водой
И угодилъ на дно....
«Попробуй, выплыви-ка Джонъ —
Ячменное зерно!»

Нѣтъ, мало! взяли изъ воды
И на полъ положа,
Возили такъ, что въ немъ едва
Держалася душа.

Въ жестокомъ пламени сожгли
И мозгъ его костей;
А сердце мельникъ раздавилъ
Межъ двухъ своихъ камней.

Кровь сердца Джонова враги
Пируя, стали пить,
И съ кружки начало, въ сердцахъ
Ключемъ веселье бить.

Ахъ, Джонъ-Ячменное зерно!
Ты чудо молодецъ!
Погибъ ты самъ; но кровь твоя

Услада для сердецъ!
Какъ разъ заснетъ змѣя — печаль,
Все будетъ трынъ-трава;
Отретъ слезу свою бѣднякъ,
Пойдетъ плясать вдова....
Гласите жь хоромъ: «пусть во вѣкъ
Не сохнетъ въ кружкахъ дно,
И вѣкъ поитъ насъ кровью Джонъ.—
Ячменное зерно!»

Михайловъ.

Примѣч. — Содержаніе пѣсни.—Исторія зерна.—Показать различіе между прозаическою и поэтическою истиною.

Джонъ Андерсонъ, сердечный другъ!
Какъ мы сошлись съ тобой,
Былъ гладокъ лобъ твой и какъ смоль
Былъ черенъ волосъ твой.
Теперь морщины по лицу
И снѣгъ житейскихъ вьюгъ
Въ твоихъ кудряхъ; но Богъ храни
Тебя, сердечный другъ!
Джонъ Андерсонъ, сердечный другъ!
Мы вмѣстѣ въ гору шли,
И сколько мы счастливыхъ дней
Другъ съ другомъ провели!
Теперь намъ подъ гору плестись,
Но мы рука съ рукой
Пойдемъ — и вмѣстѣ подъ горой
Заснемъ, сердечный мой!

Михайловъ.

Злая судьба.

Подъ знойнымъ вихремъ злой судьбы
Мой свѣжій листъ опалъ,
Подъ знойнымъ вихремъ злой судьбы
Мой свѣжій листъ опалъ.
Мой станъ былъ прямъ, побѣгъ могучъ,
Мой цвѣтъ благоухалъ;
Въ росѣ ночей, въ блистаньи дня
Я бодро возрасталъ.

Но буйный вихорь злой судьбы
Весь цвѣтъ мой оборвалъ,
Но буйный вихорь злой судьбы
Весь цвѣтъ мой оборвалъ.

Михайловъ.

Къ полевой Маргариткѣ.

Цвѣтокъ пунцовый, полевой!
Ты, бѣдный, встрѣтился со мной
Не въ добрый часъ; тебя въ красѣ
Подрѣзалъ я.
Жемчугъ долинъ! Не можно мнѣ
Спасти тебя.

Не пестрый, рѣзвый мотылекъ
Теперь твой нѣжный стебелекъ
На дернъ, увлаженный росой,
Порхая, гнетъ:
Къ тебѣ румяною зарей
Онъ не прильнетъ.

Въ холодномъ полѣ вѣтръ шумѣлъ,
И дождикъ лилъ, и громъ гремѣлъ;
Но туча мрачная прошла,
Межъ тѣмъ въ глуши
Ты нѣжно, тихо разцвѣла
Цвѣтокъ любви.

Сады даютъ цвѣтамъ своимъ
Пріютъ и тѣнь — и любо имъ;
Но сироту, красу полянъ,
Кто сбережетъ?
Отъ зноя туча, иль курганъ —
Отъ непогодъ.

Изъ-подъ травы едва видна,
Цвѣла ты прелести полна,
И солнца лучь съ тобой игралъ;
Но тайный рокъ
Желѣзо острое наслалъ —
Погибъ цвѣтокъ...

Пѣвцу удѣлъ такой же данъ:
Бушуетъ жизни океанъ,
Не видно звѣздъ, а онъ плыветъ,
Надежда мчитъ, —
Онъ простъ душой, онъ счастья ждетъ....
Челнокъ разбитъ.

И добрый, злыми утѣсненъ,
Тому жъ удѣлу обреченъ:
Никто ничѣмъ не упрекнетъ,
А жилъ въ слезахъ;
Пріюта нѣтъ; онъ отдохнетъ
На небесахъ!

И я горюю о цвѣткѣ!
А, можетъ быть, не вдалекѣ
Мой черный день — и какъ узнать,
Что Богъ велѣлъ?
Не о себѣ ли горевать
И мой удѣлъ?

Козловъ.

Къ Мыши.

Трусливый, сѣренькій звѣрокъ!
Великъ же твой испугъ: ты ногъ
Не слышишь, бѣдный, подъ собой:
По меньше трусь!
Вѣдь я не золъ, я за тобой
Не погонюсь!

Увы, съ природой наша связь
Давно на вѣкъ разорвалась;
Бѣги, звѣрокъ, хоть я, какъ ты,
Жилецъ земли,
Убогій, самъ терплю бѣды,
Умру въ пыли....

Воришка ты: но какъ же быть?
Чѣмъ сталъ бы ты, бѣдняжка, жить?
Неужто колоса не взять
Тебѣ въ запасъ,

Когда такая благодать
Въ поляхъ у насъ?

Твой бѣдный домикъ разоренъ,
Почти съ землей сравнялся онъ.
И не найдешь ты въ полѣ мховъ,
На новый домъ,
А вѣтеръ, грозенъ и суровъ
Шумитъ кругомъ.

Ты видѣлъ: блекнули поля —
И зимнихъ дней ждала земля,
Ты думалъ: «будетъ мнѣ тепло,
Пріютно тутъ;»
И что же? Плугъ мой нанесло
На твой пріютъ.

А сколькихъ стоило хлопотъ
Сложить изъ дерна этотъ сводъ!
Пропало все — и трудъ и кровъ;
Нигдѣ вокругъ
Пріюта нѣтъ отъ холодовъ,
Отъ бѣлыхъ вьюгъ.

Но не съ тобой однимъ, звѣрокъ,
Такія шутки шутитъ рокъ!
Не вѣренъ здѣсь ни чей разсчетъ:
Спокойно ждемъ
Мы счастья, а — судьба къ намъ шлетъ
Невзгоду въ домъ.

Но доля горестнѣй моя:
Вся въ настоящемъ жизнь твоя;
А мнѣ и въ прошломъ вспоминать
Рядъ темныхъ лѣтъ,
И съ содроганьемъ ожидать
Грядущихъ бѣдъ!

Михайловъ.

Прежде всего.

Бѣднякъ — будь честенъ и трудись,
Трудись прежде всего!

Холопа встрѣтишь — отвернись
Съ презрѣньемъ отъ него!
Прежде всего, прежде всего
Предъ знатнымъ не блѣднѣй —
Вѣдь знатность штемпель у гиней
И больше ничего!

Пусть чорствый хлѣбъ — весь твой обѣдъ,
Изъ поскони кафтанъ;
Другой и въ бархатъ разодѣтъ,
Да плутъ прежде всего.
Прежде всего, прежде всего
Вѣдь титулъ глупый звонъ
Бѣднякъ, будь только честенъ онъ, —
Король прежде всего!

Вотъ этотъ баринъ — знатный лордъ,
Да что намъ изъ того,
Что онъ своимъ богатствомъ гордъ,
А глупъ прежде всего!
Прежде всего, прежде всего
Да будутъ всѣ честны:
Честь — наши высшіе чины
И умъ прежде всего.

Молитесь всѣ, чтобъ Богъ послалъ
Намъ царствіе Его;
Чтобъ честный трудъ на свѣтѣ сталъ —
Почетнѣе всего!
Прежде всего, прежде всего
Отнынѣ и во вѣкъ
Чтобъ человѣку человѣкъ
Былъ братъ прежде всего.

В. Костомаровъ.

Никому.

У меня въ кошелькѣ двѣ копѣйки, за то
Не обязанъ за нихъ никому;
Въ долгъ мнѣ нечего дать; мнѣ не долженъ никто,
Да не долженъ и я никому.

У меня нѣтъ слуги; да за то я и самъ
Не служилъ никогда никому;
И съ мечомъ моимъ добрымъ, широкимъ не дамъ
Я обидѣть себя никому.

Я хочу быть свободенъ вездѣ и всегда
Чтобы въ тягость, не быть никому;
До другихъ мнѣ нѣтъ дѣла нимало, когда
Дѣла нѣтъ до меня никому.

В. Костомаровъ.

Беранже (1780—1857, сынъ портнаго), Французскій поэтъ, извѣстенъ какъ геніальный составитель пѣсенъ. Его пѣсня «Roi d'Ivetôt» заставила смѣяться самого Наполеона; весь вечеръ онъ повторялъ извѣстный припѣвъ:

«Oh! Oh! Oh! Ah! Ah! Ah!
Quel bon petit roi c'était là
Là, là!»

Смерть Наполеона Беранже почтилъ великолѣпною пѣснію: «5 Мая.» Во время Іюльской революціи народъ вдругъ вспомнилъ своего пѣвца. Бюсты Беранже, увѣнчанные лаврами, выставлены были во всѣхъ театрахъ Парижа. Толпа привѣтствовала ихъ восторженными рукоплесканіями. Погребеніе его было великолѣпное. Весь Парижъ собрался. Французское правительство выбило въ честь поэта медаль на самый день его смерти.

Беранже, самый національный и популярный поэтъ Франціи, вывелъ поэзію изъ исключительнаго кружка знатныхъ, богатыхъ и ученыхъ [1]) и перенесъ ее въ среду народа [2]), которому онъ во всю жизнь остался вѣренъ, предпочитая всѣмъ соблазнамъ власти и блеска роль независимаго защитника и утѣшителя народа.

Пѣсни Беранже — это жизнь со всѣми ея темными и свѣтлыми сторонами, со всѣми ея слезами и смѣхомъ, со всѣми ея трагедіями и фарсами. Слова Шерра: «Народная муза Беранже очень богата: Эпикурейская философія XVIII вѣка («Le Dieu des bonnes gens» и друг.), воодушевленіе свободой временъ революціи («La Déesse,» «Le Vieux sergent»), воинственный энтузіазмъ временъ Наполеона («Les deux grenadiers,» «Les souvenirs du peuple»), либеральная насмѣшка надъ покушеніями возобновить старый порядокъ («Les marquis de Carabas,» «Les Missionnaires,» «Nabuchodonossor»), живое участіе въ освобожденіи народовъ, неподдѣльная веселость и шутка за стаканомъ вина («Ma republique»), юмористическое довольство («Le roi d'Ivetôt,» «Roger Bontemps»), свободная здоровая шутка («Le Senateur»), наконецъ вся тяжесть нужды, вся горечь рабства, которая давитъ бѣдныхъ и угнетенныхъ («Le

---

[1]) Слѣдующій анекдотъ вполнѣ выяснитъ отношеніе Беранже къ условному академическому стихотворству. «Море, какъ вы назовете?» спросилъ академикъ.— Да просто моремъ. — «Какъ! — а Нептунъ, Амфитрита, Нерей? неужели вы ихъ совершенно отбросите?» — Совершенно отброшу.

[2]) Ma Muse et moi portons pour devise:
Je suis du peuple, ainsi que mes amours.

vieux vagabond,» «La pauvre femme») — все это говоритъ, радуется, кокошится, смѣется, сердится, плачетъ въ пѣсняхъ Беранже съ такою искренностью и правдивостью, съ такой граціей и силою, что ясно чувствуешь дѣйствительное біеніе народнаго сердца въ этой поэзіи.» (Исторія всеобщей литературы. Шерра. Русскій переводъ. С.-Петербургъ. 1863. Вып. I, стр. 202—3).

Нѣкоторыя пѣсни Беранже перевели на русскій языкъ Мей, Ленскій и Курочкинъ. — О Беранже: Исторія всеобщей литературы. Шерра. — Исторія Французской литературы. Юліана Шмидта. Русскій переводъ. С.-Петербургъ. 1863. Т. I, вып. I, стр. 79—87. — Современникъ 1857, № VIII. — Отеч. Записки 1862, № 9, ст. Талычевой. Не хвалитъ переводъ Курочкина. — Иллюстрація 1858, № 9.

Гроза.

Пойте, рѣзвитеся, дѣти!
Черныя тучи надъ нами;
Ангелъ надежды цвѣтами
Сыплетъ на вашемъ разсвѣтѣ —
Пойте, рѣзвитеся дѣти!
Книги скорѣй по шкапамъ!
Въ поле изъ комнаты душной!
Мальчики, дѣвочки.... Гамъ,
Пѣсни и смѣхъ простодушны....
Пусть все притихло кругомъ,
Мрачной исполнясь тоски;
Пусть собирается громъ:
Дѣти, сплетайте вѣнки.
Пойте, рѣзвитеся, дѣти!
Черныя тучи надъ нами;
Ангелъ надежды цвѣтами
Сыплетъ на вашемъ разсвѣтѣ —
Пойте, рѣзвитеся, дѣти!
Грозно молчаніе мглы....
Въ воду попрятались рыбки,
Птички молчатъ.... Но свѣтлы
Дѣтскія ваши улыбки.
Свѣтелъ и вѣренъ вашъ взглядъ:
Послѣ не страшныхъ вамъ бурь,
Ваши глаза отразятъ
Яснаго неба лазурь.
Пойте, рѣзвитеся, дѣти!
Черныя тучи надъ нами;

Ангелъ надежды цвѣтами
Сплетъ на вашемъ разсвѣтѣ —
Пойте, рѣзвитеся, дѣти!
Жребій намъ выпалъ дурной;
Но мы за правду стояли;
Мстили одною рукой,
Цѣпи другою срывали.
И съ колесницы побѣдъ
Пали, не сдавшись врагамъ,
Но, изумившую свѣтъ,
Славу оставили вамъ.
Пойте, рѣзвитеся, дѣти!
Черныя тучи надъ нами;
Ангелъ надежды цвѣтами
Сплетъ на вашемъ разсвѣтѣ —
Пойте, рѣзвитеся, дѣти!
Въ черный родились вы часъ!
Врагъ въ свои мѣдные горны
Первый привѣтствовалъ васъ
Днемъ нашей участи черной;
Отозвался на зовъ,
Средь раззоренныхъ полей,
Вмѣстѣ съ слезами отцевъ
Первые крики дѣтей.
Пойте, рѣзвитеся, дѣти!
Черныя тучи надъ нами;
Ангелъ надежды цвѣтами
Сплетъ на вашемъ разсвѣтѣ —
Пойте, рѣзвитеся, дѣти!
Лучшихъ изъ ряда бойцовъ
Вырвала храбрыхъ могила;
Надъ головами отцевъ
Буря дѣтей просвѣтила:
Пусть испытанья отцамъ!
Дѣти, Господь васъ хранитъ!
Нива грядущаго вамъ
Лучшую жатву сулитъ.
Пойте, рѣзвитеся, дѣти!
Черныя тучи надъ нами;
Ангелъ надежды цвѣтами
Сплетъ на вашемъ разсвѣтѣ —
Пойте, рѣзвитеся, дѣти!

Дѣти, гроза все слышнѣй....
Гнѣвъ приближается Рока....
Рокъ, не пугая дѣтей,
Взрослыхъ стращитъ издалека....
Если я гибну пѣвцомъ
Бѣдствій народныхъ и слезъ;
Громъ мой украсьте вѣнкомъ,
Вами сплетеннымъ изъ розъ.
Пойте, рѣзвитеся, дѣти!
Черныя тучи надъ нами;
Ангелъ надежды цвѣтами
Сыплетъ на вашемъ разсвѣтѣ —
Пойте, рѣзвитеся, дѣти!

Курочкинъ.

Старый Капралъ.

Въ ногу, ребята, идите;
Полно, не вѣшать ружья!
Трубка со мной.... проводите
Въ отпускъ безсрочный меня.
Я былъ отцемъ вамъ, ребята,
Вся въ сѣдинахъ голова....
Вотъ она служба солдата!...
Въ ногу, ребята! Разъ! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, ровняйся!...
Разъ! Два! Разъ! Два!

Да, оскорбилъ офицера.
Молодъ и онъ оскорблять
Старыхъ солдатъ. Для примѣра
Должно меня разстрѣлять.
Выпилъ я.... кровь заиграла....
Дерзкія слышу слова —
Тѣнь Императора встала....
Въ ногу, ребята! Разъ! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, ровняйся!...
Разъ! Два! Разъ! Два!

Братцы! Солдатскіе годы,
Служба — въ рукахъ у судьбы....
Помню я наши походы,
Время великой борьбы.
Эхъ! наша слава пропала....
Подвиговъ нашихъ молва
Сказкой казарменной стала....
Въ ногу, ребята! Разъ! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, ровняйся!...
Разъ! Два! Разъ! Два!

Ты, землячокъ, поскорѣе
Къ нашимъ стадамъ воротись;
Нивы у насъ зеленѣе,
Легче дышать.... поклонись
Храмамъ селенья роднова.
Боже! Старуха жива!...
Не говори ей ни слова....
Въ ногу, ребята! Разъ! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, ровняйся!...
Разъ! Два! Разъ! Два!

Кто тамъ такъ громко рыдаетъ?
А! я ее узнаю....
Русскій походъ вспоминаетъ....
Да, отогрѣлъ всю семью....
Снѣжной, тяжелой дорогой
Несъ ея сына.... Вдова
Вымолитъ миръ мнѣ у Бога....
Въ ногу и проч.

Трубка, никакъ, догорѣла?
Нѣтъ, затянусь еще разъ.
Близко, ребята! За дѣло!
Прочь! не завязывать глазъ.
Цѣлься вѣрнѣе! Не гнуться!
Слушать команды слова!
Дай Богъ домой намъ вернуться.
Въ ногу, ребята! Разъ и проч.

Курочкинъ.

Примѣч. — О комъ со слезами и благоговѣніемъ вспоминаетъ капралъ? — На какія историческія событія намекается въ пѣснѣ? — Характеристика капрала.

Разбитая Скрипка.

Что мой песъ пріунылъ, или противъ врага
И тебя, какъ меня, точитъ злоба?
Ѣшь, покуда остался кусокъ пирога...
Завтра грысть черствый хлѣбъ будемъ оба.
Здѣсь вражій пиръ вчера справлялся;
Одинъ надмѣнно мнѣ сказалъ:
«Играй старикъ» — я отказался...
Онъ скрипку мнѣ сломалъ.
Веселье, пляски — все разбито!
Кто здѣсь теперь возбудитъ вновь
Безпечный говоръ, смѣхъ забытый?
Кто вызоветъ любовь?
Вѣдь струны эти возвѣщали
Счастливцу ясную зарю,
Когда невѣсту снаряжали
Родные къ алтарю.
Вѣдь здѣсь подъ этими струнами
Дрожала вечеромъ земля;
Отъ нихъ расправились бы сами
Морщины короля.
И что жъ? за пѣсни нашей славы,
Наслѣдье дѣдовъ и отцевъ—
Надъ ней свершился судъ неправый
И злая месть враговъ.
Что, мой песъ, пріунылъ и пр.
Пошлетъ ли Богъ благословенье
На трудъ безъ пѣсень начатой?
Какъ длинно будетъ Воскресенье,
День отдыха святой!
Какъ въ сказкахъ палочка простая
Въ рукахъ у феи — мой смычокъ
Былъ силенъ, бѣдныхъ утѣшая,
Вездѣ, гдѣ только могъ.
Носился смѣхъ, блистали взоры,
Когда по струнамъ онъ порхалъ,

И холодъ, подати, наборы
Бѣднякъ позабывалъ.
Теперь — вся ненависть поднята....
Воскресла злоба прежнихъ лѣтъ:
Давайте-жъ мнѣ ружье солдата,
Когда ужъ скрипки нѣтъ!
Пойду на смерть съ народной славой,
Да скажутъ внуки обо мнѣ:
Онъ не хотѣлъ, чтобъ врагъ лукавый
Плясалъ въ родной странѣ.
Что, мой песъ, пріунылъ, и пр.

Курочкинъ.

Примѣч. — Сила музыки, или поэзіи. — Сравнить съ стихотвореніемъ Пушкина «Памятникъ» и съ піэсою Тютчева «Поэзія.» — Патріотизмъ поэта гдѣ рисуется? —

Мое Призваніе.

На произволъ судьбы
Я брошенъ въ міръ, бездомный,
Отъ горя, отъ борьбы
Ничѣмъ не огражденный....
И на тяжелый вздохъ,
На первый ропотъ мой —
«Пой!» — провѣщалъ мнѣ Богъ:
«Бѣдняжка, пой!»

Страшася злой нужды,
Я выбралъ жребій скромный,
И выносилъ труды
Обязанности темной;
Въ оковахъ изнемогъ,
Измученный, больной....
«Пой!» — говорилъ мнѣ Богъ;
«Бѣдняжка, пой!»

Мнѣ наглымъ блескомъ жжетъ
Глаза богачь спѣсивый,
Гнететъ меня, гнететъ
Вельможа горделивый.
И злоба и порокъ
Кишатъ передо мной....
«Пой!» — говоритъ мнѣ Богъ:
«Бѣдняжка, пой!»

Такъ въ пѣсняхъ золотыхъ
Я буду жить для свѣта —
И тотъ, кто любитъ ихъ,
Тотъ любитъ и поэта.
Сомкнись, друзей кружокъ
За чашей пировой —
Да возвѣститъ мнѣ Богъ:
«Бѣдняжка, пой»

Курочкинъ.

Примѣч. — Смыслъ пѣсни.

Бѣдный Чудакъ.

Всѣмъ пасынкамъ природы
Когда прожить бы такъ,
Какъ жилъ въ былые годы

Бѣдняга — весельчакъ.
Всю жизнь прожить, не плача,
Хоть жизнь куда горька....
Ой ли! Вотъ вся задача
Бѣдняги-чудака.

Наслѣдственной шляпенки
Предъ знатью не ломать,
Въ шинелькѣ ночью лежа,
Днемъ — пухъ смахнулъ слегка!
Ой ли! Вотъ вся одёжа
Бѣдняги-чудака.

Два стула, столъ трехногій,
Стаканъ, постель въ углу,
Тюфякъ на ней убогій,
Гитара на полу,
Шкатулка безъ замка;
Ой ли! Вотъ все имѣнье
Бѣдняги-чудака.

Изъ папки ребятишкамъ
Вырѣзывать коньковъ,
Искать по старымъ книжкамъ
Веселенькихъ стишковъ,
Плясать — да такъ, чтобъ скука
Бѣжала съ чердака —
Ой ли! Вотъ вся наука
Бѣдняги-чудака.

«Какъ стану умирать я,
Да не вмѣнятъ мнѣ въ грѣхъ
Ни Богъ, ни люди-братья
Мой добродушный смѣхъ;
Не будетъ нареканья
Надъ гробомъ бѣдняка.»
Ой ли! Вотъ упованья
Бѣдняги-чудака.

Ты, бѣдный, — ослѣпленный
Богатствами другихъ,
И ты, богачъ, — согбенный
Подъ ношей благъ земныхъ —
Вы ропщете.... Хотите,
Чтобъ жизнь была легка?

Ой ли! Примѣръ берите
Съ бѣдняги-чудака.

Курочкинъ.

Примѣч. — Здѣсь изображается юмористическое довольство жизнію. — Сравнить эту піэсу Беранже съ народною Р. пѣснью о «Горѣ» и стихотвореніемъ Никитина «Пѣсня Бобыля.»

Старый Нищій.

Яма эта будетъ мнѣ могилой;
Умираю немощный и хилый.
Здѣсь толпа безпечная пройдетъ;
Скажутъ: пьянъ, должно быть съ горя, бѣдный!
Кто добрѣе, грошъ мнѣ броситъ мѣдный
И глаза, краснѣя, отвернетъ...
Что жалѣть? Вѣнчайтеся цвѣтами!
А бродяга старый въ этой ямѣ,
Безъ участья вашего умретъ.

Уходили горе, старость, злоба...
Не доходятъ съ голода до гроба!...
Цѣлый годъ мечталъ я объ одномъ:
Умереть бы только на постели —
Нѣтъ больницы, гдѣ бъ меня призрѣли...
Говорятъ: наполнены биткомъ.
Все народъ счастливый пріютился!
Подъ открытымъ небомъ, какъ родился,
И уснетъ, бродяга, вѣчнымъ сномъ.

Прокормиться думалъ я трудами,
Я просилъ работы со слезами —
Да просилъ не въ добрый, видно, часъ:
Никуда бездомнаго не взяли!
Изъ окошекъ кости мнѣ бросали,
И, какъ песъ, я ихъ глодалъ не разъ;
Въ конурахъ, въ конюшняхъ засыпая
И бродяга старый, умирая,
Богачи, не проклинаетъ васъ.

Воровать и грабить приходилось...
Да на сердцѣ совѣсть шевелилась.
А соблазнъ, соблазнъ со всѣхъ сторонъ!
И пошелъ канючить, по дорогѣ,
Попадая въ тюрьмы, да въ остроги...

Двадцать разъ, никакъ, былъ заключенъ!
Наглотался я казенной пищи!
Солнце всѣмъ сіяетъ; старый нищій
Даже солнца свѣтлаго лишенъ.
Развѣ есть отчизна у бездомныхъ?
Что мнѣ въ вашихъ фабрикахъ огромныхъ,
Въ тучныхъ нивахъ, въ блескѣ городовъ?
Въ пышныхъ храмахъ, въ важныхъ засѣданьяхъ,
Въ громкой славѣ вашей и въ собраньяхъ
Краснобаевъ вашихъ и льстецовъ?
А вашъ городъ занятъ былъ врагами —
Заливался глупыми слезами
Нищій, сытый — отъ руки враговъ.
Червь зловредный — я васъ безпокою?
Раздавите гадину ногою,
Что жалѣть — приплюсните скорѣй!
Отчего меня вы не учили?
Не дали исхода дикой силѣ:
Вышелъ бы изъ червя муравей.
Я бы умеръ, братьевъ обнимая...
А бродягой старымъ умирая
Призываю мщенье на людей! —

Курочкинъ.

Нѣтъ больше пѣсенъ — нѣтъ! Къ чему стремленье?
Отъ старика искусство прочь бѣжитъ.
У новичка моложе вдохновенье
И бойкій стихъ онъ ловче закруглитъ.
Когда съ душой своей предъ небесами
Я говорю одинъ въ тиши лѣсовъ,
Мнѣ вторитъ эхо прозой, не стихами —
Богъ не даетъ мнѣ болѣе стиховъ.
Богъ не даетъ! Какъ осенью суровой
Поселянинъ въ свой темный садъ придетъ,
И дерево сто разъ осмотритъ снова:
Авось на немъ виситъ забытый плодъ;
Такъ я ищу, такъ я тревожусь нынѣ —
Но дерево мертво отъ холодовъ...
О, сколькихъ нѣтъ плодовъ въ моей корзинѣ!
Богъ не даетъ мнѣ болѣе стиховъ.
Богъ не даетъ! Но все въ душѣ тревога;
Тебя, народъ, запуганный въ борьбѣ

Поднять хочу и слышу голосъ Бога:
Народъ проснись! Вѣнецъ готовъ тебѣ.
Когдажъ въ душѣ почувствовавъ отвагу
Я пѣть хочу — и сбросивъ гнетъ годовъ,
Народъ — Дофинъ! вести тебя ко благу —
Богъ не даетъ мнѣ болѣе стиховъ.

Курочкинъ.

У р о к ъ.

(1843—1844).

«Я читалъ когда-то, гдѣ—ужъ теперь не припомню (говоритъ Беранже въ выноскѣ къ этому стихотворенію), разсказъ путешественника, видѣвшаго Канари, который выходилъ изъ школы вмѣстѣ съ маленькими Греками, учениками; какъ дѣти, онъ несъ книги подъ мышкою. Герой учился читать не стыдясь. Счастлива страна, гдѣ не краснѣютъ, поступая честно! Да наградитъ Богъ прямодушіе и скромность великаго гражданина!»

На лужайкѣ дѣтскій крикъ:
Учитъ грамотѣ ребятъ
Весь сѣдой ворчунъ — старикъ.
Отставной солдатъ.
— Я согнулся, я ужъ слабъ,
А виды видалъ!
Унтеръ не былъ бы, когда бъ
Грамотѣ не зналъ!
Дружно, дѣти! всѣ за разъ:
Буки - азъ! буки - азъ!
Счастье въ грамотѣ для васъ.

У меня - ль въ саду цвѣтокъ;
Насадилъ я каждый самъ,
И изъ тѣхъ цвѣтовъ вѣнокъ
Грамотному дамъ.
Битый, правду говоритъ
Молвь людей простыхъ —
Стоитъ двухъ, кто не былъ битъ:
Грамотѣй — троихъ.
Дружно, дѣти! всѣ за разъ:
Буки - азъ! Буки - азъ!
Счастье въ грамотѣ для васъ.

Митя, видишь карандашъ?
За моей слѣди рукой:
Это *иже*, а не *наш*ъ;
Экой срамъ какой!
Да, прислушайте: съ полкомъ
Въ Греціи я былъ,
Въ двадцать, значитъ.... а въ какомъ,
Значитъ, позабылъ.
Дружно дѣти! всѣ за разъ;
Буки-азъ! Буки-азъ!
Счастье въ грамотѣ для васъ.

Отстояли мы друзей!
Разъ, иду себѣ одинъ,
Вижу, школа для дѣтей
У воротъ Аѳинъ.
Въ школѣ учится морякъ
Дѣтямъ не подстать;
Я взглянулъ — и какъ дуракъ
Началъ хохотать.
Дружно, дѣти! всѣ за разъ:
Буки-азъ! Буки-азъ!
Счастье въ грамотѣ для васъ.

Но учитель мнѣ сказалъ:
«Ты глупѣй ребенка самъ:
«Ты героя осмѣялъ,
«Страшнаго врагамъ.
«Онъ за Грековъ мстилъ — предъ нимъ
«Трепеталъ султанъ,
«И упалъ, сожженъ живымъ,
«Вражій капитанъ.»
Дружно, дѣти! всѣ за разъ:
Буки-азъ! Буки-азъ!
Счастье въ грамотѣ для васъ.

«Гордость края моего —
«Онъ Канари — да!
«Въ мірѣ встрѣтили его
«Горе и нужда;
«Онъ, умѣя побѣждать,
«Сѣлъ букварь учить,
«Все за тѣмъ, чтобы опять

«Греціи служить!»
Дружно, дѣти! всѣ за разъ:
Буки-азъ! Буки-азъ!
Счастье въ грамотѣ для васъ.

Весь зардѣвшись, въ сторонѣ
Я въ смущеніи стоялъ;
Но герой сжалъ руку мнѣ,
Слово мнѣ сказалъ...
Мнѣ послышался завѣтъ
Бога самого:
«Знанье — вольность, знанье — свѣтъ:
«Рабство безъ него!»
Дружно дѣти! всѣ за разъ:
Буки-азъ! Буки-азъ!
Счастье въ грамотѣ для васъ.

Курочкинъ.

Гейнрихъ Гейне (1799—1856)—глава юной Германіи и молодыхъ ея поэтовъ. Родился въ Дюссельдорфѣ, сынъ купца, изъ Евреевъ. По окончаніи курса въ прогимназіи, Гейнриха стали готовить къ купеческому званію; но пылкій юноша скучалъ за конторскою прилавкою и упросилъ дядю, у котораго жилъ, отправить его въ университетъ. Тутъ-то поэтъ убѣдился въ своемъ призваніи. Получивъ въ Геттингенѣ (1825 г.) дипломъ на степень доктора правъ, онъ перешелъ въ христіанство и объѣхалъ Италію и Англію. Долго странствовалъ поэтъ, пока не поселился въ Парижѣ. Зимою 1843—44 года Гейне въ послѣдній разъ посѣтилъ Германію: это путешествіе описано имъ въ «Зимней Сказкѣ.» Послѣдніе годы жизни Гейне были длиннымъ рядомъ страданій; *ослѣпшій*, истощенный, измученный, онъ умеръ отъ неизлечимой болѣзни спиннаго мозга.

«Путевыя Картины», а особенно «Книга Пѣсень» сдѣлали имя Гейне извѣстнымъ всей Германіи. Болѣе всего наслаждались поэзіею Гейне въ высшихъ кругахъ, а между тѣмъ пѣсни его зналъ народъ, не имѣя понятія объ авторѣ ихъ.

Первая заслуга Гейне, какъ поэта, состоитъ въ томъ, что онъ, послѣ образцовыхъ сочиненій Шиллера и Гете, внушилъ Германцамъ вновь сочувствіе къ поэзіи, что онъ на дѣлѣ показалъ возможность оригинально выражаться на Нѣмецкомъ языкѣ и прекратилъ вѣчное сравненіе съ Шиллеромъ и Гете.

Вторая заслуга заключается въ томъ, что онъ въ пѣсняхъ своихъ стремился къ возможнѣйшей простотѣ формы. Послѣ долгаго изученія истины Гейне первый выговорилъ ту мысль, что поэзія имѣетъ на столько юношеской силы, дабы возвратиться къ простотѣ и непосредственности народной пѣсни. И въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторыя изъ этихъ пѣсень совершенно возносятся до объективности Гете...

Что касается вообще до поэзіи Гейне, то она проникнута наивнымъ разочарованіемъ, ѣдкостію, остротою, и въ тоже время она нѣжна и сладка.

Пѣсни Гейне. Переводъ М. Л. Михайлова. С.-Петербургъ. 1858. Здѣсь находится біографія поэта и оцѣнка его поэзіи.—Поэты всѣхъ временъ и народовъ. Изд. Костомарова и Берга. М. 1862. Вып. 2. И здѣсь біографія и характеристика Гейне.—Пѣсни и думы Гейне. Перев. Мантейфеля. — Сочиненія Гейне въ перев. Вейнберга. — Стихотворенія Гейне въ перев. Ѳ. Миллера, Мея, Григорьева, Крестовскаго и др.—Отеч. Зап. 1857, № 2.—Атеней 1858, № 29.—Библ. д. Чт. 1858, № 6.

Сосна.

На сѣверѣ дикомъ стоитъ одиноко
На голой вершинѣ сосна,
И дремлетъ качаясь, и снѣгомъ сыпучимъ
Одѣта, какъ ризой, она.

И снится ей все, что въ пустынѣ далекой,
Въ томъ краѣ, гдѣ солнца восходъ,
Одна и грустна на утесѣ горючемъ
Прекрасная пальма растетъ.

Лермонтовъ.

Дитя! какъ цвѣтокъ ты прекрасна,
Свѣтла и чиста и мила:
Смотрю на тебя, — и любуюсь,
И снова душа ожила.

Охотно-бъ тебѣ на головку
Я руки свои возложилъ —
Прося, чтобъ Господь тебя вѣчно
Прекрасной и чистой хранилъ.

Плещеевъ.

Примѣч. Изображается спасительное дѣйствіе, производимое на душу взглядомъ на ангельски-чистую невинность.

Опустясь головкой сонной
Подъ огнемъ дневныхъ лучей,
Тихо лотосъ благовонный
Ждетъ мерцающихъ ночей.

И лишь только выплываетъ
Въ небо кроткая луна,
Онъ головку поднимаетъ,
Пробуждаясь ото сна.

На листахъ душистыхъ блещетъ
Чистыхъ слезъ его роса,
И любовью онъ трепещетъ,
Грустно глядя въ небеса.

Михайловъ.

Примѣч. — Слова В. Костомарова: «Очаровательно умѣетъ поэтъ олицетворять цвѣты и деревья! онъ самъ погружаетъ душу свою въ чашечку лилеи; цвѣточки шепчутъ и говорятъ, и смотрятъ на него съ состраданіемъ, деревья качаютъ головами, потому что видятъ, какъ онъ ходитъ по лѣсу въ темную полночь, тоскующій, страждущій; обманутый людьми, онъ ищетъ сердца у цвѣтовъ.»

Рѣчная лилія головку
Поднявши, на небо глядитъ;
А мѣсяцъ влюбленный лучами
Уныло ее серебритъ....

И вотъ она снова поникла
Стыдливо, къ лазурнымъ водамъ;
Но мѣсяцъ все блѣдный и томный
Какъ призракъ, сіяетъ и тамъ.

Плещеевъ.

Падаетъ звѣздочка съ неба,
Съ яркой своей высоты.....
Долго ли, звѣздочка счастья,
Въ небѣ мнѣ теплилась ты?

Съ яблони цвѣтъ облетаетъ,
Падаетъ листъ за листомъ.
Буйно ихъ вѣтеръ осенній
По полю носитъ кругомъ.

Лебедь запѣлъ свою пѣсню...
Тихо прудомъ онъ плыветъ.
Пѣсня все глуше и глуше...
Съ пѣсней и самъ онъ умретъ.

Грустно, темно!... Ни листочка
Нѣтъ ужъ на вѣткахъ нагихъ....
Вотъ и звѣзда золотая
Гаснетъ.... и лебедь затихъ.

Михайловъ.

Полночь нѣмая была холодна;
Громко въ лѣсу мои вопли звучали.
Темныя сосны очнулись отъ сна —
И съ состраданьемъ главами качали.

Михайловъ.

Свѣжая изморозъ, вѣтеръ,
Слякоть — какъ быть октябрю...
Сѣлъ я отъ скуки къ окошку,
Въ темень ночную смотрю.

Тусклый вдали огонечекъ
Видѣнъ во мракѣ сыромъ:
Это старушка изъ лавки
Тихо бредетъ съ фонаремъ.

Вѣрно мучицы купила,
Масла, яичекъ пятокъ:
Хочетъ большой своей дочкѣ
Сдобный испечь пирожокъ.

Дочка же дома — усѣлась
Въ кресло, и дремлется ей.
Милое личико скрыли
Русыя волны кудрей.

Михайловъ.

Все море, братья, въ часъ заката
Горитъ кругомъ, какъ золотое....
Когда умру, на дно морское
Усопшаго вы бросьте брата!

Мы были долго съ моремъ дружны:
Волною ласковой бывало,
Такъ часто скорби утоляло
Оно въ груди моей недужной.

Михайловъ.

Въ Россіи начали слагать пѣсни въ духѣ народа еще въ XVIII вѣкѣ. Императрицѣ Екатеринѣ II приписывается пѣсня «Вечеръ поздно изъ лѣсочка.» Тогда же сдѣлались извѣстны, какъ пѣснотворцы, Николевъ (Вечеркомъ румяну зорю) и Нелединскій-Мелецкій (Выйду я на рѣченьку). До художественной степени совершенства пѣсня была доводима постепенно. Народность проявляется уже въ пѣсняхъ Дмитріева, Мерзлякова и Дельвига. Блистательнаго развитія она достигла подъ перомъ незамѣнимаго и единственнаго въ своемъ родѣ Кольцова.

Стонетъ сизый голубочикъ,
Стонетъ онъ и день и ночь;
Миленькій его дружочикъ
Отлетѣлъ на долго прочь.

Онъ ужъ болѣ не воркуетъ,
И пшенички не клюетъ;
Все тоскуетъ, все тоскуетъ,
И тихонько слезы льетъ.

Съ одной вѣтки на другую
Перепархиваетъ онъ,
И подружку дорогую
Ждетъ къ себѣ со всѣхъ сторонъ.

Ждетъ ее... Увы! но тщетно,—
Знать судилъ ему такъ рокъ!
Сохнетъ, сохнетъ непримѣтно
Страстный, вѣрный голубокъ.

Онъ ко травкѣ прилегаетъ,
Носикъ въ перья завернулъ;
Ужъ не стонетъ, не вздыхаетъ;
Голубокъ — навѣкъ уснулъ!

Вдругъ голубка прилетѣла
Пріунывъ издалека,
Надъ своимъ любезнымъ сѣла,
Будитъ, будитъ голубка,

Плачетъ, стонетъ, сердцемъ ноя,
Ходитъ милаго вокругъ —
Но... увы! прелестна Хлоя!...
Не проснется милый другъ!

Дмитріевъ [1]).

Примѣч. — Слова Мизко: «Не смотря на то, что эта пѣсня, прежде извлекавшая непритворныя слезы, теперь уже въ глазахъ нашихъ слишкомъ опрофанирована, нельзя, однакожъ, не согласиться, что теплое гуманическое чувство ея имѣетъ морально-эстетическую грацію, которая могла возбуждать сердечное сочувствіе.» (Столѣтіе Р. Словесности. Одесса. 1849, стр. 198). — Объяснить на основаніи пѣсни: что такое сентиментальность въ поэзіи?

Среди долины ровныя, на гладкой высотѣ,
Цвѣтетъ, растетъ высокій дубъ въ могучей красотѣ.
Высокій дубъ развѣсистый, одинъ у всѣхъ въ глазахъ;
Одинъ, одинъ, бѣдняжечка, какъ рекрутъ на часахъ.
Взойдетъ-ли красно солнышко: кого подъ тѣнь принять?
Ударитъ-ли погодушка: кто будетъ защищать?

[1]) О Дмитріевѣ см. въ 1 вып. нашей Христоматіи. Стр. 223.

Ни сосенки кудрявыя, ни ивки близь него,
Ни кустики зеленые не вьются вкругъ него.
Ахъ, скучно одинокому и дереву расти,
Ахъ, горько, горько молодцу безъ друга жизнь вести!
Есть много сребра, золота: кого имъ подарить?
Есть много славы, почестей: но съ кѣмъ ихъ раздѣлить?
Встрѣчаюсь-ли съ знакомыми: поклонъ, да былъ таковъ.
Встрѣчаюсь-ли съ пригожими: поклонъ да пару словъ.
Однихъ я самъ пугаюся, другой бѣжитъ меня;
Всѣ вѣрны, всѣ пріятели до чернаго лишь дня!
Гдѣ съ сердцемъ отдохнуть могу, когда гроза взойдетъ?
Другъ нѣжный спитъ въ сырой землѣ, на помощь не придетъ!
Ни роду нѣтъ, ни племени въ чужой мнѣ сторонѣ,
Не ластится любезная подруженька ко мнѣ!
Не плачется отъ радости старикъ, смотря на насъ!
Не вьются вкругъ малюточки, тихохонько рѣзвясь!
Возьмите-же все золото, всѣ почести назадъ;
Мнѣ родину, мнѣ милую, мнѣ милой дайте взглядъ!

Мерзляковъ [1]).

Пѣла, пѣла пташечка —
И затихла,
Знало сердце радости —
И забыло.
Что, пѣвунья — пташечка,
Замолчала?
Какъ ты, сердце, свѣдалось
Съ чернымъ горемъ?
Ахъ! убили пташечку
Злыя вьюги;
Погубили молодца
Злые толки!
Полетѣть бы пташечкѣ
Къ синю морю!
Убѣжать бы молодцу
Въ лѣсъ дремучій!
На морѣ валы шумятъ,
А не вьюги —
Въ лѣсѣ звѣри лютые,
Да не люди!

Дельвигъ [2]).

Ахъ, ты ночь-ли,
Ноченька!
Ахъ, ты ночь-ли
Бурная!
Отъ чего ты
Съ вечера
До глубокой
Полночи
Не блистаешь
Звѣздами,
Не сіяешь
Мѣсяцемъ,

---

[1]) 1778 — 1830.
[2]) 1793 — 1830.

Все темнѣешь
Тучами?
И съ тобой, знать,
Ноченька,
Какъ со мною
Молодцемъ,
Грусть-злодѣйка
Свѣдалась!
Какъ заляжетъ
Лютая
Тамъ глубоко
На сердце:
Позабудешь
Съ вечера
До глубокой
Полночи,
Припѣвая,
Тѣшиться
Хороводной
Пляскою!
Нѣтъ, взрыдаешь,
Всплачешься,
И безродный
Молодецъ,
На постелю
Жесткую,
Какъ въ могилу
Кинешься.

Дельвигъ.

Пѣсня Старика.

Осѣдлаю коня,
Коня быстрова,
Я помчусь, полечу
Легче сокола.

Чрезъ поля, за моря,
Въ дальню сторону:
Догоню, ворочу
Мою молодость!

Приберусь — и явлюсь
Прежнимъ молодцомъ,
И приглянусь опять
Краснымъ дѣвицамъ!

Но, увы, нѣтъ дорогъ
Къ невозвратному!
Никогда не взойдетъ
Солнце съ запада!

Кольцовъ [1]).

Пѣсня Пахаря.

Ну, тащися, сивка,
Пашней десятиной,
Выбѣлимъ желѣзо
О сырую землю.

Красавица зорька
Въ небѣ загорѣлась,
Изъ большова лѣса
Солнышко выходитъ.

---

[1]) Кольцовъ 1809 — 1842 г. — Біографія и характеристика поэзіи его въ собраніи его стихотвореній.—Кольцовъ. Стоюнина. С. Отеч. 1852, № 3-й.—В. Майкова. От. Зап. 1846, № 11 и 12. — Негрескула. Москвитянинъ. 1853. — Каткова. Р. Вѣстникъ 1856. — Водовозова. Ж. М. Нар. Пр. 1861, Октябрь и Ноябрь. — Радонежскаго. От. Зап. 1862, № 10.

Весело на пашнѣ;
Ну! тащися, сивка!
Я самъ-другъ съ тобою,
Слуга и хозяинъ.

Весело я лажу
Борону и соху,
Телѣгу готовлю,
Зерна насыпаю.

Весело гляжу я
На гумно, на скирды,
Молочу и вѣю...
Ну! тащися, сивка!

Пашенку мы рано
Съ сивкою распашемъ,
Зернышку сготовимъ
Колыбель святую.

Его вспоитъ, вскормитъ
Мать земля сырая;
Выйдетъ въ полѣ травка —
Ну! тащися, сивка!

Выйдетъ въ полѣ травка —
Выростетъ и колосъ,
Станетъ спѣть, рядиться
Въ золотыя ткани.

Заблеститъ нашъ серпъ здѣсь,
Зазвенятъ здѣсь косы;
Сладокъ будетъ отдыхъ
На снопахъ тяжелыхъ!

Ну! тащися, сивка!
Накормлю досыта,
Напою водою,
Водой ключевою.

Съ тихою молитвой
Я вспашу, посѣю:
Уроди мнѣ, Боже,
Хлѣбъ — мое богатство!

Кольцовъ.

Урожай.

Краснымъ полымемъ
Заря вспыхнула;
По лицу земли
Туманъ стелится:

Разгорѣлся день
Огнемъ солнечнымъ,
Подобралъ туманъ
Выше темя горъ;

Нагустилъ его
Въ тучу черную.
Туча черная
Понахмурилась,

Понахмурилась —
Что задумалась,
Словно вспомнила
Свою родину...

Понесутъ ее
Вѣтры буйные
Во всѣ стороны
Свѣта бѣлаго...

Ополчается —
Громомъ, бурею,
Огнемъ, молніей,
Дугой радугой;

Ополчилася —
И расширилась,
И ударила,
И пролилася

Слезой крупною —
Проливнымъ дождемъ
На земную грудь
На широкую.

И съ горы небесъ
Глядитъ солнышко;
Напилась воды
Земля досыта.

На поля, сады,
На зеленые,
Люди сельскіе
Не насмотрятся;

Люди сельскіе
Божьей милости
Ждали съ трепетомъ
И молитвою.

За-одно съ весной
Пробуждаются
Ихъ завѣтныя
Думы мирныя.

Дума первая:
Хлѣбъ изъ за́крома
Насыпа̀ть въ мѣшки,
Убирать воза.

А вторая ихъ
Была думушка:
Изъ села гужомъ
Въ пору выѣхать.

Третью думушку
Какъ задумали —
Богу-Господу
Помолилися;

Чѣмъ-свѣтъ по полю
Всѣ разъѣхались,
И пошли гулять
Другъ за дружкою,

Горстью полною
Хлѣбъ раскидывать,
И давай пахать
Землю плугами,

Да кривой сохой
Перепахивать,
Бороны зубьемъ
Порасчесывать...

Посмотрю пойду,
Полюбуюся,
Что послалъ Господь
За труды людямъ:

Выше пояса
Рожь зернистая
Дремитъ колосомъ
Почти до земли.

Словно Божій гость,
На всѣ стороны
Дню веселому
Улыбается;

Вѣтерокъ по ней
Плыветъ — лоснится,
Золотой волной
Разбѣгается...

Люди се́мьями
Принялися жать,
Косить по̀дъ корень
Рожь высокую.

Въ копны частыя
Снопы сложены;
Отъ возовъ всю ночь
Скрыпитъ музыка.

На гумнахъ, вездѣ,
Какъ князья, скирды
Широко сидятъ,
Поднявъ головы.

Видитъ солнышко —
Жатва кончена:
Холоднѣй оно
Пошло къ осени;

Но жарка свѣча
Поселянина
Предъ иконою
Божьей Матери.

Кольцовъ.

Раздумье Селянина.

Сяду я за столъ —
Да подумаю:
Какъ на свѣтѣ жить
Одинокому?

Нѣтъ у молодца
Молодой жены,
Нѣтъ у молодца
Друга вѣрнова,

Золотой казны,
Угла теплова,
Бороны-сохи
Коня-пахаря...

Вмѣстѣ съ бѣдностью,
Далъ мнѣ батюшка
Лишь одинъ таланъ —
Силу крѣпкую;

Да и ту, какъ разъ,
Нужда горькая
По чужимъ людямъ
Всю истратила.

Сяду я за столъ —
Да подумаю:
Какъ на свѣтѣ жить
Одинокому?

Кольцовъ.

Л ѣ с ъ.

(Памяти А. С. Пушкина).

Что дремучій лѣсъ
Призадумался?
Грустью темною
Затуманился?

Что Бова-силачъ
Заколдованный,
Съ непокрытою
Головой въ бою,

Ты стоишь — поникъ,
И не ратуешь
Съ мимолетною
Тучей — бурею.

Густолиственный
Твой зеленый шлемъ
Буйный вихрь сорвалъ —
И развѣялъ въ прахъ.

Плащъ упалъ къ ногамъ
И разсыпался...
Ты стоишь — поникъ
И не ратуешь.

Гдѣ жъ дѣвалася
Рѣчь высокая,
Сила гордая,
Доблесть царская?

У тебя ль, было,
Въ ночь безмолвную
Заливная пѣснь
Соловьиная...

У тебя ль, было,
Дни — роскошество,
Другъ и недругъ твой
Прохлаждаются...

У тебя ль, было,
Поздно вечеромъ
Грозно съ бурею
Разговоръ пойдетъ —

Распахнетъ она
Тучу черную,
Обойметъ тебя
Вѣтромъ — холодомъ,

И ты молвишь ей
Шумнымъ голосомъ:
«Вороти назадъ!
Держи около!»

Закружитъ она,
Разыграется,
Дрогнетъ грудь твоя,
Зашатаешься —

Встрепенувшися,
Разбушуешься:
Только свистъ кругомъ
Голоса и гулъ...

Буря всплачется
Лѣшимъ, вѣдьмою,
И несетъ свои
Тучи за́ море.

Гдѣ жъ теперь твоя
Мочь зеленая?
Почернѣлъ ты весь,
Затуманился;

Одичалъ, замолкъ —
Только въ непогодь,
Воешь жалобу
На безвременье...

Такъ-то темный лѣсъ,
Богатырь-Бова!
Всю ты жизнь свою
Маялъ битвами.

Не осилили
Тебя сильные,
Такъ дорѣзала
Осень черная.

Знать, во время сна,
Къ безоружному
Силы вражія
Понахлынули;

Съ богатырскихъ плечъ
Сняли голову —
Не большой горой,
А соломенкой...

Кольцовъ.

Горькая Доля.

Соловьемъ залетнымъ
Юность пролетѣла,
Волной въ непогоду
Радость прошумѣла.

Пора золотая
Была, да сокрылась;
Сила молодая
Съ тѣломъ износилась;

Отъ кручины-думы
Въ сердцѣ кровь застыла;
Что любилъ, какъ душу—
И то измѣнило.

Какъ былинку, вѣтеръ
Молодца шатаетъ;
Зима лицо знобитъ,
Солнце — сожигаетъ.

До поры, до время,
Всѣмъ я весь изжился,
И кафтанъ мой синій
Съ плечъ долой свалился!

Безъ любви, безъ счастья
По міру скитаюсь:
Разойдусь съ бѣдою —
Съ горемъ повстрѣчаюсь!

На крутой горѣ
Росъ зеленый дубъ:
Подъ горой теперь
Онъ лежитъ — гніетъ.

Кольцовъ.

Первая пѣсня Лихача Кудрявича.

Съ радости-веселья
Хмѣлемъ кудри вьются;
Ни съ какой заботы
Они не сѣкутся.

Ихъ не гребень чешетъ —
Золотая доля,
Завиваетъ въ кольца
Молодецка удаль.

Не родись богатымъ,
А родись кудрявымъ:
По щучью велѣнью
Все тебѣ готово.

Чего душа хочетъ —
Изъ земли родится;
Со всѣхъ сторонъ прибыль
Ползетъ и валится.

Что шутя задумалъ —
Пошла шутка въ дѣло;
А тряхнулъ кудрями —
Въ одинъ мигъ поспѣло.

Не возьмутъ гдѣ лоскомъ,
Возьмутъ кудри силой;
А что худо — смотришь,
По водѣ поплыло!

Любо жить на свѣтѣ
Молодцу съ кудрями,
Весело на бѣломъ
Съ черными бровями!

Во время, да въ пору,
Медомъ рѣчи льются;
И съ утра до ночи
Пѣсенки поются.

Про тѣ рѣчи, пѣсни
Дѣвушки всѣ знаютъ —
И о кудряхъ зиму
Ночь не спятъ, гадаютъ.

Честь и слава кудрямъ!
Пусть ихъ волосъ вьется —
Съ ними все на свѣтѣ
Ловко удается!

Не подъ шапку горе
Головѣ кудрявой —
Разливайтесь, пѣсни!
Ходи, парень, браво!

Кольцовъ.

Вторая пѣсня Лихача Кудрявича.

Въ золотое время
Хмѣлемъ кудри вьются;
Съ горести-печали
Русыя сѣкутся.

Ахъ, сѣкутся кудри!
Любитъ ихъ забота;
Полюбитъ забота —
Не чешетъ и гребень!

Не родись въ сорочкѣ,
Не родись талантливъ:
Родись терпѣливымъ
И на все готовымъ.

Вѣкъ прожить — не поле
Пройти за сохою;
Кручину, что тучу —
Не уноситъ вѣтромъ.

Зла бѣда, не буря —
Горами качаетъ,
Ходитъ невидимкой,
Губитъ безъ разбору.

Отъ ея напасти
Не уйти на лыжахъ:
Въ чистомъ полѣ на́йдетъ,
Въ темномъ лѣсѣ сыщетъ;

Чуешь только сердцемъ:
Придетъ, сядетъ рядомъ,
Объ руку съ тобою
Пойдетъ и поѣдетъ...

И щемитъ, и ноетъ,
Болитъ ретивое:
Все — изъ рукъ вонъ — плохо,
Нѣтъ ни въ чемъ удачи.

То — скосило градомъ,
То — сняло пожаромъ;
Чистъ кругомъ и легокъ,
Никому не нуженъ...

Къ старикамъ на сходку
Выйдти приневолятъ —
Старые лаптишки
Безъ онучь обуешь,

Кафтанишка рваный
На́ плечи натянешь,
Бороду вскосматишь,
Шапку нахлобучишь,

Тихомолкомъ станешь
За чужія плечи...
Пусть не видятъ люди
Прожитова счастья.

Кольцовъ.

Что ты спишь, мужичокъ?
Вѣдь весна на дворѣ;
Вѣдь сосѣди твои
Работа́ютъ давно.

Встань, проснись, подымись,
На себя погляди:
Что̀ ты былъ? и что̀ сталъ?
И что̀ есть у тебя?

На гумнѣ — ни снопа,
Въ закромахъ — ни зерна;
На дворѣ, по травѣ —
Хоть шаромъ покати.

Изъ клѣтей домовой
Соръ метлою посмелъ,
И лошадокъ, за долгъ,
По сосѣдямъ развелъ.

И подъ лавкой сундукъ
Опрокинутъ лежитъ;
И погнувшись изба,
Какъ старушка, стоитъ.

Вспомни время свое:
Какъ катилось оно
По полямъ и лугамъ
Золотою рѣкой, —

Со двора и гумна,
По дорожкѣ большой,
По селамъ, городамъ,
По торговымъ людямъ!

И какъ двери ему,
Растворяли вездѣ,
И въ почетномъ углу
Было мѣсто твое!

А теперь подъ окномъ
Ты съ нуждою сидишь,
И весь день на печи
Безъ просыпу лежишь.

А въ поляхъ, сиротой,
Хлѣбъ не скошенъ стоитъ.
Вѣтеръ точитъ зерно,
Птица клюетъ его!

Что ты спишь, мужичокъ?
Вѣдь ужъ лѣто прошло,
Вѣдь ужъ осень на дворъ
Черезъ прясло глядитъ.

Вслѣдъ за нею зима
Въ теплой шубѣ идетъ,
Путь снѣжкомъ порошитъ,
Подъ санями хруститъ.

Всѣ сосѣди на нихъ
Хлѣбъ везутъ, продаютъ,
Собираютъ казну,
Бражку ковшикомъ пьютъ.

Кольцовъ.

Пѣсня.

Въ непогоду вѣтеръ
Воетъ, завываетъ;
Буйную головку
Злая грусть терзаетъ.

Горемышной долѣ
Нѣтъ нигдѣ привѣта:
До сѣдыхъ волосъ любовью
Душа не согрѣта.

Нѣту силъ; усталъ я
Съ этимъ горемъ биться,
А на свѣтъ посмотришь:
Жалко съ нимъ проститься!

Доля жъ, моя доля!
Гдѣ ты запропала?
До поры, до время
Въ воду камнемъ пала?

Поднимись, что силы
Размахни крылами:
Можетъ, наша радость
Живетъ за горами.

Если нѣтъ — у моря
Сядемъ, да дождемся;
Безъ любви и съ горемъ
Жизнью наживемся!

Кольцовъ.

Доля Бѣдняка.

У чужихъ людей
Горекъ бѣлый хлѣбъ,
Брага хмѣльная —
Не разымчива!

Рѣчи вольныя —
Все какъ связаны;
Чувства жаркія
Мрутъ безъ отзыва....

Изъ души ль, порой,
Радость вырвется —
Злой насмѣшкою
Вмигъ отравится.

И бѣлъ-ясенъ день
Затуманится;
Грустью черною
Міръ одѣнется.

И сидишь, глядишь
Улыбаючись;
А въ душѣ клянешь
Долю горькую!

Кольцовъ.

Казачья колыбельная пѣсня.

Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотритъ мѣсяцъ ясный
Въ колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Пѣсенку спою;
Ты-жъ дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По камнямъ струится Терекъ,
Плещетъ мутный валъ;
Злой Чеченъ ползетъ на берегъ,
Точитъ свой кинжалъ;
Но отецъ твой — старый воинъ,
Закаленъ въ бою:
Спи, малютка, будь спокоенъ,
Баюшки-баю.

Самъ узнаешь,—будетъ время,—
Бранное житье;
Смѣло вдѣнешь ногу въ стремя
И возьмешь ружье.
Я сѣдельце боевое
Шолкомъ разошью....

Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю.

Богатырь ты будешь съ виду
И казакъ душой,
Провожать тебя я выйду —
Ты махнешь рукой....
Сколько горькихъ слезъ украдкой
Я въ ту ночь пролью!...
Спи, мой ангелъ, тихо, сладко,
Баюшки-баю.

Стану я тоской томиться,
Безутѣшно ждать;
Стану цѣлый день молиться,
По ночамъ гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты въ чужомъ краю....
Спи жъ, пока заботъ не знаешь,
Баюшки-баю.

Дамъ тебѣ я на дорогу
Образокъ святой;
Ты его, молясь Богу,

Ставь передъ собой; Спи, младенецъ мой прекрасный,
Да, готовясь въ бой опасный, Баюшки-баю.
Помни мать свою... *Лермонтовъ.*

По полю, полю чистому,
По бархатнымъ лужкамъ,
Течетъ, струится рѣченька
Къ безвѣстнымъ бережкамъ.
Взойдетъ гроза, пройдетъ гроза —
Всегда свѣтла она!
Отъ бури лишь поморщится,
Не зная, что волна....
Не рощи, не дубравушки
По бережку растутъ;
Кусты цвѣтовъ лазоревыхъ,
Любуясь въ ней, цвѣтутъ!
А рѣчка извивается,
По травушкѣ скользитъ....
То въ ямкѣ потеряется,
То снова заблеститъ!
Ей убыли невѣдомы,
Всегда въ одной красѣ!
За прибыль благодарствуетъ
Небесной лишь росѣ!
Но долго-ль, долго-ль рѣченькѣ
Катиться по цвѣтамъ!
Ждутъ бездны моря, свѣтлую,
Въ дали туманной, тамъ!
О поле, поле чистое!
Осиротѣешь ты....
И вы, и вы посохнете
Лазоревы цвѣты!
Ахъ, рѣчка, рѣчка свѣтлая,
Измѣнчивъ нашъ удѣлъ!...
На рѣзвый бѣгъ твой по полю
Сквозь слезы я глядѣлъ;
И я жилъ рѣзво, весело
Пѣвалъ въ былые дни,
И радости сердечныя
Лишь чувствовалъ одни!
Но все перемѣняется,

Проходитъ все, какъ сонъ,
И я грустить, печалиться
До гроба осужденъ.

Цыгановъ.

Полетай, соловеюшко,
На родиму сторонушку;
На родимой сторонушкѣ,
Тамъ живала сироточка,
Сирота горемычная,
Моя матушка родимая!
Подъ ея подъ окошечкомъ
Есть кудрявое деревцо:
Оно мною посажено,
Ею часто поливано,
Не водицей ключевою,
А слезами, да горючими.
Сядь на немъ, соловеюшко!
Свей на немъ тепло гнѣздышко,
Заведи малыхъ дѣтушекъ,
Распѣвай съ утра до ночи:
Потѣшай сиротинушку,
Мою матушку родимую!
Пусть родная не плачется
Подъ окошечкомъ сидючи,
На проѣзжаго глядючи,
Обо мнѣ вспоминаючи!..
Еще я на бѣломъ свѣту,
Пуще прежняго люблю ее.
Есть вѣдь дни, въ кои солнышко
Съ яснымъ мѣсяцемъ видится....
Такъ настанетъ и намъ денекъ —
И мы съ ней повидаемся:
Наглядимся, насмотримся,
Насмѣемся.... наплачемся....
Крѣпко, крѣпко обнимемся
И до-сыта нацѣлуемся!

Цыгановъ.

«*Что ты рано, травушка,*
Пожелтѣла,
Что вы рано, цвѣтики,
Облетѣли?

Что ты такъ, красавица,
Похудѣла?..
Впали алы щеченьки —
Поблѣднѣли,

Впали ясны оченьки —
Потускнѣли....»
—Неуспѣли цвѣтики
Распуститься, —
Ужъ ихъ злая засуха
Поѣдаетъ:
Не успѣла я съ дружкомъ
Обручиться, —
Ужъ онъ меня бѣдную,
Покидаетъ,
Безъ поры — безъ времени,
Убиваетъ! —
«Только ль свѣту бѣлаго,
Что въ оконцѣ?
Только ль добрыхъ молодцевъ,
Что измѣньщикъ?...
Не тумань, голубушка,
Ясныхъ очекъ.
Не слези, лебедушка,
Алыхъ щечекъ;
Выбирай любимаго
Изъ удалыхъ,
По нраву пріятному
По обычью,
По уму, по разуму,
Да по сердцу!»
— Погляжу ль я на небо:
Звѣздокъ много, —
Да одинъ во звѣздочкахъ
Свѣтелъ мѣсяцъ!
Загляну ль въ зеленый садъ:
Пташекъ много, —
Да одинъ во пташечкахъ
Ясенъ соколъ!
Взгляну ли на молодцевъ:
Добрыхъ много, —
Да не прійдутъ дѣвушкѣ
По обычью,
По уму, по разуму,
Да по сердцу....

Цыгановъ.

Пѣсня Бобыля.

Ни кола, ни двора,
Зипунъ — весь пожитокъ....
Эхъ, живи — не тужи,
Умрешь — не убытокъ.

Богачу — дураку
И съ казной не спится;
Бобыль голъ, какъ соколъ,
Поетъ — веселится.

Онъ идетъ да поетъ,
Вѣтеръ подпѣваетъ;
Сторонись, богачи!
Бѣднота гуляетъ!

Рожь стоитъ по бокамъ,
Отдаетъ поклоны....
Эхъ, присвитни, бобыль!
Слушай лѣсъ зеленый!

Ужъ ты плачь-ли, не плачь, —
Слезъ никто не видитъ,
Оробѣй, загорюй, —
Курица обидитъ.

Ужъ ты сытъ-ли, не сытъ,
Въ печаль не вдавайся;
Причешись, распахнись,
Шути — улыбайся!

Поживемъ да умремъ —
Будетъ голь прикрыта....
Разумѣй, кто уменъ —
Пѣсенка допѣта.

Никитинъ [1]).

---

[1]) Воронежскій мѣщанинъ. 1826 — 1862.

ЭЛЕГІЯ.

Элегія (ἔλεγος, отъ слова ἐλέγω — ἀλέγω означаетъ печаль, скорбь [1])— лирическое произведеніе грустнаго содержанія. Въ древности элегія имѣла болѣе обширное значеніе. О характерѣ ея у Грековъ приводимъ слова Мунка: «У Іонійцевъ изъ эпоса произошла элегія. Эпическая поэзія образовалась въ то время, когда Греческія государства были еще въ дѣтствѣ, когда не было у нихъ еще настоящей политической жизни. Но съ развитіемъ ума, они обращаются къ внутренней жизни и поэзія тѣснѣе соединяется съ жизнью политическою. Освободившіяся государства занимались и внѣшнею и внутреннею борьбою, потому и поэзія получила двойное значеніе: на войнѣ воодушевлять воюющихъ, а внутри распространять добродѣтель и предохранять отъ зла. Такимъ-образомъ древняя элегія, какъ эпосъ настоящаго, раздѣлилась на героическую, соотвѣтствующую эпосу Гомера и дидактическую или гномическую, соотвѣтствующую поучительному эпосу Гезіода. Форма элегіи образовалась также изъ эпической. Въ эпосѣ разсказъ тянулся непрерывно, а въ элегіи отдѣльныя мысли раздѣлялись. Элегія писалась гекзаметрами, соединенными съ пентаметрами, такъ-что образовалось двустишіе и

[1]) Такое производство даетъ *Гартунгъ* въ сочиненіи: Die Griechischen Elegiker. Leipzig. 1859. Стр. 3: «Ἔλεγος, vom Stamm Ἐλέγω = ἀλέγω heisst Trauer, Klage.» — *Шерръ:* «Происхожденіе лирики отъ эпоса всего яснѣе обнаруживаетъ элегія (ἔλεγος). Къ величественному гекзаметру эпоса присоединился здѣсь мягкій пентаметръ. О происхожденіи слова элегія существуютъ различныя мнѣнія, но, кажется, можно положительно принять, что первоначально слово это обозначало печальную пѣсню. Элегія древнихъ обнимала однако болѣе широкую область, чѣмъ элегія въ нынѣшнемъ смыслѣ, гдѣ она служитъ стереотипной формой для выраженія жалобы, нравственной боли и грусти. Древнимъ извѣстны были различные виды элегіи: политическо-воинственная, гномическая, эротическая, печальная и застольная.» (Исторія всеобщей литературы. Шерра. Р. переводъ. Спб. 1863, стр. 82).

впервые появилась строфа, которая впослѣдствіи служила образцомъ въ лирикѣ. Элегія написана на Іоническомъ нарѣчіи и сопровождалась игрою на флейтѣ.

«Первымъ писателемъ героической элегіи былъ Каллиносъ изъ Эфеса. Онъ жилъ въ 700 году до Р. Х., въ то время, когда Малоазіатскихъ Грековъ тревожили нападеніями цари Ливійскіе. Въ его пѣсняхъ выражается храбрость и любовь къ отечеству. Въ одномъ, сохранившемся до насъ отрывкѣ, онъ упрекаетъ юношество своего отечества въ недѣятельности, когда все занято войною. «Честь и слава мужу, сражающемуся за отечество, дѣтей и жену; если Мойры судили умереть, не уйдешь отъ смерти, — часто бѣгущаго съ поля битвы, смерть настигала въ дому. О трусѣ никто не жалѣетъ и не обращаетъ на него вниманія: о храбромъ скорбитъ весь народъ; въ жизни считаютъ его полубогомъ, потому-что въ немъ видятъ свою защиту.»

«Героическими пѣснями особенно прославился Тиртей: «его пѣсни возбуждали къ войнамъ Марса» (Горацій).—По преданію извѣстно, что когда Спартанцы воевали съ Мессенцами (680 до Р. Х.) и спрашивали оракула, чѣмъ кончится война, тотъ отвѣчалъ, что они побѣдятъ только тогда, если привезутъ себѣ полководца изъ Аѳинъ. Аѳиняне прислали имъ Тиртея, Спартанцы побѣдили. Тиртей оставилъ имъ много элегій, и хотя Спартанцы не обращали вниманія на пѣвцовъ, но до того уважали этого, что выдали законъ: передъ походомъ воины должны собираться около палатки царя, чтобы слушать пѣсни Тиртея, которыя возбуждаютъ къ храбрости. Другое извѣстіе говоритъ, что Тиртей былъ калѣкою и учителемъ въ одной Аѳинской школѣ и что Аѳиняне послали его къ Спартанцамъ въ насмѣшку. Изъ его походныхъ пѣсень, написанныхъ анапестомъ, нѣкоторые отрывки сохранились, гдѣ онъ говоритъ Спартанцамъ: «въ лѣвой рукѣ держать щитъ, храбро метать копья, не дорожа жизнью; потому-что это не понраву Спартанцамъ.» Изъ героическихъ элегій его, намъ извѣстны три. Въ первой онъ восхваляетъ смерть за отечество и представляетъ весь позоръ труса. Онъ говоритъ: «прекрасно пасть въ первыхъ рядахъ, сражаясь за отечество; величайшее же несчастіе, оставлять тайкомъ родину и просить вездѣ милостыню вмѣстѣ съ дорогою матерью, старикомъ отцомъ, малыми дѣтьми и молодою супругою. Куда ни придетъ онъ, вездѣ враждебно онъ встрѣченъ, вездѣ преслѣдуетъ его позоръ и бѣдствія. Потому, лучше сражаться за отечество, умирать за дѣтей и не щадить жизни. Потому юноши должны неразрывно сражаться и не оставлять на полѣ битвы стариковъ, которые не въ состояніи бѣжать. Величайшимъ упрекомъ юношеству служитъ то, если въ первыхъ рядахъ находятъ старца, изувѣченнаго непріятелемъ. Цвѣту-

щаго юношу любятъ жены, удивляются ему мужья; но истинно онъ прекрасенъ, если падетъ въ первыхъ рядахъ». Въ третьей элегіи онъ перечисляетъ преимущества храбраго въ жизни и послѣ нея. «Храбрость лучшее достоинство человѣка и украшеніе юноши. Побѣда храбраго воина приноситъ пользу цѣлому городу и народу, и если пронзенный стрѣлами онъ падаетъ, то прославитъ отечество, гражданъ и родителей. Юноши и старики его оплакиваютъ, слава и имя его не погибаютъ, переходятъ къ дѣтямъ, и если даже тѣло подъ землею, память объ немъ вѣчна. Но если онъ избѣгнетъ смерти, и юность и старцы его почитаютъ, и послѣ веселой жизни нисходитъ онъ въ Гадесъ (адъ). Всѣ граждане уважаютъ и почитаютъ его. Предъ нимъ всѣ встаютъ. Этого каждый долженъ добиваться, не оставляя войну.»

«Третій писатель по этой части былъ законодатель Солонъ. Мегарійцы завоевали островъ Саламинъ, принадлежавшій Аѳинянамъ; всѣ попытки возвратить его были такъ несчастны, что они постановили смертную казнь тому, кто предложитъ снова завоевать этотъ островъ. Притворясь съумашедшимъ, Солонъ на площади читаетъ элегію, въ которой насмѣхается надъ трусостью Аѳинянъ и возбуждаетъ ихъ взять Саламинъ. «Лучше бы я перемѣнилъ отечество и хотѣлъ бы быть Ѳолегандрійцемъ или Сикинитомъ, чѣмъ гражданиномъ Аѳинскимъ, такъ какъ скоро распространилась бы молва: также мужъ изъ Аѳинъ, которые предъ Саламиномъ робѣютъ. Вставайте, пойдемъ въ Саламинъ, возьмемъ любимый островъ, чтобы стряхнуть всю тяжесть похода!» Послѣ этого Аѳиняне заняли опять Саламинъ.

«Дидактическая элегія есть выраженіе практической жизни, какою поэтъ представляетъ ее народу; она образовалась во времена семи мудрецовъ: «мудрость ихъ каждый можетъ знать, короткія, многозначущія изрѣченія, которыя каждый говорилъ» (Протагоръ Платона 343). Изъ элегій Солона мудреца, «который сдѣлался старъ, ежедневно многое выучивая» (отрывки Солона. IX), остались намъ большею частію отрывки. Въ одной элегіи (XV) великій законодатель выставляетъ прежнюю беззаконность своихъ соотечественниковъ и восхваляетъ законность: «Нашъ городъ, по рѣшенію Зевеса и волѣ вѣчныхъ боговъ, не погибнетъ; Паллада Аѳина, Зевесова мудрая дочь, его защищаетъ. Но граждане, падкіе до выгоды, по неразумію хотятъ повредить могущественному городу, и глубокую рану принесли ему высокомѣріе и жадность народныхъ предводителей; потому что вскорѣ впалъ онъ въ рабство, которое возбудило раздоръ и междоусобную войну, погубило многихъ гражданъ, многихъ заставило оставить отечество и проникло даже въ семейство. Потому я считалъ долгомъ указать Аѳиня-

намъ, сколько бѣдствій городу приноситъ беззаконность. При законности, напротивъ, все въ порядкѣ: она преслѣдуетъ зло, сравниваетъ шероховатое, подавляетъ гордость и высокомѣріе, уничтожаетъ всѣ сѣмена бѣдствій, кривое выпрямляетъ, умѣряетъ партіи и раздоръ. При ней все приходитъ въ благоразумный порядокъ.» Въ другомъ отрывкѣ (XX) онъ характеризуетъ свое законодательство: «Народу далъ я вѣрную мѣру силы и чести, и сильному и богатому воздалъ я достойное, и покрывъ обѣ партіи огромнымъ щитомъ, не позволялъ никому несправедливости.» Въ другой элегіи (V) онъ выражаетъ свой взглядъ на жизнь: обращается къ Піерійскимъ музамъ съ просьбою, чтобы вѣчные боги даровали ему счастье и славу у всѣхъ людей, на радость друзьямъ, въ досаду врагамъ. Онъ желаетъ себѣ сокровищъ, но — благопріобрѣтенныхъ: «Богатство, дарованное богами, остается и растетъ; преступленія не приносятъ человѣку пользы, потому что Зевесъ видитъ конецъ всего. Съ такою же быстротою, какъ весенній вѣтеръ разгоняетъ облака, приближается и месть бога; но не всегда онъ тотчасъ наказываетъ: одинъ страдаетъ раньше, другой позже, и если даже наказаніе его не постигаетъ, то дѣти и внуки безвинно должны терпѣть за вину его.» Мимнермъ желалъ въ одномъ стихѣ, чтобы смерть предстала ему на шестидесятомъ году безъ болѣзней и трудныхъ заботъ. Солонъ на это говоритъ ему: «Перемѣни изрѣченное, и пой напротивъ: предстала бы смерть мнѣ на восьмидесятомъ году, и не умереть бы мнѣ неоплаканнымъ; хотѣлъ бы оставить друзьямъ я слезы и горе» [1]).

«Главою или представителемъ дидактической элегіи былъ Ѳеогнисъ изъ Мегары (550 до Р. Х.). Въ Мегарѣ, какъ Дорическомъ государствѣ, управляемомъ вельможами, явились тиранны, проложившіе дорогу народному правленію. Богатые и знатные частью были повыгнаны, частью были притѣсняемы и должны были удалиться, и между послѣдними, думаютъ, былъ и Ѳеогнисъ, человѣкъ съ состояніемъ; онъ думалъ тѣмъ почтить свое отечество, что не примкнетъ ни къ народной партіи, ни подчинится несправедливымъ людямъ (стих. 947 — 948). Выгнанный изъ отечества, жилъ онъ въ семивратныхъ Ѳивахъ (ст. 1209) и, какъ второй Одиссей, переѣхавшій моря (ст. 1123), онъ долженъ былъ оставить цвѣтущія поля другимъ (ст. 1200). На изобилующихъ виноградомъ нивахъ Эвбеи

[1]) Слова Гартунга: «Въ элегіяхъ Солона Спартанецъ, рожденный солдатомъ, нашелъ какъ въ катихизисѣ, всѣ ученія и заповѣди, которыя могли его сдѣлать крѣпкимъ гражданиномъ своего города, или воиномъ.» (Die Griechischen Elegiker. Von Hartung. Leipzig. 1859, стр. 7). Сочиненіе Гартунга о Греческихъ элегикахъ — классическое. Въ немъ приведены многочисленные отрывки изъ древнихъ элегическихъ писателей, съ переводомъ ихъ и примѣчаніями.

и въ Спартѣ, гдѣ Эротъ протекаетъ, вездѣ онъ принятъ друзьями но не весело было ему, потому что дороже всего ему отечество (ст. 783—788). Потому онъ умоляетъ Зевеса—Олимпійца смягчить его страданія, и отмстить силою похитившихъ его имѣніе (ст. 341—350). Онъ впослѣдствіи кажется возвратился на родину и умеръ въ началѣ Персидскихъ войнъ, потому-что проситъ властителя Феба, благоволящаго Алкатою, сыну Пелопса, отклонить высокомѣрное войско Мидійцевъ отъ своей родины, чтобы весною народъ могъ принести ему прекрасныя гекатомбы и могли бы восхищаться около его алтаря игрою на цитрѣ, пѣснями и весело пировать. «Весьма я боюсь, глядя на неразуміе и гибельный раздоръ Эллинъ; потому да оградитъ нашъ градъ Аполлонъ!» (ст. 773 — 783). Ѳеогнисъ написалъ собраніе изрѣченій своему любимцу Кирносу и кромѣ того многія другія изрѣченія друзьямъ своимъ. Ксенофонтъ называетъ его стихотворенія учебникомъ человѣка, потому что онъ говоритъ только о добродѣтеляхъ и порокахъ его. Грустное настроеніе большей части его стихотвореній зависитъ, вѣроятно, отъ бурной его жизни. Въ сочиненіи Ѳеогниса, сохранившемся до нашихъ временъ, перемѣшаны изрѣченія и элегіи безъ всякой внутренней связи. Поучительная элегія Кирносу вѣроятно начинается призваніемъ Аполлона и Артемиды и музъ, явившихся на свадьбу Кадмоса и пропѣвшихъ: «Всякое прекрасное нравится; что не красиво, не нравится!» Тутъ онъ совѣтуетъ Кирносу не забывать его ученіе: «потому-что никто не выберетъ худшее, если ему подаютъ хорошее. Каждый скажетъ: это слово Мегарійца, слово Ѳеогниса, котораго всѣ знаютъ, но не можетъ всѣмъ нравиться, это не диво, и самъ Зевесъ не можетъ всѣмъ нравиться, если велитъ идти дождю или нѣтъ.» Онъ хочетъ научить добру, чему самъ научился въ молодости (ст. 1 — 28).

«У Мимнерма, изъ Колофона, современника Солонова, элегія получаетъ лирическій характеръ, — онъ въ старости еще несчастно любилъ одну дѣвушку и воспѣваетъ радость и горе любви. Главныя его темы: бренность человѣческой жизни и приглашеніе юношей наслаждаться; его принципъ: «Несчастная жизнь безъ веселья и любви» (Горацій, epist. 1, 6, 69). «Юность время счастья, старость хуже смерти (IV).» Потому онъ желаетъ себѣ, «чтобы смерть предстала ему на шестидесятомъ году безъ болѣзней и тяжкой заботы» (VI). «Что такое жизнь и наслажденіе безъ золотой Афродиты? Лучше умереть, чѣмъ не находить болѣе удовольствія въ золотыхъ дарахъ ея. Скоро проходитъ молодость и настаетъ бѣдственная старость, мы теряемъ красоту и являются злыя заботы и даже лучъ солнца болѣе насъ не радуетъ. Мальчики насъ избѣгаютъ, дѣвушки насмѣхаются. Такъ тягостно сотворилъ богъ старость.» (I).

«Подобно листьямъ, которые солнечный лучъ производитъ весною, кратка наша юность и скоро приближаются мрачныя богини, приносящія старость и смерть. Если пройдетъ юность, то смерть можно предпочесть жизни. Настаетъ много злаго: часто бѣдность, или потеря дорогихъ сердцу, или болѣзнь; и кому Зевесъ не далъ много злаго»? [1])

«Подобнымъ образомъ писалъ Симонидъ изъ Хіоса (ум. 469 до Р. Х.); въ его элегіи преобладаетъ грусть и печаль. Въ одной сохранившейся до насъ элегіи онъ жалуется на скорость времени: «Нѣтъ постояннаго въ вѣтренныхъ дѣлахъ человѣчества.» Онъ однажды сказалъ: «Поколѣніе людей похоже на листья; всѣхъ обольщаетъ надежда и вкрадывается даже въ сердце юноши. Легкомысленно человѣкъ сонный блуждаетъ вездѣ, пока молодъ: онъ не думаетъ о старости и смерти, пока цвѣтетъ, не думаетъ онъ объ осени. Неразумныя дѣти! Они не знаютъ, какъ скоро проходитъ юность и жизнь смертнаго, но если ты это знаешь, то до конца жизни охотно наслаждайся хорошимъ.» (Исторія Греческой литературы. Поэзія. Эдуарда Мунка. Р. переводъ. Спб. 1861, стр. 33—41).

Римляне смотрѣли на элегію, какъ на грустную пѣснь. У Римскихъ поэтовъ она стала оплакивать несчастія отъ чувства любви. Потому Буало говоритъ: «Плачевная элегія въ длинномъ траурномъ одѣяніи, съ распущенными волосами, умѣетъ стенать на гробѣ; она описываетъ радость и печаль любящаго; ласкаетъ, грозитъ, раздражаетъ и успокоиваетъ любящую». Представителями Римской элегіи считаются Катуллъ, Тибуллъ, Проперцій и Овидій. Первый жилъ при Юліи Цезарѣ, остальные при Августѣ. Чувство любви— общее содержаніе ихъ элегій [2]).

Элегическое направленіе въ нашей отечественной поэзіи представляется господствующимъ. «Печалію согрѣта, говоритъ Пушкинъ, гармонія и нашихъ музъ и дѣвъ». Почти всѣ поэты тоскуютъ плачутъ и жалуются.... Впрочемъ первенство въ этомъ родѣ остается за Жуковскимъ: съ него собственно начинается господство элегическаго рода. Содержаніе элегій Жуковскаго — тоска по утраченному идеалу. Лучшія элегіи поэта: «Торжество побѣдителей», «Жалобы

---

[1]) Гартунгъ говоритъ о Мимнермѣ: «Его стремленіе къ любви, его жалобы на непостоянство юности, на любовь и на скуку старости, не мѣшали ему воспѣвать храбрыя дѣянія и прославлять добродѣтели...» (Греческіе элегики, стр. 9).

[2]) Описываетъ ли Тибуллъ долину, или тѣнь дерева, или чистый источникъ, онъ обращается къ Делін: Ipse boves, modo sim tecum, mea Delia, possim
Iungere, et in solo pascere monte pecus.
Проперцій выражается еще сильнѣе:
Non haec Calliope, non haec mihi cantat Apollo;
Ingenium nobis ipsa puella facit. (Propert. Lib. 2. Eleg. 1).

Цереры», «Опять ты здѣсь, мой благодатный геній», пожалуй — «Сельское кладбище». Наибольшое сродство съ элегіями Жуковскаго представляютъ элегіи Козлова, слѣпца — поэта (1774—1838). Покорность волѣ Провидѣнія, таинство страданія, тихое уныніе, вѣра въ любовь и дружбу составляютъ обычный мотивъ его стихотвореній. Лучшія элегіи Козлова: «На погребеніе Джона Мура», «Вечерній Звонъ», «Ночь» и проч. Элегіи Пушкина проникнуты чувствомъ горести и чувствомъ отрады. Лучшія между лучшими: «Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье», «Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ», «Опять на родинѣ» и проч. Элегіи Баратынскаго (1800 — 1844), Полежаева и Лермонтова отличаются мрачнымъ настроеніемъ: въ нихъ высказывается безотрадный взглядъ на жизнь, разочарованіе. Баратынскаго Пушкинъ называетъ первымъ нашимъ элегическимъ поэтомъ. Элегіи его: «На смерть Гете», «Истина», «Черепъ» и проч.

Между современными поэтами элегическій мотивъ является господствующимъ, кромѣ многихъ другихъ, у Огарева. Отъ стихотвореній Огарева вѣетъ безотраднымъ чувствомъ и такой безотходной тоской, что невольно становится жаль поэта. На каждомъ почти шагу фантазія его рисуетъ картины одна другой мрачнѣе и читатель видитъ, какія «жгучія печали» давятъ грудь пѣвца: поэту видится то старый, развалившійся домъ, страшный своимъ запустѣніемъ, — то мертвый младенецъ въ гробѣ передъ плачущими родителями, то крестъ осиротѣлый, стоящій въ тишинѣ надъ безыменною могилой, то снѣжная поляна съ бѣлыми березами, тускло освѣщенная дальнымъ мѣсяцемъ. Его стихотворенія «Младенецъ», «Fatum», «Много грусти», «Изба», «На сонъ грядущимъ», по глубинѣ скорбнаго и искренняго чувства, по выраженію теплаго участья въ страданіяхъ ближняго, никогда не изгладятся изъ памяти.

Примѣч.—Выписка изъ Словаря Остолопова: «Грамматики предлагаютъ разныя происхожденія слова *Елегія*. Діомедъ производитъ оное отъ *Εὐλογεῖν*, хвалить, и основываетъ мнѣніе свое на первомъ употребленіи сей поэмы, состоящемъ, какъ онъ полагаетъ, въ похвалѣ умершимъ. Иные производятъ слово *Елегія* отъ глагола *Ἐλεγείρειν*, быть въ безуміи, въ изступленіи; другіе отъ *Ἐλεεῖν*, сострадать, сожалѣть; отъ *Ἔλεον λέγειν*, жалобу говорить, жаловаться, или жалобою возбуждать сожалѣніе; отъ слова *Ἐλελεῦ*, служившаго припѣвомъ для нѣжныхъ и жалобныхъ пѣсенъ, а иные, упоминаемые Скалигеромъ, производятъ сіе слово отъ *Ἐλεδσ*, сова, по причинѣ печальнаго крика сей птицы.—Но лучше, кажется, вмѣстѣ съ Воссіемъ, принять мнѣніе Дидима, который производитъ сіе слово отъ *ἐ ἐ λέγειν*, *увы говорить*, и думаетъ, что Елегію такъ назвали по употребленію въ ней сихъ жалобныхъ возклицаній. Овидій также полагалъ сіе происхожденіе; онъ всегда придавалъ Елегіи епитетъ *жалобная*, *печальная*, что видно изъ его возклицанія при оплакиваніи смерти Тибулла: «ахъ, печальная Елегія! говоритъ онъ, никогда не принадлежало тебѣ съ такою справедливостію твое имя.» Теренціанъ Мавръ и Боецій имѣли такое же мнѣніе, какъ Овидій, и описываютъ Елегію съ нимъ

согласно.—И такъ *Елегія*, слѣдуя истинному словопроизведенію, есть поэма, посвященная слезамъ и жалобамъ.» (Словарь древней и новой поэзіи. Николая Остолопова. Спб. 1821. Ч. I, стр. 355).

Объ элегіи: Die Griechischen Elegiker. Von Hartung. Leipzig. 1859. Два тома.— Исторія Греч. литературы. Поэзія. Мунка. Р. переводъ. Спб. 1861. Стр. 33—41.— Исторія всеобщей литературы. Шерра. Р. переводъ. Спб. 1863. Вып. 1, стр. 82.— Grundriss der Griechischen Litteratur. Von Bernhardy. Zweite Bearbeitung. Erster Theil. Halle. 1825. Pag. 315—317. 325—332. 335 — 337 et cet.— О Катуллѣ: Соврем. 1850.—Переводы элегій Катулла и Тибулла, въ сочиненіяхъ Дмитріева, Батюшкова, Майкова и Фета.— Объ Овидіи: Библіот. д. Чт. 1856, № 2. Пропилеи. Кн. 2. Ученыя Зап. Моск. Унив. 1835, № 7.

Торжество побѣдителей.

(Шиллера).

Палъ Пріамовъ градъ священный;
Грудой пепла сталъ Пергамъ;
И побѣдой насыщенны,
Къ острогрудымъ кораблямъ
Собрались Эллены — тризну
Въ честь минувшаго свершить,
И въ желанную отчизну,
Къ берегамъ Эллады плыть.

Пойте, пойте гимнъ согласный:
Корабли обращены
Отъ враждебной стороны
Къ нашей Греціи прекрасной.

Брегомъ шла толпа густая
Иліонскихъ дѣвъ и женъ:
Изъ отеческаго края
Ихъ вели въ далекій плѣнъ
И съ побѣдной пѣснью дикой
Ихъ сливался тихій стонъ
По тебѣ, святой, великой,
Невозвратный Иліонъ.

Вы, родные холмы, нивы,
Намъ васъ болѣ не видать;
Будемъ въ рабствѣ увядать....
О, сколь мертвые счастливы!

И съ предвѣдѣніемъ во взглядѣ
Жертву самъ Калхасъ заклалъ:
Грады зиждущей Палладѣ
И губящей (онъ воззвалъ),
Буреносцу Посидону,
Воздымателю валовъ,
И носящему Горюну
Богу смертныхъ и боговъ!

Судъ оконченъ; споръ рѣшился;
Прекратилася борьба;
Все исполнила Судьба:
Градъ великій сокрушился.

Царь народовъ, сынъ Атрея,
Обозрѣлъ полковъ число:
Вслѣдъ за нимъ на брегъ Сигея
Много, много ихъ пришло....
И незапный мракъ печали
Отуманилъ царскій взглядъ:
Благороднѣйшіе пали....
Мало съ нимъ пойдетъ назадъ.

Счастливъ тотъ, кому сіянье
Бытія сохранено,
Тотъ, кому вкусить дано
Съ милой родиной свиданье!

И не всякій насладится
Миромъ, въ свой пришедши домъ:
Часто злобный ковъ таится
За домашнимъ алтаремъ;
Часто Марсомъ пощаженный
Погибаетъ отъ друзей,
(Рекъ, Палладой вдохновенный,
Хитроумный Одиссей.)

Счастливъ тотъ, чей домъ украшенъ
Скромной вѣрностью жены!
Жены алчутъ новизны:
Постоянный миръ имъ страшенъ.

И стоящій близъ Елены
Менелай тогда сказалъ:

Плодъ губительный измѣны—
Ею самъ измѣнникъ палъ;
И погибъ виной Парида
Отягченный Иліонъ.....
Неизбѣженъ судъ Кронида,
Все блюдетъ съ Олимпа онъ.

Злому злой конецъ бываетъ:
Гибнетъ жертвой Эвменидъ,
Кто безумно, какъ Паридъ,
Право гостя оскверняетъ.

Пусть веселый взоръ счастливыхъ
(Оилеевъ сынъ сказалъ)
Зритъ въ богахъ боговъ правдивыхъ;
Судъ ихъ часто слѣпъ бывалъ:
Сколько бодрыхъ жизнь поблёкла:
Сколькихъ низкихъ рокъ щадитъ!....
Нѣтъ великаго Патрокла;
Живъ презрительный Терситъ.

Смертный, царь Зевесъ Фортунѣ
Своенравной предалъ насъ:
Уловляй же быстрый часъ,
Не тревожа сердца втуне.

Лучшихъ бой похитилъ ярый!
Вѣчно памятенъ намъ будь,
Ты, мой братъ, ты, подъ удары
Поставлявшій твердо грудь,
Ты, который насъ, пожаромъ
Осажденныхъ, защитилъ....
Но коварнѣйшему даромъ
Щитъ и мечъ Ахилловъ былъ.

Миръ тебѣ во тмѣ Эрева!
Жизнь твою не врагъ отнялъ:
Ты своею силой палъ,
Жертва гибельнаго гнѣва.

О Ахиллъ! о мой родитель!
(Возгласилъ Неоптолемъ)
Быстрый міра посѣтитель,
Жребій лучшій взялъ ты въ немъ.

Жить въ любви племенъ дѣлами —
Благо первое земли;
Будемъ вѣчны именами
И сокрытые въ пыли!

Слава дней твоихъ нетлѣнна;
Въ пѣсняхъ будетъ цвѣсть она:
Жизнь живущихъ невѣрна
Жизнь отжившихъ неизмѣнна!

Смерть велитъ умолкнуть злобѣ:
(Діомедъ провозгласилъ)
Слава Гектору во гробѣ!
Онъ краса Пергама былъ;
Онъ за край, гдѣ жили дѣды,
Веледушно пролилъ кровь;
Побѣдившимъ — честь побѣды!
Охранявшему — любовь!

Кто, на судъ явясь кровавый,
Славно палъ за отчій домъ:
Тотъ, почтенный и врагомъ,
Будетъ жить въ преданьяхъ славы. —

Несторъ, жизнью убѣленный,
Нацѣдилъ вина фіалъ,
И Гекубѣ сокрушенной
Дружелюбно выпить далъ.
Пей страданій утоленье;
Добрый Вакховъ даръ вино:
И веселость и забвенье
Проливаетъ въ насъ оно. —

Пей, страдалица! печали
Услаждаются виномъ:
Боги жалостные въ немъ
Подкрѣпленье сердцу дали.

Вспомни матерь Ніобею:
Что извѣдала она!
Сколь ужасная надъ нею
Казнь была совершена!
Но и съ нею, безотрадной,
Добрый Вакхъ недаромъ былъ:

Онъ струею виноградной
Вмигъ тоску въ ней усыпилъ.

Если грудь виномъ согрѣта,
И въ устахъ вино кипитъ:
Скорби наши быстро мчитъ
Ихъ смывающая Лета.

И вперила взоръ Кассандра,
Внявъ шепнувшимъ ей богамъ,
На пустынный брегъ Скамандра,
На дымящійся Пергамъ.
Все великое земное
Разлетается, какъ дымъ:
Нынѣ жребій выпалъ Троѣ,
Завтра выпадетъ другимъ...

Смертный, Силѣ, насъ гнетущей,
Покоряйся и терпи!
Спящій въ гробѣ, мирно спи!
Жизнью пользуйся, живущій!

В. Жуковскій.

Примѣч. — Слова Бѣлинскаго: «Торжество Побѣдителей» есть одно изъ величайшихъ и благороднѣйшихъ созданій Шиллера. Въ немъ геній этого поэта является съ лучшей своей стороны. Великая душа Шиллера горячо сочувствовала всему великому и возвышенному, и это сочувствіе ея было воспитано и развито на исторической почвѣ. Глубоко проникъ этотъ великій духъ въ тайну жизни древней Эллады, и много высокихъ вдохновеній пробудила въ немъ эта дивная страна. Онъ такъ краснорѣчиво оплакалъ паденіе ея боговъ, онъ съ такою страстію говорилъ о ея искусствѣ, ея гражданской доблести, ея мудрости. И нигдѣ съ такою полнотою и такою силою не выразилъ онъ, не воспроизвелъ поэтическаго образа Эллады, какъ въ «Торжествѣ Побѣдителей». Эта піэса есть апоѳеоза всей жизни, всего духа Греціи: эта піэса — вмѣстѣ и поэтическая тризна и побѣдная пѣснь въ честь отечества боговъ и героевъ. Она написана въ Греческомъ духѣ, облита свѣтомъ мірообъемлющаго созерцанія Греческаго. Шиллеръ говоритъ не отъ себя: онъ воскресилъ Элладу и заставилъ ее говорить отъ самой себя и за самое себя. Въ ней видится и свѣтлый Олимпъ съ его блаженными обитателями, и подземное царство Аида, и земля, съ ея добромъ и зломъ, съ ея величіемъ и ничтожностью, — и грозящая надъ всѣми ими мрачная судьба, верховная владычица и боговъ и смертныхъ.... Нельзя шире и вѣрнѣе воспроизвести нравственной физіономіи народа, уже не существующаго столько тысячелѣтій». (Сочиненія Бѣлинскаго. Ч. 8, стр. 227).

Темы для воспитанниковъ: Планъ піэсы. — Міросозерцаніе Грековъ. — Отдѣлите собственныя имена и объясните ихъ.

Жалоба Цереры.

(Шиллера).

Снова геній жизни вѣетъ;
Возвратилася весна;
Холмъ на солнцѣ зеленѣетъ;
Ледъ разрушила волна;
Распустившійся дымится
Благовоніями лѣсъ,
И безоблаченъ глядится
Въ воды зеркальны Зевесъ;
Все цвѣтетъ — лишь мой единый
Не взойдетъ прекрасный цвѣтъ:
Прозерпины, Прозерпины
На землѣ моей ужъ нѣтъ.

Я вездѣ ее искала —
Въ дневномъ свѣтѣ и въ ночи;
Всѣ за ней я посылала
Аполлоновы лучи;
Но ее подъ сводомъ неба
Не нашелъ всезрящій богъ;
А подземной тмы Эреба
Лучъ его пронзить не могъ:
Тѣ брега недостижимы,
И богамъ ихъ страшенъ видъ....
Тамъ она! неумолимый
Ею властвуетъ Аидъ.

Кто-жъ мое во мракъ Плутона
Слово къ ней перенесетъ?
Вѣчно ходитъ челнъ Харона,
Но лишь тѣни онъ беретъ.
Жизнь подземнаго страшится;
Недоступенъ адъ и тихъ;
И съ тѣхъ поръ, какъ онъ стремится,
Стиксъ не видывалъ живыхъ;
Тьма дорогъ туда низводитъ;
Ни одной оттуда нѣтъ;
И отшедшій не приходитъ
Никогда опять на свѣтъ.

Сколь завидна мнѣ, печальной,
Участь смертныхъ матерей!
Легкій пламень погребальной
Возвращаетъ имъ дѣтей;
А для насъ, боговъ нетлѣнныхъ,
Что усладою утратъ?
Насъ, безрадостно-блаженныхъ,
Парки строгія щадятъ....
Парки, Парки, поспѣшите
Съ неба въ адъ меня послать!
Правъ богини не щадите:
Вы обрадуете мать!

Въ тотъ предѣлъ — гдѣ, утѣшенью
И веселію чужда,
Дочь живетъ — свободной тѣнью
Полетѣла бъ я тогда;
Близь супруга, на престолѣ
Мнѣ предстала бы она,
Грустной думою о волѣ
И о матери полна;
И ко мнѣ бы взоръ склонился,
И меня узналъ бы онъ,
И надъ нами бъ прослезился
Самъ безжалостный Плутонъ.

Тщетный призракъ! стонъ напрасный!
Все однимъ путемъ небесъ
Ходитъ Геліосъ прекрасный;
Все на вѣкъ рѣшилъ Зевесъ;
Жизнью горнею доволенъ,
Ненавидя адску ночь,
Онъ и самъ отдать не воленъ
Мнѣ утраченную дочь.
Тамъ ей быть, доколь Аида
Не освѣтитъ Аполлонъ,
Или радугой Ирида [1])
Не сойдетъ на Ахеронъ!

Нѣтъ ли жъ мнѣ чего отъ милой,
Въ сладкопамятный завѣтъ:
Что осталось все, какъ было,

[1]) Объ Иридѣ см. 1 вып. нашей Христоматіи. Стр. 376.

Что для насъ разлуки нѣтъ?
Нѣтъ ли тайныхъ узъ, чтобъ ими
Снова сблизить мать и дочь,
Мертвыхъ съ милыми живыми
Съ свѣтлымъ днемъ подземну ночь?...
Такъ, не всѣ слѣды пропали!
Къ ней дойдетъ мой нѣжный кликъ:
Намъ святые боги дали
Усладительный языкъ.

Въ тѣ часы, какъ хладъ Борея
Губитъ нѣжныхъ чадъ весны,
Листья падаютъ, желтѣя,
И лѣса обнажены:
Изъ руки Вертумна щедрой
Сѣмя жизни взять спѣшу,
И, его въ земное нѣдро
Бросивъ, Стиксу приношу;
Сердцу дочери ввѣряю
Тайный даръ моей руки,
И, скорбя, въ немъ посылаю
Вѣсть любви, залогъ тоски.

Но когда съ небесъ слетаетъ
Вслѣдъ за бурями весна:
Въ мертвомъ снова жизнь играетъ,
Солнце грѣетъ сѣмена,
И умершіе для взора,
Внявъ они весны привѣтъ,
Изъ подземнаго затвора
Рвутся радостно на свѣтъ:
Листъ выходитъ въ область неба,
Корень ищетъ тьмы нощной;
Листъ живетъ лучами Феба,
Корень Стиксовой струей.

Ими таинственно слита
Область тьмы съ страною дня,
И приходятъ отъ Коцита
Съ ними вѣсти для меня;
И ко мнѣ въ живомъ дыханьѣ
Молодыхъ цвѣтовъ весны
Подымается признанье,
Гласъ родной изъ глубины:

Онъ разлуку услаждаетъ,
Онъ душѣ моей твердитъ:
Что любовь не умираетъ
И въ отшедшихъ за Коцитъ.

О! привѣтствую васъ, чада,
Расцвѣтающихъ полей;
Вы тоски моей услада,
Образъ дочери моей;
Васъ налью благоуханьемъ,
Напою живой росой,
И съ Авроринымъ сіяньемъ
Поравняю красотой;
Пусть весной природы младость,
Пусть осенній мракъ полей
И мою вѣщаютъ радость,
И печаль души моей.

В. Жуковскій.

Пѣвецъ.

Въ тѣни деревъ, надъ чистыми водами
Дерновый холмъ вы видите друзья?
Чуть слышно тамъ плескаетъ въ брегъ струя;
Чуть вѣтерокъ тамъ дышетъ межъ листами;
На вѣтвяхъ лира и вѣнецъ.
Увы! друзья, сей холмъ — могила;
Здѣсь прахъ пѣвца земля сокрыла,
Бѣдный пѣвецъ!

Онъ сердцемъ простъ, онъ нѣженъ былъ душею —
Но въ мірѣ онъ минутный странникъ былъ;
Едва разцвѣлъ — и жизнь ужъ разлюбилъ,
И ждалъ конца съ волненьемъ и тоскою;
И рано встрѣтилъ онъ конецъ,
Заснулъ желаннымъ сномъ могилы.
Твой вѣкъ былъ мигъ, но мигъ унылый,
Бѣдный пѣвецъ!

Онъ дружбу пѣлъ, давъ другу нѣжну руку —
Но вѣрный другъ во цвѣтѣ лѣтъ угасъ;

Онъ пѣлъ любовь — но былъ печаленъ гласъ;
Увы! онъ зналъ любви одну лишь муку;
Теперь всему, всему конецъ;
Твоя душа покой вкусила;
Ты спишь; тиха твоя могила,
Бѣдный пѣвецъ!

Здѣсь у ручья, вечернею порою,
Прощальну пѣснь онъ заунывно пѣлъ:
«О красный міръ, гдѣ я вотще разцвѣлъ,
Прости на вѣкъ; съ обманутой душею
Я счастья ждалъ — мечтамъ конецъ;
Погибло все, умолкни лира;
Скорѣй, скорѣй въ обитель мира,
Бѣдный пѣвецъ!

«Что жизнь, когда въ ней нѣтъ очарованья?
Блаженство знать, къ нему летѣть душей,
Но пропасть зрѣть межъ ними и собой,
Желать всякъ часъ и трепетать желанья...
О пристань горестныхъ сердецъ,
Могила вѣрный путь къ покою,
Когда же будетъ взятъ тобою
Бѣдный пѣвецъ?»

И нѣтъ пѣвца... его не слышно лиры...
Его слѣды изчезли въ сихъ мѣстахъ;
И скорбно все въ долинѣ, на холмахъ;
И все молчитъ... лишь тихіе зефиры,
Колебля вянущій вѣнецъ,
Порою вѣютъ надъ могилой,
И лира вторитъ имъ уныло:
Бѣдный пѣвецъ!

В. Жуковскій.

Опять ты здѣсь, мой благодатный Геній,
Воздушная подруга юныхъ дней;
Опять съ толпой знакомыхъ привидѣній
Тѣснишься ты, Мечта, въ душѣ моей.
Приди жъ, о другъ! дай прежнихъ вдохновеній,
Минувшею мнѣ жизнію повей,
Побудь со мной, продли очарованья,

Дай сладкаго вкусить воспоминанья.
Ты образы веселыхъ лѣтъ примчала —
И много милыхъ тѣней возстаетъ;
И то, чѣмъ жизнь столь нѣкогда плѣняла,
Что рокъ, отнявъ, назадъ не отдаетъ,
То все опять душа моя узнала;
Проснулась скорбь, и жалоба зоветъ
Сопутниковъ, съ пути сошедшихъ прежде,
И здѣсь вотще повѣрившихъ надеждѣ.
Къ нимъ не дойдутъ послѣдней пѣсни звуки;
Разсѣянъ кругъ, гдѣ первую я пѣлъ;
Не встрѣтятъ ихъ простертыя къ нимъ руки;
Прекрасный сонъ ихъ жизни улетѣлъ.
Другихъ умчалъ могущій духъ разлуки:
Счастливый край, ихъ знавшій, опустѣлъ;
Разбросаны по всѣмъ дорогамъ міра —
Не имъ поетъ задумчивая лира.
И снова въ томномъ сердцѣ воскресаетъ
Стремленье въ оный таинственный свѣтъ;
Давнишній гласъ на лирѣ оживаетъ,
Чуть слышимый, какъ генія полетъ;
И душу хладную разогрѣваетъ
Опять тоска по благамъ прежнихъ лѣтъ;
Все близкое мнѣ зрится отдаленнымъ;
Отжившее, какъ прежде, оживленнымъ.

Жуковскій.

Элегія.

Есть наслажденіе и въ дикости лѣсовъ,
Есть радость на приморскомъ брегѣ
И есть гармонія въ семъ говорѣ валовъ,
Дробящихся въ пустынномъ бѣгѣ.
Я ближняго люблю — но ты, природа мать,
Для сердца ты всего дороже!
Съ тобой, владычица, привыкъ я забывать
И то, чѣмъ былъ, какъ былъ моложе,
И то, чѣмъ нынѣ сталъ подъ холодомъ годовъ;
Тобою въ чувствахъ оживаю:
Ихъ выразить душа не знаетъ стройныхъ словъ,
И какъ молчать объ нихъ, не знаю.

Батюшковъ [1]).

[1]) 1787 — 1855.

Умирающій Тассъ [1]).

Какое торжество готовитъ древній Римъ?
Куда текутъ народа шумны волны?
Къ чему сихъ ароматъ и мирры сладкій дымъ,
Душистыхъ травъ кругомъ кошницы полны?
До Капитолія отъ Тибровыхъ валовъ,
Надъ стогнами всемірныя столицы,
Къ чему раскинуты средь лавровъ и цвѣтовъ
Безцѣнные ковры и багряницы?
Къ чему сей шумъ? къ чему тимпановъ звукъ и громъ?
Веселья онъ, или побѣды вѣстникъ?
Почто съ хоругвіей течетъ въ молитвы домъ
Подъ митрою Апостоловъ Намѣстникъ?
Кому въ рукѣ его сей зыблется вѣнецъ,
Безцѣнный даръ признательнаго Рима?
Кому тріумфъ? Тебѣ, божественный пѣвецъ!
Тебѣ сей даръ... пѣвецъ Ерусалима!
И шумъ веселія достигъ до кельи той,
Гдѣ борется съ кончиною Торквато:
Гдѣ надъ божественной страдальца головой
Духъ смерти носится крылатой.
Ни слезы дружества, ни иноковъ мольбы,
Ни почестей столь позднія награды,
Ничто не укротитъ желѣзныя судьбы,
Незнающей къ великому пощады.
Полуразрушенный, онъ видитъ грозный часъ,
Съ веселіемъ его благословляетъ,
И, лебедь сладостный, еще въ послѣдній разъ
Онъ съ жизнію прощаясь, восклицаетъ:
«Друзья, о! дайте мнѣ взглянуть на пышный Римъ,
Гдѣ ждетъ пѣвца безвременно кладбище.
Да встрѣчу взорами холмы твои и дымъ,
О древнее Квиритовъ пепелище!
Земля священная героевъ и чудесъ!
Развалины и прахъ краснорѣчивый!

---

[1]) Итальянскій поэтъ XVI вѣка (1544 — 1595). Извѣстна его знаменитая поэма «Освобожденный Іерусалимъ». Она-то была причиною многихъ несчастій Тассо. Поражаемый завистію, онъ доведенъ былъ до отчаянія, скитался по Италіи нищимъ, 7 лѣтъ былъ въ домѣ умалишенныхъ, и умеръ накапунѣ вѣнчанія въ Капитоліи поэтическимъ вѣнкомъ.

Лазурь и пурпуры безоблачныхъ небесъ,
Вы тополи, вы, древнія оливы,
И ты, о вѣчный Тибръ, поитель всѣхъ племенъ,
Засѣянный костьми гражданъ вселенной:
Васъ, васъ привѣтствуетъ изъ сихъ унылыхъ стѣнъ
Безвременной кончинѣ обреченной!
Свершилось! Я стою надъ бездной роковой
И не вступлю при плескахъ въ Капитолій;
И лавры славные надъ дряхлой головой
Не усладятъ пѣвца свирѣпой доли.
Отъ самой юности игралище людей,
Младенцемъ былъ уже изгнанникъ;
Подъ небомъ сладостнымъ Италіи моей
Скитаяся, какъ бѣдный странникъ,
Какихъ не испыталъ превратностей судебъ?
Гдѣ мой челнокъ волнами не носился?
Гдѣ успокоился? гдѣ мой насущный хлѣбъ
Слезами скорби не кропился?
Соренто! колыбель моихъ несчастныхъ дней,
Гдѣ я въ ночи, какъ трепетный Асканій,
Отторженъ былъ судьбой отъ матери моей,
Отъ сладостныхъ объятій и лобзаній:
Ты помнишь сколько слезъ младенцемъ пролилъ я!
Увы! съ тѣхъ поръ добыча злой судьбины,
Всѣ горести узналъ, всю бѣдность бытія.
Фортуною изрытыя пучины
Разверзлись надо мной и громъ не умолкалъ!
Изъ веси въ весь, изъ странъ въ страну гонимый,
Я тщетно на земли пристанища искалъ:
Повсюду перстъ ея неотразимый!
Повсюду молніи карающей пѣвца!
Ни въ хижинѣ оратая простова,
Ни подъ защитою Альфонсова дворца,
Ни въ тишинѣ безвѣстнѣйшаго крова,
Ни въ дебряхъ, ни въ горахъ не спасъ главы моей
Безславіемъ и славой удрученной,
Главы изгнанника, отъ колыбельныхъ дней
Карающей богинѣ обреченной....

Друзья! Но что мою стѣсняетъ страшно грудь?
Что сердце такъ и ноетъ и трепещетъ?
Откуда я? какой прошелъ ужасный путь,
И что за мной еще во мракѣ блещетъ?

Феррара.... Фуріи.... и зависти змія!....
Куда? куда, убійцы дарованья?
Я въ пристани. Здѣсь Римъ. Здѣсь братья и семья!
Вотъ слезы ихъ и сладки лобызанья....
И въ Капитоліи — Виргиліевъ вѣнецъ!
Такъ, я совершилъ назначенное Фебомъ.
Отъ первой юности его усердный жрецъ,
Подъ молніей, подъ разъяреннымъ небомъ,
Я пѣлъ величіе и славу прежнихъ дней,
И въ узахъ я душей не измѣнился.
Музъ сладостный восторгъ не гасъ въ душѣ моей,
И геній мой въ страданьяхъ укрѣпился.
Онъ жилъ въ странѣ чудесъ, у стѣнъ твоихъ, Сіонъ,
На берегахъ цвѣтущихъ Іордана;
Онъ вопрошалъ тебя, мутящійся Кедронъ,
Васъ, мирныя убѣжища Ливана!
Предъ нимъ воскресли вы, герои древнихъ дней,
Въ величіи и въ блескѣ славы:
Онъ зрѣлъ тебя, Готфредъ, владыко, вождь Царей,
Подъ свистомъ стрѣлъ спокойный, величавый;
Тебя младый Ринальдъ, кипящій какъ Ахиллъ,
Въ любви, въ войнѣ счастливый побѣдитель:
Онъ зрѣлъ, какъ ты леталъ по трупамъ вражьихъ силъ
Какъ огнь, какъ смерть, какъ ангелъ-истребитель....
И тартаръ низложенъ сіяющимъ крестомъ!
О доблести не слыханной примѣры!
О нашихъ праотцевъ, давно почившихъ сномъ
Тріумфъ святой! побѣда чистой вѣры!
Торквато васъ исторгъ изъ пропасти временъ:
Онъ пѣлъ — и вы не будете забыты —
Онъ пѣлъ: ему вѣнецъ безсмертья обреченъ,
Рукою Музъ и славы соплетенный.
Но поздно! я стою надъ бездной роковой
И не вступлю при плескахъ въ Капитолій,
И лавры славныя надъ дряхлой головой
Не-усладятъ пѣвца свирѣпой доли!» —

Умолкъ. Унылый огнь въ очахъ его горѣлъ,
Послѣдній лучъ таланта предъ кончиной;
И умирающій, казалося, хотѣлъ
У Парки взять тріумфа день единой.
Онъ взоромъ все искалъ Капитолійскихъ стѣнъ,
Съ усиліемъ еще приподнимался;

Но, мукой страшною кончины изнуренъ,
Недвижимый на ложѣ оставался.
Свѣтило дневное ужъ къ западу текло,
И въ заревѣ багряномъ утопало;
Часъ смерти близился.... и мрачное чело
Въ послѣдній разъ страдальца просіяло.
Съ улыбкой тихою на западъ онъ глядѣлъ....
И оживленъ вечернею прохладой,
Десницу къ небесамъ внимающимъ воздѣлъ,
Какъ праведникъ, съ надеждой и отрадой.
— «Смотрите, онъ сказалъ рыдающимъ друзьямъ,
Какъ царь свѣтилъ на западѣ пылаетъ!
Онъ, онъ зоветъ меня къ безоблачнымъ странамъ,
Гдѣ вѣчное свѣтило засіяетъ.....
Ужъ Ангелъ предо мной, вожатый оныхъ мѣстъ;
Онъ осѣнилъ меня лазурными крылами....
Приближьте знакъ любви, сей таинственный крестъ....
Молитеся съ надеждой и слезами....
Земное гибнетъ все.... и слава и вѣнецъ....
Искусствъ и Музъ творенья величавы:
Но тамъ—все вѣчное, какъ вѣченъ самъ Творецъ,
Податель намъ вѣнца небренной славы!
Тамъ—все великое, чѣмъ духъ питался мой,
Чѣмъ я дышалъ отъ самой колыбели.
О братья! о друзья! не плачьте надо мной:
Вашъ другъ достигъ давно желанной цѣли.
Отыдетъ съ миромъ онъ, и, вѣрой укрѣпленъ,
Мучительной кончины не примѣтитъ:
Тамъ, тамъ.... о счастіе! средь непорочныхъ женъ,
Средь Ангеловъ, Елеонора [1]) встрѣтитъ!»

И съ именемъ любви божественный погасъ;
Друзья надъ нимъ въ безмолвіи рыдали.
День тихо догоралъ.... и колокола гласъ
Разнесъ кругомъ по стогнамъ вѣсть печали.
Погибъ Торквато нашъ! воскликнулъ съ плачемъ Римъ,
Погибъ пѣвецъ, достойный лучшей доли!...
На утро факеловъ узрѣли мрачный дымъ
И трауромъ покрылся Капитолій.

Батюшковъ.

---

[1]) Елеонора—предметъ любви поэмы.

На развалинахъ замка въ Швеціи.

Уже свѣтило дня на западѣ горитъ,
И тихо погрузилось въ волны!...
Задумчиво луна сквозь тонкій паръ глядитъ
На хляби и брега безмолвны.
И все въ глубокомъ снѣ поморіе кругомъ.
Лишь изрѣдка рыбарь къ товарищамъ взываетъ;
Лишь эхо гласъ его протяжно повторяетъ
Въ безмолвіи ночномъ.

Я здѣсь, на сихъ скалахъ, висящихъ надъ водой,
Въ священномъ сумракѣ дубравы,
Задумчиво брожу, и вижу предъ собой
Слѣды протекшихъ лѣтъ и славы:
Обломки, грозный валъ, поросшій злакомъ ровъ,
Столбы — и ветхій мостъ съ чугунными цѣпями,
Твердыни мшистыя съ гранитными зубцами
И длинный рядъ гробовъ.

Все тихо: мертвый сонъ въ обители глухой.
Но здѣсь живетъ воспоминанье.
И путникъ, опершись на камень гробовой,
Вкушаетъ сладкое мечтанье.
Тамъ, тамъ, гдѣ вьется плющъ по лѣстницѣ крутой,
И вѣтръ колышетъ стебль изсохшія полыни,
Гдѣ мѣсяцъ осребрилъ угрюмыя твердыни
Надъ спящею водой:

Тамъ воинъ нѣкогда, Одена храбрый внукъ,
Въ бояхъ приморскихъ посѣдѣлый,
Готовилъ сына въ брань, и стрѣлъ пернатыхъ пукъ,
Броню завѣтну, мечъ тяжелый
Онъ юношѣ вручилъ израненной рукой,
И громко восклицалъ, подъявъ дрожащи длани:
Тебѣ онъ обреченъ, о Богъ, властитель брани,
Всегда, и всюду твой!

А ты, мой сынъ, клянись мечемъ своихъ отцевъ,
И Гелы клятвою кровавой,
На западныхъ струяхъ быть ужасомъ враговъ,
Иль пасть, какъ предки пали съ славой!

И пылкій юноша мечъ прадѣдовъ лобзалъ,
И къ персямъ прижималъ родительскія длани,
И въ радости, какъ конь, при звукѣ новой брани,
Кипѣлъ и трепеталъ.

Война, война врагамъ отеческой земли!
Суда на утро восшумѣли,
Запѣнились моря, и быстры корабли
На крыльяхъ бури полетѣли!
Въ долинахъ Нейстріи раздался браней громъ,
Туманный Альбіонъ изъ края въ край пылаетъ.
И Гела день и ночь въ Валгалу провождаетъ
Погибшихъ блѣдный сонмъ.

Ахъ, юноша! спѣши къ отеческимъ вратамъ,
Назадъ лети съ добычей бранной;
Ужъ вѣетъ кроткій вѣтръ во слѣдъ твоимъ судамъ,
Герой, побѣдою избранной!
Ужъ скальды пиршество готовятъ на холмахъ,
Ужъ дубы въ пламени, въ сосудахъ медъ сверкаетъ,
И вѣстникъ радости отцамъ провозглашаетъ
Побѣды на моряхъ.

Здѣсь въ мирной пристани, съ денницей золотой
Тебя невѣста ожидаетъ,
Къ тебѣ, о юноша, слезами и мольбой,
Боговъ на милость преклоняетъ....
Но вотъ въ туманѣ тамъ, какъ стая лебедей,
Бѣлѣютъ корабли, несомые волнами;
О, вѣй, попутный вѣтръ, вѣй тихими устами
Въ вѣтрила кораблей!

Суда у береговъ, на нихъ уже герой
Съ добычей женъ иноплеменныхъ;
Къ нему спѣшитъ отецъ съ невѣстою младой
И лики скальдовъ вдохновенныхъ.
Красавица стоитъ безмолвствуя, въ слезахъ,
Едва на жениха взглянуть украдкой смѣетъ,
Потупя ясный взоръ, краснѣетъ и блѣднѣетъ,
Какъ мѣсяцъ въ небесахъ....

И тамъ, гдѣ камней рядъ, сѣдымъ одѣтый мхомъ,
Помостъ обрушенный являетъ,

Повременно сова въ безмолвіи ночномъ
Пустыню крикомъ оглашаетъ;
Тамъ чаши радости стучали по столамъ,
Тамъ храбрые кругомъ съ друзьями ликовали,
Тамъ скальды пѣли брань, и персты ихъ летали
По пламеннымъ струнамъ.

Тамъ пѣли звукъ мечей и свистъ пернатыхъ стрѣлъ,
И трескъ щитовъ и громъ ударовъ,
Кипящу брань среди опустошенныхъ селъ,
И грады въ заревѣ пожаровъ;
Тамъ старцы жадный слухъ склоняли къ пѣсни сей,
Сосуды полные въ десницахъ ихъ дрожали,
И гордыя сердца съ восторгомъ вспоминали
О славѣ юныхъ дней.

Но все покрыто здѣсь угрюмой ночи мглой,
Все время въ прахъ преобратило!
Гдѣ прежде скальдъ гремѣлъ на арфѣ золотой,
Тамъ вѣтеръ свищетъ лишь уныло!
Гдѣ храбрый ликовалъ съ дружиною своей,
Гдѣ жертвовалъ виномъ отцу и богу брани,
Тамъ дремлютъ притаясь двѣ трепетныя лани,
Иль слышенъ вой звѣрей.

Гдѣ жъ вы, о сильные, вы Галловъ бичъ и страхъ,
Земель полнощныхъ исполины,
Роальда спутники, на бренныхъ челнокахъ
Протекши дальныя пучины?
Гдѣ вы, отважныя толпы богатырей,
Вы, дикіе сыны и брани и свободы,
Возникшіе въ снѣгахъ, средь ужасовъ природы,
Средь копій, средь мечей?

Погибли сильные! — Но странникъ въ сихъ мѣстахъ
Не тщетно камни вопрошаетъ,
И руны тайныя, останки на скалахъ
Угрюмой древности, читаетъ.
Оратай ближнихъ селъ, склонясь на посохъ свой,
Гласитъ ему: смотри, о сынъ иноплеменный,
Здѣсь тлѣютъ праотцевъ останки драгоцѣнны;
Почти ихъ гробъ святой!

Батюшковъ.

Тѣнь Друга [1]).

Я берегъ покидалъ туманный Альбіона:
Казалось, онъ въ волнахъ свинцовыхъ утопалъ,
За кораблемъ вилася Гальціона,
И тихій гласъ ея пловцевъ увеселялъ.
Вѣчерній вѣтръ, валовъ плесканье,
Однообразный шумъ и трепетъ парусовъ,
И кормчаго на палубѣ взыванье
Ко стражѣ, дремлющей подъ говоромъ валовъ —
Все сладкую задумчивость питало.
Какъ очарованный, у мачты я стоялъ,
И сквозь туманъ и ночи покрывало
Свѣтила сѣвера любезнаго искалъ.
Вся мысль моя была въ воспоминаньѣ,
Подъ небомъ сладостнымъ отеческой земли,
Но вѣтровъ шумъ и моря колыханье
На вѣжды томное забвенье навели.
Мечты смѣнялися мечтами —
И вдругъ.... то былъ-ли сонъ?... предсталъ товарищъ мнѣ,
Погибшій въ роковомъ огнѣ
Завидной смертію, надъ Плейскими струями.
Но видъ не страшенъ былъ: чело
Глубокихъ ранъ не сохраняло,
Какъ утро майское, веселіемъ цвѣло,
И все небесное душѣ напоминало.
«Ты-ль это, милый другъ, товарищъ лучшихъ дней!
Ты-ль это!» я вскричалъ, «о воинъ вѣчно милой!
Не я-ли надъ твоей безвременной могилой,
При страшномъ заревѣ Беллониныхъ огней,
Не я-ли съ вѣрными друзьями
Мечемъ на деревѣ твой подвигъ начерталъ,
И тѣнь въ небесную отчизну провожалъ
Съ мольбой, рыданьемъ и слезами?
Тѣнь незабвеннаго! отвѣтствуй, милый братъ,
Или протекшее все было сонъ, мечтанье:
Все, все, и блѣдный трупъ, могила и обрядъ,
Свершенный дружбою въ твое воспоминанье?
О, молви слово мнѣ! пускай знакомый звукъ
Еще мой жадный слухъ ласкаетъ;

[1]) Стихотвореніе посвящено памяти Петина, полковника, убитаго въ Лейпцигскомъ сраженіи, на 26-мъ году жизни.

Пускай рука моя, о незабвенный другъ!
Твою съ любовію сжимаетъ...»
И я летѣлъ къ нему... Но горній духъ исчезъ
Въ бездонной синевѣ безоблачныхъ небесъ,
Какъ дымъ, какъ метеоръ огнистой полуночи,
Исчезъ — и сонъ покинулъ очи.
Все спало вкругъ меня подъ кровомъ тишины,
Стихіи грозныя казалися безмолвны.
При свѣтѣ облаковъ подернутой луны
Чуть вѣялъ вѣтерокъ, едва сверкали волны;
Но сладостный покой бѣжалъ моихъ очей,
И все душа за призракомъ летѣла,
Все гостя горняго остановить хотѣла —
Тебя, о милый братъ! о лучшій изъ друзей!

Батюшковъ.

На погребеніе Англійскаго генерала Сира Джона Мура.

Не билъ барабанъ передъ смутнымъ полкомъ,
Когда мы вождя хоронили,
И трупъ не съ ружейнымъ батальнымъ огнемъ
Мы въ нѣдра земли опустили.

И бѣдная почесть въ ночи отдана;
Штыками могилу копали;
Намъ тускло свѣтила въ туманѣ луна,
И факелы дымно сверкали.

На немъ не усопшихъ покровъ гробовой,
Лежитъ не въ досчатой неволѣ:
Обернутъ въ широкій свой плащъ боевой,
Уснулъ онъ, какъ ратники въ полѣ.

Не долго, но жарко молилась Творцу
Дружина его удалая,
И молча смотрѣла въ лицо мертвецу,
О завтрашнемъ днѣ помышляя.

Быть можетъ, на утро внезапно явясь,
Врагъ дерзкій, надменности полный,
Тебя не уважитъ, товарищъ, — а насъ
Умчатъ невозвратныя волны.

О нѣтъ, не коснется въ таинственномъ снѣ
До храбраго дума печали!
Твой одръ одинокій въ чужой сторонѣ
Родимыя руки постлали.

Еще не свершенъ былъ обрядъ роковой,
Какъ часъ наступилъ разлученья,
И съ валу ударилъ перунъ вѣстовой,
И намъ онъ не вѣстникъ сраженья.

Прости же, товарищъ! Здѣсь нѣтъ ничего
На память могилы кровавой;
И мы оставляемъ тебя одного
Съ твоею безсмертною славой.

Козловъ.

Вечерній Звонъ.

Вечерній звонъ, вечерній звонъ!
Какъ много думъ наводитъ онъ
О юныхъ дняхъ въ краю родномъ,
Гдѣ я любилъ, гдѣ отчій домъ,
И какъ я, съ нимъ навѣкъ простясь,
Тамъ слушалъ звонъ въ послѣдній разъ!

Уже не зрѣть мнѣ свѣтлыхъ дней
Весны обманчивой моей!
И сколько нѣтъ теперь въ живыхъ
Тогда веселыхъ, молодыхъ!
И крѣпокъ ихъ могильный сонъ;
Не слышенъ имъ вечерній звонъ.

Лежать и мнѣ въ землѣ сырой!
Напѣвъ унывный надо мной
Въ долинѣ вѣтеръ разнесетъ;
Другой пѣвецъ по ней пройдетъ,
И ужъ не я, а будетъ онъ
Въ раздумьѣ пѣть вечерній звонъ!

Козловъ.

Истина.

О счастіи съ младенчества тоскуя,
Все счастьемъ бѣденъ я,
Или во вѣкъ его не обрѣту я
Въ пустынѣ бытія!
Младые сны отъ сердца отлетѣли,
Не узнаю я свѣтъ:
Надеждъ своихъ лишенъ я прежней цѣли,
А новой цѣли нѣтъ.
Безуменъ ты и всѣ твои желанья:
Мнѣ тайный голосъ рекъ;
И лучшія мечты моей созданья
Отвергнулъ я на-вѣкъ.
Но для чего души разувѣренье
Свершилось не вполнѣ?
За чѣмъ-же въ ней слѣпое сожалѣнье
Живетъ о старинѣ?
Такъ нѣкогда обдумывалъ съ роптаньемъ
Я тяжкій жребій свой,
Вдругъ Истину (то не было мечтаньемъ)
Узрѣлъ передъ собой.
«Свѣтильникъ мой укажетъ путь ко счастью
(Вѣщала): захочу —
И страстнаго отрадному безстрастью
Тебя я научу.
Пускай со мной ты сердца жаръ погубишь;
Пускай, узнавъ людей,
Ты, можетъ быть, испуганный, разлюбишь
И ближнихъ и друзей.
Я бытія всѣ прелести разрушу,
Но умъ наставлю твой;
Я оболью суровымъ хладомъ душу,
Но дамъ душѣ покой.»
Я трепеталъ, словамъ ея внимая,
И горестно въ отвѣтъ
Промолвилъ ей: о гостья неземная!
Печаленъ твой привѣтъ.
Свѣтильникъ твой — свѣтильникъ погребальный
Послѣднихъ благъ моихъ!
Твой міръ, увы! могилы міръ печальный,
И страшенъ для живыхъ.

Нѣтъ, я не твой! въ твоей наукѣ строгой
Я счастья не найду;
Покинь меня: кой-какъ моей дорогой
Одинъ я побреду.
Прости! иль нѣтъ: когда мое свѣтило
Во звѣздной вышинѣ
Начнетъ блѣднѣть, и все, что сердцу мило,
Забыть придется мнѣ,
Явись тогда! раскрой тогда мнѣ очи,
Мой разумъ просвѣти:
Чтобъ, жизнь презрѣвъ, я могъ въ обитель ночи
Безропотно сойти!

Баратынскій [1]).

Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ,
Вхожу ль во многолюдный храмъ,
Сижу ль межъ юношей безумныхъ,
Я предаюсь моимъ мечтамъ.

Я говорю: промчатся годы,
И сколько здѣсь ни видно насъ,
Мы всѣ сойдемъ подъ вѣчны своды —
И чей-нибудь ужъ близокъ часъ.

Гляжу ль на дубъ уединенный,
Я мыслю: патріархъ лѣсовъ
Переживетъ мой вѣкъ забвенный,
Какъ пережилъ онъ вѣкъ отцовъ.

Младенца ль милаго ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебѣ я мѣсто уступаю —
Мнѣ время тлѣть, тебѣ цвѣсти.

День каждый, каждую годину
Привыкъ я думой провождать,
Грядушей смерти годовщину
Межъ нихъ стараясь угадать.

И гдѣ мнѣ смерть пошлетъ судьбина?
Въ бою ли, въ странствіи, въ волнахъ?

---

[1]) 1800 — 1844.

Или сосѣдняя долина
Мой приметъ охладѣлый прахъ?

И хоть безчувственному тѣлу
Равно повсюду истлѣвать,
Но ближе къ милому предѣлу
Мнѣ все бъ хотѣлось почивать.

И пусть у гробоваго входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.

Пушкинъ.

Примѣч. — Элегія написана 26 дек. 1829 г. — Разберите это стихотвореніе. — Какая господствующая дума у поэта? — Какіе предметы пробуждаютъ ее? — Почему именно дубъ и младенецъ заставляютъ поэта задуматься? — Какими стихами выражается неизвѣстность смерти? — Видна ли любовь поэта къ родинѣ? — Почему природа названа «равнодушною?» — Планъ стихотворенія.

Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье
Мнѣ тяжело какъ смутное похмѣлье.
Но какъ вино — печаль минувшихъ дней
Въ моей душѣ чѣмъ старѣ, тѣмъ сильнѣй.
Мой путь унылъ. Сулитъ мнѣ трудъ и горе
Грядущаго волнуемое мое.
Но не хочу, о други, умирать!
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать,
И вѣдаю, мнѣ будутъ наслажденья
Межъ горестей, заботъ и треволненья;
Порой опять гармоніей упьюсь,
Надъ вымысломъ слезами обольюсь,
И, можетъ быть, на мой закатъ печальной
Блеснетъ любовь улыбкою прощальной.

Пушкинъ.

Примѣч. — Писана 8 сент. 1830 г. — Планъ элегіи. — Отчего поэтъ груститъ? — Съ чѣмъ сравнивается старая печаль? — Удачно ли сравненіе? — Одно ли чувство грусти выражается въ этой элегіи? — Почему поэту хочется жить, не смотря на трудъ и горе? — Есть ли дѣйствительно наслажденіе въ мысли и страданіяхъ? — На какія еще радости въ жизни надѣется поэтъ? — Сила поэзіи. — Разберите отдѣльныя выраженія, напр. «волнуемое море», «гармоніей упьюсь» и пр.

Опять на родинѣ.

.....Вновь я посѣтилъ
Тотъ уголокъ земли [1]), гдѣ я провелъ
Отшельникомъ два года незамѣтныхъ.
Ужъ десять лѣтъ ушло съ тѣхъ поръ, и много
Перемѣнилось въ жизни для меня,
И самъ, покорный общему закону,
Перемѣнился я; но здѣсь опять
Минувшее меня объемлетъ живо —
И кажется вчера еще бродилъ
Я въ этихъ рощахъ.
Вотъ смиренный домикъ,
Гдѣ жилъ я съ бѣдной нянею моей.
Уже старушки нѣтъ, ужъ за стѣною
Не слышу я шаговъ ея тяжелыхъ,
Ни утреннихъ ея дозоровъ. Вотъ
И холмъ лѣсистый, надъ которымъ часто
Я сиживалъ недвижимъ, и глядѣлъ
На озеро, воспоминая съ грустью
Иные берега, иныя волны....
Межъ нивъ златыхъ и пажитей зеленыхъ
Оно, синѣя, стелется широко:
Черезъ его невѣдомыя воды
Плыветъ рыбакъ и тянетъ за собой
Убогій неводъ. По брегамъ отлогимъ
Разсѣяны деревни; тамъ за ними
Скривилась мельница, насилу крылья
Ворочая при вѣтрѣ....
На границѣ
Владѣній дѣдовскихъ, на мѣстѣ томъ,
Гдѣ въ гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоятъ одна по-одаль, двѣ другія
Другъ къ дружкѣ близко. Здѣсь, когда ихъ мимо
Я проѣзжалъ верхомъ при свѣтѣ лунной ночи,
Знакомымъ шумомъ шорохъ ихъ вершинъ
Меня привѣтствовалъ. По той дорогѣ
Теперь поѣхалъ я, и предъ собою

[1]) Село Михайловское, Псковской губерніи, помѣстье матери Пушкина. Здѣсь поэтъ, по возвращеніи съ юга Россіи, жилъ 1824 — 25 годы. Эта элегія писана 26 сент. 1835 г.

Увидѣлъ ихъ опять; онѣ все тѣ же,
Все тотъ же ихъ знакомый слуху шорохъ,
Но около корней ихъ устарѣлыхъ,
Гдѣ нѣкогда все было пусто, голо,
Теперь младая роща разрослась,
Зеленою семьей кусты тѣснятся
Подъ сѣнью ихъ, какъ дѣти. А вдали
Стоитъ одинъ угрюмый ихъ товарищъ,
Какъ старый холостякъ, и вкругъ него
По прежнему все пусто.
Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! Не я
Увижу твой могучій поздній возрастъ,
Когда перерастешь моихъ знакомцевъ,
И старую главу ихъ заслонишь
Отъ глазъ прохожаго. Но пусть мой внукъ
Услышитъ вашъ привѣтный шумъ, когда,
Съ пріятельской бесѣды возвращаясь,
Веселыхъ и пріятныхъ мыслей полнъ,
Пройдетъ онъ мимо васъ во мракѣ ночи
И обо мнѣ вспомянетъ....

Пушкинъ.

Примѣч.—Темы: Впечатлѣнія Пушкина-дитяти.—Деревенскія картины. —

Осужденный.

Я осужденъ къ позорной казни—
Меня законъ приговорилъ;
Но я печальный мракъ могилъ
На плахѣ встрѣчу безъ боязни,
Окончу дни мои, какъ жилъ.

Къ чему раскаянье и слезы
Передъ безчувственной толпой,
Когда назначено судьбой
Мнѣ слышать вопли и угрозы
И гулъ проклятій за собой?

Давно душой моей мятежной
Какой-то демонъ овладѣлъ,
И я зловѣщій мой удѣлъ,
Неотразимый, неизбѣжной,
Въ дали туманной усмотрѣлъ:

Не розы свѣтлаго Паѳоса,
Не искры яхонта въ винѣ,
Но смерть, сѣкира и колеса
Всегда мнѣ грезились во снѣ.

Меня постигла дума эта
И ознакомилась со мной,
Какъ холодъ съ южною весной,
Или — фантазія поэта
Съ унылой сѣверной луной.

Мои утраченные годы
Текли какъ бурные ручьи,

Которыхъ мутныя струи
Не серебрятъ, а пѣнятъ воды
На лонѣ илистой земли.

Они рвались, они бѣжали
Къ невѣрной цѣли безъ препонъ;
Но быстрый бѣгъ остановленъ,
И мнѣ размахъ холодной стали
Готовитъ праведный законъ.

Взойдетъ она, взойдетъ какъ прежде
Заутра ранняя звѣзда —
Проснется неба красота,
Но я и небу и надеждѣ
Скажу: простите навсегда!

Взгляну съ улыбкою печальной,
На этотъ міръ, на этотъ домъ,
Гдѣ я былъ съ счастьемъ незнакомъ,
Гдѣ я, какъ факелъ погребальной,
Горѣлъ въ безмолвіи ночномъ;

Гдѣ, можетъ-быть, суровой долѣ
Я чѣмъ-то свыше обреченъ,
Гдѣ я страстями заклейменъ,
Гдѣ чѣмъ-то свыше, поневолѣ,
Я былъ на время заключенъ;

Гдѣ я.... Но что!... толпа народа
Уже кипитъ на площади,
Я слышу: «узникъ, выходи!»
Готовъ, иду! Прости, природа!
Палачъ, на казнь меня веди!

Полежаевъ.

Примѣч. — Полежаевъ умеръ 25-ти лѣтъ отъ роду... Слова о немъ Бѣлинскаго: «Стихотворенія Полежаева начали являться въ печати съ 1826 г., но они были знакомы Москвѣ еще прежде, равно какъ и имя автора. Извѣстность Полежаева была двоякая, и въ обоихъ случаяхъ печальная: поэзія его тѣсно связана съ его жизнію, и жизнь его представляетъ грустное зрѣлище сильной натуры, побѣжденной дикою необузданностью страстей, которыя, совративъ его талантъ съ истиннаго направленія, не дали ему ни развиться, ни созрѣть. Отличительную черту характера и особенности поэзіи Полежаева составляетъ необыкновенная сила чувства, свидѣтельствующая о необыкновенной силѣ его натуры и духа, и необыкновенная сила сжатаго выраженія, свидѣтельствующая о необыкновенной силѣ его таланта. Онъ погубилъ свой талантъ избыткомъ силы, неуправляемой браздами разума.» (Стихотворенія Полежаева. Изд. Солдатенкова. М. 1859. стр. 19 и 33).

О Полежаевѣ: Совр. 1857, № IX, ст. Добролюбова. — Моск. Вѣд. 1857. — Отеч. Зап. 1857, № 10.—

Тоска.

Бываютъ минуты душевной тоски,
Минуты ужасныхъ мученій —
Тогда мы злодѣи, тогда мы враги
Себѣ и мильйонамъ твореній.
Тогда въ безконечной цѣпи бытія
Не видимъ мы цѣли высокой —

Повсюду встрѣчаемъ несчастное *я*,
Какъ жертву надъ бездной глубокой;
Тогда, безотрадно блуждая во тьмѣ,
Хранимъ мы одно впечатлѣнье,
Одно ненавистное — холодъ къ землѣ
И горькое къ жизни презрѣнье.
Блестящее солнце въ огнистыхъ лучахъ
И неба роскошнаго своды
Теряютъ, въ то время, сіянье въ очахъ
Несчастнаго сына природы;
Тоска роковая, убійца-тоска
Надъ нимъ тяготѣетъ какъ мраморъ могилы,
И губитъ холодная смерти рука
Души изнуренныя силы.

Но зачѣмъ же вы убиты,
Силы мощныя души?
Или были вы сокрыты
Для бездѣйствія въ тиши?
Или не было вамъ воли
Въ этой пламенной груди,
Какъ въ широкомъ чистомъ полѣ,
Пышнымъ цвѣтомъ расцвѣсти?

Полежаевъ.

Погребеніе.

Я видѣлъ смерти лютый пиръ —
Обрядъ унылый погребенья:
Младая дѣва вѣчный миръ
Вкусила въ мглѣ уничтоженья.
Не длинный рядъ экипажей,
Не черный флоръ и не кадилы,
Не сонмъ придворныхъ и пажей
За ней тѣснились до могилы, —
Ахъ, нѣтъ! простой досчатый гробъ
Несли чредой ея подруги,
И безъ затѣйливой прислуги
Шелъ впереди приходскій попъ.
Семейный кругъ и, въ день печали,
Убитый горестью женихъ,
Среди ровесницъ молодыхъ

Съ слезами гробъ сопровождали.
И вотъ уже духовный врачъ
Отпѣлъ послѣднюю молитву,
И вотъ сильнѣе вопль и плачъ....
И смерть окончила ловитву!
Звучитъ протяжно звонкій гвоздь,
Сомкнулась смертная гробница —
И предалась, какъ новый гость,
Землѣ безчувственной дѣвица.
Я видѣлъ все, въ нѣмой тиши
Стоялъ у пагубнаго мѣста,
И въ глубинѣ моей души
Сказалъ: прости, прости, невѣста!
Невольно мною овладѣлъ
Какой-то трепетъ чудной силой,
И я съ таинственной могилой
Разстаться долго не хотѣлъ.
Мнѣ приходили въ это время
На мысль невинныя мечты,
И грусти сладостное бремя
Принесъ я въ память красоты.
Я зналъ ее — она, играя,
Цвѣтокъ недавно мнѣ дала,
И вдругъ, блѣднѣя, увядая,
Какъ цвѣтъ даренный, отцвѣла.

Полежаевъ.

Отчаяніе.

О, дайте мнѣ кинжалъ и ядъ,
Мои друзья, мои злодѣи!
Я понялъ, понялъ жизни адъ —
Мнѣ сердце высосали змѣи!
Смотрю на жизнь, какъ на позоръ —
Пора разстаться съ своенравной
И произнесть ей приговоръ
Послѣдній, страшный и безславный!
Что въ ней?... зачѣмъ я на землѣ
Влачу убійственное бремя?...
Скорѣй во прахъ! — Въ холодной мглѣ
Покойно спитъ земное племя:

Ничто печальной тишины
Костей изсохшихъ не тревожитъ,
И черепъ мертвой головы
Одинъ лишь червь могильный гложетъ!
Безумство страсти и тоска,
Любовь, отчаянье, надежды,
И все, чѣмъ славились вѣка,
Чѣмъ жили геніи, невѣжды —
Все праху, все заплатитъ дань,
До той поры, пока природа,
Въ слухъ уничтоженнаго рода,
Речетъ торжественно: возстань!

Полежаевъ.

Вечерняя Заря.

Я встрѣчаю зарю,
И печально смотрю,
Какъ крупинки дождя,
По эѳиру летя,
Благотворно живятъ
Попираемый прахъ,
И кипятъ и блестятъ
Въ серебристыхъ звѣздахъ
На увядшихъ листахъ
Пожелтѣвшихъ луговъ.
Сила горней росы,
Какъ божественный зовъ,
Ихъ младыя красы
И крѣпитъ, и раститъ.
Что-жъ, кропинки дождя,
Вашъ бальзамъ не живитъ
Моего бытія?
Что, въ вечерней тиши,
Какъ пріятный обманъ,
Не исцѣлитъ онъ ранъ
Охладѣлой души?
Ахъ, не цвѣтъ полевой
Жжетъ, полдневной порой,
Разрушительный зной:
Сокрушаетъ тоска
Молодаго пѣвца,
Какъ въ землѣ мертвеца
Гробовая доска!...
Я увялъ — и увялъ
Навсегда, навсегда!
И блаженства не зналъ
Никогда, никогда!
И я жилъ — но я жилъ
На погибель свою,
Буйной жизнью убилъ
Я надежду мою!
Не расцвѣлъ — и отцвѣлъ
Въ утрѣ пасмурныхъ дней;
Что любилъ, въ томъ нашелъ
Гибель жизни моей!
Духъ унылъ, въ сердцѣ кровь
Отъ тоски замерла;
Миръ души погребла
Въ шумной волѣ любовь...
Не воскреснетъ она!
Я надежду имѣлъ
На испытныхъ друзей;
Но ихъ рой отлетѣлъ
При невзгодѣ моей.
Всѣмъ постылый, чужой,

Никого не любя,
Въ мірѣ странствую я,
Какъ вампиръ гробовой!
Мнѣ противно смотрѣть
На блаженство другихъ,
И въ мученіяхъ злыхъ
Не сгараючи тлѣть!...
Не кропите жъ меня
Вы, росинки дождя:
Я не цвѣтъ полевой,
Не губительный зной
Пролетѣлъ надо мной!
Я увялъ — и увялъ
Навсегда, навсегда!
И блаженства не зналъ
Никогда, никогда!

Полежаевъ.

Примѣч. — На это стихотвореніе критика, по всей справедливости, смотритъ, какъ на поэтическую біографію Полежаева. — Темы: Что здѣсь болѣе выражается: грусть или отчаяніе? — Выяснить причины грусти, или отчаянія. — Отмѣтить черты народности въ піэсѣ. — Представить болѣе яркія сравненія.

Ночная Молитва.

Давно, давно, въ грязи земныхъ страстей
Я затопилъ святыя побужденья,
И рѣдко видятся мнѣ свѣтлыя видѣнья
Дней свѣтлыхъ юности моей.

Душа болитъ.... Порокомъ и сомнѣньемъ
Омрачена святыня красоты....
Я не молюсь, съ разсчетомъ и съ презрѣньемъ
Влача ярмо житейской суеты.

Но иногда, въ часы безмолвной ночи,
Былаго призраки окрестъ меня встаютъ,
И ангелъ первыхъ дней глядитъ мнѣ грустно въ очи,
И голосъ совѣсти зоветъ меня на судъ...

И, мнится мнѣ, святыня недоступна,
Мои мольбы противны небесамъ;
Вся жизнь моя позорна и преступна, —
Я обреченъ страданью и грѣхамъ.

Тамъ адъ грозитъ ужасною картиной,
Здѣсь совѣсть — истинъ вѣчная скрижаль, —
И я въ слезахъ паду прѣдъ Магдалиной,
И выплачу души моей печаль!

И оживутъ молитвы чудной силой
Въ душѣ любовь и вѣра и покой; —
И чистъ, и свѣтелъ образъ неземной
Горитъ во мнѣ, и голосъ милой
Звучитъ отрадно надо мной,
Какъ паннихида надъ могилой, —
И я мирюсь и съ небомъ и съ землей.

Θ. [1]).

Собирателямъ моихъ элегій.

Я не поэтъ! Страстей могучихъ лава
Въ груди давно ужъ не кипитъ!
Не соблазнитъ меня поэтовъ слава
И крикъ друзей не соблазнитъ.

Нѣтъ, никогда на судъ пустому свѣту
Я не пойду съ моей тоской:
Давно ужъ я позвалъ себя къ отвѣту,
Давно разсчелся самъ съ собой...

И не богатъ я свѣтлыми мечтами,
И не страдалъ, и не любилъ,
И равнодушно годы за годами,
За чувствомъ чувство схоронилъ.

Я вызываю тѣни ихъ изъ праха,
Я паннихиды имъ пою:
Но силы нѣтъ во мнѣ взглянуть безъ страха
На юность бѣдную мою.

Не примирился я съ моимъ призваньемъ,
Тяжка мнѣ память прошлыхъ лѣтъ,
Ее будить восторженнымъ рыданьемъ
Я не хочу, — я не поэтъ!

Моя печаль — семейная могила,
Чужимъ нѣтъ дѣла до нея...
Пусть я одинъ оплачу все, что было
И что теперь ужъ не мое...

---

[1]) Псевдонимъ Клюшникова.

Вамъ дикъ мой плачъ! — То голосъ тяжкой муки,
То отголосокъ свѣтлыхъ дней....
Зачѣмъ же вамъ разрозненные звуки
Души разстроенной моей?

Оставьте ихъ; отъ скорби, отъ роптанья
Я исцѣлюсь скорѣй въ тиши,
И заглушу нестройный вопль страданья
Святой гармоніей души.

Θ.

---

28 мая 1828.

Даръ напрасный, даръ случайной,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
Иль зачѣмъ судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Изъ ничтожества воззвалъ,
Душу мнѣ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ?...

Цѣли нѣтъ передо мною!
Сердце пусто, праздненъ умъ,
И томитъ меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ.

Пушкинъ.

Примѣч. — Сравнить эту безотрадную элегію Пушкина съ нижеслѣдующимъ стихотвореніемъ Θ—а «Жизнь.»

Жизнь.

Даръ мгновенный, даръ прекрасный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?...
Умъ молчитъ, а сердцу ясно:
Жизнь для жизни мнѣ дана.

Все прекрасно въ Божьемъ мірѣ:
Сотворивый міръ въ немъ скрытъ....

Но Онъ въ чувствѣ, но Онъ въ лирѣ,
Но Онъ въ разумѣ открытъ.

Познавать Его въ твореньѣ,
Видѣть духомъ, сердцемъ чтить —
Вотъ въ чемъ жизни назначенье.
Вотъ что значитъ въ Богѣ жить!

θ.

Старая Печаль.

О чемъ, безумецъ, я тоскую?
О чемъ души моей печаль?
Зачѣмъ я помню жизнь былую?
Что позади? Чего мнѣ жаль?

Гдѣ слѣдъ горячаго участья?
Любилъ-ли я когда нибудь?
Нѣтъ! я не зналъ людскаго счастья....
Мнѣ нечѣмъ юность помянуть!

Какъ очарованный — въ туманѣ
Земныхъ желаній и страстей —
Я плылъ въ житейскомъ океанѣ
Съ толпой мнѣ чуждыхъ кораблей....

И я сберегъ остатокъ чувства,
Я жилъ, я мучился вдвойнѣ:
Въ день — рабъ сомнѣнья и безумства,
Я плакалъ о погибшемъ днѣ.

Душа алкала просвѣтленья, —
И онъ насталъ священный мигъ....
Я сердцемъ благость Провидѣнья
И тайну бытія постигъ.

Я въ пристани.... Былое горе,
Былая радость бурныхъ дней,
Простите!... Но зачѣмъ же море
Такъ памятно душѣ моей?

Зачѣмъ въ міръ новый и прекрасный
Занесъ я старую печаль?...
Сквозь слезъ гляжу на полдень ясный,
А утра мрачнаго мнѣ жаль.

θ.

Мой Геній.

Когда земныя наслажденья,
Разсчеты грязной суеты,
Игры страстей и заблужденья,
Своекорыстныя мечты
Меня измучили, — тоскою
Душа наполнилась моя,
Мнѣ міръ казался пустотою:
Я въ мірѣ видѣлъ лишь себя.
Запала къ счастію дорога,
Исчезъ блаженства идеалъ,
И, Танталъ [1]) новый, я на Бога
Томимый жаждою роптalъ....
Въ часы грѣховныхъ сновидѣній
Тогда, свидѣтель лучшихъ дней,
Ко мнѣ являлся свѣтлый геній
Святой невинности моей.
Онъ на меня взиралъ съ тоскою;
Какъ юной дѣвы идеалъ,
Сіяя вѣчной красотою,
Онъ вѣчной благостью сіялъ,
И озарялъ онъ сумракъ ночи,—
И, сознавая благодать,
Стыдомъ окованныя очи
Не смѣлъ я на него поднять.
Я падалъ ницъ предъ нимъ съ мольбою,
Я заблужденья проклиналъ....
А онъ молился надо мною,
И въ новый путь благословлялъ.

θ.

На Пепелищѣ.

На яблонѣ грустно кукушка кукуетъ.
На камнѣ мужикъ одиноко горюетъ;
У ногъ его кучами пепелъ лежитъ,
Надъ пепломъ труба безобразно торчитъ.

Въ избитыхъ лаптишкахъ, въ рубашкѣ дырявой,
Сидитъ онъ, поникъ головою кудрявой,
Поникъ горемычный отъ думъ и заботъ,
И солнце открытую голову жжетъ.

Не годъ и не два онъ терялъ свою силу:
На пашнѣ онъ клалъ ее, будто въ могилу,

---

[1]) О Танталѣ см. 1 вып. нашей Христоматіи. Стр. 406.

Онъ клалъ ее дома съ цѣпомъ на гумнѣ,
Безропотно клалъ на чужой сторонѣ.

Весь вѣкъ свой работалъ безъ счастья, безъ доли;
Росли на широкихъ ладоняхъ мозоли,
И трескалась кожа.... да что за бѣда!
Ужъ видно не жить мужику безъ труда!

Упорной работы соха не сносила,
Ломалась, — и въ поле другая ходила;
Тупилось желѣзо, стирался сошникъ,
И только выдерживалъ пахарь-мужикъ.

Просилъ безотвѣтный не счастья у неба,
Но хлѣба насущнаго, чернаго хлѣба....
Подкралась бѣда, — все метлой подмела,
У пахаря нѣтъ ни двора, ни кола.

Крѣпись горемычный! не гнись отъ удара!
Все вынесло сердце: и ужасъ пожара,
И матери старой пронзительный стонъ,
Въ то время, какъ въ полымя кинулся онъ,

И выхватилъ сына, что спалъ въ колыбели.
За нимъ по слѣдамъ потолки загремѣли....
«Пускай догораютъ!».... И нищій мужикъ
Къ головкѣ ребенка устами приникъ.

Никитинъ.

Вырыта заступомъ яма глубокая.
Жизнь невеселая, жизнь одинокая,
Жизнь безпріютная, жизнь терпѣливая,
Жизнь, какъ осенняя ночь, молчаливая, —
Горько она, моя бѣдная, шла
И какъ степной огонекъ замерла.

Что же? усни моя доля суровая!
Крѣпко закроется крышка сосновая,
Плотно сырою землею придавится,
Только однимъ человѣкомъ убавится....
Убыль его никому не больна,
Память о немъ никому не нужна!...

Вотъ она слышится, пѣснь беззаботная:
Гостья погоста, пѣвунья залетная,
Въ воздухѣ синемъ на волѣ купается;
Звонко пѣснь серебромъ разсыпается....
Тише!.. о жизни покончень вопросъ:
Больше не нужно ни пѣсень, ни слезъ!

Никитинъ.

Примѣч.—Одно изъ послѣднихъ стихотвореній поэта. Онъ умеръ отъ чахотки. Среда загубила человѣка.... Элегія говоритъ о чувствѣ, съ которымъ поэтъ покидалъ жизнь; говоритъ объ этой жизни и о всемъ, что она дала поэту; она говоритъ о смерти. Замогильные звуки элегіи болѣзненно сжимаютъ грудь читателя....

М у з а.

Нѣтъ, Музы ласково-поющей и прекрасной
Не помню надъ собой я пѣсни сладкогласной!
Въ небесной красотѣ, неслышимо какъ духъ
Слетая съ высоты, младенческій мой слухъ
Она гармоніи волшебной не учила,
Въ пеленкахъ у меня свирѣли не забыла,
Среди забавъ моихъ и отроческихъ думъ
Мечтой неясною не волновала умъ,
И не явилась вдругъ восторженному взору
Подругой любящей въ блаженную ту пору,
Когда томительно волнуютъ нашу кровь
Нераздѣлимыя и Муза и Любовь...

Но рано надо мной отяготѣли узы
Другой, неласковой и нелюбимой Музы,
Печальной спутницы печальныхъ бѣдняковъ,
Рожденныхъ для борьбы, страданья и трудовъ, —
Той Музы плачущей, скорбящей и болящей,
Всечасно жаждущей, униженно просящей,
Которой золото — единственный кумиръ...

Въ усладу новаго пришельца въ Божій міръ,
Въ убогой хижинѣ, предъ дымною лучиной,
Согбенная трудомъ, убитая кручиной,
Она пѣвала мнѣ — и полонъ былъ тоской
И вѣчной жалобой напѣвъ ея простой.
Случалось, не стерпѣвъ томительнаго горя,

Вдругъ плакала она, моимъ рыданьямъ вторя,
Или тревожила младенческій мой сонъ
Разгульной пѣснею.... Но тотъ скорбный стонъ
Еще пронзительнѣй звучалъ въ разгулѣ шумномъ.
Все слышалося въ немъ въ смѣшеніи безумномъ:
Разсчеты мелочной и грязной суеты
И юношескихъ лѣтъ прекрасныя мечты,
Погибшая любовь, подавленныя слезы,
Проклятья, жалобы, безсильныя угрозы.
Въ порывѣ ярости, съ неправдою людской
Безумная клялась начать упорный бой.
Предавшись дикому и мрачному веселью,
Играла бѣшено моею колыбелью,
Кричала: мщеніе! и буйнымъ языкомъ
Въ сообщники свои звала Господень громъ!

Въ душѣ озлобленной, но любящей и нѣжной
Непроченъ былъ порывъ жестокости мятежной.
Слабѣя медленно, томительный недугъ
Смирялся, утихалъ... и выкупалось вдругъ
Все буйство дикое страстей и скорби лютой
Одной божественно-прекрасною минутой,
Когда страдалица, поникнувъ головой,
«Прощай врагамъ своимъ!» шептала надо мной...

Такъ вѣчно плачущей и непонятной дѣвы
Лелѣяли мой слухъ суровые напѣвы,
Покуда наконецъ обычной чередой
Я съ нею не вступилъ въ ожесточенный бой.
Но съ дѣтства прочнаго и кровнаго союза
Со мною разорвать не торопилась Муза:
Чрезъ бездны темныя отчаянья и зла,
Труда и голода она меня вела —
Почувствовать свои страданья научила
И свѣту возвѣстить о нихъ благословила.

Некрасовъ [1]).

Памяти Пріятеля.

Наивная и страстная душа,
Въ комъ помыслы прекрасные кипѣли,

---

[1]) Современный поэтъ.

Упорствуя, волнуясь и спѣша,
Ты честно шелъ къ одной высокой цѣли;
Кипѣлъ, горѣлъ—и быстро ты угасъ!
Ты насъ любилъ, ты дружеству былъ вѣренъ —
И мы тебя почтили въ добрый часъ!
Ты по судьбѣ печальной безпримѣренъ:
Твой трудъ живетъ и долго не умретъ,
А ты погибъ, несчастливъ и не-знаемъ!
И съ дерева невѣдомаго плодъ
Безпечные безпечно мы вкушаемъ.
Намъ дѣла нѣтъ, кто возростилъ его,
Кто посвящалъ ему и трудъ и время,
И о тебѣ не скажетъ ничего
Своимъ потомкамъ вѣтренное племя...
И съ каждымъ днемъ окружена тѣснѣй,
Затеряна давно твоя могила,
И память благодарная друзей
Дороги къ ней не проторила.

Некрасовъ.

Примѣч. — Написано по поводу забытой могилы Бѣлинскаго на Волковомъ кладбищѣ (въ Петербургѣ). — Характеръ дѣятельности критика знаменитаго.

Слезы Матери.

Внимая ужасамъ войны,
При каждой новой жертвѣ боя
Мнѣ жаль не друга, не жены,
Мнѣ жаль не самого героя...
Увы! утѣшится жена
И друга лучшій другъ забудетъ;
Но гдѣ-то есть душа одна —
Она до гроба помнить будетъ!
Средь лицемѣрныхъ нашихъ дѣлъ
И всякой пошлости и прозы
Одни я въ мірѣ подсмотрѣлъ
Святыя, искреннія слезы —
То слезы бѣдныхъ матерей!
Имъ не забыть своихъ дѣтей,
Погибшихъ на кровавой нивѣ,

Какъ не поднять плакучей ивѣ
Своихъ поникнувшихъ вѣтвей.

Некрасовъ.

Примѣч. — Идея стихотворенія. — Планъ его. — Замѣчательныя сравненія.

Дни скорби и тревогъ.

Дни скорби и тревогъ, дни горькаго сомнѣнья,
Тоска болѣзненныхъ и безотрадныхъ думъ,
Когда-жъ минуете? Иль тщетно возрожденья
Такъ страшно сердце ждетъ, такъ сильно жаждетъ умъ?

Не вижу я вокругъ отраднаго разсвѣта!
Повсюду ночь да ночь, куда ни бросишь взоръ.
Исчезли безъ слѣда мои младыя лѣта —
Какъ въ зимнихъ небесахъ сверкнувшій метеоръ.

Какъ мало радостей они мнѣ подарили,
Какъ скоро свѣтлыя разсѣялись мечты,
Морозы ранніе безжалостно побили
Безпечной юности любимые цвѣты.

И чистыхъ помысловъ и жаркихъ упованій,
На жизненномъ пути разстратилъ много я,
Но средь неровныхъ битвъ, средь тяжкихъ испытаній,
Что жъ обрѣла въ замѣнъ всѣхъ грезъ душа моя?

Увы! лишь жалкое въ себя разувѣренье,
Да убѣжденіе въ безплодности борьбы,
Да мысль, что ни одно правдивое стремленье
Ждать не должно себѣ пощады отъ судьбы.

И даже ты моимъ призывамъ измѣнила,
Друзей свободная и шумная семья!
Привѣта братскаго живительная сила,
Мнѣ не врачуетъ духъ въ тревогахъ бытія.

Но пусть ничѣмъ душа больная не согрѣта,
А съ жизнью все-таки разстаться было-бъ жаль,
И хоть не вижу я отраднаго разсвѣта,
Еще невольно взоръ съ надеждой смотритъ въ даль.

Плещеевъ [1]).

---

[1]) Современный поэтъ.

Деревенскій Сторожъ.

Ночь темна, на небѣ тучи,
Бѣлый снѣгъ кругомъ,
И разлитъ морозъ трескучій
Въ воздухѣ ночномъ.

Вдоль по улицѣ широкой
Избы мужиковъ —
Ходитъ сторожъ одинокій,
Слышенъ скрипъ шаговъ.

Зябнетъ сторожъ, вьюга смѣло
Злится вкругъ него,
На морозѣ побѣлѣла
Борода его.

Скучно! радость измѣнила,
Скучно одному;
Пѣснь его звучитъ уныло
Сквозь мятель и тьму.

Ходитъ онъ въ ночи безлунной,
Бѣла утра ждетъ
И въ края доски чугунной
Съ тайной грустью бьетъ.

И качаясь завываетъ
Звонкая доска...
Пуще сердце замираетъ,
Тяжелѣй тоска!

Огаревъ [1].

Кабакъ.

Выпьемъ что ли, Ваня,
Съ холода и съ горя;
Говорятъ, что пьянымъ
По колѣно море.
У Антона дочь-то
Дѣвка молодая:
Очи голубыя,
Славная такая.
Да богатъ онъ, Ваня:
На отрѣзъ откажетъ;

Вѣдь сгоришь съ стыда, братъ,
Какъ на дверь укажетъ.
Что́ я ей за пара?
Скверная избушка...
А оброкъ-то, Ваня,
А кормить старушку!...
Выпьемъ что-ли, съ горя?
Эхъ, братъ! да едва ли
Бѣдному за чаркой
Позабыть печали!

Огаревъ.

Младенецъ.

Сидѣла мать у колыбели;
Дитя спало, но въ странномъ снѣ:
Его уста ужъ не алѣли,
А будто улыбались мнѣ.

---

[1]) Современный поэтъ.

Свѣча бросала отблескъ блѣдный,
Ребенокъ блѣденъ былъ лицомъ.
Я думалъ: спи, малютка бѣдный,
Пока ты съ горемъ не знакомъ.

Придетъ пора — и вспыхнутъ страсти,
Въ сомнѣньяхъ истомится умъ,
И станетъ рваться грудь на части,
И лобъ наморщится отъ думъ;
И, можетъ-быть, среди обмана
Надеждъ напрасныхъ и суетъ,
Ты пожалѣешь слишкомъ рано
О томъ, что былъ рожденъ на свѣтъ.

И я на мать взглянулъ уныло —
Увидѣлъ слезы на глазахъ,
Лице ея такъ грустно было,
Такъ много скорби на устахъ.
Я подошелъ: передо мною
Лежало мертвое дитя,
А мать качала головою —
И въ холодъ бросило меня.

Огаревъ.

И з б а.

Небо въ часъ дозора
Обходя, луна
Свѣтитъ сквозь узора
Мерзлаго окна.

Вечеръ зимній длится,
Дѣдушка въ избѣ
На печи ложится,
И ужъ спитъ себѣ.

Помоляся Богу,
Улеглася мать;
Дѣти понемногу
Стали засыпать.

Только за работой,
Молодая дочь
Борется съ дремотой
Во всю долгу ночь,

И лучина блѣдно
Передъ ней горитъ.
Все въ избушкѣ бѣдной
Тишиной томитъ;

Лишь звучитъ докучно
Болтовня одна
Прялки однозвучной
Да веретена.

Огаревъ.

Дорога.

Тускло мѣсяцъ дальній
Свѣтитъ сквозь тумана
И лежитъ печально
Снѣжная поляна.
Бѣлыя съ морозу
Вдоль пути рядами
Тянутся березы
Съ голыми сучками.

Тройка мчится лихо,
Колокольчикъ звонокъ,
Напѣваетъ тихо
Мой ямщикъ съ просонокъ.
Я въ кибиткѣ валкой
Ѣду да тоскую:
Скучно мнѣ да жалко
Сторону родную.

Огаревъ.

На сонъ грядущій.

Ночная тьма безмолвіе приноситъ
И къ отдыху зоветъ меня.
Пора, пора! покоя тѣло проситъ,
Душа устала въ вихрѣ дня.

Молю тебя, предъ сномъ грядущимъ, Боже:
Дай людямъ миръ; благослови
Младенца сонъ, и нищенское ложе,
И слезы тихія любви!

Прости грѣху, на жгучее страданье
Успокоительно дохни,
И всѣ твои печальныя созданья
Хоть сновидѣньемъ обмани!

Огаревъ.

Путникъ.

Долъ туманенъ, воздухъ сыръ,
Туча небо кроетъ,
Грустно смотритъ тусклый міръ,
Грустно вѣтеръ воетъ.

Не страшися, путникъ мой,
На землѣ все битва;
Но въ тебѣ живетъ покой,
Сила, да молитва.

Огаревъ.

Монологи.

Чего хочу?... чего?... О! такъ желаній много,
Такъ къ выходу ихъ силѣ нуженъ путь,
Что кажется порой — ихъ внутренней тревогой
Сожжется мозгъ и разорвется грудь.
Чего хочу? Всего со всею полнотою!
Я жажду знать, я подвиговъ хочу,
Еще хочу любить съ безумною тоскою,
Весь трепетъ жизни чувствовать хочу!
А втайнѣ чувствую, что всѣ желанья тщетны,
И жизнь скупа, и внутренно я хилъ,
Мои стремленія замолкнутъ безотвѣтны,
Въ попыткахъ я запасъ растрачу силъ.
Я самъ себѣ кажусь, подавленный страданьемъ,
Какимъ-то жалкимъ, маленькимъ глупцомъ,
Среди безбрежности затерянным созданьемъ,
Томящимся въ броженіи пустомъ....
Духъ вѣчности обнять заразъ не въ нашей долѣ,
А чашу жизни пьемъ мы по глоткамъ,
О томъ, что́ выпито, мы все жалѣемъ болѣ,
Пустое дно все больше видно намъ;
И съ каждымъ днемъ душѣ тяжелѣ устарѣлость,
Больнѣе помнить и страшнѣй желать,
И кажется, что жить — отчаянная смѣлость;
Но биться пульсъ не можетъ перестать,
И дольше я живу въ стремленьи безотрадномъ,
И жизни крестъ беру я на себя,
И весь душевный жаръ несу въ движеньи жадномъ,
За мигомъ мигъ хватая и губя.
И все хочу!... чего?.... О! такъ желаній много,
Такъ къ выходу ихъ силѣ нуженъ путь,
Что кажется порой — ихъ внутренней тревогой
Сожжется мозгъ и разорвется грудь.

Огаревъ.

Fatum.

Вхожу я въ церковь—тамъ стоятъ два гроба,
Окружены молящимися оба.
Одинъ былъ длинный гробъ, и видѣлъ въ немъ

Я мертвеца съ измученнымъ лицомъ,
Съ улыбкою отчаянья глухаго,
И кости лишь да кожа—такъ худаго.
Казался онъ не старъ, но былъ ужъ сѣдъ,
Какъ будто бы погибъ подъ ношей бѣдъ.
Блѣдна, какъ онъ и столько же худая
Стояла возлѣ женщина, рыдая;
И дѣти нищіе на мертвеца
Смотрѣли съ дѣтской глупостью лица.

А гробъ другой былъ малъ, и въ немъ лежало
Дитя—такъ тихо, будто бъ задремало.
Отецъ и мать у гроба, а вокругъ,
Одѣтыхъ въ трауръ, было много слугъ.
Печально мать — красавица — молчала,
То плакала, то тяжело вздыхала.
Отецъ въ себя казался углубленъ
И все шепталъ: «зачѣмъ онъ былъ рожденъ?»
И я тоски не въ силахъ былъ сносить;
Я вышелъ вонъ, и въ лѣсъ ушелъ бродить—
И вѣтеръ вылъ, и тучи тяготѣли,
И на корняхъ, треща, качались ели.

Огаревъ.

Проклясть бы могъ ....

Проклясть бы могъ свою судьбу,
Кто весь свой вѣкъ, какъ жалкій нищій,
Велъ безконечную борьбу
Изъ-за куска вседневной пищи;
Кто въ ветхомъ рубищѣ встрѣчалъ
Зимы суровые морозы;
Кто въ отупеньи забывалъ
Пролить надъ милымъ прахомъ слезы,
Не слушалъ томно при лунѣ
Ни шумъ ручья, ни звукъ свирѣли,
А ждалъ въ печальной тишинѣ
Пустаго дня подъ свистъ мятели;
Кто ликованій и пировъ
Не зналъ на жизненномъ просторѣ,
Не вѣдалъ сладкой грусти сновъ,
А зналъ одно сухое горе.

Но много сноситъ человѣкъ
Средь жажды жить неутолимой,
И какъ бы жалокъ ни былъ вѣкъ—
Страшитъ конецъ неотразимый.

Огаревъ.

Думи мої, думи мої,
Лихо мині зъ вами!
На що стали на папері
Сумними рядами?
Чомъ васъ вітеръ не розвіявъ
Въ степу, якъ пилину?
Чомъ васъ лихо не приспало,
Якъ свою дитину?
Бо васъ лихо на світъ на сміхъ породило,
Поливали слёзи.... чомъ не затопили,
Не винесли въ море, не розмили въ полі?
Не питали бъ людe, що въ мене болить,
Не питали бъ, за що проклинаю долю,
Чого нужу світомъ?... «Ничого робить»,
Не сказали бъ на сміхъ....
Квіти мої, діти!
На що жъ васъ кохавъ я, на що доглядавъ?
Чи заплаче серце одно на всімъ світі,
Якъ я зъ вами плакавъ? Може, и вгадавъ....
Може, найдетця дівоче
Серце, карі очи,
Що заплачуть на сі думи—
Я більше не хочу.
Одну слёзу зъ очей карихъ—
И панъ надъ панами!
Думи мої, думи мої,
Лихо мині зъ вами!
. . . . . .
Думи мої, думи мої,
Квіти мої, діти!
Вироставъ васъ, доглядавъ васъ,—
Де жъ мині васъ діти?
Въ Украіну идіть, діти,
Въ нашу Украіну,
По-підъ тинню, сиротами,
А я—тутъ загину.

Тамъ на́йдете щи́ре се́рце
И сло́во ласка́ве,
Тамъ на́йдете щи́ру пра́вду,
А ще, мо́же, й сла́ву....
Привіта́й же, мо́я не́нько,
Моя Украіно,
Моіхъ дітокъ нерозу́мнихъ,
Якъ свою́ дити́ну [1]).

Т. Шевченко.

Примѣч. — Имя знаменитаго Украинскаго поэта, Тараса Григорьевича Шевченко, такъ мало извѣстно Великорусскому юношеству, что мы считаемъ необходимымъ сообщить здѣсь его автобіографію:

«Я — сынъ крѣпостнаго крестьянина Григорія Шевченка. Родился въ 1814 году, февраля 25, въ селѣ Кириловкѣ, Звенигородскаго уѣзда, Кіевской губерніи, въ имѣніи одного помѣщика. Лишившись отца и матери на осьмомъ году жизни, пріютился я въ школѣ, у приходскаго дьячка, въ видѣ школяра *попихача*. Въ теченіе двухлѣтней тяжкой жизни, въ такъ называемой школѣ, прошелъ я *грама́тку, Часословецъ*, и наконецъ, *Псалтырь*. Дьячокъ мой обходился жестоко не со мною однимъ, но и съ другими школярами, и мы всѣ глубоко его ненавидѣли. Безтолковая его придирчивость сдѣлала насъ, въ отношеніи къ нему, лукавыми и мстительными. Мы надували его при всякомъ удобномъ случаѣ, и дѣлали ему всевозможныя пакости. Этотъ первый де-

---

[1]) *Переводъ.*

Охъ вы, думы мои, думы!
Тяжело мнѣ съ вами!
Что стоите на бумагѣ
Хмурыми рядами?
Что васъ въ полѣ, какъ былинку,
Вѣтромъ не умчало?
Что васъ, словно сиротинку,
Горе не заспало?
Видно горе на́ смѣхъ въ свѣтъ васъ породило,
Полило слезами.... лучше бъ утопило,
Утопило въ морѣ, разнесло по полю:
Не спросили бъ люди, что́ меня томитъ,
Отчего грущу я, проклинаю долю,
Тягощуся свѣтомъ?.... «Видно, такъ и быть!»
Не сказали бъ на́ смѣхъ....
Думы мои, дѣти!
Для чего любилъ васъ, для чего ласкалъ?
Иль заплачетъ сердце хоть одно на свѣтѣ,
Такъ, какъ я надъ вами?... Можетъ угадалъ!...
Или сердце, или очи
Карія найду я,
Что заплачутъ и надъ вами?
Больше не хочу я!
Лишь одну слезинку въ карихъ,—
Панъ я надъ пана́ми!
Охъ вы, думы мои, думы!
Тяжело мнѣ съ вами!
. . . . . .
Охъ вы, думы мои, думы!
Свѣты мои, дѣти!
Я ростилъ васъ—на кого же
Васъ покину въ свѣтѣ?
Въ Украину вы идите,
Въ нашу Украину,
Подъ плетнями, сиротами,—
Я же—здѣсь загину.
Тамъ вы правду, тамъ вы сердце
Вѣрное найдете,
А быть можетъ и святую
Славу наживете....
Приласкай же, Украина,
Милая сторонка,
Моихъ дѣтокъ, какъ роднаго
Своего ребенка.

Гербель.

спотъ, на котораго я наткнулся въ моей жизни, поселилъ во мнѣ на всю жизнь, глубокое отвращеніе и презрѣніе ко всякому насилію одного человѣка надъ другимъ. Мое дѣтское сердце было оскорблено этимъ исчадіемъ деспотическихъ семинарій мильонъ разъ, и я кончилъ съ нимъ такъ, какъ вообще оканчиваютъ выведенные изъ терпѣнія беззащитные люди—местью и бѣгствомъ. Найдя его однажды безчувственно-пьянымъ, я употребилъ противъ него собственное оружіе—розги, и, на сколько хватило дѣтскихъ силъ, отплатилъ ему за всѣ его жестокости.

«Изъ всѣхъ пожитковъ пьяницы-дьячка драгоцѣннѣйшею вещью казалась мнѣ всегда какая-то книжечка съ *куншти́ками*, то есть гравированными картинками, вѣроятно, самой плохой работы. Я не счелъ грѣхомъ или не устоялъ противъ искушенія похитить эту драгоцѣнность, и ночью бѣжалъ въ мѣстечко Лысянку.

«Тамъ я нашелъ себѣ новаго учителя, въ особѣ маляра — діакона, который, какъ я скоро убѣдился, очень мало отличался своими правилами и обычаями отъ моего перваго наставника. Три дня я терпѣливо таскалъ на гору ведрами воду изъ рѣчки Тикача и растиралъ на желѣзномъ листѣ краску мѣдянку. На четвертый день терпѣнье мнѣ измѣнило, и я бѣжалъ въ село Тарасовку, къ дьячку—маляру. Онъ объявилъ мнѣ, къ моему крайнему огорченію, что во мнѣ нѣтъ способности ни къ чему, ни даже *шéвству* или *бóндарству*.

«Потерявъ всякую надежду сдѣлаться когда-нибудь хоть посредственнымъ маляромъ, съ сокрушеннымъ сердцемъ возвратился я въ родное село. Помѣщику, только что наслѣдовавшему достояніе отца своего, понадобился расторопный мальчикъ, и оборванный школяръ — бродяга попалъ прямо въ тиковую куртку, въ такіе же шаровары и, наконецъ, въ комнатные казачки. Мой помѣщикъ, въ качествѣ Русскаго Нѣмца, смотрѣлъ на казачка болѣе практическимъ взглядомъ, и, покровительствуя моей народности на свой манеръ, вмѣнилъ мнѣ въ обязанность только молчаніе и неподвижность въ уголку передней, пока не раздастся его голосъ, повелѣвающій подать стоящую тутъ же, возлѣ него, трубку, или налить у него передъ носомъ стаканъ воды. По врожденной мнѣ продерзости характера, я нарушалъ барскій наказъ, напѣвая чуть слышнымъ голосомъ гайдамацкія унылыя пѣсни и срисовывая, украдкою, картины Суздальской школы, украшавшія панскіе покои. Рисовалъ я карандашомъ, который — признаюсь въ этомъ безъ всякой совѣсти—укралъ у конторщика.

«Баринъ мой былъ человѣкъ дѣятельный: онъ безпрестанно ѣздилъ то въ Кіевъ, то въ Вильно, то въ Петербургъ, и таскалъ за собою, въ обозѣ, меня, для сидѣнья въ передней, подаванія трубки и тому подобныхъ надобностей. Нельзя сказать, чтобъ я тяготился тогдашнимъ своимъ положеніемъ: оно теперь только приводитъ меня въ ужасъ, и кажется мнѣ какимъ-то дикимъ и несвязнымъ сномъ. Вѣроятно, многіе изъ Русскаго народа посмотрятъ когда-то по-моему на свое прошедшее.

«Однажды, во время пребыванія нашего въ Вильно, въ 1829 г., декабря 6-го, панъ и пани уѣхали на балъ. Я зажегъ свѣчку въ уединенной комнатѣ, развернулъ свои краденыя сокровища и, выбравъ изъ нихъ казака Платова, принялся съ благоговѣніемъ копировать. Время для меня летѣло незамѣтно, какъ позади меня отворилась дверь, и вошелъ мой помѣщикъ, возвратившійся съ бала. Онъ съ остервененіемъ выдралъ меня за уши, и надавалъ пощечинъ. На другой день онъ велѣлъ кучеру Сидоркѣ выпороть меня хорошенько, что и было исполнено съ достодолжнымъ усердіемъ.

«Въ 1832 году мнѣ исполнилось восемнадцать лѣтъ, и такъ какъ надежды моего помѣщика на мою лакейскую расторопность не оправдались, то онъ, внявъ неотступной моей просьбѣ, законтрактовалъ меня, на четыре года разныхъ живописныхъ дѣлъ цеховому мастеру, нѣкоему Ширяеву, въ Санктпетербургѣ. Ширяевъ соединялъ въ себѣ всѣ качества дьячка — спартанца, дьякона — маляра и другаго дьячка — хиромантика; но, не смотря на весь гнетъ тройственнаго его генія, я въ свѣтлыя весеннія ночи бѣгалъ въ Лѣтній Садъ, рисовать со статуй, украшающихъ сіе прямолинейное созданіе Петра. Въ одинъ изъ такихъ сеансовъ познакомился я съ художникомъ Иваномъ Максимовичемъ Сошенкомъ.

«Въ 1837 году Сошенко представилъ мѣня конференцъ - секретарю академіи художествъ, В. И. Григоровичу, съ просьбой—освободить меня отъ моей жалкой участи. Григоровичъ передалъ его просьбу Жуковскому. Тотъ сторговался предварительно съ моимъ помѣщикомъ и просилъ К. Б. Брюлова написать съ него, Жуковскаго, портретъ, съ цѣлью розыграть его въ частной лотереѣ. Великій Брюловъ тотчасъ согласился, и вскорѣ портретъ Жуковскаго былъ у него готовъ. Жуковскій, съ помощью графа М. Ю. Вьельгорскаго, устроилъ лотерею въ 2,500 руб. ассигн., и этою цѣною куплена была моя свобода, въ 1838 году, апрѣля 22 дня.

«Съ того же дня началъ я посѣщать классы Академіи Художествъ и вскорѣ сдѣлался однимъ изъ любимыхъ учениковъ—товарищей Брюлова. Въ 1844 году удостоился я званія свободнаго художника.

«О первыхъ литературныхъ моихъ опытахъ скажу только, что они начались въ томъ же Лѣтнемъ Саду, въ свѣтлыя безлунныя ночи. Украинская строгая муза долго чуждалась моего вкуса, извращеннаго жизнію въ школѣ, въ помѣщичьей передней, на постоялыхъ дворахъ и въ городскихъ квартирахъ; но когда дыханіе свободы возвратило моимъ чувствамъ чистоту первыхъ лѣтъ дѣтства, проведенныхъ подъ убогою батьковскою стрѣхою, она, спасибо ей, обняла и приласкала меня на чужой сторонѣ. Изъ первыхъ слабыхъ моихъ опытовъ, написанныхъ въ Лѣтнемъ Саду, напечатана только одна баллада *Причинна*. Какъ и когда писались послѣдовавшія за нею стихотворенія, объ этомъ теперь я не чувствую охоты распространяться.» Умеръ Шевченко въ 1861 г.

Думка.

Тяжко—важко въ світі жити
Сироті безъ роду:
Нема куди прихилитьця,—
Хочъ зъ гори да въ воду!
Утопився бъ молоденький,
Щобъ не нудить світомъ;
Утопився бъ,— тяжко жити,
И нема, де дітись.
Въ того доля ходить полемъ—
Колоски збирає;
А моя десь, ледащиця,
За моремъ блука́е.
Добре тому багатому:
Его люде знаютъ;
А зо мною зострінутця—
Мовъ не добачаютъ.
Багатого губатого
Дівчина шануе;
Надо мною, сиротою,
Сміетця, кепкуе.

«Чи я жъ тобі не вродли́вий,
Чи не въ те́бе вда́вся,
Чи не люблю́ тебе́ щи́ро,
Чи съ те́бе сміявся?
Люби́ жъ собі, моє́ се́рце,
Люби́, кого́ зна́ешъ,
Та не смійся надо мно́ю,
Якъ коли́ згада́ешъ.
А я піду́ на край світа.....
На чужій сторо́нці
Найду́ кра́щу, або́ зги́ну,
Якъ той листъ на со́нці.»
Пішо́въ коза́къ суму́ючи—
Нікого́ не ки́нувъ;
Шука́въ до́лі въ чужі́мъ по́лі,
Та тамъ и заги́нувъ.
Умира́ючи диви́вся,
Де со́нечко сяе....
Тяжко-ва́жко умира́ти
У чужо́му кра́ю! [1])

Шевченко.

Есть на світі до́ля,
А хто її зна́е?
Есть на сві́ті во́ля,
А хто її ма́е?
Есть лю́де на сві́ті—
Сріблом-зло́томъ ссяють,
Здае́тця, пану́ють,—
А до́лі не зна́ють,—
Ні до́лі, ні во́лі!
Зъ нудьго́ю та въ го́ремъ
Жупа́нъ надіва́ють
А пла́кати — со́ромъ.
Возьміть срібло-зло́то
Та бу́дьте бага́ті,
А я візьму́ слёзи—
Лихо вилива́ти;
Затоплю́ недо́лю
Дрібни́ми слёза́ми,

---

[1]) *Переводъ.*

«Горько, тяжко жить на свѣтѣ
Сиротѣ безъ роду:
Негдѣ дѣться, пріютиться,—
Хоть съ горы да въ воду!
Утопился бъ горемычный,
Чтобы не томиться;
Утопился бъ,—тяжко сердцу,
Негдѣ схорониться.
У иного доля въ полѣ
Колоски сбираетъ;
А моя далеко гдѣ-то
За моремъ гуляетъ.
Кто богатъ, того на свѣтѣ
Люди уважаютъ;
А меня, какъ повстрѣчаютъ,
Словно и не знаютъ.
За богатымъ, тороватымъ
Дѣвки такъ и вьются;
Надо мною, сиротою,
Красныя смѣются.
Аль пришелся не по сердцу,
Какъ съ тобой спознался?
Аль люблю тебя не крѣпко?
Али насмѣхался?
Ты люби, моя голубка,
Какъ умѣешь-знаешь,
Да не смѣйся надо мною,
Ежели вспомянешь.
Я жъ пойду бродить по свѣту....
Исхожу чужбину—
Аль найду тебя пригожѣй,
Аль, какъ листъ, загину.»
И пошелъ казакъ, горюя—
Никого не кинулъ;
Думалъ—долю въ чуждомъ полѣ
Сыщетъ,—да и сгинулъ.
Умирая, все на солнце
Онъ глядѣлъ, печальный....
Тяжко съ свѣтомъ разставаться
На чужбинѣ дальней!

Гербель.

Затопчу́ нево́лю — Тоді я бага́тий,
Бо́сими нога́ми! — Якъ бу́де серде́нько,
Тоді я весе́лий, — По во́лі гуляти.

Шевченко.

Примѣч.—Отрывокъ изъ повѣсти «Катерина» (Кобзарь Тараса Шевченка. Спб. 1860, стр. 77).—Переведите на Р. языкъ.—Уясните смыслъ стихотворенія.—

О Д А.

Ода — слово Греческое: ᾠδή значитъ *пѣснь*, или пѣніе. Историческое происхожденіе оды показываетъ, что она была пѣснію исключительно торжественною. Для уясненія этой мысли, взглянемъ на перваго и лучшаго представителя оды въ собственномъ смыслѣ, *Пиндара*.

Слова Мунка: «Пиндаръ, Греческій поэтъ, родился близь Ѳивъ въ мѣстечкѣ Киноскефалахъ (522 до Р. Х.) во время самаго праздника Пиѳійскихъ игръ, о чемъ самъ говоритъ: «на пятилѣтнемъ праздникѣ, когда приносятъ въ жертву быковъ, меня въ первый разъ пеленали, желанное дѣтище.» Игрѣ на флейтѣ его выучилъ отецъ, а пѣнію Лазосъ изъ Герміона. Онъ состязался съ извѣстными пѣвцами. Въ его образованіи принимали участіе пѣвцы Миртисъ и Коринна изъ Танагры. Коринна изъ нихъ была первая, которой онъ предложилъ разобрать свои стихотворенія. Она, говорятъ, совѣтовала ему примѣшивать въ разсказѣ болѣе миѳовъ, послѣ чего Пиндаръ написалъ гимнъ, исполненный миѳами... Пиндаръ еще молодымъ переѣхалъ въ Аѳины, гдѣ бралъ уроки музыки у отличныхъ артистовъ Агаѳокла и Аполлодора. Онъ прославилъ Аѳины во время вражды ихъ съ Ѳивами; за это Ѳиванцы наложили на него денежную пеню, которая была выплачена Аѳинянами; но когда они напали на Эгину, Пиндаръ отказался отъ нихъ и жилъ при дворахъ различныхъ тирановъ, въ Македоніи, Ѳессаліи и Сициліи; давалъ тираннамъ наставленія и совѣты; его наставленія въ особенности долженъ былъ слушать Гіеронъ, когда выказывалъ гордость и жестокость... Пиндаръ глубоко уважаетъ боговъ, изъ нихъ Дельфійскій любилъ его въ особенности: въ его храмѣ онъ имѣлъ сидѣнье и кромѣ того еще право Теоксеніевъ. Покровителями его считаютъ Зевеса Аммонскаго и бога Пана; послѣдній даже, говорятъ, пѣлъ его пѣсни. Пиндаръ скончался въ глубокой старости,

приблизительно около 441 года до Р. Х. Когда онъ однажды спрашивалъ Дельфійскаго оракула, что лучше всего смертному, тотъ отвѣчалъ: «онъ самъ очень хорошо знаетъ, потому что писалъ объ этомъ; но вскорѣ все ему разъяснится.» Въ непродолжительномъ времени онъ умеръ. По другому преданію говорятъ, что къ нему во снѣ явилась Персефона (Прозерпина): «Я одна, которую ты не удостоилъ своею пѣснью, приди ко мнѣ и услади мой слухъ чудною твоею пѣснью», и черезъ десять дней Пиндаръ скончался. Объ этомъ снѣ нашли даже разсказъ въ его посмертныхъ стихотвореніяхъ. Пиндаръ просилъ боговъ даровать ему лучшее въ жизни и это исполнилось: онъ умеръ на колѣняхъ любимаго имъ юноши Теоксена, въ Аргосѣ. Тѣло его было перенесено въ Ѳивы и съ почестью предано землѣ, а на дому его сдѣлана надпись: «жилище Пиндара, пѣвца музъ, никто не зажигай!» И въ самомъ дѣлѣ, когда Лакедемоняне, и въ послѣдствіи Александръ Великій взяли Ѳивы, все было разрушено, кромѣ этого зданія.

«Древняя религіозная лирика была чисто-эпическая; въ Дорической же миѳы даютъ пѣвцу средства сдѣлать болѣе наглядными и объяснить свои мысли и чувства. Пиндаръ чрезвычайно искусно сплетаетъ пѣснь съ миѳами, тотчасъ видна мысль. Въ разсказѣ миѳическаго онъ беретъ только главные моменты, служащіе къ цѣли, не придерживаясь эпической послѣдовательности и точности. У него лирическій и эпическій элементъ сливаются. Въ его пѣсняхъ, а именно въ большихъ и лучше выполненныхъ, ясно видны зачатки драмы: вплетенный миѳъ служитъ зачаткомъ драматической басни, а размышленія, которыя пѣвецъ относитъ къ миѳамъ, показываютъ начало хора. Онъ употребляетъ сильныя выраженія и даже въ словахъ его особенная сила, что̀ указываетъ на его характеръ и соотвѣтствуетъ времени, имъ описываемому. «Муза поддерживаетъ во мнѣ самое сильное оружіе», говоритъ Пиндаръ въ 1 Олимпійской одѣ, III стихѣ. Потому древніе справедливо называютъ его высокозвучнымъ и Діонисій изъ Галикарнаса говоритъ, что главный характеръ его стиля — твердость, которому уже въ древности знали цѣну. Латинскій писатель Стацій именуетъ его «королемъ лириковъ,» а Квинтиліанъ хвалитъ его, какъ лучшаго изъ девяти великихъ лириковъ, по величію мысли и чувства, по изобилію идей и словъ. Горацій пишетъ:

«Съ Пиндаромъ кто состязаться дерзаетъ,
Крылами и долей печальной
Сходенъ съ Икаромъ, прозваніе давшимъ
Влагѣ кристальной.» *(Перев. Фета).*

«Въ эпиникіяхъ (побѣдныя пѣсни, или оды) Пиндаръ выхваляетъ прекрасныхъ побѣдителей на четырехъ большихъ играхъ Грековъ. Они индивидуальны, т. е. относятся къ лицу и роду воспѣваемаго, къ ихъ отношеніямъ къ отечеству и соотечественникамъ; всѣ миѳы, наставленія, похвалы и порицанія относятся также къ тому времени,—потому довольно трудно понимать оды Пиндара, не зная исторіи и событій того времени, когда жило извѣстное лицо. Этого рода пѣснь состоитъ изъ похвалы побѣдителю, въ которой славились или его способности, или его счастье. Если онъ побѣждаетъ самъ, собственною ловкостью, его восхваляютъ за способности; если же съ помощію другихъ, то боговъ благодарятъ за дарованное счастье. Эта похвала высказывается или прямо, или въ миѳахъ, и часто при томъ предостерегаетъ противъ гордости и высокомѣрія. Миѳы обыкновенно бралъ онъ изъ круга событій, относящихся къ роду и поколѣнію побѣдителя, и они часто имѣли отношеніе и къ совершившимся событіямъ, которыхъ пѣвецъ не хотѣлъ высказать совершенно ясно.

«Грамматики 44 эпиникіи раздѣляютъ на четыре разряда по главнымъ воспѣваемымъ ими играмъ: 14 Олимпійскихъ, 12 Пиѳійскихъ, 11 Немейскихъ и 7 Истмійскихъ... (Раздѣленіе чисто внѣшнее). Лучше если раздѣлить по назначенію самого автора, потому что отъ этого зависитъ ихъ поэтическій, риѳмическій и музыкальный составъ. Эпиникіи пѣвались при различныхъ религіозныхъ празднествахъ; также на обѣдахъ въ честь побѣдителей. Религіозныя празднества состояли изъ торжественныхъ выходовъ, помпа (шествія на колесницѣ) и при освѣщеніи въ храмахъ вѣнковъ [1]).

«Пѣсни, которыя пѣли на пирахъ въ честь побѣды, довольно коротки (какъ и нѣкоторыя изъ пѣсенъ, пѣтыхъ во время шествія къ храму) и просты, въ особенности же пѣтыя вечеромъ, въ день побѣды.... Эти пѣсни похожи болѣе на эскизы талантливаго художника; но въ эпиникіяхъ уже оконченная картина: эпиникіи пѣлись на пирахъ на родинѣ въ честь князей и великихъ мужей. Въ нихъ проявляется весь геній Пиндара. Онъ въ чудныхъ картинахъ проводитъ передъ нами всѣ чудеса, всѣ богатства миѳическаго міра и весь блескъ настоящаго могущества; вездѣ однако проявляется его собственное чувство и вѣроятно эти высоко поэтическія произведенія, представляемыя въ сопровожденіи музыки и тѣлодвиженій, должны были производить чрезвычайное впечатлѣ-

---

[1]) «Во время торжественнаго шествія къ храму выступалъ хоръ, заранѣе обученный поэтомъ, и пѣлъ гимнъ, сложенный въ честь побѣдителя. На такіе-то случаи писаны побѣдные гимны Пиндара». (Курсъ исторіи поэзіи. Линниченко. Кіевъ. 1860. Стр. 190).

ніе на блестящее собраніе благороднѣйшихъ и мудрѣйшихъ.» (Исторія Греческой литературы. Поэзія. Эдуарда Мунка. Р. переводъ. Спб. 1861, стр. 65 — 75).

Наружный видъ или форма оды.—Изъ словаря Остолопова: «Ода имѣетъ различныя формы. Греки наблюдали въ ней три части: *Строфу*, *Антистрофу* и *Епод*ъ (Еподосъ). Строфа и Антистрофа содержали по равному числу стиховъ и могли быть пѣты на одинъ голосъ; Еподъ имѣлъ стихи другой мѣры, заключалъ болѣе или менѣе стиховъ и посему требовалъ другаго голоса. Строфа дѣлала начало, Антистрофа слѣдовала за нею, потомъ находился Еподъ, а послѣ тѣмъ же порядкомъ начиналось. Пѣніе стиховъ сопровождалась пляскою; танцовщики оборачивались на одну сторону во время строфы: (στρέφειν — оборачиваться). Во время Антистрофы они оборачивались въ противную сторону, возвращаясь потомъ въ прежнее свое положеніе. Во время пѣнія *Епода,* который былъ всегда короче, танцовщики дѣлали движенія, не оборачиваясь ни на ту, ни на другую сторону. Такимъ-то образомъ сочинены *оды* Пиндаровы и большая часть драматическихъ хоровъ». (Словарь древней и новой поэзіи. Н. Остолопова. С. Петербургъ. 1821. Часть II, стр. 237).

Историческое развитіе оды. — Слова Галахова: «Торжественная ода, въ историческомъ своемъ развитіи, представила три степени: первоначальную, или естественную оду (оду въ собственномъ смыслѣ), искусственную, или подражательную (ложно-классическую) и новѣйшую, которая стремится къ самобытности, также, какъ искусственная стремилась къ подражательности.

«Первоначальную и, можетъ быть, единственную форму торжественной оды видимъ въ одахъ Пиндара, который даже сообщилъ имъ свое имя. Великое событіе или воспоминаніе о великомъ событіи вдохновляло пѣснопѣвца — дѣйствительно пѣснопѣвца, потому что ода, какъ самое названіе ея показываетъ, была пѣснью и, говоря о ней, не должно терять изъ вида отношенія къ ней музыки. Это отношеніе по преимуществу характеризуетъ первоначальную форму торжественной оды — оды въ собственномъ смыслѣ. Поэзія служила однимъ изъ необходимыхъ элементовъ народнаго празднества: она заимствовала свою силу отъ другихъ его принадлежностей и сама украшала эти принадлежности. Душа поэта потрясалась, подобно струнамъ лиры, и волненіе душевное выражалось въ лирической пѣснѣ. Безразсудно думать, что въ этихъ собственно—торжественныхъ или Пиндарическихъ одахъ, искусство не участвовало нисколько, что онѣ исключительный плодъ простаго, естественнаго чувства, невольное, безсознательное изліяніе воспламененной души. Ода Пиндара есть также дѣло художества, какъ и всякое художе-

ственное произведеніе; но это художество находило обильный источникъ въ живомъ отношеніи пѣвца къ воспѣваемому предмету, въ сочувствіи народа къ обоимъ, въ блистательныхъ Олимпійскихъ играхъ, въ обстановкѣ праздника, въ музыкѣ и пѣніи. Все это вдохновляло пѣвца и взаимно одушевлялось пѣвцомъ. И потому желаніе подражать Пиндару Горацій (книга IV, ода 2) называетъ дерзновеніемъ, и дерзновеннаго уподобляетъ Икару, хотѣвшему летѣть на восковыхъ крыльяхъ, а самого Пиндара — рѣкѣ, вздувшейся отъ прилива потоковъ и катящей съ утесовъ шумныя свои воды. Кромѣ одъ Пиндара, голосъ истиннаго вдохновенія слышенъ въ трагическихъ хорахъ, составляющихъ, по мнѣнію знатоковъ, наилучшія лирическія пьесы Грековъ.

«Не смотря на это, піитика Аристотеля [1]) не признавала самобытности лирической поэзіи, считая ее стихіей трагедіи, переходнымъ родомъ отъ эпоса къ драмѣ, и ставя Пиндара ниже Гомера и Эсхила. Дѣйствительно, противъ самостоятельности лирическаго рода можно было вооружиться тѣмъ аргументомъ, что съ одной стороны, лиризмъ входилъ въ трагедію, какъ ея стихія, а съ другой — въ оды Пиндара, этого лирика по преимуществу, входитъ значительною частью элементъ эпическій, тоже какъ ихъ стихія. Мнѣніе Жанъ-Поля Рихтера [2]), называвшаго лиризмъ кровью, разлитой по всей поэзіи, въ сущности не противорѣчитъ приговору Аристотеля.

«Если ода Пиндара—ода съ эпическимъ элементомъ, то оды Горація—оды съ дидактическимъ. У Римлянъ не было ни игръ, украшаемыхъ поэзіей, ни великихъ трагическихъ поэтовъ. Голосъ пѣвца не былъ необходимъ для оживленія праздниковъ; не было тѣхъ источниковъ восторга, изъ которыхъ почерпалъ его Пиндаръ. Въ извѣстной своей эпистолѣ «Наука о стихотворствѣ» [3]), Горацій, подобно Аристотелю, говоритъ мало о лирикѣ. Вотъ какъ выражаетъ онъ предметъ ея:

Фебъ лирѣ далъ въ удѣлъ безмертныхъ прославленье,
Ихъ чадъ божественныхъ героевъ прославленье,
Труды и честь бойцовъ, и юности пиры:
Веселіе, любовь и Вакховы дары.

---

[1]) Великій Греческій философъ, натуралистъ, риторъ, политикъ, эстетикъ, математикъ, короче—энциклопедистъ (384—321 до Р. Х.). Его сочиненіе *о поэзіи* (*περὶ ποιητικῆς*) объясняетъ свойства трагедіи и эпоса. На Р. языкъ переведено Ордынскимъ. Объ Аристотелѣ: Ж. М. Нар. Пр. 1843, ч. XXXVII, — 1857, Ноябрь.

[2]) Нѣмецкій эстетикъ XIX в. — О немъ: Теорія поэзіи, Шевырева, — Соврем. 1839, № 2. — Сѣверная Пчела 1839, № 85. — Иллюстрація 1848, № 3.

[3]) Перевели на Р. языкъ Тредьяковскій, Поповскій, Мерзляковъ и Дмитріевъ.

«Есть нѣсколько словъ объ одѣ въ 4 сатирѣ 1 книги, гдѣ Горацій, противополагая сатиру одѣ, говоритъ, что лирическому поэту нужно имѣть геній, мысли божественныя, выраженія высокія и звучныя. Свойства истиннаго лирическаго поэта изображены имъ, какъ выше сказано, въ лицѣ Пиндара, во 2 одѣ 4 книги, гдѣ онъ себя, смиренную пчелу, противополагаетъ величественному лебедю— Греческому лирику.

«Въ Новой Европѣ поэзія сначала принимаетъ путь самобытный, даетъ образцы оригинальнаго, національнаго искусства, но впослѣдствіи одерживаетъ верхъ искусство подражательное. Древніе образцы служатъ непреложною мѣрою истиннаго изящества; теорія Аристотеля и Горація становится руководствомъ для каждаго поэта. Съ половины XVII вѣка водворяется господство Французскаго классицизма, состоявшаго въ рабскомъ подражаніи формамъ поэзіи древней. Буало, по образцу сочиненія Горація, сформировалъ «L'art poétique» и сталъ законодателемъ Парнаса [1]). Торжественная ода, подобно прочимъ произведеніямъ, подчинялась Французской теоріи и явилась, въ своемъ родѣ, тѣмъ же, чѣмъ, въ своихъ родахъ, явилась и драма и эпопея— одой ложноклассической, составленной по примѣрамъ древнихъ одъ, но не древней, одой искусственной, условной. Наибольшее развитіе такой оды видимъ въ XVIII столѣтіи. Съ XIX она уступаетъ мѣсто другимъ лирическимъ стихотвореніямъ.

«Итакъ образованіе второй степени торжественной оды, оды искусственной или ложно-классической, совершилось подъ вліяніемъ двухъ предметовъ: древнихъ образцовъ и теоріи Буало, составленной по Горацію и на основаніи Греко-римскихъ поэтическихъ твореній. Принадлежности искусственной оды исчисляетъ «L'art poétique» во 2-й пѣснѣ. Ода, говоритъ Буало,

Elevant jusqu'au ciel son vol ambitieux,
Entretient dans ses vers commerce avec les dieux,
Aux athlètes dans Pise elle ouvre la barrière,
Chante un vainqueur poudreux au bout de la carrière;
Mène Achille sanglant aux bords de Simoïs,
Ou fait fléchir l'Escaut sous le joug de Louis,
Son style impétueux souvent marche au hasard;
Chez elle un beau désordre est un effet de l'art.
. . . . . .

«Правила торжественной, или Пиндарической оды находятся у Буало также въ разсужденіи объ одѣ (Discours sur l'ode), состав-

[1]) Буало 1636 — 1711. Онъ былъ наставникомъ Людовика XIV.

ляющемъ предисловіе къ одѣ на взятіе Намура. Стихотвореніе это написано по случаю появленія книги Перро: «Parallèle des anciens et des modernes», которая унижала древнихъ и глумилась надъ Пиндаромъ. «Антипиндарическій» Перро находилъ смѣшными тѣ мѣста, гдѣ Греческій поэтъ, внѣ себя отъ восторга, прерываетъ естественное теченіе рѣчи, избѣгаетъ методическаго порядка и точной связи между частями пѣснопѣнія. Такъ какъ публика не знала Греческаго языка, и слѣдовательно, не могла познакомиться съ Пиндаромъ непосредственно, то Буало рѣшился выставить его достоинства посредственно, сочинивъ, à sa manière, Французскую оду, исполненную уваженія и восторга, гдѣ духъ, увлекаемый демономъ поэзіи, какъ бы забываетъ предписанія разсудка. Буало наполнилъ оду великолѣпными словами; по примѣру диѳирамбическихъ поэтовъ употребилъ самыя смѣлыя фигуры, преобразивъ даже въ звѣзду бѣлое перо, которое король носилъ на шляпѣ, и такимъ образомъ уподобивъ Людовика XIV Ахиллу. И вотъ явилась знаменитая нѣкогда ода, начинающаяся такъ:

Quelle docte et sainte ivresse
Aujourd'hui me fait la loi?
Chastes Nymphes de Permesse
N'est-ce pas vous que je vois?

«Знаменитая ода Буало вызвала множество подражаній. У насъ Ломоносовъ началъ свою оду на взятіе Хотина внезапнымъ восторгомъ:

Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ,
Ведетъ на верхъ горы высокой,
Гдѣ вѣтръ въ лѣсахъ шумѣть забылъ,
Въ долинѣ тишина глубокой.

. . . . . .

Не Пиндъ-ли подъ ногами зрю?
Я слышу чистыхъ сестръ Музыку;
Пермесскимъ жаромъ я горю,
Теку поспѣшно къ оныхъ лику.

«Тредьяковскій, въ «Торжественной одѣ о сдачѣ города Гданска,» переводитъ Буало:

Кое странное піянство
Къ пѣнію мой гласъ бодритъ!
Вы, парнасское убранство,
Музы, умъ не васъ ли зритъ?

«По примѣру Буало, присовокупилъ онъ къ своей одѣ «разсужденіе объ одѣ вообще,» извлеченное изъ мыслей Французскаго эстетика. Ода, опредѣляетъ онъ, есть совокупленіе многихъ строфъ, которыми описывается всегда и непремѣнно матерія благородная, важная, рѣдко нѣжная и пріятная, въ рѣчахъ весьма піитическихъ и великолѣпныхъ.

«Искусственно — пиндарическіе пріемы видимъ и въ одахъ Кострова. Подобно Буало, Ж. Б. Руссо и Ломоносову, онъ тоже парнасскимъ пламенѣетъ духомъ, паритъ въ высоту:

Парнасскимъ пламенѣя духомъ,
Отверзу къ пѣнію уста:
Вы радостнымъ внимайте слухомъ —
Земля и горнія мѣста. (Стр. 21).

...Или: Мой духъ плѣненный возлетаетъ
До мѣстъ, гдѣ невещественъ міръ,
Гдѣ лучезарныхъ оживляетъ
Неосязаемый эѳиръ (31).

«Впослѣдствіи, правила, выговоренныя Буало, развились подробнѣе. Теоретики дали наставленіе, какъ писать оду, сколько въ ней должно быть частей, съ чего ее начинать и чѣмъ оканчивать, и пр. Теорія получила видъ правильной, строгой системы. Одѣ вмѣнялось въ обязанность имѣть: приступъ, безпорядокъ, краткость, отступленія и конецъ [1]). Приступъ дѣлился на стремительный и тихій. Въ первомъ случаѣ поэтъ принимался за лиру, будучи уже въ восторгѣ, а въ послѣднемъ онъ начиналъ играть или пѣть хладнокровно и мало-по-малу воспламенялся. Восторгъ могъ быть или однократнымъ, и тогда ода выходила краткою, или повтореннымъ, при которомъ дозволялась длиннота. Безпорядокъ лирическій состоялъ въ томъ, когда піитъ показывалъ, что не успѣваетъ располагать своихъ мыслей по порядку, или когда не соблюдалъ постепенности въ своихъ изображеніяхъ и, такъ сказать, отъ однѣхъ къ другимъ перелеталъ. Отступленія, или уклоненія, отличались отъ повтореннаго восторга тѣмъ, что въ нихъ стихотворецъ занимался разсужденіемъ или повѣствованіемъ мыслей. Въ концѣ, требовавшемъ мыслей разительныхъ, неожиданныхъ, лирикъ, подобно лебедю при концѣ жизни, долженствовалъ напрягать остающіяся силы и стараться наиболѣе плѣнить своимъ пѣніемъ [2]).

«Оды, написанныя по схоластическимъ правиламъ, вышли сами

---

[1]) «Къ тому жъ и въ правилахъ: сперва прочтешь вступленье,
Тамъ предложеніе, а тамъ и заключенье.»
(Чужой Толкъ. Дмітріева).

[2]) См. Словарь древней и новой поэзіи. Н. Остолопова. (Статья «Ода»).

схоластическія, искусственныя. Онѣ думали усвоить себѣ качества древней лирики, усвоивъ ея форму; мечтали воскресить Пиндара, скопировавъ его пріемы. Дѣйствительно, принадлежности классической лиры перешли въ оду псевдо-классическую, но какъ? совершенно-внѣшнимъ образомъ, безъ зиждительнаго духа, дающаго жизнь формамъ, влагающаго внутреннее во внѣшность.

«У древнихъ съ понятіемъ о поэтѣ соединялось понятіе объ особенномъ вдохновеніи. Платонъ называлъ поэтическій восторгъ высокимъ безуміемъ (маніей). Древній лирикъ, по выраженію Державина, былъ вдохновенный, герольдъ неба, органъ истины. Онъ служилъ Аполлону и творилъ въ то время, когда «божественный глаголъ до слуха чуткаго касался». Это ученіе древнихъ перешло въ піитику новоевропейскую. Не смотрѣли на отсутствіе обстоятельствъ, условливающихъ восторгъ, но хотѣли имѣть его готовый, обратить даръ въ искусство. Внѣшнее выраженіе истиннаго чувства было принято за самое чувство. Фигуры восклицанія, вопрошенія, олицетворенія сдѣлались обиходными оборотами, замѣняющими движенія души — это зиждительное начало лиризма. Много толковали о восторгѣ, но мало заботились объ опредѣленности толковъ. Притомъ же и точное опредѣленіе предмета не даетъ еще самого предмета. Невозможность накликать на себя вдохновеніе, когда предметъ не возбуждаетъ его, или когда въ душѣ нѣтъ способности возбуждаться, и между-тѣмъ предписанная необходимость во что бы ни стало имѣть вдохновеніе для оды, показали все различіе естественныхъ произведеній поэтическихъ отъ произведеній искусственныхъ, показали его даже тѣмъ, которые пиндарили сами или другихъ учили пиндарить. Ода сдѣлалась труднѣйшею пьесой. Трудность эту приписывалъ Блеръ [1]) господствующему мнѣнію, что лирическій поэтъ долженствовалъ быть вдохновеннымъ. И дѣйствительно, читая торжественныя оды разныхъ поэтовъ, не вѣришь родству ихъ съ Аполлономъ. Они перестали быть «божественными» — они сдѣлались «irritabile genus». Но раздражительность и восторгъ — двѣ вещи разныя.

«Будучи плодомъ вдохновенія, ода противодѣйствуетъ логическому процессу. Она не терпитъ правилъ, предписывающихъ опредѣленный порядокъ тамъ, гдѣ единственнымъ законодателемъ должно быть неподлежащее правиламъ чувство, операціи котораго измѣняются по различію предметовъ и обстоятельствъ. Вотъ почему расположеніе Пиндаровыхъ одъ не подходитъ подъ логическіе законы развитія мысли. Онѣ представляютъ, такъ—называемый, лирическій безпорядокъ, обращенный ложноклассическою піитикою въ

---

[1]) Англійскій писатель XVIII в.

правило. Мы видѣли, въ чемъ онъ состоитъ, по мнѣнію этой пінтики.

«Чувство высокаго, свойственное торжественной одѣ, выражалось у древнихъ соотвѣтствующимъ чувству тономъ. Псевдо-классическая ода замѣнила высокое наборомъ громкихъ, великолѣпныхъ словъ. Неодушевленные участіемъ сердечнымъ, они остались образцами надутой и скучной холодности.

«Древній поэтъ начиналъ нерѣдко свою оду словомъ *пою*, потому-что стихотвореніе его назначалось дѣйствительно для пѣнія; онъ говорилъ о лирѣ, потому-что пѣснь его сопровождалась звуками этого инструмента; обращался къ музамъ и Аполлону съ просьбой построить его лиру, внушить ему пѣснь, потому-что онъ былъ служителемъ музъ, жрецомъ Аполлона. Новые поэты начали также восклицать *пою*, хотя сидѣли въ кабинетѣ и читали, а не пѣли свои творенія; держа въ рукахъ перо, толковали о лирѣ и звукахъ; возносили моленія къ музамъ, въ полной увѣренности, что онѣ не услышатъ его и что онъ самъ не намѣренъ ихъ слушать. Тамъ — призваніе искреннее, здѣсь—призваніе лицемѣрное, безъ убѣжденія не только въ могуществѣ, но даже и въ существованіи призываемыхъ музъ.

«Поэзія Грековъ, неразрывно—связанная съ ихъ религіей, вносила въ себя, весьма естественно, содержаніе религіи. Ложно-классическая ода тоже не обходится безъ миѳологіи; но какое различіе между самобытнымъ и прививнымъ элементами! Для Пиндара миѳологія была вѣрованіемъ, для подражателей его, она—условное украшеніе. Псевдоклассики дозволили себѣ, во-первыхъ, измѣнять ее, сокращать; во-вторыхъ, свели ее къ именамъ и аллегоріямъ. Она составляла часть ихъ пінтической теоріи — не больше. Для нихъ, Греческія и Римскія божества—только риторическія пособія:

Chaque vertu devient une divinité:
Minerve est la prudence, et Vénus la beauté;
Ce n'est plus la vapeur qui produit le tonnerre,
C'est Jupiter armé pour effrayer la terre;
Un orage terrible, aux yeux des matelots,
C'est Neptune en courroux qui gourmande les flots.
Echo n'est plus un son qui dans l'air retentisse,
C'est une nymphe en pleurs qui se plaint de Narcisse.
Ainsi, dans cet amas de nobles fictions,
Le poëte s'égaie en mille inventions,
Orne, élève, embellit, agrandit toutes choses,
Et trouve sous sa main des fleurs toujours écloses [1]).

[1]) L'art poétique.

«Иногда къ миѳологіи древнихъ примѣшивались христіанскія идеи, и такимъ образомъ происходило незаконное сочетаніе двухъ различныхъ предметовъ. По случаю оды Буало, о которой сказано выше, Демаре говорилъ Людовику XIV, тоже въ одѣ: «Примѣшивать миѳологію къ твоимъ знаменитымъ подвигамъ, значитъ оскорблять тебя; прибѣгать къ обману, значитъ унижать цѣну твоей побѣды, значитъ въ стихахъ сказать меньше, нежели сколько скажетъ исторія». Пожалуй, можно восхищаться введеніемъ миѳологическаго—чудеснаго; но это восхищеніе будетъ все-таки не больше, какъ внушеніемъ схоластической теоріи, слѣдствіемъ привычки, которую Гамлетъ справедливо назвалъ чудовищемъ.

«Греческій поэтъ, прославляя лицо или событіе, характеризовалъ то и другое отличительными ихъ свойствами. Они являлись съ своими индивидуальными чертами, отчего и происходило разнообразіе поэтическихъ представленій. У псевдо-классическихъ лириковъ совершенно противное. Такъ какъ они строили оды по чужому покрою, обратили миѳологическія божества въ символы; то всѣ лица и событія славились у нихъ безразлично. Стихотворцы величали героиню Минервой, то-есть мудрой, не говоря, чѣмъ именно выразилась ея мудрость; называли героя Геркулесомъ или полубогомъ, умалчивая о томъ, какіе подвиги совершилъ этотъ полубогъ; описывали Венеру, иначе, красоту, такъ, что красота дѣйствительно выходила «неописанной.» И этихъ Геркулесовъ, Юпитеровъ, Минервъ, Венеръ оказывалось множество множествъ. Читатель, вмѣсто похвальной оды, долженствующей относиться къ такому-то лицу, событію, мѣсту, времени и т. д., получалъ собраніе общихъ мѣстъ, которыя приходились на всякій ростъ и годились во всякое время. То были образы безъ лицъ, то были формы безъ живаго содержанія, происшествія безъ пространства, времени и опредѣленнаго дѣйствія.

«Такимъ образомъ ложно-классическая ода вышла вмѣсто естественной — искусственною, вмѣсто самобытной — подражательною, вмѣсто индивидуальной и разнообразной — общею и однообразною. Она или наполнялась аллегоріями и образами, или граничила съ разсужденіемъ. Напрасно мы стали бы искать въ ней рѣзко-выставленнаго предмета, который возбудилъ чувство или рѣзко-выраженнаго чувства. Подчинившись условнымъ, стѣснительнымъ формамъ, лирикъ думалъ не о томъ, чтобъ сказать правдивую похвалу, основанную на дѣйствительныхъ заслугахъ, а о томъ, чтобъ внѣшнимъ образомъ поддѣлаться подъ Пиндара. Онъ всегда почти забывалъ существенное, и отъискивалъ случайныхъ отношеній предмета къ другимъ предметамъ, уподобленію его предметамъ умершимъ, преимущественно древнимъ. Содержаніе, взятое изъ современной жиз-

ни, для него какъ-бы исчезало: подумаешь, что онъ жилъ въ сферѣ, отъ нея отчужденной, или сердце его неспособно было биться любовью къ живому. Вотъ причина, почему всѣ почти псевдо-классическія оды, кромѣ многихъ другихъ своихъ принадлежностей, страдаютъ отвлеченностью.

«Многіе сатирики вооружались противъ псевдо-классической оды, которая въ своей искусственной правильности и педантическомъ однообразіи достигла наконецъ смѣшнаго. Но никто такъ удачно не посмѣялся надъ нею, какъ Крыловъ и Дмитріевъ. Первый въ повѣсти «Камбъ» сравниваетъ похвальную оду съ шелковымъ чулкомъ, который можно натянуть всякому на свою ногу. Онъ противополагаетъ ее сатирѣ, говоря, что сатира должна трафить на извѣстный порокъ, входить въ мелочи, тогда-какъ въ одѣ сто́итъ только набрать сколько угодно похвалъ, поднести ее кому-угодно, и нѣтъ человѣка, который описанія всѣхъ возможныхъ достоинствъ не принялъ бы за сколокъ своей особы. У Дмитріева, въ «Чужомъ Толкѣ,» мѣтко обозначены всѣ главнѣйшія принадлежности искусственной оды. Нужно ли видѣть эту искусственность? вы читаете:

Къ тому жъ и въ правилахъ: сперва прочтешь вступленье,
Тутъ предложенье, а тамъ и заключенье.

«Надобно ли видѣть громогласіе и высокопарность? являются «зари багряны персты, и райскій кринъ, и Фебъ, и небеса отверсты». Есть и «пою», воззваніе къ Аполлону («даждь мнѣ, Фебъ»). Обычай выражать общую, безразличную похвалу осмѣянъ стихомъ:

Ликуй, герой! Ликуй, герой ты! возглашу.

«Наконецъ, «необходимый» одѣ восторгъ парадированъ какъ нельзя лучше растрепанными и стереотипными фигурами восклицанія и вопрошенія.

Скажу: кто завѣсу мнѣ вѣчности расторгъ?
Я вижу молній блескъ! я слышу съ горня свѣта
И то, и то....

«Короче: всѣ способы и пріемы лирической поэмы,—то есть прямо-торжественной оды, вѣрно и зло обличены Дмитріевымъ, тѣмъ самымъ Дмитріевымъ, который написалъ лиро-эпическое стихотвореніе «Ермакъ» и другія въ томъ же родѣ стихотворенія.

«Третья степень торжественныхъ одъ. Что такое ода теперь, когда нѣтъ больше творчества безъ труда и рефлексіи? Современное состояніе этого поэтическаго рода почти равнозначительно его

уничтоженію. Дѣйствительно ли оды теперь вовсе нѣтъ, или то, что мы, по преданію, называемъ одой, такъ далеко отстоитъ отъ первоначальнаго, собственнаго ея вида, что сохранившееся имя прилагается рѣшительно не къ тому предмету? Исчезли теперь лирическій безпорядокъ, непосредственное чувство, естественное творчество, въ которомъ созерцанное и почувствованное выражается прямо, не проходя чрезъ силу познанія, въ которомъ все, что воспринимаешь и пишешь, кажется даромъ Аполлона. Собственно—лирическій родъ, стройныя и невольныя пѣсни, которыя пѣлись, потому-что пѣлось.... теперь составляютъ исключеніе. Отъ поэтовъ требуется теперь мысль, которая возбудила бы сочувствіе своею истинностью и величіемъ и дѣйствовала бы на сердце не хуже музыки—не хуже потому, что музыка раждаетъ неопредѣленныя чувства, тогда-какъ истинность и величіе мысли опредѣленно радуютъ сердце, сознательно возвышаютъ душу. *Современную оду всего приличнѣе назвать лирической думой.* Чѣмъ преимущественно восхищаемся мы въ одѣ Пушкина «Наполеонъ?» Конечно не лирическимъ безпорядкомъ, не громогласіемъ и музыкальностью словъ, не элементомъ чудеснаго (котораго и нѣтъ въ ней), а воззрѣніемъ на судьбу Наполеона, котораго «развѣнчанная тѣнь не должна быть возмущаема безумнымъ укоромъ» и который послужилъ орудіемъ Промысла, къ возвеличенію жребія нашего отечества? Что̀ намъ особенно нравится въ «Клеветникахъ Россіи» Пушкина? важный вопросъ, указанный поэтомъ.

«Ломоносовъ, Державинъ и Пушкинъ — представители различныхъ степеней Русской оды. Ломоносовъ—представитель оды искусственной, ложно-классической, произведшей множество подражателей. Державинъ, говоря словами князя Вяземскаго, пробилъ себѣ особенный путь, на которомъ не было ему вожатаго и не будетъ достойнаго наслѣдователя. Хотя въ нѣкоторыхъ одахъ его видимъ смѣсь прежняго, псевдо-классическаго направленія съ новымъ, ему свойственнымъ, но за то многія совершенно — оригинальны, соединяя въ себѣ чувство восторга съ чувствомъ негодованія или шутки, тонъ патетическій съ тономъ забавнымъ, и являясь такимъ образомъ одами — сатирами. Колоссальный талантъ автора, его чисто-Русское выраженіе, его сочувствіе къ дѣйствительности и знакомство съ Нѣмецкою поэзіею, образовали изъ него первокласснаго, оригинальнаго лирика. Онъ и въ теоріи шагнулъ дальше лже-классиковъ. Разсужденіе его о лирической поэзіи [1]), составленное изъ его собственныхъ, долговременныхъ въ этомъ родѣ поэзіи опытовъ и по лучшимъ писателямъ, не такъ условно и стѣснительно смот-

[1]) См. Сочиненія Державина, изд. Смирдина. Т. II. стр. 611.

ритъ на оду. Онъ даже допускаетъ простонародный слогъ, потому что оды могутъ быть писаны и въ этомъ родѣ. Третья степень — оды Пушкина, или, какъ мы сказали, лирическія думы: здѣсь главная красота въ величіи, въ оригинальности мысли. Подражатели его— Языковъ и Лермонтовъ. «Новоселье» послѣдняго—достойный плодъ «Наполеона» Пушкина. «(Отеч. Зап. 1851, № 11, ст. «Сочиненія Кострова и Аблесимова», стр. 8 — 15, 32 — 33).

О Пиндарѣ: Pindar's Werke. Griechisch mit metrischer Uebersetzung von S. A. Hartung. 4 части. 1855 — 6. — Schneider: Versuch über Pindar's Leben und Schriften. 1774.—Rauchenstein: Zur Einleitung in Pindar's Siegeslieder. 1843.—Mommsen: Pindaros. 1845.—Bippart: Pindar's Leben, Weltanschauung und Kunst. 1848.—Державина: Первая пѣснь Пиндара Пиѳическая. Собраніе Сочиненій Р. авторовъ. Т. II, стр. 198. Пиндарова Олимпическая первая пѣснь. Т. же. Стр. 206.—Мерзлякова: Первая Пиндарова Олимпійская ода Гіерону Сиракузскому. — Водовозова: Двѣ оды Пиндара: Девятая Пиѳійская ода и Олимпійская третья ода. Журн. М. Нар. Просвѣщ. 1858, Апрѣль. — Исторія Греческой литературы. Поэзія. Эдуарда Мунка. Р. переводъ. Спб. 1861, стр. 65 — 90. Тутъ подробно разсказано содержаніе многихъ одъ Пиндара.—Всеобщая исторія литературы. Шерра. Р. переводъ. Спб. 1863. Вып. 1, стр. 83—4.—Исторія литературы древняго и новаго міра. Милюкова. Спб. 1862. Т. I, стр. 80 — 83. — Историческое развитіе оды. Галахова. Отеч. Зап. 1851, № 11, ст. «Сочиненія Кострова и Аблесимова.» — О Горація въ Исторіяхъ Римской литературы Шелля, Бернгарди, Бера, Эдуарда Мунка и др.— Исторія литературы. Милюкова. Здѣсь на стр. 417 — 444 разсказано содержаніе всѣхъ одъ Горація. — Благовѣщенскаго: Горацій и его время. Отеч. Зап. 1857, пять статей.—Библ. для Чт. 1840, № 3.—Оды Горація въ переводѣ Фета. Стихотворенія Фета. Изд. Солдатенкова. М. 1863. — Оды Горація (нѣкоторыя) въ переводѣ Крешева. Библ. для Чт. 1857.—Изъ иноземныхъ ученыхъ о Горація писали: Лессингъ, Виландъ, Фридрихъ Якобсъ, Пассовъ, Цумптъ, Валькнеръ, Веберъ, Кирхнеръ, Тейфель и др.—Статья Лессинга «Rettungen des Horaz» въ его «Sämmtliche Schriften». 4 Bd. Berlin. 1825.—Виланда: Horazens Briefe. Leipzig. 1790.— Якобса: Vermischte Schriften. V-й томъ. Leipzig. 1834. — Пассова: Q. Horatius Flaccus. Leipzig. 1833.—Цумпта: Ueber das Leben des Horaz und die Zeitfolge seiner Gedichte, namentlich der Satiren. Изд. Вюстеманна. Лейпцигъ. 1843. — Валькнера: Histoire de la vie et des poësies d'Horace etc. par. M. le baron Walckenaer. Paris. 1840 — Вебера: Q. Horatius Flaccus als Mensch und Dichter. Jena. 1844. — Кирхнера: Quaestiones Horatianae. Lips. 1834.—Тейфеля: Charakteristik des Horaz. Leipzig. 1842. Его же: Horaz. Статья помѣщена въ «Реальной Энциклопедіи» Паули. 1843.—Въ «Соврем.» 1851 г., № 3 напечатана статья о Горація, переведенная съ Англ. газеты «Edimb. Rewiew».

Первая Олимпійская ода Пиндара

Гіерону Сиракузскому, одержавшему побѣду на ристалищѣ.

Предварительное объясненіе. — Слова Мерзлякова: «Пиндаръ воспѣлъ сію оду въ честь Гіерона, царя Сиракузскаго, брата Геле-

нова, который первый установилъ образъ правленія самодержавнаго въ Сиракузахъ. Гіеронъ, желая привлечь къ себѣ Грековъ, нелюбившихъ его какъ тиранна, старался покровительствовать наукамъ и художествамъ. — При дворѣ его жили главнѣйшіе того времени стихотворцы: Пиндаръ, Симонидъ, Вакхилидъ, Епихармъ, которые много способствовали къ умягченію и образованію его характера, отъ природы жестокаго и недовѣрчиваго. Критики не соглашаются во времени, къ которому должно относить сію оду, потому болѣе, что самое начало царствованія Гіеронова недовольно точно опредѣлено. — По крайней мѣрѣ вѣроятно, что она сочинена вскорѣ послѣ восшествія его на престолъ.

«Еліанъ повѣствуетъ, что Гіеронъ въ началѣ своего царствованія, въ продолженіи 73 Олимпіады, явился въ Пизѣ съ великолѣпною свитою. Фемистоклъ, предсѣдательствующій на играхъ, какъ Амфитріонъ Афинскій, воспретилъ ему участвовать въ оныхъ за то, что онъ не помогалъ Грекамъ въ войнѣ Персидской, оконченной славнымъ сраженіемъ при Саламинахъ. Съ того времени царь Сиракузскій и другіе государи никогда не отваживались лично оспаривать первенство на играхъ Олимпійскихъ, Пифійскихъ, Немейскихъ и Истмійскихъ. Они посылали туда своихъ вассаловъ и коней. Такимъ образомъ Пиндаръ, прославляя Гіероново правосудіе, его привязанность къ наукамъ и искусствамъ, прославлялъ вмѣстѣ и его коня, называемаго въ одѣ *побѣдоносцемъ*.

«И такъ сія ода содержитъ: 1) похвалу Гіерона, 2) похвалу коня, доставившаго ему побѣду на играхъ Олимпійскихъ, 3) исторію Тантала и Пелопса, которыхъ Гіеронъ былъ потомокъ. — Ода кончится обѣтами пѣснопѣвца, посвятившаго звучную лиру славѣ своего героя.

«У Пиндара нѣтъ почти ни одной оды, въ которой бы не встрѣчались отступленія, подобныя приведенной здѣсь исторіи о Пелопсѣ. Сіи *Епизоды* часто бываютъ столь пространны, что затемняютъ главный предметъ оды, и дѣлаютъ ее для насъ непонятною. Но мы не имѣемъ права осуждать Пиндара въ этомъ случаѣ, не зная основательно ни языка его, ни обстоятельствъ, ни обычаевъ того времени, въ которое онъ писалъ. Намъ осталось только вѣрить нѣжному и просвѣщенному вкусу Грековъ, которые всегда питали къ нему величайшее уваженіе [1]). Всякій побѣдитель почиталъ за особенную честь имѣть его своимъ пѣвцомъ, и тотъ тріумфъ казался несовершеннымъ, который не былъ украшенъ его стихами. Нѣкоторые изъ критиковъ полагаютъ, что ода сія имѣетъ двоякій пред-

---

[1]) Родосцы золотыми буквами начертали ту пѣснь, которою онъ прославилъ ихъ островъ.

метъ. — Пиндаръ, прославляя Гіерона, хотѣлъ дать ему почувствовать, что величіе, слава и неограниченная власть, ослѣпляя сердце государя, бываютъ часто причиною величайшихъ несчастій. Но онъ не могъ сказать прямо сего наставленія, не оскорбивъ царскаго самолюбія. Для того-то онъ приводитъ исторію Тантала и Пелопса, его предковъ, которыхъ боги осыпали всѣми возможными благами и которые были даже удостоены участвованія въ небесныхъ радостяхъ: все тщетно!... гордость ихъ погубила и несчастные были наказаны! — вотъ зерцало, въ которомъ Гіеронъ долженъ былъ читать свои правила и свое осужденіе, когда бы онъ отважился пренебречь ихъ. — Если такое изъясненіе удовлетворительно: то мы должны признаться, что планы Пиндаровы потому только намъ не понятны, что мы не Греки, что мы не знаемъ всѣхъ обстоятельствъ, которыя могли дѣйствовать на автора и на его творенія.»

I. Строфа.

Вода въ стихіяхъ..... первa власть [1]).
Въ сіяніи сокровищъ гордыхъ,
Какъ звѣзды въ нощь самогорящи [2])
Пылаетъ злата блескъ. —
Что краше, юный день ведущаго свѣтила,
Когда потокомъ яркихъ стрѣлъ
Пронзаетъ, гонитъ тѣни блѣдны
Пустынь Эфирныхъ за предѣлъ? —
Что велелѣпнѣе, Еллада, ты являешь
Блестящихъ Олимпійскихъ игръ? —
Здѣсь родясь, далеко-слышный,
Сынъ вѣнчаннаго пѣвца,
Гимнъ Эольскій всходитъ пышный [3])
Въ Лоно Кронія отца (т. е. Юпитера). —
Здѣсь родясь, грядетъ, нельстивый,
Гіерона онъ въ чертогъ.....
Гіеронъ — мой полубогъ,
Храбрый, доблестный, правдивый!...

---

[1]) Древніе почитали воду началомъ всѣхъ вещей. — Пиндаръ начинаетъ свою пѣснь прославленіемъ игръ Олимпійскихъ. Онъ говоритъ: вода превосходнѣе стихій; злато блистательнѣе всѣхъ сокровищъ; солнце великолѣпнѣе другихъ свѣтилъ небесныхъ; игры Олимпійскія превосходнѣе другихъ игръ, въ Греціи совершаемыхъ.

[2]) Т. е. звѣзды, сами собою блистающія.

[3]) Пиндаръ представляетъ Гимнъ свой, такъ какъ Гомеръ представлялъ Молитвы — въ человѣческомъ видѣ. Онъ течетъ въ объятія Зевеса; онъ прославляетъ сего бога, которому Геркулесъ, учредитель игръ Олимпійскихъ, посвятилъ алтарь на мѣстѣ подвиговъ. — Послѣ Зевеса, Гимнъ обращается къ Гіерону побѣдителю.

I. Антистрофа.

Онъ мощнымъ скиптромъ осѣнилъ
Поля Тринакріи [1]) златыя,
Стадообильныя, благія; —
Великій духъ его, полнъ силъ,
Пьетъ сладость, нектаръ пьетъ всѣхъ доблестей вѣнчанныхъ.
Ему цвѣты младыхъ харитъ,
Ему цвѣты отъ Музъ избранныхъ [2]),
Когда его священный храмъ
Гостепріимные пиры свои откроетъ
Восторга полнымъ мудрецамъ!...
Гдѣ моя златая лира? —
Духъ мой, Муза, окрыли!
Ты, пѣвица славы, мира!...
Вознесемся отъ земли!...
Вихремъ въ слѣдъ коню побѣды! —
Се, онъ пламенный летитъ!
Берегъ радостный дрожитъ,
И незримы ловитъ слѣды!...

I. Еподъ.

Летитъ — и пышный храмъ побѣды отверзаетъ
Владыкѣ Сиракузъ, великому въ царяхъ;
Его, его хвала высокая блистаетъ
На славныхъ именемъ Пелопса берегахъ [3]).

---

[1]) Сицилія. «Сицилія, говоритъ Норовъ, называлась у Грековъ *Тринакріею*, по причинѣ ея фигуры, образующей трехъугольникъ.» Путешествіе по Сициліи, въ 1822 году. А. Норова. Спб. 1828. Часть 1, стр. 18.

[2]) Муза — покровительница наукъ и искусствъ. Было девять музъ. Ихъ дѣйствія исчислены въ слѣдующемъ стихотвореніи Тредьяковскаго (1703 — 1769):

«*Кліа* точны бытія въ память предаетъ, поя.
Мельпомена восклицаетъ, и въ трагедіи рыдаетъ.
Таліа, да будетъ правъ, осмѣхаетъ въ людяхъ нравъ.
Пажить, равно жатву серпа, во свирѣль гласитъ *Евтерпа*.
Гуслей, *Терпсихора*, звукъ, соглашаетъ разныхъ вдругъ.
Ерата смычкомъ, ногами, скачетъ также и стихами.
Уранія звѣздъ предѣлъ знаетъ свойство и раздѣлъ.
Калліопа всѣхъ трубою чтитъ всезлатою.
Упражняясь наконецъ, въ преклоненіи сердецъ,
Полимнія нарядно, извѣщаетъ все изрядно.
Движетъ превысренній умъ, музъ сихъ купно оныхъ шумъ.
По срединѣ *Фебъ* самъ внемлетъ, и собою все объемлетъ.»

[3]) Т. е. въ Элидѣ. — Пелопсъ, вступивъ на престолъ послѣ отца своего Тантала, и взявъ за себя дочь Иномея, оставилъ отечественную землю и основалъ

Сынъ Тантала! отсель честей твоихъ начало!
Преданія гласятъ: здѣсь чудо возсіяло,
Когда — позорная трапеза для боговъ [1]) —
Ты ожилъ, воспріявъ слоновой рамо кости....
Се гласъ молвы пустой, се вымыслъ черной злости!
Воображенье... льстецъ умовъ!
Зракъ истины во облакѣ скрываетъ;
Оно противъ боговъ въ неистовствѣ дерзаетъ!

II. Строфа.

Такъ! — сильны прелести словесъ,
Ума затѣйливы стремленья,
И невозможному возможность,
Даруютъ какъ глаголъ небесъ! —
Но время строгое рветъ мрежи паутины....
Нѣтъ мѣста смертнаго мечтамъ
Къ великимъ таинствамъ судьбины:
Она непостижима намъ!
Непосвященный, прочь! — пророкъ, во срамъ невѣждамъ,
Я, Пелопсъ, о тебѣ реку:
Олимпійскіе затворы
На златыхъ гремятъ пятахъ;
Силъ небесныхъ свѣтлы хоры
Ниспускаются въ заряхъ;
Танталъ пиръ имъ устрояетъ,
Ты былъ пиршества красой!..
Богъ плѣняется тобой,
Богъ любовь къ тебѣ питаетъ.

Колонію въ Элидѣ; со временемъ овладѣлъ онъ всѣмъ полуостровомъ, который отъ его имени сталъ называться Пелопонесомъ.

[1]) Баснословіе говоритъ, что Танталъ, будучи приглашенъ богами на великолѣпное пиршество, рѣшился возблагодарить ихъ подобнымъ образомъ. — Желая посвятить имъ въ пищу самое драгоцѣнное, онъ поставилъ на столъ изготовленное тѣло своего сына. Боги отвергнули сію пищу съ ужасомъ и негодованіемъ. Одна Церера по неосторожности съѣла плечо молодаго Пелопса. Безсмертные соединяютъ разсѣченные члены и оживляютъ ихъ. — Плечо, неосторожно скушанное Церерою, замѣняется плечомъ изъ слоновой кости, которое принесла Клото, одна изъ Паркъ. Послѣ того, Пелопсъ пользовался особенною благосклонностію Нептуна. Пиндаръ хочетъ сказать, сколь сильно дѣйствуетъ на насъ чудесное. Самыя нелѣпыя басни, пріятно разсказанныя, получаютъ право истины. Пѣснопѣвецъ учитъ насъ говорить о богахъ прилично ихъ величію, и разсказываетъ другую исторію Тантала и Пелопса.

II. Антистрофа.

И се! пословъ крылатыхъ сонмъ,
Слетяся легкой вереницей,
Тебя въ цвѣтахъ и багряницѣ
Возноситъ быстро въ Зевсовъ домъ! —
Наслѣдникъ и любви, и славы Ганимеда,
Ты воспріялъ его чреду [1])!..
Ахъ! тщетно взоръ твой боязливой
Искалъ родительскихъ полей,
Гдѣ нѣжился, таясь, вѣкъ дѣтства торопливой!
Ахъ! тщетно матерней тоски
Рабы услужливы — стремились
Тебя отдать ея слезамъ!...
И несется вѣсть ужасна
Въ стыдъ Танталу, въ стыдъ богамъ,
Что рукой отца несчастна
Ты растерзанъ по частямъ;
Что тебя въ водѣ кипучей
Столъ трапезный воспріялъ...
Сонмъ боговъ облекся тучей,
И Олимпъ гремя стоналъ! —

II. Епод.

Не потерпи, Зевесъ, столь страшнаго хуленья!
Я чистъ отъ клеветы, послушенъ я богамъ.
Пелопса прадѣды небесъ благотворенья
Вкушали изкони!—и Танталъ, Танталъ самъ,
Причастникъ радостей Олимпа ненавѣтныхъ!
Но смертный малъ и слабъ для радостей безсмертныхъ [2])!
Скала великая, Зевесовой рукою
Надъ вѣроломною нависла вдругъ главою,
И трепеща надъ ней — грозитъ.

---

[1]) Ганимедъ, правнукъ Дардана, перваго основателя Трои, былъ за красоту свою похищенъ на горѣ Идѣ Юпитеромъ, превратившимся въ орла и унесенъ имъ въ жилище боговъ. Здѣсь Ганимедъ жилъ въ обществѣ безсмертныхъ и его занятіемъ было подавать нектаръ во время стола.

[2]) Танталъ у древнихъ вообще значилъ скупаго, который собираетъ сокровища и наслаждается ими. Боги, желая оказать ему свое благоволеніе, посѣтили его чертоги; но не могши питаться земною пищею, принесли съ собою Амброзію и Нектаръ. Танталъ похитилъ часть сихъ снѣдей небесныхъ, какъ послѣ будетъ сказано. Юпитеръ, въ наказаніе, повѣсилъ надъ нимъ огромную скалу, готовую ежеминутно упасть на его голову.

Корысть услады ждетъ; питается лишь прахомъ.
Отъ черныя души покой бѣжитъ со страхомъ! —

III. Строфа.

Дряхлѣютъ въ мукахъ злаго дни!
Четверта жертва горней кары [1]),
Онъ въ трепетъ Тартаръ вводитъ ярый...
И тѣни смотрятъ издали,
Не смѣвъ приближиться, какъ синій дымъ тумана,
Что стелется среди полей,
Окрестъ горящаго Вулкана! —
О алчность! — онъ похитить смѣлъ
Небесъ сокровище высоко,
Сей Нектаръ, сей безсмертія залогъ!...
Богъ сильный, богъ ревнивъ, богъ злобнымъ мститъ далеко,—
И страждетъ Пелопсъ за отца!
По ниспадшему съ Эфирныхъ,
Рдянопламенныхъ высотъ,
Въ тихихъ тѣняхъ рощей мирныхъ
Добрый геній предстаетъ:
«Ты красою лѣтъ блистаешь,
Духомъ крѣпокъ, и рукой!
Ты возлюбишь ли покой?...»
Въ полѣ битвъ меня познаешь.

III. Антистрофа.

Рекъ Пелопсъ, — въ поле битвъ течетъ
Пожать любви цвѣты златыя!
Прекрасная Гипподамія,
Оставь свой дѣвственный чертогъ!
Желанный часъ насталъ [2]); женихъ передъ вратами!
Единъ въ полунощи герой
На берегъ шествуетъ росистой;
Единъ, въ тиши лѣсовъ, полей,

---

[1]) Иксіонъ, Сизифъ, Тицій подверглись мщенію неба. Танталъ былъ четвертый преступникъ, раздражившій Юпитера.

[2]) Иномей, царь Пизы, или Олимпіи, отецъ Гипподаміи, обѣщалъ ее въ замужество тому, который побѣдитъ его въ управленіи колесницами. Оракулъ открылъ ему, что получившій руку Гипподаміи, будетъ причиною его смерти. Для избѣжанія сего, Иномей поражалъ копьемъ своимъ всѣхъ тѣхъ, которые, приближаясь къ метѣ Гипподрома, упреждали его. Тринадцать героевъ были жертвою такой ужасной осторожности.

Къ тяжко-трясущему трезубцемъ
Воззвалъ смирителю морей!...
Какъ облако возсталъ богъ грозный надъ водами,
И слухъ молящему отверзъ.
«Если для тебя любезно
Вспоминаніе любви,
Кою, отрокъ безмятежной,
Я питалъ къ тебѣ:
Днесь... въ награду мнѣ желанну,
Дай крылатыхъ ты коней!
Дай мнѣ мечъ твой, въ казнь тиранну;
Да погибнетъ Иномей!...»

III. Епод̀ъ.

«Туда, туда стремлюсь, любовью воспаленный!
Тамъ неприступный лавръ тринадцати вождей,
Отвсюду трупами несчастныхъ огражденный,
Процвѣлъ, — готовый даръ отважности моей!
Кто смерти избѣжитъ?—ничтожный въ страхѣ таетъ,
Напасти предъ лицемъ, когда война пылаетъ.
Онъ въ дряхлой старости, лѣнивой смерти ждетъ,
Неоглашаемый любезною хвалою! —
Гряду и не страшусь... любовь грядетъ со мною!»
Изрекъ... Посе́йдонъ знакъ даетъ;
Гремитъ далеко звукъ отъ колесницъ блестящихъ,
Дымится пыль столбомъ во слѣдъ коней летящихъ! —

IV. Строфа.

И возсіялъ побѣды зракъ!...
Палъ хитрый Иномей, — и Дѣва [1]) —
Невѣста юноши царева; —
И шесть героевъ, шесть сыновъ,
Плодъ нѣжныя любви, текли отца слѣдами!...
Не зрите ль гордый оный холмъ,
Повелѣвающій высокими брегами!...
Здѣсь, здѣсь алтарь его и домъ [2])!...

---

[1]) Гипподамія, полюбивъ Пелопса, подкупила Мелита, возницу отца своего, который худымъ управленіемъ колесницы доставилъ побѣду ея другу. Иномей хотѣлъ поразить своего соперника; но въ ту минуту, отъ бѣшенства коней, колесница его сокрушилась и онъ погибъ самою мучительною смертію. Такимъ образомъ исполнилось предвѣщаніе оракула.

[2]) Память Пелопса ежегодно празднована была въ Пелопонесѣ. На семъ-то торжествѣ молодые Спартанцы, чтобы доказать свою твердость, позволяли себя

Здѣсь свѣтлый присно духъ героя,
Оставя тѣней мракъ, по временамъ
Витаетъ, окруженъ великими друзьями,
И осклобляется играмъ:
Здѣсь, гдѣ легкость стопъ крылатыхъ,
Гдѣ искусство, крѣпость силъ,
Вводятъ въ храмъ побѣдъ богатыхъ,
Кои Кроній освятилъ! —
Здѣсь утѣхъ обитель ясныхъ;
Здѣсь для доблести вѣнецъ;
Здѣсь надеждъ, желаній красныхъ,
И начало, и конецъ! —

IV. Антистрофа.

И мнѣ ввѣряетъ право честь
Вѣнчать отнынѣ Гіерона
Цвѣтами пѣсней Еолійскихъ;
Цвѣтами, кои неба дщерь,
Весна, разсыпала на холмы Геликона,
Въ забаву нѣжную для Музъ,
Въ отраду Грацій благодарныхъ,
Изъ розъ свивающихъ вѣнцы
Заслугѣ, красотѣ, добротамъ лучезарнымъ!...
О, Гіеронъ! они твои! —
Да предходитъ добрый Геній
На стезѣ тебя побѣдъ,
На путяхъ благотвореній! —
Другъ твой — доблесть; слава — свѣтъ.
Съ ними шествуй и... позднѣе
Возвращайся въ небеса!
Возблистай еще свѣтлѣе,
Дай узрѣть намъ чудеса! —

IV. Еподъ.

Такъ! — скоро Кронія цвѣтущій холмъ, священной,
Подвигнутъ струнъ моихъ волшебствомъ, оживетъ:
Какъ слѣдомъ колесницъ, вкругъ меты возвышенной,
Стукъ ярый прогремитъ и слава процвѣтетъ!

сѣчь до крови, и не обнаруживали ни малѣйшаго знака боли. Памятникъ Пелопсу находился въ Пизѣ, или Олимпіи, гдѣ производились Олимпійскія игры. Онъ воздвигнутъ былъ по срединѣ самаго ристалища. Изъ дѣтей Пелопсовыхъ извѣстны особливо Астрей и Тіестъ.

На сей великій день готовлю новы стрѣлы [1]);
Сей день и для меня пребудетъ незабвенъ! —
Судьба назначила всѣмъ разные удѣлы:
Санъ царственный вождя — предъ всѣми вознесенъ!
Будь вѣренъ самъ себѣ, Фемиды другъ избранный!
Мужайся!... соверши благимъ богамъ обѣтъ!..
И счастливый пѣвецъ, тобою осіянный,
Чрезъ тучи зависти лучи свои прольетъ!

Мерзляковъ.

Примѣч. — Слова Мерзлякова: «При заключеніи сей оды напомнимъ еще о цѣли, которую предположилъ себѣ авторъ, и которую мы означали въ приступѣ. Ходъ піесы будетъ слѣдующій: игры Олимпійскія всѣхъ другихъ превосходнѣе, онѣ особенно достойны, чтобъ такой великій государь, отличившійся столь многими царственными добродѣтелями, показалъ на нихъ свое величіе. Онъ побѣждаетъ на играхъ въ ристалищѣ (отъ 1 Строфы до Епода).—Честь, пріобрѣтенная героемъ, разливается на его предковъ, на его потомковъ. — Слава Гіеронова блистаетъ въ Елидѣ, гдѣ Пелопсъ, предокъ его, основалъ первую колонію храбрыхъ Лидіянъ. Здѣсь, кажется, должна бы кончиться ода. Что сказать болѣе о конѣ, пріобрѣтшемъ побѣду? — Но при семъ случаѣ пѣвецъ имѣетъ другую скрытую цѣль, которою всегда гордилась поэзія: онъ смѣшиваетъ пріятное съ полезнымъ. Ему хотѣлось научить государя, упоеннаго славою: умѣрять страсти, бояться боговъ, умѣть наслаждаться ихъ дарами и не желать того, что насъ выше. Не было ничего приличнѣе для оживленія сей нравственности, какъ исторія Тантала и Пелопса.—Съ одной стороны, она льстила самолюбію государя, гордящагося своими предками; съ другой, научала его правотѣ, не позволяя чувствовать горечи упрековъ. Самый приступъ къ сей исторіи показываетъ поэта, живущаго при дворѣ. — Пиндаръ намѣренъ разсказать исторію Пелопса, какъ будто для того только, чтобъ отдѣлить ее отъ нелѣпыхъ басенъ, извѣстныхъ между народомъ: — новое угожденіе Гіерону! Послѣ того слѣдуетъ самый Епизодъ (отъ 3 Епода до 4 Антистрофы). Вмѣсто нравоученія въ немъ заключеннаго, пѣвецъ дѣлаетъ обѣты за государя; онъ поручаетъ его богамъ покровителямъ; онъ почти говоритъ: чего тебѣ желать? — ты поставленъ на высочайшей степени могущества и славы. Чтобы поддержать свое величіе, надобно быть довольнымъ тѣмъ, что даровали боги. Они вѣдаютъ, что намъ нужно и что не нужно (Антистр. и Епод. 4). Что можетъ быть величественнѣе и остроумнѣе сего плана? При всей нашей холодности къ симъ безпрестаннымъ баснямъ, которыми исполнены Греческія поэмы, мы должны согласиться, по крайней мѣрѣ, что онѣ были занимательны для Грековъ, что онѣ составляли, по большей части, ихъ собственную исторію; что въ нихъ заключалась религія народа; что игры Олимпійскія, Истмійскія, Пифійскія и Немейскія принадлежали къ священнымъ обрядамъ богослуженія; — мы должны согласиться, что поэтъ не могъ ничѣмъ столько угодить народу, какъ тѣмъ, что онъ соединялъ имена боговъ, учредителей игръ, съ именами атлетовъ, которые на нихъ прославились. Похвала побѣдителю, сливаясь съ похвалами безсмертныхъ, превращалась въ обильное

---

[1]) Обыкновенная метафора Пиндара, когда говоритъ онъ о пареніи своихъ гимновъ. Онъ намѣренъ еще воспѣть Гіерона, когда онъ одержитъ побѣду на колесницахъ.

и цвѣтущее поле для поэзіи и ничто такъ сильно не возбуждало сего священнаго Ентузіасма, который составляетъ душу Аполлоновой лиры! отсюда оная божественная роскошь въ украшеніяхъ, которою удивляетъ Пиндаръ: отсюда быстрота слога, столько смѣлаго и дерзновеннаго! — Пиндаръ въ паренiи своемъ, презираетъ всѣ идеи посредствующія; фразы его составляютъ безпрерывный рядъ картинъ, между которыми, съ перваго взгляда, не видно никакого отношенія. — Но Греки понимали его.» (Труды общества любителей Рос. Словесности Ч. II).

Олимпійская третья ода [1]).

(Пиндара).

I. Строфа.

Лиры властители, гимны [2])!
Какого намъ бога, какого героя,
Мужа какого воспѣть?
Пизу-ль, священную Зевсу?
Брани добычу назначилъ Ираклъ
Игръ Олимпійскихъ наградой [3]).
Мы-жъ за четверку побѣдныхъ коней
Нынѣ Ѳерона прославимъ,
Честнаго гостя, столбъ Агригента,

---

[1]) Ода эта прославляетъ Ѳерона, правителя Сицилійскаго города Агригента, одержавшаго побѣду колесницею на Олимпійскихъ играхъ. Пиндаръ разсказываетъ о бѣдствіяхъ предковъ Ѳерона и распространяется по этому случаю о непостоянствѣ человѣческаго счастія вообще. Онъ черезъ всю оду проводитъ ту мысль, что люди доблестные, какова-бы ни была ихъ судьба, могутъ всегда надѣяться, что получатъ за свою доблесть награду, если не въ здѣшней жизни, то въ будущей. Такимъ образомъ здѣсь съ одной стороны упоминается о предкахъ и подвигахъ Ѳерона, а съ другой находимъ разсужденія о томъ, какъ судьба человѣческая часто сверхъ ожиданія измѣняется къ лучшему и какова жизнь людей добрыхъ на томъ свѣтѣ: и то, и другое переплетено довольно искусно вмѣстѣ.

[2]) Гимны названы властелинами лиры (*ἀναξιφόρμιγγες*), потому что музыка, сопровождавшая пѣснь, у древнихъ занимала второстепенное мѣсто, совершенно подчиняясь стихотворному размѣру.

[3]) Пиза, городъ въ Элидѣ, поклонявшійся Зевесу. По преданію, Олимпійскія игры учреждены были Геркулесомъ Идійскимъ, однимъ ихъ пяти дактиловъ горы Иды, древнихъ жрецовъ, воспитавшихъ Зевеса. Еще въ золотой вѣкъ Крона, Рея, мать Зевеса, призвала ихъ изъ Крита въ Елиду, гдѣ уже находился храмъ ея сына. Такъ какъ всѣхъ ихъ было пять братьевъ, то Геркулесъ и назначилъ въ каждые пять лѣтъ повторяться играмъ. Съ представленіемъ о дактилахъ (сходныхъ съ Куретами Корибантами) соединялось понятіе о древнѣйшихъ религіозныхъ таинствахъ, перешедшихъ съ востока въ Грецію.

Предковъ прославленныхъ цвѣтъ,
Градоправителя мудраго [1]).

I. Антистрофа.

Много душой пострадавъ,
Они на священной рѣкѣ поселились [2]),
И стали Сициліи окомъ.
Слѣдомъ и счастье пришло,
Доблестямъ явнымъ въ награду
Принесши богатство и честь.
Сынъ Реи, Кроніонъ [3]), властитель Олимпа,
Побѣдныхъ наградъ и потоковъ Алфея.
Съ улыбкою пѣснь нашу встрѣтивъ, даруй
И позднимъ ихъ внукамъ
Отцовскимъ наслѣдствомъ счастливо владѣть.

I. Эподъ.

Тому, что свершилось,
Законно-ли, нѣтъ-ли,
И время, всеобщій отецъ,
Не можетъ другаго назначить исхода;
Но пусть со счастливой судьбою
Приходитъ забвеніе бѣдъ,
И злобное горе, смирясь,
Умретъ передъ радостью свѣтлой,

II. Строфа.

Если ужъ воля боговъ
Высшее благо пошлетъ.
Царственнымъ Кадма пришлось дочерямъ [4])

---

[1]) Ѳеронъ былъ сынъ Энезидама и происходилъ отъ Кадма и Ѳерсандра, сына Полиника и Эдипова внука. Правитель Агригента и Имеры, онъ славился своей доблестью наравнѣ съ Гелономъ Сиракузскимъ, съ которымъ находился въ родствѣ. (Смотри Діод. Сицилійск. XI, 48, 49 стр.). Ѳеронъ былъ однимъ изъ самыхъ почетныхъ гостей въ Олимпіи.

[2]) Агригентъ стоялъ при рѣкѣ того же имени, которая, какъ и всѣ предметы природы, считалась священною. Этотъ городъ былъ колоніей Родоса.

[3]) Кроніонъ, сынъ Крона, т. е. Зевесъ, котораго славнѣйшій храмъ, извѣстный статуей Фидія, находился въ Олимпіи, у береговъ Алфея.

[4]) Подъ дочерями Кадма разумѣются здѣсь: Семела и Ино, о которыхъ говорится дальше. Семела, какъ извѣстно, лишилась жизни, бывъ возлюбленною Зевеса, когда богъ, по ея настоянію, явился ей въ своемъ громоносномъ видѣ. Ино, дочь Кадма и Гармоніи, бросилась съ сыномъ въ море, преслѣдуемая своимъ су-

Много страдать, говорятъ;
Пала однако тяжелая скорбь,
Встрѣтившись съ лучшимъ добромъ.
Нынѣ живетъ на Олимпѣ
Громомъ удара сраженная
Ѳивянка длинноволосая,
Вѣчно Палладѣ любезна она,
Зевсу отцу еще больше: ее
Любитъ и юноша, богъ плющеносный.

II. Антистрофа.

Слышно, что тамъ въ глубокихъ водахъ,
Межъ дочерями морскими Нерея,
На вѣчное время блаженная жизнь
Назначена Ино.
Смертный конецъ не угаданъ никѣмъ изъ людей!
Не можемъ мы знать,
Окончимъ-ли, солнцемъ рожденный,
Спокойно и радостно день
Въ довольствѣ, ничѣмъ не смущенномъ.
Со счастьемъ иль съ горемъ,
Различныя льются струи
Къ намъ отовсюду.

II. Эподъ.

Подобно и Мойра [1]), хранившая жизнь
Ѳероновыхъ предковъ, была не всегда
Равно благосклонною къ нимъ.
Со счастіемъ, даромъ боговъ,
Порой посылала бѣду:
Сынъ Лая, рокомъ ведомый,
При встрѣчѣ отца умертвилъ,
И тѣмъ исполняется старый оракулъ Пифона [2]).

III. Строфа.

Быстрая видитъ Эринія
Зло и взаимнымъ убійствомъ

пругомъ Аѳамасомъ, на котораго Гера (Юнона) изъ ревности навела бѣшенство. И Семела и Ино кончили жизнь свою бѣдственно; но по смерти удостоились общенія съ богами.

[1]) Мойра была богиня судьбы (Парка).

[2]) Мы уже указали, въ какомъ родствѣ находился Ѳеронъ съ домомъ Лая, который весь погибъ, исключая Ѳерсандра, сына Полиника и Аргіи, дочери Адраста.

Губитъ воинственный родъ.
Палъ Полиникъ и остался Θерсандръ,
Цвѣтъ Адрастидовъ и дому опора,
Въ играхъ и въ битвахъ равно
Чтимый средь юношей храбрыхъ.
Отрасль ихъ корня того-же,
Энезидамова сына
Пѣсней хвалебной и звуками лиры
Нынѣ прилично прославить.

III. Антистрофа.

Принялъ награду въ Олимпіи онъ,
Въ Пиѳонѣ, на Истмѣ ему
Съ братомъ равно знаменитымъ
Тѣ-же Хариты доставили славу
Двѣнадцать разъ четвернею
Арену кругомъ обскакать.
Удача избавитъ того отъ печали,
Кто силу въ борьбѣ испытуетъ [1]).
Избытокъ, украшенный доблестью,
Кстати повсюду поможетъ,
Питая заботу глубокую въ сердцѣ.

III. Эподъ.

Онъ всѣмъ свѣтило желанное,
Онъ мужа истинный блескъ.
Его кто имѣетъ, тотъ знаетъ грядущее,
Что скорая мзда малодушныхъ людей
Постигнетъ за всѣ преступленья,
Свершенныя въ здѣшней обители Зевса:
Есть нѣкто, судящій въ подземномъ жилищѣ
Рѣшеньемъ, нещаднымъ, какъ рокъ.

IV. Строфа.

Свѣтитъ и ночью равно,
Свѣтитъ и днемъ неизмѣнно
Вѣчное солнце для добрыхъ.
Вѣкъ ихъ проходитъ легко.

---

[1]) Извѣстно, какими почестями пользовались побѣдители на играхъ. Они получали вѣнокъ оливы; но эта незначительная награда доставляла имъ множество выгодъ въ жизни: ихъ всюду встрѣчали съ тріумфомъ и осыпали подарками.

Въ жизни другой ужъ не нужно
Имъ ни земли, ни пучины морской
Силою рукъ бороздить.
Жизнь безпечально ведутъ
Въ чтимомъ богами кругу
Правду любившіе люди;
Злые-жъ несутъ
Взору ужасную муку.

IV. Антистрофа.

Кто трижды отвагу имѣлъ
Отъ всякой неправды свою
Душу сберечь, тотъ нашелъ
Путь Зевсовъ къ обители Крона.
Островъ блаженныхъ
Тамъ вѣтерки океана
Кругомъ обвѣваютъ.
Тамъ златомъ пылаютъ цвѣты,
Обильно рождаясь
Изъ водъ, изъ земли, отъ блестящихъ деревьевъ
Вѣтвями, вѣнками
Сплетаясь вокругъ.

IV. Эподъ.

Такъ праведенъ судъ Радаманта.
Онъ вѣрный совѣтникъ у Крона отца,
Супруга Реи, всѣхъ выше
Имѣющей тронъ свой на небѣ.
Пелей и Кадмъ въ ихъ числѣ;
Къ нимъ мать привела и Ахилла,
Склонивши Зевсово сердце мольбою.

V. Строфа.

Трои незыблемый столбъ онъ низвергъ,
Гектора, грознаго въ битвѣ;
Смерти онъ предалъ и Кикна,
И сына Эосъ, Эѳіопа.
Много въ колчанѣ моемъ
Есть быстрыхъ стрѣлъ подъ рукою,

Людямъ разумнымъ звучащихъ [1]).
Толпѣ поясненія нужны:
Мудрый ужъ многое знаетъ съ рожденья;
Неучь-же праздно болтливый,
Какъ воронъ, каркать готовъ
На птицу священную Зевса.

V. Антистрофа.

Направь-же лукъ твой на цѣль.
Смѣло, живѣе! Куда устремишь
Славныя стрѣлы свои,
Пустивъ отъ души дружелюбной?
Направить-ли ихъ въ Агригентъ?
Я подтверждаю отъ чистаго сердца
Клятвеннымъ словомъ:
Въ столѣтье еще ни одинъ
Городъ на свѣтъ не родилъ
Для друзей благодѣтеля мужа
Щедрѣй, благороднѣй Ѳерона.

V. Эподъ.

Но злоба встаетъ на хвалу.
Не вѣдая правды, безумцы
Хотятъ заглушить, иль позоромъ
Славное дѣло покрыть.
Но счету песокъ недоступенъ —
Кто-жъ могъ-бы сказать, сколько сдѣлалъ
Ѳеронъ добра для другихъ?

Водовозовъ.

---

[1]) Поэтъ хочетъ этимъ сказать, что у него еще много есть примѣровъ на различнаго рода доблести; но довольно и приведенныхъ выше, чтобы люди разумные могли понять цѣль его словъ.

Къ Помпею Вару.

(*Горацій* [1]).

О ты [2]), не разъ со мной встрѣчавшій смерти видъ,
Когда насъ Брутъ водилъ во времена былыя,
Кто возвратилъ тебя, мой дорогой Квиритъ,
Отеческимъ богамъ подъ небеса родныя?
Помпей, товарищъ мой, первѣйшій изъ друзей,
Съ кѣмъ часто долгій день виномъ мы коротали,
Въ вѣнкахъ, Сирійскій весь растративши елей,
Которымъ волоса душистые сіяли!
Съ тобой я пережилъ Филиппы, при тебѣ
Бѣжалъ, безславно щитъ свой покидая въ страхѣ....
Въ тотъ день и мужество низвергнулось въ борьбѣ,
И грозные бойцы въ крови легли во прахѣ.
Но средь враговъ меня, въ туманъ сокрывъ густой,
Испуганнаго спасъ Меркурій быстрокрылый;
Тебя жъ въ сраженіе за новою волной
Опять умчалъ приливъ неотразимой силой.
Итакъ обѣщанный Зевесу пиръ устрой [3]),
И отдыха ищи для членовъ утомленныхъ
Войною долгою, подъ лавръ склонившись мой —
Да не щади тебѣ бутылокъ обреченныхъ.
Массійской влагою разымчивой щедрѣй
Фіялы свѣтлые наполни, и смѣлѣе
Изъ емкихъ раковинъ благоуханья лей.
Кто позаботится достать плюща скорѣе,
Иль мирта для вѣнковъ? Кого-то изберетъ

---

[1]) Горацій (65 — 8 до Р. Х.), знаменитый поэтъ временъ Августа, сынъ отпущенника. Получилъ воспитаніе въ Римѣ и Аѳинахъ. При Филиппахъ сражался противъ войскъ Октавіана Августа, потомъ былъ въ Римѣ квесторскимъ писцомъ и, благодаря поэтическому таланту, сдѣлался другомъ Мецената и Августа. — Оды, напечатанныя въ «Христоматіи», имѣютъ самую близкую связь съ жизнію Горація и вѣкомъ его. Выборъ ихъ сдѣланъ нами на основаніи статьи профес. Благовѣщенскаго: «Горацій и его время». Подстрочныя выноски къ одамъ Горація взяты нами изъ перевода Фета.

[2]) Много писали и спорили о времени сочиненія этой оды и о самомъ лицѣ Помпея Вара, смѣшивали его съ Помпеемъ Гросфомъ, къ которому написана ода (II, 16). Варъ, подобно Гросфу, сражался при Филиппахъ подъ знаменами Брута, послѣ неудачи отправился къ Сексту Помпею въ Сицилію и, вмѣстѣ съ прочими, будучи прощенъ, воротился въ Италію. Поэтому предлежащая ода не могла быть написана позже 716 года.

[3]) Благодарственныя жертвоприношенія оканчивались пиршествами.

Венера [1]) во главу пирующаго круга?
Со мной теперь любой Эдонецъ [2]) не сопьетъ:
Такъ сладко буйствовать при возвращеньи друга.

Фетъ.

Примѣч. — Слова профессора Благовѣщенскаго: «Горацій, какъ мы видимъ, откровенно признается въ томъ, что при Филиппахъ, бросивъ свой щитъ, онъ въ страхѣ бѣжалъ съ поля битвы. Свое спасеніе среди враговъ Римскій поэтъ приписываетъ Меркурію, покровителю людей даровитыхъ, который осѣнилъ его облакомъ, какъ то дѣлаютъ и у Гомера боги съ своими любимцами, желая вывести ихъ невредимыми изъ пыла битвы. — Это откровенное признаніе послужило однимъ изъ обвинительныхъ пунктовъ противъ Римскаго поэта. Уже много разъ ученые мужи (и еще недавно Тейфель) съ важностію укоряли Горація, на основаніи собственныхъ его словъ, въ трусости и въ томъ, что онъ такъ открыто сознался въ этой постыдной слабости своего духа. — Что касается нашего мнѣнія, то, отстранивъ поэтическій образъ, въ который Горацій облекъ рѣчь свою, мы принимаемъ откровенное признаніе его въ потерѣ щита при Филиппахъ за историческое свидѣтельство объ одномъ изъ случаевъ въ жизни Римскаго поэта. Это, однако, нисколько не уменьшаетъ нашего уваженія къ нему. Порицатели и защитники Горація не обратили вниманія на одно очень важное обстоятельство, а именно на то, что вторая битва при Филиппахъ кончилась общимъ бѣгствомъ побѣжденной партіи: Горацій бѣжалъ не одинъ съ поля битвы, бѣжало все войско Брута, бѣжалъ и самъ Брутъ». (Отеч. Зап. 1857, № 4, стр. 582 — 3 «Горацій и его время»).

Къ Республикѣ [3]).

(Горація).

Корабль, морской волной влечетъ тебя опять!
О, что же медлишь ты? Старайся портъ занять.
Ужель не видишь ты, что силою ненастій
Бока обнажены и перебиты снасти,
Что южный вѣтеръ бьетъ, и отъ него давно
На мачтѣ свищетъ все и все сокрушено?
Канаты лопнули и остовъ килемъ старымъ
Не въ силахъ болѣе бороться съ моремъ ярымъ!
Ни славнымъ именемъ, ни родомъ издавна,
Дочь гордая лѣсовъ, Понтійская сосна [4]),

---

[1]) Глава пиршества избирался по жребію. Если брошенныя кости (изъ которыхъ на каждой были четыре цифры: 1, 3, 4, 6, а 2 и 5 были пропущены) ложились такъ, что разомъ показывали всѣ цифры 1, 3, 4, 6, то это называлось жребьемъ Венеры. *Фетъ.*

[2]) Эдонцы — Ѳракійцы, извѣстные пьянствомъ.

[3]) Ода съ большою вѣроятностью можетъ быть отнесена къ 713 году. *Благовѣщенскій.*

[4]) Берега Чернаго моря славились превосходнымъ корабельнымъ лѣсомъ.

Боговъ, защитниковъ въ бѣдахъ, не умолила:
Въ богахъ защиты нѣтъ и лопнули вѣтрила.
Пловецъ, испуганный кипящею волной,
Не вѣритъ кораблю съ расписанной кормой [1]).
Ты жъ берегися бурь сѣдаго океана,
Коль не желаешь быть игралищемъ оркана.
Недавно по тебѣ проникнутъ горемъ весь,
И сердцемъ преданный судьбѣ твоей поднесь,
Я говорю: страшись, бѣги морскаго тока,
У мраморныхъ Цикладъ кипящаго глубоко [2]).

Фетъ.

Примѣч. — Слова Благовѣщенскаго: «Произведенія Горація, относящіяся къ разсматриваемому періоду его жизни (возвращенію поэта съ поля битвы при Филиппахъ въ Римъ и вступленію его въ сословіе квесторскихъ писцовъ) проникнуты самою возвышенною патріотическою грустію. Въ числѣ ихъ укажемъ здѣсь на *два чудныя* стихотворенія Римскаго поэта, особенно замѣчательныя въ этомъ отношеніи: мы говоримъ о седьмой его эподѣ и *четырнадцатой одѣ* первой книги («къ Республикѣ»). Первое стихотвореніе, безъ сомнѣнія, написано поэтомъ вслѣдъ за битвою при Филиппахъ, когда Риму грозила новая гражданская война между Октавіаномъ и Антоніемъ. Сколько грусти и разочарованія въ немъ! Сколько отвращенія къ гражданскимъ смутамъ, которые, послѣ гибели благороднѣйшихъ вождей республиканской партіи, какъ убѣдился Горацій, могли повести только къ безплодному кровопролитію. *Еще болѣе возвышенною печалью вѣетъ отъ упомянутой оды Горація:* это та знаменитая ода, въ которой поэтъ съ такою изящною и глубокою грустью сравниваетъ свою бѣдную родину съ разбитымъ бурею кораблемъ, готовымъ снова пуститься въ открытое море». (Отеч. Зап. 1857, № 4, стр. 589—90).

Къ кораблю, везущему въ Аѳины Виргилія [3]).

(Горація).

Богиня Кипра [4]) твой да сохраняетъ путь,
Елены братія [5]), блестящія свѣтила,

---

[1]) Древніе расписывали корму кораблей, и Горацій намекаетъ на внѣшній блескъ Рима, на который въ опасности также мало надежды, какъ на расписанную корму корабля.

[2]) Циклады — группа острововъ близъ Делоса; по причинѣ бурныхъ прибоевъ у береговъ ихъ, они выставлены Гораціемъ въ примѣръ опасности.

[3]) Виргилій уѣзжалъ въ Грецію, чтобъ заняться окончательно обработкой «Энеиды». Виргилій былъ другъ Горація. Виргилій и другой поэтъ Луцій Варій, очарованные стихами Горація, представили его 716 года Меценату. Горацій постоянно съ восторгомъ отзывается о Луціи Варіи и Виргиліи, какъ о лучшихъ своихъ друзьяхъ. Объ «Энеидѣ» см. 1 вып. нашей Христоматіи. Стр. 406—8.

[4]) На островѣ Кипрѣ чтили Венеру, оттого: Киприда.

[5]) Касторъ и Поллуксъ, которыхъ созвѣздіе было путеводнымъ для моряковъ. *Благовѣщенскій.*

И самъ отецъ вѣтровъ, не позволяя дуть
Всѣмъ прочимъ, одному Япигѣ [1]) давши крыла.
Тебя, которому Виргилій ввѣренъ самъ,
Молю тебя, корабль, снеси черезъ пучину
Его мнѣ бережно къ Аттическимъ брегамъ
И сохрани души другую половину.
Могучій — тотъ рожденъ былъ съ мѣдію тройной
Вокругъ груди, кто спустилъ въ бушующее море
Впервые утлый челнъ, не устрашась душой
Ни злаго Африка [2]), что съ Асквилономъ въ спорѣ,
Ни плачущихъ Гіадъ [3]), ни Нота мощныхъ крылъ,
Который равнаго соперника не знаетъ,
И море изо всѣхъ вѣтровъ поработилъ
Вздымаетъ ли волну, иль волны укрощаетъ.
Какихъ мучительныхъ не ждалъ себѣ смертей,
Кто взоромъ, блещущимъ испытанностью давней,
Видалъ пловучія чудовища морей
И пресловутый твой утесъ, Акрокеравній [4])!
Вотще премудрый богъ рѣшилъ разъединить
Брега между собой широкимъ океаномъ,
Коль святотатственный челнокъ перескочить
Дерзнулъ чрезъ глубину въ насмѣшку ураганамъ.
Въ безумствѣ дерзостномъ отважный родъ людской
Пускается на все, не вѣдая запрета;
Божественный огонь коварностію злой
Похитилъ для людей отважный сынъ Япета [5])....
Съ небесъ похищенный огонь съ собой навлекъ
На землю дряхлости болѣзненной припадки,
И, жизни сократя необходимый срокъ,
Толпой нахлынули впервые лихорадки [6]).
Дедалъ [7]) отважился на крыльяхъ нелюдскихъ

---

[1]) Западный вѣтеръ.

[2]) Южный вѣтеръ, сопровождаемый ужасными бурями; Аквилонъ—сѣверный.

[3]) Восхожденіе и захожденіе Гіадъ сопровождались дождями, южный же вѣтеръ Нотъ болѣе всѣхъ тревожитъ Адрій (Адріатическое море), потому что прочіе вѣтры слабѣютъ, пролетая по землямъ.

[4]) Отъ *ἄκρος*—высокій, *κεραυνος*—молнія: утесъ въ Эпирѣ. Нынѣ: il Monte della Chimera.

[5]) Прометей, сынъ Титана Япета и Нимфы Азіи.

[6]) Люди благой даръ Прометея—огонь—употребили во зло и тѣмъ навлекли на себя болѣзни и преждевременную смерть.

[7]) Дедалъ, сынъ Аѳинянина Эвполема, улетѣлъ съ сыномъ своимъ Икаромъ съ острова Крита, но Икаръ, приблизясь слишкомъ къ солнцу, отчего восковыя его крылья растаяли, упалъ въ Эгейское море, получившее съ тѣхъ поръ названіе Икарскаго.

Пустыни зыбкія извѣдать небосклона;
Трудъ Геркулесовскій завѣтнаго достигъ,
Прорвавшись наконецъ до мрака Ахерона [1]).
Нѣтъ неприступнаго для смертныхъ ничего:
Мы въ небо просимся, безумiемъ влекомы,
И не хотимъ мы дать мгновенья одного
Зевесу положить карающіе громы.

Фетъ.

Примѣч. — Тема: Разъяснить смыслъ этой оды. — Нѣтъ ли въ ней сходства съ нѣкоторыми мыслями оды Державина «Богъ»?

Къ больному Меценату [2]).

(*Горацій*).

Къ чему плачевный стонъ меня терзаетъ твой?
Мнѣ боги изрекать не станутъ приговора,
Чтобъ ты, о Меценатъ! отшелъ передо мной,
Отрада дней моихъ и сильная опора.
Ахъ, еслибъ часть души въ тебѣ меня лишилъ
Злой рокъ до времени, съ другою половиной
Къ чему останусь я, ни самъ себѣ не милъ,
Ни въ силахъ прошлое возстановить кручиной?
Въ одинъ и тотъ же день со мною ты умрешь.
Не даромъ я клялся въ душѣ нелицемѣрной:
Иду, иду съ тобой, куда ни поведешь,
Послѣдняго пути твой сотоварищъ вѣрной.
Дыханье грозное химеры огневой [3]),
И самъ сторукій Гигъ, хотя бы воскресили [4])
Его, не разлучатъ во вѣкъ меня съ тобой.
Такъ правда мощная и Парки такъ рѣшили.
Живу ль подъ знакомъ я таинственнымъ Вѣсовъ [5]),
Иль страшный Скорпіонъ участье принялъ рано

---

[1]) Изъ всѣхъ 12-ти трудовъ Геркулеса самый тяжелый — нисхожденіе во адъ.

[2]) Время появленія этой оды опредѣляется различно. Одни относятъ къ 728 году, а другіе къ 733 или 734. *Благовѣщ.*

[3]) Многіе писатели представляютъ химеру чудовищемъ, изрыгающимъ пламя.

[4]) У исполина Гига, сына неба и земли, было сто рукъ и пятьдесятъ головъ.

[5]) По астрономическимъ понятіямъ древнихъ, знакъ Вѣсовъ обѣщалъ родившемуся подъ нимъ силу и мудрость; Скорпіонъ считался неблагопріятнымъ, а знакъ Козерога вызывалъ бурю.

Въ теченіи моихъ пожизненныхъ часовъ,
Иль Козерогъ, тиранъ волненій океана —
Невѣроятное сочувствіе у насъ
Съ тобой въ созвѣздіяхъ. Тебя рукой могучей
Юпитеръ осѣнилъ и отъ Сатурна спасъ [1]),
А крылья у судьбы остановилъ летучей,
Когда народъ толпой три раза огласилъ
Тебѣ во срѣтенье кругомъ театръ гремящій...
Меня древесный стволъ навѣрно бы убилъ,
Упавши въ голову, когда бы Фавнъ, хранящій [2])
Сыновъ Меркурія, искусною рукой
Не отклонилъ бѣды. О жертвоприношеньи
И храмѣ не забудь, обѣщанномъ тобой [3]);
Ягненка принесу на жертву я въ смиреньи.

Фетъ.

Примѣч. — Слова Благовѣщенскаго: «Нигдѣ любовь нашего поэта къ Меценату [4]) не выразилась такъ сильно, какъ въ этомъ стихотвореніи. Для Горація невыносима мысль, что онъ можетъ лишиться своего друга и благодѣтеля, котораго тревожила боязнь близкой кончины. Поэтъ говоритъ, что онъ не переживетъ этой кончины. Предчувствіе поэта сбылось. Онъ пережилъ своего друга нѣсколькими недѣлями, и даже не успѣлъ оплакать его кончины въ особомъ стихотвореніи. Меценатъ умеръ, послѣ долгихъ страданій, на осьмомъ году до Р. Хр. Въ томъ же году, 27-го ноября, не стало и Горація.» Поэтъ неоднократно обращается въ своихъ сочиненіяхъ къ Меценату. Сводъ этихъ мѣстъ представленъ, между прочимъ, Франдзеномъ. Нѣмецкій ученый свое изслѣдованіе (о жизни Мецената) заключаетъ слѣдующими словами: «Изъ этого обозрѣнія стихотвореній Горація, имѣющихъ отношеніе къ Меценату, ясно видно, что поэтъ не какой-нибудь продажный льстецъ. Горацій, хотя и выставляетъ хорошія стороны въ характерѣ своего друга и, разумѣется не очень сильно порицаетъ его недостатки, но за то не умалчиваетъ и о слабостяхъ Мецената и говоритъ о нихъ безъ особенной снисходительности. Все это служитъ доказательствомъ тонкаго ума и благороднаго сердца поэта; но съ другой стороны, и Меценату немало дѣлаетъ чести то, что онъ считалъ его болѣе достойнымъ своей дружбы, чѣмъ всѣхъ другихъ, и исторія Римской поэзіи навсегда сохранитъ почетное о немъ воспоминаніе вмѣстѣ

---

[1]) По понятіямъ астрологовъ, звѣзды имѣли вліяніе одна на другую. Въ этомъ мѣстѣ благодѣтельная звѣзда Юпитера спасаетъ Мецената отъ пагубнаго Сатурна.

[2]) Фавнъ — богъ лѣсовъ, самъ у поэтовъ является вѣщимъ. Вотъ почему онъ охраняетъ поэта, любимца Меркурія.

[3]) Богатые Римляне, по выздоровленіи, строили храмы. Вѣроятно, и Меценатъ обѣщалъ построить храмъ, а смиренный поэтъ въ состояніи только принести въ жертву ягненка.

[4]) Меценатъ—потомокъ одной изъ самыхъ аристократическихъ фамилій Рима. Онъ имѣлъ благодѣтельное вліяніе на Августа. «Встань же, наконецъ, палачъ!» сказалъ разъ Меценатъ Августу, подписывавшему въ судѣ смертные приговоры. Народъ любилъ Мецената, рукоплескалъ ему въ театрѣ. Знаменитый человѣкъ обратилъ особенное вниманіе на литературу и покровительствовалъ писателямъ.

съ памятью о знаменитомъ писателѣ, который пользовался его расположеніемъ.» Къ этимъ словамъ Нѣмецкаго ученаго мы, говоритъ Благовѣщенскій, съ своей стороны прибавимъ, что поведеніе Горація въ отношеніи къ Меценату отличалось не только благородствомъ, но и необыкновеннымъ тактомъ. Горацій неподражаемо-хорошо умѣлъ въ своихъ произведеніяхъ привести въ гармонію тонъ полнаго равенства съ отсутствіемъ ребяческой заносчивости и съ должнымъ уваженіемъ къ просвѣщенному аристократу. «Горацій независимо велъ себя въ отношеніи Мецената. Поэтъ былъ благородно-гордъ передъ нимъ. Для сего прочтите седьмое посланіе (1-й книги). Тутъ Горацій прямо говоритъ ему, что онъ готовъ отдать Меценату всѣ его подарки, дабы только имѣть возможность располагать собою по произволу. Поэтъ, между прочимъ, вотъ какую басню вводитъ въ посланіе: «Полевая мышь забралась какъ-то чрезъ узкую щель въ хлѣбный амбаръ, отъѣлась тамъ и, разжирѣвъ, безуспѣшно старалась выползти назадъ. Если ты хочешь, сказалъ ей при этомъ издали хорекъ, выйти изъ амбара, то должна проползти чрезъ узкую щель такою же тощею, какою вошла туда. Если смыслъ этой басни относится ко мнѣ, продолжаетъ поэтъ, то я отъ всего отказываюсь. Я... не промѣняю моего покоя, моей свободы на всѣ богатства Аравіи.» (Отеч. Зап. 1857, № 6, стр. 701—703, 697—8).

Къ друзьямъ [1]).

(Горація).

Теперь давайте пить и вольною пятою
О землю ударять; теперь, о други, намъ
Пора Саллійскихъ яствъ украсить чередою [2])
Подстилки божествамъ [3]).
Дотолѣ было грѣхъ изъ отчаго подвала
Старинный цекубъ брать, преступно было пить [4]),
Пока царица [5]) насъ поработить мечтала,
А Капитолій срыть.
Съ толпой своихъ мущинъ болѣзненной
Мечтала такъ она о томъ, что выше силъ,

---

[1]) Въ сентябрѣ 724 года М. Туллій Цицеронъ (сынъ оратора) привезъ извѣстіе о смерти Антонія и Клеопатры и о взятіи Александріи. Въ этой одѣ, принадлежащей къ лучшимъ произведеніямъ Горація, поэтъ, не смотря на ненависть къ Клеопатрѣ, какъ врагу отечества, отдаетъ справедливость величію ея духа.

[2]) Для Саллійскихъ жрецовъ учреждались богатыя пиршества, такъ что современемъ всѣ роскошные пиры и яства назывались Саллійскими.

[3]) Въ торжеств. случаяхъ, при изліяніи благодарности, для укрощенія гнѣва боговъ, предъ изваяніями ихъ ставили изысканныя яства, на особенныхъ подстилкахъ: *pulvinar*.

[4]) Цекубъ — Кампанское вино, получившее названіе отъ горы того же имени.

[5]) Клеопатра.

Вполнѣ упоена улыбкой счастья сладкой...
Но гордость усмирилъ
Едва одинъ корабль, бѣжавшій истребленья [1]) —
И духъ спасавшейся къ родимымъ берегамъ
Ей Цезарь протрезвилъ отъ чада опьяненья [2]),
На веслахъ по волнамъ.
Погнавшись ей во слѣдъ (такъ гонитъ ястребъ горный
Пугливыхъ голубей, иль зайца такъ точь-въ-точь
Въ лѣсахъ Гемоніи [3]) слѣдитъ ловецъ проворный),
Чтобъ рока злую дочь [4])
Цѣпями оковать; но, смерти благородной
Взалкавши, мужества не женскаго полна,
Меча не устрашась, на дальный брегъ свободный
Не бросилась она [5]).
Нѣтъ, съ радостнымъ челомъ она взираетъ смѣло
На грустный свой чертогъ, и храбрая стократъ
Ласкаетъ лютыхъ змѣй, чтобъ царственное тѣло
Всосало черный ядъ [6]).
Обдумавъ смерть свою, достойную царицы,
На торжество врагамъ не отдалась она —
И не пошла рабой у гордой колесницы
Великая жена.

Фетъ.

Примѣч. — Слова Благовѣщенскаго: «Война противъ Антонія и Клеопатры и событія, находящіяся въ ближайшей связи съ этою катастрофою, вызвали у Горація нѣсколько стихотвореній въ похвалу побѣдителя, но и въ нихъ онъ менѣе всего является льстецомъ Августа. Такъ въ IX эподѣ, написанной по случаю битвы при Акціумѣ, поэтъ порицаетъ Антонія и, въ виду блистательной побѣды, въ двухъ словахъ хвалитъ подвигъ Августа. Для того, чтобы видѣть, какъ умѣренна эта похвала, не худо обратить вниманіе на описаніе битвы при Акціумѣ, составленное Виргиліемъ (Энеида VIII, 675 и слѣд.). — Оченъ близкую связь съ девятою эподою имѣетъ тридцать седьмая ода первой книги («къ Друзьямъ»). Хотя Антоній и обезславилъ себя при Акціумѣ тѣмъ, что еще до окончанія битвы бѣжалъ вслѣдъ за Клеопатрою, тѣмъ не менѣе онъ имѣлъ еще достаточно средствъ для продолженія войны. Не смотря на измѣну нѣкоторыхъ союзниковъ, у Антонія оставалось еще болѣе ста тысячъ вѣрнаго войска, которое готово было дать отпоръ

---

[1]) Прозаикъ сказалъ-бы: ея гордость усмирилась, когда изъ всего флота одинъ корабль, да и тотъ едва уцѣлѣлъ, но поэтъ говоритъ: едва одинъ и пр.

[2]) Намекается на пиры Антонія и Клеопатры.

[3]) Гемоніей называлась сѣверная часть Ѳессаліи.

[4]) Клеопатра долгое время была роковой для Рима.

[5]) Не бѣжала изъ Александріи.

[6]) Клеопатра не безъ основанія боялась идти за тріумфальной колесницей. Проперцій говоритъ, что самъ видѣлъ, какъ несли ея статую, у которой рука была обвита аспидомъ.

Октавіану. Въ Римѣ знали это, и потому многіе въ страхѣ ожидали развязки кровавой драмы, которая началась при Акціумѣ. При такихъ обстоятельствахъ получено было извѣстіе о томъ, что Октавіанъ Цезарь овладѣлъ Александріею и, вслѣдъ за тѣмъ, цѣлымъ Египтомъ, а Антоній и Клеопатра лишили себя жизни. Восторгъ, возбужденный въ столицѣ Италіи этимъ извѣстіемъ, былъ, можно сказать, общій. Съ Антоніемъ исчезъ послѣдній поводъ къ гражданской распрѣ, которая такъ долго терзала Римское государство. Радость, которую Горацій выразилъ при этомъ случаѣ въ упомянутомъ стихотвореніи, была, конечно, не притворна и онъ отъ души приглашалъ своихъ друзей отпраздновать ее какъ должно. Горацій и здѣсь проникнутъ негодованіемъ при мысли, что повелительница варваровъ готовилась царить въ Римѣ, но съ другой стороны, поэтъ отдаетъ полную справедливость благородной рѣшительности Клеопатры умереть, чтобъ не послужить украшеніемъ тріумфу побѣдителя. Вообще справедливость составляетъ свѣтлую и привлекательную черту въ поэзіи Горація. Возвышаясь надъ простымъ чувствомъ, отвлекаясь отъ политическихъ и всякихъ другихъ предубѣжденій, онъ всегда безпристрастно выражаетъ и свою симпатію и свое отвращеніе». (Отеч. Зап. 1857, № 10, стр. 499—500). Приверженцы реформы (совершаемой Августомъ) еще до 725 года (годъ Акціумской битвы) старались вызвать поэта къ прославленію подвиговъ Августа. Горацій постоянно отклонялъ отъ себя подобныя просьбы, потому что, вѣроятно, не довѣрялъ еще въ это время своему новому чувству (приверженности къ монархическимъ убѣжденіямъ). Въ такомъ тонѣ онъ отвѣчалъ Агриппѣ (6-я ода 1-й книги) и самому Меценату (12-я ода II-й книги) на предложеніе его написать лирическій панегирикъ Октавіану, который возвращался въ Римъ побѣдителемъ Антонія. Смыслъ всѣхъ подобныхъ отвѣтовъ друзьямъ и сторонникамъ Августа можно выразить въ слѣд. словахъ: «Я не чувствую въ себѣ призванія быть Гомеромъ вашихъ подвиговъ». (Тамъ-же, стр. 503).

Къ Цезарю Августу [1]).

(Горація).

Какого ты мужа, какого героя,
О Кліо! на лирѣ иль флейтѣ прославишь?
На имя ли бога ты эхо живое
Отгрянуть заставишь?
Долинъ Геликона въ дубравѣ-ль тѣнистой?
На Пиндѣ [2]), иль Гемѣ, незнающемъ зною,
Откуда деревья Орфей голосистой
Увлекъ за собою?

---

[1]) Эта ода написана въ 725 г., въ честь Августа, возвратившагося послѣ побѣдъ надъ Парѳянами, Галлами и др. и усыновившаго въ томъ-же году М. Марцелла, сына сестры своей, Октавіи.

[2]) Горы: Геликонъ въ Беотіи, Пиндъ въ Ѳессаліи и Гемъ (Haemus) во Ѳракіи.

Искусствомъ наслѣднымъ умѣлъ оковать онъ
И быструю рѣку и вѣтеръ летучій,
И чуткому дубу былъ сладко понятенъ
Струною пѣвучей.
Что́ прежде скажу я хваленій обычныхъ
Отцу и людей [1]) и безсмертныхъ, который
И море и сушу умѣрилъ въ годичныхъ
Смѣненіяхъ Горы [2])!
По немъ же — отъ вѣка сильнѣйшаго чада,
Ни равнаго міръ, ни втораго не знаетъ...
Ближайшую почесть однакожъ Паллада
Пускай занимаетъ: —
Отважнаго Вакха забуду ль струною,
Забуду ли дѣву полночнаго неба
Звѣрямъ роковую [3]), иль мѣткой стрѣлою
Грозящаго Феба?
Алкида ль прославлю, иль мальчиковъ Леды [4])?
Того на коняхъ, а другаго на скорыхъ
Кулачныхъ сраженіяхъ любимцевъ побѣды,
Созвѣздье которыхъ
Пловцамъ лишь зеблещетъ — и влага сѣдая
Стекаетъ съ утесовъ — и вѣтеръ стихаетъ,
И на морѣ бурномъ, ихъ волѣ внимая,
Волна опадаетъ.
За ними не знаю: древнѣйшаго ль трона [5])
Я вѣкъ весною? Вѣкъ ли Нумы спокойный?
Тарквинія ль гордыя связки [6]), Катона
Конецъ ли достойный [7])?
Ты, Регулъ, вы, Скавры [8]), ты, Павлъ, расточавшій

---

[1]) Юпитеру.

[2]) Горы — богини временъ года.

[3]) Діану.

[4]) Касторъ и Поллуксъ.

[5]) Вѣкъ Ромула.

[6]) Увлекаясь эпитетомъ «гордыя», не должно относить этихъ словъ къ Тарквинію — Гордому. Изчисляя боговъ и славныхъ мужей, Горацій не сталъ бы поминать этого царя. Онъ говоритъ о Тарквиніи — Древнемъ, пятомъ царѣ Римскомъ, который украсилъ городъ и ввелъ съ другими знаками величія и связки, носимыя ликторами, которые потому и названы Гораціемъ гордыми.

[7]) Послѣ Ѳарсальской битвы, М. Катонъ Младшій, желая по словамъ Валерія Максима, предпочесть жизни безъ славы славу безъ жизни, прокололъ себя мечомъ и умеръ, сорвавъ сдѣланную ему перевязку.

[8]) Маркъ Эмилій Скавръ, сынъ угольщика, прославился строгостью жизни, а сынъ его, М. Скавръ былъ правителемъ Сардиніи.

Великую душу мечамъ Карѳагена [1]),
И ты, о Фабриций [2])! о васъ прозвучавши,
Гордится Камена.
Тебя, и съ главою косматой Дентата [3]),
На бранную доблесть — равно и Камилла [4]) —
Суровая бѣдность, да отчая хата
Полей породила.
Ростетъ непримѣтно, какъ дерево лѣтомъ,
Марцеллова слава [5]), и всѣ предъ звѣздою [6]),
О Юлій, твоею — что̀ меньше свѣтомъ
Огни предъ луною.
Отецъ мірозданья и вѣчный блюститель!
Ты Цезарю въ стражи избранный судьбами,
Даруй, чтобъ второй по тебѣ повелитель
Былъ Цезарь надъ нами.
Ведетъ ли въ тріумфѣ, отрадномъ гордынѣ,
Онъ Парѳовъ, предъ Римомъ кичливыхъ безъ мѣры [7]),
Дрожатъ ли предъ мощнымъ въ восточной пустынѣ
Индійцы и Серы [8]),
Меньшой по тебѣ, онъ да правитъ вселенной [9]);
Ты жъ горній Олимпъ сотрясай колесницей,
Ты рощи нечистыя жги раздраженной
Громовой десницей.

Фетъ.

---

[1]) Послѣ страшнаго пораженія при Каннахъ, Л. Эмилій Павлъ, сидя раненый на полѣ сраженія, отказался отъ лошади, на которой могъ бы ускакать, и погибъ добровольно отъ мечей Карѳагенянъ.

[2]) Кай Фабриций, котораго честности удивлялся Пирръ.

[3]) Курій Дентатъ, полководецъ, извѣстный безкорыстіемъ и собственными руками воздѣлывавшій поля; придерживаясь древнему обычаю, никогда не чесалъ головы и не брилъ бороды.

[4]) Маркъ Фурій Камиллъ приказалъ связать руки учителю изъ осажденной Фалеріи, и приведеннымъ въ заложники ученикамъ гнать его обратно въ городъ розгами.

[5]) Марцеллъ, женатый на Юліи, дочери Августа, и усыновленный имъ, подавалъ самыя блестящія надежды.

[6]) Не должно, по примѣру многихъ объяснителей, подъ звѣздою Юлія разумѣть Юлія Цезаря, о которомъ Горацій весьма рѣдко, и то вскользь, вспоминаетъ. Поэтъ заключаетъ рядъ великихъ людей любимцемъ Августа, Марцелломъ, и наконецъ самимъ Августомъ, котораго онъ называетъ звѣздою Юлія отъ Іула, сына Энея.

[7]) Парѳы—постоянные враги Рима.

[8]) Индійцы и Серы, жившіе на самомъ отдаленномъ востокѣ, прислали просить расположенія Августа.

[9]) Поэтъ какъ бы раздѣляетъ владычество на землѣ и небѣ между Августомъ и Юпитеромъ.

Примѣч. — Слова Благовѣщенскаго: «Любопытны для насъ тѣ произведенія Горація, гдѣ онъ, не смотря на свои отношенія къ Августу, открыто славитъ благороднѣйшихъ представителей Римской республики, и при томъ такихъ, которые были открытыми врагами Юлія Цезаря и его пріемника. Вообще между стихотвореніями Горація не мало встрѣчается такихъ, которыя, конечно, многихъ должны были удивлять въ Римѣ своею смѣлостію. Такъ напр. въ то время, когда все соревновало въ лести къ Августу, Горацій въ одѣ своей «къ Азинію Полліону», который трудился надъ исторіею войны между Помпеемъ и Цезаремъ, почтилъ память Катона Утическаго, не хотѣвшаго пережить паденія Римской республики... *Еще замѣчательнѣе,* что въ одной изъ одъ своихъ «къ Августу», современной приведенному стихотворенію, Горацій не побоялся славить «благородную смерть Катона» (Catonis nobile letum) и поставить его имя рядомъ съ знаменитѣйшими именами Римской исторіи. Горацій — мы можемъ это смѣло сказать — вездѣ выказываетъ благородный образъ мыслей; вездѣ, гдѣ только представлялся удобный случай, онъ славитъ знаменитыхъ людей изъ лучшей поры Римской республики, и, проникнутый сочувствіемъ и удивленіемъ къ нравамъ этой эпохи [1]), скорбитъ объ упадкѣ Римской доблести. — Какъ же согласить эти чувства Горація съ его переходомъ на сторону реформы, которая уничтожила Римскую республику? Въ этомъ мы не видимъ никакого психологическаго противорѣчія. Выказывая открыто свое сочувствіе ко всѣмъ благороднымъ проявленіямъ Римской жизни, въ лучшую пору ея существованія, Горацій платилъ дань своему чувству, но умъ преобладаетъ у него надъ чувствомъ. Зрѣлое и спокойное размышленіе открыло ему новую сторону вопроса о политическихъ нуждахъ Рима, и поэтъ убѣдился, что идея, которой онъ служилъ такъ честно, въ сущности прекрасная и возвышенная, была не по плечу измельчавшему поколѣнію его современниковъ. За этотъ именно умъ, за преобладаніе ума надъ чувствомъ мы искренно уважаемъ Горація. Чувствительныхъ и увлекающихся людей всегда было много на свѣтѣ, по крайней мѣрѣ, го-

---

[1]) Вотъ эта замѣчательная ода:

Къ Роскоши своего вѣка.

За десятиной десятину
Дворцамъ все уступаетъ плугъ;
Подобно озеру Лукрину *),
Пруды раскинулись вокругъ;
Все кленъ безбрачный, ильмовъ мало **),
Средь миртъ фіалка расцвѣла,
Гдѣ у хозяина, бывало,
Съ плодами маслина росла.
Хотятъ, чтобъ лавръ, листвой укрытый,
Лучи полудня укрощалъ...
Не такъ судилъ Катонъ небритый ***),
Не то намъ Ромулъ завѣщалъ:
Свои у нихъ скудѣли клады —
Но общій былъ обогащенъ,
И портикъ длинный для прохлады
На сѣверъ не былъ обращенъ ****).
Гражданамъ кирпичомъ дерновымъ
Претилъ законъ пренебрегать *****),
Казнѣ внушая камнемъ новымъ
Градскіе храмы украшать.

Фетъ.

*) Озеро Лукринъ, близъ Баи, отличалось большимъ количествомъ водившейся въ немъ рыбы.

**) Вокругъ прямыхъ ильмовъ вились виноградныя лозы, а раскидистый кленъ для этого неудобенъ, почему Горацій называетъ его безбрачнымъ.

***) Катонъ-Древній, не Утическій, извѣстенъ суровою жизнію.

****) Римляне временъ Горація строили длинные портики, обращенные на сѣверъ, для того, чтобъ полуденные лучи въ нихъ не проникали.

*****) Горацій только хочетъ сказать, что законъ воспрещалъ лицамъ роскошныя постройки и что древніе Римляне на подобныя употребляли дерновый кирпичъ.

раздо больше, чѣмъ людей истинно-умныхъ. При всемъ уваженіи къ чувству, которое составляетъ такую необходимую принадлежность въ нашей нравственной природѣ, отъ человѣка, который хочетъ жить не безплодно, будемъ требовать прежде всего ума зрѣлаго и стойкаго. Иначе даже тѣ, которые увлекаются отъ недостатка самостоятельности и оригинальности, этихъ слабоумныхъ поклонниковъ всякой ѳемерной идеи, нерѣдко проповѣдуемой какимъ-нибудь мѣстнымъ микроскопическимъ авторитетомъ, придется поставить выше многихъ людей мыслящихъ.» (Отечествен. Зап. 1857, № 10, стр. 505—507).

Слова его же: «Въ приведенной одѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ произведеніяхъ Горація говорится объ Августѣ, какъ о божествѣ. Эта апоѳеоза Римскаго цезаря, которая, впрочемъ, не принадлежитъ исключительно Горацію, а господствуетъ и у другихъ современныхъ ему писателей, легко можетъ показаться новому читателю невыносимою и преступною лестью, если онъ не обратитъ вниманія на значеніе ея въ древности [1])». За тѣмъ Благовѣщенскій указываетъ на заслуги, оказанныя Августомъ Римскому народу. Эти заслуги такъ велики, что, дѣйствительно, поэтъ могъ говорить объ Августѣ какъ о божествѣ. (Отеч. Зап. 1857, № 12, стр. 495—505).

Вальгію [2]).

(Горація).

(*Вальгій*, превосходный эпическій и элегическій поэтъ, котораго Тибуллъ ставитъ на ряду съ Гомеромъ, безпрестанно оплакивалъ въ стихахъ кончину *Миста*, кажется, сына. — *Арменія*, прилегающая къ Каспійскому морю, была извѣстна суровостью и продолжительностью зимы. — *Весперъ* — вечерняя звѣзда. — *Антилохъ* — сынъ старца Нестора, по преданію, жившаго три вѣка. — *Троилъ*, сынъ Пріама, въ юныхъ лѣтахъ убитъ Ахиллесомъ. — *Нифатъ* — гора между Арменіей и Ассиріей. — *Рѣка Мидянъ* — Евфратъ, прибрежные жители которой были смирены при Августѣ. — *Гелоны*, Скиѳскій народъ, жили за Дономъ).

---

[1]) Въ 727 году Сенатъ торжественно декретомъ своимъ возвелъ Октавіана Августа въ рангъ божества. Съ 735 года въ самомъ Римѣ появилось множество алтарей, воздвигнутыхъ въ честь Августа. Слѣд. Горацій былъ только выраженіемъ симпатій народныхъ, а не льстецомъ. Онъ въ этомъ случаѣ велъ себя лучше своихъ собратовъ по литературѣ. Не раньше 727 года Горацій сталъ говорить объ Августѣ, какъ божествѣ, между тѣмъ какъ Варій, Виргилій и Овидій задолго до этого время величали Цезаря Юпитеромъ.

[2]) Оду относятъ къ 735 году, когда Августъ возвратилъ Римскихъ орловъ, утраченныхъ Крассомъ въ войнѣ съ Мидянами, а Лентулъ покорилъ Гелоновъ (Скиѳское племя, жившее на берегахъ *Днѣпра*).

Другъ, не всегда же дождь изъ тучи
Льетъ на изрытыя поля,
И Каспій хо̀лмится кипучій
Отъ бурь неровныхъ, и земля
Арменіи стоитъ въ оковахъ
Льда неподвижнаго, и свистъ
Вѣтровъ качаетъ высь дубовыхъ
Лѣсовъ, и ясень сыплетъ листъ.
Твоя лишь пѣсня безутѣшно
О Мистѣ плачетъ и дрожитъ,
Встаетъ ли Весперъ, иль поспѣшно
Отъ солнца быстраго бѣжитъ.
Но вѣдь объ Антилохѣ миломъ
Не три же вѣка, все стеня,
Жалѣлъ старикъ, и надъ Троиломъ
Не вѣчно плакала родня.
Довольно жалобъ! Лучше новымъ
Трофеямъ посвятимъ напѣвъ....
Нифатъ сдался съ челомъ суровымъ;
Межъ побѣжденныхъ присмирѣвъ,
Рѣка Мидянъ не плещетъ бѣлыхъ
Валовъ и не крутитъ на днѣ,
И въ у[illegible]рочепныхъ предѣлахъ
Гелонъ [illegible]рцуетъ на конѣ.

Крешевъ.

Корыстолюбцу [1]).

(Горація).

(Гиметъ—гора въ Аттикѣ, славилась пчелами и мраморомъ.—*Атталъ*, Пергамскій царь, отказалъ свои богатства Римскому народу, но Аристоникъ объявилъ притязанія на это наслѣдство, покуда наконецъ Римскій консулъ, Перпенна, не взялъ его въ плѣнъ, и не отвезъ сокровищъ въ Римъ. — *Сабины* — помѣстье Горація.— *Баи* — городъ въ Кампаніи, знаменитый купальнями. — *Оркусъ* — Римскій Плутонъ, богъ ада. — *Стражъ подземныхъ водъ* — Харонъ.)

---

[1]) Въ жизни и твореніяхъ Горація преобладаетъ довольство природой и вещами первой необходимости, соединенное съ враждебнымъ противодѣйствіемъ слѣпой безотчетной корысти. Подобно многимъ другимъ, и эта ода изчерпываетъ задушевныя мысли поэта, касательно упомянутыхъ предметовъ.

Въ жильѣ моемъ вдоль стѣнъ не блещетъ позолота,
Не вьется изъ кости узоръ;
Гиметскій архитравъ не прибавляетъ гнёта
Столбамъ, изсѣченнымъ изъ горъ
Далекой Африки; въ Атталовы чертоги
Я не врывался, какъ пришлецъ;
Кліентки не прядутъ мнѣ для пурпурной тоги
Руна пушистаго овецъ.
За то я сердцемъ чистъ, и въ немъ — даръ силы вышней —
Кипитъ поэзія ключемъ;
Я не прошу боговъ о милости излишней;
Бѣднякъ, но чтимый богачемъ,
У дружбы сильныхъ я не вымоляю дара:
Съ меня довольно и Сабинъ [1])!
День дню бѣжитъ во слѣдъ; луна опять изъ шара
Въ серпъ обращается.... Но, сынъ
Корысти, въ гробъ скользя, еще ты мраморъ гордый
Пилишь на плиты; позабывъ
О смерти, строишь домъ; тебѣ ужъ мало твердой
Земли, и, кажется, въ заливъ,
Шумящій возлѣ Бай, ты хочешь сдвинуть берегъ....
Да, алчный человѣкъ! Скажи,
Не ты ли на полѣ сосѣда, въ часъ сумерекъ,
Срывалъ священныя межи
И у кліентовъ мялъ снопы на бѣдныхъ пашняхъ?
Тобою изгнаны — гляди!
Мужъ и жена, въ слезахъ, несутъ боговъ домашнихъ
И чадъ, прижавшихся къ груди....
Но — вѣрно лишь одно богатому жилище:
Въ селеньяхъ Орковыхъ оно!
О чемъ хлопочешь ты? И сынъ вельможъ, и нищій
Землей поглотятся равно.
За горсти золота не вывезъ Прометея
Изъ ада стражъ подземныхъ водъ;
Тантала держитъ онъ, гдѣ узы, тяготѣя,
Легли на весь Танталовъ родъ,
И, званый или нѣтъ, въ положенное время
Снимаетъ съ бѣднаго тяжелой жизни бремя.

Крешевъ.

Примѣч. — Для сравненія близости переводовъ Крешева и Фета къ подлиннику приводимъ эту оду на Латинскомъ языкѣ и въ переводѣ Фета.

---

[1]) Помѣстье, подаренное Горацію Меценатомъ. См. статью Благовѣщенскаго «о Сабинскомъ помѣстьѣ Горація» въ Рус. Вѣст. 1857 г.

Carmen XVIII.

Non ebur neque aureum
Mea renidet in domo lacunar:
Non trabes Hymettiae
Premunt columnas ultima recisas
Africa: neque Attali
Ignotus haeres regiam occupavi:
Nec Laconicas mihi
Trahunt honestae purpuras clientae.
At fides et ingeni
Benigna vena est; pauperemque dives
Me petit; nihil supra
Deos lacesso: nec potentem amicum
Largiora flagito,
Satis beatus unicis Sabinis.
Truditur dies die,
Novaeque pergunt interire Lunae:
Tu secanda marmora
Locas sub ipsum funus; et, sepulchri
Immemor, struis domos;
Marisque Baiis obstrepentis urgues
Submovere litora,
Parum locuples continente ripa.
Quid? quod usque proximos
Revellis agri terminos, et ultra
Limites clientium
Salis avarus; pellitur, paternos
In sinu ferens Deos,
Et uxor et vir, sordidosque natos.
Nulla certior tamen,
Rapacis Orci fine, destinata
Aula divitem manet
Herum. Quid ultra tendis? Aequa tellus
Pauperi recluditur
Regumque pueris: nec satelles Orci
Callidum Promethea
Revexit avro captus. Hic superbum
Tantalum atque Tantali
Genus coërcet; hic levare functum
Pauperem laboribus
Vocatus atque non vocatus audit.

Horatius.

Къ Скупцамъ.

Слоновой костью не блистаетъ
Въ дому моемъ и златомъ потолокъ,
На рядъ столповъ не налегаетъ
Изъ мрамора Гиметскаго брусокъ;
Чертоговъ царственныхъ Аттала
Сомнительнымъ родствомъ я не стяжалъ,

Кліентка черная не ткала
Мнѣ никогда пурпурныхъ покрывалъ.
Но честь и жила вдохновенья
Во мнѣ чиста и, бѣдный, богачу
Я дорогъ: большаго значенья
Я отъ боговъ, отъ знатныхъ не хочу;
Другаго счастья мнѣ не нужно,
Когда однимъ Сабиномъ я богатъ.
За днями дни тѣснятся дружно
И новыхъ лунъ темнѣетъ свѣтлый рядъ.
Ты, полумертвый, нанимаешь
Каменоломни за день похоронъ;
И все дворцы сооружаешь,
И, Байскихъ волнъ прибоями прельщенъ,
Ты въ море берегъ новый ринулъ;
Тебѣ скудна земли недвижной дань;
Ты даже дерзко отодвинулъ
Полей сосѣднихъ вѣковую грань.
Скупецъ! за чуждыми межами
Ты властелинъ, и выгнаны изъ хатъ
Жена и мужъ несутъ съ богами
За пазухой непризрѣнныхъ ребятъ.
Межъ тѣмъ тебя, богачъ-властитель,
Вѣрнѣе всѣхъ прибѣжищъ суеты
Ждетъ мрачный край, ты Орка житель —
Такъ рѣшено. Куда жъ стремишься ты?
Земля пріемлетъ, не жалѣя,
И бѣдняка и царскихъ сыновей,
Харонъ за деньги Прометея
Не перевезъ изъ области тѣней.
Онъ вѣчно Тантальское племя
И Тантала во мракѣ сторожитъ,
И съ бѣдняка низвергнуть бремя,
Хоть будь онъ званъ, или не званъ, спѣшитъ.

Фетъ.

Къ Мельпоменѣ [1]).

(Горацій).

Воздвигъ я памятникъ вѣчнѣе мѣди прочной,
И зданій царственныхъ превыше пирамидъ;
Его ни ѣдкій дождь, ни аквилонъ полночной,
Ни рядъ безчисленный годовъ не истребитъ.

[1]) Горацій, посвящая въ 732 году, три первыя книги одъ Меценату, заключаетъ ихъ, въ видѣ эпилога, этой одой, въ которой онъ еще яснѣй, чѣмъ въ II, 20, говоритъ о важности своей заслуги и своемъ безсмертіи.

Нѣтъ, я не весь умру, и жизни лучшей долей,
Избѣгну похоронъ, и славный мой вѣнецъ
Все будетъ зеленѣть, доколѣ въ Капитолій
Съ безмолвной дѣвою верховный ходитъ жрецъ [1]).
Слухъ обо мнѣ пройдетъ на берегъ говорливый
Ауфида быстраго и до безводныхъ странъ [2]),
Гдѣ съ трона судитъ Давнъ [3]) народъ трудолюбивый —
Что изъ ничтожества былъ славой я избранъ,
За то, что первый я на голосъ Эолійскій [4])
Свелъ пѣснь Италіи. О, Мельпомена! свей
Въ награду мнѣ за трудъ сама вѣнецъ дельфійскій
И лавромъ увѣнчай руно моихъ кудрей.

Фетъ.

Примѣч. — Эта ода Горація имѣла безчисленныхъ подражателей, начиная съ Проперція и кончая Державинымъ и Пушкинымъ. Приводимъ здѣсь для сравненія стихотворенія того же названія двухъ послѣднихъ поэтовъ:

Памятникъ [5]).

Я памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный!
Металловъ тверже онъ и выше пирамидъ:
Ни вихрь его, ни громъ не сломитъ быстротечный
И времени полетъ его не сокрушитъ.
Такъ! Весь я не умру; но часть меня большая,
Отъ тлѣна убѣжавъ, по смерти станетъ жить,
И слава возрастетъ моя, не увядая,
Доколь Славяновъ родъ вселенна будетъ чтить.
Слухъ пройдетъ обо мнѣ отъ Бѣлыхъ водъ до Черныхъ,
Гдѣ Волга, Донъ, Нева, съ Рифея льетъ Уралъ;
Всякъ будетъ помнить то въ народахъ неисчетныхъ,
Какъ изъ безвѣстности я тѣмъ извѣстенъ сталъ,
Что первый я дерзнулъ въ забавномъ Русскомъ слогѣ [6])
О добродѣтеляхъ Фелицы [7]) возгласить,
Въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ [8])
И истину царямъ съ улыбкой говорить.
О Муза! возгордись заслугой справедливой
И презритъ кто тебя, сама тѣхъ презирай;

---

[1]) Доколь будутъ приноситься жертвы Вестѣ и Юпитеру Капитолійскому, слѣдовательно, по понятію Римлянъ, вѣчно.

[2]) Берега Ауфида — родина Горація.

[3]) Давнъ, первый царь Апуліи. Горацій и здѣсь земляковъ своихъ поставилъ на первомъ планѣ.

[4]) Горацій гордился тѣмъ, что первый началъ подражать Эолійскимъ пѣвцамъ.

[5]) Писано 1796 г.

[6]) Державинъ былъ первый изъ Русскихъ писателей, сочинявшій лирическія піэсы въ забавномъ слогѣ.

[7]) Екатерины II. «Фелица» напечатана ниже.

[8]) Разумѣется ода Державина «Богъ.» См. ниже.

Непринужденною рукой, неторопливой,
Чело твое зарей безсмертія вѣнчай.

Державинъ.

Памятникъ [1]).

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворной;
Къ нему не заростетъ народная тропа;
Вознесся выше онъ главою непокорной
Наполеонова столпа.

Нѣтъ! весь я не умру: душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ —
И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ пінтъ.

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ:
И гордый внукъ Славянъ, и Финъ, и нынѣ дикой
Тунгузъ, и другъ степей Калмыкъ.

И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ,
И милость къ падшимъ призывалъ.

Велѣнью Божію, о Муза, будь послушна!
Обиды не страшись, не требуй и вѣнца;
Хвалу и клевету пріемли равнодушно —
И не оспаривай глупца.

Пушкинъ.

Темы: Характеристика поэзіи Горація на основаніи его одъ.—Сравненіе «Памятника» Горація, Державина и Пушкина.

Ода.

Выбранная изъ Іова, главы 38, 39, 40 и 41.

О ты, что въ горести напрасно
На Бога ропщешь, человѣкъ!
Внимай, коль въ ревности ужасно,
Онъ къ Іову изъ тучи рекъ!
Сквозь дождь, сквозь вихрь, сквозь градъ блистая
И гласомъ громы прерывая,
Словами небо колебалъ,
И такъ его на распрю звалъ.

[1]) Сочинено въ 1836 г.

Збери свои всѣ силы нынѣ,
Мужайся, стой и дай отвѣтъ.
Гдѣ былъ ты, какъ я въ стройномъ чинѣ
Прекрасный сей устроилъ свѣтъ;
Когда я твердь земли поставилъ,
И сонмъ небесныхъ силъ прославилъ
Величество и власть мою?
Яви премудрость ты свою!

Гдѣ былъ ты, какъ передо мною
Безчисленны тьмы новыхъ звѣздъ,
Моей возженныхъ вдругъ рукою
Въ обширности безмѣрныхъ мѣстъ
Мое величество вѣщали;
Когда отъ солнца возсіяли
Повсюду новые лучи,
Когда взошла луна въ ночи?

Кто море удержалъ брегами,
И безднѣ положилъ предѣлъ,
И ей свирѣпыми волнами
Стремиться далѣ не велѣлъ?
Покрытою пучину мглою
Не я ли сильною рукою
Открылъ и разогналъ туманъ,
И съ суши сдвинулъ Океанъ?

Возмогъ ли ты хотя однажды
Велѣть ранѣе утру быть,
И нивы въ день томящей жажды
Дождемъ прохладнымъ напоить,
Пловцу способный вѣтръ направить,
Чтобъ въ пристани его поставить
И тяготу земли тряхнуть,
Дабы безбожныхъ съ ней сопхнуть?

Стремнинами путей ты разныхъ
Прошелъ ли моря глубину,
И счелъ ли чудъ многообразныхъ
Стада ходящія по дну?
Отверзлись ли передъ тобою
Всегдашнею прокрыты тьмою
Со страхомъ смертныя врата?
Ты стеръ ли адовы уста?

Стѣсняя вихремъ облакъ мрачный
Ты солнце можешь ли закрыть,
И воздухъ огустить прозрачный,
И молнію въ дождѣ родить,
И вдругъ быстротекущимъ блескомъ
И горъ сердца́ трясущимъ трескомъ
Концы вселенной колебать
И смертнымъ гнѣвъ свой возвѣщать?

Твоей ли хитростью взлетаетъ
Орелъ, на высоту паря,
По вѣтру крила простираетъ
И смотритъ въ рѣки и моря?
Отъ облакъ видитъ онъ высокихъ
Въ водахъ и пропастяхъ глубокихъ,
Что Я ему на пищу далъ.
Толь быстро око ты-ль создалъ?

Воззри въ лѣса на Бегемота,
Что Мною сотворенъ съ тобой;
Колючій тернъ его охота
Безвредно попирать ногой.
Какъ верьви сплетены въ немъ жилы.
Отвѣдай ты своей съ нимъ силы!
Въ немъ ребра какъ литая мѣдь;
Кто можетъ рогъ его сотрѣть?

Ты можешь ли Левіаѳана
На удѣ вытянуть на брегъ?
Въ самой срединѣ Океана
Онъ быстрой простираетъ бѣгъ;
Свѣтящимися чешуями
Покрытъ какъ мѣдными щитами,
Копье и мечь и молотъ твой
Щитаетъ за тростникъ гнилой.

Какъ жерновъ сердце онъ имѣетъ,
И зубы страшный рядъ серповъ:
Кто руку въ нихъ вложить посмѣетъ?
Всегда къ сраженью онъ готовъ;
На острыхъ камняхъ возлегаетъ,
И твердость оныхъ презираетъ,
Для крѣпости великихъ силъ,
Щитаетъ ихъ за мягкой илъ.

Когда ко брани устремится,
То море какъ котелъ кипитъ,
Какъ печь гортань его дымится,
Въ пучинѣ слѣдъ его горитъ;
Сверкаютъ очи раздраженны,
Какъ уголь въ горнилѣ разкаленный.
Всѣхъ сильныхъ онъ страшитъ гоня,
Кто можетъ стать противъ Меня?

Обширнаго громаду свѣта
Когда устроить Я хотѣлъ,
Просилъ ли твоего совѣта
Для множества толикихъ дѣлъ?
Какъ персть Я взялъ въ началѣ вѣка,
Дабы создати человѣка,
Зачѣмъ тогда ты не сказалъ,
Чтобъ видъ иной тебѣ Я далъ?

Сіе, о смертный, разсуждая,
Представь Зиждителеву власть,
Святую волю почитая,
Имѣй свою въ терпѣньи часть.
Онъ все на пользу нашу строитъ,
Казнитъ кого, или покоитъ.
Въ надеждѣ тяготу сноси,
И безъ роптанія проси.

Ломоносовъ.

Примѣч. — Прекрасный разборъ одъ Ломоносова написалъ Перевощиковъ. Представимъ выписку изъ его статьи: «*Оды духовныя.* Ломоносовъ переложилъ рѣчь Божію къ Іову и 8 псалмовъ. Первая хороша по силѣ чувства и картинамъ, но не показываетъ умопредставленія древнихъ патріарховъ, ихъ нравовъ, обстоятельствъ мѣстныхъ, что все въ книгѣ Іова изображено живо. — Въ строфѣ четвертой 5-й стихъ не имѣетъ грамматической связи съ послѣдующимъ.» (Вѣст. Европы 1822, ч. 126).

Всѣ критики единогласно признаютъ истинно-поэтическимъ начало пятой строфы. — Тема: — Укажите на другія замѣчательныя мѣста оды. — Разберите ее со стороны языка.

Утреннее размышленіе о Божіемъ величествѣ.

Уже прекрасное свѣтило
Простерло блескъ свой по земли,

И Божія дѣла открыло:
Мой духъ, съ веселіемъ внемли;
Чудяся яснымъ толь лучамъ,
Представь, каковъ Зиждитель самъ!

Когда бы смертнымъ толь высоко
Возможно было возлетѣть,
Чтобъ къ солнцу бренно наше око
Могло приближившись воззрѣть;
Тогда-бъ со всѣхъ открылся странъ
Горящій вѣчно Океанъ.

Тамъ огненны валы стремятся
И не находятъ береговъ,
Тамъ вихри пламенны крутятся
Борющись множество вѣковъ:
Тамъ камни, какъ вода, кипятъ,
Горящи тамъ дожди шумятъ.

Сія ужасная громада
Какъ искра предъ Тобой одна.
О коль пресвѣтлая лампада,
Тобою, Боже, возжена,
Для нашихъ повседневныхъ дѣлъ,
Что Ты творить намъ повелѣлъ.

Отъ мрачной нощи свободились
Поля, бугры, моря и лѣсъ
И взору нашему открылись
Исполнены Твоихъ чудесъ.
Тамъ всякая взываетъ плоть:
Великъ Зиждитель нашъ Господь!

Свѣтило дневное блистаетъ
Лишь только на поверхность тѣлъ;
Но взоръ Твой въ бездну проницаетъ,
Не зная никакихъ предѣлъ.
Отъ свѣтлости Твоихъ очей
Лiется радость твари всей.

Творецъ, покрытому мнѣ тьмою
Простри премудрости лучи,

И что угодно предъ Тобою
Всегда творити научи.
И на Твою взирая тварь
Хвалить Тебя, безсмертный Царь!

Ломоносовъ.

Примѣч. — Какую величественную картину здѣсь представляетъ Ломоносовъ? — Объясните ее. —

Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ, при случаѣ великаго сѣвернаго сіянія.

Лице свое скрываетъ день;
Поля покрыла мрачна ночь,
Взошла на горы черна тѣнь;
Лучи отъ насъ склонились прочь.
Открылась бездна звѣздъ полна;
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна.

Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ,
Какъ мала искра въ вѣчномъ льдѣ,
Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкій прахъ,
Въ свирѣпомъ какъ перо огнѣ,
Такъ я въ сей безднѣ углубленъ
Теряюсь, мысльми утомленъ.

Уста премудрыхъ намъ гласятъ:
Тамъ разныхъ множество свѣтовъ;
Несчетны солнца тамъ горятъ,
Народы тамъ и кругъ вѣковъ;
Для общей славы божества
Тамъ равна сила естества.

Но гдѣ-жъ, натура, твой законъ?
Съ полночныхъ странъ встаетъ заря;
Не сонце ль ставитъ тамъ свой тронъ?
Не льдисты ль мещутъ огнь моря?
Се хладный пламень насъ покрылъ!
Се въ нощь на землю день вступилъ!

О вы, которыхъ быстрой зракъ
Пронзаетъ въ книгу вѣчныхъ правъ,

Которымъ малый вещи знакъ
Являетъ естества уставъ!
Вамъ путь извѣстенъ всѣхъ планетъ!
Скажите, что насъ такъ мятетъ?

Что зыблетъ ясный ночью лучь?
Что тонкій пламень въ твердь разитъ?
Какъ молнія безъ грозныхъ тучъ
Стремится отъ земли въ зенитъ?
Какъ можетъ быть, чтобъ мерзлый паръ
Среди зимы раждалъ пожаръ?

Тамъ споритъ жирна мгла съ водой;
Иль солнечны лучи блестятъ,
Склонясь сквозь воздухъ къ намъ густой;
Иль тучныхъ горъ верьхи горятъ,
Иль въ морѣ дуть престалъ зефиръ,
И гладки во́лны бьютъ въ ѳиръ.

Сомнѣній полонъ вашъ отвѣтъ
О томъ, что окрестъ ближнихъ мѣстъ:
Скажите жъ, коль пространенъ свѣтъ?
И что малѣйшихъ далѣ звѣздъ?
Несвѣдомъ тварей вамъ конецъ:
Скажите жъ, коль великъ Творецъ!

Ломоносовъ.

Примѣч. — Здѣсь изображается сѣверное сіяніе. — Сравните съ нижеслѣдующимъ описаніемъ того же явленія природы у Козлова. — Чья картина выходитъ ярче? — Кто больше подмѣтилъ въ ней разныхъ сторонъ? —

Сѣверное Сіяніе.

Зажглося небо надо мной,
Горитъ кровавою зарей;
Волнуясь, Сѣверъ пламенѣетъ,
То весь багровый, то блѣднѣетъ,
И море зыбкаго огня
Готово хлынуть на меня.
Холоднымъ блескомъ рдяной ночи

Невольно ужаснулись очи;
Клубясь въ сверкающихъ волнахъ,
Столбы багряные явились,
То расходились, то сходились,
Сливались, таяли въ лучахъ,
Иль, разсыпаяся, дымились;
И зарево съ высотъ небесъ
Сіянье странное бросало
На снѣжный долъ, на ближній лѣсъ;
Оно таинственно мерцало;
Пушистый иней вкругъ вѣтвей
Березъ высокихъ, сосенъ косматыхъ,
Трепещетъ въ искрахъ красноватыхъ;
И снѣжные ковры полей
Гдѣ пожелтѣли, гдѣ алѣютъ;
Вездѣ дрожащій, чудный свѣтъ,
Какого днемъ и ночью нѣтъ!
Свѣтло и страшно — лишь темнѣютъ,
Со всѣхъ сторонъ омрачены,
Лѣсныхъ овраговъ глубины.

Козловъ. [1]).

На день возшествія на Всероссійскій Престолъ Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, 1747 года.

Царей и царствъ земныхъ отрада
Возлюбленная тишина,
Блаженство селъ, градовъ ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокругъ тебя цвѣты пестрѣютъ
И класы на поляхъ желтѣютъ;
Сокровищъ полны корабли
Дерзаютъ въ море за тобою,
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли.

Великое свѣтило міру,
Блистая съ вѣчной высоты
На бисеръ, злато и порфиру,

[1]) Изъ повѣсти «Безумная». Стр. 124.

На всѣ земныя красоты,
Во всѣ страны свой взоръ возводитъ;
Но краше въ свѣтѣ не находитъ
Елисаветы и тебя.
Ты кромѣ той всего превыше,
Душа Ея зефира тише,
И зракъ прекраснѣе рая.

Когда на тронъ Она вступила,
Какъ Вышній подалъ ей вѣнецъ:
Тебя въ Россію возвратила,
Войнѣ поставила конецъ;
Тебя пріявъ облобызала:
Мнѣ полно тѣхъ побѣдъ, сказала,
Для коихъ крови льется токъ.
Я Россовъ щастьемъ услаждаюсь,
Я ихъ спокойствомъ не мѣняюсь
На цѣлый западъ и востокъ.

Божественнымъ устамъ приличенъ,
Монархиня, сей кроткій гласъ:
О коль достойно возвеличенъ
Сей день и тотъ блаженный часъ,
Когда отъ радостной премѣны
Петровы возвышали стѣны
До звѣздъ плесканіе и кликъ!
Когда ты крестъ несла рукою
И на престолъ взвела съ собою
Добротъ Твоихъ прекрасный ликъ!

Чтобъ слову съ оными сравняться,
Достатокъ силы нашей малъ;
Но мы не можемъ удержаться
Отъ пѣнія Твоихъ похвалъ.
Твои щедроты ободряютъ
Нашъ духъ и къ бѣгу устремляютъ,
Какъ въ понтъ пловца способный вѣтръ
Чрезъ яры волны порываетъ:
Онъ брегъ съ весельемъ оставляетъ;
Летитъ корма межъ водныхъ нѣдръ.

Молчите пламенные звуки
И колебать престаньте свѣтъ:

Здѣсь въ мирѣ разширять науки
Изволила Елисаветъ.
Вы наглы вихри не дерзайте
Ревѣть, но кротко разглашайте
Прекрасны наши времена.
Въ безмолвіи внимай вселенна:
Се хощетъ Лира восхищенна
Гласить велики имена.

Ужасный чудными дѣлами
Зиждитель міра искони
Своими положилъ судьбами
Себя прославить въ наши дни;
Послалъ въ Россію человѣка,
Каковъ не слыханъ былъ отъ вѣка.
Сквозь всѣ препятства онъ вознесъ
Главу побѣдами вѣнчанну,
Россію варварствомъ [1]) попранну
Съ собой возвысилъ до небесъ.

Въ поляхъ кровавыхъ Марсъ страшился,
Свой мечь въ Петровыхъ зря рукахъ,
И съ трепетомъ Нептунъ чудился,
Взирая на Россійскій флагъ.
Въ стѣнахъ внезапно укрѣпленна
И зданіями окруженна
Сомнѣнная Нева рекла:
Или я нынѣ позабылась
И съ онаго пути склонилась,
Которымъ прежде я текла?

Тогда божественны науки
Чрезъ горы, рѣки и моря,
Въ Россію простирали руки,
Къ сему Монарху говоря:
Мы съ крайнимъ тщаніемъ готовы
Подать въ Россійскомъ родѣ новы
Чистѣйшаго ума плоды.
Монархъ къ себѣ ихъ призываетъ,
Уже Россія ожидаетъ
Полезны видѣть ихъ труды.

---

[1]) Грубостью.

Но ахъ жестокая судьбина!
Безсмертія достойный мужъ,
Блаженства нашего причина,
Къ несносной скорби нашихъ душъ,
Завистливымъ отторженъ рокомъ,
Насъ въ плачѣ погрузилъ глубокомъ!
Внушивъ рыданій нашихъ слухъ,
Верьхи Парнасски возстенали,
И музы воплемъ провождали
Въ небесну дверь пресвѣтлый духъ.

Въ толикой праведной печали
Сомнѣнный ихъ смущался путь;
И токмо, шествуя, желали
На гробъ и на дѣла взглянуть.
Но кроткая Екатерина,
Отрада по Петрѣ едина,
Пріемлетъ щедрой ихъ рукой.
Ахъ, естьлибъ жизнь Ея продлилась,
Давнобъ Секвана постыдилась
Съ своимъ искусствомъ предъ Невой!

Какая свѣтлость окружаетъ
Въ толикой горести Парнассъ?
О коль согласно тамъ брящаетъ
Пріятныхъ струнъ сладчайшій гласъ!
Всѣ холмы покрываютъ лики;
Въ долинахъ раздаются клики:
Великая Петрова Дщерь
Шедроты отчи превышаетъ,
Довольство музъ усугубляетъ,
И къ счастью отверзаетъ дверь.

Великой похвалы достоинъ,
Когда число своихъ побѣдъ
Сравнить сраженьямъ можетъ воинъ
И въ полѣ весь свой вѣкъ живетъ:
Но ратники ему подвластны
Всегда хвалы его причастны,
И шумъ въ полкахъ со всѣхъ сторонъ,
Звучащу славу заглушаетъ,
И грому трубъ ея мѣшаетъ
Плачевный побѣжденныхъ стонъ.

Сія Тебѣ единой слава,
Монархиня, принадлежитъ,
Пространная Твоя держава
О какъ тебѣ благодаритъ!
Воззри на горы превысоки!
Воззри въ поля свои широки,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, гдѣ Обь течетъ;
Богатство въ оныхъ потаенно
Наукой будетъ откровенно,
Что щедростью Твоей цвѣтетъ.

Толикое земель пространство
Когда Всевышній поручилъ
Тебѣ въ щастливое подданство,
Тогда сокровища открылъ,
Какими хвалится Индія:
Но требуетъ къ тому Россія
Искусствомъ утвержденныхъ рукъ,
Сіе злату очистить жилу,
Почувствуютъ и камни силу
Тобой возставленныхъ наукъ.

Хотя всегдашними снѣгами
Покрыта сѣверна страна,
Гдѣ мерзлыми Борей крылами
Твои взвѣваетъ знамена;
Но Богъ межъ льдистыми горами
Великъ своими чудесами:
Тамъ Лена чистой быстриной,
Какъ Нилъ народы напояетъ
И breги наконецъ теряетъ,
Сравнившись морю шириной.

Коль многи смертнымъ неизвѣстны
Творитъ натура чудеса,
Гдѣ густостью животнымъ тѣсны
Стоятъ глубокіе лѣса,
Гдѣ въ роскоши прохладныхъ тѣней
На паствѣ скачущихъ еленей
Ловящихъ крикъ не разгонялъ;
Охотникъ гдѣ не мѣтилъ лукомъ;
Сѣкирнымъ земледѣлецъ стукомъ
Поющихъ птицъ не устрашалъ.

Широкое открыто поле,
Гдѣ музамъ путь свой простирать!
Твоей великодушной волѣ
Что можемъ за сіе воздать?
Мы даръ Твой до небесъ прославимъ,
И знакъ щедротъ Твоихъ поставимъ,
Гдѣ солнца всходъ и гдѣ Амуръ
Въ зеленыхъ берегахъ крутится,
Желая паки возвратиться
Въ Твою державу отъ Манжуръ.

Се мрачной вѣчности запóну
Надежда отверзаетъ намъ!
Гдѣ нѣтъ ни правилъ, ни закону,
Премудрость тамо зиждетъ храмъ;
Невѣжество предъ ней блѣднѣетъ.
Тамъ влажный флота путь бѣлѣетъ
И море тщится уступить:
Колумбъ Россійскій черезъ воды
Спѣшитъ въ невѣдомы народы
Твои щедроты возвѣстить.

Тамъ тьмою острововъ посѣянъ,
Рѣкѣ подобенъ Океанъ;
Небесной синевой одѣянъ
Павлина посрамляетъ вранъ.
Тамъ тучи разныхъ птицъ летаютъ,
Что пестротою превышаютъ
Одежду нѣжныя весны;
Питаясь въ рощахъ ароматныхъ,
И плавая въ струяхъ пріятныхъ,
Не знаютъ строгія зимы.

И се Минерва ударяетъ
Въ верьхи Рифейски копіемъ,
Сребро и злато истекаетъ
Во всемъ наслѣдіи Твоемъ.
Плутонъ въ разсѣлинахъ мятется,
Что Россамъ въ руки предается
Драгой его металъ изъ горъ,
Которой тамъ натура скрыла;
Отъ блеску днéвнаго свѣтила
Онъ мрачный отвращаетъ взоръ.

О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ,
О ваши дни благословенны!
Дерзайте нынѣ ободренны
Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ [1])
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ [2])
Россійская земля раждать.

Науки юношей питаютъ,
Отраду старымъ подаютъ,
Въ щастливой жизни украшаютъ,
Въ нещастной случай берегутъ;
Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха,
И въ дальнихъ странствахъ не помѣха,
Науки пользуютъ вездѣ:
Среди народовъ и въ пустынѣ,
Въ градскомъ шуму и на единѣ;
Въ покоѣ сладки и въ трудѣ.

Тебѣ, о милости источникъ,
О Ангелъ мирныхъ нашихъ лѣтъ!
Всевышній на того помощникъ,
Кто гордостью своей дерзнетъ,
Завидя нашему покою
Противъ Тебя возстать войною.
Тебя Зиждитель сохранитъ
Во всѣхъ путяхъ безпреткновенну,
И жизнь Твою благословенну
Съ числомъ щедротъ Твоихъ сравнитъ.

Ломоносовъ.

Примѣч. — На основаніи этой, одной изъ лучшихъ одъ Ломоносова, можно составить себѣ самое ясное понятіе о характерѣ его поэзіи и вообще всей учено-литературной дѣятельности. — Ломоносовъ имѣлъ три любимыя идеи, которымъ онъ принесъ въ жертву всю свою жизнь: первая идея — религія, вторая — отечество и всѣ тѣ, которые сдѣлали родинѣ добро (Петръ,

---

[1]) Древній Греческій философъ (429 — 348 до Р. Х.). — Онъ оставилъ свое ученіе въ разговорахъ. См. переводъ професс. Карпова.

[2]) Великій Англійскій математикъ и натуралистъ (1642 — 1727). Въ своемъ сочиненіи «О математическихъ основаніяхъ натуральной философіи» излагаетъ систему міра, движеніе всѣхъ свѣтилъ, причины этихъ движеній, ихъ неправильно-

Елисавета) и третья идея — наука. Великій человѣкъ лишь говорилъ объ этихъ задушевныхъ своихъ идеяхъ, всегда приходилъ въ энтузіазмъ, всегда рѣчь его была преисполнена сильнаго и самаго глубокаго одушевленія. — Темы: Укажите въ прочтенной сейчасъ одѣ на любимыя идеи Ломоносова.— Нѣтъ ли въ ней признаковъ ложно-классической теоріи?

Фелица [1].

Богоподобная Царевна,
Киргизъ-Кайсацкія орды [2],
Которой мудрость несравненна
Открыла вѣрные слѣды
Царевичу младому Хлору
Взойти на ту высоку гору,
Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ,
Гдѣ добродѣтель обитаетъ!
Она мой духъ и умъ плѣняетъ:
Подай, найти ее, совѣтъ.
Подай, Фелица! наставленье:
Какъ пышно и правдиво жить,
Какъ укрощать страстей волненье,
И счастливымъ на свѣтѣ быть?
Меня Твой голосъ возбуждаетъ,
Меня Твой сынъ препровождаетъ;
Но имъ послѣдовать я слабъ:
Мятясь житейской суетою,
Сегодня властвую собою,
А завтра прихотямъ я рабъ.
Мурзамъ Твоимъ не подражая,
Почасту ходишь Ты пѣшкомъ,
И пища самая простая
Бываетъ за Твоимъ столомъ;
Не дорожа Твоимъ покоемъ,
Читаешь, пишешь предъ налоемъ [3],

стей и взаимнаго дѣйствія свѣтилъ другъ на друга. Ньютонъ открылъ всеобщій законъ тяготѣнія. Отеч. Зап. 1857, № 4.

[1]) Сочинено въ С.-Петербургѣ въ 1782 году: напечатано въ первый разъ въ Собесѣдникѣ Любителей Россійскаго Слова въ 1783 году.

[2]) Царевною Киргизъ — Кайсацкія орды Екатерина названа потому, что Фелица была дочь Хана *Киргизскаго*: см. сказку Екатерины II «О Царевичѣ Хлорѣ.»

[3]) Въ то время Императрица занималась сочиненіемъ законовъ: Грамотою Дворянству, Уставомъ Благочинія и прочими учрежденіями.

И всѣмъ изъ Твоего пера
Блаженство смертнымъ проливаешь;
Подобно въ карты не играешь,
Какъ я, отъ вечера до утра;
Не слишкомъ любишь маскарады,
А въ клубъ не ступишь и ногой;
Храня обычаи, обряды,
Не донкишотствуешь собой [1]);
Коня Парнасска не сѣдлаешь [2]),
Къ духамъ въ собранье не въѣзжаешь [3]),
Не ходишь съ трона на Востокъ [4]);
Но, кротости ходя стезею,
Благотворящею душею,
Полезныхъ дней проводишь токъ.
А я, проспавши до полудни,
Курю табакъ и кофе пью;
Преобращая въ праздникъ будни,
Кружу въ химерахъ мысль мою:
То плѣнъ отъ Персовъ похищаю,
То стрѣлы къ Туркамъ обращаю;
То возмечтавъ, что я Султанъ,
Вселенну устрашаю взглядомъ;
То вдругъ прельщаяся нарядомъ,
Скачу къ портному по кафтанъ [5]);
Или, въ пиру я пребогатомъ,
Гдѣ праздникъ для меня даютъ,
Гдѣ блещетъ столъ сребромъ и златомъ,
Гдѣ тысячи различныхъ блюдъ, —
Тамъ славный окорокъ Вестфальской,
Тамъ звенья рыбы Астраханской,
Тамъ пловъ и пороги стоятъ,
Шампанскимъ вафли запиваю,

---

[1]) Здѣсь разумѣется простота и отсутствіе еффекта въ дѣйствіяхъ Императрицы.

[2]) Императрица хотя и занималась иногда сочиненіемъ оперъ и сказокъ, но стиховъ писать не умѣла и не писала; а когда надобны были стихи, то, давъ мысль, поручала написать ихъ Статсъ-Секретарямъ Елагину, Храповицкому и пр.

[3]) Стихъ относится къ Мартинистамъ, которые воображали, что могутъ бесѣдовать съ духами. Примѣч. *Грота.* Современ. 1845, № 11, стр. 140.

[4]) Намекъ на довольно-обыкновенную въ то время мечту о завоеваніи Индіи, намекъ встрѣчающійся у Державина и въ другихъ пьесахъ. *Гротъ.* Тамъ же.

[5]) Относится къ прихотливому нраву князя Потемкина.

И все на свѣтѣ забываю
Средь винъ, сластей и ароматъ [1]);
Или, великолѣпнымъ цугомъ
Въ каретѣ Англійской, златой,
Съ собакой, шутомъ, или другомъ,
Я подъ качелями гуляю;
Въ шинки пить меду заѣзжаю;
Или, какъ то наскучитъ мнѣ,
По склонности моей къ премѣнѣ,
Имѣя шапку на бекренѣ,
Лечу на рѣзвомъ бѣгунѣ [2]);
Или, музыкой и пѣвцами,
Органомъ и волынкой вдругъ,
Или, кулачными бойцами [3])
И пляской веселю мой духъ;

---

[1]) Въ одѣ: *Къ Первому Сосѣду* такъ описывается пиръ:

«Гремитъ музыка; слышны хоры
Вкругъ лакомыхъ твоихъ столовъ;
Сластей и ананасовъ горы
И множество другихъ плодовъ
Прельщаютъ чувства и питаютъ;
Подносятъ вина чередой:
И Аліатико съ Шампанскимъ,
И пиво Русское съ Британскимъ,
И Мозель съ Зельцерской водой.»

Въ другомъ мѣстѣ такъ:

«Богатая Сибирь, наклонясь надъ столами,
Разсыпала по нимъ и злато и сребро:
Восточный, западный, сѣдые океаны,
Трясяся челами, держали рѣдкихъ рыбъ;
Чернокудрявый лѣсъ и бѣловласы степи,
Украйна, Холмогоръ, несли тельцовъ и дичь;
Вѣнчанна класами хлѣбъ Волга подавала,
Съ плодами сладкими принесъ кошницу Тавръ;
Риѳей, нагнувшися, въ топазны, аметистны
Лилъ кубки медъ златый, древъ искрометный сокъ,
И съ Дона сладкія и Крымски вкусны вина;
Прекрасная Нева, пріявъ отъ Бельта съ рукъ
Въ фарфорѣ, кристалѣ, чужія питья, снѣди,
Носила по гостямъ, какъ будто бы стыдясь,
Что потчивать должна такъ прихоть по неволѣ.»

(Описаніе торжества по случаю взятія Измаила 1791 г. Апр. 28. Соч. Державина. Т. 2, стр. 269).

[2]) Относится къ графу Алексѣю Григорьевичу Орлову, который любилъ ристалища сего рода.

[3]) Относится къ нему же, какъ къ охотнику до всякаго молодечества Русскаго и до Русскихъ пѣсенъ.

Или, о всѣхъ дѣлахъ заботу
Оставя, ѣзжу на охоту,
И забавляюсь лаемъ псовъ;
Или, надъ Невскими брегами
Я тѣшусь по ночамъ рогами
И греблей удалыхъ гребцовъ [1]);
Иль, сидя дома, я прокажу,
Играя въ дураки съ женой;
То съ ней на голубятню лажу;
То въ жмурки рѣзвимся порой;
То въ свайку съ нею веселюся,
То ею въ головѣ ищуся;
То въ книгахъ рыться я люблю,
Мой умъ и сердце просвѣщаю:
Полкана и Бову читаю,
За Библіей, зѣвая, сплю [2]).
Таковъ, Фелица, я развратенъ!
Но на меня весь свѣтъ похожъ.
Кто сколько мудростью ни знатенъ,
Но всякій человѣкъ есть ложь.
Не ходимъ свѣта мы путями,
Бѣжимъ разврата за мечтами.
Между лѣнтяемъ и брюзгой [3]),
Между тщеславья и порокомъ,
Нашелъ кто развѣ не нарокомъ
Путь добродѣтели прямой?
Слухъ идетъ о Твоихъ поступкахъ,
Что Ты нимало не горда,
Любезна и въ дѣлахъ и въ шуткахъ,
Пріятна въ дружбѣ и тверда;
Что Ты въ напастяхъ равнодушна,
А въ славѣ такъ великодушна,
Что отреклась и Мудрой слыть.
Еще же говорятъ не ложно,

---

[1]) Относится къ Семену Кириловичу Нарышкину, бывшему тогда Егермейстеромъ. Онъ первый завелъ роговую музыку.

[2]) Авторъ, служа при покойномъ Князѣ Вяземскомъ, читывалъ передъ нимъ разные романы, до которыхъ Князь былъ большой охотникъ. Случалось часто, что во время чтенія и тотъ и другой дремали.

[3]) Въ сказкѣ Императрицы о Царевичѣ Хлорѣ, вельможи Царевны Фелицы названы Лѣнтягомъ и Брюзгой. Сколько извѣстно, она подъ сими именами разумѣла князя Потемкина и князя Вяземскаго потому, что первый, ведя жизнь роскошную, и второй, управляя государственнымъ казначействомъ, часто требовали денегъ. Въ «Собесѣдникѣ» напечатано: «Между *Лентягомъ* и *Брюзгой*,»

Что будто завсегда возможно,
Тебѣ и правду говорить.
Неслыханное также дѣло,
Достойное Тебя одной,
Что будто ты народу смѣло
О всемъ, и въявь, и подъ рукой,
И знать и мыслить позволяешь [1]),
И о Себѣ не запрещаешь
И быль и небыль говорить;
Что будто самымъ крокодиламъ,
Твоихъ всѣхъ милостей Зоиламъ,
Всегда склоняешься простить.
Стремятся слезъ пріятныхъ рѣки
Изъ глубины души моей.
О, коль счастливы человѣки
Тамъ должны быть судьбой своей,
Гдѣ Ангелъ кроткій, Ангелъ мирный,
Сокрытый въ свѣтлости порфирной,
Съ небесъ низпосланъ скиптръ носить!
Тамъ можно пошептать въ бесѣдахъ,
И казни не боясь, въ обѣдахъ
За здравіе Царей не пить;
Тамъ съ именемъ Фелицы можно
Въ строкѣ описку поскоблить,
Или портретъ неосторожно
Ея на землю уронить [2]);
Тамъ свадебъ шутовскихъ не парятъ,
Въ ледовыхъ баняхъ ихъ не жарятъ [3]),
Не щолкаютъ въ усы вельможъ;
Князья насѣдками не клохчутъ,
Любимцы въявь имъ не хохочутъ,
И сажей не мараютъ рожъ [4]).

---

[1]) Императрица, подобно Императору Траяну, была снисходительна къ злорѣчію на Ея счетъ; можно много представить тому примѣровъ.

[2]) Всѣ эти стихи напоминаютъ въ противоположность тѣ времена, когда и незначительные случаи были почитаемы преступленіями. «Въ этомъ отдѣлѣ оды, говоритъ Гротъ, представлены простодушнымъ, отчасти шуточнымъ тономъ главныя черты политическихъ дѣлъ, домашнихъ занятій и душевныхъ свойствъ Екатерины». (Соврем. 1845, № 11, стр. 143).

[3]) Относится къ извѣстной забавной свадьбѣ князя Голицына въ царствованіе государыни Анны Іоанновны: тогда построенъ былъ ледяной домъ со всѣми принадлежностями и даже были ледяныя пушки, изъ которыхъ стрѣляли во время свадебной церемоніи; за нею послѣдовалъ богатый маскарадъ.

[4]) Относится къ тѣмъ временамъ Русскаго Двора, въ которыя былъ обычай

Ты вѣдаешь, Фелица! нравы
И человѣковъ и Царей:
Когда Ты просвѣщаешь нравы,
Ты не дурачишь такъ людей;
Въ Твои отъ дѣлъ отдохновенья,
Ты пишешь въ сказкахъ поученья [1]),
И Хлору въ азбукѣ твердишь:
«Не дѣлай ничего худова, —
И самого сатира злова
Лжецомъ презрѣннымъ сотворишь».
Стыдишься слыть Ты тѣмъ Великой,
Чтобъ страшной, нелюбимой быть;
Медвѣдицѣ прилично дикой
Животныхъ рвать и кровь ихъ пить.
Безъ крайняго въ горячкѣ бѣдства
Тому ланцетовъ нужны ль средства,
Безъ нихъ кто обойтися могъ?
И славно ль быть тому тираномъ,
Великимъ въ звѣрствѣ Тамерланомъ,
Кто благостью великъ, какъ Богъ.
Фелицы слава — слава Бога,
Который брани усмирилъ [2]),
Который сира и убога
Покрылъ, одѣлъ и накормилъ;
Который окомъ лучезарнымъ
Шутамъ, трусамъ, неблагодарнымъ
И праведнымъ Свой свѣтъ даритъ,
Равно всѣхъ смертныхъ просвѣщаетъ,
Больныхъ покоитъ, исцѣляетъ,
Добро лишь для добра творитъ;
Который даровалъ свободу
Въ чужія области скакать [3]),

держать при дворѣ разныхъ забавниковъ, отличавшихся веселыми, а часто и грубыми шутками.

[1]) Императрица Екатерина, въ часы отдохновенія отъ дѣлъ, забавлялась упражненіями, свойственными просвѣщенному Ея вѣку. Она писала шутливыя оперы и комедіи, какъ-то: *Ѳедулъ съ дѣтьми, Обманщикъ, Недоумѣніе*, и проч. Для великихъ князей Александра и Константина сочинила особую азбуку съ разными нравоученіями и пр.

[2]) Сей куплетъ относится къ мирному времени по окончаніи первой Турецкой войны въ 1774 году. Въ теченіи сего времени возникли многія человѣколюбивыя учрежденія, какъ-то: Воспитательный домъ, публичныя больницы и проч.

[3]) Относится къ разнымъ мѣрамъ, принятымъ въ царствованіе Императрицы Екатерины къ народному благоденствію.

Позволилъ Своему народу
Сребра и золота искать [1]);
Который воду разрѣшаетъ [2]),
И лѣсъ рубить не запрещаетъ [3]);
Велитъ и ткать, и прясть, и шить;
Развязывая умъ и руки,
Велитъ любить торги, науки,
И счастье дома находить [4]);
Котораго законъ, десница
Даютъ и милости и судъ. —

Примѣч. — Слова Львова: «Сказка о Царевичѣ Хлорѣ» была поводомъ сочинителю написать оду Фелицѣ; Государыня любила умныя шутки, почему и написала сама: «Если авторъ и коснулся страстей нѣкоторыхъ особъ, къ Императрицѣ тогда приближенныхъ, то не по злорѣчію, а единственно въ общемъ видѣ человѣчества.»

«При всемъ томъ авторъ, опасаясь, чтобъ не оскорбить кого лично, пригласилъ пріятелей своихъ: Николая Александровича Львова и Василья Васильевича Капниста, и прочелъ имъ свое сочиненіе. Они положили, чтобъ сихъ стиховъ въ свѣтъ не выпускать.

«Въ одно утро автору понадобились нѣкоторыя бумаги, лежавшія въ его бюро, гдѣ сохранялась и эта піэса; разбирая ихъ, онъ выложилъ сію оду на столъ. Козодавлевъ (бывшій потомъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ) жилъ съ Державинымъ въ одномъ домѣ: войдя нечаянно въ комнату, увидѣлъ піэсу, прочелъ нѣсколько строкъ и просилъ автора неотступно повѣрить ему стихи сіи на часъ, чтобы только прочитать ихъ теткѣ его, г-жѣ Пушкиной, которая страстно любила стихотворство и предпочтительно поэзію Державина: такимъ образомъ Козодавлевъ получилъ ихъ съ обѣщаніемъ никому не показывать, и часа черезъ два возвратилъ.

«Нѣсколько дней спустя, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, покровитель автора Державина, подъ его начальствомъ нѣкогда воспитывавшійся въ Казанской гимназіи, присылаетъ къ нему просить его къ себѣ. Державинъ пріѣхалъ къ Шувалову, и нашелъ его въ большой заботѣ. Съ прискорбнымъ видомъ спросилъ Шуваловъ его, что дѣлать ему: отослать ли его стихи къ Князю Потемкину, который былъ тогда въ великой силѣ у Двора, и ихъ требовалъ, или не отсылать? — «Какіе стихи?» спросилъ авторъ. — «Мурзы къ Фелицѣ,» отвѣчалъ Шуваловъ. — «Какъ вы ихъ знаете? Развѣ они были у васъ?» — «Г. Козодавлевъ по дружеству далъ мнѣ ихъ.» — «Но какъ же

---

[1]) Императрица издала указъ о свободномъ промыслѣ пріисковъ золота и серебра во владѣніяхъ каждаго, и предоставила таковые металлы въ собственность владѣльцу, тогда какъ прежде открытое золото и серебро должно было все поступать въ казну.

[2]) Императрица дозволила свободное плаваніе по морямъ и рѣкамъ для торговли.

[3]) Сняла запрещенную порубку лѣсовъ, бывшую прежде въ распоряженіи вальдмейстеровъ.

[4]) Разрѣшила свободное производство мануфактуръ и торговли, чего прежде безъ свѣдѣнія Мануфактуръ-Коллегіи нельзя было дѣлать.

Князь Потемкинъ узналъ о томъ?» — «Вчера обѣдали у меня Графъ Безбородко, графъ Завадовскій, Стрекаловъ и другіе любители литературы; при разговорѣ, что у насъ еще нѣтъ легкаго и пріятнаго стихотворства, я прочелъ имъ стихи ваши, а Стрекаловъ, изъ под-слуги князю Потемкину, разсказалъ ему все, что тамъ сказано на его счетъ. Не переписать ли и выбросить тѣ куплеты, которые къ нему относятся?» Державинъ, подумавъ, сказалъ: «Извольте отослать, какъ они есть: если мы что выкинемъ, то покажемъ умыселъ на личное оскорбленіе Князя, чего у меня и въ умѣ никогда не было; а стихи писаны шутливо на счетъ всѣхъ слабостей человѣческихъ, и больше ничего.» Потомъ авторъ уѣхалъ домой, крайне озабоченный симъ случаемъ и, призвавъ къ себѣ искренняго своего друга, Львова, бывшаго домашнимъ человѣкомъ у Графа Безбородко, просилъ его развѣдать мнѣніе Графа о семъ предметѣ и на случай, если Императрица спроситъ о стихахъ, предупредить его, что никакого оскорбительнаго умысла ни на чей счетъ тутъ не было, а стихи писаны изъ одной шутки, и для пріятелей оставлены безъ огласки, сдѣлались же извѣстными по одной нескромности Козодавлева. Львовъ исполнилъ просьбу автора. Неизвѣстно, посылалъ ли Шуваловъ стихи къ князю Потемкину; но нѣсколько времени сочиненіе это не доходило до свѣдѣнія Императрицы.

«Въ 1783 году опредѣлена была Княгиня Дашкова Директоромъ Академіи Наукъ, а Козодавлевъ Совѣтникомъ. Для распространенія Русской Словесности она издавала отъ Академіи журналъ. Козодавлевъ безъ авторскаго позволенія принесъ ей сіе сочиненіе для помѣщенія въ семъ журналѣ, называвшемся *Собесѣдникъ*. Княгиня приказала въ немъ помѣстить оное, и въ первое воскресенье (день, въ который она обыкновенно ѣзжала къ Императрицѣ съ докладомъ) поднесла Ей Собесѣдникъ, на первой страницѣ котораго помѣщены были стихи Фелицѣ подъ заглавіемъ: «Ода премудрой Киргизъ-Кайсацкой Царевнѣ Фелицѣ, писанная нѣкоторымъ Татарскимъ Мурзою, издавна въ Москвѣ поселившимся, и живущимъ по дѣламъ въ С.-Петербургѣ. Переводъ съ Арабскаго языка.» Въ понедѣльникъ Императрица призываетъ Княгиню къ себѣ. Княгиня, войдя къ Государынѣ, увидѣла Ее въ слезахъ; книжка Собесѣдника была въ рукѣ Ея. «Откуда взято сіе сочиненіе и кто писалъ его?» спросила Императрица. Княгиня, въ нерѣшимости, что отвѣчать Государынѣ, нѣсколько замѣшалась; но Екатерина сказала: «Не опасайтесь; Я только васъ о томъ спрашиваю, кто бы такъ коротко могъ знать Меня и умѣлъ такъ Меня описать, что, видишь, Я плачу!» Тутъ Княгиня назвала Ей автора и говорила въ его пользу. Нѣсколько дней спустя, когда Державинъ обѣдалъ у начальника своего, Князя Вяземскаго, вскорѣ послѣ обѣда говорятъ ему, что почталіонъ принесъ ему письмо; Державинъ читаетъ надпись: «*Изъ Оренбурга отъ Киргизской Царевны къ Мурзѣ*;» развертываетъ пакетъ, и находитъ золотую табакерку, осыпанную брилліантами, и въ ней 500 червонныхъ; приходитъ къ Князю, спрашиваетъ, прикажетъ ли онъ принять присланный ему изъ Оренбурга подарокъ? Князь, взлянувъ на него сурово, спросилъ: «Какой?» Державинъ показываетъ подарокъ.—«Возьми, братецъ, когда жалуютъ,» отвѣчалъ онъ. Между тѣмъ Княгиня Дашкова увѣдомила автора, что она поднесла его сочиненіе Государынѣ; чрезъ нѣсколько дней приказано было сочинителя представить Ея Величеству [1]); съ тѣхъ

[1]) «Авторъ, говоритъ Львовъ, представленъ былъ Императрицѣ въ воскресенье, въ кавалергардской комнатѣ, при множествѣ зрителей. Государыня, подойдя къ нему, въ нѣсколькихъ шагахъ остановилась и, окинувъ быстрымъ взоромъ, подала наконецъ ему руку. Сего величественнаго взора авторъ не могъ забыть никогда».

поръ Державинъ Ей сталъ извѣстенъ какъ *сочинитель*. — Фелица доставила ему извѣстность во всей Россіи.

«Вскорѣ за симъ, какъ обыкновенно случается, авторъ понесъ неблаговоленіе своего начальника за то, что онъ не черезъ него, а другимъ путемъ достигъ милостиваго воззрѣнія Императрицы, и нѣсколько выпутался изъ той зависимости, которая почти держитъ способнаго человѣка какъ бы за перегородкой». (Объясненія на сочиненія Державина. Изд. Львовымъ. Спб. 1834 года).

Слова Н. Полеваго: «Трудно сыскать другую поэтическую, столь самобытную, смѣлую идею, какова идея сего безсмертнаго творенія. Вотъ ея основаніе: Державинъ велъ родъ свой отъ какого-то Татарскаго мурзы Багрима. Мурза этотъ выѣхалъ изъ Золотой Орды при Василіи Темномъ, крестился, сдѣлался подданнымъ Московскаго Князя, и отъ него произошли Нарбековы, Акинеіевы, а отъ одного изъ потомковъ его, называвшагося: *Держава*, *Державины*. Таково начало мысли поэта.

«Уже двадцать почти лѣтъ Екатерина возсѣдала на тронѣ Россіи, начала и успѣла въ сіе время развить новый періодъ государственной жизни послѣ Петра Великаго. Сей періодъ былъ отличенъ противъ періода, продолжавшагося отъ Петра до нея. Если царствованіе Петра можно назвать *великимъ*, царствованіе Екатерины безпрекословно назовемъ *славнымъ*. Сіи названія обозначаютъ для насъ дѣла Петра и дѣла Екатерины. *Слава* была символомъ Екатерины. Къ ней было устремлено все. Петръ поражаетъ насъ величіемъ подвиговъ, Екатерина славою предпріятій. Онъ строилъ флотъ — она послала флотъ Русскій въ Средиземное море; онъ самъ составлялъ въ уединеніи своемъ законы — она призвала всю Россію писать ихъ, вмѣстѣ съ нею; онъ построилъ города—она воздвигла въ нихъ дворцы и чертоги. Гремя оружіемъ въ предѣлахъ Оттоманскихъ, отнимая цѣлыя царства у Стамбула, Екатерина не боясь слышала Шведскіе выстрѣлы подъ самымъ Петербургомъ, крѣпкою рукою задушила безумную ярость Пугачева, ослѣпила всю Европу блескомъ побѣдъ и великолѣпія, уничтожила Польшу, коснулась скипетромъ береговъ Америки, разсыпала милльоны между подданными. Окруженная роскошью, вкусомъ, великолѣпіемъ, умомъ Европы, людьми, каковы были: Таврическій, Задунайскій, Рымникскій, Безбородко, Вяземскій, Орловъ, Шуваловъ, Бецкій, Панинъ, Екатерина казалась полубогинею. Ея путешествіе въ Крымъ, когда Римскій Императоръ и Польскій Король встрѣтили ее среди избраннаго Европейскаго общества, среди толпившихся на срѣтеніе изумленныхъ ея подданныхъ, среди грома и пышности, и когда она, съ улыбкою говоря сопутникамъ о взятіи Царяграда, указывая на безмѣрныя свои области прибавляла: *мое маленькое хозяйство идетъ очень порядочно* — вотъ характеристика двора и вѣка Екатерины. Державинъ видѣлъ въ ней богиню Сѣвера, какъ видѣли всѣ другіе.

«Могла ли Екатерина не понять, чего лишится ея царствованіе, если Поэзія, Искусства, Науки не прибавятъ своего голоса, своей славы къ громамъ побѣдъ и блеску дворскаго великолѣпія? Она понимала это очень хорошо. Немедленно по вступленіи на престолъ, учреждаетъ она Корпуса, Училища, Воспитательные Домы, даетъ Академіи Наукъ новыя права и преимущества; потомъ устроиваетъ Переводный Департаментъ, Экономическое Общество, новую Академію для словесности, Коммиссію Училищъ; позволяетъ всѣмъ заводить типографіи, ѣздить свободно въ чужіе краи. Ученые странствуютъ по ея велѣнію въ Сибири, въ Крыму, на Кавказѣ; въ Европѣ покупаютъ для нея рѣдкости и художественныя произведенія; царь ума, Фер-

нейскій старикъ, осыпанъ ея подарками; она переписывается, шутитъ съ нимъ; призываетъ ко двору своему Дидеро; Фальконетъ воздвигаетъ по ея волѣ великолѣпный памятникъ Петру, и бросаетъ цѣлую гору подъ его подножіе. Этого мало: она сама посѣщаетъ Ломоносова въ его мастерской, и тотъ со слезами падаетъ къ ногамъ ея; она сама занимается словесностью, въ избранномъ кругѣ своемъ: пишетъ Исторію, издаетъ сказки, располагаетъ планы журналовъ, сочиняетъ комедіи, переводитъ книги.

«Все это должно было имѣть сильное вліяніе на Словесность. Но что ни дѣлали въ Россіи, все было не самородное Русское, и должно было усилить вліяніе самыхъ формъ Классицизма Европейскаго. Вѣкъ Екатерины былъ для Россіи блестящимъ вѣкомъ Людовика XIV-го и Медицисовъ. По ихъ образцу устроилось и Русское меценатство литературной іерархіи. Литераторы искали покровительства вельможъ, и не приближались къ трону. Имъ указанъ былъ предѣлъ, далѣе котораго нельзя было переступать въ отношеніи установленнаго порядка. Потемкинъ называлъ Фонвизина *Денисомъ*, и возилъ Петрова въ обозѣ при себѣ. Уровень покровительства (*протекціи*) и Классицизма сглаживалъ все. Поэтъ, какъ за дѣло по должности, принимался за торжественную оду, и ему давали опредѣленный подарокъ. Надобно-ли было написать трагедію—передѣлывали что нибудь Французское, подносили милостивцу, и отдавали потомъ на театръ, увѣренные въ успѣхѣ, если могли понравиться избранному обществу судей.

«Благоговѣя предъ славою Екатерины, Державинъ первый захотѣлъ говорить съ нею, какъ съ человѣкомъ, а не съ государынею, первый рѣшился подойти прямо къ ея трону, а не къ передней какого нибудь вельможи, и не съ одою, но съ голосомъ души, выраженнымъ, не по правиламъ риторики и схоластики, но по чистому чувству блага и добра. Онъ хотѣлъ высказать при томъ все негодованіе противъ порока, облеченнаго пышностью и величіемъ. Вся душа его просилась на волю. Екатерина написала тогда сказку о царевичѣ Хлорѣ. Сказка эта, назначенная для юнаго Великаго Князя, весьма проста. Царевичу Хлору, похищенному Киргизъ-Кайсацкимъ Ханомъ, велятъ отыскать *розу безъ шиповъ*. Дочь Хана, царевна Фелица, руководствуетъ Хлора. Слѣдуютъ аллегоріи пороковъ и добродѣтелей. Сынъ Фелицы, Разсудокъ, ведетъ Хлора за руку. Хлоръ находитъ розу. Соединивъ мысль о Татарскомъ своемъ происхожденіи съ идеею Екатерины, Державинъ написалъ посланіе отъ Мурзы къ Фелицѣ, и назвалъ его: *Ода премудрой Киргизъ-Кайсацкой Царевнѣ Фелицѣ, и пр.*

«Современники могли восхищаться въ Фелицѣ тонкою похвалою Екатеринѣ, умнымъ вымысломъ, и живыми портретами вельможъ и современниковъ; ихъ могли ослѣпить и успѣхъ Державина, и шумъ, какой произвело его созданіе. Но мы, для которыхъ все это исчезло, которые видѣли, читали и узнали послѣ сего такъ много, не можемъ однакожъ не изумляться Фелицѣ: благородная, гордая, шутливая, язвительная, богатая словами, Фелица Державина всегда останется въ числѣ вѣковѣчныхъ памятниковъ языка Русскаго, души поэтической, возвышенной, сердца пламеннаго. Ничего подобнаго не можемъ мы сыскать ни въ нашей словесности, ни въ литературахъ иноземныхъ». (Очерки Р. литературы. Спб. 1839. Ч. I, стр. 52—56).

Слова Грота: «Перенести на Государыню имя Фелицы, которая въ сказкѣ о Хлорѣ показала столько нѣжной любви къ молодому царевичу, вообразить себя ея мурзою, обратить къ ней рѣчь и въ своемъ лицѣ соединить всѣ самые разительные недостатки ея придворныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ воздать хвалу ея собственнымъ достоинствамъ—было идеею необыкновенно-счастли-

вою. Какъ въ маскарадѣ переодѣтому все позволяется говорить, такъ и Державинъ, скрывшись подъ одеждою Татарскаго мурзы, и на все, что окружало его, набросивъ покровъ вымысла, могъ въ шуточномъ тонѣ высказать много истинъ, которыхъ иначе нельзя бы было коснуться. Въ похвалахъ Екатеринѣ онъ умѣлъ такъ вѣрно охарактеризовать Ее, свой тонъ онъ такъ удачно приноровилъ ко вкусу Государыни, онъ въ каждомъ стихѣ обнаружилъ такое глубокое пониманіе духа всѣхъ дѣлъ Ея, такое истинное сочувствіе къ Ея человѣчности, что новое произведеніе его не могло не остаться безъ сильнаго дѣйствія на сердце Государыни». (Соврем. 1845, № 11, ст. «Фелица и Собесѣдникъ Любителей Россійскаго слова»).

Слова Мизко: «*Фелица*, доставивъ Державину громкую извѣстность, вмѣстѣ съ тѣмъ возбудила противъ него зависть и злобу: инымъ странно было, что экзекуторъ сената [1]) отважился такъ смѣло подойти къ престолу владычицы полсвѣта, которая такъ милостиво и любезно приняла безвѣстнаго стихотворца; другимъ досадно было, что домашнія ихъ дѣла выводились наружу сатирой поэта; третьи находили въ нелицемѣрномъ обращеніи Державина къ Императрицѣ лесть выскочки, желающаго пробить себѣ дорогу къ почестямъ; да и сама Императрица намекала, что пѣвецъ слишкомъ ее хвалитъ.... Это вызывало у Державина энергическіе стихи въ одѣ его «Видѣніе Мурзы». (Столѣтіе Русской Словесности. Мизко. Одесса. 1849 г., стр. 84).

Видѣніе Мурзы [2]).

На темноголубомъ эѳирѣ
Златая плавала луна:

---

[1]) Державинъ родился въ Казани 1743 года,—изъ дворянъ. Сначала учился у каторжника Іосифа Розы, за неимѣніемъ другихъ педагоговъ; потомъ поступилъ въ Казанскую гимназію. Прибывъ въ Петербургъ 1762 года, онъ поступилъ въ рядовые Преображенскаго полка и въ день восшествія на престолъ Императрицы Екатерины II (28 іюня 1762 г.) стоялъ съ своею ротою во дворцѣ. 1763 г. пожалованъ въ капралы, 1767 — въ сержанты, 1772 — въ прапорщики гвардіи. Участвовалъ съ отличіемъ въ усмиреніи Пугачевскаго бунта; послѣ того перешелъ въ статскую службу съ чиномъ коллежскаго совѣтника. Съ 1777 года Державинъ — экзекуторъ перваго департамента Сената. 1782 г. получилъ чинъ статскаго совѣтника. По неудовольствіямъ съ генералъ-прокуроромъ княземъ Вяземскимъ вышелъ 1784 г., 15 февраля въ отставку, съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. 20 мая 1784 же года опредѣленъ въ Олонецъ губернаторомъ. За тѣмъ Державинъ былъ статсъ-секретаремъ, сенаторомъ, государственнымъ казначеемъ и при Императорѣ Александрѣ министромъ юстиціи.... Путь къ высшимъ государственнымъ должностямъ ему проложила «Фелица». Умеръ поэтъ 1816 года и похороненъ въ Варлаамскомъ Хутынскомъ монастырѣ, на 10-й верстѣ отъ Новгорода. Записки Державина. М. 1860. Въ Исторіи Р. Словесности Галахова (т. I, стр. 506—529) указано много матеріаловъ для біографіи и литературной дѣятельности Державина.

[2]) Сочинено въ С.-Петербургѣ въ 1783 г. Мая 9 дня, но по содержанію своему, пишетъ Гротъ, не могло въ то время быть напечатаннымъ: вопреки показа-

Въ серебряной своей порфирѣ
Блистаючи съ высотъ, она
Сквозь окна домъ мой освѣщала,
И палевымъ своимъ лучемъ
Златыя стекла рисовала
На лаковомъ полу моемъ;
Сонъ томною своей рукою
Мечты различны разсыпалъ;
Кропя забвенія росою,
Моихъ домашнихъ усыплялъ;
Вокругъ вся область почивала,
Петрополь съ башнями дремалъ,
Нева изъ урны чуть мелькала,
Чуть Бельтъ въ брегахъ своихъ сверкалъ;
Природа въ тишину глубоку
И въ крѣпкомъ погруженна снѣ
Мертва казалась слуху, оку,
На высотѣ и въ глубинѣ;
Лишь вѣяли одни зефиры,
Прохладу чувствамъ принося.
Я не спалъ, — и, со звономъ лиры
Мой тихій голосъ соглася,
«Блаженъ,» воспѣлъ я: «кто доволенъ
Въ семъ свѣтѣ жребіемъ своимъ,
Обиленъ, здравъ, покоенъ, воленъ
И счастливъ лишь собой самимъ;
Кто сердце чисто, совѣсть праву
И твердый нравъ хранитъ въ свой вѣкъ,
И всю свою въ томъ ставитъ славу,
Что онъ лишь добрый человѣкъ;
Что карлой онъ и великаномъ,
И дивомъ свѣта не рожденъ,
И что не созданъ истуканомъ,
И оныхъ чтить не принужденъ;
Что всѣ сего блаженства міра
Находитъ онъ въ семьѣ своей;
Что нѣжная его Плѣнира

занію Львова, оно не явилось въ Собесѣдникѣ и оставалось нѣсколько лѣтъ даже неоконченнымъ. Въ такомъ видѣ было это стихотвореніе, когда съ Державинымъ познакомился Дмитріевъ около 1791 года. Дмитріевъ, прочитавъ пьесу, сказалъ автору шутя: «Я бы вотъ чѣмъ кончилъ: *Превознесу Тебя, прославлю, Тобой безсмертенъ буду самъ*». Эти стихи такъ понравились Державину, что онъ ими дѣйствительно заключилъ *Видѣніе Мурзы*». (Соврем. 1845, № 12, стр. 240).

И вѣрныхъ нѣсколько друзей
Съ нимъ могутъ въ часъ уединенный
Дѣлить и скуку, и труды! —
Блаженъ и тотъ, кому Царевны
Какой бы ни было орды,
Изъ теремовъ своихъ янтарныхъ [1]),
И сребророзовыхъ свѣтлицъ,
Какъ будто изъ улусовъ дальныхъ,
Украдкой отъ придворныхъ лицъ [2]),
За росказни, за растабары,
За вирши, иль за что нибудь,
Исподтишка драгіе дары
И въ досканцахъ червонцы шлютъ [3]);
Блаженъ...!» Но съ рѣчью сей внезапно
Мое все зданье потряслось:
Раздвиглись стѣны, и стократно
Ярчѣе молній пролилось
Сіянье вкругъ меня небесно;
Сокрылась, поблѣднѣвъ, луна.
Видѣнье я узрѣлъ чудесно:
Сошла со облаковъ жена;
Сошла, — и жрицей очутилась,
Или богиней предо мной [4]).
Одежда бѣлая струилась
На ней серебряной волной;
Градская на главѣ корона,
Сіялъ при персяхъ поясъ златъ;
Изъ черноогненна виссона
Подобный радугѣ, нарядъ
Съ плеча деснаго полосою
Висѣлъ на лѣвую бедру [5]);

---

[1]) Въ Царскомъ Селѣ находится донынѣ одна комната Императрицы *Екатерины*, убранная вся янтарями, а другая была изъ розовой фольги съ серебряною рѣзьбою; въ третьей были арабески изъ перламутра.

[2]) Императрица показывала видъ, будто бы не къ Ней относилась Ода къ Фелицѣ и подарокъ автору посланъ былъ безъ огласки.

[3]) Въ старину въ Россіи табаку и табакерокъ не знали, а держали на мѣсто ихъ *досканцы*, небольшіе ящички и коробки, въ которыхъ сохраняли разныя мелочи, принадлежащія къ уборамъ.

[4]) Вся сія картина по самый стихъ

Держалъ, какъ будто бы уснувъ —

подлинный списокъ съ портрета Императрицы Екатерины, писаннаго Левицкимъ, по изобрѣтенію Н. А. Львова.

[5]) Описаніе Владимірскаго ордена, который Императрица, по написаніи Ею

Простертой на алтарь рукою
На жертвенномъ она жару,
Сжигая маки благовонны,
Служила вышню Божеству.
Орелъ полунощный, огромный,
Сопутникъ молній торжеству,
Геройской провозвѣстникъ славы,
Сидя предъ ней на грудѣ книгъ,
Священны блюлъ ея уставы;
Потухшій громъ въ когтяхъ своихъ
И лавръ съ оливными вѣтвями
Держалъ, какъ будто бы уснувъ.
Сафиросвѣтлыми очами,
Какъ въ гнѣвѣ, иль въ жару, блеснувъ,
Богиня на меня воззрѣла [1]).
Пребудетъ образъ ввѣкъ во мнѣ,
Она который впечатлѣла!—
«Мурза!» Она вѣщала мнѣ:
«Ты быть себя счастливымъ чаешь,
Когда по днямъ и по ночамъ
На лирѣ ты своей играешь
И пѣсни лишь поешь Царямъ.
Вострепещи, Мурза несчастный!
И страшны истины внемли,
Которымъ стихотворцы страстны
Едва ли вѣрятъ на земли;
Одно къ тебѣ лишь доброхотство
Мнѣ ихъ открыть велитъ. Когда
Поэзія не сумазбродство,
Но вышній даръ боговъ: тогда
Сей даръ боговъ кромѣ лишь къ чести
И къ поученью ихъ путей
Быть долженъ обращенъ, не къ лести
И тлѣнной похвалѣ людей.
Владыки свѣта люди тѣ же,
Въ нихъ страсти, хоть на нихъ вѣнцы;
Ядъ лести имъ вредитъ не рѣже:
А гдѣ поэты не льстецы?
И ты Сиренъ поющихъ грому,

Учрежденія о Губерніяхъ, возложила на Себя, какъ награду за труды Свои, объявивъ Себя Гросмейстершею сего ордена.

[1]) Описывается представленіе поэта Императрицѣ.

Въ вредъ добродѣтели не строй;
Благотворителю прямому
Въ хвалѣ нѣтъ нужды никакой.
Хранящій мужъ честные нравы,
Творяй свой долгъ, свои дѣла,
Царю приноситъ больше славы,
Чѣмъ всѣхъ піитовъ похвала.—
Оставь нектаромъ наполненну
Опасну чашу, гдѣ скрытъ ядъ.»—
—Кого я зрю столь дерзновенну,
И чьи уста меня разятъ?
Кто ты? Богиня, или жрица?
Мечту стоящу я спросилъ.—
Она рекла мнѣ:—«Я Фелица!»
Рекла—и свѣтлый облакъ скрылъ
Отъ глазъ моихъ ненасыщенныхъ
Божественны Ея черты;
Куреніе мастикъ безцѣнныхъ
Мой домъ и мѣсто то цвѣты
Покрыли, гдѣ Она явилась.
Мой Богъ! Мой Ангелъ во плоти!..
Душа моя за ней стремилась,
Но я за Ней не могъ идти:
Подобно громомъ оглушенный,
Безчувственъ я, безгласенъ былъ;
Но, токомъ слезнымъ орошенный,
Пришелъ въ себя и возгласилъ:
«Возможно ль, кроткая Царевна!
И Ты къ Мурзѣ чтобъ Своему
Была сурова столь и гнѣвна,
И стрѣлы къ сердцу моему
И Ты, и Ты чтобы бросала,
И пламени души моей
Къ себѣ и Ты не одобряла?
Довольно безъ Тебя людей [1]),

---

[1]) Авторъ давалъ чувствовать Государынѣ, что и безъ Ея строгаго взора довольно ему гнѣва отъ тѣхъ, которымъ Она дарила экземпляры «Фелицы», подчеркнувъ тѣ строки, что до кого относится. Ода къ Фелицѣ произвела разные толки: иные говорили, что она слишкомъ смѣло писана, а другіе, что льстиво; почему Державинъ и повторилъ въ «Видѣніи Мурзы» нѣкоторые стихи изъ Фелицы, обративъ ихъ въ шутку надъ своими критиками.

«Иной отнесъ себѣ къ безчестью,
Что не деруть его усовъ....»

Довольно безъ Тебя поэту,
За кажду мысль, за каждый стихъ,
Отвѣтствовать лихому свѣту,
И отъ сатиръ щититься злыхъ!
Довольно золотыхъ кумировъ,
Безъ чувствъ мои что пѣсни чли;
Довольно Кадіевъ, Факировъ,
Которы въ зависти сочли
Тебѣ ихъ неприличной лестью;
Довольно нажилъ я враговъ!
Иной отнесъ себѣ къ безчестью,
Что не деруть его усовъ;
Иному показалось больно,
Что онъ насѣдкой не сидитъ,
Иному — очень своевольно
Съ Тобой Мурза Твой говоритъ;
Иной вмѣнялъ мнѣ въ преступленье,
Что я посланницей съ Небесъ
Тебя быть мыслилъ въ восхищеньѣ
И лилъ въ восторгѣ токи слезъ;
И словомъ: тотъ хотѣлъ арбуза,
А тотъ соленыхъ огурцовъ;
Но пусть имъ здѣсь докажетъ Муза,
Что я не изъ числа льстецовъ;
Что сердца моего товаровъ
За деньги я не продаю,
И что не изъ чужихъ анбаровъ
Тебѣ наряды я крою;
Но, Вѣнценосна добродѣтель!
Не лесть я пѣлъ и не мечты,
А то, чему весь міръ свидѣтель:
Твои дѣла суть красоты.—
Я пѣлъ, пою и пѣть ихъ буду,
И въ шуткахъ правду возвѣщу;
Татарски пѣсни изъ-подъ спуду,
Какъ лучъ, потомству сообщу;
Какъ солнце, какъ луну, поставлю

Наконецъ въ стихахъ:

«И словомъ: тотъ хотѣлъ арбуза,
А тотъ соленыхъ огурцовъ....»

авторъ напоминаетъ прихоти знатныхъ особъ, тогда жившихъ роскошно и съ большими причудами. Кому неизвѣстно, что нарочные курьеры скакали по государству за капустою и солеными огурцами.

Твой образъ будущимъ вѣкамъ;
Превознесу Тебя, прославлю;
Тобой безсмертенъ буду самъ!

Державинъ.

Примѣч. — Въ одахъ «Фелица» и «Видѣніе Мурзы» представлена яркая картина вѣка Императрицы Екатерины II: рисуются съ одной стороны свойства Государыни — мудрость, дѣятельность, простота, либерализмъ, гуманность; съ другой—изображаются слабости ея царедворцевъ, или вельможъ — нѣга, роскошь, праздность, суевѣріе, невѣжество. *Тема:* Указать, какими именно стихами обозначаетъ поэтъ изчисленныя свойства Императрицы и ея сановниковъ.

Богъ.

О, Ты, пространствомъ безконечный,
Живый въ движеньи вещества,
Теченьемъ времени превѣчный,
Безъ лицъ, въ трехъ лицахъ Божества [1])!
Духъ всюду сущій и единый,
Кому нѣтъ мѣста и причины,
Кого никто постичь не могъ,
Кто все Собою наполняетъ,
Объемлетъ, зиждетъ, сохраняетъ,
Кого мы называемъ — Богъ!
Измѣрить океанъ глубокій,
Сочесть пески, лучи планетъ,
Хотя и могъ бы умъ высокій, —
Тебѣ числа и мѣры нѣтъ!
Не могутъ духи просвѣщенны,
Отъ свѣта Твоего рожденны,
Изслѣдовать судебъ Твоихъ:
Лишь мысль къ Тебѣ взнестись дерзаетъ,
Въ Твоемъ величьѣ исчезаетъ,
Какъ въ вѣчности прошедшій мигъ.
Хаоса бытность довременну
Изъ безднъ Ты вѣчности воззвалъ,
А вѣчность, прежде вѣкъ рожденну,
Въ Себѣ Самомъ Ты основалъ.

---

[1]) Авторъ замѣтилъ, что кромѣ понятія о Святой Тройцѣ онъ разумѣлъ здѣсь и то, что Богъ вмѣщаетъ въ Себѣ безконечное пространство, безпрерывную жизнь въ движеніи вещества, и неокончаемое теченіе времени, которыя Богъ въ Себѣ вмѣщаетъ.

Себя Собою составляя,
Собою изъ Себя сіяя,
Ты свѣтъ, откуда свѣтъ истекъ.
Создавый все единымъ словомъ,
Въ твореньѣ простираясь новомъ,
Ты былъ, Ты есь, Ты будешь ввѣкъ!
Ты цѣнь существъ въ Себѣ вмѣщаешь,
Ее содержишь и живишь;
Конецъ съ началомъ сопрягаешь,
И смертію животъ даришь.
Какъ искры сыплются, стремятся,
Такъ солнцы отъ Тебя родятся;
Какъ въ мразный, ясный день, зимой,
Пылинки инея сверкаютъ [1]),
Вратятся, зыблются, сіяютъ,
Такъ звѣзды въ безднахъ подъ Тобой.
Свѣтилъ возженныхъ милліоны
Въ неизмѣримости текутъ:
Твои они творятъ законы,
Лучи животворящи льютъ.
Но огненны сіи лампады,
Иль рдяныхъ кристалей громады,
Иль волнъ златыхъ кипящій сонмъ,
Или горящіе эѳиры,
Иль вкупѣ всѣ свѣтящи міры —
Передъ Тобой, какъ нощь предъ днемъ.
Какъ капля въ море опущенна,
Вся твердь передъ Тобой сія.
Но что мной зримая вселенна?
И что передъ Тобою я? —
Въ воздушномъ океанѣ ономъ,
Міры умножа милліономъ
Стократъ другихъ міровъ — и то,
Когда дерзну сравнить съ Тобою,
Лишь будетъ точкою одною:
А я передъ Тобой — ничто.
Ничто!.. Но Ты во мнѣ сіяешь
Величествомъ Твоихъ добротъ;

---

[1]) Эта великолѣпная картина бываетъ видима только обитателями Сѣвера въ ясный день, въ большіе морозы, по большей части въ Мартѣ, когда уже снѣгъ оледенѣетъ и пары, обратясь въ ледяныя частицы, носятся по воздуху и какъ искры сверкаютъ.

Во мнѣ Себя изображаешь,
Какъ солнце въ малой каплѣ водъ.
Ничто!... Но жизнь я ощущаю,
Несытымъ нѣкакимъ летаю
Всегда пареньемъ въ высоты;
Тебя душа моя быть чаетъ,
Вникаетъ, мыслитъ, разсуждаетъ;
Я есмь — конечно есь и Ты!
Ты есь — Природы чинъ вѣщаетъ;
Гласитъ мое мнѣ сердце то;
Меня мой разумъ увѣряетъ:
Ты есь! — и я ужъ не ничто!
Частица цѣлой я вселенной,
Поставленъ, мнится мнѣ, въ почтенной
Срединѣ естества я той,
Гдѣ кончилъ тварей Ты тѣлесныхъ,
Гдѣ началъ Ты духовъ небесныхъ,
И цѣпь существъ связалъ всѣхъ мной.
Я связь міровъ, повсюду сущихъ,
Я крайня степень вещества;
Я средоточіе живущихъ,
Черта начальна Божества;
Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю;
Я царь — я рабъ; — я червь — я богъ!
Но, будучи я столь чудесенъ,
Отколѣ происшелъ? — безвѣстенъ;
А самъ собой я быть не могъ.
Твое созданье я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источникъ жизни, благъ Податель,
Душа души моей и Царь!
Твоей-то правдѣ нужно было,
Чтобъ смертну бездну преходило
Мое безсмертно бытіе;
Чтобъ духъ мой въ смертность облачился,
И чтобъ чрезъ смерть я возвратился,
Отецъ! въ безсмертіе Твое.
Неизъяснимый, Непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображенія безсильны
И тѣни начертать Твоей!
Но если славословить должно,

То слабымъ смертнымъ не возможно
Тебя ни чѣмъ инымъ почтить,
Какъ имъ къ Тебѣ лишь возвышаться,
Въ безмѣрной разности теряться
И — благодарны слезы лить [1]).

Державинъ.

Примѣч. — Слова Грота: «Сравненіе оды Державина съ другими произведеніями одинаковаго содержанія убѣждаетъ насъ, что это — созданіе совершенно оригинальное въ цѣломъ и сходное съ нѣкоторыми изъ нихъ только въ немногихъ отдѣльныхъ чертахъ, такъ какъ писатели, разработывающіе тотъ же предметъ, не могутъ иногда не встрѣчаться на однѣхъ мысляхъ. Но сверхъ того въ частностяхъ ода *Богъ* представляетъ отголоски чтеній Державина, воспоминанія изъ другихъ, особливо Нѣмецкихъ поэтовъ. Подобныя, такъ называемыя реминисценціи, большею частью безсознательныя, встрѣчаются у самыхъ замѣчательныхъ поэтовъ и не могутъ почитаться заимствованіями. Нѣкоторыя произведенія Германской литературы были знакомы Державину не только въ подлинникахъ, но и въ Русскихъ переводахъ. Такъ *Вѣчность* Галлера, переведенная въ *С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ* 1779 г., до такой степени обращала на себя вниманіе нашего поэта, что онъ, какъ видно изъ его рукописей, самъ пытался перевести ее стихами. Въ частныхъ примѣчаніяхъ къ одѣ *Богъ* мы укажемъ тѣ мѣста ея, въ которыхъ можно признать дѣйствительное вліяніе другихъ поэтовъ на Державина. Оду *Богъ* началъ онъ еще въ 1780 г. по возвращеніи отъ заутрени Свѣтлаго Христова Воскресенья, но должностныя занятія и столичныя развлеченія долго не давали ему кончить ее. Наконецъ, весною 1784 г., онъ, оставивъ службу по неудовольствіямъ съ княземъ Вяземскимъ, отправился въ Нарву и тамъ дописалъ давно занимавшую его оду (подробный разсказъ о томъ въ его *Объясненіяхъ*). Она явилась въ XIII ч. *Собесѣдника* (стр. 125), вышедшей 23 апрѣля 1784 года; впослѣдствіи эта ода была напечатана отдѣльно въ четверку безъ означенія года и мѣста, но съ подписью: Г. Державинъ, которая здѣсь едва ли не въ первый разъ явилась въ печати. Сверхъ того ода *Богъ* вышла

---

[1]) Первое вдохновеніе или первую мысль написать сію оду почувствовалъ авторъ въ 1780 году, находясь во дворцѣ у всенощной на Свѣтлое Воскресенье и пріѣхавъ домой, тогда же написалъ первыя строки. Но отвлекаемый должностями и свѣтскимъ разсѣяніемъ, обдумывая и принимаясь нѣсколько разъ за эту оду, только что написалъ въ разныя времена нѣсколько куплетовъ. Въ 1781 году, получивъ увольненіе отъ службы, авторъ нѣсколько разъ снова принимался за сію оду, но безуспѣшно: городская жизнь мѣшала его поэзіи; при всемъ томъ внутреннее чувство высокаго предмета такъ занимало автора, что онъ рѣшился уединиться отъ всѣхъ и, сказавъ первой женѣ своей, что ѣдетъ смотрѣть свои Польскія деревни, вмѣсто того остановился въ городѣ Нарвѣ. Оставивъ повозку и людей на постояломъ дворѣ, нанялъ въ городѣ небольшую комнату, на хлѣбахъ у одной старушки Нѣмки и, запершись, сочинялъ оду сію нѣсколько дней сряду; но, не кончивъ послѣдняго куплета, уже за полночь уснулъ. Лежа на кровати и сомкнувъ глаза, увидѣлъ во снѣ, что чрезвычайный свѣтъ блещетъ въ глазахъ его, вдругъ проснулся. Ему показалось на яву, что вокругъ стѣнъ леталъ свѣтъ... При этомъ потоки слезъ полились изъ глазъ его. Онъ всталъ и при ночной лампадѣ написалъ послѣднюю строфу, окончивъ ее выраженіемъ чувства, наполнявшаго душу его, съ благодарными слезами, за дарованное ему вдохновеніе.

около 1792 г. особою тетрадкою въ Москвѣ (письмо А. П. Нилова къ Державину отъ 24 іюля 1792 г.). Въ изданіяхъ 1798 и 1808 г. ею начинается собраніе сочиненій Державина.

«Изъ всѣхъ стихотвореній этого рода ни одно нигдѣ не имѣло такого шумнаго успѣха, какъ ода *Богъ*. Она пріобрѣла Европейскую извѣстность и переведена на языки: Нѣмецкій, Французскій, Англійскій, Итальянскій, Испанскій, Польскій, Чешскій, Латинскій и Японскій. Нѣмецкихъ переводовъ было нѣсколько; Французскихъ г. Полторацкій указалъ 15 (см. его брошюру Dieu, hymne и проч. Leipzig, 1855); но первымъ переводчикомъ оды *Богъ* на Французскій языкъ былъ Жуковскій, въ 1799 году, когда онъ еще воспитывался въ Московскомъ благородномъ пансіонѣ (въ своемъ мѣстѣ мы напечатаемъ подъ означеннымъ годомъ письмо его и С. Родзянко къ Державину). Латинскій переводъ, Черскаго, напечатанъ былъ отдѣльно въ Вильнѣ и въ *Соревнователѣ* (1820 года, ч. IX, стран. 198).

«Во время плѣна адмирала (въ ту пору капитана) В. М. Головнина у Японцевъ (отъ 1811 до 1813 года), ода была переведена чрезъ его посредство на Японскій языкъ. Разсказъ, помѣщенный имъ о томъ въ *Запискахъ* его объ этомъ плѣнѣ (ч. III, стр. 18), тѣмъ болѣе любопытенъ, что вѣроятно онъ-то и послужилъ началомъ столь распространенной молвы, будто бы въ Пекинѣ, во дворцѣ Богдыхана, виситъ на стѣнѣ Китайскій переводъ этого стихотворенія. Чтобы всякій могъ судить о вѣроятіи нашей догадки, приводимъ относящіяся сюда строки изъ книги покойнаго адмирала: «Однажды ученые ихъ (*Японцевъ*) просили меня написать имъ какіе нибудь стихи одного изъ лучшихъ нашихъ стихотворцевъ. Я написалъ Державина оду *Богъ*, и когда имъ читалъ, они отличали рѳмы и находили пріятность въ звукахъ; но любопытство Японское не могло быть удовольствовано однимъ чтеніемъ: имъ хотѣлось имѣть переводъ этой оды. Много труда и времени стоило мнѣ изъяснить имъ мысли, въ ней заключающіяся; однакожъ напослѣдокъ они поняли всю оду, кромѣ стиха: *Безъ лицъ, въ трехъ лицахъ Божества*, который остался безъ истолкованія, да они и не настаивали слишкомъ много, когда я имъ сказалъ, что для уразумѣнія сего стиха должно быть истиннымъ христіаниномъ. Японцамъ чрезвычайно понравилось то мѣсто сей оды, гдѣ поэтъ, обращаясь къ Богу, между прочимъ говоритъ: *И цѣпь существъ связалъ всѣхъ мной.* При семъ же случаѣ, удивляясь высокимъ мыслямъ сочинителя, показали они, что постепенное шествіе природы отъ самыхъ высокихъ къ самымъ низкимъ ея твореніямъ, и имъ не безъизвѣстно. Стихотвореніе это до того понравилось губернатору, что онъ велѣлъ просить г. Мура» (одного изъ товарищей заключенія Головнина) *«написать оное для него кистью на длинномъ кускѣ бѣлаго атласа и потомъ отправилъ вмѣстѣ съ переводомъ къ своему императору. Японцы увѣряли насъ, что она будетъ выставлена на стѣнѣ въ его чертогахъ, на подобіе картины»*. Это извѣстіе не могло не поразить нашего общества и не распространиться въ такое время, когда ода *Богъ* была еще во всей своей славѣ, и когда исторія плѣна Головнина всѣхъ интересовала. Разсказъ о переводѣ знаменитаго сочиненія, переходя изъ устъ въ уста, естественно подвергся нѣкоторымъ неточностямъ: Японскій языкъ былъ смѣшанъ съ Китайскимъ, намѣреніе принято за исполненіе, и вотъ ода *Богъ* очутилась, написанная золотыми буквами, въ Пекинскихъ чертогахъ. Такое смѣшеніе фактовъ однажды было даже явно высказано въ печати. Въ № 6 *Отечественныхъ Записокъ* 1846 года нѣкто И. Б. (*Быстровъ*?), выражая сомнѣніе въ существованіи *Китайскаго* перевода оды *Богъ*, говоритъ: «О *немъ* кажется упоминаетъ Головнинъ въ одномъ изъ своихъ путешествій». Отсюда уже

ясно, какъ произошелъ упомянутый слухъ, который Полевой еще въ 1840 г. назвалъ *сказкою*, но который между тѣмъ держался до сихъ поръ и былъ часто повторяемъ, какъ достовѣрный, въ разныхъ Европейскихъ литературахъ. Пора отвергнуть ложную молву, понявъ ея источникъ; отъ этого не пострадаетъ ни слава Державина, ни честь Русской литературы. (Ср. *Библіографич. Записку о Державинѣ* въ ч. VI *Москвитянина* 1846 г.; также указанную выше Французскую брошюру г. Полторацкаго, стр. 9 и 10).

«Послѣ оды *Богъ* являлось у насъ въ разное время много другихъ стихотвореній на тотъ же предметъ, какъ-то: *Гимнъ Богу* Дмитріева, *Пѣснь Божеству* Карамзина, *Пѣснь Высочайшему Существу* В. Пр. (*Чтеніе для вкуса* 1792, ч. VI, стр. 362), *Пѣснь Богу* Влад. Измайлова (*Аониды I*), *Гимнъ Непостижимому* Мерзлякова (*Вѣстникъ Европы* 1805, ч. XXIII, № 20), *Гимнъ* Жуковскаго (изъ Томсона), *Ода Богъ* Пнина (*Журн. для пользы и удовол.* 1805, ч. VI); *Гимнъ Богу* Бередникова (*Чтен. въ Бес. Люб. Русс. сл.*, ч. IX) и проч. Графъ Хвостовъ также сочинилъ оду *Богъ* [1].» (Записки Академіи. Т. III, книга I «Библіографич. Записка объ одѣ Богъ,» стр. 42 — 45).

Слова Грота: «Критическій умъ Мерзлякова, не смѣя противиться восторгу, съ какимъ всѣ отзывались о ней, рѣшился однакожъ ограничить его однимъ замѣчаніемъ. «Ода Богъ,» говоритъ онъ, «по всеобщему признанію, есть единственное твореніе нашего пѣснопѣвца. Въ самомъ дѣлѣ, она прекрасна, исполнена мыслей разнообразныхъ и высокихъ, израженныхъ самымъ сильнымъ и яснымъ слогомъ. Она имѣетъ ходъ правильной, простой и натуральной: всѣ достоинства возвышенной и вдохновенной поэзіи. Между-тѣмъ, *смѣю замѣтить*, что стихотворецъ въ цѣлой одѣ, воспѣвая о величественныхъ свойствахъ Предвѣчнаго Существа, говоритъ много о пространствѣ, блескѣ или свѣтѣ, о мѣрѣ и числѣ. Спрашивается: какія отношенія сіи качества вещественныя имѣютъ къ Существу духовному, высочайшему? Всемогущество, премудрость, благость, вотъ качества, указанныя намъ самою природою: вотъ понятія о Существѣ непостижимомъ, о Существѣ, сотворившемъ и сохраняющемъ насъ. Онѣ должны быть главнѣйшимъ предметомъ стихотворца, воспѣвающаго Бога, Котораго совершеннѣйшихъ свойствъ не можемъ мы понять иначе, какъ по отношенію къ намъ самимъ. Премудръ, Всемогущъ, Благъ! — вотъ что ближе къ сердцу человѣка. Свѣтелъ, безмѣренъ въ пространствѣ, непостижимъ въ силахъ — хладныя для него и весьма темныя идеи».

«Мы выписали все это мѣсто потому, что хотя здѣсь Мерзляковъ еще и не успѣлъ подняться надъ точкою зрѣнія младенческой критики, которая въ основаніе суда о художественномъ произведеніи беретъ «разнообразныя и высокія мысли, израженныя сильнымъ и яснымъ слогомъ,» однако жъ онъ, по врожденной критической проницательности, подошелъ въ приведенномъ сужденіи довольно близко къ истинѣ.

«Конечно Державинъ въ одѣ «Богъ» не измѣнилъ самому себѣ: богатство

---

[1]) Какъ высоко онъ самъ цѣнилъ свое твореніе, видно изъ слѣдующаго анекдота. Разъ, отправляясь въ Царское Село, онъ взялъ съ собою секретаря своего Ильинскаго, то же стихотворца, а дорогою требовалъ, чтобъ тотъ откровенно сказалъ ему, которую изъ двухъ одъ, Державина, или Хвостова, онъ находитъ выше. Услышавъ искреннее мнѣніе своего спутника, которое было, разумѣется въ пользу Державинской оды, оскорбленный піитъ хотѣлъ было высадить своего секретаря среди дороги и съ трудомъ согласился вести его дальше (слыш. отъ Н. И. Цертелева).

картинъ, одушевленная рѣчь и могучій стихъ, достойный возвышеннаго содержанія оды, должны поражать всякаго, кто читаетъ ее. Тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе она должна была производить въ то время, когда Державинъ, недавно вознесенный Фелицею, стоялъ на вершинѣ своей поэтической славы. Но главный недостатокъ оды «Богъ», по нашему мнѣнію, именно состоитъ въ томъ, что большая половина ея не довольно проникнута тою сердечною теплотою, какой мы бы въ-правѣ были ожидать отъ стихотворенія такого рода.

«Всесовершеннаго Творца мы не можемъ постигать *мыслію*; мы не въ силахъ дѣйствіемъ своего ограниченнаго *ума* дойти до яснаго понятія о свойствахъ Безконечнаго. И однако жъ мы, при всемъ своемъ безсиліи, при всемъ своемъ ничтожествѣ, можемъ возвышаться къ Нему, можемъ въ нѣкоторой степени постигать Его. Но какимъ образомъ? однимъ *чувствомъ*, одною *любовію* — повергаясь предъ Нимъ въ благоговѣйномъ сознаніи нашей слабости и Его милосердія.

«Вотъ отъ чего никакая попытка изобразить ощутительными чертами необъятность, безконечность, величіе Господа не можетъ посчастливиться. Въ этомъ случаѣ картины, созданныя и самою неистощимою фантазіею, оставляютъ насъ холодными, потому-что не обращаются къ сердцу. Таково именно содержаніе первыхъ шести строфъ оды, гдѣ поэтъ старается изобразить намъ безпредѣльность Божію. Слово *ничто* въ концѣ шестой и въ началѣ седьмой строфы составляетъ какъ бы границу между первою половиной оды и второю, гдѣ поэтъ перешелъ къ самому себѣ. Прежде онъ отъ необъятности Творца ниспустился до ничтожества человѣка; теперь онъ отъ человѣка восходитъ опять къ Создателю. Съ словомъ *ничто* кончается и безсиліе Державина въ этой одѣ. Высокій лирическій порывъ самосознанія человѣческаго заключается въ девятой строфѣ:

Я связь міровъ, повсюду сущихъ,
Я крайня степень вещества,
Я средоточіе живущихъ,
Черта начальна Божества!
Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю,
Я царь — я рабъ; я червь — я Богъ!

«Здѣсь предѣлъ гордости человѣческой. Поэтъ снова повергаетъ насъ въ прахъ передъ Всевышнимъ — и наконецъ въ послѣдней строфѣ, произноситъ трогательное сознаніе въ своемъ безсиліи исполнить то, что онъ предпринялъ — воспѣть Творца. Эта строфа краснорѣчивѣе всѣхъ прочихъ, потому-что вылилась прямо изъ сердца и внушена была любовью, которая обнаружилась «слезами благодарности.» (Соврем. 1845, № 12, стр. 256 — 9).

Вельможа [1]).

Не украшеніе одеждъ
Моя днесь Муза прославляетъ,

---

[1]) Сочинено 1794 г.

Которое, въ очахъ невѣждъ,
Шутовъ въ вельможи наряжаетъ;
Не пышности я пѣснь пою;
Не истуканы за кристалломъ,
Въ кивотахъ блещущи металломъ,
Услышатъ похвалу мою.
Хочу достоинства я чтить,
Которыя собою сами
Умѣли титла заслужить
Похвальными себѣ дѣлами;
Кого ни знатный родъ, ни санъ,
Ни счастіе не украшали;
Но кои доблестью снискали
Себѣ почтенье отъ гражданъ.
Кумиръ, поставленный въ позоръ,
Несмысленную чернь прельщаетъ;
Но коль художниковъ въ немъ взоръ
Прямыхъ красотъ не ощущаетъ:
Се образъ ложныя молвы,
Се глыба грязи позлащенной!
И вы, безъ благости душевной,
Не всѣ ль, вельможи, таковы?
Не перлы Перскія на васъ,
И не Бразильски звѣзды, — ясны;
Для возлюбившихъ правды гласъ
Лишь добродѣтели прекрасны:
Онѣ суть смертныхъ похвала.
Калигула! твой конь въ Сенатѣ
Не могъ сіять, сіяя въ златѣ:
Сіяютъ добрыя дѣла.
Оселъ останется осломъ,
Хотя осыпь его звѣздами;
Гдѣ должно дѣйствовать умомъ,
Онъ только хлопаетъ ушами.
О! тщетно счастія рука,
Противъ естественнаго чина,
Безумца рядитъ въ господина,
Или въ шумиху дурака.
Оставя скипетръ, тронъ, чертогъ,
Бывъ странникомъ, въ пыли и въ потѣ,
Великій Петръ, какъ нѣкій богъ,
Блисталъ величествомъ въ работѣ:
Почтенъ и въ рубищѣ герой!

Екатерина, въ низкой долѣ,
И не на царскомъ бы престолѣ
Была великою женой.

И впрямъ, коль самолюбья лесть
Не обуяла бъ умъ надменный:
Что наше благородство, честь,
Какъ не изящности душевны?
Я Князь — коль мой сіяетъ духъ;
Владѣлецъ — коль страстьми владѣю;
Боляринъ — коль за всѣхъ болѣю,
Царю, Закону, Церкви другъ [1]).

А ты, второй Сарданапалъ!
Къ чему стремишь всѣхъ мыслей бѣги?
На то ль, чтобъ вѣкъ твой протекалъ
Средь игръ, средь праздности и нѣги?
Чтобъ пурпуръ, злато всюду взоръ
Въ твоихъ чертогахъ восхищали,
Картины въ зеркалахъ дышали,
Мусія, мраморъ и фарфоръ?

На то ль тебѣ пространный свѣтъ,
Простерши раболѣпны длани,
На прихотливый твой обѣдъ
Вкуснѣйшихъ яствъ приноситъ дани,
Токай густое льетъ вино,
Левантъ — съ звѣздами кофе жирный,
Чтобъ не хотѣлъ за трудъ всемірный
Мгновенье бросить ты одно?

Тамъ воды въ просѣкахъ текутъ
И, съ шумомъ вверхъ стремясь, сверкаютъ;
Тамъ розы средь зимы цвѣтутъ,
И въ рощахъ нимфы воспѣваютъ,
На то ль, чтобы на все взиралъ
Ты окомъ мрачнымъ, равнодушнымъ,
Средь радостей казался скучнымъ,
И въ пресыщеніи зѣвалъ?

Орелъ, по высотѣ паря,
Ужъ солнце зритъ въ лучахъ полдневныхъ;
Но твой чертогъ едва заря

---

[1]) Стихи Бенедиктова: «Будь хоть чиномъ малъ,
Да въ душѣ вельможа,
Сердцемъ генералъ».

Румянитъ сквозь завѣсъ червленныхъ.
Ты спишь? а тамъ?
А тамъ — израненный герой,
Какъ лунь во браняхъ посѣдѣвшій,
Начальникъ прежде бывши твой,
Въ переднюю къ тебѣ пришедшій
Принять по службѣ твой приказъ,
Межъ челядью твоей златою,
Поникнувъ лавровой главою,
Сидитъ и ждетъ тебя ужъ часъ.
А тамъ—вдова стоитъ въ сѣняхъ,
И горьки слезы проливаетъ,
Съ груднымъ младенцемъ на рукахъ
Покрова твоего желаетъ [1]):
За выгоды твои, за честь
Она лишилася супруга;
Въ тебѣ его знавъ прежде друга,
Пришла мольбу свою принесть.
А тамъ — на лѣстничный восходъ
Прибрелъ на костыляхъ согбенный,
Безстрашный, старый воинъ тотъ,
Тремя медальми украшенный,
Котораго въ бою рука
Избавила тебя отъ смерти:
Онъ хочетъ руку ту простерти
Для хлѣба отъ тебя куска.
А тамъ — гдѣ жирный песъ лежитъ,
Гордится вратникъ галунами,
Заимодавцевъ полкъ стоитъ,
Къ тебѣ пришедши за долгами [2]).
Проснися, Сибаритъ! — Ты спишь,
Иль только въ сладкой нѣгѣ дремлешь;
Несчастныхъ голосу не внемлешь,
И въ развращенномъ сердцѣ мнишь:
«Мнѣ мигъ покоя моего
Пріятнѣй, чѣмъ въ исторьи вѣки;

---

[1]) Полковникъ Костогоровъ оказывалъ многія услуги князю Потемкину и былъ изъ числа людей къ нему приближенныхъ. По непріятному стеченію обстоятельствъ, онъ, вступясь за начальника своего, вышелъ на поединокъ и былъ убитъ. Вдова его съ груднымъ ребенкомъ часто ходила къ князю Потемкину по смерти мужа своего и просила помощи.

[2]) Императрица Екатерина II неоднократно платила долги за своихъ вельможъ и въ томъ числѣ за Потемкина. См. Записки объ Екатеринѣ II, *Грибовскаго.*

Жить для себя лишь одного
Лишь радостей умѣть шить рѣки,
Лишь вѣтромъ плыть, гнесть чернь ярмомъ;
Стыдъ, совѣсть — слабыхъ душъ тревога!
Нѣтъ добродѣтели! нѣтъ Бога!» —
Злодѣй, увы!... и грянулъ громъ.
Блаженъ народъ, который полнъ
Благочестивой вѣры къ Богу,
Хранитъ царевъ всегда законъ,
Чтитъ нравы, добродѣтель строгу
Наслѣднымъ перломъ женъ, дѣтей,
Въ единодушіи — блаженство,
Во правосудіи — равенство,
Свободу — во уздѣ страстей!

Державинъ.

Къ Вельможѣ.

(Посланіе къ князю Н. Б. Юсупову).

Отъ сѣверныхъ оковъ освобождая міръ,
Лишь только на поля, струясь, дохнетъ зефиръ,
Лишь только первая позеленѣетъ липа,
Къ тебѣ, привѣтливый потомокъ Аристиппа [1]),
Къ тебѣ явлюся я, увижу сей дворецъ,
Гдѣ циркуль зодчаго, палитра и рѣзецъ
Ученой прихоти твоей повиновались
И вдохновенные въ волшебствѣ состязались.
Ты понялъ жизни цѣль! Счастливый человѣкъ,
Для жизни ты живешь. Свой долгій, ясный вѣкъ
Еще ты смолоду умно разнообразилъ,
Искалъ возможнаго, умѣренно проказилъ.
Чредою шли къ тебѣ забавы и чины.

---

[1]) Греческій философъ, уроженецъ Киринеискій, ученикъ Сократа (470—400), основатель школы Киринейской. Вся мудрость заключается въ наслажденіи: таково ученіе Аристиппа и его послѣдователей. Нравственность не имѣетъ, по ихъ понятіямъ, никакого смысла: она означаетъ только условіе общественное, которое Аристиппъ соглашается уважать. Киринеики отличаются отъ Эпикурейцевъ тѣмъ, что вовсе отвергаютъ всѣ умственныя наслажденія, собственное благо считаютъ верховнымъ, и наслажденіе ограничиваютъ однимъ настоящимъ. (Энциклопедич. Лексиконъ. Плюшара. Т. III, стр. 50. Философскій Лексиконъ. Гогоцкаго. Т. I).

Посланникъ молодый увѣнчанной Жены [1])
Явился ты въ Ферней [2]) — и Циникъ [3]) посѣдѣлый,
Умовъ и моды вождь пронырливый и смѣлый,
Свое владычество на Сѣверѣ любя [4]),
Могильнымъ голосомъ привѣтствовалъ тебя.
Съ тобой веселости онъ расточалъ избытокъ,
Ты лесть его вкусилъ, земныхъ боговъ напитокъ.
Съ Фернеемъ распростясь, увидѣлъ ты Версаль.
Пророческихъ очей не простирая вдаль,
Тамъ ликовало все.
Ты помнишь Тріанонъ и шумныя забавы?
Но ты не изнемогъ отъ сладкой ихъ отравы;
Ученье дѣлалось на время твой кумиръ:
Уединялся ты. За твой суровый пиръ
То чтитель Промысла, то скептикъ, то безбожникъ,
Садился Дидеротъ [5]) на шаткій свой треножникъ,
Бросалъ парикъ, глаза въ восторгѣ закрывалъ
И проповѣдывалъ. И скромно ты внималъ
За чашей медленной Аѳею [6]) иль Деисту [7]),
Какъ любопытный Скиѳъ Аѳинскому Софисту.

Но Лондонъ звалъ твое вниманіе. Твой взоръ
Прилежно разобралъ сей двойственный соборъ:
Здѣсь натискъ пламенный, а тамъ отпоръ суровой,
Пружины смѣлыя гражданственности новой.

---

[1]) Императрицы Екатерины II.

[2]) Ферней — мѣстопребываніе Вольтера, въ Швейцаріи.

[3]) Вольтеръ Франсуа-Мари-Аруэ (1694—1778).

[4]) Императрица Екатерина была въ перепискѣ съ Вольтеромъ. Эта переписка, составляющая довольно большую книгу, напечатана и въ Р. переводѣ. М. 1803. Государыня называла Вольтера своимъ добрымъ покровителемъ. Она рано начала изучать Французскаго писателя. Записки Грибовскаго, стр. 22 и д.—Вольтера сочиненія были любимымъ чтеніемъ нашего общества. Въ XVIII в. переведены почти всѣ его произведенія. См. каталоги книгъ Сопикова и Смирдина. Сумароковъ любилъ себя сравнивать съ Вольтеромъ. О вліяніи Вольтера на Европейскій міръ см. Исторію XVIII в., Шлоссера. Р. переводъ. Т. I, стр. 373 — 386 и Исторію всеобщей литературы, Шерра. Р. переводъ, вып. 7, стр. 177—185.

[5]) Французскій философъ XVIII в. (1712 — 1784), энциклопедистъ. Онъ былъ главнымъ корифеемъ модной Франц. философіи того времени. Дидеро, основатель знаменитой «Энциклопедіи», имѣвшей цѣлію примѣнить господствовавшія идеи времени ко всѣмъ областямъ дѣятельности духа человѣческаго. Сотрудниками «Энциклопедіи» были лучшіе умы того вѣка, преимущественно д'Аламберъ, знаменитый математикъ (1717 — 1783).

[6]) Безбожникъ.

[7]) Чтитель Промысла.

Скучая, можетъ быть, надъ Темзою скупой,
Ты думалъ далѣ плыть. Услужливый, живой,
Подобный своему чудесному герою,
Веселый Бомарше [1]) блеснулъ передъ тобою.
И ты, встревоженный, въ Севиллу полетѣлъ.
Благословенный край, плѣнительный предѣлъ!
Тамъ лавры зыблются, тамъ апельсины зрѣютъ.
Все измѣнилося. Ты видѣлъ вихорь бури [2]),
Паденіе всего, союзъ ума и фурій,
Свободой грозною воздвигнутый законъ,
Подъ гильотиною Версаль [3]) и Тріанонъ,
И мрачнымъ ужасомъ смѣненныя забавы.
Преобразился міръ при громахъ новой славы.
Давно Ферней умолкъ. Пріятель твой Вольтеръ,
Превратности судебъ разительный примѣръ [4]),
Не успокоившись и въ гробовомъ жилищѣ,
Донынѣ странствуетъ съ кладбища на кладбище.
Баронъ д'Ольбахъ, Морле, Гальяни, Дидеротъ [5]),
Энциклопедіи скептическій причетъ,
И колкій Бомарше [6]), и твой безносый Касти,
Всѣ, всѣ уже прошли. Ихъ мнѣнія, толки, страсти,
Забыты для другихъ. Смотри: вокругъ тебя
Все новое кипитъ, былое истребя.
Свидѣтелями бывъ вчерашняго паденья,
Едва опомнились младыя поколѣнья.

---

[1]) Авторъ Севильскаго Цирульника и Женитьбы Фигаро (1732—1799). Пушкинъ въ «Моцартѣ и Сальери» пишетъ:

Коль мысли черныя къ тебѣ придутъ,
Откупори Шампанскаго бутылку,
Иль перечти *Женитьбу Фигаро.*

[2]) Разумѣется Франц. революція.

[3]) Извѣстно, что Людовикъ XVI сложилъ голову свою на гильотинѣ.

[4]) Намекъ на бурную жизнь Вольтера. Онъ сидѣлъ въ Бастиліи за свои сочиненія; скрываясь отъ преслѣдованій аристократіи, бѣжалъ въ Англію; его книга «Lettres sur les Anglais» была сожжена рукою палача; вторично долженъ былъ бѣжать изъ Парижа; жилъ нѣсколько времени при дворѣ Фридриха II и тайкомъ воротился оттуда во Францію. Послѣдніе годы провелъ въ Фернеѣ. 84-лѣтнимъ старикомъ возвратился въ Парижъ, гдѣ приняли его восторженно... Онъ не удостоенъ христіанскаго погребенія. Генріада Вольтера тоже сожжена рукою палача.

[5]) Извѣстные атеисты.

[6]) *Колкій* Бомарше... Бомарше одинъ изъ самыхъ остроумныхъ писателей. «Свадьба Фигаро», по словамъ Шерра, «сосредоточиваетъ въ фокусѣ своего необузданнаго остроумія всю пустоту и испорченность стараго порядка.» (Исторія литературы. Шерра. Р. переводъ, вып. 1, стр. 196).

Жестокихъ опытовъ сбирая поздній плодъ,
Они торопятся съ расходомъ свесть приходъ.
Имъ нѣкогда шутить,
Иль спорить о стихахъ. Звукъ новой, чудной лиры,
Звукъ лиры Байрона развлечь едва ихъ могъ.
Одинъ все тотъ же ты. Ступивъ за твой порогъ,
Я вдругъ переношусь во дни Екатерины.
Книгохранилище, кумиры и картины,
И стройные сады свидѣтельствуютъ мнѣ,
Что благосклонствуешь ты музамъ въ тишинѣ,
Что ими въ праздности ты дышишь благородной [1]).
Я слушаю тебя: твой разговоръ свободной
Исполненъ юности.
Безпечно окружась Корреджіемъ [2]), Кановой [3]),
Ты, не участвуя въ волненіяхъ мірскихъ,
Порой насмѣшливо въ окно глядишь на нихъ
И видишь оборотъ во всемъ кругообразный.
Такъ, вихорь дѣлъ забывъ для Музъ и нѣги праздной,
Въ тѣни порфирныхъ бань и мраморныхъ палатъ,
Вельможи Римскіе встрѣчали свой закатъ.
И къ нимъ издалека то воинъ, то ораторъ,
То консулъ молодой, то сумрачный Диктаторъ
Являлись день, другой роскошно отдохнуть,
Вздохнуть о пристани и вновь пуститься въ путь.

Пушкинъ.

Примѣч. — И стихотвореніе Державина и стихотвореніе Пушкина изображаютъ одинъ и тотъ же предметъ. — Тема: представить характеристику жизни Р. вельможи XVIII вѣка. — Сравнить оба стихотворенія.

---

[1]) Сравни со стихомъ Державина въ «Фелицѣ»:

Поэзія тебѣ любезна,
Пріятна, сладостна, любезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ.»

[2]) Корреджіо, одинъ изъ величайшихъ историч. живописцевъ, род. въ мѣстечкѣ Корреджіо (1494 г.). Его труды: Вознесеніе Христа, Вѣнчаніе Маріи, Несеніе Креста, Рожденіе Христово, Магдалина, лежащая у грота (эта картина куплена за 80,000 талеровъ) и др. — Умеръ художникъ 1534 г.

[3]) Канова (1757 — 1822), Венеціанскій скульпторъ, сынъ каменотеса. Будучи 14-ти лѣтъ, Канова изсѣкъ изъ мягкаго камня статую «Орфея и Эвридики», послужившую вѣрнымъ доказательствомъ его таланта. На 25-мъ году художникъ уже достигъ своего величія. Работы Кановы: Амуръ и Психея, Полина, сестра Наполеона I, — Кающаяся Магдалина, Граціи, Мать Наполеона и пр. Въ особенности Канова отличался изваяніемъ женскихъ статуй. Онъ возведенъ въ достоинство маркиза и былъ членомъ двадцати академій.

На смерть Князя Мещерскаго [1]).

Глаголъ временъ! металла звонъ!
Твой страшный гласъ меня смущаетъ;
Зоветъ меня, зоветъ твой стонъ,
Зоветъ... и къ гробу приближаетъ.
Едва увидѣлъ я сей свѣтъ,
Уже зубами смерть скрежещетъ,
Какъ молніей косою блещетъ,
И дни мои, какъ злакъ, сѣчетъ.
Ничто отъ роковыхъ когтей,
Ни кая тварь не убѣгаетъ:
Монархъ и узникъ — снѣдь червей;
Гробницы злость стихій снѣдаетъ;
Зіяетъ время славу стерть:
Какъ въ морѣ льются быстры воды,
Такъ въ вѣчность льются дни и годы,
Глотаетъ царства алчна смерть...
Сынъ роскоши, прохладъ и нѣгъ,
Куда, Мещерскій! ты сокрылся [2])?
Оставилъ ты сей жизни брегъ;
Къ брегамъ ты мертвыхъ удалился:
Здѣсь персть твоя, а духа нѣтъ;
Гдѣ жъ онъ? — онъ тамъ. — Гдѣ тамъ? — не знаемъ.
Мы только плачемъ и взываемъ:
«О, горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!»
Утѣхи, радость и любовь
Гдѣ купно съ здравіемъ блистали,
У всѣхъ тамъ цѣпенѣетъ кровь
И духъ мятется отъ печали;
Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ [3]);
Гдѣ пиршествъ раздавались лики,
Надгробные тамъ воютъ клики,
И блѣдна смерть на всѣхъ глядитъ....
Глядитъ на всѣхъ, — и на царей,
Кому въ державу тѣсны міры;
Глядитъ на пышныхъ богачей,

---

[1]) Сочинено въ 1780 г.

[2]) Дѣйствит. тайный совѣтникъ, князь Мещерскій, былъ главный судья Таможенной Канцеляріи.

[3]) Мещерскій былъ большой хлѣбосолъ и жилъ весьма роскошно.

Что въ златѣ и сребрѣ кумиры;
Глядитъ на прелесть и красы,
Глядитъ на разумъ возвышенный,
Глядитъ на силы дерзновенны,
И.... точитъ лезвее косы.
Смерть, трепетъ естества и страхъ!
Мы — гордость, съ бѣдностью совмѣстна:
Сегодня Богъ, а завтра прахъ;
Сегодня льститъ надежда лестна,
А завтра — гдѣ ты, человѣкъ?
Едва часы протечь успѣли, —
Хаоса въ бездну улетѣли,
И весь, какъ сонъ, прошелъ твой вѣкъ...
Сей день, иль завтра умереть,
Перфильевъ [1])! должно намъ конечно:
Почто жъ терзаться и скорбѣть,
Что смертный другъ твой жилъ не вѣчно?
Жизнь есть Небесъ мгновенный даръ;
Устрой ее себѣ къ покою,
И съ чистою твоей душою
Благословляй судебъ ударъ.

Державинъ.

Водопадъ [2]).

Алмазна сыплется гора
Съ высотъ четыремя скалами [3]);
Жемчугу бездна и сребра
Кипитъ внизу, бьетъ вверхъ буграми;
Отъ брызговъ синій холмъ стоитъ,
Далече ревъ въ лѣсу гремитъ.
Не такъ ли съ неба время льется,
Кипитъ стремленіе страстей,

---

[1]) Генералъ-маіоръ Степанъ Васильевичъ Перфильевъ, бывшій при воспитаніи Императора Павла кавалеромъ, искренній другъ Мещерскаго, всякій день бывалъ съ нимъ вмѣстѣ.

[2]) Написано 1791 г., въ 5-й день октября, въ который скончался князь Потемкинъ. Эта ода необыкновенно растянута: потому мы напечатали только отрывки.

[3]) Точное изображеніе водопада въ Олонецкой губерніи, называемаго *Кивачемъ*, находящагося въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Кончезерскаго чугуннаго завода. Онъ стремится съ высотъ между четырехъ гранитныхъ скалъ. Авторъ разумѣлъ здѣсь также и четыре отдѣленія года, протекаемыя временемъ.

Честь блещетъ, слава раздается,
Мелькаетъ счастье нашихъ дней?..
Чей трупъ, какъ на распутьи мгла,
Лежитъ на темномъ лонѣ ночи [1])?
Простое рубище чресла,
Двѣ лепты покрываютъ очи [2]),
Прижаты къ хладной груди персты,
Уста безмолствуютъ отверсты!
Чей одръ — земля; кровъ — воздухъ синь;
Чертоги — вкругъ пустынны виды?
Не ты ли счастья, славы сынъ,
Великолѣпный князь Тавриды?
Не ты ли съ высоты честей
Незапно палъ среди степей?
Не ты ль, который взвѣсить смѣлъ
Мощь Росса, духъ Екатерины,
И, опершись на нихъ хотѣлъ
Вознесть твой громъ на тѣ стремнины,
На коихъ древній Римъ стоялъ
И всей вселенной колебалъ [3])?
Не ты ль, который орды сильны
Сосѣдей хищныхъ истребилъ,
Пространны области пустынны
Во грады, въ нивы обратилъ,
Покрылъ понтъ черный кораблями,
Потрясъ среду земли громами [4])?
Не ты ль, который зналъ избрать
Достойный подвигъ Росской силѣ,
Стихіи самыя попрать
Въ Очаковѣ и въ Измаилѣ,

---

[1]) Князь Потемкинъ, проѣзжая изъ Яссъ въ Николаевъ, умеръ на дорогѣ и тѣло его цѣлую ночь лежало въ степи, покрытое плащемъ.

[2]) Гусаръ, бывшій за нимъ, положилъ на глаза его двѣ денежки, чтобы закрыть ихъ.

[3]) Никто лучше не принаравливался къ обширнымъ видамъ Императрицы Екатерины, какъ Потемкинъ. Всѣ его замыслы (какъ тогда увѣряла молва) простирались къ тому, чтобъ изгнать Турковъ изъ Европы, усмирить гордость Китайцевъ и устаповить торгъ съ Индіей.

[4]) По его видамъ истреблена Запорожская Сѣча, освобожденъ отъ Татаръ Крымъ; изъ нихъ первая разбоями, а послѣдніе незапными нашествіями вредили Россіи. Имъ населены Екатеринославская и Таврическая губерніи, тамошнія степи покрыты городами; на Черномъ морѣ основанъ флотъ. Онъ потрясалъ самый Константинополь симъ флотомъ, коимъ начальствовалъ тогда подъ его властію Адмиралъ Ушаковъ.

И твердой дерзостью такой
Быть дивомъ храбрости самой [1])?
Се ты, отважнѣйшій изъ смертныхъ!
Парящій замыслами умъ!
Не шелъ ты средь путей извѣстныхъ,
Но проложилъ ихъ самъ, — и шумъ
Оставилъ по себѣ въ потомки;
Се ты, о, чудный вождь Потемкинъ!
Гдѣ слава? гдѣ великолѣпье?
Гдѣ ты, о, сильный человѣкъ?
Маѳусаила долголѣтье
Лишь было бъ сонъ, лишь тѣнь нашъ вѣкъ;
Вся наша жизнь не что иное,
Какъ лишь мечтаніе пустое.
Иль, нѣтъ! — тяжелый нѣкій шаръ
На нѣжномъ волоскѣ висящій,
Въ который бурь, громовъ ударъ
И молніи небесъ ярящи
Отвсюду безпрестанно бьютъ,
И, ахъ! зефиры легки рвутъ.

Державинъ.

На истребленіе въ Россіи званія раба Екатериною Второю, въ 15-й день Февраля 1786 года.

Красуйся, счастлива Россія!
Восторгомъ радостнымъ пылай;
Встрѣчая времена златыя,
Главу цвѣтами увѣнчай;
Въ порфиру свѣтлу облекися;
Веселья мѵромъ умастися,
Да гласъ твой въ пѣсняхъ возгремитъ,
Исполнитъ радостью вселенну:
Тебѣ свободу драгоцѣнну
Екатерина днесь даритъ.

---

[1]) По взятіи Измаила сами солдаты удивлялись своей храбрости: когда во время приступа случилось, что лѣстницы, употребляемыя для всхода на валы, не доставали до края, то солдаты опирались на штыки и такимъ образомъ взлѣзли на страшный Измаильскій валъ и взяли крѣпость.

О даръ божественныя длани!
Даръ истинныхъ богоцарей!
Достойныхъ вѣчной сердца дани,
Достойныхъ міра алтарей!
Россійскіе сыны! теките,
Усердья жертвы принесите:
Мы съ ними Той къ стопамъ падемъ,
Чья насъ десница возставляетъ,
Оковы съ нашихъ рукъ снимаетъ,
И съ вый невольничій яремъ.

Съ временъ въ забвеніи лежащихъ,
Нашъ родъ былъ славенъ на земли.
Вездѣ съ молвой побѣдъ гремящихъ
Россійски лавры возрасли.
Не тамъ лишь, гдѣ восшедша Феба,
Текущаго по своду неба,
И въ понтъ сходяща видѣнъ свѣтъ;
Но тамъ, гдѣ богъ сей не сіяетъ,
Завѣсы звѣздной не вскрываетъ,
Гдѣ вѣчно мрачна ночь живетъ.

Среди такого блеска славы,
Побѣдъ, которымъ нѣтъ числа,
Во узахъ собственной державы
Россія рабства дни влекла.
Когда чужую цѣпь терзала,
Сама въ веригахъ унывала,
И не рвала своихъ оковъ;
Но раболѣпными руками
Упадшихъ предъ ея ногами
Царей, брала подъ свой покровъ.

Теперь, о радость несказанна!
О день, свѣтлѣе дня побѣдъ!
Царица, небомъ низпосланна,
Неволи тяжки узы рветъ;
Россія! — ты свободна нынѣ! —
Ликуй: — вовѣкъ въ Екатеринѣ
Ты благость Бога зрѣть должна:
Она тебѣ вновь жизнь даруетъ,
И счастье съ вольностью связуетъ
На всѣ грядущи времена.

Обиліе рѣкой польется,
И ризу позлатитъ полей.
Гласъ громкихъ пѣсней разнесется,
Гдѣ раздавался звукъ цѣпей.
Дѣвицъ и юношъ хороводы
Выводятъ ужъ во слѣдъ свободы
Забавы въ рощи за собой;
И старость, игомъ лѣтъ согбенна,
Предъ гробомъ зрится восхищенна,
Съ свободой встрѣтя вѣкъ златой.

Развязанными днесь крылами
Орелъ Россійскій воспаритъ
Надъ гордыми его врагами;
Съ высотъ ихъ выи поразитъ;
Обвившись пламенемъ перуна,
Въ Эвксинѣ изъ руки Нептуна
Трезубый жезлъ исторгнетъ онъ;
Въ дальнѣйшіе враговъ предѣлы
Пошлетъ молніеносны стрѣлы
И раздробитъ Сарматскій тронъ.

Лети, пернатыхъ царь! взносися,
Главой касайся небесамъ;
Надъ кровомъ вѣчности спустися;
Внеси въ ея священный храмъ
Священный ликъ Екатерины,
Безсмертныхъ дѣлъ Ея картины
Тамъ изваянны на стѣнахъ;
Да узрятъ вѣки отдаленны,
Колико времена блаженны
Текутъ въ подвластныхъ Ей странахъ.

А Ты, которая свободу,
Какъ животворный свѣтъ даришь!
Знай, что Россійскому народу
Ты вѣчну цѣпь принять велишь:
Мы прежде власти покорялись;
Въ плѣну днесь кротости остались,
И стали плѣннѣе стократъ: —
Твои щедроты безконечны,
Сіи сердецъ оковы вѣчны,
И духъ свободы покорятъ.

Въ потомствѣ благодарны Россы,
Наслѣдники временъ златыхъ,
Воздвигнутъ въ честь Твою колоссы,
Блестящи славой дѣлъ Твоихъ.
Въ нихъ кроткій образъ изваянный,
Рукою правды увѣнчанный,
Святиться будетъ въ родъ и родъ:
И время, кое все сражаетъ,
Безсмертну косу изломаетъ
Объ памятникъ Твоихъ щедротъ.

Капнистъ [1].

Наполеонъ [2].

Чудесный жребій совершился:
Угасъ великій человѣкъ.
Въ неволѣ мрачной закатился
Наполеона грозный вѣкъ.
Исчезъ властитель осужденный,
Могучій баловень побѣдъ:
И для изгнанника вселенной
Уже потомство настаетъ.

О ты, чьей памятью кровавой
Міръ долго, долго будетъ полнъ,
Пріосѣненъ твоею славой,
Почій среди пустынныхъ волнъ!
Великолѣпная могила....
Надъ урной, гдѣ твой прахъ лежитъ,
Народовъ ненависть почила,
И лучъ безсмертія горитъ.

Давно ль орлы твои летали
Надъ обезславленной землей?
Давно ли царства упадали
При громахъ силы роковой?
Послушны волѣ своенравной,
Бѣдой шумѣли знамена,

---

[1]) Капнистъ (1757—1824), авторъ замѣчательной комедіи «Ябеда», представленной 1796 года.

[2]) Сочинено 1821 г.

И налагалъ яремъ державной
Ты на земныя племена.
. . . . . .
Тогда въ волненьи бурь народныхъ,
Предвидя чудный свой удѣлъ,
Въ его [1]) надеждахъ благородныхъ
Ты человѣчество презрѣлъ.
Въ свое погибельное счастье
Ты дерзкой вѣровалъ душой....
Тебя плѣнило самовластье
Разочарованной красой.
И обновленнаго народа
Ты буйность юную смирилъ;
Едва рожденная свобода,
Вдругъ онѣмѣвъ, лишилась силъ.
Среди рабовъ, до упоенья
Ты жажду власти утолилъ,
Помчалъ къ боямъ ихъ ополченья,
Ихъ цѣпи лаврами обвилъ.
И Франція, добыча славы,
Плѣненный устремила взоръ,
Забывъ надежды величавы,
На свой блистательный позоръ.
Ты велъ мечи на пиръ обильный;
Все пало съ шумомъ предъ тобой,
Европа гибла: сонъ могильный
Носился надъ ея главой.
Сбылось! Въ величіи постыдномъ
Ступилъ на грудь ея колоссъ!
Тильзитъ! При звукѣ семъ обидномъ
Теперь не поблѣднѣетъ Россъ —
Тильзитъ надменнаго героя
Послѣдней славою вѣнчалъ,
Но скучный миръ, но хладъ покоя
Счастливца душу волновалъ.
Надменный, кто тебя подвигнулъ?
Кто обуялъ твой дивный умъ?
Какъ сердца Русскихъ не постигнулъ
Ты съ высоты отважныхъ думъ?
Великодушнаго пожара
Не предузнавъ, ужъ ты мечталъ,

---

[1]) Французскаго народа.

Что мира вновь мы ждемъ какъ дара;
Но поздно Русскихъ разгадалъ....

Россія, бранная царица,
Воспомни древнія права!
Померкни солнце Аустерлица!
Пылай, великая Москва!
Настали времена другія:
Исчезни краткій нашъ позоръ!
Благослови Москву, Россія!
Война — по гробъ нашъ договоръ.

Оцѣпенѣлыми руками
Схвативъ желѣзный свой вѣнецъ,
Онъ бездну видитъ предъ очами,
Онъ гибнетъ, гибнетъ наконецъ.
Бѣгутъ Европы ополченья;
Окровавленные снѣга
Провозгласили ихъ паденье,
И таетъ съ ними слѣдъ врага.

И все какъ буря закипѣло;
Европа свой расторгла плѣнъ;
Во слѣдъ тирану полетѣло,
Какъ громъ, проклятіе племенъ.
И длань народной Немезиды
Подъяту видитъ великанъ:
И до послѣдней всѣ обиды
Отплачены тебѣ, тиранъ!

Искуплены его стяжанья
И зло воинственныхъ чудесъ
Тоскою душнаго изгнанья,
Подъ сѣнью чуждою небесъ.
И знойный островъ заточенья
Полнощный парусъ посѣтитъ,
И путникъ слово примиренья
На ономъ камнѣ начертитъ,

Гдѣ, устремивъ на волны очи,
Изгнанникъ помнилъ звукъ мечей,
И льдистый ужасъ полуночи,
И небо Франціи своей;
Гдѣ, иногда, въ своей пустынѣ
Забывъ войну, потомство, тронъ,
Одинъ, одинъ о миломъ сынѣ
Въ уныньи горькомъ думалъ онъ.

Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Его развѣнчанную тѣнь!
Хвала!... Онъ Русскому народу
Высокій жребій указалъ,
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ.

Пушкинъ.

Послѣднее Новоселье [1]).

Межъ тѣмъ, какъ Франція, среди рукоплесканій
И кликовъ радостныхъ, встрѣчаетъ хладный прахъ
Погибшаго давно среди нѣмыхъ страданій
Въ изгнаньѣ мрачномъ и въ цѣпяхъ;
Межъ тѣмъ, какъ міръ услужливой хвалою
Вѣнчаетъ поздняго раскаянья порывъ,
И вздорная толпа, довольная собою,
Гордится, прошлое забывъ, —
Негодованію и чувству давъ свободу,
Понявъ тщеславіе сихъ праздничныхъ заботъ,
Мнѣ хочется сказать великому народу:
Ты жалкій и пустой народъ!
Ты жалокъ, потому что вѣра, слава, геній,
Все, все великое, священное земли,
Съ насмѣшкой глупою ребяческихъ сомнѣній
Тобой растоптано въ пыли.
Изъ славы сдѣлалъ ты игрушку лицемѣрья,
Изъ вольности — орудье палача,
И всѣ завѣтныя отцовскія повѣрья
Ты имъ рубилъ, рубилъ съ плеча, —
Ты погибалъ.... и онъ явился съ строгимъ взоромъ,
Отмѣченный божественнымъ перстомъ,
И признанъ за вождя всеобщимъ приговоромъ,
И ваша жизнь слилася въ немъ, —
И вы окрѣпли вновь въ тѣни его державы,
И міръ трепещущій въ безмолвіи взиралъ
На ризу чудную могущества и славы,
Которой васъ онъ одѣвалъ. —

---

[1]) Сочинено 1841 г.

Одинъ, — онъ былъ вездѣ, холодный, неизмѣнный,
Отецъ сѣдыхъ дружинъ, любимый сынъ молвы,
Въ степяхъ Египетскихъ, у стѣнъ покорной Вѣны,
Въ снѣгахъ пылающей Москвы.
А вы что дѣлали, скажите, въ это время,
Когда въ поляхъ чужихъ онъ гордо погибалъ?
Вы потрясали власть, избранную какъ бремя,
Точили въ темнотѣ кинжалъ!
Среди послѣднихъ битвъ, отчаянныхъ усилій,
Въ испугѣ не понявъ позора своего,
Какъ женщина, ему вы измѣнили
И, какъ рабы, вы предали его!
Лишенный правъ и мѣста гражданина,
Разбитый свой вѣнецъ онъ снялъ и бросилъ самъ,
И вамъ оставилъ онъ въ залогъ роднаго сына —
Вы сына выдали врагамъ!
Тогда, отяготивъ позорными цѣпями,
Героя увезли отъ плачущихъ дружинъ —
И на чужой скалѣ, за синими морями,
Забытый, онъ угасъ одинъ —
Одинъ, замученъ мщеніемъ безплоднымъ,
Безмолвною и гордою тоской,
И, какъ простой солдатъ, въ плащѣ своемъ походномъ
Зарытъ наемною рукой....

Но годы протекли, и вѣтреное племя
Кричитъ: «Подайте намъ священный этотъ прахъ!
Онъ нашъ; его теперь, великой жатвы сѣмя,
Зароемъ мы въ спасенныхъ имъ стѣнахъ!»
И возвратился онъ на родину. Безумно,
Какъ прежде, вкругъ него тѣснятся и бѣгутъ
И въ пышный гробъ, среди столицы шумной,
Остатки тлѣнные кладутъ.
Желанье позднее увѣнчано успѣхомъ!
И краткій свой восторгъ смѣнивъ уже другимъ,
Гуляя, топчетъ ихъ съ самодовольнымъ смѣхомъ
Толпа, дрожавшая предъ нимъ!

И грустно мнѣ, когда подумаю, что нынѣ
Нарушена святая тишина
Вокругъ того, кто ждалъ въ своей пустынѣ
Такъ жадно, столько лѣтъ — спокойствія и сна!
И если духъ вождя примчится на свиданье

Съ гробницей новою, гдѣ прахъ его лежитъ,
Какое въ немъ негодованье
При этомъ видѣ закипитъ!
Какъ будетъ онъ жалѣть, печалію томимый,
О знойномъ островѣ подъ небомъ дальнихъ странъ,
Гдѣ сторожилъ его, какъ онъ непобѣдимый,
Какъ онъ великій, океанъ!

Лермонтовъ.

САТИРА.

Слова Муравьева-Апостола [1]): «Сатира, *Satira*, на Латинскомъ языкѣ имѣетъ значеніе весьма схожее на то, что по-Французски называется *Pot-pourri*, смѣсь всякой всячины. Въ такомъ смыслѣ и и Ювеналъ опредѣляетъ ее, называя книгу свою *Farrago*, т. е. сѣмена разнаго хлѣба, смѣшанныя вмѣстѣ:

Quidquid agunt homines, votum, timor, ira, voluptas,
Gaudia, discursus, nostri est farrago libelli.

т. е. все, что ни бываетъ съ людьми, надежда ихъ и страхъ, любовь и ненависть, веселья, беспокойства, какъ смѣсь разныхъ сѣмянъ, найдутся въ моей книжкѣ.

«Названіе Сатиры, продолжаетъ означенный писатель, происходитъ безъ всякаго сомнѣнія отъ слова *Satur*, сытый, насыщенный; отъ него, блюдо наполненное разными плодами, приносимое на олтари Вакха и Цереры, называлось *Lanx Satura*, а въ переносномъ смыслѣ и родъ сочиненія, въ коемъ всякая всячина могла находиться:—*Satura* или *Satira*, поелику буква *и* часто въ Латинскомъ языкѣ измѣнялась на *i*, что мы видимъ въ правописаніи Цицерона, Саллюстія и пр. которые, кажется, съ умысломъ сохраняли Археизмъ въ нѣкоторыхъ словахъ, на пр: Pessumus, optumus, maximus etc: вмѣсто *pessimus*, *optimus*, *maximus*, или Purrus, Sulla, Phruges вм. *Pyrrus*, *Sylla*, *Phryges*. «(Словарь древней и новой поэзіи. Остолопова. Ч. 3, стр. 66—67).

---

[1]) Муравьевъ-Апостолъ (Ив. Матвѣевичъ) служилъ по дипломатической части и былъ нашимъ министромъ въ Испаніи. Въ 1794 году напечатаны двѣ его комедіи: одна въ пяти дѣйствіяхъ подъ названіемъ «Ошибки или утро вечера мудренѣе», другая «Школа Злословія» переведена съ Англійскаго, изъ Шеридана. 1820 года онъ напечаталъ свое «Путешествіе по Тавридѣ», а въ 1822 году издалъ переведенную имъ съ Греческаго комедію «Облака», Аристофана. О Муравьевѣ-Апостолѣ Журн. М. Н. Пр. Ч. LXXIII.

Слова проф. Благовѣщенскаго: «Нужно замѣтить, что веселость и страсть къ шуткамъ составляла вообще отличительный характеръ большей части племенъ, населявшихъ древнюю Италію. Этотъ характеръ долженъ былъ естественно очень рано отразиться въ жизни и въ литературѣ Римлянъ, къ которымъ, какъ въ центръ, стекались различными путями всѣ особенности древнихъ обитателей Италіи, слившихся съ ними мало по малу въ одинъ народъ. Дѣйствительно, въ жизни Римлянъ шуткѣ и насмѣшкѣ данъ былъ, можетъ быть, уже слишкомъ большой просторъ. Доказательствомъ тому служитъ брань, которою солдаты преслѣдовали полководцевъ, съ тріумфомъ въѣзжавшихъ въ Римъ, и пасквили на Цезарей, неоднократно приводимые Светоніемъ. Эта наклонность Римскаго характера выразилась также въ страсти къ шутамъ и параситамъ (лизоблюдъ, нахлѣбникъ), которые, къ большому удовольствію даже образованныхъ Римлянъ, старались перещеголять одинъ другаго своими остротами; во множествѣ прозвищъ, запмствованныхъ отъ тѣлесныхъ недостатковъ, и наконецъ вообще въ страсти къ насмѣшкамъ и оскорбленіямъ, которыя дошли до того, что децемвиры почли нужнымъ остановить этотъ порывъ веселости и сатиры однимъ изъ законовъ XII таблицъ, подвергавшимъ нарушителей его строгой отвѣтственности. Такія шутки особенно были въ ходу въ праздничные дни, послѣ сбора винограда и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, когда Римская молодежь имѣла обычай издѣваться другъ надъ другомъ подъ настоящими, или вымышленными именами, и, по свидѣтельству древнихъ писателей, была неистощима въ своихъ импровизированныхъ, стихотворныхъ пасквиляхъ. Въ этихъ безъискусственныхъ импровизаціяхъ, которыми и теперь отличаются Итальянцы, долженъ былъ заключаться первый элементъ, начало, или первообразъ Римской комедіи, тѣмъ болѣе, что онѣ имѣли форму діалога, особенность, которою отличалась большая часть памятниковъ древне-Италійской поэзіи, напримѣръ гимны Арвальскихъ братьевъ и проч. Эти шутки Римскихъ земледѣльцевъ совершенно напоминаютъ намъ собою тѣ, которыми сопровождался въ Греціи древній культъ Вакха; онѣ совершенно соотвѣтствуютъ тѣмъ экспромтамъ, изъ которыхъ, по словамъ Аристотеля, возникли въ Греціи трагедія и комедія. Въ Италіи было тоже самое. Изъ этихъ веселыхъ и необузданныхъ пасквилей образовались у разныхъ племенъ древней Италіи первые начатки національной драмы: у Осковъ Ателланы, у *Римлянъ сатира*, у Сицилійцевъ и Греческихъ колонистовъ южной Италіи тѣ виды комедіи, которымъ впослѣдствіи окончательную форму придали Эпихармъ и Ринѳонъ. Если мы обратимся къ религіи, съ которою въ классической древности тѣсно было связано происхожденіе драмы, то уви-

димъ, что Римляне имѣли тѣ же самые праздники, какіе мы встрѣчаемъ въ древней Греціи. Большая часть этихъ праздниковъ, съ незапамятнаго времени учрежденныхъ Римлянами въ честь Сатурна, Цереры и другихъ Олимпійцевъ, равно какъ и въ честь представителей древне-Италійскаго культа, сопровождались въ Италіи необузданною веселостію, хорами, плясками, однимъ словомъ, тѣмъ же разгуломъ и духовнымъ опьяненіемъ, которыми отличались въ Греціи праздники Вакха. Эта шумная и непристойная веселость, совершенно несовмѣстимая, по нашимъ понятіямъ, съ религіею, до того была въ характерѣ Римлянъ, что Сервій смотритъ на нее, какъ на необходимую принадлежность Римскаго культа. И сколько комическаго элемента заключали въ себѣ множество забавныхъ исторій и разсказовъ о Римскихъ богахъ, которые распространены были въ народѣ и повторялись имъ во время этихъ праздниковъ.

«Такимъ образомъ самый характеръ религіозныхъ праздниковъ въ древнемъ Римѣ располагалъ къ веселости и къ необузданнымъ шуткамъ, которыя отъ боговъ вскорѣ обратились и на людей. Изъ такихъ шутокъ, которыя происхожденіемъ своимъ обязаны были преимущественно сельскимъ праздникамъ, болѣе другихъ извѣстны намъ фесценнины. Они также имѣли характеръ антифонной поэзіи, потому что представляли собою импровизированный діалогъ, и относились слѣдовательно къ разряду такъ называемыхъ *carmina* или *versus amoebaei*. «Фесценнинскіе стихи», говоритъ Фестъ, «которые пѣлись во время свадебъ, принесены, по преданію, изъ города Фесценніи, или названы такъ потому, что считались отвращающими fascinum, т. е. чары (худой глазъ, заговоръ и т. п.).»

«Трудно сказать что нибудь положительное о содержаніи фесценнинъ, потому что эти импровизаціи скоро оканчивали свое эфемерное существованіе и не сохранились до послѣдующихъ вѣковъ, когда Римляне стали дорожить памятниками своей древней литературы. Извѣстно только, что отличительнымъ характеромъ фесценнинъ была насмѣшка, брань и отсутствіе всякаго приличія въ выраженіяхъ. Фесценнины обязаны своимъ происхожденіемъ шуткамъ поселянъ, или земледѣльцевъ, которые послѣ окончанія жатвы, или во время сбора винограда, увлеченные порывомъ веселости, имѣли обычай преслѣдовать другъ друга насмѣшками и остротами, на которыя тотчасъ же былъ готовъ отвѣтъ. Всѣ согласны въ томъ, что въ этой перебранкѣ, въ которой, конечно, выставлялись всѣ слабости и недостатки противной стороны, заключалось много комическаго элемента, и потому не безъ основанія смотрятъ на фесценнины, какъ на зародышъ Римской національной комедіи.

«Введенію сценическихъ представленій въ Римѣ, изъ которыхъ могла образоваться народная, національная драма, особенно спо-

собствовало одно обстоятельство, о которомъ подробно разсказываетъ Ливій.

«Въ исходѣ IV-го вѣка въ консульство А. Сульпиція Петика и К. Лициніа Столона, свирѣпствовала въ Римѣ, по словамъ Тита Ливія, ужасная моровая язва. Когда всѣ средства умилостивить боговъ были истощены, Римляне обратились къ Этрусскамъ,—къ народу, къ которому они уже и прежде такъ часто обращались за совѣтомъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, или во время опасности. И въ настоящемъ случаѣ не для увеселенія народа, а для умилостивленія боговъ, Римляне ввели у себя Этрусскія сценическія представленія и съ этою цѣлію пригласили къ себѣ изъ Этруріи людіоновъ, или актеровъ. Эти сценическія представленія Этрусскихъ людіоновъ исключительно состояли изъ танцевъ и не сопровождались ни діалогомъ, ни пѣніемъ, ни музыкою. Этрусская пляска, говоритъ Ливій, не сопровождалась даже соотвѣтственною мимикою, которая хоть сколько нибудь придавала бы ей выраженіе: это были просто мѣрныя движенія и повороты тѣла, не лишенные, впрочемъ, граціи, это былъ простой національный танецъ важныхъ Этрусковъ,—который, какъ кажется, остался въ Римѣ и по прошествіи язвы, потому что, вѣроятно, понравился народу. Римская молодежь, продолжаетъ Ливій, вскорѣ выступила на сцену съ пародіею на религіозный Этрусскій танецъ и присоединила къ нему слова и соотвѣтственную мимику. Этотъ текстъ, который такимъ образомъ присоединенъ былъ къ Этрусской пляскѣ, состоялъ изъ импровизированныхъ, грубыхъ шутокъ, выраженныхъ въ безъискусственныхъ стихахъ, которые своимъ характеромъ, по свидѣтельству Ливія, совершенно подходили къ прежнимъ фесценнинамъ. Религіозный характеръ Этрусской религіозной церемоніи нисколько не профанировался этою примѣсью фесценнинъ, потому что, какъ мы уже замѣтили, у народовъ классической древности мы нерѣдко не находимъ никакой грани между шуткою, разгуломъ и религіею. Если съ этими шутками Римской молодежи нельзя еще соединять представленія о драмѣ и драматическомъ дѣйствіи, то, съ другой стороны, нельзя также не согласиться съ тѣмъ, что въ этихъ грубыхъ импровизаціяхъ выразился зародышъ и первообразъ Римской драмы, изъ котораго, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, легко могла развиться національная Римская комедія. Во всякомъ случаѣ это былъ первый шагъ къ дальнѣйшему развитію Римской драмы; другимъ шагомъ было то, что вскорѣ образовалось въ Римѣ особенное сословіе актеровъ, которые, какъ говоритъ Ливій, названы были Этрусскимъ именемъ *гистріоновъ*. Появленіе людей, которые исключительно посвящали себя сценическому искусству, должно было имѣть благодѣтельное вліяніе на дальнѣйшее развитіе его въ Римѣ.

Дѣйствительно, съ этого времени изчезли съ Римской сцены грубые импровизированные фесценнины, и образовался особый родъ театральныхъ пьесъ, которыя были названы *сатурами*, или *сатирами*. Драматическая сатира не походила на прежніе фесценнины уже тѣмъ, что не имѣла характера *антифонной поэзіи*. Кромѣ того, драматическая сатира уже не могла быть импровизаціею, потому что ея текстъ и метры должны были соотвѣтствовать мимикѣ и аккомпанименту.

«Такъ образовалась драматическая сатира, чисто Римскій національный продуктъ, который не имѣетъ ничего общаго ни съ сатирическою драмою древнихъ Грековъ, ни съ позднѣйшею дидактическою сатирою Эннія, Варрона, Луцилія и проч. Въ Римской сатирѣ все національное, начиная съ названія. Сценическіе фарсы, представлявшіе пестрый наборъ словъ и шутокъ, безъ всякаго драматическаго содержанія и единства, названы были сатирою въ первоначальномъ значеніи этого древнелатинскаго слова, какъ опредѣляетъ его Фестъ въ своемъ лексиконѣ [1]). Драматическая сатира была послѣднею ступенью въ развитіи народной Римской комедіи и прямо предшествовала появленію на Римской сценѣ искусственной драмы. Спустя 120 лѣтъ послѣ того, какъ Этрусскіе гистріоны были призваны въ Римъ, и нѣсколько лѣтъ по введеніи драматической сатиры, явился на Римской сценѣ Ливій Андроникъ (514 г.), который, по свидѣтельству Тита Ливія, придалъ содержаніе простымъ, безъискусственнымъ фарсамъ, а потомъ своими передѣлками, или переводами первый началъ знакомить Римскую публику съ изящными произведеніями Греческаго репертуара». (Пропилеи. Книга 2, стр. 141—149).

Такимъ образомъ сатира у Римлянъ первоначально представляла не болѣе какъ наборъ безъискусственныхъ шутокъ. Первые сатирики Римскіе Энній и Пакувій (въ 3 в. до Р. Х.) употребляли въ ней безъ разбора и безъ всякаго порядка разные роды стиховъ [2]).

---

[1]) «Satura est cibi genus ex variis rebus conditum, ut est lex multis aliis conserta legibus. Quidam dicunt esse genus carminis, ubi de multis disputatur». Замѣчательно, что и теперь въ Италіи подобныя безъискусственныя пьесы называются именемъ совершенно соотвѣтствующимъ древне-римскому слову *satura*. Итальянское слово *farsa*, происходящее отъ Латинскаго глагола *farcio*, означаетъ собственно какъ и Латинское слово *satura*, смѣсь изъ разныхъ предметовъ.

[2]) Satira, говоритъ грамматикъ Діомедъ, est carmen maledicum, et ad carpenda hominum vitia compositum, quale scripserunt Lucilius, Horatius et Persius. Sed olim carmen quod ex variis poëmatibus constabat satira vocabatur, quales scripserunt Pacuvius et Ennius.» Сатира есть сочиненіе порицательное, предназначенное для охужденія людскихъ пороковъ: таковыя писали Луцилій, Горацій и Персій. Но въ старинное время называлось сатирою произведеніе, составленное изъ различныхъ стиховъ: такъ писали Пакувій и Энній.

Теренцій Варронъ (род. около 116 г. до Р. Х.) еще смѣлѣе былъ Эннія въ сатирѣ, названной имъ *Мениппея*, по сходству съ сатирою Мениппа, Греческаго циника. Онъ смѣшивалъ стихи съ прозою, и слѣдовательно болѣе другихъ имѣлъ право назвать свои творенія сатирами, по данной имъ формѣ.

Наконецъ явился Луцилій (род. около 150 до Р. Х.); онъ установилъ видъ сатиры, какой находится у Горація, Персія и Ювенала, и даже у новѣйшихъ народовъ. Тогда значеніе слова *сатира* перемѣнилось; его стали придавать смѣшенію предметовъ, а не формъ, ибо дѣйствительно въ этихъ сочиненіяхъ находится *осмѣяніе* и самихъ людей, и различныхъ странностей ихъ и пороковъ. Люцилій первый одѣлъ сатиру въ форму экзаметра и рѣшительно перенесъ ее изъ области драмы въ область дидактическаго размышленія, сдѣлавъ изъ нея то, что мы привыкли понимать подъ именемъ *сатиры*, т. е. насмѣшливый, карающій родъ поэзіи.

Полной художественной формой сатира стала у Горація [1]). Горацій мастерски владѣлъ ею, не столько карая общественное зло острымъ ножемъ гнѣва, сколько укалывая его тонкимъ остріемъ ироніи. Постоянно сдержанный, умѣренный, улыбающійся, онъ, при всей учтивости и добродушіи, рисуетъ однако людскія страсти и ихъ смѣшныя стороны съ поразительною вѣрностью. Его девизъ: ridendo dicere verum (смѣясь высказывать правду). «Римъ вѣка Августова, при воспоминаніи людей прежняго времени, представляется намъ, говоритъ Дмитріевъ, въ сатирахъ Горація разоблаченный отъ фальшиваго величія! Вѣкъ Августа почитаемъ мы апогеей Римскаго народа: онъ обладалъ міромъ и даровалъ ему миръ. Но червь разврата, корысти, лихоимства ростовщиковъ, обжорства, роскоши, мелочей жизни, поклонничества, рабства, софистическихъ ученій, догрызаетъ въ это время Римскую имперію! Клавдій и Геліогабалъ уже зарождаются въ духѣ народа! Грѣшный Римъ умираетъ на ложѣ, покрытомъ пурпуромъ, какъ корыстолюбецъ, окруженный своими корыстями, которые вскорѣ пойдутъ на вѣтеръ! — Все это мы, или видимъ, или предчувствуемъ въ сатирахъ Горація! — Онѣ, въ этомъ отношеніи, стоютъ изученія, какъ дополненіе Римской исторіи!»

У Персія (34 — 62 по Р. Х.) и Ювенала (род. при императорѣ Клавдіи въ 42 г. по Р. Х., жилъ при Неронѣ, Гальбѣ, Оттонѣ, Вителліи, Веспасіанѣ, Титѣ и Домиціанѣ, умеръ при Траянѣ восьмидесятилѣтнимъ старикомъ въ 122 году по Р. Х.), сатира является обличительною, грозною, карающею. Ювеналъ говоритъ: «Si natura negat, facit indignatio versus: (если природа отказала мнѣ въ сти-

---

[1]) См. о немъ выше, на стр. 211, выноска.

хѣ, то родитъ его негодованіе). Юлій Скалигеръ называетъ его царемъ сатирическихъ поэтовъ, и говоритъ, что онъ *ardet*, *instat*, *jugulat*, воспламеняется, наступаетъ, поражаетъ [1]).

У насъ сатира представляется самымъ крупнымъ явленіемъ литературы. Голосъ ея раздается съ начала XVIII столѣтія. Князь Антіохъ Кантемиръ начинаетъ собою рядъ замѣчательныхъ сатириковъ. Девять сатиръ Кантемира (девятая напечатана въ Библіографическихъ Запискахъ Лонгинова. 1858 года. Т. I, стр. 65—75)— вѣрная и яркая картина Русскаго общества, тронутаго реформами Петра Великаго. Сумароковъ (Александръ Петровичъ) съ достоинствомъ продолжалъ дѣло Кантемира. Онъ въ девяти своихъ сатирахъ энергически обличалъ разные недостатки своего вѣка. Профессоръ Буличь говоритъ о Сумароковѣ: «Сатира оживляла его. Порокъ, преслѣдуемый имъ, задѣвалъ его за живое и вдохновлялъ его. Въ сатирахъ его больше Русскихъ началъ, чѣмъ у Кантемира». Сатирическое направленіе Сумарокова выразилось не только въ его сатирахъ, но и во множествѣ другихъ литературныхъ формъ: въ баснѣ, эпистолѣ, журналѣ, мелкихъ прозаическихъ статьяхъ, комедіи и проч. и проч. Императрица Екатерина II-я обнаружила свое сатирическое дарованіе въ разнообразныхъ произведеніяхъ, но выше всего въ этомъ отношеніи Ея «Были и Небылицы». «Были и Небылицы»—сатира живая и меткая, вѣрная характеристика совре-

---

[1]) У Грековъ зародыши сатиры находимъ въ ихъ *ямбахъ*. Слова Шерра: «Поэтической формой сатиры былъ ямбъ (ямбическій стихъ, имя котораго производится отъ *ἰάπτειν*, бросать, метать), названный такъ потому, что въ немъ насмѣшка и порицаніе какъ будто бросались въ того, кто служилъ предметомъ сатиры. Насмѣшка была выдающеюся чертою въ характерѣ веселаго Греческаго народа, такъ что въ его культѣ были даже особенныя забавныя и насмѣшливыя празднества. Древность поэтическаго осмѣянія пороковъ, слабостей и смѣшныхъ сторонъ человѣка доказывается уже тѣмъ, что ямбическій стихъ внесенъ былъ въ миѳологію. Этотъ стихъ получилъ будто бы свое названіе отъ Ямбы, прислужницы богини Деметры; когда богиня опечалилась похищеніемъ ея дочери Персефоны, она старалась развлечь ее всевозможными шутками и забавами, къ которымъ и перешло ея имя. Главнымъ сатирическимъ поэтомъ былъ Архилохъ изъ Пароса (между 678 и 699 г. до Р. Х.), человѣкъ высокаго дарованія, имѣвшій большой успѣхъ также въ лирической поэзіи и въ баснѣ; по геніальности и знаменитости его, древніе сравнивали Архилоха съ Гомеромъ. Необыкновенную дѣйствительность его сатиры выражаетъ сказаніе о Ликамбѣ и дочери его Необулѣ, которые повѣсились съ отчаянія, пораженные ямбами оскорбленнаго ими поэта. Рядомъ съ Архилохомъ, отъ котораго остались только немногіе отрывки, уважались, какъ сатирическіе поэты, Симонидъ изъ Аморга (680 г. до Р. Х.), страшно издѣвавшійся надъ прекраснымъ поломъ, и Гиппонаксъ (540 г. до Р. Х.), вмѣстѣ съ которымъ называется обыкновенно и Ананіосъ. Гиппонаксъ считается также изобрѣтателемъ эпической пародіи». (Исторія литературы. Р. переводъ. Вып. 1, стр. 81.—Исторія Греч. литературы. Мунка. Р. переводъ. Стр. 42—46).

меннаго Ей общества. Онѣ, по словамъ вѣнценоснаго автора, вытащены изъ *обширнаго моря естества*. Главнымъ характеристическимъ выраженіемъ журналовъ 1762—1774 годовъ была сатира,—сатира, строго обличающая пороки и затрогивающая темныя стороны вседневной жизни. Сатира эта состоитъ въ тѣсной связи съ тѣми преобразованіями, какія задумывала и совершала Великая Екатерина. 1769 годъ былъ особенно счастливъ на журналы, которыхъ выходило тогда восемь. Между всѣми сатирическими журналами временъ Екатерины первенство принадлежитъ «Живописцу» Новикова. «Это былъ, говоритъ Аѳанасьевъ, лучшій журналъ Екатерининскаго времени; его обличительная сатира высказывалась съ неослабною энергіею и облекалась иногда въ формы истинно-художественныя; отъ многихъ ея изображеній вѣетъ дѣйствительною жизнью. Успѣхъ «Живописца» былъ полный, что доказывается многими изданіями; просвѣщенные люди встрѣтили его съ сильнымъ участіемъ». Журналы этого времени осмѣивали и обличали невѣжество, дурное воспитаніе, суевѣріе и предразсудки, ханжество, слѣпое подражаніе иностранцамъ, роскошь, мотовство, подъячихъ, бездарныхъ поэтовъ и проч. Яркимъ сатирическимъ дарованіемъ при Екатеринѣ II владѣлъ Фонвизинъ.

Въ XIX вѣкѣ сатира имѣла своихъ достойныхъ представителей въ лицѣ Милонова, Нахимова, Дмитріева, Воейкова и князя Вяземскаго.

Между современными поэтами сатирическое направленіе является господствующимъ въ стихотвореніяхъ Некрасова. Некрасовъ—поэтъ нашей жизни съ ея темными и загадочными явленіями. Вездѣ у него видна *спасительная злоба* на недостатки нашего вѣка.

Надо замѣтить, что въ послѣднее время сатира особенно громко вопіетъ противъ разныхъ недуговъ Русскаго общества; возникла, вслѣдствіе государственныхъ реформъ, цѣлая обличительная литература. Вожатай на этомъ полѣ—Щедринъ. Извѣстно, какого шуму надѣлали его «Губернскіе Очерки». Недавно онъ издалъ книгу: «Сатиры въ прозѣ».

О ямбографахъ «Babrias und die älteren Jambendoctehr, Гартунга, текстъ, переводъ и примѣчанія. 1855. — J. Casauboni: de Satyrica Grecorum poesi et Romanorum satira, libri II. Paris. 1605.—Roth. zur Theorie und innern Geschichte der Römischen satira. Stuttg. 1848. — Dacier. Discours sur la Satire. Во второмъ томѣ мемуаровъ академіи надписей. — Исторія литературы древняго и новаго міра. Милюкова. Спб. 1862. Т. 1-й, стр. 264 и д. — Сатиры Квинта Горація Флакка. Переводъ М. Дмитріева. Москва. 1858.—Сатиры Персія нѣтъ ни одной на Русскомъ языкѣ. Персій и Ювеналъ. Шевырева. Жур. М. Н. Просв. Часть XVIII. — Ювеналъ. Двѣ публичныя лекціи Н. М. Благовѣщенскаго. Спб. 1860. — Сатиры Ювенала. Перев. Минаева. Соврем. и Р. Слово 1863.—Сумароковъ и современная ему критика. Н. Булича. Спб. 1854. — «Были и Небылицы». Отеч. Зап. 1856, № 10.—

Русскіе сатирическіе журналы 1769 — 1774 годовъ. Эпизодъ изъ исторіи Русской литературы прошлаго вѣка. Сочиненіе А. Аѳанасьева. Москва. 1859. — Словарь древней и новой поэзіи. Остолопова. Спб. 1821. Часть III, стр. 65 — 140.

Поѣздка въ Брундузіумъ [1].

(Сатира V. Горація.)

Послѣ того, какъ оставилъ я стѣны великаго Рима,
Съ реторомъ Геліодоромъ, ученѣйшимъ мужемъ изъ Грековъ [2],
Въ бѣдной гостинницѣ вскорѣ Арицію насъ пріютила [3];
Дальше былъ—Аппіевъ форумъ [4], весь корабельщиковъ полный
И плутовъ корчмарей [5]! — Мы свой переѣздъ раздѣлили
На два; но кто не лѣнивъ и спѣшитъ, тѣ и въ день проѣзжаютъ.
Мы не спѣшили; дорогой же Аппія ѣхать покойнѣй [6].

---

[1]) Брундузіумъ — нынѣ Бриндизи, укрѣпленный городъ и гавань въ нынѣшнемъ Неаполитанскомъ королевствѣ, въ Terra d'Otranto, при Адріатическомъ морѣ. Для насъ Брундузіумъ замѣчателенъ еще тѣмъ, что въ немъ умеръ Виргилій.

Нѣкоторые объяснители полагаютъ, что описанное здѣсь путешествіе Горація, въ сообществѣ Мецената, совершено было въ 713 году отъ основанія Рима, когда Меценатъ ѣздилъ туда для переговоровъ съ Антоніемъ о мирѣ, который дѣйствительно былъ заключенъ въ Брундузіумѣ. Другіе относятъ эту поѣздку къ позднѣйшему времени, именно къ 717 году. Тогда переговоры происходили то же въ Брундузіумѣ, а миръ былъ заключенъ въ Тарентѣ. Послѣднее вѣроятнѣе, потому что здѣсь, вмѣстѣ съ Меценатомъ и Кокцеіемъ, находится Фонтеій Капитонъ; а при первыхъ переговорахъ былъ съ нимъ не Фонтеій, а Полліонъ.

По свидѣтельству схоліаста Порфирія, эта сатира написана Гораціемъ въ подражаніе Луцилію, который, въ одной сатирѣ 3 книги, описалъ тоже свое путешествіе изъ Рима до Капуи, а оттуда до Сицилійскаго пролива.

[2]) Ст. 2. Одинъ Горацій упоминаетъ объ этомъ Геліодорѣ. Названіе реторъ показываетъ, что его ремесло было: учить краснорѣчію, или ораторскому искусству. Вѣроятно онъ принадлежалъ къ свитѣ Мецената, (cohortae amicorum); ибо у знатныхъ Римлянъ было въ обыкновеніи, между людьми, принадлежащими къ ихъ свитѣ, держать и Греческихъ ученыхъ.

[3]) Ст. 3. Aricia, небольшой городъ Лаціума на Аппіевой дорогѣ. Нынѣшнее его имя Rizza.

[4]) Ст. 4. Forum Appii, Аппіевъ рынокъ, городокъ Лаціума, въ землѣ Волсковъ, въ Понтинскихъ болотахъ. Аппій Клавдій устроилъ чрезъ эти болота плотину; а потомъ Августъ велѣлъ прорыть каналъ отъ Аппіева форума до храма Фероніи.

[5]) Ст. 5. Не въ первый разъ содержателей гостинницъ называетъ Горацій плутами. Тоже встрѣчается: сат. 1 стр. 38. Это потому, какъ объясняютъ нѣкоторые, что они поддѣлывали вино разною примѣсью.

[6]) Ст. 7. Аппіева дорога была первой въ Римской имперіи, которую вздумали вымостить. Она была устроена изъ гладкихъ мельничныхъ камней, обдѣланныхъ

Здѣсь, отъ несвѣжей и мутной воды, повздоривъ съ желудкомъ [1]),
Съ безпокойствомъ я ждалъ, какъ спутники кончатъ свой ужинъ [2]).
Ночь между тѣмъ разстилала ужь тѣнь, появлялися звѣзды [3]).
Слуги съ владѣльцами лодокъ, а эти съ слугами бранились [4]):
«Эй! причаливай здѣсь!» — «У тебя человѣкъ уже триста!
Будетъ съ тебя! все полно!» — Но покудова всѣ расплатились [5])
И мула привязали — часъ цѣлый прошелъ! — Комары и лягушки
Не дали спать! — Да лодошникъ пьяный съ какимъ-то проѣзжимъ
Взапуски пѣть принялись про своихъ отдаленныхъ любезныхъ!
Этотъ заснулъ наконецъ; а тотъ, зацѣпивъ за высокой
Камень — свою бечеву, пустилъ мула попастися;
Самъ же на̀ спину легъ, и спокойно всхрапнулъ.

четвероугольными плитами и такъ плотно соединенныхъ, что нельзя было замѣтить между ними спаекъ. Она была столь прочно сдѣлана, что еще во время Юстиніана сохранилась неповрежденною, и столь отличалась красотою отдѣлки, что по справедливости называлась regina viarum. Кромѣ того на ней было много гостинницъ. Вотъ почему эта дорога была во всѣхъ отношеніяхъ удобнѣе для проѣзжающихъ. Аппій началъ эту дорогу отъ Porta Capena и довелъ ее только до Капуи; а по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ до горы, на которой стоялъ Анксуръ, потому что въ его время провинціи, лежащія далѣе, не принадлежали еще Римлянамъ. Впослѣдствіи провели ее до крайнихъ предѣловъ Италіи, до самаго Іоническаго моря. Юлій Цезарь, бывши надзирателемъ этой дороги, употребилъ на нее большія суммы, и довелъ ее до того совершенства, въ которомъ она была во время Горація.

[1]) Ст. 8. Вода Аппіева форума была именно потому дурна, что онъ былъ окруженъ болотами.

[2]) Ст. 9. Горацій прибылъ въ Аппіевъ форумъ вечеромъ, и въ ту же ночь отправился далѣе, по каналу. Страбонъ говоритъ, то это плаваніе всегда совершалось ночью. Вѣроятно потому, какъ думаютъ нѣкоторые объяснители, чтобы менѣе быть обезпокоену испареніями болота, которыя въ большемъ количествѣ извлекаемы были лучами солнца.

[3]) Ст. 10. Этотъ стихъ и въ подлинникѣ написанъ слогомъ, нѣсколько по выше разговорнаго.

[4]) Ст. 11. По каналу плыли путешественники бечевой; судно тянули посредствомъ привязаннаго къ нему мула, ступавшаго берегомъ. Погонщикъ мула вѣроятно шелъ тоже по берегу, и воспользовавшись темнотою ночи и сномъ своихъ пассажировъ, онъ, какъ видно изъ сатиры, отвязалъ мула и пустилъ его пощипать травы, а самъ легъ и заснулъ.

[5]) Ст. 13. Плату за переѣздъ лодошники получали впередъ; потому, передъ отъѣздомъ, и надобно было разсчитываться.

Начинало свѣтать; мы лишь тутъ догадались, что лодка
Съ мѣста нейдетъ! — Тутъ, выскочивъ кто-то, какъ бѣшеный,
[illegible] началъ
Бить, то мула, то хозяина, ивовой палкой! — Досталось
Ихъ головамъ и бокамъ! — Наконецъ мы насилу, насилу
На-берегъ вышли въ четыре часа [1]). — Здѣсь лице мы и руки
Чистой, Феронія, влагой твоею омывъ [2]), и поѣвши,
Вновь протащились три мили, и въѣхали въ Анксуръ [3]), который
Издали виденъ, красиво на бѣлыхъ утесахъ построенъ!
Здѣсь Мецената съ Кокцеіемъ мы поджидали пріѣзда [4]).
Оба отправлены были они съ порученіемъ важнымъ;
Оба привыкли друзей примирять, соглашая ихъ пользы [5]).

---

[1]) Ст. 24. Римляне болѣе 450 лѣтъ не знали раздѣленія времени на часы дня и ночи; они начали употреблять это дѣленіе за нѣсколько лѣтъ до войны съ Пирромъ. Двѣнадцать таблицъ раздѣляютъ день на три времени; восходъ солнца, полдень и закатъ. Когда введено было исчисленіе дня и ночи часами, они дѣлили и день и ночь на 12 часовъ, безъ отношенія ко времени года, и потому ихъ часы были не одинаковаго продолженія времени. Отъ весенняго равноденствія до осенняго дневныя часы были длиннѣе ночныхъ; а отъ конца сентября до конца марта, на оборотъ, ночные часы были длиннѣе. Здѣсь «въ четыре часа» значитъ— послѣ восхода солнца.

[2]) Ст. 25. Feronia — была древняя Италійская богиня, или нимфа, которой, задолго еще до построенія Рима, воздавали честь и Латины и Сабинцы. Она почиталась у древнихъ народовъ Италіи богинею свободы. Въ послѣдствіи времени она была названа Juno Feronia. Въ трехъ тысячахъ шагахъ, т. е. въ трехъ Римскихъ миляхъ города Анксура находились посвященные ей, древній лѣсъ и храмъ, гдѣ путешественники, проѣзжая мимо, воздавали ей поклоненіе.

[3]) Ст. 26. Anxur или Axur, древній городъ Волсковъ, который былъ построенъ на высокой горѣ и казался висящимъ надъ Понтинскими болотами. Имя Anxur происходитъ отъ прозванія Юпитера, которому поклонялись тамъ подъ этимъ именемъ. Греки называли этотъ городъ Trachina, изъ чего составилось позднѣйшее его имя—Tarracina. Онъ существовалъ еще во время Горація, но мало по малу жители переселились къ подошвѣ горы, древній городъ превратился въ развалины, а новый назывался только Tarracina. Нынѣ онъ называется Террачина.

[4]) Ст. 28. М. Кокцеій Нерва, знаменитый юриспрудентъ и мужъ государственный того времени. Другъ и Октавіана, и Антонія, онъ не принадлежалъ собственно ни къ той ни къ другой партіи; но посредствомъ своего благоразумія, умѣренности и праводушія былъ и той и другой сторонѣ пріятенъ и нуженъ. Онъ былъ консуломъ вмѣстѣ съ Луціемъ Гелліемъ Публиколою. Императоръ Нерва былъ правнукъ этого Кокцеія.

[5]) Ст. 30. Меценатъ и Кокцеій, со времени мира, заключеннаго черезъ ихъ посредство, осенью 714 года, между тріумвиромъ Антоніемъ и молодымъ Цезаремъ, не переставали заботиться о приведеніи въ нѣкоторое равновѣсіе дѣлъ двухъ соперниковъ, споривщихъ объ обладаніи. По этой то причинѣ говоритъ Горацій о Меценатѣ и Кокцеіѣ — aversas soliti componere amicos, «привыкшіе примирять друзей въ ихъ разногласіяхъ.» — Слѣдовательно (замѣчаетъ Виландъ)

Слабый зрѣніемъ, здѣсь я коллиріемъ очи помазалъ [1]).
Прибылъ межь тѣмъ Меценатъ; съ нимъ Кокцеій, и съ нимъ же Фонтеій [2]),
Мужъ во всемъ совершенный; онъ былъ Антонію другомъ,
Какъ никто не бывалъ! — Мы охотно оставили Фунди [3]),
Гдѣ насъ, какъ преторъ встрѣчалъ Ауфидій Косой [4])! — Насмѣялись
Вдоволь мы всѣ, и претекстѣ его, съ пурпуровой прошивкой,
И курильницѣ, пуще всего, сумасшедшаго скриба [5])!
Послѣ, усталые, въ городѣ мы отдохнули Мамурровъ [6]);

порученіе, по которому, въ этотъ разъ, Меценатъ и Кокцеій ѣхали въ Брундузіумъ, должно было относиться именно къ 717 году, а не къ 714, какъ полагали нѣкоторые коментаторы». См. примѣч. 1.

[1]) Ст. 31. Въ подлинникѣ nigra colliria.

[2]) Ст. 32. Полагаютъ, что это былъ отецъ К. Фонтеія Капитона, который въ 765 году былъ консуломъ. Впрочемъ, о немъ ничего неизвѣстно.

[3]) Ст. 34. Fundi — небольшой городокъ, недалекій отъ Анксура, или Террацины. Онъ въ IX вѣкѣ былъ разрушенъ Сарацинами.

[4]) Ст. 35. Aufidius Luscus. — Я почелъ нужнымъ перевести прозваніе Luscus, и назвать его въ переводѣ Ауфидій Косой, потому что Горацій, писавши это имя, вѣроятно имѣлъ въ виду его буквальное значеніе, и поставилъ его не безъ намѣренія посмѣяться.

Ауфидіи были всѣ родомъ изъ Фунди; Ливія, со стороны матери, принадлежала къ той же фамиліи. Въ колоніяхъ и городахъ муниципальныхъ были тѣ же должностныя лица, какъ и въ Римѣ. Но здѣсь, относительно званія Ауфидія Луска, представляется то затрудненіе, что городъ Фунди былъ съ самаго начала только префектурой; а потомъ, хотя онъ и сдѣлался городомъ муниципальнымъ, однако не пользовался всѣми соединенными съ этимъ правами, т. е. не избиралъ правительственныхъ лицъ, изъ среды своихъ гражданъ, а получалъ ихъ отъ Рима. И потому онъ не имѣлъ собственно такъ называемаго претора. Впрочемъ, по свидѣтельству Феста, было два рода префектуры, одна когда Римъ назначалъ префекта, избраннаго народомъ; а другая, когда преторъ Рима присылалъ ежегодно правительственныя лица, какъ напр. въ Фунди, въ Формію и проч. И такъ этотъ Ауфидій Лускусъ былъ конечно правитель города, присланный преторомъ Рима; но онъ, вѣроятно, какъ повѣренный претора, самъ представлялъ изъ себя претора. Такъ думаетъ Дасье. А Санадонъ говоритъ, что неизвѣстно, зависѣла ли его власть отъ Римскаго претора, или онъ получилъ ее отъ города Фунди, котораго онъ, можетъ быть, былъ дѣйствительно преторомъ.

[5]) Ст. 37. Курильница, которую несли передъ Ауфидіемъ возбудила много толкованій между объяснителями Горація; какъ бы то ни было, но это должно приписать той же торжественной важности, которую хотѣлъ себѣ придать Ауфидій при встрѣчѣ Мецената.

[6]) Ст. 38. Городокъ Formiae былъ родиной нѣкоего Мамурры, человѣка низкаго происхожденія, который однако при Цезарѣ былъ въ Галліи praefectus fabrorum; званіе не важное, но въ которомъ онъ умѣлъ такъ обогатиться, что первый обложилъ домъ свой мраморомъ. Городъ Мамурровъ, какъ называетъ Горацій Формію, это просто насмѣшка, и надъ Мамурромъ, и надъ городомъ.

Здѣсь намъ Мурена свой домъ предложилъ; Капитонъ угощенье [1]).

Самый пріятнѣйшій день былъ за этимъ для насъ въ Синуессѣ [2]);

Ибо тутъ съѣхались съ нами — Плотій, Виргилій и Варій [3]),

Чистыя души, которымъ подобныхъ земля не носила,

И къ которымъ сильнѣе меня — никто не привязанъ [4])!

Что за объятія были у насъ, и что за восторги!

Нѣтъ! покуда я въ здравомъ умѣ, ничего не сравняю я съ другомъ!

Близь Кампанійскаго моста потомъ пріютила насъ вилла [5]);

А поставщики соль и дрова намъ прислали, какъ должно [6]).

Въ Ка́пуѣ наши мулы сложили поранѣе ношу [7]);

Меценатъ занялся здѣсь игрой; а я и Виргилій

---

[1]) Ст. 39. Мурена — братъ Лициніи, которая впослѣдствіи была замужемъ за Меценатомъ. Этотъ Мурена лѣтъ 16 или 17 послѣ того былъ осужденъ на смерть за заговоръ противъ Августа.

[2]) Ст. 40. Послѣдній городъ Лаціума на границѣ Кампаніи, между Лириса и Вультурна. Онъ былъ названъ Синуессою, потому что стоялъ на берегу моря при заливѣ Sinus Setinus.

[3]) Ст. 41. Три эпическіе поэта Августова времени. О Варіѣ знаемъ мы изъ Горація, что онъ воспѣлъ войны Августа. Плотій и Варій встрѣчаются опять въ 10-й сатирѣ, 1 кн. въ числѣ избранныхъ людей, которымъ нравится Горацій.

[4]) Ст. 43. Нѣкоторые переводятъ этотъ стихъ такъ: «И которымъ больше меня никто не обязанъ.» Если принять сей послѣдній смыслъ, то можно объяснить его развѣ тѣмъ, что Виргилій и Варій познакомили Горація съ Меценатомъ (см. сат. 6). Въ такомъ случаѣ это будетъ относиться косвенно къ счастію быть извѣстнымъ Меценату и принадлежать къ кругу этого вельможи. Но мнѣ кажется, что натягивая такимъ образомъ объясненіе поэта, рискуешь иногда придать ему намѣреніе, котораго у него не бывало. Я предпочелъ простое выраженіе безкорыстной привязанности къ друзьямъ, которое сообразнѣе съ благороднымъ характеромъ Горація.

[5]) Ст. 46. Географы не согласны въ мѣстоположеніи этого моста. Если онъ былъ на Вультурнѣ, то это долженъ быть мостъ Касилійскій, который былъ миляхъ въ пяти отъ Капуи. Это разстояніе довольно согласно съ тѣмъ, что говоритъ Горацій, что они пріѣхали туда рано.

[6]) Ст. 47. По обычаю, введенному будто бы консуломъ Луціемъ Постуміемъ, всѣмъ служебнымъ лицамъ, ѣдущимъ по дѣламъ государства по Италіи и по всѣмъ Римскимъ провинціямъ, въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ они останавливались ночевать, должно было отпускать безденежно все самонужнѣйшее для ихъ продовольствія. Такъ какъ многіе пользовались этимъ правомъ къ отягощенію провинцій, то законъ (Lex Julia de provinciis) ограничилъ эту подать буквально дровами и солью. Тѣ, которые были приставлены къ поставкѣ этихъ самонужнѣйшихъ предметовъ, назывались magistri pagorum. Горацій называетъ ихъ parochi, что я перевелъ словомъ поставщики. Мѣста же, гдѣ можно было этого требовать, назывались parochiae.

[7]) Ст. 48. Капуя главный городъ Кампаніи. Нынѣшняя Капуя не та, которая была въ древности. Древняя была двѣ географическихъ мили выше; ея раз-

Сну предались, потому что въ бросанье меча упражняться
Вредно и слабому зрѣнію, вредно и слабымъ желудкамъ [1])!
Миновавши корчмы Кауділума [2]), нѣсколько выше,
Приняты были Кокцеіемъ мы — въ прекраснѣйшей виллѣ.
Муза! повѣдай намъ кратко теперь, какъ въ битву вступили
Мессій Цицирръ и Сарментъ; открой и объ родѣ обоихъ [3])!
Мессій свой родъ знаменитый отъ Осковъ ведетъ [4]), а Сармента
Госпожа — и донынѣ жива: то они подвизались!
Началъ Сарментъ: «Ты похожъ, мнѣ сдается, на дикую лошадь!»
Мы засмѣялись. — А Мессій въ отвѣтъ: «Соглашаюсь!» — И тутъ же
Головою встряхнулъ! — Тотъ вскричалъ: «О! если бы рогъ твой
Вырѣзанъ не былъ, чего бъ ты не сдѣлалъ, когда и увѣчный

валины еще видны. По недалекому ея разстоянію отъ мызы, близъ Кампанійскаго моста, гдѣ путешественники ночевали, должно предполагать, то они пріѣхали около полудня.

[1]) Ст. 51. Горацій былъ слабъ глазами, а Виргилій былъ подверженъ боли въ животѣ. И поэтому стихъ относится къ обоимъ. Игра въ мячъ требуетъ напряженія зрѣнія, чтобы попасть въ цѣль, и излишняго движенія, которое волнуетъ кровь; первое было вредно самому Горацію, второе Виргилію.

[2]) Ст. 52. Старинный городокъ Самнитянъ Caudium находился на половинѣ дороги между Капуи и Беневента; вѣроятно недалеко отъ него находились тѣ корчмы, или постоялые дворы, о которыхъ упоминаетъ здѣсь Горацій. Такъ какъ Кокцеій имѣлъ по близости загородный домъ, то естественно, что онъ не допустилъ своихъ спутниковъ остановиться въ корчмѣ, а принялъ и угостилъ ихъ въ своемъ домѣ.

[3]) Ст. 55. Знатные Римляне любили за обѣдомъ веселое общество, и особенно любили забавниковъ, которые назывались Scurras. Кокцеій, кажется, нарочно пригласилъ Мессія Цецирра, чтобы другому шуту Сорменту выставить достойнаго соперника. Сарментъ же былъ вѣроятно въ свитѣ Мецената. Это, должно думать, тотъ самый, о которомъ упоминаетъ Плутархъ въ жизни Антонія, какъ о фаворитѣ Цезаря, и о которомъ говоритъ Ювеналъ въ сатирѣ 5-ой. Имя Цицирръ, какъ полагаетъ Санадонъ, было прозвище, взятое съ греческаго: Kikirrhos; что означаетъ: пѣтухъ.

Здѣсь Горацій, приступая къ единоборству этихъ шутовъ, съ намѣреніемъ возвышаетъ тонъ и призываетъ эпическую музу, въ шутливомъ подражаніи Гомера, почему я и перевелъ это мѣсто старинным высокимъ слогомъ: «Муза! повѣдай теперь, какъ въ битву вступили, и проч. Открой и объ родѣ обоихъ.» Это тоже подражаніе эпическимъ поэмамъ, въ которыхъ, особенно у Гомера, не забывается и родъ героевъ.

[4]) Ст. 56. Это указаніе Горація на родовое происхожденіе Мессія Цицирра — не безъ намѣренія; одно оно показываетъ уже, что этотъ герой былъ человѣкъ безчестный и мошенникъ; ибо Оски, прибрежный народъ Кампаніи, славились безчестною жизнію, особенно жители Капуи, которые были настоящіе Оски. Извѣстно, что Аннибалъ останавливался въ роскошной Капуѣ, увлеченный ея наслажденіями.

Такъ ты грозишь!» — И подлинно лобъ у него волосистый
Съ лѣвой лица стороны ужасный рубецъ безобразитъ [1])!
Наконецъ потрунивъ надъ его Кампанійской болѣзнью [2]),
Началъ просить онъ его проплясать передъ нами Циклопа,—
Говоря, что не нужно ему ни котурна, ни маски [3])!
Много на это Цицирръ; и спросилъ наконецъ: «Посвятилъ ли
Ларамъ онъ цѣпи свои [4]), потому что, хотя онъ и служитъ
Скрибомъ; но право надъ нимъ госпожи не уменьшилось этимъ [5])!
И зачѣмъ онъ сбѣжалъ, когда онъ такъ малъ и щедушенъ,
Что довольно и фунта муки для его пропитанья!» [6])

---

[1]) Ст. 63. Горацій объясняетъ самъ, почему Сарментъ сказалъ Мессію, что у него вырѣзанъ рогъ: у него на лѣвой сторонѣ лба былъ рубецъ.

[2]) Ст. 64. Кампанійскою болѣзнію названы здѣсь бородавки, надъ которыми смѣется Сарментъ, потому что самъ онъ былъ красавецъ. А о красотѣ его нельзя сомнѣваться. По свидѣтельству одного схоліаста, бородавки были обыкновенно у Кампанійцевъ.

[3]) Ст. 66. Римляне очень любили пантонимныя пляски. Онѣ были разнаго рода: трагическія, эротическія, комическія и проч. Къ послѣднимъ принадлежала и циклопская. Такъ какъ циклопы были огромнаго роста и безобразны (см. Одисс.): то само собою разумѣется, что для этой пляски нужны были котурны и безобразная маска. Изъ словъ Сармента должно заключить, что Цицирръ былъ высокъ ростомъ и безобразенъ: потому-то ему и не нужно было ни котурновъ, ни маски. Это предложеніе должно было чрезвычайно разсмѣшить всѣхъ собесѣдниковъ.

[4]) Ст. 68. Сарментъ задѣлъ Цицирра его безобразіемъ; а этотъ отплатилъ ему его низкимъ родомъ и рабскимъ состояніемъ. Изъ словъ Цицирра должно заключить, что Сарментъ бѣжалъ отъ госпожи своей, потому что вольноотпущенные, по полученіи свободы, освобождаясь отъ какого нибудь ремесла, посвящали богамъ орудія, къ нему принадлежащія; такъ, у Луціана, Тимонъ посвящаетъ Пану свою коженную одежду и заступъ. Цицирръ совѣтуетъ Сарменту посвятить богамъ свои цѣпи, желая тѣмъ показать, что онъ, какъ самый низкій рабъ, работалъ въ оковахъ. Но почему именно Ларамъ? Можетъ быть потому, думаютъ нѣкоторые, что, принадлежа къ самому низкому разряду рабовъ, онъ, въ своемъ невѣжествѣ, не имѣлъ понятія ни о какихъ другихъ богахъ, кромѣ домашнихъ, или потому, что бѣглому всего лучше казалось искать защиты Ларъ, боговъ покровителей.

[5]) Ст. 69. Приличіе требовало, чтобы люди, подобные Сарменту, имѣли какое нибудь публичное званіе, дабы имѣть нѣкоторое право на короткое обращеніе съ такими лицами, какъ Августъ и Меценатъ; званіе, которое возвышало бы ихъ болѣе надъ чернымъ народомъ, къ которому они принадлежали. Должность, или просто титулъ скриба, было одно изъ отличій этого рода; ибо, сколь ни было оно незначительно, однако тѣ, которые были записаны въ коллегіи скрибовъ, почти ровнялись новымъ всадникамъ. Совсѣмъ тѣмъ, такъ какъ онъ не былъ законно отпущенъ на волю, то госпожа его сохраняла полное надъ нимъ право; а право это было не шуточное, ибо рабы были у Римлянъ не лицомъ, а вещію. Титулъ скриба нисколько не освобождалъ его отъ этой власти.

[6]) Ст. 71. Каждый господинъ долженъ былъ давать своему рабу на пропитаніе ежемѣсячно по четыре модія ячменю, что составляло на день отъ трехъ до че-

Такъ мы продлили свой ужинъ и весело кончили вечеръ.
Прямо оттуда поѣхали мы въ Беневентъ [1]), гдѣ хозяинъ,
Жаря намъ чахлыхъ дроздовъ, чуть и самъ не сгорѣлъ отъ усердья;
Ибо, разлившись по кухнѣ, огонь — касался ужъ крыши [2])!
Всѣ мы голодные гости, и слуги всѣ наши, въ испугѣ,
Бросились блюда снимать и тушить принялися! — Отсюда
Видны ужъ горы Апуліи, мнѣ столь знакомыя горы [3])!
Сушитъ горячій ихъ вѣтръ! — Никогда бъ мы на нихъ не взобрались,
Если бы не взяли отдыхъ въ сосѣдственной Тривику виллѣ [4]);
Но и то не безъ слезъ, отъ дыма камина, въ которомъ
Сучья сырые съ зелеными листьями вмѣстѣ горѣли!
. . . . . .
Двадцать четыре потомъ мы проѣхали мили — въ коляскѣ,
Чтобъ прибыть въ городокъ, котораго даже и имя
Въ стихъ не вмѣстишь [5]); но узна́ютъ его по примѣтамъ:
Здѣсь продается — простая вода; но хлѣбъ превосходный,
Такъ что заботливый путникъ въ запасъ нагружаетъ имъ плечи,
Ибо въ Канузѣ хлѣбъ смѣшанъ съ пескомъ, а источника урна
Небогаче водой [6])! Городокъ же былъ этотъ основанъ

тырехъ фунтовъ печенаго хлѣба. Мессій Цицирръ хочетъ показать этимъ Сарменту, что такъ какъ ему достаточно въ день и одного фунта, то у него отъ мѣсячнаго продовольствія были бы и остатки; а потому не для чего было бѣжать ему отъ госпожи своей.

[1]) Ст. 73. Беневентъ городъ въ землѣ Самнитовъ; а по нѣкоторымъ въ землѣ Гаршиновъ.

[2]) Ст. 75. Очаги дѣлались у Римлянъ посреди комнаты и не имѣли надъ собою каменнаго навѣса, или колпака, и потому огонь, разгорѣвшійся сильно, необходимо долженъ былъ достигать до потолка, или если не было потолка, то до самой крыши.

[3]) Ст. 78. Отъ Беневента открываются горы Апуліи, которыя Горацій называетъ знакомыми, потому что тамъ была его родина, гдѣ онъ провелъ младенчество.

[4]) Ст. 81. Trivicum — городъ въ Апуліи. Нѣкоторые полагаютъ, что это нынѣшій городъ Trevico; другіе, что здѣсь упоминается не о самомъ городѣ Тривикѣ, ибо онъ былъ не на Аппіевой дорогѣ. Впрочемъ Горацій говоритъ здѣсь только о виллѣ, сосѣдственной Тривику.

[5]) Ст. 88. По мнѣнію нѣкоторыхъ это городокъ Equus Tuticus или Equotuticum; другіе находятъ топографическія причины не соглашаться съ этимъ мнѣніемъ.

[6]) Ст. 92. Канузіумъ — не большой городокъ на Авфидіѣ (см. сат. 1 примѣч. 7). Это небольшая рѣка, собственно источникъ, почти пересыхала лѣтомъ; но въ полноводіе, особенно зимою, была чрезвычайно быстра, и несла въ водахъ своихъ много песку и грязи.

Діомедомъ самимъ [1]). — Здѣсь мы съ Варіемъ грустно разстались.

Вотъ мы пріѣхали въ Руби, уставъ отъ пути чрезвычайно [2]),
Отъ того, что дорога длинна и испорчена стала дождями.
День былъ на утро получше; но въ Баріумъ, рыбой обильный,
Хуже дорога пошла [3])! За нимъ насъ потѣшила вдоволь
Гнація, городъ, построенный въ гнѣвѣ — нимфъ раздраженныхъ [4])!

Здѣсь насъ хотѣли увѣрить, что будто на прагѣ священномъ
Ладанъ, безъ пламени, таетъ у нихъ [5])! Одному лишь Апеллѣ
Іудею — повѣрить тому [6]); а не мнѣ: я учился
Вѣрить, что боги безпечно живутъ, и если натура
Чудное что производитъ — не съ неба они посылаютъ [7])!
Такъ въ Брундузіемъ кончился путь, и конецъ описанью!

Дмитріевъ.

По этому не мудрено, что въ Канузіумѣ былъ недостатокъ воды. Филостратъ говоритъ, что надобно было провести воду изъ другихъ мѣстъ, чтобы сдѣлать Канузіумъ обитаемымъ.

[1]) Ст. 93. Было преданіе, что Діомедъ, по возвращеніи съ войны Троянской, приставъ къ берегамъ Апуліи, вышелъ на берегъ, покорилъ жителей и построилъ многіе города, какъ-то Беневентъ, Эквотутіумъ, Арпи, Канузіумъ и проч.

[2] и [3]) Ст. 94. Руби — тоже небольшой городокъ Апуліи, отстоящій довольно далеко отъ Эквотутіума, (если этотъ городъ точно тотъ, котораго не упомянулъ Горацій, по невмѣстимости въ стихъ его имени). И потому не мудрено, что путешественники устали отъ дороги; дорога была дурна, да и переѣздъ длинный.

[4]) Ст. 98. Гнація (или правильнѣе Egnatia), городокъ Апуліи, между Баріума и Брундузіума. Гнація, по своему мѣстоположенію, подвержена была частымъ опустошеніямъ отъ сильныхъ водъ, текущихъ съ сосѣдственныхъ горъ. Такъ объясняетъ схоліастъ слова Горація: «въ гнѣвѣ Нимфъ.» А другіе разумѣютъ подъ этимъ недостатокъ воды въ этомъ городкѣ.

[5]) Ст. 100. Чудо, въ которомъ хотѣли увѣрить Горація тамошніе жители, упоминается и Плиніемъ, какъ обстоятельство, упоминаемое другими писателями (H. N. lib. 2 c. 107). «У нихъ былъ, говоритъ онъ, священный камень, на которомъ дрова загорались сами собою.» Солинъ разсказываетъ почти тоже о нѣкоторомъ волканическомъ холмѣ, недалеко отъ Агригентскаго озера, въ той же сторонѣ Сициліи, гдѣ по свидѣтельству Страбона, былъ найденъ источникъ, по поверхности котораго плавало каменное масло. Древніе, какъ замѣчаетъ Виландъ, были, какъ извѣстно, лѣнивы и хладнокровны къ испытанію явленій подобнаго рода. Къ этому надобно прибавить, что физика древнихъ была въ состояніи младенчества; а химія у нихъ не существовало.

[6]) Ст. 101. Кто этотъ Іудей Apella, неизвѣстно. Нечего приводить мнѣнія толкователей, потому что всѣ они не объясняютъ ничего.

[7]) Ст. 103. Въ физикѣ, (которую древніе причисляли къ Θеологіи), Горацій слѣдовалъ, кажется Лукрецію, и былъ еще въ то время, (какъ самъ говоритъ онъ о себѣ въ одной одѣ): Parcus deorum cultor et infrequens; т. е. «скупой и рѣдкій поклонникъ боговъ.» Эта сатира написана, какъ полагаютъ, въ 717 году отъ основанія Р., когда Горацію было 28 лѣтъ; а первая книга одъ, въ которой находится ода 34, свидѣтельствующая о его обращеніи къ богопочитанію, издана въ

О Благородствѣ.

(Сатира VI. Горація).

Слова Водовозова: «Между многими сатирами Горація, служащими къ характеристикѣ собственной личности поэта, настоящая сатира наиболѣе замѣчательна. Авторъ ея разсказываетъ о своемъ происхожденіи, воспитаніи и положеніи въ свѣтѣ.

«Надо знать, что, вслѣдъ за побѣдою Августа, политическое состояніе Рима замѣтно измѣнилось. Паденіе республиканской партіи вело за собою униженіе многихъ знатныхъ старинныхъ родовъ. Вмѣсто ихъ являются на сценѣ или малоизвѣстные до того времени фамиліи всадниковъ, или совершенно новые люди (homo novus), часто дѣти вольноотпущенниковъ. Между тѣмъ аристократическая гордость еще не угасла въ крови Римской. Самъ Меценатъ (какъ видно изъ сатиры Горація) не прочь былъ похвалиться древностью рода. Меценатъ однако, содѣйствуя планамъ Августа, уже слѣдовалъ иной политикѣ. Политика эта состояла именно въ томъ, чтобы возвышать людей ничтожнаго происхожденія. Такіе люди, обязанные всѣмъ Цезарю, естественно составляли самую сильную его партію. Августъ умѣлъ въ этомъ случаѣ соблюсти свои выгоды и кстати прослыть покровителемъ талантовъ. Понятно, почему и Горацій, будучи сыномъ вольноотпущеннаго, помимо своихъ личныхъ заслугъ, всегда могъ быть отличенъ Меценатомъ къ жестокой обидѣ разныхъ Валеріевъ и Тулліевъ. Еще оставшіеся потомки старинныхъ родовъ очень недружелюбно смотрѣли на подобное предпочтеніе. Негодуя на ихъ закоснѣлую гордость, и въ то-же время благодарный своимъ новымъ покровителямъ, Горацій въ настоящей сатирѣ представляетъ Мецената, какъ идеалъ истиннаго благородства, а съ другой стороны публично защищаетъ выгоды своего плебейскаго происхожденія. Какъ ни странны кажутся подобныя демократическія чувства въ стихотвореніи, посвященномъ Меценату, ихъ выраженіе вполнѣ соотвѣтствовало духу господствующей власти, которая стремилась казаться болѣе народною, чѣмъ аристократическое господство древней республики.

«Горацій въ началѣ ея прославляетъ родъ Мецената, происходившаго отъ Лукумоновъ, царей Этрусскихъ. По извѣстію Геродота, Этрусски происходили отъ Лидійской колоніи, которую Тирренъ, сынъ царя Атиса, привелъ въ Италію. Оттого и предки Мецената названы у Горація Лидянами. Они нѣкогда повелѣвали великими легіонами. Все это относится ко сказочнымъ временамъ. На самомъ дѣлѣ имя Мецената ни разу не встрѣчается слишкомъ замѣтнымъ въ лѣтописяхъ Рима. Восхваляя скромность своего покровителя, поэтъ дѣлаетъ сравненіе между Сервіемъ Тулліемъ, который, родившись отъ рабыни въ дому Тарквинія Приска, одними личными достоинствами достигъ престола, и Левиномъ, изъ дому Валеріевъ, который, не смотря на знатность рода, никогда не могъ, по причинѣ своего распутства, какъ извѣщаетъ схоліастъ, подняться выше званія квестора. Между тѣмъ домъ Валеріевъ считался однимъ изъ самыхъ благородныхъ въ Римѣ. Извѣстенъ Валерій Попликола, избранный въ консулы вмѣстѣ съ Юніемъ Брутомъ за свое участіе въ изгнаніи Тарквинія Гордаго. Въ противуположность

---

733 году: тогда было ему уже 44 года. Между этой сатирою и тою одой прошло 16 лѣтъ; а лѣта перемѣняютъ человѣка.

Левину выставленъ еще Децій Мусъ, извѣстный своимъ самопожертвованіемъ въ войнѣ съ Латинцами: надо полагать, что онъ также былъ homo novus (новый человѣкъ).

«Сатира вообще направлена противъ древней республиканской аристократіи. Въ примѣръ боярскаго высокомѣрія и неумѣренной страсти къ отличіямъ приведены еще Аппій Пулькеръ, который, бывши въ 702 году censоромъ, исключилъ изъ сената многихъ лицъ за то, что они были дѣти вольноотпущенныхъ, и Тиллій, названіе, по всей вѣроятности, вымышленное, но заключавшее въ себѣ намекъ на кого нибудь изъ современниковъ Горація. Тиллій, хотя и не имѣлъ богатства и правъ на званіе сенатора по своему безвѣстному происхожденію, какъ видно, всѣми силами добивался высокой чести носить широкій клавусъ. Этотъ обычай отличать себя отъ толпы внѣшними украшеніями, вѣроятно, зашелъ въ Римъ съ востока. Клавусъ означалъ пурпурную полосу на туникѣ и былъ принадлежностью Римскихъ всадниковъ и сенаторовъ. Всадники носили узкую полосу (angusti-clavia), сенаторы — широкую (latus clavus). Клавусъ, первоначально бывшій украшеніемъ однихъ патриціевъ, во времена имперіи уже раздавался всѣмъ, по произволу Цезарей. При Августѣ этого преимущества можно было достигнуть, получивъ званіе военнаго трибуна. Вѣроятно также, что кандидаты на сенаторскія мѣста надѣвали клавусъ, но должны были оставлять его въ случаѣ неудачи. Такъ можно судить по словамъ сатиры: «что помогло тебѣ Тиллій, когда ты вновь надѣлъ оставленный клавусъ» (sumere depositum clavum). Тиллій уже принадлежалъ къ числу честолюбцевъ новаго вѣка. Правда, чрезъ распространеніе почестей уравнены были всѣ состоянія; но, съ другой стороны, народъ заразился страстишкою къ внѣшнимъ отличіямъ, которыми скоро стали награждать уже не по достоинству, а за лесть и подслуги. Однако Горацій, мимоходомъ намекая и на эту порчу нравовъ, болѣе возстаетъ на аристократическую гордость. По его словамъ, сынъ Діонизія, Спиры или Дамы (обыкновенныя имена рабовъ въ Римѣ), возбуждалъ противъ себя всеобщіе крики негодованія, если достигалъ такой силы, какую во время поэта имѣлъ неизвѣстный намъ уголовный судья Кадмъ, опредѣлявшій преступникамъ въ казнь низверженіе со скалы Тарпейской. Скала эта находилась на южной оконечности Капитолійской горы и получила названіе отъ Тарпеіи, извѣстной въ древнія времена своей слабостью къ предводителю Латинянъ, Тацію, котораго она впустила у самаго этого мѣста въ ворота. Любопытно, что Горацій говоритъ здѣсь о Тарпейской скалѣ такимъ тономъ, какъ будто въ его вѣкъ ничего не измѣнилось отъ древнихъ временъ республики. Но родовая спѣсь такъ была сильна, что какой-нибудь Новій, сынъ вольноотпущеннаго, уже считалъ себя болѣе достойнымъ почета въ сравненіи съ другимъ Новіемъ (т. е. новымъ человѣкомъ), простымъ вольноотпущеннымъ.

«Осмѣявъ глупое тщеславіе, Горацій распространяется о своихъ отношеніяхъ къ Меценату и о своей тихой, умѣренной жизни. Меценату, конечно, пріятны были намеки на древность его рода, ведущаго свое начало съ самаго основанія Рима, но еще пріятнѣе было слышать похвалу образцовой скромности и поучительной осторожности, съ которыми онъ избиралъ себѣ друзей, хотя и не знатныхъ, но чистыхъ сердцемъ. Передъ нимъ не нужно было гордиться, выдумывая, будто объѣзжаешь на конѣ Сатурейскомъ свои села: это значило бы показать себя провинціаломъ, какимъ нибудь жителемъ южной Италіи, гдѣ находился городокъ Сатуреумъ (близъ Тарента), славный своими конями. Ему не запинаясь можно было сказать, что отецъ твой

libertus (вольноотпущенный). Но, упомянувъ объ отцѣ, Горацій, какъ добрый сынъ, высказываетъ свою благодарность за данное ему воспитаніе. Отецъ его, будучи самъ незначительнымъ таможеннымъ приставомъ въ Венузіи (exationum exactor), собралъ весь свой маленькій достатокъ и привезъ сына на обученіе въ Римъ. Онъ не хотѣлъ отдавать его въ счетную школу Флавія: не смотря на то, что вся провинціальная знать городка Венузіи, отправляла туда дѣтей своихъ. Это глубокое убѣжденіе въ пользѣ науки, конечно, доказываетъ необыкновенно здравый смыслъ отца Гораціева. Поэтъ, избавленный отъ необходимости поддерживать знатность рода разными требованіями этикета, ведетъ самую безпечную жизнь. Онъ одинъ, безъ свиты, скитается въ циркѣ и по форуму (Circus Maximus, Forum Romanum), гдѣ собирались разнаго рода фокусники, продавцы амулетовъ, гадатели и паяцы. Потомъ, когда онъ возвратится домой, трое слугъ приготовляютъ ему ужинъ: (одинъ изъ нихъ structor былъ поваромъ, другой pocillator виночерпіемъ). Имѣть трехъ слугъ для стола, при Римской роскоши, считалось величайшею умѣренностью. На столѣ у поэта стояло всегда два покала (одинъ для вина, другой для воды) и ціаѳъ, ковшечекъ, заключавшій въ себѣ не больше глотка и служившій для смѣшенія вина съ водою. Римляне употребляли ціаѳъ для тостовъ, его необходимо было столько разъ наполнить виномъ, сколько именъ въ буквѣ. Послѣ ужина поэтъ ложится спать, не заботясь о томъ, чтобы на другой день рано утромъ идти на площадь, гдѣ рядомъ со статуей Сатира Марзія, съ котораго нѣкогда Аполлонъ содралъ кожу, стояли столы Римскихъ мѣнялъ и банкировъ. Ему не придется, какъ Марзію, дѣлать гримасы при встрѣчѣ съ банкирами, подобными Новію младшему.

«Эту умѣренную жизнь Горацій ставитъ въ образецъ подражанія тѣмъ, которые слишкомъ наклонны къ почестямъ.»

Нѣтъ никого, Меценатъ, между Лидянъ, въ Этруріи жившихъ,
Кровью тебя благороднѣй: вождемъ легіоновъ великихъ
Нѣкогда былъ у тебя по отцу и по матери предокъ.
Но, какъ обычай у многихъ, ты съ гордостью носу не вздернешь,
Встрѣтивъ людей, по рожденью ничтожныхъ, какимъ предъ тобою
Я, напримѣръ, сынъ раба, отпущеннаго только на волю.
Ты разбирать не захочешь, какого кто роду, лишь былъ-бы
Всякъ благороденъ по сердцу,—и въ этомъ ты правъ, потому что
Прежде ужъ Туллія, сына рабыни, вѣнчаннаго царствомъ,
Жило немало людей, хоть и вовсе не знатныхъ, но честныхъ,
Доброю славой достигнувшихъ почестей важныхъ при жизни.
Левинъ, напротивъ, потомокъ Валеріевъ, — рода что съ трона
Свергнулъ Тарквинія Гордаго, даже и асса не стоитъ.
Такъ оцѣнилъ и народъ, который, какъ знаешь, безъ смысла
Часто даетъ недостойнымъ почетъ, передъ именемъ громкимъ
Въ прахъ изгибаться готовъ, и нѣмѣетъ въ тупомъ удивленьи
Отъ родословныхъ картинокъ и титуловъ. Что-же намъ дѣлать,
Такъ далеко и во всемъ отъ толпы отдаленнымъ? Пускай-бы

Вздумалъ народъ отличить и возвысить Левина больше,
Чѣмъ благороднаго Децiя, еслибъ онъ снова явился;
Пусть ценсоръ Аппiй меня изъ сенату изгонитъ за то, что
Не былъ отецъ мой свободно рожденнымъ [1]). И дѣло! Зачѣмъ-бы
Въ шкурѣ природной своей не сидѣть мнѣ спокойно? Но слава,
Слава, увы! приковавши къ своей колесницѣ блестящей,
Всѣхъ за собою влечетъ, и незнатныхъ и знатныхъ по роду.
Что помогло тебѣ, Тиллiй, когда ты оставленный клавусъ
Снова надѣлъ и трибуномъ назвался? Умножилась зависть:
Будь-же безвѣстнымъ и частнымъ лицомъ, ты ее-бы избѣгнулъ.
Такъ ужъ ведется: едва кто, безумный, покроетъ колѣна
Черною кожей [2]), и клавусъ широкiй на грудь свою спуститъ,
Онъ отовсюду ужъ слышитъ: «кто это? кто его предки?»
Точно, какъ еслибы кто одержимъ былъ болѣзнiю Барра [3]),
То есть, желалъ-бы красавцемъ прослыть и расхаживалъ всюду,
Чтобы дѣвицы подробно узнали: каковъ онъ собою,
Ноги, икры у ногъ хороши-ли, и зубы, и волосъ, —
Такъ-же и тотъ, кто, принявши высокую должность, клянется
Печься о градѣ, о храмахъ боговъ, объ Италiи цѣлой [4]),
Всѣмъ своимъ ближнимъ приноситъ заботу распрашивать: «кто онъ?
Кто былъ отецъ его? Можетъ, по матери низкаго рода!»
Сынъ Дiонизiя, Сиры и Дамы! Бросать ты дерзаешь
Гражданъ съ Тарпейской скалы, или Кадму на судъ посылать ихъ?
—«Что-же? товарищъ мой, Новiй, такъ цѣлой ступенью спустился:
Былъ ужъ отецъ мой въ томъ званьи, котораго нынѣ достигъ онъ»—
Такъ! а по этому ты и забралъ себѣ въ голову, будто
Навелъ ужъ ты, или Мессала! За то вѣдь, какъ съѣдутся разомъ
Три похоронныхъ процессiи, двѣсти повозокъ на площадь,
Такъ загорланитъ твой Новiй, что трубъ и роговъ не услышишь.
Это вѣдь тоже не шутка! Теперь я къ себѣ обращаюсь,
Сынъ я раба, получившаго волю, и всѣ меня колятъ,
Сыномъ раба называя: теперь, потому что я близкiй
Твой, Меценатъ, собесѣдникъ, а прежде — что, бывши трибуномъ,

---

[1]) Здѣсь Горацiй страннымъ образомъ смѣшиваетъ старый порядокъ вещей съ новымъ. Онъ съ большимъ презрѣнiемъ говоритъ о народѣ, среди котораго явилось множество лицъ, самимъ же поэтомъ возвеличенныхъ, каковы: Люцилiй, Сципiонъ, Мессала, и проч. Съ которыхъ поръ завелся обычай давать почетъ преимущественно недостойнымъ? Безъ сомнѣнiя, здѣсь надо разумѣть народъ, уже испорченный владычествомъ тріумвировъ и самаго Августа.

[2]) Патриции и сенаторы отличались отъ другихъ также тѣмъ, что носили родъ ботфортъ, дѣланныхъ изъ черной Самосской кожи.

[3]) Барръ, лице намъ непзвѣстное. Горацiй описываетъ петиметра своего времени.

[4]) Здѣсь, вѣроятно, намекъ на самую форму присяги.

Римскимъ владѣлъ легіономъ, хоть то и другое различно.
Правъ, можетъ быть, кто завидуетъ въ почести мнѣ, но неправо
Дружбѣ съ тобою завидовать: чуждый заразы тщеславья,
Ты лишь достойныхъ себѣ избираешь, и то осторожно [1]).
Я не могу себѣ въ счастье вмѣнить, что по случаю только
Сталъ тебѣ другомъ: судьба не была тутъ нисколько подмогой.
Кто я таковъ, уже прежде сказалъ несравненный Виргилій,
Послѣ и Варій тебѣ. Задыхаясь отъ робости, помню,
Я предъ тобою предсталъ, молчаливый: еще не давала
Мнѣ языка развязать застѣнчивость дѣтская. Скромно
Все я по правдѣ тебѣ разсказалъ: я не выдумалъ, будто
Былъ очень славнымъ отецъ мой и самъ на конѣ Сатурейскомъ
Села свои объѣзжаю [2]). Ты, по обычаю, кратко
Мнѣ отвѣчалъ. Я ушелъ, и потомъ черезъ мѣсяцевъ девять
Снова ты призвалъ меня, и въ число друзей твоихъ принялъ.
Да, я хвалюсь, что пришелся тебѣ по душѣ: различаешь
Ты благородныхъ отъ низкихъ не знатностью предковъ, а чистымъ
Сердцемъ и самою жизнью. Скажу-же я: если быть можетъ,
Кромѣ немногихъ простительныхъ слабостей нашей природы,
(Такъ и въ прекраснѣйшемъ тѣлѣ найдутся родимыя пятна),
Прямо иду въ остальномъ и никто справедливо не можетъ
Въ скупости гнусной иль въ грязномъ развратѣ мнѣ сдѣлать упрека,
Если душой не пороченъ (пускай ужъ себя выхваляю),
Если друзьямъ еще дорогъ, — всему мой отецъ былъ причиной.
Малымъ достаткомъ владѣя, не думалъ онъ сына отправить
Къ Флавію въ школу, куда величавые юноши ходятъ,
Сотниковъ важныхъ потомки, съ доскою и сумкой подъ мышкой,
Чтобы высчитывать, сколько придется процентовъ на мѣсяцъ.
Въ Римъ онъ рѣшился везти меня, чтобы наукамъ, которымъ
Учатъ дѣтей своихъ всадникъ, сенаторъ, и я научился.
Еслибъ одежду мою и меня провожавшую свиту
Кто изъ народа увидѣлъ тогда, то сказалъ-бы, что это
Я расточаю наслѣдство богатое предковъ.
Самъ онъ, помимо всѣхъ воспитателей, бдительнымъ стражемъ
Былъ для меня, и чего-же еще? Сохранить въ моемъ сердцѣ
Стыдъ онъ успѣлъ — красоту добродѣтели, стыдъ передъ всякимъ
Мало поступкомъ худымъ, но даже попрекомъ въ проступкѣ.

---

[1]) Горацій здѣсь, какъ будто, сознается, что онъ прежде былъ избранъ трибуномъ не по заслугѣ. Смыслъ выходитъ тотъ, что Меценатъ не ошибался, подобно Бруту.

[2]) Меценатъ, вѣроятно, этому и не повѣрилъ-бы, тѣмъ болѣе, что Виргилій и Варій уже напередъ сказали, что таковъ Горацій. И здѣсь одна только насмѣшка надъ хвастунами.

Онъ не боялся, что могутъ его осудить, если послѣ
Буду простымъ я глашатаемъ, или, какъ онъ, при таможнѣ
Малымъ слугою, и я не пожалуюсь вѣрно за это.
Вся, напротивъ, ему похвала и признательность сердца.
Нѣтъ! я не буду краснѣть за такого отца, если только
Каплю разсудка имѣю; подобно другимъ, не скажу я,
Что не моя ужъ вина, отчего благородныхъ и славныхъ
Нѣтъ у меня между предками: такъ защищаться не стану.
Всѣ мои мысли и рѣчи на это совсѣмъ не похожи.
Если бы даже природа велѣла въ извѣстные сроки,
Снова начавши оконченный вѣкъ, выбирать по желанью
Новыхъ для большаго блеску родителей, пусть кому надо
Новыхъ желаетъ себѣ; но, моими довольный, я все-же
Не взялъ-бы предковъ, высокихъ по сану, по знакамъ отличья.
Глупый во мнѣньи толпы, можетъ, буду въ твоемъ я разумнымъ,
Что непривычной мнѣ ноши поднять не желаю на плечи.
Нужно мнѣ было-бы жить на открытую ногу, и много
Разныхъ знакомствъ заводить и таскать непомѣрную свиту,
Чтобъ одному ужъ не ѣхать ни странствовать, ни на прогулку.
Нужно бы множество слугъ содержать, лошадей, колесницы.
Нынѣ-же смѣло могу я поѣхать на маленькомъ мулѣ,
Только самъ-другъ съ чемоданомъ дорожнымъ, пожалуй, къ Таренту.
Этого мнѣ въ преступленье никто не поставитъ, какъ, можетъ,
Тиллій, тебѣ, когда, на возвратномъ пути изъ Тибура,
Пять только слугъ за тобою, за преторомъ, слѣдуютъ скромно,
Съ виннымъ сосудомъ и судномъ въ рукахъ и, конечно, большая
Выгода въ этомъ моя, предъ тобой, знаменитый сенаторъ,
Какъ и въ сравненьи съ другими. Куда меня страсть не потянетъ,
Я отправляюсь одинъ: разъузнаю подробно на рынкѣ
Цѣну муки и капусты; бываю и въ циркѣ, пріютѣ
Разныхъ плутягъ; вечеркомъ и по площади часто гуляю,
Слушаю враки гадальщицъ, а послѣ домой возвращаюсь.
Вотъ и пирей, и горохъ ужъ готовы, и блюдо съ блинками.
Трое рабовъ ужъ хлопочутъ объ ужинѣ: вмѣстѣ съ ціаѳомъ
Два лишь покала стоятъ на столѣ изъ бѣлаго камня.
Тутъ-же сосудъ полоскательный, старый кувшинчикъ, да чашка —
Все посуда Кампанская... Послѣ въ постель я ложуся,
Вовсе о томъ не заботясь, что завтра, чуть свѣтъ, ужъ съ поклономъ
Къ Марзію должно идти, и какъ самъ ободранный Марзій,
Жалко при взглядѣ на Новія младшаго корчить гримасу,
Сплю до девятаго; послѣ опять, гдѣ попало, шатаюсь,
Или читаю, пишу, что по сердцу; мажуся масломъ,
Только у лампъ не краду его, грязному Наттѣ подобно.

Послѣ, какъ солнце пригрѣетъ сильнѣй, утомленный игрою
Въ мячикъ, съ поля иду я купаться. Обѣдаю скромно;
Ѣмъ, сколько нужно, чтобъ на день себя обезпечить, не больше,
Дома потомъ забавляюсь. Вотъ жизнь беззаботная смертныхъ
Тѣхъ, что не знаютъ тяжелыхъ, мучительныхъ грезъ честолюбья!
Думаю, такъ проживу я гораздо пріятнѣе, чѣмъ еслибъ
Квесторы были отецъ мой, и дѣдъ мой, и дядя.

Водовозовъ.

Встрѣча.

(Сатира IX Горація).

Шелъ я случайно Священною улицей — въ мысляхъ о чемъ-то [1]),
Такъ, по привычкѣ моей, о бездѣлкѣ задумавшись. — Нѣкто
Вдругъ повстрѣчался со мной, мнѣ по имени только извѣстный.
За руку взявъ, онъ сказалъ мнѣ: «Ну, какъ поживаешь, любезный?» [2])
— «Такъ, потихоньку, какъ видишь! За добрый привѣтъ — исполненья
Всѣхъ желаній тебѣ!» — Но видя, что шелъ онъ за мною,
Я съ вопросомъ къ нему: не имѣетъ ли нужды во мнѣ онъ?
«Мы вѣдь извѣстны тебѣ, онъ сказалъ: мы ученые люди:» [3])
— «Знаю!» ему я въ отвѣтъ: «и тѣмъ больше тебя уважаю!»
Самъ торопился, нельзяли уйти, и пошелъ поскорѣе;
Только что изрѣдка на́-ухо будто шепну что съ слугою.
Потъ между тѣмъ съ нетерпѣнья дождемъ такъ съ меня и катился

---

[1]) Ст. 1. Священная улица получила это названіе можетъ быть отъ такъ называемой Regia, гдѣ верховный жрецъ, Rex sacrificulus, ежемѣсячно приносилъ торжественную жертву за городъ Римъ, и гдѣ великій первосвященникъ, pontifex maximus, собиралъ коллегію жрецовъ. Эта улица перерѣзывала четвертую часть города и вела къ такъ называемой meta sudans, фонтана въ видѣ обелиска, до большаго римскаго форума, подъ Флавіевы ворота. Она была одна изъ самыхъ красивыхъ и самыхъ удобныхъ для ходьбы улицъ Рима; и потому на ней всегда много было праздныхъ охотниковъ до ходьбы, и услужливыхъ красавицъ, и философовъ, и стихотворцевъ.

[2]) Ст. 4. Видъ короткаго знакомства съ Горацiемъ этого человѣка, котораго онъ едва знаетъ по имени, есть первая черта, показывающая уже нахала и пустаго человѣка.

[3]) Ст. 8. — Это множественное мы вмѣсто единственнаго я, удивительно какъ приходится по свойству нашего языка. Оно показываетъ и нѣкоторую важность говорливаго самохвала, и нѣкоторую робость неопредѣленнаго выраженія, и какъ будто принадлежность къ разряду ученыхъ.

Съ головы до подошвъ! — «О! какъ же ты счастливъ, Боланусъ [1]),
Что съ такой ты рожденъ головой!» я подумалъ. — А спутникъ
Улицы, городъ хвалить принялся!... Но не слыша ни слова,
«Вѣрно ты хочешь,» сказалъ, «ускользнуть отъ меня; я ужъ вижу!
Только тебѣ не уйти: не пущу, и пойду за тобою [2])!
А куда ты идешь?» — «Далеко! Мой знакомый — за Тибромъ;
Тамъ, у садовъ; онъ съ тобой незнакомъ! Что кружить по-
пустому!» [3])
— «Я не лѣнивъ; провожу!» — Опустилъ я съ отчаянья уши,
Точно упрямый осленокъ, навьюченный лишнею ношей!
А сопутникъ опять: «Если знаю себя я — конечно
Дружбу оцѣнишь мою ты неменьше, чѣмъ дружбу другова,
Виска, сказать напримѣръ, или Варія! [4]) — Кто сочиняетъ
Столько стиховъ, и такъ скоро, какъ я?... Кто въ пляскѣ такъ
ловокъ?...
Въ пѣньѣ же самъ Гермогенъ мой завистникъ!» [5]) — «А что!»
тутъ спросилъ я,
Чтобъ прервать разговоръ: «есть и мать у тебя, и родные?»
«Всѣхъ схоронилъ! — Никого!» — «Вотъ прямо счастливцы!»
подумалъ
Я про себя: «а вотъ я... еще живъ на мученье! Недаромъ,
Жребій въ урнѣ встряхнувъ, предрекала старуха Сабинка [6]):

---

[1]) Ст. 13. Этотъ Bollanus, говоритъ схоліастъ, былъ грубіянъ, который всякому говорилъ въ глаза, что объ немъ думалъ, какъ бы ни было это неучтиво.

[2]) Ст. 17. Вѣроятно, эта дерзость была, по мнѣнію нахала, только остротою.

[3]) Ст. 19. Въ подлинникѣ: «близь цезаревыхъ садовъ.» Признаюсь, прилагательное не умѣстилось въ стихъ, хотя оно было очень нужно для означенія дальней дороги, чѣмъ Горацій хотѣлъ отдѣлаться отъ своего спутника. Такая неудача бываетъ и съ великими поэтами. Самъ Горацій (въ сат. 5), пропустилъ имя одного города, потому что не могъ умѣстить его въ мѣру стиха. Цезаревы сады были за Тибромъ, на другомъ концѣ города, совершенно противуположномъ Священной улицѣ.

[4]) Ст. 24. Виски (Viscus, Visci), были два брата сенаторскаго достоинства, сыновья Римскаго всадника Вибія Виска (Vibius Viscus), котораго очень уважалъ Августъ. Оба они отличались своими дарованіями въ литературѣ. Горацій упоминаетъ объ нихъ въ сатирѣ 10 въ числѣ людей, которыхъ одобреніе почитаетъ для себя лестнымъ. Отъ нихъ ничего не дошло до насъ, кромѣ имени извѣстнаго изъ Горація.

[5]) Ст. 26. Пѣвецъ Гермогенъ Тигеллій. Нѣкоторые смѣшиваютъ его съ Тигелліемъ сардинскимъ, о которомъ упоминаетъ Горацій въ сат. 2 и 3-й. Но Сардинскаго Тигеллія въ это время не было уже въ живыхъ.

[6]) Ст. 30. Здѣсь говорится о гаданіи посредствомъ урны и жребіевъ, per urnam et sortes, которое происходило такимъ образомъ: урна наполнялась множествомъ буквъ и цѣлыхъ словъ; ихъ трясли въ урнѣ и потомъ высыпали. Если случалось, что изъ буквъ, лежащихъ рядомъ, выходили цѣлыя слова, а изъ словъ рѣченія: то изъ нихъ выводили отвѣтъ на гаданіе.

«Этотъ ребенокъ, сказала она, не умретъ ни отъ яда,
Ни отъ стали врага, ни отъ боли въ боку, ни отъ кашля;
Ни подагра его не возметъ!... Но какъ въ возрастъ придетъ онъ,
Надо беречься ему болтуновъ!» — Вотъ дошли мы до храма
Весты [1]); а дня ужь четвертая часть миновала [2])! — Мой спутникъ
Поручился явиться въ судѣ; за неявкою — дѣло
Былобъ проиграно! — «Если ты любишь меня, онъ сказалъ мнѣ,
Помоги мнѣ: побудь тамъ немножко со мною!» [3]) — «Я, право,
Долго стоять не могу; да я и законовъ не знаю!» [4])
— «Что же мнѣ дѣлать!» онъ молвилъ въ раздумьѣ: «тебя ли оставить,
Или ужь тяжбу?» [5]) — «Конечно меня! Тутъ чего сомнѣваться!»
—«Нѣтъ! не оставлю!» сказалъ—и снова пошелъ онъ со мною!
Съ сильнымъ бороться нельзя; я за нимъ. — «Что? какъ нынче съ тобою
И хорошъ ли къ тебѣ Меценатъ?—Онъ вѣдь другъ не со всякимъ!
Здравомыслящъ, уменъ, и съ Фортуною ладить умѣетъ!
Еслибъ одинъ человѣкъ... могъ втерѣться къ нему!—Помоги-ка:
Былъ бы помощникъ твой, въ роляхъ вторыхъ! Всѣхъ отбилъ бы! Клянуся!» [6])

---

[1]) Ст. 35. Храмъ Весты находился, какъ и Священная улица, тоже въ четвертой части Рима, но уже на другой, на Новой улицѣ. Это значитъ, что Горацій, не дойдя до форума, поворотилъ на лѣво; но не мимо форума, какъ говоритъ Дасье. Планъ Рима, находящійся у Дезобри, и которымъ я пользовался для повѣрки мѣстности, ясно показываетъ дорогу, по которой шелъ Горацій.

[2]) Ст. 35. Здѣсь слово часть, pars, какъ говорятъ толкователи, означаетъ часъ. Марціалъ говоритъ, что суды открывались въ три часа, (по нашему исчисленію времени, часовъ въ девять утра): exercet raucos tertia caussidicos (Mart. L. 4 ep. 8). Слѣдовательно уже часъ, какъ были открыты суды; а говоруну, какъ видно изъ слѣдующихъ стиховъ, надобно было явиться въ судъ.

[3]) Ст. 38. Въ подлинникѣ эта странная просьба тотчасъ понятна, потому что она выражена судебнымъ терминомъ: adesse. Это значило прибыть въ судъ, чтобы подкрѣпить чью нибудь тяжбу своимъ присутствіемъ, или предлагая и припоминая нѣкоторыя доказательства, или напоминая законы.

[4]) Ст. 39. Горацій, чтобы извинить свой отказъ, представляетъ двѣ причины: 1) что не можетъ стоять — я прибавилъ для ясности: долго стоять; 2) что онъ не знаетъ законовъ, и потому не можетъ быть ему полезнымъ. А что Горацій, видно, дѣйствительно не зналъ Римскихъ законовъ, это можно заключить изъ упрека ему извѣстнаго законовѣдца Требатія. Кн. 2 сат. 1 ст. 80.

[5]) Ст. 41. Это не можетъ быть почтено излишнею натяжкою сатирика; ибо изъ послѣдствія видно, что говорунъ, привязавшись къ Горацію, имѣлъ свои виды, свою цѣль: знакомство съ сильнымъ лицемъ, съ Меценатомъ.

[6]) Ст. 47. Слово помощникъ не передаетъ вполнѣ термина, находящагося въ подлинникѣ: magnum adjutorem; но какъ было перевести его? Слово adjutor взято отъ сцены; оно означало того, который помогалъ актеру, или голосомъ, или знаками. Выраженіе «во вторыхъ роляхъ», secundae partis, показываетъ яснѣе всего мысль говорящаго. Тѣ, которымъ доставались вторыя роли, хотя бы это случилось

—«Полно! ему я сказалъ: мы не любимъ тамъ этихъ продѣлокъ!
Домъ Мецената таковъ, что никто тамъ другимъ не помѣхой!
Будь кто богаче меня, иль ученѣе, каждому мѣсто!»
— «Чудно! и трудно повѣрить!» — «Однако же такъ!» — «Тѣмъ сильнѣе
Ты охоту во мнѣ возбудилъ къ Меценату быть ближе!»
— «Стоитъ тебѣ захотѣть! Меценатъ лишь сначала неласковъ;
Впрочемъ, доступенъ онъ всѣмъ!» — «Ничего! какъ нибудь постараюсь!
Хоть рабовъ у него подкуплю; а ужь я не отстану!
Выгонятъ нынче—въ другой разъ приду; гдѣ нибудь перекрестком
Встрѣчу его, и пойду провожать!—Что же дѣлать! Намъ смертнымъ
Жизнь ничего не даетъ безъ труда: ужь такая намъ доля!»
Такъ онъ болталъ безъ умолку! — Вотъ, встрѣтясь съ Аристіемъ Фускомъ [1]),
(Зналъ онъ его хорошо) — я помедлилъ идти; помѣнялись
Мы вопросами съ нимъ: «Ты откуда? куда?» — Я за тогу
Фуска къ себѣ потянулъ, и за обѣ взялъ руки; и тихо
Сдѣлавши знакъ головой, самъ глазами ему показалъ, чтобъ избавилъ
Какъ нибудь отъ мученья меня! — А лукавецъ смѣется!
И не хочетъ понять! — Тутъ вся желчь во мнѣ закипѣла!
«Ты, Аристій, хотѣлъ мнѣ что-то сказать по секрету?»
— «Помню, сказалъ онъ, но лучше въ другое удобное время!
У Іудеевъ тридцатая нынѣ суббота, и праздникъ [2]);
Что за дѣла въ подобные дни, и на что оскорблять ихъ!»

и съ первостепеннымъ актеромъ, были обязаны такъ выставлять главную роль, главное лице піесы, чтобы и на актерѣ отражалось это первенство.

[1]) Ст. 59. Тотъ самый, къ которому написана 22 ода первой книги, и 10 эпистола тоже книги первой.

[2]) Ст. 68. Іудеи начинали новый годъ мѣсяцемъ Тишри, который соотвѣтствовалъ сентябрю; а праздникъ пасхи былъ у нихъ 15 числа мѣсяца Нисана, что соотвѣтствуетъ или концу марта или апрѣлю. А съ перваго сентября по половину апрѣля дѣйствительно 30 недѣль. И такъ эта сцена происходила, или въ концѣ марта или въ половинѣ апрѣля, въ праздникъ Іудейской пасхи. Этотъ праздникъ продолжался у нихъ, какъ и у насъ, недѣлю. Два первые и два послѣдніе дня были самыми торжественными, въ которые запрещалось даже и говорить о дѣлахъ. Вотъ почему Аристій Фускъ не хочетъ говорить съ Гораціемъ. Для большаго уразумѣнія этого мѣста надобно замѣтить, что въ Римѣ было множество Іудеевъ и что Августъ, по примѣру Юлія Цезаря, имъ особенно покровительствовалъ. Онъ не только воспретилъ мѣшать имъ въ отправленіи ихъ обрядовъ; но, по свидѣтельству Филона Іудеянина, онъ опредѣлилъ сумму для принесенія ежедневно, за него и за весь домъ его, въ жертву тельца и двухъ агнцевъ въ храмѣ Іерусалимскомъ. И эта жертва, какъ увѣряетъ Филонъ, приносилась еще долго и по смерти Августа.

— «Строгъ же ты въ совѣсти!» я возразилъ: «а я, признаюся,
Я не таковъ!» — «Что жъ дѣлать! въ отвѣтъ онъ: я многимъ
слабѣе [1])!
Человѣкъ я простой, съ предразсудками; лучше отложимъ!»
Черный же день на меня! — Онъ ушелъ; и остался я снова
Подъ злодѣйскимъ ножомъ! — Но по счастью отвѣтчикъ на
встрѣчу [2])!
«Гдѣ ты, безчестный!» вскричалъ онъ. Потомъ — онъ ко мнѣ
обратился
Съ прозьбой: свидѣтелемъ быть.—Я скорѣй протянулъ уже ухо [3])!
Повели молодца! — Въ слѣдъ за ними, и справа, и слѣва,
Съ крикомъ народъ повалилъ! — Такъ избавленъ я былъ Апол-
лономъ [4])!

М. Дмитріевъ.

---

[1]) Ст. 71. Все это Аристій Фускъ говоритъ объ Іудеяхъ, безсомнѣнія, въ шутку, и можетъ быть отчасти намекая на благочестіе Августа. И потому очень странно, что изъ словъ: «я нѣсколько слабѣе», paulo infirmior, Дасье заключаетъ, что Аристій былъ можетъ быть послѣдователь Іудейскаго закона; ибо, говоритъ онъ, Іудеи обратили тогда многихъ Римлянъ.

[2]) Ст. 74. Въ Римскомъ правѣ не было закона, чтобы по неявкѣ къ суду, (incotumatiam) тяжущагося, или лица, представленнаго имъ для доказательства своего права, дѣло почиталось проиграннымъ. И потому, говоритъ Гейндорфъ, должно предполагать, что въ этомъ случаѣ было условлено между тяжущимися, чтобы въ случаѣ неявки которой либо стороны, цѣна иска (litis aestimatio), была уплачена явившеюся стороною. А такъ какъ въ стихѣ 40 говорунъ разсуждаетъ итти ли ему, или нѣтъ: то такое равнодушіе къ процессу показываетъ, что потеря иска падала не на него, а на тяжущагося, который потому-то и имѣлъ причину обрадоваться, что съ нимъ встрѣтился, и потащилъ его насильно.

[3]) Ст. 76. Если человѣкъ, обязанный поручительствомъ явиться къ суду, vadatus, въ назначенный день не являлся, тогда, по прошествіи часа, назначеннаго къ явкѣ, дозволялось вести его силою къ претору. Но прежде употребленія насилія надлежало взять въ свидѣтели тѣхъ, которые при этомъ случились. Получивъ же ихъ согласіе быть свидѣтелями, въ знакъ этого, брали ихъ за ухо, приговаривая: memento quod tu in illa causa testis eris, «помни, что ты въ этомъ дѣлѣ былъ свидѣтелемъ,» что и называлось antestari. Но если тяжущійся употреблялъ насильственное средство, не пригласивъ предварительно свидѣтелей, тогда обиженный имѣлъ право начать противъ него искъ въ оскорбленіи, actionem injurarium.

Въ законѣ XII таблицъ, (tab. 1) именно сказано: Si in jus vocatus, nec it, antistatus igitur im capito: si calvitur pedemve struit, manum endojacito. «Если позванный къ суду не является, возми свидѣтелей и схвати его; если онъ противится и хочетъ бѣжать, веди силою.»

Этого обряда, т. е. приглашенія свидѣтелей, не соблюдалось только съ ворами, продавцами рабовъ, и другими людьми презираемаго класса. Но къ свободной женщинѣ совсѣмъ не дозволено было прикасаться.

[4]) Ст. 78. Подражаніе, можетъ быть, Гомеру. Иліада, пѣснь 20, ст. 443. Въ переводѣ Гнѣдича:

«Но Фебъ Аполлонъ Пріамида избавилъ.»

Первая сатира Ювенала.

Слова Благовѣщенскаго: «Первая сатира, безспорно, одно изъ лучшихъ, изъ самыхъ выдержанныхъ, искреннихъ и глубоко прочувствованныхъ произведеній Ювенала. Онъ рисуетъ здѣсь общую картину Римскихъ нравовъ, и въ тоже время объясняетъ, что заставило его сдѣлаться сатирикомъ. Мы воспользуемся этою сатирой, чтобы ближе узнать Ювенала, какъ человѣка и писателя.

«Поэтъ начинаетъ ее насмѣшкой надъ однимъ обычаемъ, который задолго до него вошелъ въ моду: это публичныя чтенія. Въ древнемъ мірѣ этотъ обычай имѣлъ больше значенія, чѣмъ въ наше время, потому что тогда, при отсутствіи книгопечатанія, авторамъ мало представлялось другихъ средствъ познакомить публику съ своими произведеніями. Правда, что уже въ періодъ Цицерона существовали въ Римѣ книгопродавцы — издатели. Они держали цѣлыя толпы переписчиковъ и выставляли въ своихъ лавкахъ, во множествѣ экземпляровъ, сочиненія любимыхъ авторовъ. Въ вѣкъ Августа особенною дѣятельностію отличались книгопродавцы братья Созіи. Но, во всякомъ случаѣ, знакомство съ новою книгой было въ это время дѣломъ не очень легкимъ. Вотъ почему публичныя чтенія быстро распространились въ Римѣ съ самаго начала періода имперіи. Вскорѣ, однако, это полезное учрежденіе получило въ Римѣ безобразный характеръ. Публичныя чтенія, уже во время Горація, рѣдко представляли образованному человѣку случай провести время пріятно и съ пользой. При отсутствіи публичныхъ интересовъ, литературныя бесѣды сдѣлались поприщемъ для самолюбія и тщеславія. Каждый бездарный поэтъ, написавъ какое нибудь тощее произведеніе, спѣшилъ пригласить своихъ друзей, родныхъ и кліентовъ на литературную бесѣду, и онѣ, наконецъ такъ размножились, что иногда въ продолженіи цѣлаго мѣсяца, безъ нихъ не проходило ни одного дня. Неудивительно, что въ вѣкѣ Ювенала литературные вечера окончательно всѣмъ наскучили. Къ тому же, это время, какъ мы уже замѣтили, особенно отличалось, за весьма немногими исключеніями, отсутствіемъ оригинальности и творчества въ литературѣ. Поэты или брали содержаніе для произведеній почти исключительно изъ Гомера и Греческихъ трагиковъ, а это были сюжеты, давно знакомые Римской публикѣ, или, какъ Папиній Стацій, старались блистать легкими и пустыми импровизаціями. Для того чтобы привлечь слушателей въ аудиторію, употреблялись всѣ возможныя средства. Если читалъ богатый человѣкъ, то зала наполнялась его друзьями, и въ особенности должниками и кліентами. Послѣднимъ нерѣдко платили за это деньгами или натурой. Кромѣ того, есть поводъ думать, что въ Римѣ существовалъ многочисленный классъ особаго рода промышленниковъ, которые, за извѣстную плату, всякому предлагали свои услуги и, вмѣстѣ съ кліентами читающаго, производили въ залѣ страшный шумъ, безпрестанно прерывая чтеца громкими одобрительными восклицаніями и хлопаньемъ. За то съ писателями, которые не отличались ни богатствомъ, ни знатностію, Римская публика не очень церемонилась. Въ одномъ изъ своихъ писемъ, Плиній-Младшій горько жалуется на то, что многіе изъ приглашенныхъ на публичное чтеніе остаются за дверями въ залѣ и проводятъ время въ пустыхъ разговорахъ. При этомъ, говоритъ Плиній, они справляются по временамъ, вошелъ ли читающій въ залу, окончилъ ли вступленіе, и лишь когда узнаютъ, что большая часть рукописи прочитана, тогда только и то медленно и какъ

бы нехотя, входятъ въ залу. Но и тутъ они не въ состояніи высидѣть до конца и начинаютъ расходиться одни украдкой, незамѣтно, другіе открыто и не стѣсняясь приличіями. Такъ ли, прибавляетъ Плиній, бывало въ прежніе годы [1])?

Ювеналъ также, по свидѣтельству его біографа, раза два или три и притомъ съ большимъ успѣхомъ являлся передъ Римскою публикой съ своими сатирами, но вообще онъ, какъ видно, не очень жаловалъ эти чтенія.

«Неужели, такъ начинаетъ поэтъ свою сатиру [2]), я навсегда останусь только слушателемъ? Неужели я никогда не отплачу, я, котораго такъ часто терзала безконечная Θезеида съ своимъ охрипшимъ авторомъ Кодромъ? Неужели совершенно безнаказанно одинъ будетъ читать мнѣ свои національныя комедіи, а другой — элегіи? Безнаказанно отнимутъ у меня цѣлый день огромный Телефъ или Орестъ, который исписанъ и на поляхъ, и на оборотѣ свертка, и все еще неконченъ [3])?

«Никому не знакомъ такъ хорошо свой собственный домъ, какъ мнѣ (эти общія мѣста, которыми наполнены произведенія нашихъ поэтовъ), эти рощи Марса и пещеры Вулкана, что въ сосѣдствѣ съ Эоловыми скалами [4]). Какъ воютъ вѣтры, какія тѣни мучитъ въ подземномъ царствѣ Эакъ, откуда Язонъ привезъ похищенное имъ золотое руно, сколько ясеней мечетъ кентавръ Монихъ, вотъ чѣмъ постоянно оглашаются обсаженныя платанами залы Фронтона [5]), гдѣ мраморныя стѣны растрескались, а колоны полопались отъ безпрестанныхъ чтеній. И этого жди отъ лучшаго, и отъ самаго ничтожнаго поэта!

«Но вѣдь и я когда-то отдергивалъ руку изъ подъ ферулы (линейки), и я когда-то писалъ школьныя декламаціи, въ которыхъ совѣтовалъ Суллѣ, сложивъ съ себя диктаторство, сдѣлаться частнымъ человѣкомъ и спать себѣ спокойно. Глупо скромничать и беречь бумагу, обреченную и безъ того на погибель, когда вездѣ, на каждомъ шагу, встрѣчаешь въ Римѣ столько поэтовъ.

---

[1]) См. Пропилеи, т. V, стр. 125.

[2]) Необходимость обойтись повозможности безъ длиннаго комментарія, требовала ввести нѣкоторыя объяснительныя слова въ самый текстъ моего перевода. Впрочемъ, я старался передать Латинскій подлинникъ съ возможною точностію, и собственныя мои вставки, которыхъ очень немного, надѣюсь, нисколько не измѣняютъ его колорита.

[3]) Подъ Θезеидой разумѣется здѣсь огромная поэма, при чтеніи которой авторъ ея, плохой поэтъ Кодръ, охрипъ. Имя Кодра, вѣроятно, вымышленное. Телефъ и Орестъ — заглавія трагедій, отъ которыхъ, безъ сомнѣнія, Ювеналу пришлось много страдать на публичныхъ чтеніяхъ.

[4]) Подъ Эоловыми скалами нужно разумѣть здѣсь Липарскіе острова, а подъ пещерой Вулкана—Гіеру, одинъ изъ острововъ этой группы. Теперь онъ наз. Волькано.

[5]) Фронтонъ, безъ сомнѣнія, одинъ изъ меценатовъ своего вѣка, благосклонно предлагавшій поэтамъ свою залу для публичныхъ чтеній.

«Отчего же, однако, мнѣ вздумалось ратовать на томъ полѣ, куда направилъ своихъ коней отецъ Римской сатиры Луцилій, великій питомецъ Аврунки [1])? Если у васъ есть время, и вы готовы благосклонно выслушать мои доводы, то я вамъ изложу ихъ.

«Когда (все дѣлается противъ природы), а Мевія, Римская матрона, всенародно выходитъ на арену амфитеатра, держитъ въ рукѣ охотничье копье и вонзаетъ его въ Этрусскаго вепря, когда тотъ самый человѣкъ, подъ бритвой котораго, какъ я былъ еще юношей, скрыпѣла моя жесткая борода, какъ бы вызываетъ своими богатствами на споръ съ собой всѣхъ нашихъ патриціевъ; когда Криспинъ [2]), частица Нильской черни, рабъ изъ Канона, поправляетъ плечомъ съѣхавшій плащъ изъ Тирскаго пурпура и выставляетъ на показъ свои потные пальцы, обремененные драгоцѣнными лѣтними перстнями [3]), — когда я вижу все это, то трудно не писать сатиру.

«Кто же на столько терпѣливъ въ этомъ безчестномъ городѣ, кто на столько желѣзный человѣкъ, чтобы совладать съ собою, когда встрѣчается ему новая, пышная лектика [4]), переполненная подъячимъ Маѳономъ [5])? А вотъ и шіонъ. Онъ сдѣлалъ доносъ на своего сильнаго друга и вскорѣ отниметъ послѣднее, что еще осталось у нашей обглоданной знати [6]).

«Говорить ли, какимъ гнѣвомъ горитъ моя изсохшая печень,

---

[1]) Аврунка, то-есть Суесса-Аврунка, небольшой городокъ Кампаніи, откуда былъ родомъ Луцилій, предшественникъ, въ сатирѣ, Горація, Персія и Ювенала.

[2]) Криспинъ, любимецъ Домиціана, былъ привезенъ рабомъ изъ Египта. Въ Римѣ онъ сдѣлался въ послѣдствіи донощикомъ, всадникомъ и сенаторомъ. Такимъ онъ является у Ювенала въ IV сатирѣ ст. 108.

[3]) Въ подлинникѣ сказано, что Криспинъ «играетъ лѣтними перстнями на потныхъ пальцахъ и не можетъ выносить тяжести другихъ своихъ, еще болѣе огромныхъ, колецъ съ драгоцѣнными камнями». Этими словами Ювеналъ обозначаетъ роскошь и вмѣстѣ съ тѣмъ изнѣженность Криспина. Кромѣ лѣтнихъ перстней, у него, какъ видно, были еще зимніе, тяжести которыхъ онъ не могъ вынести лѣтомъ. Но и лѣтніе перстни Криспина, то-есть вставленные въ нихъ драгоцѣнные камни, были такъ тяжелы, что отъ нихъ потѣли его руки.

[4]) То-есть носилки, обыкновенный Римскій экипажъ.

[5]) Стряпчій (causidicus) Маѳонъ такъ отъѣлся, что едва умѣщается на своихъ носилкахъ.

[6]) Неизвѣстно, о комъ здѣсь рѣчь. Можетъ-быть, о Регулѣ, одномъ изъ самыхъ страшныхъ донощиковъ, которыхъ такъ много было при Домиціанѣ. У Ювенала прибавлено еще, что это такой донощикъ, «котораго боится Массъ, задабриваетъ подарками Каръ, и къ которому напуганный Латинъ подослалъ Ѳимелу.» Массъ и Каръ также донощики, извѣстные изъ Тацита и писемъ Плинія-Младшаго. Латинъ и Ѳимела, актеръ и актриса, можетъ быть мужъ и жена. Впрочемъ, происшествіе, на которое дѣлаетъ здѣсь намекъ Римскій Сатирикъ, намъ неизвѣстно.

когда грабитель — опекунъ, который довелъ до слезъ и отчаянія [1]) бѣдныхъ сиротъ, огромною ватагой своей челяди давитъ народъ по Римскимъ улицамъ, или когда ссыльный проконсулъ Марій, осужденный безплоднымъ, пустымъ приговоромъ, — что такое безчестіе, если деньги цѣлы? — начинаетъ пировать съ двухъ часовъ пополудни и наслаждается себѣ, при гнѣвѣ боговъ, а ты, побѣдоносная провинція, ты плачешь [2])!..

«И мнѣ не думать, что это достойно сатиры [3])? и мнѣ не карать всего этого? Но чѣмъ же лучше миѳологическіе сюжеты, всѣ эти басни о Геркулесѣ, о Діомедѣ, о мычаніи, которое раздавалось въ Критскомъ лабиринтѣ, объ отрокѣ Икарѣ и о летящемъ кудесникѣ Дедалѣ?

«Вотъ шесть рабовъ несутъ открытыя носилки, а на нихъ въ подражаніе Меценату [4]), развалился дѣлатель фальшивыхъ завѣщаній. Обманомъ, небольшимъ клочкомъ бумаги да наслюненною печатью онъ добылъ себѣ и богатство и счастье... А вотъ и знатная матрона.... Когда мужу захочется пить, она подастъ ему мягкаго Каленскаго вина и тутъ же подмѣшаетъ въ него ядъ. Лучше всякой Локусты [5]), она учитъ еще неопытныхъ родственницъ не обращая вниманія на толки въ народѣ, хоронить почернѣлые трупы своихъ мужей.

---

[1]) Вмѣсто обыкновеннаго чтенія prostantis, мы приняли здѣсь чтеніе plorantis.

[2]) Марій Прискъ былъ обвиненъ въ томъ, что ограбилъ провинцію Африку. Этотъ процессъ замѣчателенъ тѣмъ, что его вели Плиній-Младшій и Тацитъ. Они, разумѣется, употребили всѣ усилія, все свое краснорѣчіе для того, чтобы выставить въ яркомъ свѣтѣ преступленія, которыми запятналъ себя Марій Прискъ. Сенатъ, подъ предсѣдательствомъ Траяна, цѣлые три дня разбиралъ это дѣло (въ январѣ 100 г. по Р. Хр.), и въ одномъ изъ этихъ засѣданій Плиній (онъ описалъ этотъ процессъ въ своихъ письмахъ) говорилъ противъ Приска болѣе пяти часовъ сряду. Прискъ былъ осужденъ. Его приговорили удалиться изъ Италіи и отдать награбленныя деньги, но они не были возвращены въ провинцію, а поступили въ государственное казначейство. Этимъ объясняются слова Ювенала о побѣдоносной провинціи, которой пришлось плакать. Съ другой стороны у Марія Приска довольно осталось денегъ для того, чтобы вести роскошную жизнь и блаженствовать въ отставкѣ подъ судомъ. Этотъ стихъ Грибоѣдова какъ нельзя больше соотвѣтствуетъ выраженію Ювенала: «fuitur, diis iratis».

[3]) У Ювенала сказано: «и мнѣ не думать, что все это достойно Венузинской лампы», то-есть достойно сатиры, въ родѣ тѣхъ, какія, при свѣтѣ лампы, писалъ Горацій, уроженецъ города Венузіи.

[4]) Меценатъ былъ извѣстенъ въ Римѣ своею изнѣженностію, которая, впрочемъ, отчасти объясняется тѣмъ, что, онъ очень долго страдалъ изнурительною лихорадкою и вообще былъ человѣкъ очень болѣзненный. Римскіе денди, какъ видно, подражали, въ своихъ наружныхъ пріемахъ, Меценату даже долгое время спустя послѣ его смерти.

[5]) Это извѣстная Римская отравительница. При ея помощи, Агриппина освободилась отъ Клавдія, а Неронъ — отъ Британника.

«Рискни на дѣло, за которое слѣдовало бы тебя сослать на островъ Гіаръ [1]), или посадить въ тюрьму, если ты хочешь сдѣлаться чѣмъ нибудь. Честность въ наше время прославляется только риторами.... и мерзнетъ. Преступленіямъ обязаны эти люди своими садами, дворцами, дорогими столами, стариннымъ серебромъ и кубками съ богатымъ золотымъ чеканомъ [2]). Если природа отказала мнѣ въ стихѣ, то родитъ его негодованіе,—пусть этотъ стихъ будетъ хоть изъ тѣхъ, какіе пишу я или Клувіенъ [3]).

«Все, что дѣлаютъ люди со времени потопа Девкаліонова: ихъ желанія, страхи, гнѣвъ, веселье, радости, суета — вотъ что составитъ пестрое содержаніе моей сатиры. И когда же масса пороковъ была обильнѣе? когда большій просторъ открывался для корысти? когда страсть къ игрѣ сильнѣе овладѣвала душой человѣка? Теперь отправляются у насъ къ игральному столу не просто съ кошелькомъ, а мечутъ кости, поставивъ подлѣ себя цѣлый сундукъ съ деньгами. И какія битвы увидишь ты тамъ, гдѣ рабъ — казначей является оруженосцемъ! Развѣ это не больше чѣмъ простое съумашествіе проигрывать въ одинъ вечеръ по сту тысячъ сестерцій, и отказывать въ одеждѣ продрогшему отъ холода рабу? Кто въ прежнее время строилъ столько виллъ? кто изъ нашихъ дѣдовъ одинъ, безъ гостей, имѣлъ за своимъ столомъ по семи перемѣнъ [4])?

«Самый день прекрасно раздѣленъ у насъ по роду занятій: сначала утреннія поздравленія, а потомъ форумъ съ своимъ законовѣдомъ Аполлономъ [5]), и съ статуями тріумфаторовъ, а между ними осмѣлился помѣстить свои титулы не знаю какой-то Египтянинъ или откупщикъ. Затѣмъ усталые старинные кліенты расходятся изъ прихожихъ своихъ патроновъ. Приходится бѣднякамъ

---

[1]) Одинъ изъ Кикладскихъ острововъ, въ Эгейскомъ морѣ, служившій, при императорахъ, мѣстомъ ссылки.

[2]) Въ подлинникѣ сказано: «и козломъ, который выдается на чеканѣ кубка». Здѣсь конечно, разумѣется золотой кубокъ съ художественными рельефами, сюжетъ которыхъ былъ заимствованъ изъ Вакхическаго культа.

[3]) Это совершенно неизвѣстный и, разумѣется, бездарный поэтъ, надъ которымъ здѣсь мимоходомъ смѣется Ювеналъ.

[4]) Здѣсь мы выпустили превосходную и очень живую сцену раздачи спортулъ кліентамъ.

[5]) Здѣсь идетъ рѣчь о такъ называемомъ Форумѣ Августа. Между прочими украшеніями этой площади, на ней, при Августѣ, была поставлена статуя Аполлона изъ слоновой кости. Онъ здѣсь, въ шутку, называется законовѣдомъ потому, что подлѣ его изображенія, вѣроятно, находился трибуналъ претора. Бѣдному Аполлону каждый день приходилось выслушивать множество процессовъ, и онъ поневолѣ долженъ былъ сдѣлаться юристомъ.

купить кочанъ капусты да немного дровъ. А между тѣмъ, ихъ патронъ, будетъ пожирать все лучшее, что только производятъ лѣса и море, и одинъ, безъ гостей, возляжетъ на свои пустыя ложа. Да, наши богачи на одномъ обѣдѣ, гдѣ наставлено столько красивыхъ, огромныхъ и старинныхъ блюдъ, проѣдаютъ отцовское наслѣдство. Не будетъ больше параситовъ на свѣтѣ! Но кто же въ состояніи вынести такую грязную роскошь? Какова должна быть глотка, которая влагаетъ въ себя цѣлыхъ кабановъ, животное, созданное для многолюдныхъ пировъ!

«За то и наказаніе не заставляетъ долго себя ждать. Оно настигаетъ тебя въ то время, какъ ты, распухнувъ отъ жирнаго обѣда, тотчасъ послѣ него отправляешься въ баню и несешь туда съ собой не переваренаго павлина. Оттого и умираютъ у насъ люди внезапно, и старики не успѣваютъ передъ смертью сдѣлать завѣщанія.... И вотъ, разгуливаетъ по всѣмъ обѣдамъ свѣжая, нисколько не печальная новость, и снова тянется погребальная процессія, и глумятся надъ покойникомъ разсерженные друзья, (которые разсчитывали на наслѣдство).

«Потомству нечего прибавлять къ нашимъ нравамъ. Наши внуки будутъ и желать и дѣлать то же, что и мы. Да, порокъ достигъ крайняго предѣла, дальше онъ идти не можетъ. Пользуйся же, писатель, попутнымъ вѣтромъ, распусти всѣ паруса твоей сатиры!

«Но, можетъ-быть, спросятъ при этомъ: гдѣ же у меня талантъ, равносильный такому содержанію, гдѣ у меня эта простота, эта прямота рѣчи прежнихъ поэтовъ, которые писали все, чего только хотѣлось ихъ душѣ, когда она пылала негодованіемъ, — гдѣ эта прямота, которую я даже не смѣю назвать настоящимъ ея именемъ [1])?

« — Что же за дѣло, скажутъ мнѣ, проститъ или не проститъ твоимъ словамъ какой-нибудь Муцій [2])? Да, попробуй вывести въ сатирѣ Тигеллина [3]), и ты засвѣтишь въ той иллюминаціи, гдѣ люди горятъ, стоя, и дымятъ привязаннымъ къ столбу гордомъ, или оставишь за собой широкую борозду на аренѣ амфитеатра [4]).

---

[1]) Я думаю, нѣтъ необходимости объяснять, что подъ прямотой рѣчи Ювеналъ разумѣетъ здѣсь свободу слова.

[2]) Этимъ именемъ сатирикъ означаетъ здѣсь вообще вельможу. Муціи Сцеволы, въ періодъ республики, принадлежали къ очень замѣтнымъ членамъ Римской аристократіи. Луцилій не щадилъ ихъ въ своихъ сатирахъ. См. I сатиру Персія, ст. 115.

[3]) Тигеллинъ пользовался огромнымъ вліяніемъ при Нероновомъ дворѣ. Ювеналъ означаетъ здѣсь его именемъ вообще временщика.

[4]) Это мѣсто драгоцѣнно, какъ воспоминаніе поэта о мученической смерти первыхъ христіанъ. Это было послѣ огромнаго пожара, при Неронѣ. Taciti Ann. XV. 44. Христіанъ обвинили въ томъ, будто они подожгли Римъ, и начались сви-

«Итакъ, какой-нибудь отравитель трехъ своихъ дядей будетъ спокойно лежать на пуховикахъ своей высоко-поднятой лектики и оттуда презрительно смотрѣть на насъ?

« — Да, если онъ встрѣтится съ тобой, то зажми ротъ. Не то онъ сдѣлается твоимъ обвинителемъ; ему довольно сказать одно слово, сказать: вотъ онъ — и ты погибъ! А можешь ты, поэтъ, безопасно обратиться къ миѳологическимъ сюжетамъ; ты можешь, ничѣмъ не рискуя, свести въ битвѣ Энея съ свирѣпымъ Турномъ. Вѣдь никого не тревожитъ раненый Ахиллъ или Гиласъ, утонувшій вмѣстѣ съ своею урной [1]).

Когда Луцилій гремѣлъ своею сатирой, какъ бы обнаженнымъ мечомъ, то краснѣлъ тотъ, чья совѣсть оцѣпенѣла отъ злодѣйствъ, и потъ выступалъ у него на груди, отъ тайнаго сознанія своихъ преступленій. Вотъ откуда и гнѣвъ, и слезы! Итакъ, поэтъ, обдумай все это до начала битвы. Поздно каяться въ ней тому, кто уже надѣлъ шлемъ.

«Попробую, что позволительно у насъ говорить хоть о тѣхъ, чей прахъ ужъ зарытъ на Фламиніевой или на Латинской дорогѣ» [2]).

Благовѣщенскій.

Примѣч. — Слова Благовѣщенскаго: «Въ этой сатирѣ личность Ювенала рисуется очень живо, и при томъ съ лучшей своей стороны. Повторимъ, что это одно изъ самыхъ искреннихъ и выдержанныхъ произведеній Римскаго сатирика. Всѣ они вызваны благороднымъ негодованіемъ. Смѣлый, честный гнѣвъ сатирика не рѣдко принимаетъ у Ювенала величественные размѣры и грандіозный характеръ, но нельзя не согласиться съ нимъ самимъ, что это еще не поэзія. Одна чистота убѣжденія еще не въ состояніи образовать поэта: для этого требуются иныя условія.

«Теперь уже прошло время безотчетнаго поклоненія классической литературѣ. Настала пора спокойнаго анализа древнихъ авторовъ. Потому, при

рѣпыя казни. Между прочимъ, Неронъ устраивалъ въ своихъ садахъ иллюминаціи изъ живыхъ людей, причемъ на нихъ надѣвали рубашки, пропитанныя разными горючими веществами. Эта страшная одежда называлась tunica molesta. Въ слѣдующихъ словахъ говорится о другой казни, очень обыкновенной въ древнемъ Римѣ, а именно о битвахъ людей, осужденныхъ на казнь, съ дикими звѣрями на аренѣ амфитеатра. Растерзанные трупы обыкновенно волочили по аренѣ, при чемъ они, по выраженію поэта, оставляли за собою широкія борозды; складывали ихъ въ особое мѣсто, которое называлось spoliarium.

[1]) Это былъ прекрасный юноша, любимецъ Геркулеса. По Греческимъ преданіямъ, Гиласъ былъ похищенъ нимфою въ то время, какъ черпалъ воду изъ одного источника. Древніе поэты очень любили выводить его въ своихъ произведеніяхъ. Cui non dictus Hylas puer? говоритъ Виргилій.

[2]) Еще законами XII таблицъ запрещено было хоронить въ самомъ городѣ, и уже съ тѣхъ поръ кладбищами въ Римѣ служили большія дороги. Потому, въ особенности вблизи отъ городскихъ воротъ, онѣ были уставлены надгробными памятниками.

всемъ сочувствіи, которое возбуждаетъ въ насъ благородная личность Ювенала, мы не можемъ не видѣть слабой стороны въ его произведеніяхъ.

«Вообще, должно замѣтить, что онъ съ гораздо-большимъ успѣхомъ овладѣлъ матеріаломъ сатиры, чѣмъ ея формой. Въ большей части произведеній Ювенала нѣтъ и слѣда гармоническаго развитія преобладающей идеи, нѣтъ въ нихъ округленности и художественной цѣльности, которыя составляютъ необходимое условіе созданій искусства. Вмѣсто этого мы не рѣдко встрѣчаемъ въ произведеніяхъ Римскаго сатирика цѣлый рядъ общихъ мѣстъ, безъ всякой внутренней связи. Вся сила такой сатиры заключается въ ея рѣзкомъ, гнѣвномъ и грозномъ тонѣ, а это самое придаетъ хотя рельефный, но иногда односторонній характеръ картинамъ, которыя рисуетъ Ювеналъ. Сатиры Ювенала волнуютъ, дѣйствуютъ на нервы читателя, но не возвышаютъ его надъ грязною дѣйствительностью. Мы видимъ, что страшная эпоха, со всею своею нравственною уродливостію, совершенно какъ бы охватила собою поэта [1]) и онъ не въ состояніи отрѣшить себя отъ своего вѣка, не въ состояніи возвыситься надъ нимъ, посмотрѣть на него свободными глазами. Сквозь житейскую тину нигдѣ не просвѣчиваетъ у Ювенала идеалъ, который составляетъ такую существенную принадлежность поэзіи. Да и странно было бы требовать идеаловъ отъ писателя Домиціанова вѣка. Въ такую пору не могла процвѣтать поэзія, или она должна была утратить все свое обояніе, точно такъ, какъ, во время голода, теряютъ всю свою цѣну роскошныя, гастрономическія блюда.

«Притомъ изложенію Ювенала, въ большей части его сатиръ, много вредитъ декламація, которая вообще наложила свою печать почти на всѣ произведенія Римской литературы. Ювеналъ постоянно увлекается риторическими блестками, или, вѣрнѣе, не можетъ отъ нихъ освободиться. Многословіе, повтореніе, или — употребимъ выраженіе древнихъ риторовъ — амплификація одной и той же мысли, все это производитъ не очень пріятное впечатлѣніе на читателя Ювеналовыхъ сатиръ. Но, съ другой стороны, человѣку, который говоритъ отъ души, не возможно постоянно оставаться риторомъ, и приведенная нами первая сатира Ювенала служитъ лучшимъ доказательствомъ того. Его гнѣвъ большею частью не искусственный, не поддѣльный; онъ взятъ не изъ школы, а изъ жизни, и должно прибавить, что этотъ честный гнѣвъ, какъ всякій сильный и благородный порывъ, овладѣвающій душою человѣка, порой возвышается у Ювенала до художественнаго паѳоса.

Эта-то смѣсь истиннаго, глубокаго чувства съ реторикой, невольною данью, которую знаменитый писатель заплатилъ своему вѣку—и составляетъ настоящій характеръ Ювеналовой сатиры. Во всякомъ случаѣ, она не выдерживаетъ строгой эстетической критики. Но это нисколько не мѣшаетъ намъ глубоко чтить Ювенала, какъ писателя, который въ эпоху полнаго нравственнаго паденія цѣлой, когда-то великой націи, умѣлъ сохранить въ душѣ

---

[1]) Въ особенности непріятно поражаетъ въ Ювеналѣ цинизмъ его, независимо отъ грязныхъ картинъ, которыя онъ долженъ былъ рисовать, чтобы сколько-нибудь исчерпать свою тему. Ювеналъ любитъ циническія выраженія и картины, и не рѣдко прибѣгаетъ къ нимъ даже тамъ, гдѣ вовсе не было въ нихъ нужды. Отзывы его о Римской женщинѣ, несмотря на то, что она опозорила себя своимъ развратомъ, постоянно отличаются самою непристойною рѣзкостію (въ особенности въ VI сатирѣ) и какою-то непримиримою ненавистію. Эту черту въ характерѣ Ювенала Веберъ старается извинить тѣмъ, что Римскій поэтъ не былъ счастливъ въ супружествѣ. Разумѣется, это одно только предположеніе.

чувство чести и правды, и заклеймилъ въ своихъ сатирахъ вѣчнымъ позоромъ Домиціана и его вѣкъ.

«Домиціанъ, повидимому, очень заботился о своей репутаціи въ потомствѣ. Онъ строго запрещалъ писать о своихъ казняхъ въ официальной газетѣ, которая издавалась въ Римѣ, со времени Юлія Цезаря, и расходилась во множествѣ экземпляровъ по Римскимъ провинціямъ.

«Онъ выгонялъ философовъ изъ Рима, жестоко преслѣдовалъ всякое свободное слово, и могъ надѣяться, что только голоса льстецовъ дойдутъ о немъ до потомства. Надежды Домиціана, благодаря въ особенности Ювеналу, не сбылись. Уже много вѣковъ прошло со времени царствованія этого цезаря, а нѣтъ мѣста въ цѣломъ образованномъ мірѣ, гдѣ бы имя его до сихъ поръ не возбуждало отвращенія и ужаса. Никто, конечно, не думалъ въ Римѣ, что, чрезъ много вѣковъ имя Домиціана вызоветъ слова негодованія и презрѣнія и въ этой таинственной, загадочной землѣ Сарматовъ, Скиѳовъ, Гипербореевъ и Гиппофаговъ, и что сочувственно будутъ внимать этому неподкупному голосу исторіи поздніе ихъ потомки. Никто не думалъ тогда, что они сольются въ одинъ могущественный народъ, но не матеріальная сила, которая не спасла Римъ отъ позорнаго паденія, а нравственный ростъ ихъ и способность совершенствоваться въ пониманіи высокихъ цѣлей жизни послужатъ для мыслящихъ людей ручательствомъ въ томъ, что этому народу предстоитъ прекрасная, великая будущность. (Ювеналъ. Двѣ публичныя лекціи Благовѣщенскаго. Спб. 1860).

Древній Римъ.

(III сатира Ювенала).

Когда среди холмовъ разслабленнаго Рима
Одинъ слѣпой развратъ все давитъ несдержимо,
Когда опоры нѣтъ для честнаго труда,
И такъ податлива на подкупы нужда, —
Уйдемъ мы въ тѣ мѣста, гдѣ биться перестало
Крыло разбитое изгнанника Дедала [1]).
Пока я бодръ еще подъ серебромъ сѣдинъ,
Пока я безъ клюки брести могу одинъ;
И у Лахезы [2]) есть еще остатокъ пряжи —
Бѣгу изъ города корысти и продажи.
И гордый, вѣчный Римъ пусть слышитъ только гулъ

---

[1]) *Дедалъ* — миѳологическій герой, изобрѣтатель топора и другихъ орудій, строитель лабиринта на островѣ Критѣ, куда за убійство онъ былъ посаженъ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Икаромъ. Желая освободиться, Дедалъ сдѣлалъ себѣ и сыну крылья, но Икаръ подлетѣлъ слишкомъ близко къ солнцу, воскъ растаялъ, и онъ утонулъ; Дедалъ спасся на островъ Сицилію. О Сициліи и говоритъ теперь Ювеналъ.

[2]) *Лахеза* — одна изъ Паркъ, и именно та, которая прядетъ нить жизни.

Однихъ откупщиковъ, на откупъ взявшихъ храмы,
Канавы грязныя, гноящіяся ямы,
И трупы горожанъ, и темные гроба,
И торгъ свободою забитаго раба,
Сносившаго отъ нихъ съ терпѣніемъ удары;
Пусть наводняютъ Римъ канатные фигляры,
Флейтисты, плясуны народныхъ площадей,
Толпа воровъ, убійцъ, наемщиковъ-судей,
Которые купить мѣста свои успѣли,
Хотя вчера еще ходили въ чужомъ тѣлѣ...
Что жъ дѣлать въ Римѣ мнѣ? Ко лжи я не привыкъ,
Бездарнаго пѣвца не хвалитъ мой языкъ;
Не въ силахъ я кадить богатому болвану;
Я сыну богача предсказывать не стану,
Какъ магъ всезнающій, какъ наглый звѣздочетъ,
Когда отецъ его отъ дряхлости умретъ.
Бросаю съ ужасомъ проклятыя мѣста,
Гдѣ правду давитъ ложь, гдѣ честность — сирота,
Гдѣ сна покойнаго, правъ голоса лишенный,
Сталъ безполезенъ я, какъ нищій прокаженный...
Въ толпѣ предателей Римлянинъ здѣсь привыкъ
Знать много страшныхъ тайнъ — и подавлять свой крикъ,
Привыкъ ихъ хоронить, какъ кладъ хоронитъ скряга;
Но всѣ сокровища, добытыя изъ Тага,
Все золото земли, спася отъ нищеты,
Здѣсь не спасутъ тебя отъ черной клеветы,
Отъ злой безсонницы, отъ вѣчнаго испуга,
Отъ зависти враговъ и отъ доносовъ друга.
Квириты [1])! Римъ ли здѣсь, иль Грецiя сама?
Да и одна ль она, Ахейская чума,
Явилась тучею роднаго горизонта?
Изъ дальней Сиріи, отъ береговъ Оронта
Намъ завѣщалъ изнѣженный востокъ
И нравы, и языкъ, и самый свой порокъ.
О Ромулъ! ты своихъ потомковъ оцѣни:
Какъ гладіаторы раскрашены они,
И куклы цезарскихъ капризовъ и забавы —
Всѣ носятъ на себѣ значки минутной славы [2]).
Кому жъ, кому жъ теперь пріютомъ Римъ нашъ сталъ?

---

[1]) *Квириты* — почетное названіе Римлянъ.

[2]) Побѣдители на играхъ пользовались въ то время *Спортурою* (пайкомъ) отъ двора цезарей и носили на шеѣ значки за свои побѣды въ циркѣ, и объ этихъ-то значкахъ и упоминается въ сатирѣ.

Со всѣхъ концовъ земли, отъ Самоса, изъ Траллъ,
Изъ Алабандъ [1]) сюда ворвались, словно рѣки,
Для козней и интригъ пронырливые Греки.
Забудемъ ли мы ихъ? они къ намъ занесли
Таланты всѣхъ людей, пороки всей земли.
Грекъ — это все: онъ риторъ, врачъ-обманьщикъ,
Ученый и авгуръ, фигляръ, поэтъ и баньщикъ.
За деньги онъ готовъ идти на чудеса,
Скажите: полѣзай сейчасъ на небеса!
Голодный, жадный Грекъ, лишь изъ-за корки хлѣба,
Не долго думая, полѣзетъ и на небо [2])...
О, мнѣ-ль сносить, какъ пришлецовъ здѣсь чтутъ,
Какъ на пирахъ Римлянъ сидитъ Аѳинскій шутъ,
Потворствуя страстямъ и льстя неутомимо.
Прислушайтесь къ словамъ Аѳинскаго льстеца:
Онъ превозноситъ умъ ничтожнаго глупца,
Клянется въ красотѣ богатаго урода,
И чахлымъ старикамъ, у гробоваго входа
Влачащимъ жизнь свою усталую едва,
Съ обидной наглостью бросаетъ онъ слова:
«О, вы сильны еще, въ васъ вижу силы тѣ я,
Сильны, какъ Геркулесъ, стеревшій въ прахъ Антея [3]).»
Смотрите наконецъ, какъ Грекъ мѣняетъ видъ:
Послѣдній самый Грекъ рожденъ комедіантомъ.
Смѣяться началъ ты,—тѣмъ смѣхомъ зараженъ,
Схватившись за животъ, уже хохочетъ онъ;
Ты плачешь, — плачетъ онъ и корчится отъ муки;
Ты подошелъ къ огню, отъ стужи грѣя руки —
Онъ, завернувшись въ плащъ, зубъ на зубъ не сведетъ;
Ты скажешь: «жарко мнѣ!» — Грекъ обтираетъ потъ,
И рукоплещетъ онъ, сгибаясь отъ поклона,
При каждой мерзости надутаго патрона.

Д. Минаевъ.

---

[1]) *Траллы* и *Алабанды* — города въ Каріи, въ Малой Азіи.

[2]) Намекъ не на Дедала, но на одного Грека, временъ Нерона, который пробовалъ летать въ Римѣ.

[3]) *Антей* — миѳологическій гигантъ, сынъ Нептуна и земли. Геркулесъ три раза побѣждалъ его, но мать Антея всегда возвращала сыну прежнія силы. Наконецъ Геркулесъ задушилъ его въ своихъ объятіяхъ.

Къ уму своему [1].

(Сатира I).

Уме недозрѣлый плодъ недолгой науки [2]!
Покойся, не понуждай къ перу мои руки:
Не писавъ летящи дни вѣка проводити
Можно, и славу достать, хоть творцемъ не слыти [3].
Ведутъ къ ней нетрудные въ нашъ вѣкъ пути многи [4],
На которыхъ смѣлыя не запнутся ноги:
Всѣхъ непріятнѣе тотъ, что босы проклали
Девять сестръ. Многи на немъ силу потеряли [5]
Не дошедъ; нужно на немъ потѣть и томиться,
И въ тѣхъ трудахъ всякъ тебя, какъ мору, чужится,
Смѣется, гнушается. Кто надъ столомъ гнется
Пяля на книгу глаза, большихъ не добьется
Палатъ, ни разцвѣченна марморами саду [6];

---

[1]) Сатира сія есть первый опытъ стихотворца въ семъ родѣ стиховъ; писана въ концѣ 1729 года, въ двадесятое лѣто его возраста. Презираетъ онъ въ ней невѣжъ и нелюбящихъ наукъ, чего для и надписана была: на хулящихъ ученіе. Писалъ онъ ее для одного только препровожденія своего времени, не намѣренъ будучи обнародить; но по случаю одинъ изъ его пріятелей, выпросивъ ее прочесть, сообщилъ Ѳеофану, Архіепископу Новогородскому, который ее вездѣ съ похвалами стихотворцу разсѣялъ, и возвращая сочинителю, приложилъ похвальные стихи, и въ даръ къ нему прислалъ книгу, называемую Гиральдія о богахъ и стихотворцахъ. Тому Архипастырю слѣдуя, Архимандритъ Кроликъ многіе въ похвалу стихотворцу стихи написалъ, (которые вмѣстѣ съ Ѳеофановыми въ началѣ книжки приложены), чѣмъ онъ, ободренъ будучи, далѣе прилѣжать началъ къ сочиненію Сатиръ.

[2]) Стихъ 1. *Уме недозрѣлый плодъ* и проч. Тутъ наука значитъ наставленіе, дѣйство того, кто другаго учитъ; такъ въ пословицѣ говоримъ: Плетъ не мука, да впредь наука.

[3]) Ст. 4. *Творцемъ не слыти.* Творецъ тожъ, что сочинитель или издатель книги, съ Латинскаго Авторъ.

[4]) Ст. 5. *Нетрудные въ нашъ вѣкъ.* Слова въ нашъ вѣкъ значитъ путь къ истинной славѣ, который прежде бывалъ весьма труденъ; но въ нашъ вѣкъ легко многими дорогами къ ней дойти можно, потому что не нужны намъ уже добродѣтели къ ея пріобрѣтенію.

[5]) Ст. 7 и 8. *Всѣхъ непріятнѣе тотъ, что босы проклали девять сестръ.* Всего труднѣе достигнуть славы чрезъ науки. Девять сестръ, Музы, и изобрѣтательницы наукъ, Юпитера и Памяти дочери. Имена ихъ Кліо, Уранія, Евтерпе, Эрато, Ѳалія, Мелпомена, Терпсихора, Калліопа и Полимнія. Обыкновенно имя Музъ стихотворцы за самыя науки употребляютъ. Босы сирѣчь убогіе, для того, что рѣдко ученые люди богаты.

[6]) Ст. 13. *Разцвѣченна марморами саду.* Украшеннаго статуями или столбами и другими зданіями мраморными.

Овцы не прибавитъ онъ къ отцовскому стаду [1]).
Правда въ нашемъ молодомъ Монархѣ надежда [2])
Всходитъ Музамъ немала; со стыдомъ невѣжда [3])
Бѣжитъ его. Аполлинъ славы въ немъ защиту [4])
Своей неслабу почулъ, чтяща свою свиту
Видѣлъ его самого, и во всемъ обильно [5])
Тщится множить жителей Парнасскихъ онъ сильно [6]):
Но та бѣда, многіе въ Царѣ похваляютъ
За страхъ то, что въ подданномъ дерзско осуждаютъ.
Расколы и ереси науки суть дѣти [7]),
Больше вретъ, кому далось больше разумѣти,
Приходитъ въ безбожіе, кто надъ книгой таетъ [8]),

---

[1]) Ст. 14. *Овцы не прибавитъ.* Человѣкъ чрезъ науки не разбогатѣетъ: каковъ отъ отца ему оставленъ достатокъ, таковъ останется; ничего къ нему не прибавитъ.

[2]) Ст. 15. *Въ нашемъ молодомъ Монархъ.* О Петрѣ Второмъ говоритъ, который вступалъ тогда въ пятое на десять лѣто своего возраста, рожденъ былъ 12 октября 1715 года.

[3]) Ст. 16. *Музамъ.* Смотри примѣчаніе подъ стихомъ 7.

[4]) Ст. 17. *Аполлинъ.* Сынъ Юпитера и Латоны, братъ Діаны. У древнихъ за бога наукъ и начальника Музъ почитаемъ былъ.

[5]) Ст. 18 и 19. *Чтяща свою свиту, видѣлъ его самого.* Въ Аполлоновой свитѣ находятся Музы. Петръ II собою показалъ образъ почитанія наукъ. Прежде нежели обременень былъ правленіемъ государства, самъ обучался приличнымъ такой высочайшей Особѣ наукамъ. До возшествія на престолъ, Его Величество имѣлъ учителя Зейкана, родомъ Венгерца; а потомъ въ 1727 г. взятъ для наставленія Его Величества Христіанъ Гольдбахъ, Санктпетербургской Академіи Наукъ секретарь. По прибытіи своемъ въ Москву, Его Величество изволилъ подтвердить привиллегіи, надлежащія до Академіи Наукъ, учредивъ притомъ порядочные и постоянные доходы профессорамъ и прочимъ служителямъ.

[6]) Ст. 20. *Жителей Парнасскихъ.* Парнассъ есть гора въ Фоцидѣ, провинціи Греческой, посвященная Музамъ, на которой онѣ свое жилище имѣютъ. Подъ именемъ Парнасскихъ жителей разумѣются ученые люди. Симъ стихомъ стихотворецъ изъявляетъ великодушіе Монарха къ учителямъ, которые на иждивеніи Его Величества тщатся распространить науки и пріумножить ученыхъ людей.

[7]) Ст. 23. *Расколы и ереси.* Хотя то правда, что почти всѣ ересей начальники были ученые люди; однакожъ изъ того не слѣдуетъ, что тому причина была ихъ наука, ибо много ученыхъ, которые не были еретики. Таковъ есть святой Павелъ Апостолъ, Златоустый, Василій Великій и прочіе. Огонь служитъ и нагрѣвать и разворять людей въ конецъ. Пользуетъ огонь, ежели употребленіе его добро; вредитъ, ежели употребленіе зло. Подобно и наука; однако для того ни огонь ни наука не злы, но золъ тотъ, кто ихъ употребляетъ во зло. Между тѣмъ и то примѣчанія достойно, что въ Россіи расколамъ большая причина глупость и суевѣріе.

[8]) Ст. 25. *Приходитъ въ безбожіе.* Обыкновенно невѣжъ мнѣніе есть, что всѣ, которые много книгъ читаютъ, напослѣдокъ не признаютъ Бога. Весьма то ложно, потому что сколько кто величество и изрядный порядокъ твари познаетъ, что удобнѣе отъ чтенія книгъ бываетъ, столько больше чтить Творца природнымъ

Критонъ съ чотками въ рукахъ ворчитъ и вздыхаетъ [1]),
И проситъ свята душа съ горкими слезами
Смотрѣть, сколь сѣмя наукъ вредно между нами:
Дѣти наши, что предъ тѣмъ тихи и покорны
Праотческимъ шли слѣдомъ, къ Божьей проворны
Службѣ, съ страхомъ слушая, что сами не знали,
Теперь къ церкви соблазну Библію честь стали,
Толкуютъ, всему хотятъ знать поводъ, причину,
Мало вѣры подая священному чину;
Потеряли добрый нравъ, забыли пить квасу,
Не прибьешь ихъ палкою къ соленому мясу;
Уже свѣчекъ не кладутъ, постныхъ дней не знаютъ,
Мірскую въ церковныхъ власть рукахъ лишну чаютъ,
Шепча, что тѣмъ, что мірской жизни ужъ отстали,
Помѣстья и вотчины весьма не пристали.
Силванъ другую вину наукамъ находитъ [2]):
Ученіе, говоритъ, намъ голодъ наводитъ;
Живали мы прежъ сего не зная Латынѣ
Гораздо обильнѣе, чѣмъ живемъ мы нынѣ,
Гораздо въ невѣжествѣ больше хлѣба жали [3]),
Перенявъ чужой языкъ, свой хлѣбъ потеряли.
Буде рѣчь моя слаба, буде нѣтъ въ ней чину,
Ни связи, должность о томъ тужить дворянину:
Доводъ, порядокъ въ словахъ, подлыхъ то есть дѣло [4]);
Знатнымъ полно подтверждать, иль отрицать смѣло.
Съ ума сошелъ, кто души силу и предѣлы [5])
Испытаетъ, кто въ поту томится дни цѣлы,

смысломъ убѣждается; а невѣжество приводитъ въ злыя весьма о божествѣ мнѣнія, какъ напр. Богу члены и страсти человѣческія приписывать.

[1]) Ст. 26. *Критонъ съ чотками въ рукахъ ворчитъ.* Вымышленнымъ именемъ Критона (каковы будутъ всѣ въ слѣдующихъ Сатирахъ) означается притворнаго богочтенія человѣкъ, невѣжа и суевѣрный, который наружности закона существу его предпочитаетъ для своей корысти.

[2]) Ст. 41. *Силванъ другую вину...* Подъ именемъ Силвана означенъ старинный скупой дворянинъ, который объ одномъ своемъ помѣстьѣ радѣетъ, охуждая то, что къ умноженію его доходовъ не служитъ.

[3]) Ст. 45. *Гораздо въ невѣжествѣ больше хлѣба жали.* Не гораздо-ли смѣшно приписывать наукамъ въ вину то, что отъ одной лѣности земледѣльцевъ, или отъ непорядочнаго воздуха происходитъ можетъ?

[4]) Ст. 49. *Доводъ, порядокъ въ словахъ.* Тому учитъ Риторика, а наипаче Логика, то есть, чтобъ право о всякомъ дѣлѣ разсуждать, и то другому ясными доказать доводами.

[5]) Ст. 51. *Кто души силу и предѣлы.* Въ семъ стихѣ о Метафизикѣ говорится, которая разсуждаетъ о сущемъ вообще и о свойствахъ души и духовъ.

Чтобъ строй міра и вещей вывѣдать премѣну [1])
Йль причину; глупо онъ лепитъ горохъ въ стѣну.
Приростетъ ли мнѣ съ того день къ жизни иль въ ящикъ
Хотя грошъ? могу ль чрезъ то узнать, что прикащикъ,
Что дворецкій крадетъ въ годъ? какъ прибавить воду
Въ мой прудъ? какъ бочекъ число съ виннаго заводу?
Не умнѣе, кто глаза, полонъ безпокойства,
Коптитъ печась при огнѣ, чтобъ вызнать рудъ свойства [2]);
Вѣдь не теперь мы твердимъ, что буки, что вѣди;
Можно знать различіе злата, сребра, мѣди.
Травъ, болѣзней знаніе, все то голы враки [3]);
Глава ль болитъ? тому врачъ ищетъ въ рукѣ знаки [4]);
Всему въ насъ виновна кровь, буде ему вѣру
Нять хощешь. Слабѣемъ ли, кровь тихо чрезмѣру
Течетъ; если спѣшно, жаръ въ тѣлѣ, отвѣтъ смѣло
Даетъ, хотя внутрь никто видѣлъ живо тѣло [5]).
А пока въ басняхъ такихъ время онъ проводитъ,
Лучшій сокъ изъ нашего мѣшка въ его входитъ.
Къ чему звѣздъ теченіе числить, и ни къ дѣлу [6])
Ни къ стати за однимъ ночь пятномъ не спать цѣлу [7])?
За любопытствомъ однимъ лишиться покою
Ища, солнце ль движется, или мы съ землею [8]).

---

[1]) Ст. 53. *Строй міра и вещей вывѣдать премѣну иль причину.* Физика испытываетъ составъ міра и причину, или различіе всѣхъ вещей въ мірѣ.

[2]) Ст. 60. *Чтобъ вызнать рудъ свойство.* Химія тому учитъ. Слово руда значитъ металлъ, каково есть золото, серебро, мѣдь, желѣзо и прочая.

[3]) Ст. 63. *Травъ, болѣзней знаніе.* То есть, Медицина или врачебная наука.

[4]) Ст. 64. *Ищетъ въ рукѣ знаки.* Доктора, желая узнать силу болѣзни, щупаютъ въ рукѣ больнаго удареніе жилы, отъ чего познаваютъ, каково теченіе крови, и слѣдовательно слабость или жестокость болѣзни.

[5]) Ст. 68. *Внутрь никто видѣлъ живо тѣло.* То есть, хотя анатомики и знаютъ тѣла составъ и состояніе; однако нельзя потому разсудить о поврежденіи, которое въ живомъ человѣкѣ случается, потому что еще никто не видалъ, каково есть движеніе внутреннихъ частей человѣка.

[6]) Ст. 71. *Къ чему звѣздъ теченіе числить.* Объ Астрономіи тутъ слово идетъ.

[7]) Ст. 72. *За однимъ пятномъ.* Въ солнцѣ и въ планетахъ астрономы пятна съ любопытствомъ примѣчаютъ, признавая по онымъ время, въ которое они около своего центра вертятся. При соединеніи двухъ планетъ случается то, что нижняя пятномъ кажется въ высшей планетѣ. Въ лунѣ усматриваются подвижныя пятна, которыя чаятельно суть тѣни ея высокихъ горъ. Смотри Фонтенелла о множествѣ міровъ.

[8]) Ст. 74. *Солнце ль движется или мы съ землею.* Фонтенеллъ о множествѣ міровъ, вечеръ 1. Два, говоритъ, мнѣнія имѣютъ астрономы о системѣ свѣта, первое и старое, въ которомъ земля за среднюю точку всея системы полагается и неподвижно стоитъ, а около ея планеты: Солнце, Сатурнъ, Юпитеръ, Марсъ, Меркурій, Луна и Венера, вертятся всякая въ извѣстное время. Сія система, по Птоломею,

Въ часовникѣ можно честь на всякій день года
Число мѣсяца, и часъ солнечнаго всхода.
Землю въ четверти дѣлить безъ Евклида смыслимъ [1]);
Сколько копѣекъ въ рублѣ безъ Алгебры счислимъ [2]).
Силванъ одно знаніе слично людямъ хвалитъ,
Что учитъ множить доходъ, и расходы малитъ;
Трудиться въ томъ, съ чего вдругъ карманъ не толстѣетъ,
Гражданству вреднымъ весьма безумствомъ звать смѣетъ.
Румяный трожды рыгнувъ Лука подпѣваетъ [3]):
Наука содружество людей разрушаетъ;
Люди мы къ сообществу Божія тварь стали [4]),
Не въ нашу пользу одну смысла даръ пріяли.
Что же пользы иному, когда я запруся
Въ чуланъ, для мертвыхъ друзей живущихъ лишуся [5])?
Когда все дружество, вся моя ватага
Будетъ чернило, перо, песокъ да бумага?
Въ весельи, въ пирахъ мы жизнь должны провождати;
И такъ она недолга, на что коротати,
Крушиться надъ книгою, и повреждать очи?

своему изобрѣтателю, называется Птоломеевою; другая, по которой солнце неподвижно (но около самаго себя обращающееся) поставляется, а прочія планеты, между которыми есть и земля, всякая въ учрежденное время около его вертятся. Луна уже не планета, но спутникъ земли, около которой кругъ свой совершаетъ въ 29 дней. Систему сію выдумалъ Коперникъ Нѣмчинъ, и для того Коперническою называется. Есть и третія система, Тихобрагова, Датчанина родомъ, которая однакожъ изъ прежнихъ двухъ составлена; ибо онъ съ Птоломеемъ согласуется въ томъ, что земля стоитъ, и что солнце около ея вертится, но съ Коперникомъ всѣхъ прочихъ планетъ движеніе около солнца поставляетъ.

[1]) Ст. 77. *Въ четверти дѣлить безъ Евклида смыслимъ.* Четверть есть часть земли, или пашни въ 20 сажень ширины и 80 длины. Евклидъ былъ славный математикъ Александрійскій, гдѣ во время Птоломея Лага Математики обучалъ за 300 лѣтъ до Рождества Христова. Трудовъ его у насъ между прочимъ остались элементы, содержащіе въ 15-ти книгахъ основаніе всей Геометріи.

[2]) Ст. 78. *Безъ Алгебры.* Алгебра есть часть Математики весьма трудная, но и преполезная, служащая къ рѣшенію труднѣйшихъ задачъ въ Математикѣ. Можно назвать ее генеральною Ариѳметикою, поколику части ея по большой мѣрѣ между собою сходны, кромѣ того, что Ариѳметика употребляетъ для всякаго числа особливые знаки, а Алгебра генеральные, которые всякому числу приличествуютъ. Сія наука въ Европу пришла отъ Араповъ, которыхъ мнятъ быть ея изобрѣтателями; имя самое Алгебры есть Арапское, которые ее называютъ Алжабръ Валмукабала, то есть, наверстать или соравнять.

[3]) Ст. 83. *Румяный трожды рыгнувъ Лука.* Лука пьяница, съ вина румяный, и съ вина часто рыгая, говоритъ и проч.

[4]) Ст. 85. *Къ сообществу Божія тварь стали.* Богъ насъ создалъ для сообщества.

[5]) Ст. 88. *Для мертвыхъ друзей,* то есть, для книгъ.

Не лучше ли, съ кубкомъ дни прогулять и ночи?
Вино даръ Божественный, много въ немъ провору [1]);
Дружитъ людей, подаетъ поводъ къ разговору,
Веселитъ, всѣ тяжкія мысли отымаетъ,
Скудость знаетъ облегчать, слабыхъ ободряетъ,
Жестокихъ мягчитъ сердца, угрюмость отводитъ.
. . . . . .
Когда по небу сохой брозды водить станутъ [2]),
А съ поверхности земли звѣзды ужъ проглянутъ,
Когда будутъ течь къ ключамъ своимъ быстры рѣки,
И возвратятся назадъ минувшіе вѣки;
Когда въ постъ чернецъ одну ѣсть станетъ вязигу,
Тогда, оставя стаканъ, примуся за книгу.
Медоръ тужитъ, что чрезчуръ бумаги исходитъ [3])
На письмо, на печать книгъ, а ему приходитъ,
Что не во что завертѣть завитыя кудри [4]);
Не смѣнитъ на Сенеку онъ фунтъ доброй пудры [5]).
Предъ Егоромъ двухъ денегъ Виргилій не стóитъ [6]),

---

[1]) Ст. 95. *Вино даръ Божественный.* Горацій нѣчто подобное говоритъ въ слѣдующихъ стихахъ своего V письма, книги I.

Quid non ebrietas designat? operta recludit:
Spes iubet esse ratas: in praelia trudit inermem;
Sollicitis animis onus eximit: addocet artes
Fecundi calices quem non fecere disertum?
Contracta quem non in paupertate solutum?

[2]) Ст. 101. *Когда по небу.* Подражаніе изъ слѣдующихъ Овидіевыхъ стиховъ, 7-й его Элегіи.

In caput alta suum labentur ab aequore retro
Flumina, conversis solque recurret equis:
Terra feret stellas, coelum findetur aratro:
Unda dabit flammas, et dabit ignis aquas.

[3]) Ст. 107. *Медоръ.* Щоголь тѣмъ именемъ означенъ.

[4]) Ст. 109. *Завертѣть завитыя кудри.* Когда хотимъ волосы завивать, то по малому пучку завиваемъ, и обвертѣвъ тѣ пучки бумагою, горячими желѣзными щипцами ихъ нагрѣваемъ, и такъ прямые волосы въ кудри претворяются.

[5]) Ст. 110. *Не смѣнитъ на Сенеку,* то есть не смѣнитъ на книгу Сенекину фунтъ пудры. Сенека былъ философъ секты Стоической, учитель Нерона, императора Римскаго, отъ котораго убитъ лѣта Христова 65: сего Сенеки есть многія, и почти лучшія изъ древнихъ, нравоучительныя книги.

[6]) Ст. 111. *Предъ Егоромъ Виргилій.* Егоръ былъ славный сапожникъ въ Москвѣ, умеръ 1729. Виргилій стихотворецъ латинскій, былъ сынъ нѣкоего горшечника изъ мѣстечка Анды въ провинціи Мантуанской, гдѣ родился 15 октября въ 684 лѣто по созданіи Рима, т. е. въ 27-е предъ Рождествомъ Христовымъ. За его превосходный умъ многіе изъ знатнѣйшихъ Римлянъ его любили, между которыми были первые императоръ Августъ, Меценатъ и Полліонъ. Весь ученый свѣтъ дивится стихамъ его, которыми у всѣхъ прославился первымъ стихотворцемъ ла-

Рексу, не Цицерону, похвала достоитъ [1]).
Вотъ часть рѣчей, что на всякъ день звѣнятъ мнѣ въ уши;
Вотъ для чего я, уме, нѣмѣе быть клуши
Совѣтую. Когда нѣтъ пользы, ободряетъ
Къ трудамъ хвала; безъ того сердце унываетъ [2]).
Сколько жъ больше вмѣсто хвалъ да хулы терпѣти!
Труднѣй то, нежь пьяницѣ вина не имѣти,
Нежьли не славить попу святую недѣлю,
Нежьли купцу пиво пить не въ три пуда хмелю [3]).
Знаю, что можешь, уме, смѣло мнѣ представить,
Что трудно злонравному добродѣтель славить,
Что щоголь, скупецъ, ханжа, и такимъ подобны
Науку должны хулить да рѣчи ихъ злобны
Умнымъ людямъ не уставъ, плюнуть на нихъ можно.
Изряденъ, хваленъ твой судъ; такъ бы то быть должно [4]),
Да въ нашъ вѣкъ злобныхъ слова умными владѣютъ,
А къ тому жъ не только тѣхъ науки имѣютъ
Недрузей, которыхъ я, краткости радѣя,
Исчелъ, иль, правду сказать, могъ исчесть смѣлѣя.
Полно ль того? Райскихъ вратъ ключари святые [5]),
И имъ же Ѳемисъ вѣски ввѣрила златые [6]),
Мало любятъ, чуть не всѣ, истинну прикрасу [7]).

тинскимъ. Умеръ въ провинціи Калабріи, городѣ Бриндѣ, возвращаясь съ Августомъ изъ Греціи, въ лѣто по созданіи Рима 735, въ 51 своего возраста, и погребенъ близъ Неаполя.

[1]) Ст. 112. *Рексу, не Цицерону.* Рексъ былъ славный портной въ Москвѣ, родомъ Нѣмчинъ; а Маркъ Туллій Цицеронъ былъ сынъ Римскаго дворянина, изъ поколѣнія Тита Тація, короля Сабинскаго. Цицеронъ еще въ молодыхъ своихъ лѣтахъ рѣчи говорилъ въ сенатѣ столь дерзновенно противъ сообщниковъ Катилининыхъ, что убоявся за то на себя нападенія, уѣхалъ въ Грецію, гдѣ у знатнѣйшихъ учителей обучившись, въ такое совершенство привелъ латинское краснорѣчіе, что отцемъ онаго названъ. Въ 691 лѣто по созданіи Рима выбранъ онъ съ Антоніемъ Непотомъ въ консулы, коего повелѣніемъ убитъ въ лѣто по созданіи Рима 711, въ 43 прежде Рождества Христова, и 64 своего возраста: родился 30 января, въ лѣто по созданіи Рима 648.

[2]) Ст. 115 и 116. *Когда нѣтъ пользы, ободряетъ къ трудамъ похвала.* Всѣхъ нашихъ дѣйствій есть двѣ побуждающія причины, польза и похвала; не обыкли люди, или рѣдко слѣдуютъ добродѣтели, для того, что она сама собою красна.

[3]) Ст. 120. *Нежьли купцу.* Извѣстно, что купцы наши по большей части великіе охотники до крѣпкаго пива, котораго часто и въ 5 пудъ хмѣлю варю варятъ.

[4]) Ст. 126. *Твой судъ.* Твое разсужденіе.

[5]) Ст. 131. *Ключари святые.* Церковные пастыри, Епископы.

[6]) Ст. 132. *Имъ же Ѳемисъ вѣски ввѣрила златые.* То есть, судьи. Ѳемисъ богиня правосудія, дочь Земли и Неба, изображается съ вѣсками въ рукахъ.

[7]) Ст. 133. *Мало любятъ чуть не всѣ истинну прикрасу.* Истинною прикра-

Епископомъ хощешь быть? уберися въ рясу,
Сверхъ той тѣло съ гордостью риза полосата [1])
Пусть прикроетъ, повѣсь цѣпь на шею отъ злата [2]),
Клобукомъ покрой главу, брюхо бородою [3]),
Клюку пышно повели вести предъ тобою [4]),
Въ каретѣ раздувшися, когда сердце съ гнѣву
Трещитъ, всѣхъ благословлять нудь праву и лѣву [5]);
Долженъ архипастыремъ всякъ тя въ сихъ познати
Знакахъ, благоговѣйно отцемъ называти.
Что въ наукѣ? что съ нее пользы Церкви будетъ?
Иной пиша проповѣдь, выпись позабудетъ [6]),
Отъ чего доходамъ вредъ; а въ нихъ Церкви права
Лучшія основаны, и вся ея слава.
Хочешь ли судьею стать? вздѣнь парикъ съ узлами,
Брани того, кто проситъ съ пустыми руками [7]),
Твердо сердце бѣдныхъ пусть слезы презираетъ,
Спи на стулѣ, когда дьякъ выписку читаетъ.
Если жъ кто вспомнитъ тебѣ граждански уставы,
Иль естественный законъ, иль народны правы [8]),

сою называетъ стихотворецъ науку, предъ которою невѣжество есть нелѣпо и безобразно.

[1]) Ст. 135. *Риза полосата.* Епанча изъ шелковой парчи безрукавная, сшита на подолѣ и разныхъ цвѣтовъ полосами поперегъ испещренна, которую сверхъ всего платья Архіереи надѣваютъ. Обыкновенно мантіею называется.

[2]) Ст. 136. *Цѣпь отъ злата.* Архіереи, сверхъ рясы, а въ священнослуженіи сверхъ сакоса повѣшенну имѣютъ на шеѣ цѣпочку золотую или серебряную, на которой виситъ образъ на финифти написанный Спасителя, или Богоматери. Обыкновенно цѣпочку сію съ образомъ панагіею называютъ отъ Греческаго слова *παναγία*, пресвятая, которое прилагательное обыкновенно Богородицѣ придается.

[3]) Ст. 137. *Брюхо бородою.* Широкую бороду и по брюху распростертую невѣжи священническому чину за особливое украшеніе приписываютъ. Димитрій, Митрополитъ Ростовскій, (писатель Житія святыхъ) цѣлую книгу сочинилъ противъ суевѣрія простыхъ людей о бородѣ, которая напечатана въ Москвѣ въ 1714 году.

[4]) Ст. 138. *Клюку предъ тобою,* то есть, патерицу. Когда Архіерей выѣзжаетъ со двора, то одинъ изъ его вершниковъ везетъ патерицу епископскую, въ знакъ его церковной власти.

[5]) Ст. 140. *Праву и лѣву.* Разумѣется руку.

[6]) Ст. 144. *Выпись позабудетъ.* Выпись есть письмо приказное, которымъ судья засвидѣтельствуетъ, что товаръ чистъ, и что съ него въ государственную казну пошлина взята, или подтверждаетъ владѣніе земли, деревни, двора и проч.

[7]) Ст. 148. *Кто проситъ съ пустыми руками.* То есть челобитчикъ, который подарковъ не даетъ, и, прося, судьѣ ничего не подноситъ.

[8]) Ст. 151 и 152. *Граждански уставы, иль естественный законъ иль народны правы.* Гражданскіе уставы суть законы, учрежденные отъ Государей, для расправы въ судахъ, каково у насъ Уложенье. Законъ естественный есть правило,

Плюнь ему въ рожу; скажи, что вретъ околесну,
Налагая на судей ту тягость несносну,
Что подъячимъ должно лѣзть на бумажны горы [1]),
А судьѣ довольно знать крѣпить приговоры.
Къ намъ не дошло время то, въ коемъ предсѣдала
Надъ всѣмъ мудрость, и вѣнцы одна раздѣляла,
Будучи способъ одна къ вышнему восходу [2]).
Златой вѣкъ до нашего не достигнулъ роду [3]);
Гордость, лѣность, богатство, мудрость одолѣло;
Науку невѣжество мѣстомъ ужъ посѣло.
Подъ митрой гордится то, въ шитомъ платьѣ ходитъ [4]),
Судитъ за краснымъ сукномъ, смѣло полки водитъ [5]).
Наука ободрана въ лоскутахъ обшита,
Изо всѣхъ почти домовъ съ ругательствомъ сбита,
Знаться съ нею не хотятъ, бѣгутъ ея дружбы,
Какъ въ морѣ страдавшіе корабельной службы.
Всѣ кричатъ: ни какой плодъ не видѣнъ съ науки;
Ученыхъ хоть голова полна, пусты руки.
Коли кто карты мѣшать, разныхъ винъ вкусъ знаетъ,
Танцуетъ, на дудочкѣ пѣсни три играетъ [6]),
Смыслитъ искусно прибрать въ своемъ платьѣ цвѣты:
Тому ужъ и въ самые молодыя лѣты
Всякая высша степень, мзда ужъ не велика,
Седми мудрецовъ себя достойнымъ мнитъ лика [7]).

отъ самой натуры намъ предписанное; которое всегда непремѣнно, и безъ котораго ни какое сообщество устоять не можетъ. Народны правы суть законы, которые содержать должны народы разныхъ областей, для удобнаго взаимнаго сообщенія и пользы.

[1]) Ст. 155. *Лѣзть на бумажны горы*, то есть перебирать или читать множество книгъ.

[2]) Ст. 157 до 160. *Къ намъ не дошло то и проч.* Не дошло къ намъ то время, когда отъ одной мудрости ожидать должно было человѣку своего награжденія и повышенія въ знатные чины.

[3]) Ст. 160. *Златой вѣкъ.* Стихотворцы раздѣляютъ времена на четыре вѣка, а именно: на златой, серебряный, мѣдный и желѣзный и говорятъ, что въ златомъ вѣкѣ всѣ люди къ одной только добродѣтели прилѣжали, удаляясь отъ всякихъ пороковъ.

[4]) Ст. 163. *Подъ митрой.* Митра есть шапка архіерейская, въ священнослуженіи употребляемая.

[5]) Ст. 164. *Судитъ за краснымъ сукномъ.* Во всѣхъ приказахъ столъ, за которымъ судьи засѣдаютъ, покрытъ бываетъ обыкновенно краснымъ сукномъ.

[6]) Ст. 172. *На дудочкѣ пѣсни три играетъ.* Дудочка значитъ косую флейту, которая была въ великомъ употребленіи въ то время, когда Сатира сія писана, и почти всѣ молодые люди на ней играть обучались.

[7]) Ст. 176. *Седми мудрецовъ.* Славные семь мудрецовъ были Ѳалесъ, Питтакъ, Віасъ, Солонъ, Клеовулъ, Миносъ и Хилонъ. Нѣкоторые вмѣсто трехъ послѣд-

Нѣтъ правды въ людяхъ, кричитъ безмозглый церковникъ;
Еще не Епископъ я, а знаю часовникъ,
Псалтырь и посланія бѣгло честь умѣю,
Въ Златоустѣ не запнусь, хоть не разумѣю [1]).
Воинъ ропщетъ, что своимъ полкомъ не владѣетъ,
Когда ужъ имя свое подписать умѣетъ.
Писецъ [2]) тужитъ, за сукномъ что не сидитъ краснымъ,
Смысля дѣло набѣло списать письмомъ яснымъ [3]).
Обидно себѣ быть, мнитъ, въ незнати старѣти,
Кому въ родѣ седмь бояръ [4]) случилось имѣти,
И двѣ тысячи дворовъ за собой считаетъ,
Хотя впрочемъ ни читать, ни писать не знаетъ.
Таковы слыша слова, и примѣры видя,
Молчи, уме, не скучай въ незнатности сидя.
Безстрашно того житье, хоть и тяжко мнится,
Кто въ тихомъ своемъ углу молчаливъ таится.
Коли что дала ти знать Мудрость всеблагая [5]),
Весели тайно себя, въ себѣ разсуждая
Пользу наукъ; не ищи, изъясняя тую,
Вмѣсто похвалъ, что ты ждешь, достать хулу злую.

Кантемиръ [6]).

Примѣч. — Тема: Русское общество временъ Петра Великаго на основаніи сатиры Кантемира.

нихъ включаютъ Періандра, Анахарса и Эпаминонда, а другіе Пизистрата, Трасивула, Милетскаго тиранна, и Ѳеницила Сирскаго. Смотри Ларея въ житіи седми мудрецовъ, стр. I.

[1]) Ст. 180. *Въ Златоустѣ не запнусь.* Въ Златоустовомъ толкованіи на Евангеліе, которое переведено съ Греческаго весьма неясно.

[2]) Ст. 183. *Писецъ*, то есть подъячій.

[3]) Ст. 184. *Письмомъ яснымъ.* Наши подъячіе, когда пишутъ, объ одномъ только тщатся, чтобъ письмо ихъ было чотко и красиво; что же до правописанія касается, такъ мало о томъ стараются, что и за излишнее оное почитаютъ, и для того если желаешь какой книги не разумѣть, отдай ее подъячему переписать.

[4]) Ст. 186. *Седмь бояръ.* Извѣстно, что боярскій чинъ бывалъ въ великомъ почтеніи; почему знать должно, что благороднымъ звать себя можетъ тотъ, изъ чьего роду семеро честь боярскую имѣли.

[5]) Ст. 193. *Мудрость всеблагая,* то есть, Богъ, который не только премудръ, но самая Премудрость, къ тому-жъ и Всеблагій.

[6]) Князь Антіохъ Кантемиръ (1708 — 1744), тайный совѣтникъ, полномочный министръ при дворахъ Французскомъ и Великобританскомъ. О немъ см. исторію Р. Словесности. Галахова. Ч. 1.

Чужой Толкъ.

«Что за диковинка? лѣтъ двадцать ужъ прошло,
Какъ мы, напрягши умъ, наморщивши чело,
Со всеусердіемъ все оды пишемъ, пишемъ,
А ни себѣ, ни имъ похвалъ нигдѣ не слышимъ!
Ужели выдалъ Фебъ свой именной указъ,
Чтобъ не дерзалъ никто надѣяться изъ насъ
Быть Флакку [1]), Рамлеру [2]) и ихъ собратьи равнымъ,
И столько-жъ, какъ они, во пѣснопѣньи славнымъ?
Какъ думаешь?.... Вчера случилось мнѣ сличать
И ихъ и нашу пѣснь: въ ихъ.... нечего читать:
Листочекъ, много три, а любо, какъ читаешь —
Не знаю, какъ-то самъ какъ будто бы летаешь!
Судя по краткости, увѣренъ, что они
Писали ихъ рѣзвясь, а не четыре дни;
То какъ бы намъ не быть еще и ихъ счастливѣй,
Когда мы во сто разъ прилежнѣй, терпѣливѣй?
Вѣдь нашъ начнетъ писать, то всѣ забавы прочь:
Надъ парою стиховъ просиживаетъ ночь,
Потѣетъ, думаетъ, чертитъ и жжетъ бумагу;
И иногда беретъ такую онъ отвагу,
Что цѣлый годъ сидитъ надъ одою одной!
И подлинно ужъ весь приложитъ разумъ свой!
Ужъ прямо самая торжественная ода!
Я не могу сказать, какого это рода;
Но очень полная, иная въ двѣсти строфъ!
Судите-жъ, сколько тутъ хорошихъ есть стишковъ!
Къ тому жъ и въ правилахъ; сперва прочтешь вступленье,
Тутъ предложенье, а тамъ и заключенье —
Точь въ точь, какъ говорятъ учены по церквамъ!
Совсѣмъ тѣмъ нѣтъ читать охоты, вижу самъ.
Возьму ли, напримѣръ, я оды на побѣды,
Какъ покорили Крымъ, какъ въ морѣ гибли Шведы:
Всѣ тутъ подробности сраженья нахожу,
Гдѣ было, какъ, когда, — короче я скажу:
Въ стихахъ реляція! прекрасно!.... а зѣваю!
Я, бросивши ее, другую раскрываю,
На праздникъ, иль на что подобное тому:

---

[1]) Квинтъ Горацій Флаккъ.
[2]) Рамлеръ, Германскій поэтъ (1725—1798).

Тутъ найдешь то, чего бъ нехитрому уму
Не выдумать и ввѣкъ: *зари багряны персты,*
И райскій кринъ, и Фебъ, и небеса отверсты!
Такъ громко, высоко!... а нѣтъ, не веселитъ,
И сердца, такъ сказать, ничуть не шевелитъ!»
Такъ дѣдовскихъ временъ съ любезной простотою
Вчера одинъ старикъ бесѣдовалъ со мною.
Я, будучи и самъ товарищъ тѣхъ пѣвцовъ,
Которыхъ дѣйствію дивился онъ стиховъ,
Смутился и не зналъ, какъ отвѣчать мнѣ должно;
Но къ счастью — ежели назвать то счастьемъ можно,
Чтобъ слышать и себѣ ужасный приговоръ —
Какой-то *Аристархъ* [1]) съ нимъ началъ разговоръ:
«На это, онъ сказалъ, есть многія причины:
Не обѣщаюсь ихъ открыть и половины,
А нѣкоторы вамъ охотно объявлю.
Я самъ языкъ боговъ, поэзію люблю,
И нашей, какъ и вы, утѣшенъ также мало;
Однакожъ, здѣсь въ Москвѣ толкался я бывало
Межъ нашихъ Пиндаровъ, и всѣхъ ихъ замѣчалъ.
Большая часть изъ нихъ — лейбъ-гвардіи капралъ,
Ассессоръ, офицеръ, какой нибудь подъячій,
Иль изъ кунсткамеры антикъ въ пыли ходячій —
Уродовъ стражъ — народъ все нужный, должностной;
Такъ часто я видалъ, что истинно иной
Въ два, въ три дни риѳму лишь прибрать едва успѣетъ,
За тѣмъ, что въ хлопотахъ досуга не имѣетъ.
Лишь только мысль къ нему счастливая придетъ,
Вдругъ било шесть часовъ! уже карета ждетъ;
Пора въ театръ, а тамъ на балъ, а тамъ къ Ліону [2]),
А тутъ и ночь.... когда жъ заѣхать къ Аполлону?
На завтра лишь глаза откроетъ, ужъ билетъ:
На пробу въ пять часовъ.... куда же? въ модный свѣтъ,
Гдѣ лирикъ нашъ и самъ взялъ арлекина ролю.
До оды-ль тутъ? тверди, скачи два раза къ Кролю [3]);
Потомъ опять домой: здѣсь хольця да рядись,
А тамъ въ спектакль, и такъ со днемъ опять простись.

---

[1]) Древній критикъ. Онъ былъ учителемъ Птоломея Филопатора. Цицеронъ и Эліанъ объявляютъ, говоритъ Тредьяковскій, что его критики были столь тонки и разсудительны, что стихъ не слылъ Гомеровымъ, если онъ того не скажетъ. Нынѣ, замѣчаетъ Тредьяковскій, Аристархами называютъ разсудительныхъ.

[2]) Содержатель въ Петербургѣ вольныхъ маскарадовъ.

[3]) Модный портной.

Къ тому жъ у древнихъ цѣль была, у насъ другая:
Горацій, напримѣръ, восторгомъ грудь питая,
Чего желалъ? о! — онъ — онъ бралъ не съ высока:
Въ вѣкахъ безсмертія, а въ Римѣ лишь вѣнка
Изъ лавровъ иль изъ миртъ, — что бъ Делія [1]) сказала:
Онъ славенъ, чрезъ него и я безсмертна стала!
А нашихъ многихъ цѣль — награда пѳрстенькомъ,
Не рѣдко сто рублей, иль дружество съ князькомъ,
Который отъ роду не читывалъ другова,
Кромѣ придворнаго подъ часъ мѣсяцослова;
Иль похвала своихъ пріятелей, а имъ
Печатный всякій листъ быть кажется святымъ.
Судя жъ, сколь разные и тѣхъ и нашихъ виды,
Навѣрно льзя сказать, не дѣлая обиды
Ретивымъ господамъ питомцамъ Русскихъ музъ,
Что долженъ быть у нихъ и особливый вкусъ,
И въ сочиненіи лирической поэмы
Другіе способы, особые пріемы;
Какіе же они, сказать вамъ не могу,
А только объявлю — и право не солгу —
Какъ думалъ о стихахъ одинъ стихотворитель,
Котораго трудовъ Меркурій нашъ и Зритель [2])
И книжный магазинъ и лавочки полны:
«Мы съ риѳмами на свѣтъ, онъ мыслилъ, рождены;
Такъ не смѣшно ли намъ поэтамъ согласиться,
На взморьѣ въ хижину, какъ Димосѳенъ, забиться,
Читать, да думать все, — и то, что вздумалъ самъ,
Разсказывать однимъ шумящимъ лишь волнамъ?
Природа дѣлаетъ пѣвца, а не ученье;
Онъ не учась ученъ, какъ придетъ въ восхищенье:
Науки будутъ все науки, а не даръ,
Потребный же запасъ: отвага, риѳмы, жаръ.»
И вотъ какъ писывалъ поэтъ природный оду:
Лишь пушекъ громъ подастъ пріятну вѣсть народу,
Что Рымникскій Алкидъ [3]) Поляковъ разгромилъ,
Иль Ферзенъ ихъ вождя Костюшку полонилъ;
Онъ тотчасъ за перо, и разомъ вывелъ — *ода!*
Потомъ въ одинъ присѣстъ: *такого дня и года!*

---

[1]) Вдохновительница поэзіи Горація.

[2]) Русскіе журналы. Первый издавался Крыловымъ и Клушинымъ, а второй — Крыловымъ. Меркурій 1793 года, а Зритель 1792 г.

[3]) Суворовъ.

«Тутъ какъ?... *Пою!*... иль нѣтъ, ужъ это старина!
«Не лучше ль: *даждь мнѣ, Фебъ?*... Иль такъ: *не ты одна*
«*Попала подъ пяту, о чалмоносна Порта!*
«Но что же мнѣ прибрать къ ней въ риѳму, кромѣ чорта?
«Нѣтъ, нѣтъ! не хорошо, я лучше поброжу,
«И воздухомъ себя открытымъ освѣжу.»
Пошелъ, и на пути такъ въ мысляхъ разсуждаетъ:
«Начало никогда пѣвцовъ не устрашаетъ;
«Что хочешь, то мели! Вотъ штука, какъ хвалить
«Героя-то придетъ! Не знаю, съ кѣмъ сравнить?
«Съ Румянцевымъ [1]) его, иль съ Грейгомъ [2]), иль съ Орловымъ [3])?
«Какъ жаль, что древнихъ я не читывалъ! а съ новымъ —
«Не ловко что — то все — да просто напишу:
«Ликуй герой! ликуй, герой ты! возглашу.
«Изрядно! Тутъ же что? Тутъ надобенъ восторгъ!
«Скажу: *кто завѣсу мнѣ вѣчности расторгъ?*
«*Я вижу молній блескъ! я слышу съ горня свѣта*
«*И то, и то*.... А тамъ?.... Извѣстно: *многи лѣта!*
«Брависсимо! и планъ и мысли, все ужъ есть!
«Да здравствуетъ поэтъ! осталося присѣсть,
«Да только написать, да и печатать смѣло!»
Бѣжитъ на свой чердакъ, чертитъ — и въ шляпѣ дѣло.
И оду ужъ его тисненью предаютъ,
И въ одѣ ужъ его намъ ваксу продаютъ.
Вотъ какъ пиндарилъ онъ и всѣ ему подобны,
Едва ли вывѣски надписывать способны!
Желалъ бы я, чтобъ Фебъ хотя во снѣ имъ рекъ:
«Кто въ громкой славою Екатерининъ вѣкъ
Хвалой ему сердецъ другихъ не восхищаетъ,
И лиры сладкою слезой не орошаетъ,
Тотъ брось ее, разбей, и знай: онъ не поэтъ.»
Да вѣдаетъ же всякъ по одамъ мой клевретъ,
Какъ дерзостный языкъ безславилъ насъ, ничтожилъ,
Какъ лириковъ цѣнилъ! воспрянемъ! Марсій ожилъ!
Товарищи! къ столу, за перья! отомстимъ!
Надуемся, напремъ, ударимъ, поразимъ!

---

[1]) Румянцевъ — Задунайскій.

[2]) Самуилъ Карловичъ Грейгъ (1736 — 1788) былъ съ 1775 г. командиромъ Кронштадскаго порта, потомъ командовалъ Балтійскимъ флотомъ и былъ раненъ смертельно въ войнѣ со Шведами.

[3]) Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ, истребившій при Чесмѣ Турецкій флотъ.

Напишемъ на него предлинную Сатиру,
И оправдаемъ тѣмъ Россійску громку лиру!

Дмитріевъ.

Да какъ-бы не такъ.

Пока нашъ умъ молокососъ,
И жизнь поитъ насъ полной чашей,
Судьба на каждый нашъ вопросъ
Намъ говоритъ: все въ волѣ вашей!
Когда жъ сосудъ ужъ поизсякъ,
А сердце пить еще все хочетъ;
Что ни спроси, судьба бормочетъ:
Да какъ-бы не такъ!
Вотъ рѣдкая душа Оргонъ!
Всѣхъ ближнихъ братьями онъ числитъ,
И о нуждающемся онъ
Безъ слезъ и сонный не помыслитъ.
А попроси въ займы пятакъ,
Или услуги на два гроша,
Что жъ, радъ себя отдать святоша?
Да какъ-бы не такъ!
У дружбы есть двойчатка: лесть.
Онѣ съ лица отчасти схожи;
Съ одной знакомство трудно свесть,
Съ другою знаются вельможи.
Какъ разъ жди съ нею сѣсть въ просакъ:
Что жъ, какъ разнюхаютъ сударку,
Ее по шеѣ да въ припарку?..
Да какъ бы не такъ!
Секретъ подписокъ и программъ
Есть высшій взглядъ литературы.
Всѣ деньги прибери къ рукамъ,
А публика? жди корректуры.
Когда народъ нашъ былъ простакъ,
Честь авторства цѣнилась строже:
Честь денегъ каждому дороже?
Да какъ-бы не такъ!
Какъ міръ нашъ при свѣчахъ хорошъ!
Какъ при свѣчахъ всѣ люди гладки!
Нигдѣ пятна не разберешь,

Нѣтъ ни морщинки, ни заплатки.
Вездѣ улыбка, блескъ и лакъ;
Погасъ фонарь — и дня свѣтило....
Блаженства новыя раскрыло?
Да какъ-бы не такъ!

Кн. П. Вяземскій [1].

Элегія.

Восплачь Канцеляристъ, Повытчикъ, Секретарь,
Надсмотрщикъ возрыдай и вся приказна тварь!
Ланиты въ горести чернилами натрите
И въ перси перьями другъ друга поразите:
О, сколь вы за грѣхи наказаны судьбой!
Зрятъ тучу страшную палаты надъ собой,
Которой молнія грозитъ вамъ просвѣщеньемъ,
И акциденцій всѣхъ и ябедъ истребленьемъ.
Какъ древо сокрушенъ падетъ подъячихъ родъ;
Увы! насталъ для васъ теперь плачевный годъ!
Какія времена! должны вы слушать курсы,
Судебныя мѣста всѣ превратятся въ Бурсы.
Ахъ! если бы воскресъ одинъ хоть думный Дьякъ
И съ челобитною явясь предъ царскій зракъ,
Чѣмъ заслужили гнѣвъ мои, воскликнулъ, внуки,
Что посылаются къ нимъ палачи науки?
Ты хочешь, чтобъ отъ ихъ немилосердыхъ рукъ,
Расправился, или переломился крюкъ.
О, солнце! не лишай ты филиновъ затмѣнья!
Да крюкъ пребудетъ крюкъ по силѣ Уложенья!
Но что! гдѣ Дьякъ и гдѣ прошеніе къ царю?
Бѣда Коллежскому теперь Секретарю.
О, чинъ Ассессорскій, толико вожделѣнный!
Ты убѣгаешь днесь, когда я, восхищенный,
Мнилъ обнимать тебя, какъ друга, какъ алтынъ;
Быть можетъ—навсегда прости любезный чинъ.
Сколь тяжко для меня, степенна человѣка
Учиться начинать, проживши ужь полвѣка.
Какія каверзы, какое зло для насъ
О просвѣщеніи гласящій намъ Указъ!

---

[1]) Современный писатель. Год. 1792.

Друзья! пока еще не свѣтло въ нашемъ мірѣ,
На счетъ просителей пойдемъ гулять въ трактирѣ;
Съ отчаянья начнемъ какъ можно больше драть:
Свѣтъ близокъ — должно ли ворамъ теперь дремать?

Нахимовъ [1]).

Примѣч.—Смыслъ сатиры объясняется знаменитымъ указомъ 6-го августа 1809 года, изданнымъ по совѣту Сперанскаго. Слова барона Корфа: «Сущность закона состояла въ томъ, чтобы впредь никого не производить въ чинъ коллежскаго ассессора, хотя бы онъ и выслужилъ опредѣленныя лѣта, безъ предъявленія свидѣтельства одного изъ Русскихъ университетовъ о томъ, что представляемый къ производству успѣшно кончилъ въ немъ курсъ, или, явясь на испытаніе, заслужилъ одобреніе въ своихъ знаніяхъ. Такое же университетское свидѣтельство установлялось и для производства въ статскіе совѣтники, съ тѣмъ еще, чтобы представляемый состоялъ на службѣ вообще не менѣе десяти лѣтъ и въ это время не менѣе двухъ лѣтъ занималъ одну изъ особо поименованныхъ должностей. Къ указу была приложена и программа предметовъ испытанія для необучавшихся въ университетахъ, по которой требоволось: «грамматическое знаніе Русскаго языка и правильное на немъ сочиненіе; знаніе по крайней мѣрѣ одного языка иностраннаго и удобность перелагать съ него на Русскій, основательное знаніе правъ естественнаго, Римскаго и частнаго гражданскаго, съ приложеніемъ послѣдняго къ Русскому законодательству, и свѣдѣнія въ государственной экономіи и законахъ уголовныхъ; основательное знаніе отечественной исторіи; исторія всеобщая, съ географіею и хронологіею; первоначальныя основанія статистики, особенно Русскаго государства; наконецъ знаніе по крайней мѣрѣ начальныхъ основаній математики и общія свѣдѣнія въ главныхъ частяхъ физики.»

«Если постановленіе о придворныхъ званіяхъ возбудило противъ Сперанскаго высшее сословіе, то легко представить себѣ какой вопль, за постановленіе объ экзаменахъ, поднялся противъ него въ многочисленномъ сословіи чиновниковъ, для которыхъ этимъ постановленіемъ такъ внезапно измѣнялись всѣ ихъ застарѣлыя привычки, всѣ цѣли, вся, можно сказать, жизнь. Но кричали не одни подъячіе. Карамзинъ, въ своей запискѣ, тоже коснулся этого предмета. «Сдѣлавъ многое для успѣха наукъ въ Россіи—говорилъ онъ— и съ неудовольствіемъ видя слабую ревность дворянъ въ снисканіи ученыхъ свѣдѣній въ университетахъ, правительство желало принудить ихъ къ тому и выдало несчастный указъ объ экзаменахъ. Отнынѣ никто не долженъ быть производимъ ни въ статскіе совѣтники, ни въ ассессоры, безъ свидѣтельства о своей учености. Доселѣ въ самыхъ просвѣщенныхъ государствахъ требовалось отъ чиновниковъ только необходимаго для ихъ званія: науки инженерной отъ инженера, законовѣдѣнія отъ судьи, и проч. У насъ предсѣдатель гражданской палаты обязанъ знать Гомера и Ѳеокрита, секретарь сенатскій свойства оксигена и всѣхъ газовъ [2]), вице-губернаторъ — Пиѳагорову фигуру, надзиратель въ домѣ сумашедшихъ—Римское право, или умрутъ коллежскими и титулярными совѣтниками. Ни сорокалѣтняя дѣятельность государственная, ни важныя заслуги не освобождаютъ отъ долга знать вещи, совсѣмъ для насъ чуждыя и безполезныя. Никогда любовь къ наукамъ не про-

[1]) Нахимовъ, писатель начала XIX столѣтія.

[2]) Острословіе увлекло здѣсь Карамзина за предѣлы истины. Въ программѣ не было, между предметами испытаній, ни Греческаго языка, ни химіи.

изводила дѣйствія столь несогласнаго съ ихъ цѣлью. Забавно, что сочинитель сего указа, предписывающаго всѣмъ знать реторику, самъ дѣлаетъ въ немъ ошибки грамматическія! Не будемъ говорить о смѣшномъ, замѣтимъ только вредное. Донынѣ дворяне и не дворяне въ гражданской службѣ искали у насъ чиновъ, или денегъ: первое побужденіе невинно, второе опасно: ибо умѣренность жалованья производитъ въ корыстолюбивыхъ охоту мздоимства. Теперь, не зная ни физики, ни статистики, ни другихъ наукъ, для чего будутъ служить коллежскіе и титулярные совѣтники? Лучшіе, т. е. честолюбивые, возьмутъ отставку, худшіе, т. е. корыстолюбивые, станутъ драть кожу и съ живаго и мертваго; уже видимъ и примѣры. Вмѣсто сего новаго постановленія, надлежало бы только исполнить сказанное въ уставѣ университетскомъ, что впредь молодые люди, вступая въ службу, обязаны предъявлять свидѣтельства о своихъ знаніяхъ. Отъ начинающихъ можно всего требовать; но кто уже давно служитъ, съ тѣмъ нельзя, по справедливости, дѣлать новыхъ условій для службы: онъ посѣдѣлъ въ трудахъ, въ правилахъ чести и въ надеждѣ имѣть нѣкогда чинъ статскаго совѣтника, ему обѣщанный закономъ, а вы нарушаете сей контрактъ государственный; вмѣсто всеобщихъ знаній, должно отъ каждаго человѣка требовать единственно нужныхъ для той службы, коей онъ желаетъ посвятить себя: юнкеровъ иностранной коллегіи испытывайте въ статистикѣ, исторіи, географіи, дипломатикѣ, языкахъ; другихъ — только въ знаніяхъ отечественнаго языка и права Русскаго, а не Римскаго, для насъ безполезнаго; третьихъ—въ геометріи, буде они желаютъ быть землемѣрами, и такъ далѣе. Хотѣть лишняго, или не хотѣть должнаго, равно предосудительно». (Жизнь графа Сперанскаго. Спб. 1861. Т. I, стр. 178 — 181).

Дума.

Печально я гляжу на наше поколѣнье!
Его грядущее — иль пусто, иль темно;
Межь-тѣмъ, подъ бременемъ познанья и сомнѣнья,
Въ бездѣйствіи состарится оно.
Богаты мы, едва изъ колыбели,
Ошибками отцовъ и позднимъ ихъ умомъ,
И жизнь ужъ насъ томитъ, какъ ровный путь безъ цѣли,
Какъ пиръ на праздникѣ чужомъ.
Къ добру и злу постыдно равнодушны,
Въ началѣ поприща мы вянемъ безъ борьбы;
Передъ опасностью позорно малодушны....
. . . . . .
Такъ тощій плодъ, до времени созрѣлый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глазъ,
Виситъ между цвѣтовъ, пришлецъ осиротѣлый,
И часъ ихъ красоты — его паденья часъ!

Мы изсушили умъ наукою безплодной,
Тая завистливо отъ ближнихъ и друзей
Надежды лучшія и голосъ благородный
Невѣріемъ осмѣянныхъ страстей.
Едва касались мы до чаши наслажденья,
Но юныхъ силъ мы тѣмъ не сберегли;
Изъ каждой радости, бояся пресыщенья,
Мы лучшій сокъ навѣки извлекли.
Мечты поэзіи, созданія искусства
Восторгомъ сладостнымъ нашъ умъ не шевелятъ;
Мы жадно бережемъ въ груди остатокъ чувства —
Зарытый скупостью и безполезный кладъ.
И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ни чѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови.
И предковъ скучны намъ роскошныя забавы,
Ихъ легкомысленный, ребяческій развратъ;
И къ гробу мы спѣшимъ безъ счастья и безъ славы,
Глядя насмѣшливо назадъ.

Толпой угрюмою и скоро позабытой,
Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой,
Ни геніемъ начатаго труда.
И прахъ нашъ, съ строгостью судьи и гражданина,
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ,
Насмѣшкой гордою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ.

Лермонтовъ.

Утренняя Прогулка.

Злость беретъ, сокрушаетъ хандра;
Такъ и просятся слезы изъ глазъ,
Нѣтъ! я лучше уйду со двора....
Я ушелъ — и наткнулся какъ разъ
На тяжелую сцену. Везли на погостъ
Чей-то вохрой, окрашенный гробъ
Черезъ длинный Исакіевъ мостъ.
Передъ гробомъ не шли ни родные, ни попъ;

Не лежала на немъ золотая парча,
Только въ крышу досчатаго гроба стуча,
Прыгалъ градъ, да извощикъ-палачъ
Билъ кургузымъ кнутомъ спотыкавшихся клячъ,
И вдоль спинъ побѣлѣвшихъ удары кнута
Полосами ложились. Съѣзжая съ моста,
Зацѣпила за дроги коляска, стремглавъ
Съ офицеромъ, кричавшимъ: пошелъ! проскакавъ,
Гробъ упалъ и раскрылся.
«Сердечный ты мой!
Натерпѣлся ты горя живой,
Да пришлося терпѣть и по смерти.
То случился проклятый пожаръ,
То теперь наскакали вдругъ — черти.
Вотъ ужъ подлинно бѣдный Макаръ!
Домъ-то, гдѣ его тѣло стояло,
Загорѣлся, — забыли о немъ, —
Я схватилась: побились не мало
Да спасли таки гробъ цѣликомъ,
Такъ опять неудача сегодня!
Видно участь его такова....
Прогнѣвилась рука-то Господня,
Не удержишь!...»
Такія слова
Говорила бездушно и звонко,
Подбѣжавъ къ мертвецу въ попыхахъ,
Провожавшая гробъ старушонка,
Въ кацавейкѣ, въ мужскихъ сапогахъ.
— Вишь проклятые! Ѣхать имъ тѣсно!
«Кто онъ былъ?» я старуху спросилъ.
— Кто онъ былъ? да чиновникъ, извѣстно;
Въ департаментахъ разныхъ служилъ.
Петербургъ ему солонъ достался:
Въ наводненье жену потерялъ,
Цѣлый вѣкъ по квартирамъ таскался
И четырнадцать разъ погоралъ.
А ужъ службой себя какъ неволилъ!
Въ будни сиднемъ сидѣлъ да писалъ,
А по праздникамъ ноги мозолилъ —
Все начальство свое поздравлялъ.
Вотъ и кончилось тѣмъ — простудился!
Звалъ изъ Шуи родную сестру
Да деньжонокъ послать поскупился.

«Такъ одинъ, говоритъ, и умру,
«Не дождусь... кто меня похоронитъ?
«Хоть ужъ ты не оставь, помоги!»
Страхъ бывало возьметъ, какъ застонетъ.
Подари, говорю, сапоги,
А то вишь разошелся дождище!
Неравно въ самомъ дѣлѣ умрешь,
Въ чемъ пойду проводить на кладбище?
Закивалъ головой.... «Ну и что жь?»
— Ну и умеръ — и больше ни слова;
Надо мѣсто искать у другова!
«И тебѣ его будто не жаль»?
— Что жалѣть? намъ жалѣть не досужно.
Что жалѣть? хоронить теперь нужно.
Эка, батюшки, страшная даль!
Эко времячко!... Господи Боже!
Какъ ни дорого бѣдному жить,
Умирать ему вдвое дороже.
На кладбищѣ-то мѣсто купить,
Да на гробъ, да на саванъ, на свѣчи...—
Говоря эти грустныя рѣчи,
До кладбища мы скоро дошли
И покойника въ церковь внесли.
Много ихъ тамъ гуртомъ отпѣвалось,
Было тѣсно — и трудно дышалось.
Я ушелъ по кладбищу гулять;
Тамъ одной незамѣтной могилы,
Гдѣ уснули великія силы,
Мнѣ хотѣлось давно поискать.
Сдѣлавъ даромъ три добрые круга,
Я у сторожа вздумалъ спросить.
Имя, званье, всѣ признаки друга
Онъ заставилъ пять разъ повторить
И сказалъ: «нѣтъ, такого не знаю;
А пожалуй, примѣту скажу,
Какъ искать: ты ищи его съ краю,
Перешедши вонъ эту межу,
И гляди: гдѣ кресты, тамъ мѣщане,
Офицеры, простые дворяне;
Надъ чиновникомъ больше плита,
Подъ плитой же бываетъ учитель,
А гдѣ нѣтъ ни плиты, ни креста,
Тамъ должно быть и есть сочинитель.»

За совѣтъ я спасибо сказалъ,
Но могилы въ тотъ день не искалъ.
Я старуху знакомую встрѣтилъ
И покойника съ ней хоронилъ.
День по прежнему гнилъ и не свѣтелъ,
Вмѣсто града дождемъ насъ мочилъ.
Средь могилъ, по мосткамъ деревяннымъ —
Довелось намъ долгонько шагать.
Впереди, подъ навѣсомъ туманнымъ,
Открывалась болотная гладь:
Ни жилья, ни травы, ни кусточка,
Все мертво — только вѣтеръ свиститъ.
Вонъ виднѣется чорная точка:
Это сторожъ. «Скорѣе!» кричитъ.
По танцующимъ жордочкамъ прямо
Мы направились съ гробомъ туда.
Наконецъ вотъ и свѣжая яма
И ужъ въ ней — по колѣно вода!
Въ эту воду мы гробъ опустили,
Жидкой грязью его завалили
И — конецъ! Старушонка опять
Не могла пересилить досады:
«Ну, дождался сердечный отрады!
«Что ужъ, кажется, съ мертваго взять?
«Да судьба какъ захочетъ обидѣть,
«Такъ обидитъ: вчера погоралъ,
«А сегодня, изволите видѣть,
«Изъ огня прямо въ воду попалъ!»
Я взглянулъ на нее — и замѣтилъ,
Что старухѣ-то жаль бѣдняка:
Бровь одну поводило слегка....
Я нѣмымъ ей поклономъ отвѣтилъ
И ушелъ.... Я доволенъ собой,
Я не даромъ на улицу вышелъ:
Я хандру разогналъ — и смѣшной
Каламбуръ на кладбищѣ услышалъ,
Подготовленный жизнью самой....

Некрасовъ.

Благотворитель.

(Гейне).

Братъ съ сестрой когда-то жили,
Онъ богатъ, она бѣдна.
Разъ сестра сказала брату:
«Помоги, я голодна!»

«Ахъ! оставь меня сегодня:
Братъ ей вымолвилъ въ отвѣтъ:
Я совѣту городскому
Задаю большой обѣдъ.

«Этотъ любитъ ананасы;
Этотъ супъ изъ черепахъ;
Этотъ съ трюфлями фазановъ:
Цѣлый день я въ хлопотахъ.

«Одному морскую рыбу,
А другому семгу дай;
Третій жретъ что ни попало,
Лишь вина въ него вливай!»

И голодная отъ брата
Въ уголъ свой она пришла.
Тамъ слезами обливаясь,
На соломѣ умерла.

Всѣ умремъ мы... Вотъ явилась
Смерть и къ братнему одру;
Богача она сразила,
Такъ какъ онъ сразилъ сестру.

Но почуявъ, что пришлося
Грѣшный міръ нашъ покидать,
Онъ нотаріуса призвалъ
Завѣщаніе писать.

Духовенству онъ оставилъ
Очень круглый капиталъ.
Школѣ также и музею
Много денегъ отказалъ.

Не забылъ онъ въ завѣщаньи
Институтъ глухонѣмыхъ,
Поощрилъ богоугодныхъ
Обществъ много и другихъ.

Былъ имъ колоколъ соборный
Въ даръ собору принесенъ;
Страшный вѣсъ! металъ отличный!
Потрясаетъ воздухъ звонъ!

И, весь день не умолкая,
Этотъ колоколъ гудитъ
Про тебя, о мужъ великій,
Какъ добромъ ты знаменитъ!

Языкомъ своимъ онъ мѣднымъ
Возвѣщаетъ, что тобой,
Всѣ сограждане гордятся,
Весь гордится край родной.

Въ честь твою гудѣть онъ будетъ,
Незабвенный филантропъ,
И тогда, когда ты ляжешь
Къ общей скорби въ тѣсный гробъ.

Погребенье совершилось
Съ подобавшимъ торжествомъ;
На поѣздъ толпа взирала
Въ удивленіи большомъ.

Балдахинъ былъ убранъ въ перья,
Пышный гробъ стоялъ подъ нимъ,
Чернымъ бархатомъ обитый,
Съ позументомъ дорогимъ.

Серебро на черномъ фонѣ
Представляетъ чудный видъ,

Позументы, кольца, бляхи,
Все сверкаетъ и блеститъ!

Шагъ за шагомъ колесницу
Черныхъ шесть коней везли;
Будто мантіи, попоны
Упадали до земли.

Сзади въ траурѣ лакеи
Шли въ печаль погружены;
Всѣ у глазъ платки держали
Чрезвычайной бѣлизны.

А потомъ каретъ парадныхъ
Протянулся длинный рядъ,
И я видѣлъ, что почетныхъ
Много въ нихъ особъ сидятъ.

И совѣта городскаго
Члены также были здѣсь.
А однако къ сожалѣнію
На лицо онъ былъ не весь.

Мужъ почтенный, что фазановъ
Кушать съ трюфлями любилъ,
Несваренiемъ въ желудкѣ
Самъ сведенъ въ могилу былъ.

А. Плещеевъ.

ЭПИГРАММА.

Слова Плетнева: «Эпиграмма, занимающая, относительно, маловажное мѣсто въ новѣйшей піитикѣ, имѣла у Древнихъ значеніе несравненно обширнѣйшее: она обнимала почти весь кругъ нашей, такъ называемой, смѣшанной поэзіи. По богатству высокихъ идей и прекрасныхъ вымысловъ, по изяществу многоразличныхъ формъ, по разнообразію языка, принадлежащаго къ различнымъ эпохамъ Греческой образованности, и наконецъ по важнымъ указаніямъ на общественный и домашній бытъ, на состояніе искусствъ въ древней Греціи, Греческая эпиграмма замѣчательна для философа, эстетика, и заслуживаетъ особенное вниманіе филолога и изыскателя древности. Эта многосторонняя важность предмета и совершенное измѣненіе значенія эпиграммы въ наше время невольно заставляютъ заняться происхожденіемъ и постепеннымъ развитіемъ ея, обозрѣть исторію различныхъ антологій или собранія эпиграммъ, и наконецъ упомянуть о важнѣйшихъ переводахъ ихъ на другіе языки.

«Греческая эпиграмма, по мнѣнію Якобса, происхожденіемъ своимъ обязана религіозному чувству древнихъ Грековъ. Всякое довольно значительное событіе политической и частной жизни Греки, religiosissimi omnium mortalium, какъ выражается Якобсъ, любили ознаменовывать различными дарами, божествамъ посвящаемыми. На таковыхъ приношеніяхъ обозначали только имя лица, посвятившаго ихъ, и событіе, послужившее побудительною къ тому причиною. Вотъ первоначальная эпиграмма во всей ея простотѣ — *надпись* въ собственномъ смыслѣ слова. Примѣромъ такой простоты могутъ служить между прочимъ надписи, видѣнныя Геродотомъ въ Θивахъ, во храмѣ Аполлона Исменійскаго, на треножникахъ, посвященныхъ этому божеству.

«Уже въ древнѣйшія времена эпиграмма является въ опредѣленномъ стихотворномъ размѣрѣ, называемомъ элегическимъ, т. е.

гекзаметро-пентаметрѣ. Самый размѣръ нѣкоторымъ образомъ содѣйствовалъ къ тому, чтобы эти надписи, въ началѣ краткія и сухія, содѣлались постепенно изящными поэтическими произведеніями. Врожденное Греку чувство гармоніи требовало, чтобы содержаніе эпиграммы, внутреннимъ достоинствомъ мысли, нѣкоторою полнотою и округлостію ея, соотвѣтствовало прекрасной формѣ, размѣру полному, округленному, какъ совершеннѣйшее произведеніе Греческаго рѣзца. Но особливо къ оживленію и украшенію этихъ надписей содѣйствовали и сущность самыхъ событій и различное состояніе духа лицъ, ихъ производившихъ. Чувство набожности необходимо долженствовало выразиться въ надписи на дарахъ, божествамъ посвящаемыхъ; сознаніе народной доблести не могло не проявиться въ надписи на трофеяхъ; мысль о превратности и ничтожности всего земнаго гдѣ могла имѣть лучшее мѣсто, какъ не въ надгробной эпиграммѣ?

«Но полное развитіе эпиграммы начинается съ того времени, когда, освободясь отъ прежнихъ ограниченныхъ формъ, она вступаетъ въ обширную область фантазіи; когда, переставая быть исключительно необходимымъ произведеніемъ дѣйствительныхъ случаевъ, она является какъ плодъ болѣе свободнаго вдохновенія. Тогда жизнь со всѣмъ ея пестрымъ разнообразіемъ, всѣ явленія въ области природы и искусства, всѣ возможные случаи въ жизни народовъ и недѣлимыхъ лицъ, тончайшія явленія мысли и нѣжнѣйшіе оттѣнки чувствованій, однимъ словомъ, все, что можетъ быть занимательнымъ для мыслящаго человѣка, все, что возбуждаетъ сочувствіе образованнаго человѣка — все содѣлалось предметомъ эпиграммы. Пылкое воображеніе, живой умъ и отверстое симпатіи сердце древняго Грека въ роскошномъ обиліи разсыпали прекрасные цвѣты поэзіи, и такимъ образомъ идеализировали всю окружавшую его природу, всѣ отношенія обыкновенной жизни. Прибавьте къ этому содѣйствіе климата Греціи, плѣнительной своимъ разнообразіемъ, и религіи, населявшей всю природу живыми существами! Сколько прекрасныхъ эпиграммъ внушено прекрасными мѣстами Эллады, и какою полнотою жизни дышатъ эти надписи! Всѣ предметы отливаются въ свѣтлыхъ, опредѣленныхъ образахъ; деревья, цвѣты, источники бесѣдуютъ съ человѣкомъ и требуютъ его сочувствія; обыкновенныя явленія природы являются въ идеальномъ свѣтѣ и принимаютъ высшее значеніе. Такъ напр. поэтъ объясняетъ происхожденіе горячаго ключа въ слѣдующей эпиграммѣ Маріана схоластика.

«Здѣсь, подъ яворовъ тѣнью, Эротъ почивалъ утомленный,
Къ нимфамъ струящихся водъ факелъ горящій склонивъ.

Нимфы шепнули другъ дружкѣ: что медлить? погасимъ свѣтильникъ!
Съ нимъ погаснетъ огонь, сердце палящій людей.
Но свѣтильникъ и воды зажегъ; съ той поры и понынѣ
Нимфы, любовью горя, воды кипящія льютъ.»

«Грецiя преисполнена была памятниками искусствъ всякаго рода. На каждомъ почти шагу встрѣчались великолѣпные храмы, изваянiя боговъ и доблестныхъ мужей отечества. Таково же обилiе и надписей къ изящнымъ произведенiямъ: поэты спорили съ художниками, какъ выражается Гердеръ. И можно ли этому удивляться? Видѣть, ощущать прекрасное — и гармонически, въ живыхъ образахъ выражать ощущаемое, для Грека было одно и тоже. Иногда нѣсколько надписей относится къ одному и тому же славному произведенiю. Каждая изъ нихъ имѣетъ свою особенную точку зрѣнiя. Всѣ же онѣ вообще или заключаютъ въ себѣ тонкую похвалу искусству художника, или большею частiю удачно схватываютъ тотъ моментъ, какой художникъ хотѣлъ выразить въ своемъ произведенiи. Таковы напр. слѣдующiя надписи:

1.

Къ изваянiю Зевеса Олимпiйскаго, творенiю Фидiя.

Иль Богъ съ неба сошелъ показать тебѣ образъ свой, Фидiй,
Или ты самъ въ небеса Бога узрѣть возлетѣлъ.

2.

Къ изваянiю Александра великаго, творенiю Лисиппа.

Огненный взоръ Александра и весь его ликъ величавый
Дивнымъ искусствомъ Лисиппъ въ мощной сей мѣди явилъ.
Мнится, онъ, очи на небо вперивъ, Громовержцу вѣщаетъ:
Мнѣ подвластна земля; ты, Зевесъ, Олимпомъ владѣй!

3.

Къ тому же изваянiю.

Дивный искусствомъ художникъ, Лисиппъ, Сикiонскiй ваятель!
Смѣлая длань!.. Посмотри! дышитъ огнемъ твоя мѣдь.
Ликъ Александра великаго!... Нѣтъ! недостойны укора
Персы: тельцу ль устоять противу мощнаго льва?

«Историческiя воспоминанiя, имена героевъ и поэтовъ, особенно же отечественныя преданiя о великихъ мужахъ, плодъ народнаго самолюбiя, одушевляетъ часто эпиграмматическаго поэта. Таково преданiе о Ксерксѣ, почтившемъ драгоцѣнною багряницею тѣло падшаго за отечество Леонида.

«Трупъ Леонида кровавый увидѣвши Ксерксъ побѣдитель,
Дивную доблесть почтивъ, самъ багряницей одѣлъ.

Мертвый тогда возгласилъ Спартанскій герой незабвенный:
Нѣтъ, не приму никогда должной предателю мзды!
Щитъ украшенье могилѣ моей: прочь, одежды Персидски!
Я Спартанцемъ хочу въ царство Айдеса придти!»

«Иногда эпиграмматическій поэтъ въ рѣзкихъ очеркахъ изображаетъ настоящій блескъ какого-нибудь славнаго Греческаго города, или сѣтуетъ на развалинахъ минувшаго величія. Такъ Нереиды оплакиваютъ разрушеніе Коринѳа въ слѣдующей эпиграммѣ Антипатра:

«Гдѣ красота твоя, городъ Дорійскій, Коринѳъ лучезарный?
Гдѣ твоихъ башенъ вѣнцы? древни стяжанья твои?
Гдѣ велелѣпные храмы боговъ, гдѣ чертоги? гдѣ жены
Пышноубранныя? тьма гражданъ на стогнахъ твоихъ?
Даже слѣда отъ тебя не осталось, городъ несчастный!
Лютая, все обхвативъ, жадно пожрала война;
Мы лишь однѣ, океана безсмертныя дщери, остались,
Чтобы надъ прахомъ твоимъ, какъ Алкіоны, стенать.

«Надгробныя надписи весьма разнообразны по содержанію и по формѣ. Онѣ или вообще дышатъ чувствомъ глубокой скорби, или прославляютъ доблести умершаго, выставляя ихъ какъ образецъ для подражанія живымъ, или большею частію заключаютъ въ себѣ важныя, высокія поученія, которыя дѣлаются еще выразительнѣе, когда влагаются въ уста умершаго: тогда онѣ вѣщаютъ къ намъ, какъ таинственный голосъ изъ за-предѣловъ гроба. Такова эпиграмма Антифила Византійскаго на могилѣ мореходца, погибшаго, вблизи родной земли, жертвою строгой Немезиды.

«Къ милымъ отчизны брегамъ приближаяся, завтра, сказалъ,
Долгій и бурный мой путь кончится: пристань близка!
Но не сомкнулись уста еще, море какъ адъ потемнѣло
И сокрушило меня. Слово пустое одно
Завтра съ надеждой отважно вѣщать не дерзай: Немезида
Всюду настигнетъ тебя, дерзкій накажетъ языкъ.

«Эти эпиграммы излагаются большею частію въ живой драматической формѣ. Такъ надгробіе Платону философу представлено въ видѣ разговора между прохожимъ и орломъ, сидящимъ на памятникѣ.

Прохожій.

«Что ты, орелъ, возсѣдишь на гробницѣ? Повѣдай, зачѣмъ ты
Пламенны очи вперилъ въ звѣздны чертоги боговъ?

Орелъ.

«Образъ ты видишь Платона души, на Олимпъ возлетѣвшій;
Тѣло-жъ покоится здѣсь въ лонѣ родныя земли.

«Такъ на могилѣ Аякса олицетворенная Доблесть говоритъ прохожему:

«Здѣсь я страдалица Доблесть сижу на могилѣ Аякса,
Кудри обрѣзавъ съ главы, прахомъ покрытая вся,
Тяжкой печалью въ душѣ пораженная: въ станѣ Аргивянъ
Хитрый, коварный обманъ доблести силу попралъ.

«Эпиграмма въ новѣйшемъ вкусѣ, которая, по мнѣнію Буало, есть не что иное, какъ un bon mot de deux rimes orné, которой достоинство состоитъ въ неожиданномъ оборотѣ мысли, въ игрѣ словъ, въ такъ называемой остротѣ (pointe), хотя была извѣстна и въ древнѣйшія времена, развилась однако же преимущественно по Р. Х. при Римскихъ императорахъ, и принадлежитъ особенно Латинской литературѣ. Сатирическія эпиграммы, находящіяся въ Греческой антологіи, суть большею частію иперболы, иногда весьма забавныя, а иногда излишествомъ своимъ оскорбляющія законы строгаго вкуса. Впрочемъ есть въ антологіи другой родъ легкихъ, прелестныхъ стихотвореній, нравящихся неожиданнымъ сближеніемъ разнородныхъ, повидимому, предметовъ. Но въ нихъ, какъ въ одахъ Горація, самыя свѣтлыя картины жизни оттѣняются легкимъ облакомъ задумчивости. Такъ въ одной эпиграммѣ Мелеагра, среди веселаго пиршества, плачущая роза напоминаетъ поэту о печальной разлукѣ; такъ другой поэтъ Руфинъ, посылая своей любезной прекрасный букетъ цвѣтовъ, въ то же время напоминаетъ ей о тлѣнности всего прекраснаго на землѣ.

«Въ даръ посылаю тебѣ, Родиклея, вѣнокъ изъ прекрасныхъ
Вешнихъ цвѣтовъ; для тебя, милая, самъ его сплелъ.
Есть тутъ лилеи и розы душистыя, есть анемоны,
Нѣжный пушистый нарцизъ, блѣдны фіалки. Чело
Ими свое увѣнчавъ, перестань, о краса, быть надменной —
Какъ сей вѣнокъ ты цвѣтешь, также увянешь какъ онъ.

«Этотъ легкій родъ поэзіи, требующей въ писателѣ болѣе точности и живости ума, болѣе минутнаго, пріятнаго одушевленія, болѣе многоразличныхъ познаній, нежели истиннаго, глубокаго вдохновенія, которое есть чистый голосъ самой природы, внятный одному генію и не пріобрѣтается никакимъ ученіемъ, этотъ родъ поэзіи развился у Грековъ преимущественно со временъ Македонскаго владычества, когда для Греціи, вслѣдъ за утратою независимости и самостоятельнаго бытія, вслѣдъ за развратомъ политическимъ и нравственнымъ, миновалась пора геніальныхъ произведеній фантазіи. Тогда мѣсто древней простоты заступило искусственное подражаніе недосягаемымъ образцамъ, основанное на много-

различной учености, которой средоточіемъ содѣлалась Александрійская академія.

«Закатилось навсегда лучезарное свѣтило Греческой поэзіи; но долго еще, въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій, свѣтлый отблескъ его отражался въ мелкихъ произведеніяхъ живаго Греческаго ума, сіялъ и подъ кровомъ благодѣтельнаго престола Птоломеевъ и подъ всемірнымъ скипетромъ Римскихъ императоровъ, и озарялъ собою даже послѣднія минуты ветхой Византіи.

«Разсѣянные цвѣты легкой Греческой поэзіи въ первый разъ собраны были въ одинъ вѣнокъ Мелеагромъ, жившимъ, вѣроятно, за 100 лѣтъ до Р. Х. Въ сборникѣ его, между прочими отличными поэтами (числомъ 64), блистаютъ имена Алкея [1]), Сафо [2]), Эринны, Симонида [3]), Анакреона, Платона. Значительную часть въ немъ занимаютъ стихотворенія самого Мелеагра, стихотворенія, исполненныя жизни и граціи, исключая нѣкоторыя, оскорбляющія утонченный вкусъ, или заключающія въ себѣ софистическія тонкости, недостатокъ, общій писателямъ того вѣка». (Соврем. 1838, № 4).

Слова Базили: «Антологія, Греческое слово, составленное изъ ἄντος цвѣтокъ и λέγω собираю; соотвѣтствуетъ слову букетъ. Подъ этимъ именемъ всегда разумѣется собраніе мелкихъ стихотвореній разныхъ поэтовъ какой-нибудь литературы, а преимущественно антологія Греческая.

«Первая антологія была составлена Мелеагромъ Сирійскимъ, современникомъ Юлія Цесаря; трудъ его продолжали другіе. Въ концѣ X вѣка Константинъ Кефала воспользовался собраніями своихъ предшественниковъ для составленія антологіи, коей сохранилась одна только рукопись, открытая въ Гейдельбергѣ Клавдіемъ Салмасіемъ въ 1616 году. По занятіи сего города Максиміліаномъ Баварскимъ, антологія, вмѣстѣ со всею библіотекою Палатина, была послана Папѣ, и находилась въ Ватиканѣ до 1797 года. При заключеніи Толентинскаго мира, Папа, принужденный уступить Французской республикѣ, вмѣстѣ съ художественными произведеніями, украшавшими Ватиканъ, и много Ватиканскихъ рукописей, такъ дорожилъ антологіею, что отправилъ ее въ Терачину съ разными драгоцѣнностями, которыя хотѣлъ спасти. Французскіе коммисары, которые грабили тогда главу Римской церкви, ее вытребовали; послѣ трактатовъ 1814 года она возвращена въ Гейдельбергскую библіотеку. Изъ этой антологіи было напечатано

---

[1]) 612 до Р. Х. Пѣсни Алкея въ перев. Вс. Крестовскаго въ Русск. Словѣ 1859, № 6.

[2]) Современница Алкея, знаменитѣйшая изъ Греч. лириковъ. Стихотворенія Сафы, объясненныя примѣчаніями. Перев. В. Ан-чъ (Анастасевичъ). Спб. 1808.

[3]) Р. 559, ум. 469 до Р. Х., знаменитый писатель древности.

нѣсколько извлеченій; вполнѣ же ее издалъ Фридрихъ Якобсъ въ Лейпцигѣ отъ 1794 до 1814 года въ 13 томахъ.

«Другая антологія, сдѣлавшаяся извѣстною гораздо прежде, была составлена въ XIV вѣкѣ Константинопольскимъ монахомъ, Максимомъ Планудомъ, но въ выборѣ пьесъ вмѣстѣ съ вѣкомъ чувствительно отстала отъ прежней. Ее спасъ Ласкарисъ по взятіи Константинополя Турками, и издалъ во Флоренціи въ 1494 году. Потомъ она имѣла еще нѣсколько изданій съ примѣчаніями разныхъ Элленистовъ; послѣднее (Утрехтское 1795 — 1822 годовъ) примѣчательно тѣмъ, что при немъ находится переводъ Гроціуса, показывающій не только обширныя познанія сего ученаго, но и неимовѣрное его трудолюбіе; врядъ ли другому достаточно одного года для прочтенія всей антологіи, а Гроціусъ совершилъ свой великій трудъ менѣе, чѣмъ въ одинъ годъ.

«Небольшія стихотворенія, составляющія антологію, назывались у Грековъ общимъ именемъ эпиграммъ: тогда эпиграмма не имѣла значенія ѣдкости, іроніи или укоризны, въ которомъ нынѣ обыкновенно принимается. Миѳологія, исторія, радости любви и дружбы, философское наслажденіе жизнію, развалина древняго города, надгробный камень, колыбель младенца, застольное веселье— все было предметомъ этихъ стихотвореній, коимъ былъ исключительно присвоенъ элегическій размѣръ, т. е. экзаметръ съ пентаметромъ, и которыя вообще отѣнены элегическою задумчивостію.

«Въ антологіи встрѣчаются имена поэтовъ всѣхъ вѣковъ древней Греціи, отъ баснословнаго Орфея до Византійцевъ. Славныя имена Элленическаго Парнасса сходятся въ ней съ именами совершенно неизвѣстныхъ поэтовъ. Въ числѣ сихъ послѣднихъ порою блестятъ свѣтлыя дарованія, отзывается какое-то глубокое чувство, свойственное народу, который послѣ политической своей жизни долго доживалъ жизнь созерцательную, какъ будто томился тайнымъ предчувствіемъ, страстно допивалъ послѣднія капли изъ чаши наслажденій, и голосъ его звучалъ невольнымъ унынiемъ даже въ застольной пѣснѣ. Тогда народъ этотъ уже отжилъ вѣкъ развитія великихъ поэтическихъ дарованій; народныя празднества закрылись, вмѣстѣ съ обрядами поэтической религіи Грековъ; завѣса театра древняго міра навсегда опустилась; первообразы изящнаго, созданные симъ геніяльнымъ народомъ по всѣмъ отраслямъ искусства, оставались какъ свѣтлыя сновидѣнія въ его усталомъ воображеніи, и поэзія души прорывалась отъ времени до времени въ пылкой отзывочной пѣснѣ. Народныя рапсодіи глубокой древности Греціи, слившись въ эпопею, остались поэтическимъ памятникомъ ея младенчества, а собраніе антологическихъ отрывковъ есть отголосокъ послѣднихъ вздоховъ ея долгой жизни, всегда

увѣнчанной цвѣтами, всегда поэтической. Антологія драгоцѣнна для насъ еще какъ памятникъ жизни, одушевлявшей древній міръ. Притомъ антологія важна потомству, какъ богатая галерея картинъ, вѣрно изображающихъ жизнь древняго міра, и какъ зеркало души, уже потерявшей свѣтлыя мечты язычества, но еще необновленной тайнами Христіанскаго Откровенія. Можетъ быть сему послѣднему обстоятельству должно приписать глубокое уныніе, царствующее большею частію въ антологической поэзіи.

«Изъ поэтовъ собственно антологическихъ болѣе примѣчательны: Мелеагръ Сирійскій, первый собиратель древней потерянной антологіи, Асклепіадъ Самосскій, Элидъ Аѳинянинъ, Антипатръ Сидонскій и Антипатръ Ѳессалонійскій, современники Птоломея Филадельфа. Въ нихъ особенно глубокое поэтическое чувство и живое воображеніе одѣты прекраснымъ языкомъ; въ поэтахъ слѣдующихъ вѣковъ Греческій языкъ чувствительно теряетъ свою древнюю чистоту. Одинъ изъ новѣйшихъ поэтовъ антологіи, Павелъ Силенціарій, жилъ, какъ полагаютъ, въ VII вѣкѣ; хотя и рожденный въ христіанствѣ, онъ былъ напитанъ духомъ и звуками древней Музы, и его отрывки принадлежатъ къ прекраснѣйшимъ цвѣтамъ Греческой поэзіи.

«Изученіе Греческой антологіи представляетъ множество затрудненій, по необъятному разнообразію предметовъ, часто требующему археологическихъ поясненій и познанія подробностей домашней жизни древнихъ, и болѣе по смѣшенію всѣхъ діалектовъ Греціи, измѣнявшихся съ каждымъ вѣкомъ. Изъ нашихъ поэтовъ Батюшковъ, баронъ Дельвигъ и Пушкинъ сдѣлали нѣсколько опытовъ подражанія Греческой антологіи, а молодой эллинистъ Печеринъ прекрасно перевелъ изъ нея нѣсколько стихотвореній, напечатанныхъ между прочими въ альманахѣ Комета Бѣлы, въ 1833 году». (Энциклопедич. лексиконъ. Плюшара. Спб. 1835. Т. II, стр. 377—8).

Изъ позднѣйшихъ поэтовъ въ антологическомъ родѣ писали, между прочимъ, Майковъ, Фетъ, Щербина и др.

О Греч. антологіи въ соч. Батюшкова. — Тамъ же двѣнадцать піэсъ изъ Греч. антологіи. — Сочиненія Бѣлинскаго. IV — 464 и д. — Въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ 1825 г.», изд. Дельвига, напечатано неизвѣстнымъ переводчикомъ нѣсколько антологическихъ піэсъ.

Къ Смерти.

Смерти ль страшиться, о други! она спокойная матерь;
Въ горѣ отрада, бѣдамъ, тяжкимъ болѣзнямъ конецъ.

Разъ къ человѣкамъ приходитъ, не болѣ — и день разрушенья
Намъ обреченъ лишь одинъ: дважды не гибнетъ никто.
Скорби жъ съ недугами жизнь на землѣ отравляютъ всечасно;
Туча минуетъ — за ней новая буря грозитъ.

Изъ «Сѣверныхъ Цвѣтовъ».

Яворъ къ Прохожему.

Смотрите, виноградъ кругомъ меня какъ вьется!
Какъ любитъ мой полуистлѣвшій пень!
Я нѣкогда давалъ ему отрадну тѣнь;
Завялъ — но виноградъ со мной не разстается.
Зевеса умоли,
Прохожій, если ты для дружества способенъ,
Чтобъ другъ твой моему былъ нѣкогда подобенъ,
И пепелъ твой любилъ, оставшись на земли.

Батюшковъ.

Скатившись съ горной вышины,
Лежалъ на плахѣ дубъ, перунами разбитый,
А съ нимъ и гибкій плющъ, кругомъ его обвитый:
О дружба! это-ты.

Жуковскій.

М у з а.

Въ младенчествѣ моемъ она меня любила
И семиствольную цѣвницу мнѣ вручила;
Она внимала мнѣ съ улыбкой: и слегка
По звонкимъ скважинамъ пустаго тростника
Уже наигрывалъ я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные богами,
И пѣсни мирныя Фригійскихъ пастуховъ.
Съ утра до вечера въ нѣмой тѣни дубовъ
Прилежно я внималъ урокамъ дѣвы тайной;
И, радуя меня наградою случайной,
Откинувъ локоны отъ милаго чела,
Сама изъ рукъ моихъ свирѣль она брала:
Тростникъ былъ оживленъ божественнымъ дыханьемъ
И сердце наполнялъ святымъ очарованьемъ.

Пушкинъ.

Отрокъ.

Неводъ рыбакъ разстилалъ по брегу студенаго моря;
Мальчикъ отцу помогалъ. Отрокъ, оставь рыбака!
Мрежи иныя тебя ожидаютъ, иныя заботы:
Будешь умы уловлять, будешь помощникъ царямъ.

Пушкинъ.

Трудъ.

Мигъ вожделѣнный насталъ. Оконченъ мой трудъ многолѣтній.
Что жъ непонятная грусть тайно тревожитъ меня?
Или, свой подвигъ свершивъ, я стою, какъ поденщикъ ненужный,
Плату пріявшій свою, чуждый работѣ другой?
Или жаль мнѣ труда, молчаливаго спутника ночи,
Друга Авроры златой, друга Пенатовъ святыхъ?

Пушкинъ.

Октава.

Гармоніи стиха божественныя тайны
Не думай разгадать по книгамъ мудрецовъ:
У брега сонныхъ водъ, одинъ бродя случайно,
Прислушайся душой къ шептанью тростниковъ,
Дубравы говору; ихъ звукъ необычайный
Прочувствуй и пойми... Въ созвучіи стиховъ
Невольно съ устъ твоихъ размѣрныя октавы
Польются, звучныя, какъ музыка дубравы.

Майковъ.

Искусство.

Срѣзалъ себѣ я тростникъ у пребережья шумнаго моря.
Нѣмъ, онъ забытый лежалъ въ моей хижинѣ бѣдной.
Разъ увидалъ его старецъ прохожій, къ ночлегу
Въ хижину къ намъ завернувшій (онъ былъ непонятенъ,
Чуденъ на нашей глухой сторонѣ). Онъ обрѣзалъ
Стволъ и отверстій надѣлалъ, къ устамъ приложилъ ихъ, —

И оживленный тростникъ вдругъ исполнился звукомъ
Чуднымъ, какимъ оживлялся порою у моря,
Если внезапно Зефиръ, зарябивъ его воды,
Трости коснется и звукомъ наполнитъ поморье.

Майковъ.

Примѣч.—Слова Бѣлинскаго: «Прекрасное содержаніе выразилось въ этихъ стихотвореніяхъ (Майкова) въ прекрасныхъ формахъ, отличающихся виртуозностію отдѣлки. Что же до содержанія—оно здѣсь представляетъ собою основное положеніе, основное начало эстетики автора, что природа есть наставница и вдохновительница поэта; что у ней онъ прежде всего началъ брать уроки въ искусствѣ слагать сладкія пѣсни; что есть соотношеніе, есть родственность между звучною октавою, гармоническимъ гекзаметромъ — и шептаньемъ тростниковъ, говоромъ дубравъ... Глубоко-жизненное поэтически-вѣрное начало! Поэзія принадлежитъ къ числу такихъ предметовъ, уразумѣніе которыхъ должно начинаться съ ощущенія, а не съ рефлексіи: послѣдняя должна быть результатомъ перваго, при нормальномъ развитіи. Симпатія къ природѣ есть первый моментъ духа, начинающаго развиваться. Каждый человѣкъ начинаетъ съ того, что непосредственно поражаетъ его умъ формою, краскою, звукомъ; а природа полна формъ, красокъ и звуковъ. Поэтъ—существо, которое наиболѣе испытываетъ на себѣ непосредственное вліяніе явленій природы: онъ по преимуществу ея сынъ, ея любимецъ, наперсникъ тайнъ ея. Поэтъ видитъ поэзію прежде всего въ природѣ, и что природа прежде всего пробуждаетъ поэтическія силы въ юномъ талантѣ. Въ этомъ отношеніи, піэсы г. Майкова «Октава» и «Искусство» составляютъ главу эстетики, — и эстетикъ не усомнится перенести ихъ въ свою книгу, для яснѣйшаго подтвержденія доказательства своихъ понятій объ искусствѣ, если только его понятія объ этомъ предметѣ вѣрны. Но природа бываетъ колыбелью поэзіи не только для отдѣльныхъ лицъ: въ лицѣ древнихъ Эллиновъ, природа была паѳосомъ поэзіи цѣлаго человѣчества. И въ этомъ отношеніи, муза г. Майкова родственна, по своему происхожденію, древне-эллинской музѣ: подобно этой музѣ, она изъ природы почерпаетъ свои кроткія, тихія, дѣвственныя и глубокія вдохновенія; подобно ей, въ движеніяхъ и чувствахъ еще младенчески ясной души, еще въ лонѣ природы непосредственно ощущающаго себя сердца, находитъ она неизчерпаемое содержаніе для своихъ благоуханно гармоническихъ и безыскусственно изящныхъ пѣсенъ. Разумѣется, эта родственность могла бы остаться только въ возможности, еслибъ знакомство съ древними классическими языками не пробудило ее: обстоятельство, много обѣщающее въ будущемъ для развитія прекраснаго дарованія молодаго поэта! Еще въ той порѣ возраста, съ которой самъ Пушкинъ только что началъ писать *не*—лицейскія стихотворенія, и въ которую жизнь едва ли еще можетъ дать содержаніе какому угодно таланту, — г. Майковъ, изученіемъ изящной древне-классической поэзіи, завоевалъ плодоносную почву для своихъ вдохновеній. И за то — посмотрите, сколько Эллинскаго и антологическаго въ его стихотвореніяхъ: любое изъ нихъ можно принять за превосходный переводъ съ Греческаго; любое изъ нихъ можно перевести съ Русскаго на чужой языкъ, какъ Греческое, и только бы переводъ былъ изященъ и художественъ, никто не будетъ спорить о Греческомъ происхожденіи піесы... Эллинское созерцаніе составляетъ основный элементъ таланта г. Майкова: онъ смотритъ на жизнь глазами Грека.» (Соч. Бѣлинскаго. VI — 111 и д.).

На мысѣ семъ дикомъ, увѣнчанномъ бѣдной осокой,
Покрытомъ кустарникомъ ветхимъ и зеленью сосенъ,
Печальный Менискъ, престарѣлый рыбакъ, схоронилъ
Погибшаго сына. Его взлелѣяло море,
Оно же его и пріяло въ широкое лоно,
И на берегъ бережно вынесло мертвое тѣло.
Оплакавши сына, отецъ подъ развѣсистой ивой
Могилу ему ископалъ, и, накрывъ ее камнемъ,
Плетеную вершу изъ ивы надъ нею повѣсилъ —
Угрюмой ихъ бѣдности памятникъ скудный!

Майковъ.

Примѣч. — Слова Бѣлинскаго: «Вчитайтесь въ эту піесу, вчитайтесь въ ея простой, повидимому, чуждый всякаго убранства, всякой красоты и всякаго содержанія языкъ, — вы ощутите душою и безконечную красоту и глубокое содержаніе. Кажется, тутъ нѣтъ ни начала, ни конца, ни цѣлаго нѣтъ ни намѣренія, ни цѣли, ни мысли; но оставьте піесу и вникните, вдумайтесь въ собственное ощущеніе, возбужденное въ васъ ею, и вы въ этомъ ощущеніи уловите цѣлое и уразумѣете намѣреніе, цѣль и мысль.... Если же духу вашему не чуждо древнее міросозерцаніе, — вы не можете не признать, что или это стихотвореніе переведено съ Греческаго, или, что и человѣкъ нашего времени, въ Эллинской эпохѣ своей жизни, можетъ становиться Грекомъ, такъ что самый взыскательный Аѳинянинъ, современникъ Алкивіада, не назвалъ бы его объэллинившимся варваромъ, а призналъ бы своимъ соотечественникомъ, кореннымъ жителемъ Аттики и гражданиномъ города Паллады.» (Соч. Бѣлинскаго. VI — 114).

Муза, богиня Олимпа, вручила двѣ звучныя флейты
Рощь покровителю Пану и свѣтлому Фебу.
Фебъ прикоснулся къ божественной флейтѣ, — и чудный
Звукъ полился изъ бездушнаго ствола. Внимали
Вкругъ присмирѣвшія воды, не смѣя журчаньемъ
Пѣсни тревожить, и вѣтеръ заснулъ между листьевъ
Древнихъ дубовъ, и заплакали, тронуты звукомъ,
Травы, цвѣты и деревья; стыдливыя нимфы
Слушали, робко толпясь межь сильвановъ и фавновъ.
Кончилъ пѣвецъ, и помчался на огненныхъ коняхъ,
Въ пурпурѣ алой зари, на златой колесницѣ.
Бѣдный лѣсовъ покровитель напрасно старался припомнить
Чудные звуки, и ихъ воскресить своей флейтой;
Грустный, онъ трели выводитъ, но трели земныя....
Горькій безумецъ! ты думаешь, небо не трудно
Здѣсь воскресить на землѣ? Посмотри, улыбаясь,
Съ взглядомъ насмѣшливымъ слушаютъ нимфы и фавны.

Майковъ.

Гезіодъ [1]).

Во дни минувшіе, дни радости блаженной,
Лились млеко и медъ съ божественныхъ холмовъ
Къ долинамъ бархатнымъ Аоніи священной,
И силой дивною, какъ нектаромъ боговъ,
Питали генія младенческія силы;
И нимфы юныя, толпою легкокрылой,
Покинувъ Геликонъ, при блескѣ звѣздъ златыхъ,
Руками сплетясь у мирной колыбели,
Вѣнчанной розами, плясали вкругъ и пѣли,
Амброзіей дитя поили, и въ густыхъ
Дубравахъ, гдѣ шумитъ изъ урнъ каскада воды,
Лелѣяли его младенческіе годы....
И рано лирою пѣвецъ овладѣвалъ,
И лѣсъ и водопадъ предъ нею умолкалъ,
Наяды, всплывъ изъ волнъ, внимали ей стыдливо,
И львы къ стопамъ пѣвца златой склонялись гривой.

Майковъ.

Грецiя.

Тамъ, подъ оливами, близь шумнаго каскада
Гдѣ сочная трава унизана росой,
Гдѣ радостно кричитъ веселая цикада
И роза южная гордится красотой;
Гдѣ храмъ оставленный подъялъ свой куполъ бѣлый,
И по колоннамъ вверхъ кудрявый плющъ бѣжитъ —
Мнѣ грустно: міръ боговъ, теперь осиротѣлый,
Рука невѣжества забвеніемъ клеймитъ.
Вотще.... Въ полночь, какъ соловей восточный
Свисталъ, а я бродилъ, незримый за стѣной,
Я видѣлъ: Граціи сбирались въ часъ урочный
Въ былой пріютъ заросшею тропой.
Но въ пляскахъ вѣтреныхъ богини не блистали
При золотой лунѣ....
Нѣтъ; — ставши въ тѣсный кругъ, красавицы шептали:
«Эллада» — слышалось мнѣ часто въ тишинѣ.

Фетъ.

---

[1]) Греческій поэтъ, жилъ въ X. в. до Р. Х. Извѣстны два его произведенія: *Θεογονία* и *Труды и Дни*.

Эллада.

Окружена широкими морями,
Въ тѣни оливъ покоится она,
Развалина, покрытая гробами,
Въ ничтожествѣ великая страна.

Я съ корабля сошелъ при блескѣ ночи,
При ропотѣ таинственныхъ валовъ....
Горѣла грудь, въ слезахъ кипѣли очи:
Я чувствовалъ присутствіе боговъ....

И видѣлъ я усыпанный цвѣтами,
Рельефами покрытый саркофагъ:
Въ нихъ граціи поникли головами
И Аполлонъ, и вѣчно — юный Вакхъ;

А въ гробѣ томъ Красавица лежала
Нетлѣнная, печальна, но ясна....
Казалося, она не умирала,
Казалося, безсмертной рождена....

И пѣснь ея носилась надъ могилой,
Когда уже замолкнули уста; —
И всё вокругъ собой животворила
Уснувшая во гробѣ Красота.

Щербина.

Уснуло озеро, безмолвенъ черный лѣсъ,
Русалка бѣлая небрежно выплываетъ;
Какъ лебедь молодой, луна среди небесъ
Скользитъ и свой двойникъ на влагѣ созерцаетъ.
Уснули рыбаки у сонныхъ огоньковъ;
Вѣтрило блѣдное не шевельнетъ ни складкой;
Порой тяжелый карпъ плеснетъ у тростниковъ,
Пустивъ широкій кругъ бѣжать по влагѣ гладкой.
Какъ тихо.... Каждый звукъ и шорохъ слышу я;
Но звуки тишины ночной не прерываютъ —
Пускай живая трель ярка у соловья,
Пустъ травы на водѣ русалки колыхаютъ.

Фетъ.

Я помню приволье широкихъ дубравъ;
Я помню край дикій. Тамъ, въ годы забавъ,
Невинной безпечности полный,
Я видѣлъ — синѣлась, шумѣла вода,
Далеко, далеко, не знаю куда,
Катились все волны, да волны.

Я отрокомъ часто на брегѣ стоялъ,
Безъ мысли, но съ чувствомъ на влагу взиралъ,
И всплески мнѣ ноги лобзали.
Въ дали безконечной виднѣлись лѣса; —
Туда мнѣ хотѣлось; у нихъ небеса
На самыхъ вершинахъ лежали....

Бенедиктовъ.

Мнѣ лекарь говорилъ: нѣтъ, ни одинъ больной
Не скажетъ обо мнѣ, что недоволенъ мной!
Конечно, думалъ я, никто того не скажетъ:
Смерть всякому языкъ привяжетъ.

Дмитріевъ.

Сожалѣніе.

Я разорился отъ воровъ!
«Жалѣю о твоемъ я горѣ.»
Украли пукъ моихъ стиховъ.
«Жалѣю я о ворѣ!»

Дмитріевъ.

Пятнадцатилѣтній Стихотворецъ.

Какой-то стихотворъ (довольно ихъ у насъ!)
Послалъ двѣ оды на Парнассъ.
Онъ въ нихъ описывалъ красу природы, неба,
Цвѣтъ розожелтый облаковъ,
Шумъ листьевъ, вой звѣрей, ночное пѣнье совъ,
И милости просилъ у Феба.
Читая, богъ зѣвалъ, и наконецъ спросилъ:
«Какихъ лѣтъ стихотворецъ былъ,

И оды громкія давно-ли сочиняетъ?»
Ему пятнадцать лѣтъ, Эрата отвѣчаетъ.
«Пятнадцать только лѣтъ! Не болѣе того.
Такъ розгами его!»

В. Пушкинъ.

Ex Ungue Leonem.

Недавно я стихами какъ-то свиснулъ
И выдалъ ихъ безъ подписи моей;
Журнальный шутъ о нихъ статейку тиснулъ,
Безъ подписи-жъ пустивъ ее злодѣй.
Но что жъ? Ни мнѣ, ни площадному шуту
Не удалось прикрыть своихъ проказъ:
Онъ по когтямъ меня узналъ въ минуту,
Я по ушамъ узналъ его какъ разъ.

А. Пушкинъ.

Экспромтъ Жукову.

Межъ многихъ цуговъ,
Въ Сенатъ пріѣхалъ цугомъ Жуковъ;
Дивятся всѣ тому, дивится онъ и самъ;
То какъ же не гремѣть во гнѣвѣ небесамъ?

Ломоносовъ.

Отвѣтъ Сумарокову.

Сумар. Ходили-ль на Парнасъ?
Лом. Ходилъ, да не видалъ тамъ васъ!

Ломоносовъ.

Эпиграммы.

На переводъ мой комедіи Мольеровой Сганарева, или мнимаго Рогоносца.

Никто не могъ узнать изъ цѣлаго партера,
Кто въ *Сганаревѣ* смѣлъ такъ осрамить *Мольера;*

Но общій и согласный свистъ
Всѣмъ показалъ, что то *Капнистъ*.

Капнистъ.

На представленіе трагедіи «Антигона».

Любезну Антигону,
Которой прелестьми насъ Озеровъ плѣнилъ,
Капнистъ, чтобъ угодить Креону,
Въ трагедіи своей — убилъ!

Капнистъ.

Клитъ все печатаетъ — и все, какъ мыслитъ, кстати;
А не увидитъ ввѣкъ того,
Что лишь невѣжества его
Печать, выходитъ изъ печати.

Капнистъ.

А. С. Пушкину.

По прочтеніи сказки его о царѣ Салтанѣ и пр.

Пушкинъ, Протей
Гибкимъ твоимъ языкомъ и волшебствомъ твоихъ пѣснопѣній!
Уши закрой отъ похвалъ и сравненій
Добрыхъ друзей:
Пой, какъ поешь ты, родной соловей!
Байрона геній, иль Гете, Шекспира,
Геній ихъ неба, ихъ нравовъ, ихъ странъ:
Ты же, постигнувшій таинство Русскаго духа и міра,
Пой намъ по-своему Русскій Баянъ!
Небомъ роднымъ вдохновенный,
Будь на Руси ты пѣвецъ *несравненный*.

Гнѣдичъ.

СОНЕТЪ.

Сонетомъ въ средніе вѣка называли пѣсню, которая распѣвалась съ аккомпанеманомъ на какомъ-нибудь инструментѣ. Слово «Сонетъ,» *Sonetto*, производятъ отъ *sonare*, что на Итальянскомъ языкѣ значитъ *звонить*, *звучать*, потому что въ этомъ стихотворномъ произведеніи всегда *звучатъ рифмы*, а другія поэтическія піэсы могутъ быть писаны безъ рифмъ.

Сонетъ обязанъ своимъ происхожденіемъ Итальянцамъ. До изумительной степени совершенства сонетъ доведенъ Петраркою. Петрарка (1314 — 1374) написалъ болѣе *ста* сонетовъ къ Лаурѣ. У него-то сонетъ принялъ извѣстную опредѣленную форму, т. е. сталъ стихотвореніемъ изъ четырнадцати стиховъ, раздѣленныхъ на четыре строфы: первыя двѣ строфы имѣютъ по четыре стиха, а двѣ послѣднія по три.

Изъ новѣйшихъ Европейскихъ поэтовъ всеобщею извѣстностію пользуются сонеты Мицкевича [1]).

У насъ *первый* сталъ писать сонеты Тредьяковскій. Для образца мы напечатали сонетъ придворнаго піиты.

Прекрасные сонеты мы находимъ у многихъ нашихъ поэтовъ.

Grand Dieu! tes jugements sont remplis d'équité:
Toujours tu prends plaisir à nous être propice;
Mais j'ai tant fait de mal, que jamais ta bonté
Ne me pardonnera sans blesser ta justice.

Oui, mon Dieu, la grandeur de mon impiété
Ne laisse à ton pouvoir que le choix du supplice:
Ton intérêt s'oppose à ma félicité,
Et ta clémence même attend que je périsse.

[1]) О Мицкевичѣ см. 1 вып. нашей Христоматіи. Стр. 482.

Contente ton désir, puisqu'il t'est glorieux:
Offense toi des pleurs qui coulent des mes yeux;
Tonne, frappe, il est temps; rends moi guerre pour guerre:

J'adore en périssant la raison qui t'aigrit;
Mais dessus quel endroit tombera ton tonnere,
Qui ne soit tout couvert du sang de Jésus-Christ?

Des Barreaux.

Примѣч. — Приводимъ этотъ сонетъ въ переводѣ Тредьяковскаго:

Боже мой! Твои судьбы правости суть полны!
Изволяешь Ты всегда къ намъ щедротенъ быти:
Но я тако предъ Тобой человѣкъ золъ дольны,
Что ужъ правдѣ мя Твоей трудно есть простити.

Ей, мой Господи! грѣхи что мои довольны,
То не могутъ и Тобой всяко мужъ избыти:
То въ моемъ блаженствѣ Самъ будто бы невольны,
Вся и милость мя Твоя хочетъ погубити.

Буди же по Твоему, то когда Ти славно;
Слезы на мои гнѣвись, очи льютъ что явно;
Инъ греми, рази, пора, противна Противный.

Чту причину что Тебя такъ ожесточаетъ;
Но по мѣсту поразить каковому, дивный?
Мя всего Христова кровь щедро покрываетъ.

Вдохновеніе.

Не часто къ намъ слетаетъ вдохновенье,
И краткій мигъ въ душѣ оно горитъ;
Но этотъ мигъ любимецъ музъ цѣнитъ,
Какъ мученикъ съ землею разлученье.

Въ друзьяхъ обманъ, въ любви разувѣренье,
И ядъ во всемъ, чѣмъ сердце дорожитъ,
Забыты мы: восторженный Поэтъ
Ужъ прочиталъ свое предназначенье,

И презрѣнный, гонимый отъ людей,
Блуждающій одинъ надъ небесами,
Онъ говоритъ съ грядущими вѣками;

Онъ ставитъ честь превыше всѣхъ честей;
Онъ клеветѣ мститъ славою своей
И дѣлится безсмертіемъ съ богами.

Баронъ Дельвигъ.

Прометей.

Что ты вѣщаешь намъ, сказанье,
Остатокъ древности сѣдой?
За богохульство наказанье,
Иль съ рокомъ человѣка бой?

Какъ! смертный, бренное созданье,
Прикованный къ землѣ скалой,
Олимпъ приводитъ въ содроганье!
Нѣтъ, не безбожникъ то, — герой;

То символъ непреклонной воли.
Кому-жъ побѣда въ сей борьбѣ?
Невинной жертвѣ злой неволи,

Иль сокрушительной судьбѣ?
Несущій крестъ жестокой доли!
Вѣнецъ изъ тернія — тебѣ.

Н. Бутырскій.

Мунго-Паркъ [1]).

Взлетая болѣе и болѣ
И въ солнце жадный взоръ вперя,
Не вѣкъ въ лазурномъ чистомъ полѣ,
Царь птицъ слѣдитъ свѣтилъ царя.

Покорный всемогущей волѣ,
Ты, Мунго-Паркъ, преплывъ моря,
Не возвратился къ намъ оттолѣ:
Твой прахъ, достойный алтаря,

[1]) Извѣстный путешественникъ.

Сожгло Самума дуновенье
Или костьми ты въ Бунѣ легъ.
Не Эльдорадо былъ твой богъ,

Ты съ рокомъ выдержалъ сраженье,
Чтобы донесть наукѣ могъ:
«Пол-Африки — твое владѣнье».

Н. Бутырскій.

Къ тебѣ, о чистый духъ, источникъ вдохновенья,
На крыліяхъ любви несется мысль моя:
Она затеряна въ юдоли заточенья,
И все зоветъ ее въ небесные края.

Но ты облекъ себя въ завѣсу тайны вѣчной:
Напрасно силится мой духъ къ тебѣ парить.
Тебя читаю я во глубинѣ сердечной,
И мнѣ осталося надѣяться, любить.

Греми надеждою, греми любовью, лира!
Въ предверьи вѣчности, греми его хвалой!
И еслибъ рухнулъ міръ, затмился свѣтъ эѳира

И хаосъ задавилъ природу пустотой, —
Греми! Пусть сѣтуютъ среди развалинъ міра
Любовь съ надеждою и вѣрою святой!

Веневитиновъ [1]).

Спокойно дни мои цвѣли въ долинѣ жизни;
Меня лелѣяли веселіе съ мечтой;
Мнѣ міръ фантазіи былъ ясный край отчизны,
Онъ привлекалъ меня знакомой красотой.

Но рано пламень чувствъ, душевные порывы
Волшебной силою разрушили меня:
И жизни сладостной теряю лучъ счастливый,
Лишъ вспоминаніе отъ прежняго храня.

---

[1]) Одинъ изъ даровитыхъ второстепенныхъ нашихъ поэтовъ, жившихъ въ эпоху Пушкина. Къ сожалѣнію жилъ очень недолго. Род. 1805, ум. 1827. Лучшее изданіе его сочиненій принадлежитъ г-ну Пятковскому. «Полное собраніе сочиненій Д. В. Веневитинова, изд. подъ редакціею А. П. Пятковскаго». Спб. 1862. Ц. 1 р. 25 к. сер.

О муза! я позналъ твое очарованье!
Я видѣлъ молній блескъ, свирѣпость ярыхъ волнъ;
Я слышалъ трескъ громовъ и бурей завыванье:

Но что сравнить съ пѣвцомъ, когда онъ страсти полнъ.
Прости! питомецъ твой тобою погибаетъ
И, погибающій, тебя благословляетъ.

Веневитиновъ.

Комета.

Взгляни на небеса. Тамъ стройность вѣковая.
Какъ упоительна созвѣздій тишина!
Какъ вся семья міровъ гармоніи полна
И какъ разсчетиста ихъ пляска круговая!

Но между ними путь особый пролагая,
Комета яркая, системамъ не вѣрна,
И кажется грозитъ другимъ мірамъ она,
Блистательнымъ хвостомъ полнеба застилая....

Спокоенъ астрономъ: по небу гостя та —
Онъ видитъ — шествуетъ дорогой соразмѣрной,
Но страшенъ новый блескъ для черни суевѣрной.

Такъ мысль блестящая, высокая мечта —
Пугаетъ чернь земли во тьмѣ ея пещерной,
Но яснымъ разумомъ спокойно принята.

Бенедиктовъ [1]).

Поэту.

Поэтъ, не дорожи любовію народной!
Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ,
Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной;
Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ.

Ты царь: живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,

---

[1]) Современный поэтъ.

Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородной.

Онѣ въ самомъ тебѣ. Ты самъ свой высшій судъ;
Всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ.
Ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ?

Доволенъ? Такъ пускай толпа его бранитъ,
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ.

Пушкинъ.

Сонетъ Святой Терезы.

Любовью духъ кипитъ къ Тебѣ, Спаситель мой,
Не радостныхъ Небесъ желаньемъ увлеченный,
Не ада мрачнаго огнями устрашенный,
И не за бездны благъ, мнѣ данныя Тобой!

Въ Тебѣ люблю Тебя; съ любовію святой
Гляжу, какъ на крестѣ Сынъ Божій, утомленный,
Виситъ измученный, виситъ окровавле́нный,
Какъ тяжко умиралъ предъ буйною толпой!

И жаръ таинственный мнѣ въ сердце проникаетъ;
Безъ рая свѣтлаго плѣнилъ бы Ты меня;
Ты бъ страхомъ былъ моимъ безъ вѣчнаго огня!

Подобную любовь какая цѣль раждаетъ?
Душа въ любви къ Тебѣ надеждъ святыхъ полна;
Но также и безъ нихъ любила бы она!

Козловъ.

Мадона [1]).

Не множествомъ картинъ старинныхъ мастеровъ
Украситъ я всегда желалъ свою обитель,

---

[1]) Мадонна — знаменитая картина Рафаэля (1483 — 1520). Созданіе Мадонны стоило огромныхъ трудовъ художнику: онъ сто пятьдесятъ шесть разъ принимался за изображеніе этого геніальнѣйшаго творенія.... О Рафаэлѣ см. Публичныя лекціи профес. Шевырева 1851 года.

Чтобъ суевѣрно имъ дивился посѣтитель,
Внимая важному сужденью знатоковъ.

Въ простомъ углу моемъ, средь медленныхъ трудовъ,
Одной картины я желалъ быть вѣчно зритель,
Одной: чтобъ на меня съ холста, какъ съ облаковъ,
Пречистая и нашъ божественный Спаситель —

Она — съ величіемъ, Онъ — съ разумомъ въ очахъ —
Взирали, кроткіе, во славѣ и въ лучахъ,
Одни, безъ Ангеловъ, подъ пальмою Сіона.

Исполнились мои желанія. Творецъ
Тебя мнѣ ниспослалъ, тебя, моя Мадона,
Чистѣйшей прелести чистѣйшій образецъ!

Пушкинъ.

Мадонна.

Я не ропщу на трудный путь земной,
Я буйнаго не слушаю невѣжды:
Моимъ ушамъ понятенъ звукъ иной,
И сердцу голосъ слышится надежды.

Съ тѣхъ поръ, какъ Санціо [1]) передо мной
Изобразилъ склоняющую вѣжды,
И этотъ ликъ, и этотъ взоръ святой,
Смиренныя и легкія одежды,

И это лоно матери, и въ немъ
Младенца съ яснымъ, радостнымъ челомъ,
Съ улыбкою къ Маріи наклоненной —

О, какъ душа стихаетъ вся до дна!
Какъ много со святаго полотна
Ты плещь, мой Богъ, съ пречистою Мадонной!

Фетъ.

Примѣч. — Сравнить «Мадонну» Пушкина съ «Мадонной» Фета. Показать черты сходства и различія въ стихотвореніяхъ двухъ поэтовъ.

---

[1]) Рафаэль.

Бахчисарай [1]).

(Мицкевича).

Еще великъ, но пусть дворецъ, гдѣ жилъ Гирей,
По тронамъ и софамъ, по всѣмъ угламъ чертоговъ,
Гдѣ лбомъ своимъ паши сметали пыль съ пороговъ,
Тамъ скачетъ саранча и вьется въ кольцахъ змѣй.

Зеленый плющъ проникъ въ окно цвѣтное здѣсь,
Побѣгами ползетъ на стѣны и на воды, —
Поправъ труды людей, онъ — именемъ природы, —
Какъ въ Бальтазаровъ часъ, гласитъ *«руина днесь!»* [2])

Средь залы уцѣлѣлъ изъ мрамора сосудъ,
Фонтанъ гарема въ немъ; — досель журча уныло
Жемчужною слезой, въ глупи взываетъ тутъ:

«Гдѣ жъ вы, о власть, любовь, могущество и сила?
«Вы мните вѣчно жить, — но струи шибко бьютъ,
«О стыдъ, исчезли вы! — а ключъ течетъ какъ было»...

Луговскій.

Примѣч. — Сонеты Мицкевича на Русскій языкъ переводили: Козловъ, Лермонтовъ, Омулевскій (?) и др. Лучшій переводъ, по отзыву нашей критики, принадлежитъ г-ну Луговскому. См. статью А. Чужбинскаго въ Атенеѣ 1858 г., № 39. «Переводъ Козлова, говоритъ Чужбинскій, блѣдная копія съ превосходнаго оригинала. Есть два-три сонета удачныхъ у Козлова, а остальные слабы, и читаются лишь потому, что написаны гладкими стихами. Самъ Лермонтовъ вышелъ изъ формы сонета, но скорѣе далъ превосходное подражаніе Мицкевичу, нежели переводъ». Омулевскій же изуродовалъ въ своемъ переводѣ и Р. языкъ и сонеты Польскаго поэта.

Алушта днемъ [3]).

(Мицкевича).

Вотъ шопотомъ намазъ [4]) плетъ нива золотая,
И горы сбросили туманъ съ своихъ вершинъ,

---

[1]) *Бахчисарай* — древняя столица Гиреевъ, хановъ Крымскихъ, лежитъ въ долинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ горами.

[2]) «Въ той часъ изыдоша персты руки человѣчи, и писаху противу лампады на покапленіи стѣны дому царева и Царь (Бальтазаръ) видяше персты руки пишущія». Прор. Даніила. Гл. V, с. 5.

[3]) *Алушта* — одно изъ роскошнѣйшихъ мѣстъ Крыма; туда уже никогда не доходятъ сѣверные вѣтры, и часто путешественникъ въ октябрѣ ищетъ прохлады подъ тѣнью огромныхъ грецкихъ орѣховъ, еще зеленыхъ.

[4]) *Намазъ* — мусульманская молитва, которую исполняютъ сидя и полагая поклоны.

Склонившись, сплетъ лѣсъ съ волосъ зеленыхъ Мая,
Какъ четками Калифъ [1]), гранаты и рубинъ [2]).

Укрытъ цвѣтами лугъ, и бабочки летаютъ —
Надъ нимъ, какъ тѣ-жъ цвѣтки, и радугой живой —
Въ алмазный балдахинъ здѣсь небо убираютъ;
Тамъ тянетъ саранча крылатый саванъ свой.

А гдѣ нагой утесъ въ морскихъ водахъ глядится,
И оттолкнутый валъ вновь съ бѣшенствомъ летитъ
Съ угрозой новою разбить сѣдой гранитъ,

Какъ въ тигровыхъ глазахъ, въ немъ яркій свѣтъ искрится.
На глубинѣ-жъ едва колеблемыхъ зыбей
Купаются суда и стадо лебедей.

Луговскій.

Чатыръ-дагъ.

(Мицкевича).

Мурза.

Дрожа, твою стопу цѣлуетъ сынъ Пророка;
Какъ мачта корабля, великій Чатыръ-дагъ
Ушелъ ты по скаламъ въ туманный міръ далекій.
О минаретъ земли! О горный Падышахъ! [3]).

Какъ грозный Гавріилъ [4]), стрегущій двери рая,
Сидишь ты одинокъ у вратъ небесъ святыхъ,
Твой плащъ—дремучій лѣсъ; чалма-жъ, изъ тучъ святая,
Струями вышита потоковъ огневыхъ.

Томитъ ли зной дневной, спадетъ-ли мракъ глубокій,
На жатвѣ-ль саранча, гяуръ идетъ войной, —
Всегда недвижимъ, глухъ—ты, Чатыръ-дагъ высокій;

---

[1]) При молитвѣ мусульмане употребляютъ четки, которыя у знатныхъ особъ бываютъ изъ драгоцѣнныхъ камней.

[2]) Гранатовое и тутовое деревья, краснѣющія роскошными плодами, — обыкновенны по всему южному берегу Крыма.

[3]) *Падышахъ* — титулъ Турецкаго Султана.

[4]) *Гавріилъ* — оставляю имя Гавріила, какъ вездѣ извѣстное; но собственно стражемъ небесъ въ восточной миѳологіи считается «*Рамекъ*» (созвѣздіе Arcturus) — одна изъ двухъ большихъ звѣздъ, называемыхъ «*Асъ-семекеинъ*».

И словно драгоманъ межъ небомъ и землей,
Подъ ноги подостлавъ громъ, землю и народы,
Ты только слушаешь лишь Божью рѣчь къ природѣ.

Луговскій.

Аю-дагъ.

(Мицкевича).

Люблю я, опершись на скалы Аю-дага,
Смотрѣть, какъ пѣнятся, гремя въ своихъ рядахъ,
Сомкнутые валы; иль вдругъ забрызжетъ влага,
То снѣгомъ серебра, то въ радужныхъ цвѣтахъ

Валъ грянулся о мель; на волны онъ дробится,
Какъ армія китовъ, облегши берега,
Съ тріумфомъ ихъ беретъ; когда жъ назадъ стремится,
Мететъ тьму раковинъ, коралловъ, жемчуга.

Такъ страсти налетятъ грозою иногда
На сердце юное поэта молодаго;
Но лишь онъ арфу взялъ, — бѣгутъ укрыться снова

Во глубь забвенія, не сдѣлавши вреда; —
Безсмертныхъ пѣсень рядъ роняютъ тутъ же свѣту,
Изъ пѣсень тѣхъ вѣка плетутъ вѣнокъ поэту.

Луговскій.

Видъ горъ со степей Козлова.

(Мицкевича).

Пилигримъ и Мурза.

ПИЛИГРИМЪ.

Аллахъ ли самъ воздвигъ тамъ море льда стѣною?
Иль ангеламъ отлилъ престолъ изъ мерзлыхъ тучъ?
Иль Дивы двинули преграду *полъ-землею*,
Чтобъ каравану звѣздъ пресѣчь съ востока путь?

Какое зарево!... Пожаръ то Истамбула?
Аллахъ ли самъ для всѣхъ плывущихъ тамъ свѣтилъ,
Когда покровъ свой ночь надъ міромъ протянула,
Багровый тотъ фонарь средь неба засвѣтилъ?

МУРЗА.

Тамъ? — былъ я: тамъ зима! Тамъ клювами потоки
И рѣки горломъ пьютъ изъ хладнаго гнѣзда;
Тамъ мерзнетъ паръ изъ устъ въ одно мгновенье ока;
Тамъ тучамъ и орламъ путь замкнутъ навсегда,
И въ лонѣ облаковъ — громъ дремлетъ одиноко....
Тамъ надъ чалмой моей одна была звѣзда:
То Чатыръ-дагъ.

ПИЛИГРИМЪ.

А а!

Луговскій.

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Стансы.

Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязни:
Начало славныхъ дѣлъ Петра
Мрачили мятежи и казни.

Но правдой Онъ привлекъ сердца,
Но нравы укротилъ наукой,
И былъ отъ буйнаго стрѣльца
Предъ нимъ отличенъ Долгорукой [1]).

Самодержавною рукой
Онъ смѣло сѣялъ просвѣщенье,
Не презиралъ страны родной:
Онъ зналъ ея предназначенье.

То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.

Пушкинъ.

Примѣч. — Стихотвореніе представляетъ въ сжатомъ очеркѣ исторію жизни и дѣятельности Петра Перваго. *Мятежи* и *казни*: разумѣется бунтъ раскольниковъ и стрѣльцовъ съ его кровавыми послѣдствіями. (См. Исторію царствованія Петра Великаго, соч. Устрялова). *Онъ смѣло сѣялъ просвѣщенье*— понимаются тѣ распоряженія и мѣры, коими насаждалъ Петръ науку въ Россіи. *Смѣло:* какъ иначе назовете тотъ грозный указъ Государя, которымъ

---

[1]) Яковъ Ѳедоровичъ, сенаторъ временъ Петра, извѣстный прямотою и смѣлостію своего характера.

молодымъ дворянамъ, неучившимся, не позволялось жениться, а дѣти духовенства, чуждающіеся школъ, никуда не могли поступить, кромѣ военной службы?... Послѣднимъ куплетомъ опредѣляется разнообразная и безустанная дѣятельность Петра: здѣсь что ни слово, то цѣлая страница изъ жизни Государя. *Академикъ*: Петръ велъ дѣятельную переписку съ Лейбницемъ объ основаніи академіи въ Россіи и, дѣйствительно, образовалъ академію. *Герой*: геройскія дѣянія Петра извѣстны всѣмъ. Припомните хоть Полтавскую битву, во время которой у Государя пулею пробита была шляпа на головѣ. *Мореплаватель:* Петръ завелъ въ Россіи флотъ и показалъ примѣръ неустрашимости моряка. *Плотникъ:* заграницей Петръ на верфи работалъ топоромъ и носилъ на плечахъ бревна на ряду съ другими рабочими. (См. книгу Устрялова).

Темы: Какъ можно *правдой* привлечь сердца?—Разъяснить смыслъ стиха: *Нравы укротилъ наукой.*

Кто Онъ?

Лѣсомъ частымъ и дремучимъ,
По тропинкамъ и по мхамъ,
Ѣхалъ всадникъ, пробираясь
Къ свѣтлымъ Невскимъ берегамъ.

Только вотъ — рыбачья хата;
У рѣки старикъ стоялъ,
Челнъ осматривалъ дырявый
И бранился, и вздыхалъ.

Всадникъ подлѣ — онъ не смотритъ.
Всадникъ молвилъ: «здравствуй, дѣдъ!» —
А старикъ въ сердцахъ чуть глянулъ
На привѣтствіе въ отвѣтъ.

Все ворчалъ себѣ онъ подъ носъ:
«Поздоровится тутъ, жди!
Времена ужъ не такія....
Жди, да у моря сиди.

«Вамъ вѣдь все ничто, боярамъ,
А челнокъ для рыбака
То-жъ что бабѣ веретёна,
Али конь для сѣдока.

«Шведы-ль, наши-ль шли тутъ утромъ,
Кто ихъ знаетъ — ото-всѣхъ

Нынѣче пахнетъ табачищемъ....
Ходитъ въ мірѣ, ходитъ грѣхъ!

«Чуть кого вдали завидишь —
Смотришь, въ лѣсъ бы.... Вѣдь грѣшно!...
Лодка, вишь, имъ помѣшала,
И давай рубить ей дно....

«Да, ужъ стала здѣсь сторонка
За теперешнимъ царемъ!...
Изъ подъ Пскова вѣдь на лѣто
Промышлять сюда идемъ.»

Всадникъ прочь съ коня, и молча
За работу принялся;
Живо дѣло закипѣло
И поспѣло въ полчаса.

Самъ топоръ вотъ такъ и ходитъ,
Такъ и тычетъ долото —
И челнокъ на славу вышелъ,
А вѣдь былъ что рѣшето.

— «Ну, старикъ, теперь готово,
Хоть на Ладогу ступай,
Да закинуть сѣть на счастье
На Петрово попытай.» —

«На Петрово! эко слово
Молвилъ! — думаетъ рыбакъ —
Съ топоромъ, гляди, какъ ловокъ....
А по рѣчи.... Какъ же такъ?»

И развелъ старикъ руками,
Шапку снялъ и смотритъ въ лѣсъ,
Смотритъ долго въ ту сторонку,
Гдѣ чудесный гость исчезъ.

А. Майковъ.

Пѣвецъ во станѣ Русскихъ воиновъ.

Пѣвецъ.

На полѣ бранномъ тишина;
Огни между шатрами;
Друзья, здѣсь свѣтитъ намъ луна,
Здѣсь кровъ небесъ надъ нами.
Наполнимъ кубокъ круговой!
Дружнѣе! руку въ руку!
Запьемъ виномъ кровавый бой
И съ падшими разлуку.
Кто любитъ видѣть въ чашахъ дно,
Тотъ бодро ищетъ боя....
О всемогущее вино,
Веселіе героя!

Воины.

Кто любитъ видѣть въ чашахъ дно,
Тотъ бодро ищетъ боя....
О всемогущее вино,
Веселіе героя!

Пѣвецъ.

Сей кубокъ чадамъ древнихъ лѣтъ!
Вамъ слава, наши дѣды!
Друзья, уже могущихъ нѣтъ;
Ужъ нѣтъ вождей побѣды;
Ихъ домы вихорь разметалъ;
Ихъ гробы срыли плуги;
И пламень ржавчины сожралъ
Ихъ шлемы и кольчуги;
Но духъ отцевъ воскресъ въ сынахъ,
Ихъ поприще предъ нами....
Мы тамъ найдемъ ихъ славный прахъ
Съ ихъ славными дѣлами.

Смотрите, въ грозной красотѣ,
Воздушными полками,
Ихъ тѣни мчатся въ высотѣ
Надъ нашими шатрами....

О Святославъ, бичъ древнихъ лѣтъ,
Се твой полетъ орлиной.
«Погибнемъ! мертвымъ срама нѣтъ!»
Гремитъ передъ дружиной.
И ты, невѣрныхъ страхъ, Донской,
Съ четой двухъ соименныхъ,
Летишь погибельной грозой
На рать иноплеменныхъ.

И ты, нашъ Петръ, въ толпѣ вождей.
Внимайте кличъ: Полтава!
Орды пришельца снѣдь мечей,
И міръ взываетъ: слава!
Давно-ль, о хищникъ, пожиралъ
Ты взоромъ наши грады?
Бѣги! твой конь и всадникъ палъ:
Твой слѣдъ — костей громады;
Бѣги! и стыдъ и страхъ сокрой
Въ лѣсу съ твоимъ Сарматомъ;
Отчизны врагъ сопутникъ твой;
Злодѣй владыкѣ братомъ.

Но кто сей рьяный великанъ,
Сей витязь полуночи?
Друзья, на спящій вражій станъ
Вперилъ онъ страшны очи;
Его завидя въ облакахъ,
Шумящимъ, смутнымъ роемъ
На снѣжныхъ Альпахъ высотахъ
Взлетѣли тѣни съ воемъ;
Блѣднѣетъ Галлъ, дрожитъ Сматъ
Въ шатрахъ отъ гнѣвныхъ взоровъ.
О горе! горе, супостатъ!
То грозный нашъ Суворовъ.

Хвала вамъ, чада прежнихъ лѣтъ,
Хвала вамъ, чада славы!
Дружиной смѣлой вамъ во слѣдъ
Бѣжимъ на пиръ кровавый;
Да мчится вашъ побѣдный строй
Предъ нашими орлами;
Да сѣтъ, намъ предтеча въ бой,
Погибель надъ врагами;
Наполнимъ кубокъ! мечъ во длань!

Внимай намъ, вѣчный Мститель!
За гибель — гибель, брань — за брань,
И казнь, тебѣ, губитель!

Воины.

Наполнимъ кубокъ! мечъ во длань!
Внимай намъ, вѣчный Мститель!
За гибель — гибель, брань — за брань,
И казнь, тебѣ, губитель!

Пѣвецъ.

Отчизнѣ кубокъ сей, друзья!
Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія,
Поля, холмы родные,
Роднаго неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки,
Что вашу прелесть замѣнитъ?
О родина святая,
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя?

Тамъ всѐ — тамъ родныхъ милый домъ;
Тамъ наши жены, чада,
О насъ ихъ слезы предъ Творцомъ;
Мы жизни ихъ ограда;
Тамъ дѣвы — прелесть нашихъ дней,
И сонмъ друзей безцѣнный,
И царскій тронъ, и прахъ царей,
И предковъ прахъ священный.
За нихъ, друзья, всю нашу кровь!
На вражьи грянемъ силы:
Да въ чадахъ къ родинѣ любовь
Зажгутъ отцевъ могилы.

Воины.

За нихъ, за нихъ всю нашу кровь!
На вражьи грянемъ силы;
Да въ чадахъ къ родинѣ любовь
Зажгутъ отцевъ могилы.

Пѣвецъ.

Тебѣ сей кубокъ, Русскій Царь!
Цвѣти Твоя держава;
Священный тронъ Твой намъ алтарь;
Предъ нимъ обѣтъ нашъ: слава.
Не измѣнимъ; мы отъ отцевъ
Пріяли вѣрность съ кровью:
О Царь, здѣсь сонмъ Твоихъ сыновъ,
Къ Тебѣ горимъ любовью;
Нашъ каждый ратникъ Славянинъ;
Всѣ долгу здѣсь послушны;
Бѣжитъ предатель сихъ дружинъ
И чуждъ имъ малодушный.

Воины.

Не измѣнимъ; мы отъ отцевъ
Пріяли вѣрность съ кровью;
О Царь, здѣсь сонмъ Твоихъ сыновъ,
Къ Тебѣ горимъ любовью.

Пѣвецъ.

Сей кубокъ ратнымъ и вождямъ!
Въ шатрахъ, на полѣ чести,
И жизнь, и смерть — все пополамъ;
Тамъ дружество безъ лести,
Рѣшимость, правда, простота,
И нравовъ непритворсто,
И смѣлость — бранныхъ красота,
И твердостъ, и покорство.
Друзья, мы чужды низкихъ узъ;
Къ вѣнцамъ стезею правой!
Опасность — твердый нашъ союзъ;
Одной пылаемъ славой.

Тотъ нашъ, кто первый въ бой летитъ,
На гибель супостата,
Кто слабость падшаго щадитъ,
И грозно мститъ за брата;
Онъ взоромъ жизнь даетъ полкамъ;
Онъ махомъ мощной длани
Ихъ мчитъ во срѣтенье врагамъ,
Въ средину шумной брани;

Ему веселье битвы гласъ,
Спокоенъ подъ громами:
Онъ свой послѣдній видитъ часъ
Безстрашными очами.

Хвала тебѣ, нашъ бодрый вождь,
Герой подъ сѣдинами!
Какъ юный ратникъ, вихрь, и дождь,
И трудъ онъ дѣлитъ съ нами.
О сколь съ израненнымъ челомъ
Предъ строемъ онъ прекрасенъ!
И сколь онъ хладенъ предъ врагомъ,
И сколь врагу ужасенъ!
О диво! се орелъ пронзилъ
Надъ нимъ небесъ равнины...
Могущій вождь главу склонилъ;
Ура! кричатъ дружины.

Лети ко прадѣдамъ, орелъ,
Пророкомъ славной мести!
Мы тверды; вождь нашъ перешелъ
Путь гибели и чести:
Съ нимъ опытъ, сынъ труда и лѣтъ;
Онъ бодръ и съ сѣдиною;
Ему знакомъ побѣды слѣдъ...
Довѣренность къ герою!
Нѣтъ, други, нѣтъ! не предана
Москва на расхищенье;
Тамъ стѣны... въ Россахъ вся она;
Мы здѣсь — и Богъ нашъ мщенье.

Хвала сподвижникамъ — вождямъ!
Ермоловъ, витязь юный,
Ты ратнымъ братъ, ты жизнь полкамъ
И страхъ твои перуны.
Раевскій, слава нашихъ дней,
Хвала! передъ рядами
Онъ первый грудь противъ мечей
Съ отважными сынами.
Нашъ Милорадовичъ, хвала!
Гдѣ онъ промчался съ бранью,
Тамъ, мнится, смерть сама прошла
Съ губительною дланью.

Нашъ Витгенштейнъ, вождь — герой,
Петрополя спаситель,
Хвала!... Онъ щитъ странѣ родной,
Онъ хищныхъ истребитель.
О сколь величественный видъ,
Когда передъ рядами,
Одинъ, склонясь на твердый щитъ,
Онъ грозными очами
Блюдетъ противниковъ полки,
Имъ гибель устрояетъ,
И вдругъ... движеніемъ руки
Ихъ сонмы разсыпаетъ.

Хвала тебѣ, Славянъ любовь,
Нашъ Коновницынъ смѣлый!
Ничто ему толпы враговъ,
Ничто мечи и стрѣлы;
Предъ нимъ, за нимъ перунъ гремитъ,
И пышетъ пламень боя...
Онъ веселъ, онъ на гибель зритъ
Съ спокойствіемъ героя;
Себя забылъ... однимъ врагамъ
Готовитъ истребленье;
Примѣръ и ратнымъ и вождямъ,
И смѣлымъ удивленье.

Хвала нашъ вихорь — Атаманъ;
Вождь невредимыхъ, Платовъ!
Твой очарованный арканъ
Гроза для супостатовъ.
Орломъ шумишь по облакамъ,
По полю волкомъ рыщешь,
Летаешь страхомъ въ тылъ врагамъ,
Вѣдой имъ въ уши свищешь;
Они лишь къ лѣсу — ожилъ лѣсъ,
Деревья сыплютъ стрѣлы;
Они лишь къ мосту — мостъ изчезъ;
Лишь къ селамъ — пышутъ селы.

Хвала, нашъ Несторъ — Бенингсонъ!
И вождь и мужъ совѣта,
Блюдетъ враговъ не дремля онъ,
Какъ змій орелъ съ полета.

Хвала, нашъ Остерманъ — герой,
Въ часъ битвы ратникъ смѣлый!
И Тормасовъ, летящій въ бой,
Какъ юноша веселый!
И Багговутъ, среди громовъ,
Средь копій безмятежный!
И Дохтуровъ, гроза враговъ,
Къ побѣдѣ вождь надежный!

Нашъ твердый Воронцовъ, хвала!
О други, сколь смутилась
Вся рать Славянъ, когда стрѣла
Въ безстрашнаго вонзилась;
Когда, полмертвъ, окровавленъ,
Съ потухшими очами,
Онъ на щитѣ былъ изнесенъ
За ратный строй друзьями.
Смотрите.... язвой роковой
Къ постелѣ пригвожденный,
Онъ страждетъ, братскою толпой
Увѣчныхъ окруженный.

Ему возглавье бранный щитъ;
Незыблемый въ мученьѣ,
Онъ съ яснымъ взоромъ говоритъ:
«Друзья, бѣдамъ презрѣнье!»
И въ ихъ сердцахъ героя рѣчь
Веселье пробуждаетъ,
И, оживясь, до полы мечъ
Рука ихъ обнажаетъ.
Спѣши жъ, о витязь нашъ! воспрянь;
Ужъ ангелъ истребленья
Горѣ подъялъ ужасну длань,
И близокъ часъ отмщенья.

Хвала, Щербатовъ, вождь младой!
Среди грозы военной,
Друзья, онъ сѣтуетъ душой
О тратѣ незабвенной.
О витязь, ободрись.... она —
Твой спутникъ невидимый,
И ею свыше знамена
Дружинъ твоихъ хранимы.

Любви и скорби оживить
Твои для мщенья силы:
Рази дерзнувшихъ возмутить
Покой ея могилы.

Хвала, нашъ Паленъ, чести сынъ!
Какъ бурею носимый,
Вездѣ впреди своихъ дружинъ
Разитъ, неотразимый.
Нашъ смѣлый Строгоновъ, хвала!
Онъ жаждетъ чистой славы;
Она изъ мира увлекла
Его на путь кровавый....
О храбрыхъ сонмъ, хвала и честь!
Свершайте истребленье;
Отчизна къ вамъ взываетъ: месть!
Вселенная: спасенье!

Хвала безтрепетнымъ вождямъ!
На коняхъ окрыленныхъ
По доламъ скачутъ, по горамъ
Во слѣдъ враговъ смятенныхъ;
Днемъ мчатся строй на строй; въ ночи
Страшатъ, какъ привидѣнья;
Блистаютъ смертью ихъ мечи;
Отъ стрѣлъ ихъ нѣтъ спасенья;
По всѣмъ разсыпаны путямъ;
Невидимы и зримы;
Сломили здѣсь, сражаютъ тамъ,
И всюду невредимы.

Нашъ Фигнеръ старцемъ въ станъ враговъ
Идетъ во мракѣ ночи;
Какъ тѣнь, прокрался вкругъ шатровъ,
Все зрѣли быстры очи....
И станъ еще въ глубокомъ снѣ,
День свѣтлый не проглянулъ —
А онъ ужъ витязь на конѣ,
Уже съ дружиной грянулъ.
Сеславинъ — гдѣ ни пролетитъ
Съ крылатыми полками:
Тамъ брошенъ въ прахъ и мечъ и щитъ,
И устланъ путь врагами.

Давыдовъ, пламенный боецъ!
Онъ вихремъ въ бой кровавый;
Онъ въ мирѣ счастливый пѣвецъ
Вина, любви и славы.
Кудашевъ — скокомъ черезъ ровъ
И летомъ на стремнину;
Бросаетъ взглядомъ Чернышовъ
На мечъ и громъ дружину;
Орловъ — отважностью орелъ;
И мчитъ грозу ударовъ,
Сквозь дымъ и огнь, по грудамъ тѣлъ,
Въ среду враговъ Кайсаровъ.

Воины.

Вожди Славянъ, хвала и честь!
Свершайте истребленье;
Отчизна къ вамъ взываетъ: месть!
Вселенная: спасенье!

Пѣвецъ.

Друзья, кипящій кубокъ сей
Вождямъ, сраженнымъ въ боѣ.
Уже не придутъ въ сонмъ друзей,
Не станутъ въ ратномъ строѣ;
Ужъ для врага ихъ грозный ликъ
Не будетъ вѣстникъ мщенья,
И не помчитъ ихъ мощный кликъ
Дружину въ пылъ сраженья;
Ихъ празденъ мечъ; безмолвленъ щитъ;
Ихъ ратники унылы;
И сиръ могучихъ конь стоитъ
Близь тихой ихъ могилы.

Гдѣ Кульневъ нашъ, рушитель силъ,
Свирѣпый пламень брани?
Онъ палъ — главу на щитъ склонилъ,
И стиснулъ мечъ во длани.
Гдѣ жизнь судьба ему дала,
Тамъ брань его сразила;
Гдѣ колыбель его была,
Тамъ днесь его могила.

И тихъ его послѣдній часъ:
Съ молитвою священной
О милой матери, угасъ
Герой нашъ незабвенной.

А ты, Кутайсовъ, вождь младой....
Гдѣ прелести? гдѣ младость?
Увы! онъ видомъ и душой
Прекрасенъ былъ какъ радость;
Въ бронѣ-ли, грозный, выступалъ —
Бросали смерть перуны;
Во струны-ль арфы ударялъ —
Одушевлялись струны...
О горе! вѣрный конь бѣжитъ
Окровавленъ изъ боя;
На немъ его разбитый щитъ....
И нѣтъ на немъ героя.

И гдѣ-же твой, о витязь, прахъ?
Какою взятъ могилой?...
Пойдетъ прекрасная въ слезахъ
Искать, гдѣ пепелъ милой.....
Тамъ чище ранняя роса,
Тамъ зелень ароматнѣй,
И сладостнѣй цвѣтовъ краса,
И свѣтлый день пріятнѣй;
И тихій духъ твой прилетитъ
Изъ таинственной сѣни;
И трепетъ сердца возвѣститъ
Ей близость дружней тѣни.

И ты... и ты, Багратіонъ?
Вотще друзей молитвы,
Вотще ихъ плачъ... во гробѣ онъ,
Добыча лютой битвы.
Еще дружинъ надежда въ немъ;
Все мнитъ: съ одра возстанетъ;
И робко шепчетъ врагъ съ врагомъ:
«Увы намъ! скоро грянетъ.»
А онъ... на вѣки взоръ смежилъ,
Рѣшитель бранныхъ споровъ;
Онъ въ область храбрыхъ воспарилъ,
Къ тебѣ, Отецъ — Суворовъ.

И честь вамъ, падшіе друзья!
Ликуйте въ горной сѣни;
Тамъ ваша вѣрная семья —
Вождей минувшихъ тѣни.
Хвала вамъ будетъ оживлять
И позднихъ лѣтъ бесѣды.
«Отъ нихъ учитесь умирать!»
Такъ скажутъ внукамъ дѣды.
При вашемъ имени вскипитъ
Въ вождѣ ретивомъ пламя:
Онъ на твердыню съ нимъ взлетитъ,
И водрузитъ тамъ знамя.

Воины.

При вашемъ имени вскипитъ
Въ вождѣ ретивомъ пламя:
Онъ на твердыню съ нимъ взлетитъ,
И водрузитъ тамъ знамя.

Пѣвецъ.

Сей кубокъ мщенью! други, въ строй!
И къ небу грозны длани!
Сразить иль пасть! нашъ роковой
Обѣтъ предъ Богомъ брани.
Вотще, о врагъ, изъ тьмы племенъ
Ты зиждешь ополченья:
Они бѣгутъ твоихъ знаменъ,
И жаждутъ низложенья.
Сокровищъ нѣтъ у насъ въ домахъ;
Тамъ стрѣлы и кольчуги;
Мы села — въ пепелъ; грады — въ прахъ;
Въ мечи — серпы и плуги.

Злодѣй! онъ лестью приманилъ
Къ Москвѣ свои дружины;
Онъ низкимъ миромъ намъ грозилъ
Съ Кремлевскія вершины.
«Пойду по стогнамъ съ торжествомъ!
Пойду... и все восплещетъ!
И въ прахъ падутъ съ своимъ Царемъ!...»
Пришелъ... и самъ трепещетъ;

Подвигло мщеніе Москву:
Вспылала предъ врагами,
И грянулась на ихъ главу
Губящими стѣнами.

Веди жъ своихъ царей — рабовъ
Съ ихъ стаей въ область хлада;
Пробей тропу среди снѣговъ
Во срѣтеніе глада.....
Зима, союзникъ нашъ, гряди!
Имъ запертъ путь возвратный;
Пустыни въ пеплѣ позади;
Предъ ними сонмы ратны.
Отвѣдай, хищникъ, что сильнѣй:
Духъ алчности, иль мщенье?
Пришлецъ, мы въ родинѣ своей;
За правыхъ Провидѣнье!

Воины.

Отвѣдай, хищникъ, что сильнѣй:
Духъ алчности, иль мщенье?
Пришлецъ, мы въ родинѣ своей;
За правыхъ Провидѣнье!

Пѣвецъ.

Святому братству сей фіалъ
Отъ вѣрныхъ братій круга!
Блаженъ, кому Создатель далъ
Усладу жизни, друга:
Съ нимъ счастье вдвое; въ скорбный часъ
Онъ сердцу утѣшенье;
Онъ наша совѣсть; онъ для насъ
Второе Провидѣнье.
О! будь же, други, святость узъ
Законъ нашъ подъ шатрами;
Написанъ кровью нашъ союзъ:
И жить и пасть друзьями.

Воины.

О! будь же, други, святость узъ
Законъ нашъ подъ шатрами;

Написанъ кровью нашъ союзъ:
И жить и пасть друзьями.

Пѣвецъ.

Любви сей полный кубокъ въ даръ!
Среди борьбы кровавой,
Друзья, святой питайте жаръ:
Любовь одно со славой.
Кому здѣсь жребій удѣленъ
Знать тайну страсти милой,
Кто сердцемъ сердцу обрученъ:
Тотъ смѣло, съ бодрой силой
На все великое летитъ;
Нѣтъ страха; нѣтъ преграды;
Чего, чего не совершитъ
Для сладостной награды?

Ахъ! мысль о той, кто все для насъ,
Намъ спутникъ неизмѣнный;
Вездѣ знакомый слышимъ гласъ,
Зримъ образъ незабвенный:
Она на бранныхъ знаменахъ,
Она въ пылу сраженья,
И въ шумѣ стана, и въ мечтахъ
Веселыхъ сновидѣнья.
Отвѣдай, врагъ, исторгнуть щитъ,
Рукою данный милой;
Святой обѣтъ на немъ горитъ:
Твоя и за могилой!

О сладость тайныя мечты!
Тамъ, тамъ за синей далью
Твой ангелъ, дѣва красоты,
Одна съ своей печалью,
Груститъ, о другѣ слезы льетъ;
Душа ея въ молитвѣ.
Боится вѣсти, вѣсти ждетъ:
«Увы! не палъ-ли въ битвѣ?»
И мыслитъ: «скоро-ль, дружній гласъ,
Твои мнѣ слышать звуки?
Лети, лети, свиданья часъ,
Смѣнить тоску разлуки.»

Друзья! блаженнѣйшая часть:
Любезныхъ быть спасеньемъ.
Когда жъ предѣлъ нашъ въ битвѣ пасть —
Погибнемъ съ наслажденьемъ;
Святое имя призовемъ
Въ минуту смертной муки;
Кѣмъ мы дышали въ мірѣ семъ,
Съ той нѣтъ и тамъ разлуки;
Туда душа перенесетъ
Любовь и образъ милой...
О други, смерть не все возьметъ;
Есть жизнь и за могилой.

Воины.

Въ тотъ міръ душа перенесетъ
Любовь и образъ милой...
О други, смерть не все возьметъ;
Есть жизнь и за могилой.

Пѣвецъ.

Сей кубокъ чистымъ Музамъ въ даръ!
Друзья, онѣ въ героя
Вливаютъ бодрость, славы жаръ,
И месть, и жажду боя.
Гремятъ ихъ лиры — старъ и младъ
Одѣлись въ бранны латы;
Ничто имъ стрѣлъ свистящихъ градъ,
Ничто твердынь раскаты.
Пѣвцы сотрудники вождямъ;
Ихъ пѣсни жизнь побѣдамъ,
И внуки, внемля ихъ струнамъ,
Въ слезахъ дивятся дѣдамъ.

О радость древнихъ лѣтъ, Боянъ!
Ты арфой ополченный,
Леталъ предъ строями Славянъ
И гимнъ гремѣлъ священный.
Петру возникъ пѣвецъ среди снѣговъ
Пѣвецъ, податель славы;
Честь Задунайскому Петровъ;
О Камскія дубравы,

Гордитесь, вашъ Державинъ сынъ!
Готовь свои перуны,
Суворовъ, чудо — исполинъ —
Державинъ грянетъ въ струны.

О старецъ! да услышимъ твой
Днесь голосъ лебединый:
Не тщетной славы предъ тобой,
Но мщенія дружины;
Простерли не къ добычамъ длань,
Бѣгутъ не за вѣнками —
Ихъ подвигъ святъ: то правыхъ брань
Съ злодѣйскими ордами.
Пришло разрушить ихъ мечамъ
Племенъ порабощенье;
Самимъ губителя рабамъ
Побѣды ихъ спасенье.

Такъ, братья, чадамъ Музъ хвала!..
Но я, пѣвецъ вашъ юный...
Увы! почто судьба дала
Незвучныя мнѣ струны?
Доселѣ тихимъ лишь полямъ
Моя играла лира...
Вотъ жребій выпалъ: къ знаменамъ!
Прости, и сладость мира,
И отчій край, и кругъ друзей,
И трудъ уединенный,
И все... я тамъ, гдѣ стукъ мечей,
Гдѣ ужасы военны.

Но буду-ль ваши пѣть дѣла
И хищныхъ истребленье?
Быть можетъ, ждетъ меня стрѣла,
И мнѣ удѣлъ — паденье.
Но что жъ... на вѣки-ль смертный часъ
Мой слѣдъ изгладитъ въ мірѣ?
Останется привычный гласъ
Въ осиротѣвшей лирѣ.
Пускай губителя во прахъ
Низринетъ месть кровава —
Родится жизнь въ ея струнахъ,
И звучно грянутъ: слава!

Воины.

Хвала возвышеннымъ пѣвцамъ!
Ихъ пѣсни жизнь побѣдамъ;
И внуки, внемля ихъ струнамъ,
Въ слезахъ дивятся дѣдамъ.

Пѣвецъ.

Подымемъ чашу!... Богу силъ!
О братья, на колѣна!
Онъ искони благословилъ
Славянскія знамена.
Безсильнымъ щитъ Его законъ,
И гибнущимъ спаситель;
Всегда союзникъ правыхъ Онъ
И гордыхъ истребитель.
О братья, взоры къ небесамъ!
Тамъ, жизни сей награда!
Оттоль Отецъ незримый намъ,
Гласитъ: мужайтесь, чада!

Безсмертье, тихій, свѣтлый брегъ;
Нашъ путь — къ нему стремленье.
Покайся, кто свой кончилъ бѣгъ!
Вы, странники, терпѣнье!
Блаженъ, кого постигнулъ бой!
Пусть долго, съ жизнью хилой,
Старикъ съ трепещущей ногой
Влачится надъ могилой;
Сынъ брани мигомъ ношу въ прахъ
Съ могучихъ плечъ свергаетъ,
И, бодръ, на молнійныхъ крылахъ
Въ міръ лучшій улетаетъ.

А мы?... Довѣренность къ Творцу!
Что бъ ни было — Незримой
Ведетъ насъ къ лучшему концу
Стезей непостижимой.
Ему, друзья, отважно, вслѣдъ!
Прочь, низкое! прочь, злоба!
Духъ бодрый на дорогѣ бѣдъ,
До самой двери гроба;

Въ высокой долѣ — простота;
Нежадность — въ наслажденьѣ;
Въ союзѣ съ ровнымъ — правота;
Въ могуществѣ — смиренье.

Обѣтамъ — вѣчность; чести — честь;
Покорность — правой власти;
Для дружбы — все, что въ мірѣ есть;
Любви — весь пламень страсти;
Утѣха — скорби; просьбѣ — дань;
Погибели — спасенье;
Могущему пороку — брань,
Безсильному — презрѣнье;
Неправдѣ — грозный правды гласъ;
Заслугѣ — воздаянье;
Спокойствіе — въ послѣдній часъ;
При гробѣ — упованье.

О! будь же, Русскій Богъ, нашъ щитъ!
Прострешь Твою десницу —
И мститель — громъ Твой раздробитъ
Коня и колесницу.
Какъ воскъ передъ лицемъ огня,
Растаетъ врагъ предъ нами...
О страхъ карающаго дня!
Бродя окрестъ очами,
Речетъ пришлецъ: «враговъ я зрѣлъ;
«И мнилъ: земли имъ мало;
«И взоръ ихъ гибелью горѣлъ;
«Протекъ — враговъ не стало!»

Воины.

Речетъ пришлецъ: «враговъ я зрѣлъ;
«И мнилъ: земли имъ мало;
«И взоръ ихъ гибелью горѣлъ;
«Протекъ — враговъ не стало!»

Пѣвецъ.

Но свѣтлыхъ облаковъ гряда
Ужъ утро возвѣщаетъ;
Уже восточная звѣзда

Надъ холмами играетъ;
Рѣдѣетъ сумракъ; сквозь туманъ
Проглянули равнины,
И дальній лѣсъ, и тихій станъ,
И спящія дружины.
О други, скоро!... день грядетъ...
Недвижны рати бурны...
Но... Рокъ ужъ жребіи беретъ
Изъ таинственной урны.

О новый день, когда твой свѣтъ
Изчезнетъ за холмами,
Сколь многихъ взоръ нашъ не найдетъ
Межъ нашими рядами!...
И онъ блеснулъ!... Чу!... вѣстовой
Перунъ по холмамъ грянулъ;
Внимайте: въ полѣ шумъ глухой!
Смотрите: станъ воспрянулъ!
И кони ржутъ, грызя бразды;
И строй сомкнулся съ строемъ;
И вождь летитъ передъ ряды;
И пышетъ ратникъ боемъ.

Друзья, прощанью кубокъ сей!
И смѣло въ бой кровавой,
Подъ вихорь стрѣлъ, на рядъ мечей,
За смертью, иль за славой...
О вы, которыхъ и вдали
Боготворимъ сердцами,
Вамъ, вамъ всѣ блага на земли!
Щитъ Промысла надъ вами!
Всевышній Царь, благослови!
А вы, друзья, лобзанье
Въ завѣтъ: здѣсь вѣрныя любви,
Тамъ сладкаго свиданья!

Воины.

Всевышній Царь, благослови!
А вы, друзья, лобзанье
Въ завѣтъ: здѣсь вѣрныя любви,
Тамъ сладкаго свиданья!

Жуковскій.

Примѣч.—Слова Плетнева: «Никто не усомнится внести въ разрядъ лучшихъ подвиговъ, по всѣмъ правамъ принадлежащихъ исторіи и обезсмертившихъ славу отечества нашего, той вдохновенной пѣсни, которая извѣстна подъ именамъ: «Пѣвца въ Станѣ Русскихъ Воиновъ.» Въ незабвенную эпоху появленія своего, она пронеслась по рядамъ войскъ нашихъ и по всему пространству Россіи какъ чудно-живительный, свыше раздавшійся голосъ, котораго силѣ такъ сладостно было покориться.

«Вмѣсто словъ и буквъ явились какія-то огненныя начертанія и сообщили всѣмъ сердцамъ одинъ жаръ, одно стремленіе. Можетъ быть, въ первый разъ живые позавидовали падшимъ товарищамъ своимъ: такъ достойно и поразительно выставлены были отечеству доблести сыновъ его, принесшихъ жизнь въ исполненіе священнаго долга. Имена ихъ сіяли въ лучахъ ихъ подвиговъ, и радостно было итти по слѣдамъ увѣнчанныхъ безсмертіемъ. Падшіе въ бою вдохновительно дѣйствовали на живыхъ. Это возбужденіе народнаго духа, эти порывы восторженности и самоотверженія не пронеслись подобно звукамъ, на мгновеніе трогающимъ душу, слабѣющимъ и незамѣтно исчезающимъ. Они навѣкъ укрѣплены въ помыслахъ, въ чувствахъ, въ дѣйствіяхъ Русскаго народа. Вмѣстѣ съ безсмертными, которыхъ образы и дѣла такъ вѣрно, такъ рѣзко отпечатлѣны въ стихахъ, ихъ усвоила Россія и не будетъ поколѣнія, столь жалкаго и недостойнаго предковъ, которое бы не гордилось именемъ своимъ при чтеніи этой пѣсни, и не рвалось бы на исполненіе всѣхъ ея завѣтовъ.» (Извѣстія 2-го Отд. Акад. Наукъ. Т. I, стр. 261).

Слова Бѣлинскаго: «Пѣвцу во Станѣ Русскихъ Воиновъ» Жуковскій обязанъ своею славою: только черезъ эту піесу узнала вся Россія своего великаго поэта; и это произведеніе было весьма полезно въ свое время. Но что же доказываетъ это? — Только, что тогда понимали поэзію иначе, нежели какъ понимаютъ ее теперь (а понимали ее тогда, какъ риторику въ стихахъ). Въ «Пѣвцѣ во Станѣ Русскихъ Воиновъ» нѣтъ даже чувства современной дѣйствительности: въ этой піесѣ вы не услышите ни одного выстрѣла изъ пушки, или изъ ружья, въ ней нѣтъ и признаковъ пороховаго дыма — въ ней летаютъ и свистятъ не пули, а стрѣлы, генералы являются воинами, не въ киверахъ или фуражкахъ, а въ шлемахъ, не въ мундирахъ и шинеляхъ, а въ броняхъ, не со шпагами въ рукахъ, а съ мечами и копьями; къ довершенію этой пародіи на древность, всѣ они—со щитами... Все это признакъ риторики; ибо поэзія проста: она не чуждается обыкновенныхъ предметовъ дѣйствительности, не боится сдѣлаться отъ нихъ прозою, но поэтизируетъ самыя прозаическія вещи. И неужели жерла пушекъ, изрыгающія огонь и смерть тысячамъ, неужели дула ружей, посылающія издалека вѣрную смерть, неужели трехгранный штыкъ, стальною стѣною низлагающій сомкнутые ряды — неужели все это имѣетъ въ себѣ менѣе поэзіи, чѣмъ кольчуги, щиты, стрѣлы и копья древности?... Напротивъ, послѣднія—дѣтскія игрушки въ сравненіи съ первыми, блѣдная проза въ сравненіи съ страшною и грандіозною поэзіею. И потомъ, къ чему эти Славяне, и эти барды Славянскіе? Съ Наполеономъ дрались совсѣмъ не Славяне, а Русскіе! Скажутъ: но развѣ Русскіе — не Славянскаго племени народъ? — Положимъ, что и такъ; но развѣ всѣ народы западной Европы не Тевтонскаго племени: а кто же скажетъ, что Русскіе дрались подъ Бородинымъ съ Тевтонами, на томъ основаніи, что Галлія нѣкогда была завоевана Франками, а Франки были народъ Тевтонскаго племени? И потомъ, какіе барды были у Славянъ? Да, сверхъ того, бардъ Жуковскаго очень похожъ на Скандинавскаго скаль-

да. Вообще, ничего не чужда до такой степени поэзія Жуковскаго, какъ Русскихъ національныхъ элементовъ. Можетъ быть, это недостатокъ, но въ то же время и достоинство: еслибъ національность составляла основную стихію поэзіи Жуковскаго — онъ не могъ бы быть романтикомъ, и Русская поэзія не была бы оплодотворена романтическими элементами. Поэтому, всѣ усилія Жуковскаго быть народнымъ поэтомъ возбуждаютъ грустное чувство какъ зрѣлище великаго, который, вопреки своему призванію, стремится идти по чуждому ему пути.

«Лучшія мѣста въ нѣкоторыхъ патріотическихъ піесахъ Жуковскаго — тѣ, въ которыхъ онъ является вѣрнымъ своему романтическому элементу. Таково, напримѣръ въ «Пѣвцѣ во Станѣ Русскихъ Воиновъ»:

Любви сей полный кубокъ въ даръ!
(до словъ:)
Есть жизнь и за могилой.

«Слѣдующее мѣсто есть не что иное, какъ profession de foi рыцарства среднихъ вѣковъ, какъ будто выраженное огненнымъ словомъ Шиллера:

А мы?... Довѣренность Творцу!
Чтобъ ни было — Незримой
Ведетъ насъ къ лучшему концу
Стезей непостижимой.
(до словъ:)
При гробѣ — упованье. (Соч. Бѣлинскаго VIII — 209, 213).

Батюшковъ написалъ пародію на «Пѣвца», подъ названіемъ: «*Пѣвецъ* въ бесѣдѣ *Славянороссовъ*.» Эпико-Лиро-Комико-Эпородическій гимнъ. Приводимъ изъ нея одинъ отрывокъ:

«*Пѣвецъ*».

«Хвала читателей Тиранъ,
Хвостовъ неистощимый!
Стихи твои, какъ барабанъ
Для слуха нестерпимы.
Вездѣ съ стихами, тутъ и тамъ,
Вездѣ ты волкомъ рыщешь,
Пускаешь притчу въ тылъ врагамъ,
Стихами въ уши свищешь.
Лишь за поэму — прочь идутъ,
За оду — засыпаютъ,
Ты за посланье — всѣ бѣгутъ
И уши затыкаютъ.» (Соврем. 1856 г., № 5).

Бородино.

«Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ
Москва, спаленная пожаромъ,
Французу отдана?

Вѣдь были жъ схватки боевыя?
Да, говорятъ, еще какія!
Не даромъ помнитъ вся Россія
Про день Бородина!»

Да, были люди въ наше время
Не то, что нынѣшнее племя:
Богатыри — не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Не многіе вернулись съ поля...
Не будь на то Господня воля,
Не отдали бъ Москвы!

Мы долго, молча, отступали.
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
«Чтожъ мы? на зимнія квартиры?
Не смѣютъ что ли командиры
Чужіе изорвать мундиры
О Русскіе штыки?»

И вотъ нашли большое поле:
Есть разгуляться гдѣ на волѣ!
Построили редутъ.
У нашихъ ушки на макушкѣ!
Чуть утро освѣтило пушки
И лѣса синія верхушки —
Французы тутъ — какъ тутъ.

Забилъ зарядъ я въ пушку туго,
И думалъ: угощу я друга!
Постой-ка, братъ, мусью!
Что тутъ хитрить, пожалуй къ бою;
Ужъ мы пойдемъ ломить стѣною,
Ужъ постоимъ мы головою
За родину свою!

Два дня мы были въ перестрѣлкѣ.
Что толку въ этакой бездѣлкѣ?
Мы ждали третій день.
Повсюду стали слышны рѣчи:
«Пора добраться до картечи!»
И вотъ на поле грозной сѣчи
Ночная пала тѣнь.

Прилегъ вздремнуть я у лафета,
И слышно было до разсвѣта,
Какъ ликовалъ Французъ.
Но тихъ былъ нашъ бивакъ открытый:
Кто киверъ чистилъ весь избитый,
Кто штыкъ точилъ, ворча сердито,
Кусая длинный усъ.

И только небо засвѣтилось,
Все шумно вдругъ зашевелилось,
Сверкнулъ за строемъ строй.
Полковникъ нашъ рожденъ былъ хватомъ:
Слуга царю, отецъ солдатамъ....
Да, жаль его: сраженъ булатомъ,
Онъ спитъ въ землѣ сырой.

И молвилъ онъ, сверкнувъ очами:
«Ребята! не Москва-ль за нами?
Умремте-жъ подъ Москвой,
Какъ наши братья умирали!»
— И умереть мы обѣщали,
И клятву вѣрности сдержали
Мы въ Бородинскій бой.

Ну-жъ былъ денекъ! Сквозь дымъ летучій
Французы двинулись какъ тучи,
И все на нашъ редутъ.
Уланы съ пестрыми значками,
Драгуны съ конскими хвостами,
Всѣ промелькнули передъ нами,
Всѣ побывали тутъ.

Вамъ не видать такихъ сраженій!...
Носились знамена какъ тѣни,
Въ дыму огонь блестѣлъ,
Звучалъ булатъ, картечь визжала,
Рука бойцовъ колоть устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.

Извѣдалъ врагъ въ тотъ день не мало,
Что значитъ Русскій бой удалый,
Нашъ рукопашный бой!...

Земля тряслась — какъ наши груди;
Смѣшались въ кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудій
Слились въ протяжный вой...

Вотъ смерклось. Были всѣ готовы
Заутра бой затѣять новый
И до конца стоять...
Вотъ затрещали барабаны —
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

Да, были люди въ наше время,
Могучее, лихое племя,
Богатыри — не вы.
Плохая имъ досталась доля:
Не многіе вернулись съ поля.
Когда бъ на то не Божья воля,
Не отдали-бъ Москвы!

Лермонтовъ.

Клеветникамъ Россіи.

О чемъ шумите вы, народные витіи?
Зачѣмъ анаѳемой грозите вы Россіи?
Что возмутило васъ? волненія Литвы?
Оставьте: это споръ Славянъ между собою,
Домашній, старый споръ, ужъ взвѣшенный судьбою,
Вопросъ, котораго не разрѣшите вы.
Уже давно между собою
Враждуютъ эти племена;
Не разъ клонилась подъ грозою
То ихъ, то наша сторона.
Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ:
Кичливый Ляхъ, иль вѣрный Россъ?
Славянскіе ль ручьи сольются въ Русскомъ морѣ?
Оно ль изсякнетъ? — вотъ вопросъ.
Оставьте насъ: вы не читали
Сіи кровавыя скрижали;
Вамъ непонятна, вамъ чужда

Сія семейная вражда!
Для васъ безмолвны Кремль [1]) и Прага [2]),
Безсмысленно прельщаетъ васъ
Борьбы отчаянной отвага —
И ненавидите вы насъ....
За что жъ? отвѣтствуйте: за то ли,
Что на развалинахъ пылающей Москвы [3])
Мы не признали наглой воли
Того, предъ кѣмъ дрожали вы?
За то ль, что въ бездну повалили
Мы тяготѣющій надъ царствами кумиръ,
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и миръ?
Вы грозны на словахъ — попробуйте на дѣлѣ!
Иль старый богатырь, покойный на постелѣ,
Не въ силахъ завинтить свой Измаильскій [4]) штыкъ?
Иль Русскаго царя уже безсильно слово?
Иль намъ съ Европой спорить ново?
Иль Русскій отъ побѣдъ отвыкъ?
Иль мало насъ? Или отъ Перми до Тавриды,
Отъ Финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанетъ Русская земля?
Такъ высылайте жъ намъ, витіи,
Своихъ озлобленныхъ сыновъ:
Есть мѣсто имъ въ поляхъ Россіи,
Среди не чуждыхъ имъ гробовъ.

Пушкинъ.

Примѣч.—Стихотвореніе написано въ 1831 году, по поводу Польскаго мятежа. Стихотвореніе патріотическое.—Почему же поэтъ гордится своею родиной?—Чѣмъ грозна Россія своимъ врагамъ?

---

[1]) Кремль Московскій, свидѣтель славы Россіи и геройства ея сыновъ въ 1612 г.

[2]) Предмѣстье Варшавы, взятое штурмомъ Суворовымъ при Императрицѣ Екатеринѣ II. «Прага у ногъ Вашего Величества!» писалъ Суворовъ въ своемъ донесеніи Государынѣ. «Ура, фельдмаршалъ Суворовъ!» отвѣчала Екатерина II, хотя онъ не былъ тогда фельдмаршаломъ.

[3]) Разумѣется 1812 годъ, когда Москва предана была сожженію во время вшествія въ нее Наполеона I.

[4]) Измаилъ, крѣпость Турецкая на берегахъ Дуная. Она взята была штурмомъ Суворовымъ при Императрицѣ Екатеринѣ II. «Двадцать четыре часа на размышленіе — писалъ Суворовъ Сераскиру-Пашѣ, намѣреваясь штурмовать Измаилъ, — и — штурмъ. Мой штурмъ — смерть.»

Могила Кутузова.

Передъ гробницею святой
Стою съ поникшею главой....
Всё спитъ кругомъ; однѣ лампады
Во мракѣ храма [1]) золотятъ
Столбовъ гранитныя громады
И ихъ знаменъ нависшій рядъ.

Подъ ними спитъ сей властелинъ,
Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Маститый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ,
Сей остальной изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ [2]).

Въ твоемъ гробу восторгъ живетъ!
Онъ Русскій гласъ намъ издаетъ;
Онъ намъ твердитъ о той годинѣ,
Когда народной вѣры гласъ
Воззвалъ къ святой твоей сѣдинѣ;
«Иди, спасай!» Ты всталъ — и спасъ....

Пушкинъ.

Э х о.

Реветъ ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубитъ ли рогъ, гремитъ ли громъ,
Поетъ ли дѣва за холмомъ —
На всякій звукъ
Свой откликъ въ воздухѣ пустомъ
Родишь ты вдругъ.
Ты внемлешь грохоту громовъ
И гласу бури и валовъ,
И крику сельскихъ пастуховъ —
И шлешь отвѣтъ;

---

[1]) Казанскій Соборъ въ Петербургѣ.

[2]) Знаменитые государственные люди временъ Императрицы Екатерины II: Потемкинъ, Румянцевъ-Задунайскій, Орловъ-Чесменскій, Безбородко, Завадовскій, Бецкій и др.

Тебѣ жъ нѣтъ отзыва.... Таковъ
И ты, поэтъ!

Пушкинъ.

Примѣч.—Слова Бѣлинскаго: «Въ этихъ стихахъ заключается полнѣйшая характеристика поэта и высочайшая апоѳеоза художника... Да, все, чѣмъ живетъ міръ и что живетъ въ мірѣ — находитъ свой отзывъ во всеобъемлющей груди поэта. Поэтъ, это — организація воспріимчивая, раздражительная, всегда дѣятельная, которая при малѣйшемъ прикосновеніи даетъ отъ себя искры электричества, которая болѣзненнѣе другихъ страдаетъ, живѣе наслаждается, пламеннѣе любитъ, сильнѣе ненавидитъ; словомъ—глубже чувствуетъ.» (Соч. Бѣлинскаго. IV — 270).

Туча.

Послѣдняя туча разсѣянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тѣнь,
Одна ты печалишь ликующій день.
Ты небо недавно кругомъ облегала,
И молнія грозно тебя обвивала;
И ты издавала таинственный громъ,
А алчную землю поила дождемъ.
Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освѣжилась и буря промчалась,
И вѣтеръ, лаская листочки древесъ,
Тебя съ успокоенныхъ гонитъ небесъ.

Пушкинъ.

На смерть Пушкина.

Погибъ поэтъ, невольникъ чести,
Палъ оклеветанный молвой,
Съ свинцомъ въ груди и съ жаждой мести,
Поникнувъ гордой головой.
Не вынесла душа поэта
Позора мелочныхъ обидъ;
Возсталъ онъ противъ мнѣній свѣта
Одинъ, какъ прежде, — и убитъ!
Убитъ!.... къ чему теперь рыданья,
Похвалъ и слезъ ненужный хоръ
И жалкій лепетъ оправданья? —

Судьбы свершился приговоръ!
Не вы ль сперва такъ долго гнали
Его свободный, чудный даръ
И, для потѣхи, возбуждали
Чуть затаившійся пожаръ....
Что жъ? веселитесь!... Онъ мученій
Послѣднихъ перенесть не могъ.
Угасъ, какъ свѣточъ, дивный геній,
Увялъ торжественный вѣнокъ!...
Его убійца хладнокровно
Навелъ ударъ, — спасенья нѣтъ:
Пустое сердце бьется ровно,
Въ рукѣ не дрогнетъ пистолетъ.
И что за диво?... издалека,
Подобно сотнямъ бѣглецовъ,
На ловлю счастья и чиновъ
Заброшенъ къ намъ по волѣ рока,
Смѣясь, онъ дерзко презиралъ
Земли чужой языкъ и нравы:
Не могъ щадить онъ нашей славы,
Не могъ понять въ сей мигъ кровавый
На что онъ руку подымалъ!

И онъ погибъ и взятъ могилой,
Какъ тотъ пѣвецъ невѣдомый, но милый,
Добыча ревности нѣмой....
Воспѣтый имъ съ такою чудной силой,
Сраженный, какъ и онъ, безжалостной рукой.
Зачѣмъ отъ мирныхъ нѣгъ, и дружбы простодушной
Вступилъ онъ въ этотъ свѣтъ завистливый и душный
Для сердца вольнаго и пламенныхъ страстей?
Зачѣмъ онъ руку далъ клеветникамъ безбожнымъ,
Зачѣмъ повѣрилъ онъ словамъ и ласкамъ ложнымъ —
Онъ, съ юныхъ лѣтъ постигнувшій людей!
И прежній снявъ вѣнокъ, они вѣнецъ терновый,
Увитый лаврами, надѣли на него;
Но иглы тайныя сурово
Язвили славное чело....
Отравлены его послѣднія мгновенья
Коварнымъ шопотомъ безчувственныхъ невѣждъ,
И умеръ онъ съ глубокой жаждой мщенья,
Съ досадой тайною обманутыхъ надеждъ....
Замолкли звуки дивныхъ пѣсенъ,

Не раздаваться имъ опять,
Пріютъ пѣвца угрюмъ и тѣсенъ
И на устахъ его печать!
. . . . . .

Лермонтовъ.

Подражаніе псалму XIV.

Кому, о Господи, доступны
Твои Сіонски высоты?
Тому, чьи мысли неподкупны,
Чьи цѣломудренны мечты;
Кто дѣлъ своихъ цѣною злата
Не взвѣшивалъ, не продавалъ,
Не ухищрялся противъ брата
И на врага не клеветалъ;
Но вѣрой въ Бога укрѣплялся,
Но сердцемъ чистымъ и живымъ
Ему со страхомъ поклонялся,
Съ любовью плакалъ передъ Нимъ.
И святъ, о Боже! Твой избранникъ!
Мечомъ ли руку ополчитъ:
Велѣній Господа посланникъ,
Онъ исполина сокрушитъ!
Въ вѣнцѣ ли онъ: Его народы
Возлюбятъ правду; весь и градъ
Взыграютъ радостью свободы
И нивы златомъ закипятъ!
Возьметъ ли арфу: дивной силой
Духъ преисполнится его,
И, какъ орелъ ширококрылый,
Взлетитъ до неба Твоего!

Языковъ.

Землетрясенье.

Всевышній граду Константина
Землетрясенье посылалъ,
И Геллеспонтская пучина
И берегъ съ грудой горъ и скалъ

Дрожали, и царей палаты,
И храмъ, и циркъ, и гиподромъ,
И стѣнъ градскихъ верхи зубчаты,
И все поморіе кругомъ.
По всей пространной Византіи,
Въ отверстыхъ храмахъ, Богу силъ
Обильно пѣлися литіи,
И дымъ молитвенныхъ кадилъ
Клубился; люди, страхомъ полны,
Текли передъ Христовъ алтарь:
Сенатъ, синклитъ, народа волны
И самъ благочестивый царь.
Вотще! Ихъ вопли и моленья
Господь во гнѣвѣ отвергалъ,
И гулъ и громъ землетрясенья
Не умолкалъ, не умолкалъ.
Тогда невидимая сила
Съ небесъ на землю низошла,
И быстро отрока схватила,
И выше облакъ унесла:
И внялъ онъ горнему глаголу
Небесныхъ ликовъ: Святъ, Святъ, Святъ,
И пѣсню ту принесъ онъ долу,
Священнымъ трепетомъ объятъ,
И церковь тѣ слова святыя
Въ свою молитву приняла,
И той молитвой Византія
Себя отъ гибели спасла.
Такъ ты, поэтъ, въ годину страха
И колебанія земли
Носись душой превыше праха,
И ликамъ ангельскимъ внемли,
И приноси дрожащимъ людямъ
Молитвы съ горней вышины,
Да въ сердце примемъ ихъ и будемъ
Мы нашей вѣрой спасены.

Языковъ.

Примѣч. — «Землетрясеніе», по словамъ Жуковскаго, лучшее наше стихотвореніе.—Есть преданіе въ нашей церкви, что во время землетрясенія, бывшаго въ Византіи, когда царь, сенатъ и народъ молились объ избавленіи, невидимая сила подняла отрока къ небесамъ и онъ тамъ услышалъ пѣснь: *Святъ, Святъ, Святъ!* и принесъ ее на землю, и ею была спасена Византія.

Романсъ Десдемоны.

(Съ Англійскаго).

Въ раздумьи бѣдняжка подъ тѣнью густою
Сидѣла, вздыхая, крушима тоскою:
Вы пойте мнѣ иву, зеленую иву!
Она свою руку на грудь положила,
И голову тихо къ колѣнямъ склонила:
О ива, ты ива, зеленая ива!
Студеныя волны, шумя тамъ, бѣжали, —
И стонъ ея жалкой тѣ волны роптали:
О ива, ты ива, зеленая ива!
Горючія слезы катились ручьями, —
И дикіе камни смягчались слезами.
О ива, ты ива, зеленая ива!
Зеленая ива мнѣ будетъ вѣнкомъ.

Козловъ.

Три Пальмы.

(Восточное сказаніе).

Въ песчаныхъ степяхъ Аравійской земли
Три гордыя пальмы высоко росли.
Родникъ между ними изъ почвы безплодной,
Журча, пробивался волною холодной,
Хранимый, подъ сѣнью зеленыхъ листовъ,
Отъ знойныхъ лучей и летучихъ песковъ.

И многіе годы неслышно прошли;
Но странникъ усталый, изъ чуждой земли,
Пылающей грудью ко влагѣ студеной
Еще не склонялся подъ кущей зеленой,
И стали ужъ сохнуть отъ знойныхъ лучей
Роскошные листья и звучный ручей.

И стали три пальмы на Бога роптать:
«На то ль мы родились, чтобъ здѣсь увядать?
Безъ пользы въ пустынѣ росли и цвѣли мы,
Колеблемы вихремъ и зноемъ палимы,

Ни чей благосклонный не радуя взоръ?...
Не правъ твой, о небо, святой приговоръ!...»

И только замолкли — въ дали голубой
Столбомъ ужъ крутился песокъ золотой,
Звонковъ раздавались нестройные звуки,
Пестрѣли коврами покрытые вьюки,
И шелъ, колыхаясь, какъ въ морѣ челнокъ,
Верблюдъ за верблюдомъ, взрывая песокъ.

Мотаясь, висѣли межъ твердыхъ горбовъ
Узорныя полы походныхъ шатровъ;
Ихъ смуглыя ручки порой подымали,
И черныя очи оттуда сверкали....
И, станъ худощавый къ лукѣ наклоня,
Арабъ горячилъ воронаго коня.

И конь на дыбы подымался порой,
И прыгалъ, какъ барсъ пораженный стрѣлой;
И бѣлой одежды красивыя складки
По плечамъ фариса вились въ безпорядкѣ;
И; съ крикомъ и свистомъ несясь по песку,
Бросалъ и ловилъ онъ копье на скаку.

Вотъ къ пальмамъ подходитъ, шумя, караванъ;
Въ тѣни ихъ веселый раскинулся станъ.
Кувшины, звуча, налилися водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Привѣтствуютъ пальмы нежданныхъ гостей,
И щедро поитъ ихъ студеный ручей.

Но только-что сумракъ на землю упалъ,
По корнямъ упругимъ топоръ застучалъ,—
И пали безъ жизни питомцы столѣтій!
Одежду ихъ сорвали малыя дѣти,
Изрублены были тѣла ихъ потомъ,
И медленно жгли ихъ до утра огнемъ.

Когда же на западъ умчался туманъ,
Урочный свой путь совершалъ караванъ:
И слѣдомъ печальнымъ на почвѣ безплодной
Виднѣлся лишь пепелъ сѣдой и холодной,
И солнце остатки сухіе дожгло,
А вѣтромъ ихъ въ степи потомъ разнесло.

И нынѣ все дико и пусто кругомъ,
Не шепчатся листья съ гремучимъ ключомъ:
Напрасно пророка о тѣни онъ проситъ —
Его лишь песокъ раскаленный заноситъ,
Да коршунъ хохлатый, степной нелюдимъ,
Добычу терзаетъ и щиплетъ надъ нимъ.

Лермонтовъ.

Примѣч. — Мысль стихотворенія. — Краски восточной природы и жизни.

Мгновеніе.

Есть для души священныя мгновенья;
Тогда она чужда земныхъ заботъ,
Просвѣтлена лучемъ преображенья —
И жизнію небесною живетъ.

Борьбы ужъ нѣтъ, стихаютъ сердца муки;
Въ немъ царствуетъ гармонія и миръ —
И стройно жизнь перелилася въ звуки,
И зиждется изъ звуковъ новый міръ;

И радостной блеститъ тотъ міръ надеждой,
Имъ блескъ небесъ какъ будто отраженъ;
Все дышетъ въ немъ любовью и надеждой,
Онъ вѣрою, какъ солнцемъ освященъ....

И зримъ тогда незримаго Царя творенья:
На всемъ лежитъ руки его печать —
Душа свѣтла.... въ минуту вдохновенья
Хотѣлъ бы я на Божій судъ предстать.

Станкевичъ.

Грѣшница.

И говорятъ Ему: «Она
Была въ грѣхѣ уличена
На самомъ мѣстѣ преступленья;
А по закону, мы ее
Должны казнить безъ сожалѣнья:
Скажи намъ мнѣніе свое.»

И на лукавое воззванье,
Храня глубокое молчанье,
Онъ нѣчто—грустенъ и унылъ —
Перстомъ божественнымъ чертилъ,
И наконецъ сказалъ народу:

«Даю вамъ полную свободу
Исполнить праотцевъ законъ;
Но гдѣ тотъ праведный, гдѣ онъ,
Который первый на блудницу
Подниметъ тяжкую десницу?»—
И вновь писалъ Онъ на землѣ...
Тогда, съ печатью поношенья
На обезславленномъ челѣ,
Сокрылись дѣти ухищренья —
И предъ лицомъ Его одна
Стояла грѣшная жена.
И Онъ, съ улыбкой благотворной,
Сказалъ: «Покинь твою боязнь.
Гдѣ твой синедріонъ упорной?
Кто осудилъ тебя на казнь?»
Она въ отвѣтъ: — Никто, Учитель! —
«И такъ и я твоей души
Не осужу,» сказалъ Спаситель:—
«Иди въ свой домъ, и не грѣши.»

Полежаевъ.

Валтасаръ.

Царь на тронѣ сидитъ;
Передъ нимъ и за нимъ
Съ раболѣпствомъ нѣмымъ
Рядъ сатраповъ стоитъ.
Драгоцѣнный чертогъ
И блеститъ и горитъ,
И земной полубогъ
Пиръ устроить велитъ.
Золотая волна
Дорогаго вина
Нѣжитъ чувства.
Упоенъ, восхищенъ,
Царь на тронѣ сидитъ, —
И торжественный тронъ
И блеститъ и горитъ....
Вдругъ невѣдомый страхъ
У царя на челѣ,
И унынье въ очахъ,
Обращенныхъ къ стѣнѣ.
Умолкаетъ звукъ лиръ
И веселыхъ рѣчей,
И разстроенный пиръ
Видитъ — ужасъ очей! —
Огневая рука
Исполинскимъ перстомъ,
На стѣнѣ предъ царемъ,
Начертала слова.
И никто изъ мужей,
И царевыхъ гостей,
И искусныхъ волховъ
Силы огненныхъ словъ
Изъяснить не возмогъ.
И земной полубогъ
Омрачился тоской....
И Еврей молодой
Къ Валтасару предсталъ
И слова прочиталъ:
«*Мани, векелъ, фаресъ*,
Вотъ слова на стѣнѣ;
Волю Бога небесъ
Возвѣщаютъ онѣ.
Мани значитъ: монархъ,
Кончилъ царствовать ты!
Градъ у Персовъ въ рукахъ —
Смыслъ середней черты;
Фаресъ — третье — гласитъ:
Нынѣ будешь убитъ!»

Рекъ — исчезъ.... Изумленъ,
Царь не вѣритъ мечтѣ;
Но чертогъ окруженъ
И.... онъ мертвъ на щитѣ.

Полежаевъ.

Божій Судъ.

Есть духи зла — неистовыя чада
Благословеннаго Творца;
Удѣлъ ихъ — грусть, отчаянье — отрада,
А жизнь — мученье безъ конца.

Въ великій часъ рожденія вселенной,
Когда извлекъ Всевышній перстъ
Изъ тьмы вѣковъ, эѳиръ одушевленной
Для хора солнцевъ, лунъ и звѣздъ, —

Когда Творецъ торжественное слово,
Въ премудрой благости, изрекъ:
«Да будетъ прахъ величія основой!»
И всталъ изъ праха человѣкъ, —

Тогда, предъ нимъ свѣтлы, необозримы
Разстлались гордо небеса,
И юный міръ, какъ сынъ его любимый,
Былъ весь — волшебная краса.

И ярче звѣздъ и солнца золотаго,
Какъ Іорданскія струи,
Вокругъ его — Властителя Святаго —
Вились архангеловъ рои;

И пышный сонмъ небесныхъ легіоновъ
Былъ ясенъ, святъ передъ Творцомъ,
И на скрижаль божественныхъ законовъ
Взиралъ съ потупленнымъ челомъ.

Но чистый огнь невинности покорной
Въ сынахъ безсмертія потухъ —
И грозно палъ, съ гордынею упорной,
Высокій умъ, высокій духъ.

Свершился судъ!... Могучая десница
Подъяла молній и громъ —
И пожрала подземная темница
Богоотверженный Содомъ!...

Съ тѣхъ поръ, враги прекраснаго созданья
Таятся горестно во мглѣ —
И мучитъ ихъ, и жжетъ безъ состраданья
Печать проклятья на челѣ.

Напрасно ждутъ, преступные, свободы:
Они противны небесамъ —
Не долетитъ въ объятія природы
Ихъ недостойный ѳиміамъ!

Полежаевъ.

Пѣснь плѣннаго Ирокезца.

Я умру! На позоръ палачамъ
Беззащитное тѣло отдамъ!
Равнодушно они,
Для забавы дѣтей,
Отдирать отъ костей
Будутъ жилы мои!
Обругаютъ, убьютъ
И мой трупъ разорвутъ!

Но стерплю, не скажу ничего,
Не наморщу чела моего!
И, какъ дубъ вѣковой,
Неподвижный отъ стрѣлъ,
Неподвиженъ и смѣлъ,
Встрѣчу мигъ роковой,
И, какъ воинъ и мужъ,
Перейду въ страну душъ.

Передъ сонмомъ тѣней воспою
Я безсмертную гибель мою!
И разсказъ мой плѣнитъ
Ихъ внимательный слухъ,
И воинственный духъ
Стариковъ оживитъ,
И пройдетъ по устамъ
Слава громкимъ дѣламъ.

И рекутъ они въ голосъ одинъ:
«Ты — достойный прапрадѣдовъ сынъ!»

Совокупной толпой
Мы на землю сойдемъ
И въ родныхъ разольемъ
Пылъ вражды боевой;
Побѣдимъ, поразимъ
И врагамъ отомстимъ!

Я умру! На позоръ палачамъ,
Беззащитное тѣло отдамъ!
Но, какъ дубъ вѣковой
Неподвижный отъ стрѣлъ,
Я, недвижимъ и смѣлъ,
Встрѣчу мигъ роковой!

Полежаевъ.

Какъ часто во мнѣ пробуждалась
Душа отъ лѣниваго сна,
Просилася людямъ и братьямъ
Сказаться словами она!

Какъ часто, о Боже! рвалася
Вѣщать Твою волю землѣ,
Да свѣтъ осіяетъ разумный
Безумцевъ, бродящихъ во мглѣ!

Какъ часто безсильемъ томимый,
Съ глубокой и тяжкой тоской,
Молилъ Тебя дать имъ Пророка
Съ горячей и крѣпкой душой!

Молилъ Тебя, въ часъ полуночи,
Пророку дать силу рѣчей —
Чтобъ міръ оглашалъ онъ далеко
Глаголами правды Твоей!

Молилъ Тебя съ плачемъ и стономъ,
Во прахѣ простертъ предъ Тобой,
Дать міру и уши и сердце
Для слушанья рѣчи святой!

Хомяковъ [1]).

---

[1]) Алексѣй Степановичъ Хомяковъ († 1861).

Труженикъ.

По жесткимъ глыбамъ сорной нивы,
Съ утра до истощенья силъ,
Довольно, пахарь терпѣливый,
Я плугъ тяжелый свой водилъ.

Довольно, дикою враждою
И злымъ безумьемъ окруженъ,
Боролся крѣпкой я борьбою...
Я утомленъ, я утомленъ.

Пора на отдыхъ. О дубравы!
О тишина полей и водъ,
И надъ оврагами кудрявый
Вѣтвей сплетающихся сводъ!

Хоть разъ одинъ въ тѣни отрадной,
Склонившись къ звонкому ручью,
Хочу всей грудью, грудью жадной,
Вдохнуть вечернюю струю!

Стереть бы потъ дневнаго зноя!
Стряхнуть бы грузъ дневныхъ заботъ!...
«Безумецъ! Нѣтъ тебѣ покоя,
Нѣтъ отдыха: впередъ, впередъ!

Взгляни на ниву: пашни много,
А дня не много впереди.
Вставай же, рабъ лѣнивый Бога,
Господь велитъ: иди, иди!

Ты купленъ дорогой цѣною,
Крестомъ и кровью купленъ ты:
Сгибайся жъ, пахарь, надъ браздою!
Борись, борецъ, до поздней тьмы!»

Предъ словомъ грознаго призванья
Склоняюсь трепетнымъ челомъ;
А Ты безумнаго роптанья
Не помяни въ судѣ Твоемъ!

Иду свершать въ трудѣ и потѣ
Удѣлъ, назначенный Тобой,
И не сомкну очей въ дремотѣ,
И не ослабну предъ борьбой.

Не брошу плуга, рабъ лѣнивый,
Не отойду я отъ него,
Покуда не прорѣжу нивы,
Господь, для сѣва Твоего.

Хомяковъ.

Поле мертвыми костями
Все бѣлѣлося кругомъ;
Вѣтеръ билъ его крылами,
Солнце жгло его огнемъ.

Ты, пророкъ, могучимъ словомъ
Поле мертвое воздвигъ:
И одѣлись плотью кости,
И возсталъ соборъ великъ.

Но не полно возрожденье;
Жизнь проснулась не сполна,
Всѣхъ оковъ земнаго тлѣнья
Не осилила она.

И въ соборѣ томъ великомъ
Ухо чуткое порой
Слышитъ подъ румяной плотью
Кости щолканье сухой...

О, чужія тайны зная,
Ты, пѣвецъ, спроси себя:
Не звенитъ ли кость сухая
Въ пѣсняхъ, въ жизни у тебя?...

Хомяковъ.

Къ Дѣтямъ.

Бывало, въ глубокій полуночный часъ,
Малютки, приду любоваться на васъ;
Бывало, люблю васъ крестомъ знаменать,
Молиться, да будетъ на васъ благодать,
Любовь Вседержителя Бога.

Стеречь умиленно вашъ дѣтскій покой,
Подумать о томъ, какъ вы чисты душой,
Надѣяться долгихъ и счастливыхъ дней,
Для васъ, беззаботныхъ и милыхъ дѣтей,
Какъ сладко, какъ радостно было!

Теперь прихожу я: вездѣ темнота,
Нѣтъ въ комнатѣ жизни; кроватка пуста;

Въ лампадѣ погасъ предъ иконою свѣтъ....
Мнѣ грустно, малютокъ моихъ уже нѣтъ!
И сердце такъ больно сожмется!

О дѣти, въ глубокій полуночный часъ,
Молитесь о томъ, кто молился о васъ,
О томъ, кто любилъ васъ крестомъ знаменать, —
Молитесь, да будетъ и съ нимъ благодать,
Любовь Вседержителя Бога.

Хомяковъ.

Давидъ.

Пѣвецъ — пастухъ на подвигъ рѣтный
Не бралъ ни тяжкаго меча,
Ни шлема, ни брони булатной,
Ни латъ съ Саулова плеча;
Но духомъ Божьимъ осѣненный,
Онъ въ полѣ бралъ кремень простой:
И падалъ врагъ иноплеменный,
Сверкая и гремя броней.

И ты, — когда на битву съ ложью
Возстанетъ правда думъ святыхъ, —
Не налагай на правду Божью
Гнилую тягость латъ земныхъ.
Доспѣхъ Саула — ей окова.
Сауловъ тягостенъ шеломъ:
Ея оружье — Божье слово,
А Божье слово — Божій громъ!

Хомяковъ.

Навуходоносоръ.

Пойте, други, пѣснь побѣды!
Пойте! снова потекутъ
Наши вольныя бесѣды,
Закипитъ свободный трудъ!

Вавилона царь суровый
Былъ богатъ и былъ силенъ;
Въ неразрывныя оковы
Заковалъ онъ нашъ Сіонъ.

Онъ губилъ ожесточенно
Наши вѣчныя права:
Слово—Божій даръ священный,
Разумъ—лучъ отъ божества.

Милость Бога забывая,
Говорилъ онъ: все творятъ
Мой булатъ, моя десная,
Царскій умъ мой, царскій взглядъ!

Надъ равнинами Деира
Онъ создалъ себѣ кумиръ,
И у ногъ сего кумира
Пировалъ безбожный пиръ.

Но отмстилъ ему Іегова!
Казнью жизнь ему сама:
Бродитъ нѣмъ губитель слова,
Трáву щиплетъ врагъ ума!

Какъ работникъ подъяремный,
Безсловесный, глупый волъ,
Не глядя на міръ надземный,
Онъ обходитъ злачный долъ!..

Ты скажи намъ, царь надменный,
Живъ ли Мстящій за Сіонъ?...
Но покайся; но смиренно
Полюби Его законъ,

Духъ свободы, святость слова,
Святость мысленныхъ даровъ,—
И проститъ тебя Іегова:
Отъ невидимыхъ оковъ

Снова на престолъ великій
Возведетъ тебя царемъ,
И земной вѣнецъ владыки
Освятитъ Своимъ вѣнцомъ!...

Пойте, други, пѣснь побѣды!
Пойте! снова потекутъ
Наши вольныя бесѣды,
Закипитъ свободный трудъ!

Хомяковъ.

По прочтеніи Псалма.

Земля трепещетъ: по эѳиру
Катится громъ изъ края въ край.
То Божій гласъ: онъ судитъ міру.
«Израиль, Мой народъ, внимай!
Израиль, ты мнѣ строишь храмы:
И храмы золотомъ блестятъ,
И въ нихъ курятся ѳиміамы,
И день и нощь они горятъ.
Къ чему мнѣ вашихъ храмовъ своды,
Бездушный камень, прахъ земной?
Я создалъ землю, создалъ воды;
Я небо очертилъ рукой:
Хочу, и словомъ расширяю
Предѣлъ безвѣстныхъ вамъ чудесъ;
И безконечность созидаю
За безконечностью небесъ.

Къ чему Мнѣ злато? въ глубь земную
Въ утробу вѣковѣчныхъ скалъ,
Я влилъ, какъ воду дождевую,
Огнемъ расплавленный металлъ.
Онъ тамъ кипитъ и рвется, сжатый
Въ оковахъ темной глубины;
А ваши серебро и злато
Лишь всплескъ той пламенной волны.
Къ чему куренья? Предо Мною
Земля со всѣхъ своихъ концовъ
Кадитъ дыханьемъ подъ росою
Благоухающихъ цвѣтовъ.
Къ чему огни? Не Я ль свѣтила
Зажегъ надъ вашей головой?
Не Я ль, какъ искры изъ горнила,
Бросаю звѣзды въ мракъ ночной?
Твой скуденъ даръ. — Есть даръ безцѣнный,
Даръ нужный Богу твоему:
Ты съ нимъ явись, и премиренный
Я всѣ твои дары приму:
Мнѣ нужно сердце чище злата,
И воля крѣпкая въ трудѣ;
Мнѣ нуженъ братъ, любящій брата,
Нужна мнѣ правда на судѣ.»

Хомяковъ.

Молитва.

Въ минуту жизни трудную,
Тѣснится-ль въ сердцѣ грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизустъ.

Есть сила благодатная
Въ созвучьи словъ живыхъ,
И дышетъ непонятная,
Святая прелесть въ нихъ.

Съ души какъ бремя скатится,
Сомнѣнье далеко —
И вѣрится, и плачется,
И такъ легко, легко....

Лермонтовъ.

Ангелъ.

По небу полуночи ангелъ летѣлъ
И тихую пѣсню онъ пѣлъ;

И мѣсяцъ, и звѣзды, и тучи толпой
Внимали той пѣснѣ святой.

Онъ пѣлъ о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ
Подъ кущами райскихъ садовъ,
О Богѣ Великомъ онъ пѣлъ, и хвала
Его непритворна была.

Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ
Для міра печали и слезъ,
И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
Остался безъ словъ, но живой.

И долго на свѣтѣ томилась она
Желаніемъ чуднымъ полна,
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли.

Лермонтовъ.

Ангелъ.

Въ дверяхъ Эдема Ангелъ нѣжный
Главой поникшею сіялъ;
А демонъ мрачный и мятежный
Надъ адской бездною леталъ.

Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья
На духа чистаго взиралъ,
И жаръ невольный умиленья
Впервые смутно познавалъ.

Прости! онъ рекъ: тебя я видѣлъ,
И ты не даромъ мнѣ сіялъ:
Не все я въ мірѣ ненавидѣлъ,
Не все я въ мірѣ презиралъ.

Пушкинъ.

Ангелъ и Демонъ.

Подъемлютъ споръ за человѣка
Два духа мощные: одинъ—
Эдемской двери властелинъ
И вѣрный стражъ ея отъ вѣка;

Другой — во всемъ величьи зла,
Владыко сумрачнаго міра:
Надъ огненной его порфирой
Горятъ два огненныхъ крыла.

Но торжество кому жъ уступитъ
Въ пыли рожденный человѣкъ?
Вѣнецъ ли вѣчныхъ пальмъ онъ купитъ,
Иль чашу временную нѣгъ?
Господень ангелъ тихъ и ясенъ:
Его живитъ смиренья лучъ;
Но гордый демонъ такъ прекрасенъ,
Такъ лучезаренъ и могучъ! —

Майковъ.

Ангелъ.

Любилъ я тихій свѣтъ лампады золотой,
Благоговѣйное вокругъ нея молчанье,
И, тайнаго исполненъ ожиданья,
Какъ часто я, откинувъ пологъ свой
Не спалъ, на мягкій пухъ облокотясь рукою,
И думалъ: въ эту ночь хранитель — ангелъ мой
Прійдетъ ли въ тишинѣ бесѣдовать со мною?...
И мнилось мнѣ: на ложѣ, близъ меня,
Въ сіяньѣ трепетномъ лампаднаго огня,
Въ блѣдно-серебряномъ сидѣлъ онъ одѣяньѣ...
И тихо, шопотомъ я повѣрялъ ему
И мысли, дѣтскому доступныя уму,
И сердцу дѣтскому доступныя желанья.
Мнѣ сладокъ былъ покой въ его лучахъ;
Я весь проникнутъ былъ божественною силой.
Съ улыбкою на пламенныхъ устахъ,
Задумчиво внималъ мнѣ свѣтлокрылый;
Но очи кроткія его глядѣли вдаль —
Они грядущее въ душѣ моей читали,
И отражалась въ нихъ какая-то печаль...
И ангелъ говорилъ: «Дитя, тебя мнѣ жаль!
«Дитя, поймешь ли ты слова моей печали?»
Душой младенческой я ихъ не понималъ,
Края одеждъ его ловилъ и цѣловалъ,
И слезы радости въ очахъ моихъ сверкали.

Полонскій.

Великая Тайна.

Тучи носятъ воду,
Вода поитъ землю,
Земля плодъ приноситъ;
Бездна звѣздъ на небѣ,
Бездна жизни въ мірѣ;
То мрачна, то свѣтла
Чудная природа...

Старѣясь въ сомнѣньяхъ
О великихъ тайнахъ,
Идутъ невозвратно
Вѣки за вѣками;
У каждаго вѣка
Вѣчность вопрошаетъ:
«Чѣмъ кончилось дѣло?»
— Вопроси другова, —
Каждый отвѣчаетъ.

Смѣлый умъ, съ мольбою,
Мчится къ Провидѣнью.
Ты повѣдай мыслямъ
Тайну сихъ созданій!
Шлютъ отвѣтъ, вновь тайный,
Чудеса природы,
Тишиной и бурей
Мысли изумляя...

Что же совершится
Въ будущемъ съ природой?...
О гори, лампада,
Ярче предъ Распятьемъ!
Тяжелы мнѣ думы,
Сладостна молитва!

Кольцовъ.

Передъ образомъ Спасителя.

Предъ Тобою, мой Богъ!
Я свѣчу погасилъ,
Премудрую книгу —
Предъ Тобою закрылъ.

Твой небесный огонь
Негасимо горитъ;
Безконечный Твой міръ
Предъ очами раскрытъ;

Я съ любовью къ Тебѣ
Погружаюся въ немъ;
Со слезами стою
Передъ свѣтлымъ лицомъ!

И напрасно весь міръ
На Тебя возставалъ,
И напрасно на смерть
Онъ Тебя осуждалъ:

На крестѣ, подъ вѣнцомъ,
И спокоенъ, и тихъ,
До конца Ты молилъ
За злодѣевъ своихъ!

Кольцовъ.

Ночлегъ Чумаковъ.

Вблизи дороги столбовой
Ночуетъ таборъ кочевой
Сыновъ Украины привольной.
Въ степи и пасмурно и темно:

Ни звѣздъ блестящихъ, ни луны
На небѣ нѣтъ, и тишины
Ночной ничто не нарушаетъ;
Порой проѣзжій лишь играетъ,
И колокольчикъ почтовой,
Звеня надъ тройкой удалой,
На мигъ молчанье прерываетъ.
Между возовъ огонь горитъ;
На таганѣ котелъ виситъ;
Чумакъ раздѣтый, бородатый,
Поджавшись на ногахъ, сидитъ
И кашу съ саломъ кипятитъ.
За таборомъ невдалекѣ
Волы усталые пасутся:
Они никѣмъ не стерегутся.
Безпечно предъ огнемъ въ кружкѣ
Хохлы чумазые, сѣдые,
Съ усами хлопцы молодые,
Простершись на травѣ, лежатъ
И вдаль невесело глядятъ.
Чѣмъ чумаковъ прогнать дремоту?
Давно ль утратили охоту
Они пѣть пѣсни старины?
Чѣмъ нынѣ такъ развлечены?
Бывало, часто, ночью темной
Я съ ними время раздѣлялъ
И, помню, пѣснямъ ихъ внималъ
Съ какой-то радостью невольной...
Но вотъ во тьмѣ игра свирѣли,
Вотъ тихо подъ свирѣль запѣли
Они про жизнь своихъ дѣдовъ,
Украйны вольныя сыновъ...
И какъ тѣ пѣсни сердцу милы,
Какъ выразительны, унылы,
Протяжны, звучны и полны
Преданьями родной страны!...

Кольцовъ.

И гробъ опущенъ въ могилу,
И все столпилося вокругъ.
Толкутся, дышатъ черезъ силу....
Спираетъ грудь тлетворный духъ.

И надъ могилою раскрытой,
Въ возглавіи, гдѣ гробъ стоитъ,
Ученый пастырь сановитый
Рѣчь погребальную гласитъ:
Вѣщаетъ бренность человѣчью,
Грѣхопаденье, кровь Христа, —
И умною, пристойной рѣчью
Толпа различно занята.

А небо такъ нетлѣнно чисто,
Такъ безпредѣльно надъ землей,
И птицы рѣютъ голосисто
Въ воздушной безднѣ голубой.

Ѳ. Тютчевъ.

Не то, что мните вы, природа —
Не слѣпокъ, не бездушный ликъ:
Въ ней есть душа, въ ней есть свобода,
Въ ней есть любовь, въ ней есть языкъ.

Вы зрите листъ и цвѣтъ на древѣ:
Иль ихъ садовникъ приклеилъ?
Иль зрѣетъ плодъ въ родимомъ чревѣ
Игрою внѣшнихъ, чуждыхъ силъ?

Они не видятъ и не слышатъ,
Живутъ въ семъ мірѣ какъ въ потьмахъ,
Для нихъ и солнца знать не дышатъ
И жизни нѣтъ въ морскихъ волнахъ.

Лучи къ нимъ въ душу не сходили,
Весна въ груди ихъ не цвѣла,
При нихъ лѣса не говорили
И ночь въ звѣздахъ нѣма была.

И, языками неземными,
Волнуя рѣки и лѣса,
Въ ночи не совѣщалась съ ними,
Въ бесѣдѣ дружеской, гроза.

Не ихъ вина: пойми, коль можетъ,
Органа жизнь глухо-нѣмой!
Увы! души въ немъ не встревожитъ
И голосъ матери самой!

Тютчевъ.

Дума за думой, волна за волной, —
Два проявленья стихіи одной!
Въ сердцѣ ли тѣсномъ, въ безбрежномъ ли морѣ,
Здѣсь — въ заключеніи, тамъ — на просторѣ:
Тотъ же все вѣчный прибой и отбой!
Тотъ же все призракъ, тревожно пустой.

Тютчевъ.

Не даромъ милосердымъ Богомъ
Пугливой птичка создана:
Спасенья вѣрнаго залогомъ
Ей робость чуткая дана.

И нѣтъ для бѣдной птички проку
Въ свойствѣ съ людьми, съ семьей людской:
Чѣмъ ближе къ нимъ, тѣмъ ближе къ року —
Не сдобровать подъ ихъ рукой....

Вотъ птичку дѣвушка вскормила
Отъ первыхъ перушекъ съ гнѣзда,
Взлелѣяла и возростила

И не жалѣла, не щадила
Для ней ни ласки, ни труда.

Но какъ съ любовію тревожной
Ты, дѣва, ни пеклась о ней,
Настанетъ день, — день непреложный:
Питомецъ твой неосторожный
Погибнетъ подъ ногой твоей....

Тютчевъ.

Изъ Шиллера.

Съ озера вѣетъ прохлада и нѣга —
Отрокъ заснулъ, убаюканъ у брега.
Блаженные звуки
Онъ слышитъ во снѣ:
То ангеловъ лики
Поютъ въ вышинѣ.
И весь онъ очнулся отъ райскаго сна.
Его обнимая, ласкаетъ волна, —
И слышитъ онъ голосъ,
Какъ ропотъ струи:
«Приди, мой красавецъ,
Въ объятья мои!»

Тютчевъ.

---

14 Іюля, въ ночь.

Не остывшая отъ зною,
Ночь іюльская блистала,
И надъ тусклою землею
Небо, полное грозою,
Отъ зарницъ все трепетало....

Словно тяжкія рѣсницы
Разверзалися порою,
И сквозь бѣглыя зарницы
Чьи-то грозныя зѣницы
Загорались надъ землею....

Тютчевъ.

Наполеонъ.

Два демона ему служили,
Двѣ силы чудно въ немъ слились:

Въ его главѣ — орлы парили,
Въ его груди — змѣи вились....
Ширококрылыхъ вдохновеній
Орлиный, дерзостный полетъ:
И въ самомъ буйствѣ дерзновеній
Змѣиной мудрости разсчетъ!
Но освящающая сила,
Непостижимая уму,
Его души не озарила
И не приблизилась къ нему....
Онъ былъ земной, не Божій пламень!
Онъ гордо плылъ, презритель волнъ!
Но о подводный вѣры камень
Въ щепы разбился утлый челнъ.

Тютчевъ.

Поэзія.

Среди громовъ, среди огней,
Среди клокочущихъ зыбей,
Въ стихійномъ, пламенномъ раздорѣ,
Она съ небесъ слетаетъ къ намъ —
Небесная, — къ земнымъ сынамъ,
Съ лазурной ясностью во взорѣ,
И на бунтующее море
Льетъ примирительный елей.

Тютчевъ.

Тихой ночью, позднимъ лѣтомъ,
Какъ на небѣ звѣзды рдѣютъ,
Какъ подъ сумрачнымъ ихъ свѣтомъ
Нивы дремлющія зрѣютъ!...
Усыпительно-безмолвны,
Какъ блестятъ въ тиши ночной
Золотистыя ихъ волны,
Убѣленныя луной!

Тютчевъ.

Августъ 1850 года.

Подъ дыханьемъ непогоды
Вздувшись, потемнѣли воды
И подернулись свинцомъ,
И сквозь глянецъ ихъ суровый
Вечеръ пасмурно-багровый
Свѣтитъ радужнымъ лучемъ.

Сыплетъ искры золотыя,
Сѣетъ розы огневыя
И уноситъ ихъ потокъ.
Надъ волной темно-лазурной
Вечеръ пламенный и бурный
Обрываетъ свой вѣнокъ....

Тютчевъ.

Слезы.

Слезы людскія, о слезы людскія,
Льетесь вы ранней и поздней порой,—
Льетесь безвѣстныя, льетесь незримыя,
Неистощимыя, неисчислимыя,—
Льетесь, какъ льются струи дождевыя
Въ осень глухую, порою ночной.

Тютчевъ.

Лебедь.

Пускай орелъ за облаками
Встрѣчаетъ молніи полетъ
И неподвижными очами
Въ себя впиваетъ солнца свѣтъ.

Но нѣтъ завѣтнѣе удѣла,
О, лебедь чистый, твоего!
И чистой, какъ ты самъ, одѣло
Тебя стихіей Божество.

Оно между двойною бездной
Лелѣетъ твой всезрящій сонъ,
И полной славой тверди звѣздной
Ты отовсюду окруженъ.

Тютчевъ.

Востокъ бѣлѣлъ... ладья катилась,
Вѣтрило весело звучало!
Какъ опрокинутое небо
Подъ нами море трепетало.

Востокъ алѣлъ... она молилась,
Съ кудрей откинувъ покрывало;

Дышала на устахъ молитва,
Во взорахъ небо ликовало....

Востокъ вспылалъ... она склонилась,
Блестящая поникла выя,
И по младенческимъ ланитамъ
Струились капли огневыя....

Тютчевъ.

Что ты клонишь надъ водами,
Ива, макушку свою
И дрожащими листами,
Словно жадными устами,
Ловишь бѣглую струю?

Хоть томится, хоть трепещетъ
Каждый листъ твой надъ струей,
Но струя бѣжитъ и плещетъ,
И, на солнцѣ нѣжась, блещетъ,
И смѣется надъ тобой.

Тютчевъ.

На озерѣ.

(Гете).

Какъ освѣжается душа
И кровь течетъ быстрѣй!
О, какъ природа хороша!
Я на груди у ней!
Качаетъ нашъ челнокъ волна,
Въ ладъ съ нею весла бьютъ,
И горы въ мшистыхъ пеленахъ
На встрѣчу намъ встаютъ.
Что же, мой взоръ, опускаешься ты?
Вы ли опять, золотыя мечты?
О, прочь, мечтанье, хоть сладко оно!
Здѣсь все такъ любовью и жизнью полно!
Свѣтлою толпою
Звѣзды въ волнахъ глядятся,
Туманы грядою
На дальнихъ высяхъ ложатся;
Вѣтеръ утра качаетъ
Деревья надъ зеркаломъ водъ;
Тихо отражаетъ
Озеро спѣющій плодъ.

К. Аксаковъ [1]).

---

[1]) Сынъ Сергѣя Тимоѳеевича Аксакова, филологъ, историкъ и поэтъ. Принадлежалъ къ школѣ Славянофиловъ. Умеръ 1861.

Всенощная въ Деревнѣ.

Приди ты, немощный,
Приди ты, радостный!
Звонятъ ко всенощной,
Къ молитвѣ благостной,
И звонъ смиряющій
Всѣмъ въ душу просится,
Окрестъ сзывающій,
Въ поляхъ разносится!...
Въ Холмахъ, селѣ большомъ,
Есть церковь новая,
Воздвигла Божій домъ
Сума торговая;
И службы Божія
Богато справлены,
Иконъ подножія
Свѣчьми уставлены.
И старъ и младъ войдетъ:
Сперва помолится,
Поклонъ земной кладетъ,
Кругомъ поклонится...
И стройно клирное
Несется пѣніе,
И дьяконъ мирное
Твердитъ глашеніе:
О благодарственномъ
Трудѣ молящихся,
О градѣ царственномъ,
О всѣхъ трудящихся,
О тѣхъ, кому въ удѣлъ
Страданье задано...
А въ церкви дымъ висѣлъ
Густой отъ ладона.
И заходящими
Лучами сильными
И вкось блестящими
Столбами пыльными —
Отъ солнца — Божій храмъ
Горитъ и свѣтится.

К. Аксаковъ.

Школьникъ.

— Ну, пошелъ же, ради Бога!
Небо, ельникъ и песокъ —
Не веселая дорога....
Эй! садись ко мнѣ, дружокъ! —

Ноги босы, грязно тѣло
И едва прикрыта грудь....
Не стыдися! что за дѣло?
Это многихъ славныхъ путь.

Вижу я въ котомкѣ книжку.
Такъ, учиться ты идешь....
Знаю: батька на сынишку
Издержалъ послѣдній грошъ.

Знаю, старая дьячиха
Отдала четвертачокъ,
Что проѣзжая купчиха
Подарила на чаекъ.

Или, можетъ, ты дворовый
Изъ отпущенныхъ?... Ну, что жъ!
Случай тоже ужъ не новый —
Не робей, не пропадешь!...

Скоро ты узнаешь въ школѣ,
Какъ Архангельскій мужикъ
По своей и Божьей волѣ
Сталъ разуменъ и великъ.

Не безъ добрыхъ душъ на свѣтѣ —
Кто-нибудь свезетъ въ Москву,
Будешь въ университетѣ —
Сонъ свершится на яву!

Тутъ ужъ поприще широко:
Знай работай да не трусь....
Вотъ за что тебя глубоко
Я люблю, родная Русь!

Не бездарна та природа,
Не погибъ еще тотъ край,
Что выводитъ изъ народа
Столько славныхъ то—и—знай,—

Столько добрыхъ, благородныхъ,
Сильныхъ любящей душой,
Посреди пустыхъ, холодныхъ
И напыщенныхъ собой!....

Некрасовъ.

— *Такъ, служба! самъ ты въ той войнѣ*
Дрался — тебѣ и книги въ руки,
Да дай сказать словцо и мнѣ:
Мы сами дѣлывали штуки.

— Какъ затесался къ намъ Французъ,
Да увидалъ, что проку мало,
Пришелъ онъ, помнишь ты, въ конфузъ
И на попятный тотчасъ драло:
Поймали мы одну семью,
Отца да мать съ тремя щенками,
Тотчасъ ухлопали мусью,
Не изъ фузеи — кулаками!
Жена давай вопить, стонать;
Рветъ волоса, — глядимъ да тужимъ!
Жаль стало: топорищемъ хвать —
И протянулась рядомъ съ мужемъ!
Глядь: дѣти! Нѣтъ на нихъ лица:
Ломаютъ руки, воютъ, скачутъ,
Лепечутъ — не поймешь словца —
И въ голосъ, бѣдненькія, плачутъ.
Слеза прошибла насъ, ей-ей!
Какъ быть? Мы долго толковали,
Пришибли бѣдныхъ поскорѣй,
Да вмѣстѣ всѣхъ и закопали....
— Такъ вотъ что, служба! вѣрь же мнѣ:
Мы не сидѣли сложа руки,
И хоть не бились на войнѣ,
А сами дѣлывали штуки!

Некрасовъ.

Рыбка.

Тепло на солнышкѣ. Весна
Беретъ свои права.
Въ рѣкѣ мѣстами глубь ясна,
На днѣ видна трава.

Чиста холодная струя,
Слѣжу за поплавкомъ: —
Шалунья рыбка, вижу я,
Играетъ съ червякомъ.

Голубоватая спина,
Сама какъ серебро,
Глаза — бурмитскихъ два зерна,
Багряное перо.

Идетъ — не дрогнетъ подъ водой...
Пора! червякъ во рту.
Увы! блестящей полосой
Юркнула въ темноту.

Но вотъ опять лукавый глазъ
Сверкнулъ не вдалекѣ.
Постой! авось на этотъ разъ
Повиснешь на крючкѣ.

Фетъ.

Береза.

Печальная береза
У моего окна,
И прихотью мороза
Разубрана она;

Какъ гроздья винограда
Вѣтвей концы висятъ,
И радостенъ для взгляда
Весь траурный нарядъ.

Люблю игру денницы
Я замѣчать на ней,
И жаль мнѣ, если птицы
Стряхнутъ красу ея вѣтвей.

Фетъ.

Облакомъ волнистымъ
Пыль встаетъ вдали;
Конный или пѣшій —
Не видать въ пыли!

Вижу: кто-то скачетъ
На лихомъ конѣ....
Другъ мой, другъ далекій,
Вспомни обо мнѣ!

Фетъ.

Полуночные образы роютъ,
Блещутъ искрами ярко въ потьмахъ;
Но глаза различить не умѣютъ,
Много ль ихъ на тревожныхъ крылахъ.
Полуночные образы стонутъ,
Какъ больной въ утомительномъ снѣ,
И всплываютъ, и стонутъ, и тонутъ;
Но о чемъ это стонутъ онѣ?
Полуночные образы воютъ,
Какъ духовъ испугавшійся песъ?
То́ нахлынутъ, то́ бездну откроютъ,
Какъ волна обнажаетъ утесъ.

Фетъ.

Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ
Разсказать, что солнце встало,
Что оно горячимъ свѣтомъ
По листамъ затрепетало;
Разсказать, что лѣсъ проснулся,
Весь проснулся вѣткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полонъ жаждой.

Фетъ.

Узникъ.

Густая крапива
Шумитъ подъ окномъ,
Зеленая ива
Повисла шатромъ;
Веселыя лодки
Въ дали голубой;
Желѣзо рѣшетки
Визжитъ подъ пилой.
Бывалое горе
Уснуло въ груди,
Свобода и море
Горятъ впереди....
Прибавилось духа,
Затихла тоска,
И слушаетъ ухо,
И пилитъ рука.

Фетъ.

Узникъ.

Сижу за рѣшеткой въ темницѣ сырой.
Вскормленный въ неволѣ орелъ молодой,
Мой грустный товарищъ, махая крыломъ,
Кровавую пищу клюетъ подъ окномъ.
Клюетъ и бросаетъ, и смотритъ въ окно,
Какъ будто со мною задумалъ одно;

Зоветъ меня взглядомъ и крикомъ своимъ,
И вымолвить хочетъ: «давай улетимъ!
«Мы вольныя птицы; пора, братъ, пора!
Туда, гдѣ за тучей бѣлѣетъ гора,
Туда, гдѣ синѣютъ морскіе края,
Туда, гдѣ гуляемъ..., лишь вѣтеръ да я!»

Пушкинъ.

Муза.

Не въ сумрачный чертогъ Наяды говорливой
Пришла она плѣнять мой слухъ самолюбивой
Разсказомъ о щитахъ, герояхъ и коняхъ,
О шлемахъ кованыхъ и сломанныхъ мечахъ.
Скрывая низкій лобъ подъ вѣтвію лавровой,
Съ цитарой золотой, иль изъ кости слоновой,
Ни разу на моемъ не прилегла плечѣ
Богиня гордая въ расшитой епанчѣ.
Мнѣ слуха не ласкалъ языкъ ея могучій
И гибкій, и простой, и звучный безъ созвучій.
По волѣ Піеридъ съ достоинствомъ пѣвца
Я не мечталъ стяжать широкаго вѣнца.
О, нѣтъ! подъ дымкою ревнивой покрывала
Мнѣ Музу молодость иную указала:
Отягощала прядь душистая волосъ
Головку дивную узломъ тяжелыхъ косъ;
Цвѣты послѣдніе въ рукѣ ея дрожали;
Отрывистая рѣчь была полна печали
И женской прихоти и серебристыхъ грезъ,
Невысказанныхъ мукъ и непонятныхъ слезъ.
Какой-то нѣгою томительной волнуемъ,
Я слушалъ, какъ слова встрѣчались съ поцѣлуемъ;
И долго безъ нея душа была больна
И несказаннаго стремленія полна.

Фетъ.

Ивы и Березы.

Березы Сѣвера мнѣ милы;
Ихъ грустный, опущенный видъ,

Какъ рѣчь безмолвная могилы,
Горячку сердца холодитъ.

За то подъ оскудѣвшемъ солнцемъ,
Осенней, позднею порой,
Ихъ каждый листъ блеститъ червонцемъ
Надъ серебристою корой.

Но ива, длинными листами,
Упавъ на лоно ясныхъ водъ,
Дружнѣй съ мучительными снами
И дольше въ памяти живетъ.

. . . . . .

Лія таинственныя слезы
По рощамъ и лугамъ роднымъ,
Про горе шепчутся березы
Лишь съ вѣтромъ сѣвера однимъ.

Всю землю, грустно — сиротлива,
Считая родиной скорбей,
Плакучая склоняетъ ива
Вездѣ концы своихъ вѣтвей.

Фетъ.

Полдень.

Полуднемъ жаркимъ ухожу я
На отдыхъ праздный въ темный лѣсъ,
И тамъ ложусь и все гляжу я
Между вершинъ на даль небесъ.
И безконечно тонутъ взоры
Въ ихъ отдаленьи голубомъ;
А лѣсъ шумитъ себѣ кругомъ,
И въ немъ ведутся разговоры:
Щебечетъ птица, жукъ жужжитъ,
И листъ засохшій шелеститъ,

На хворостъ падая случайно —
И звуки всѣ такъ по́лны тайной...
Въ то время страннымъ чувствомъ мнѣ
Всю душу сладостно объемлетъ;
Теряясь въ синей вышинѣ,
Она лѣсному гулу внемлетъ
И въ забытьи какомъ-то дремлетъ.

Огаревъ.

Весна.

Еще лежитъ, бѣлѣясь средь полей,
Послѣдній снѣгъ и постепенно таетъ,
И въ полдень яркій солнце вызываетъ
Понѣжиться въ теплѣ своихъ лучей.
Весною пахнетъ. Тѣло лѣнь объемлетъ,
И голова и кружится и дремлетъ.
Люблю я этотъ переходъ: живешь
Какъ наканунѣ праздника, и ждешь
Какъ колоколъ пробудитъ гулъ далекой,
Народъ пойдетъ по улицѣ широкой,
И будетъ радость общая и крикъ,
И пѣсни не умолкнутъ ни на мигъ.

И жду я праздника: вотъ снѣгъ сольется,
Проглянетъ травка нѣжнымъ стебелькомъ,
И ласточка, щебеча, принесется
Въ гнѣздо, свитое надъ моимъ окномъ
Давнымъ давно.... я птичку каждый годъ
Встрѣчаю; спрашиваю: гдѣ летала?
Кто любовался ей? какой народъ?
Не въ сторонѣ ль прекрасной побывала,
Гдѣ небо ясно, вѣчная весна,
Гдѣ море плещетъ, искрясь и синѣя,
И лавровъ гордыхъ тянется аллея?
Далекая, волшебная страна!...

И жду я праздника. На вѣткѣ гибкой
Листъ задрожитъ, и будетъ шуменъ лѣсъ,
Запахнетъ ландышъ у корней древесъ;
И будетъ утро съ свѣтлою улыбкой

Вставать прохладно, будетъ жарокъ день
И ясенъ вечеръ; и ночная тѣнь
Когда наляжетъ, будетъ мѣсяцъ томный
Гулять спокойно по лазури темной;
Надъ озеромъ прозрачный паръ взойдетъ
И соловей до утра пропоетъ.

И я пойду на берегъ одиноко,
Сквозь говора кочующей волны
Рыбачью пѣснь услышу издалёка,
И время вспомню я другой весны....
Наполнитъ душу смутное томленье
И встанутъ вновь забытыя видѣнья.

Огаревъ.

Дѣвушка у Харона.

— «Хорошо вамъ, горы, счастье вамъ долины:
Вы себѣ живете безъ тоски — кручины!
Вѣчно вы цвѣтете, нѣтъ для васъ Харона!
Какъ и вы, цвѣла я, роза Кпеерона,
Любовалась также утренней зарёю,
А меня скосила смерть своей косою....
Безъ меня на свѣтѣ все живетъ и дышетъ,
И меня не знаетъ, и меня не слышетъ!
Тамъ зазеленѣло Божіей весною,
И луга запахли молодой травою;
Ярко запестрѣли всѣ поля цвѣтами,
И холмы покрылись бѣлыми стадами.
Мать красивой дочкѣ расточаетъ ласки,
Бабушка — старушка сказываетъ сказки....
О, когда бы можно, вѣчно бы жила я,
Какъ ребенокъ съ куклой съ жизнію играя....
Еслибъ наши клефты въ адъ сюда попали, —
Вѣрно бъ и съ Харономъ въ битвѣ совладали;
Жалобною рѣчью я-бъ ихъ ублажила,
И, ласкаясь къ храбрымъ, такъ бы говорила:

«Я въ жилищѣ смерти выплакала очи,
Въ холодѣ могильномъ, средь подземной ночи.
Здѣсь темно и тѣсно.... Зрѣнье проситъ свѣта,
Сердце проситъ ласки, а душа — привѣта....

Клефты — паликары! убѣгу я съ вами
Въ край, гдѣ льется воздухъ свѣтлыми струями,
Гдѣ раздолье жизни, гдѣ толпятся люди;
Я хочу утѣшить мать мою въ печали,
Я хочу, чтобъ сестры слезъ не проливали,
Чтобъ не горевали неутѣшно братья,
И свою Зоицу приняли-бъ въ объятья....»
— Не крушись, Зоица, по роднымъ напрасно:
Имъ живется сладко, весело и ясно!...
На землѣ, подруга, все тебя забыло!
(Такъ, вошедши, Деспа къ ней заговорила).
Отъ людей къ Харону нынѣче отошла я,
И тебя лишь годомъ дольше прожила я....
Видѣлась недавно я съ твоей роднею:
Всѣ они довольны, счастливы судьбою....
Братья.... да и сестры, позабывъ печали,
У сосѣда Ламбро на пиру плясали,
Бабушка болтала подъ окномъ съ кумою,
И своей хвалилась давней стариною,
Мать все хлопотала о невѣстѣ сыну:
О тебѣ жъ, бѣдняжка, не было помину!

Щербина.

Весенній гимнъ.

Сладко на солнцѣ дремлю я,
Слышу паденіе водъ,
И надо мною, ликуя,
Пташекъ поетъ хороводъ.
Легкое вѣтра дыханье
Всюду несетъ ароматъ,
Воздухъ исполненъ сіянья,
Пестрыя мушки жужжатъ,
Кудри деревъ разцвѣтаютъ
Роскошью бѣлыхъ цвѣтковъ,
Пчелы надъ ними летаютъ
Въ желтой пыли лепестковъ.
Чашей сребристой — лилѣя,
Жукъ — изумрудомъ блеститъ;
Сѣть паутины, бѣлѣя
Въ зелени темной виситъ.
Быстро по сучьямъ взбѣгаютъ
Ящерицъ рѣзвыхъ семьи,
И, шелестя, пропадаютъ, —
Будятъ меня въ забытьи....

Я подъ крыломъ у природы
Чистъ и безскорбенъ живу,
Полнъ первобытной свободы;
Все мнѣ, какъ сонъ на яву.

О, Міродержецъ! Отрадно
Стройность въ душѣ ощутить...
Дай же мнѣ долго и жадно
Жизни до дна не допить!...

Щербина.

Весна.

Весна! выставляется первая рама!
И въ комнату шумъ ворвался,
И благовѣстъ ближняго храма,
И говоръ народа, и стукъ колеса.

Мнѣ въ душу повѣяло жизнью и волей:
Вонъ — даль голубая видна....
И хочется въ поле, въ широкое поле,
Гдѣ, шествуя, сыплетъ цвѣтами весна!

Майковъ.

Голубенькій, чистый,
Подснѣжникъ — цвѣтокъ!
А подлѣ сквозистый
Послѣдній снѣжокъ.

Послѣднія слезы
О горѣ быломъ,
И первыя грезы
О счастьи иномъ...

Майковъ.

Поле зыблется цвѣтами....
Въ небѣ льются свѣта волны....
Вешнихъ жаворонковъ пѣнья
Голубыя бездны полны.

Взоръ мой тонетъ въ блескѣ полдня....
Не видать пѣвцовъ за свѣтомъ,
Такъ надежды молодыя
Тѣшатъ сердце мнѣ привѣтомъ....

И откуда раздаются
Голоса ихъ, я не знаю....
Но, имъ внемля, взоры къ небу,
Улыбаясь, обращаю.

Майковъ.

Лѣтній Дождь.

«Золото, золото падаетъ съ неба!»
Дѣти кричатъ и бѣгутъ за дождемъ....
— Полноте, дѣти, его мы сберемъ,
Только сберемъ золотистымъ зерномъ
Въ полныхъ амбарахъ душистаго хлѣба!

Майковъ.

Ласточки.

Мой садъ съ каждымъ днемъ увядаетъ;
Помятъ онъ, поломанъ и пустъ,
Хоть пышно еще доцвѣтаетъ
Настурцій въ немъ огненный кустъ....

Мнѣ грустно! меня раздражаетъ
И солнца осенняго блескъ,
И листъ, что съ березы спадаетъ,
И позднихъ кузнечиковъ трескъ.

Взгляну-ль по привычкѣ подъ крышу —
Пустое гнѣздо надъ окномъ;
Въ немъ ласточекъ рѣчи не слышу;
Солома обвѣтрилась въ немъ....

А помню я, какъ хлопотали
Двѣ ласточки, строя его!
Какъ прутики глиной скрѣпляли,
И пуху таскали въ него!

Какъ веселъ былъ трудъ ихъ, какъ ловокъ!
Какъ любо имъ было, когда
Пять маленькихъ, быстрыхъ головокъ
Выглядывать стали съ гнѣзда!

И цѣлый-то день говоруньи,
Какъ дѣти вели разговоръ....
Потомъ полетѣли, летуньи!
Я мало ихъ видѣлъ съ тѣхъ поръ!

И вотъ ихъ гнѣздо одиноко!
Онѣ ужъ въ иной сторонѣ —
Далеко, далеко, далеко....
О, если бы крылья и мнѣ!...

Майковъ.

Павлинъ [1]).

Какое гордое творенье,
Хвостъ пышно расширяя свой,
Чернозелены въ искрахъ перья
Со разсыпною бахрамой
Позать чешуйной груди кажетъ,
Какъ нѣкій круглый, дивный щитъ?
Лазурно-сизо-бирюзовы
На каждаго концѣ пера
Тѣнисты круги, волны новы
Струиста злата и сребра:
Наклонитъ — изумруды блещутъ!
Повернетъ — яхонты горятъ!
Не то ли славный царь пернатый [2])?
Не то ли райска птица Жаръ,
Которой столь уборъ богатый
Приводитъ въ удивленье тварь?
Гдѣ ступитъ — радуги играютъ!
Гдѣ станетъ — тамъ лучи вокругъ!
Конечно, сила и паренье
Орлиныя въ ея крылахъ;
Гласъ трубный, лебедино пѣнье
Въ ея пресладостныхъ устахъ;
А пеликана добродѣтель
Въ ея и сердцѣ, и душѣ!
Но что за чудное явленье?
Я слышу нѣкій странный визгъ!
Сей Фениксъ опустилъ вдругъ перья,
Увидя гнусность ногъ своихъ.
О, пышность! какъ ты ослѣпляешь!
И баринъ безъ ума — павлинъ.

Державинъ.

---

[1]) Сочинено въ С.-Петербургѣ въ 1795 году.

[2]) Царь пернатый — орелъ. Жаръ-птица по Русскому баснословію сіяетъ перьями.

Человѣкъ.

Много жизненныхъ вопросовъ
Тѣмъ рѣшивъ, что все пустякъ,
Жилъ когда-то Грекъ философъ—
Удивительный чудакъ.
Онъ ходилъ, какъ жалкій нищій,
Полу-нагъ и босикомъ,
И питался грубой пищей,
Сытъ былъ брошеннымъ кускомъ;
Въ бочкѣ жилъ; лучами солнца
Освѣщаемъ и согрѣтъ,
Онъ героя — Македонца,
Покорившаго весь свѣтъ,
И царя и полу-бога,
Гордой просьбой изумилъ:
«Отодвинься, братъ, немного!
Ты мнѣ солнце заградилъ».
О! давно — минувши лѣта!
Незапамятная старь!
Днемъ, при полной силѣ свѣта,
Діогенъ зажегъ фонарь,
И въ толпѣ народа шумной
Онъ ходилъ, кругомъ глядитъ....
— Ищешь ты кого, безумный?—
«Человѣка», говоритъ.
Старый циникъ видѣлъ Грека
И въ хитонѣ, и въ плащѣ,
Но не видѣлъ человѣка,
И искалъ его вотще!
Еслибъ шелъ онъ вѣкъ изъ вѣка
Вплоть до нынѣшнихъ временъ—
И донынѣ человѣка
Все искалъ бы Діогенъ.
Съ вѣковыми письменами,
Вотъ исторіи скрижаль
Раскрываетъ передъ нами
Дней давно протекшихъ даль.
Видимъ нѣсколько сокровищъ,
Много хламу жизни сей,
Много зримъ людей—чудовищъ,
Много смертныхъ—лжелюдей;
Всюду брани, да оковы;
Видны: Римлянинъ суровый,
Грубый Скиѳъ и хитрый Грекъ;
Много смертныхъ полудикихъ,
Много малыхъ, горсть великихъ.
Гдѣ же просто — человѣкъ?
Былъ одинъ. Онъ шелъ безъ грома,
Полонъ истины огнемъ.
Можно было — «ecce homo»—
Смѣло вымолвить о Немъ.
Онъ на всѣхъ смотрѣлъ съ любовью,
Всѣхъ къ безсмертью, какъ на пиръ,
Приглашалъ, и чистой кровью
Оросилъ Онъ грѣшный міръ.
Что жъ? Не узнанъ, не извѣданъ,
Онъ былъ схваченъ, Онъ былъ преданъ,
Былъ оплеванъ, былъ казненъ
Отъ ватаги фарисейской
Казнью крестною, злодѣйской,—
И въ вѣнкѣ терновомъ Онъ
Опетъ пилъ средь смертной жажды.....
«Человѣкъ, однако, могъ
Появиться хоть однажды?....»
«Нѣтъ, о люди, то былъ — Богъ!....»

В. Бенедиктовъ.

Пораженіе Сеннахерима.

(Байрона.)

Какъ волки на стадо, враги набѣжали....
Ихъ орды багрянцемъ и златомъ сіяли;
Какъ на морѣ звѣзды, горѣли мечи,
Когда ихъ волна отражаетъ въ ночи.

Какъ листья дубравы весной, на закатѣ
Виднѣлись знамена безчисленной рати;
Какъ листья дубравы осенней порой,
Валялись ихъ трупы съ наставшей зарей.

Зане восшумѣло крыло Азраила:
Въ лицо нечестивымъ онъ смертью дохнулъ —
И сонъ непробудный ихъ очи сомкнулъ,
И, дрогнувъ, въ нихъ сердце навѣки застыло.

Здѣсь конь безобразною грудой лежитъ:
Дыханье раздутыхъ ноздрей не живитъ,
И пѣна, застывши съ послѣднимъ храпѣньемъ,
Бѣлѣетъ, какъ брызги прибоя къ каменьямъ.

Здѣсь всадникъ безгласный лежитъ въ сторонѣ:
Роса на челѣ его, ржа на бронѣ;
И въ ставкахъ не слышно ни шума, ни звона;
Труба безглагольна; недвижны знамена.

И вдовы Ассура взываютъ въ слезахъ;
Кумиры Ваала повержены въ прахъ;
И рать ихъ безъ битвы, неся намъ оковы,
Растаяла снѣгомъ отъ взора Еговы.

Гербель.

Для не многихъ.

Мнѣ не далъ Богъ бича сатиры,
Моя душевная гроза
Едва слышна въ аккордахъ лиры;
Едва видна моя слеза,

Ко мнѣ видѣнья прилетаютъ,
Мнѣ звѣзды шлютъ нѣмой привѣтъ,—
И мнѣ не многіе внимаютъ,
И для не многихъ я поэтъ.
Я не взываю къ дальнимъ братьямъ:
Стихи мои — для ихъ оковъ,
Подобны трепетнымъ объятьямъ,
Простертымъ въ воздухъ. — Вѣщихъ словъ
Моихъ не слушаютъ народы;
Въ моей душѣ проклятій нѣтъ,—
Но въ ней журчитъ родникъ свободы,
И для не многихъ я поэтъ.
Подслушавъ ропотъ Немезиды,
Какъ божеству я вѣрю ей,
Не мнѣ, а ей карать обиды,
Грѣхи народовъ и судей.
Меня глубоко возмущаетъ
Все, чѣмъ гордится грязный свѣтъ,
Но къ музамъ грязь не прилипаетъ —
И для не многихъ я поэтъ.
Когда судьба меня карала —
Увы! всѣмъ общая судьба....
Моя душа не уставала,
По силамъ ей была борьба.
Мой крикъ, мой плачъ, мои стенанья
Не проникали въ міръ суетъ;
Тая безплодныя страданья,
Я для не многихъ былъ поэтъ.
Я знаю, область есть иная,
Тамъ разумъ вѣчнаго живетъ,
О жизни тамъ, живымъ, живая
Любовь торжественно поетъ.
Я какъ поэтъ ей жадно внемлю,
Какъ гражданинъ — сердцамъ въ отвѣтъ
Слова любви свожу на землю;
Но — для не многихъ я поэтъ.

Полонскій.

Чайка.

Поднялъ корабль паруса;
Въ море спѣшитъ онъ, родной покидая заливъ,

Буря его догнала и швырнула на каменный рифъ.
Бьется онъ грудью объ грудь
Скалъ, опрокинутыхъ вѣчнымъ прибоемъ морскимъ,
А бѣлогрудая чайка летаетъ и стонетъ надъ нимъ.
Съ бурей обломки его
Въ даль унеслись; — чайка сѣла на волны — и вотъ,
Тихо волна покачавъ, ее, новой волнѣ отдаетъ.
Вонъ — отдѣлились опять
Крылья отъ скачущей пѣны — и вѣтра быстрѣй
Мчится она, упадая въ объятья вечернихъ тѣней.
Счастье мое, ты — корабль.
Море житейское бьетъ въ тебя бурной волной. —
Если погибнешь ты, буду какъ чайка стонать надъ тобой.
Буря обломки твои
Пусть унесетъ! но пока будетъ пѣна блестѣть,
Дамъ я волнамъ покачать себя, преждѣ чѣмъ въ ночь улетѣть.

Полонскій.

Поэтъ, въ минуты вдохновенья,
Будь отъ пристрастія далекъ;
Язви насмѣшкою порокъ:
Насмѣшка громче наставленья —
Когда ее, на кару зла,
Святая правда родила!
Будь выше всѣхъ предубѣжденій,
Страдай за истину, и пусть
Твои слова наводятъ грусть....
Да не забудется тотъ геній,
И не погибнетъ тотъ народъ,
Который смѣло отдаетъ,
Какъ бы въ минуты покаянья,
Свои грѣхи на посмѣянье.

Полонскій.

Утро.

Вверхъ по недоступнымъ
Крутизнамъ встающихъ
Горъ туманъ восходитъ
Изъ долинъ цвѣтущихъ;
Онъ, какъ дымъ, уходитъ
Въ небеса родныя,
Въ облака свиваясь
Ярко-золотыя, —
И разсѣваясь.
Лучь зари съ лазурью
На волнахъ трепещетъ;
На востокѣ солнце
Разгараясь блещетъ....
И сіяетъ утро,
Утро молодое....
Ты ли это, небо
Хмурое, ночное?

Ни единой тучки
На лазурномъ небѣ....
Ни единой мысли
О насущномъ хлѣбѣ....

О, въ отвѣтъ природѣ,
Улыбнись, отъ вѣка
Обреченный скорби
Геній человѣка!

Улыбнись природѣ,
Вѣрь знаменованью!
Нѣтъ конца стремленью —
Есть конецъ страданью.

Полонскій.

Дорога.

Глухая степь. Дорога далека!
Вокругъ меня волнуетъ вѣтеръ поле;
Вдали туманъ. Мнѣ грустно поневолѣ,
И тайная беретъ меня тоска.

Какъ кони ни бѣгутъ, мнѣ кажется лѣниво
Они бѣгутъ. Въ глазахъ одно и тожъ,
Все степь да степь, за нивой снова нива....
Зачѣмъ, ямщикъ, ты пѣсни не поешь?

И мнѣ въ отвѣтъ ямщикъ мой бородатый:
«Про черный день мы пѣсню бережемъ!»
— Чему жъ ты радъ? — «Недалеко до хаты —
«Знакомый шестъ мелькаетъ за бугромъ.»

Вотъ крытый дворъ. Покой, привѣтъ и ужинъ
Найдетъ ямщикъ подъ кровлею своей.
А я усталъ — покой давно мнѣ нуженъ;
Но нѣтъ его.... Мѣняютъ лошадей.

Ну, ну, живѣй! Долга моя дорога!
Сырая ночь — ни хаты, ни огня....
Ямщикъ поетъ.... Въ душѣ опять тревога....
Про черный день нѣтъ пѣсни у меня!

Полонскій.

Нищій.

Зналъ я нищаго: какъ тѣнь,
Съ утра, бывало, цѣлый день
Старикъ подъ окнами бродилъ
И подаянія просилъ;

Но все, что въ день ни собиралъ,
Бывало, къ ночи раздавалъ
Больнымъ, калѣкамъ и слѣпцамъ —
Такимъ же нищимъ, какъ и самъ.
Въ нашъ вѣкъ таковъ иной поэтъ:
Утративъ вѣру юныхъ лѣтъ,
Какъ нищій старецъ изнуренъ,
Духовной пищи проситъ онъ;
И все, что жизнь ему ни шлетъ,
Онъ съ благодарностью беретъ,
И душу дѣлитъ пополамъ
Съ такими жъ нищими, какъ самъ.

Полонскій.

Больное, тихое дитя
Сидитъ на берегѣ, слѣдя
Большими, умными глазами
За золотыми облаками.
Вкругъ берегъ пустъ — скала, песокъ....
Тростникъ, накиданный волною
Въ поморьѣ тянется каймою....
И такъ покой кругомъ глубокъ,
Такъ тихъ ребенокъ, что садится
Вблизи его на тростникѣ,
Играя, птичка; на пескѣ
По мели рыбка серебрится....
Къ нимъ взоръ порою обратя,
Такъ улыбается дитя,
Глядитъ на нихъ съ такимъ участьемъ,
И такъ сіяетъ полнымъ счастьемъ —
Что мнится: если промелькнетъ
Она на землѣ какъ гость залетный
И послѣ, въ небѣ, въ сонмъ безплотный
Господнихъ ангеловъ взойдетъ —
То тамъ, межь нихъ, воспоминая
Свой берегъ дикій и пустой,
«Прекрасна, скажетъ, жизнь земная!
«Богатъ и веселъ міръ земной!»

Майковъ.

Смерть Малютки.

Свою куклу раздѣла малютка
И покрыла ее лоскуткомъ;
А сама нарядилась, какъ кукла,
И не дѣтскимъ забылася сномъ.

И не видитъ малютка изъ гроба —
Въ этотъ солнечный день, при свѣчахъ,
Какъ хорошъ ея маленькій гробикъ,
Подъ парчей золотою, въ цвѣтахъ.

А ужъ какъ бы она любовалась,
Если-бъ только могли разбудить!
Милый другъ, будемъ плакать, какъ дѣти,
Чтобъ не дѣтское горе забыть....

Полонскій.

Птичка.

Пахнетъ полемъ воздухъ чистый...
Въ безмятежной тишинѣ,
Пѣсни птички голосистой
Раздаются въ вышинѣ.

Есть у ней своя подруга,
Есть у ней пріютъ ночной,
Средь не кошеннаго луга
Подъ росистою травой.

Въ небесахъ, но не для неба,
Вся полна живыхъ заботъ,
Для земли, не ради хлѣба,
Птичка весело поетъ.

Внемля ей, невольно стыдно
И досадно, что порой
Сердцу гордому завидна
Доля птички полевой!

Полонскій.

Выпущенная Птичка [1]).

Безлистны древесныя вѣтки,
Весны нѣтъ — а птичка летитъ.
«Откуда ты, птичка?» — Изъ клѣтки!
Порхая она говоритъ.

---

[1]) Написано по поводу зимняго выпуска дѣвицъ изъ института.

Пустили, какъ видно, на волю.
«Ты рада? съ вопросомъ я къ ней.
Чай, скучную, грустную долю
Терпѣла ты въ клѣткѣ своей?»

— Ни мало! щебечетъ мнѣ птичка:
Тамъ было пріятно, тепло;
Меня спеленала привычка,
И весело время текло.

Летучихъ подругъ было много
Въ той клѣткѣ; мы вмѣстѣ росли.
Хоть насъ и держали тамъ строго, —
Да строго за то берегли.

Учились мы пѣть тамъ согласно
И крылышкомъ ловко махать,
И можемъ теперь безопасно
По цѣлому свѣту порхать. —

«Охъ, птичка, боюсь: съ непогодой
Тебѣ не легко совладать!
Иль снова простишься съ свободой:
Ловецъ тебя можетъ поймать.»

— Отъ бурь подъ привѣтною кровлей
Спасусь я, — летунья въ отвѣтъ:
А буду застигнута ловлей —
Такъ въ этомъ бѣды еще нѣтъ.

Бенедиктовъ.

Благовѣстъ.

Среди дубравы
Блеститъ крестами
Храмъ пятиглавый
Съ колоколами.

Ихъ звонъ призывный
Черезъ могилы
Гудитъ такъ дивно
И такъ уныло!

Къ себѣ онъ тянетъ
Неодолимо,
Зоветъ и манитъ
Онъ въ край родимый, —

Въ край благодатный,
Забытый мною, —
И непонятной
Томимъ тоскою,

Молюсь — и каюсь я,
И плачу снова,
И отрекаюсь я
Отъ дѣла злого;

Далеко странствуя
Мечтой чудесною,
Черезъ пространства я
Лечу небесныя,

И сердце радостно
Дрожитъ и таетъ
Пока звонъ благостный
Не замираетъ.

Графъ Толстой.

Тѣнь высокаго, стараго дуба
Голосистая птичка любила;
На вѣтвяхъ, переломленныхъ бурей,
Она кровъ и покой находила...
И, какъ будто бы, старому дубу
Было внятно ея щебетанье:
Веселѣй его вѣтви качались
И слышнѣй было листьевъ шептанье...
Улетѣла-ль веселая птичка,
Или слабую бурей умчало?
Только въ листьяхъ высокаго дуба
Не пріютно и холодно стало!
И стоитъ онъ, склоняясь вѣтвями,
Весь наполненъ тоской и истомой,
Вспоминая любимую птичку,
Сиротѣя безъ пѣсни знакомой.

Волковъ.

За-границей.

У окна сидя
Растворенная,
Вижу ясное
Красно-солнышко.
Зелено цвѣтетъ
Даль кругомъ меня,
Все живитъ-зоритъ
Южный лучъ небесъ.
Но не грѣть ему
Сердца чуждаго,
Не пролить въ него
Любви-радости.
Сердце просится
Дальше къ сѣверу,
Къ Волгѣ-матушкѣ —
Что кормилицѣ.
Отдохнулъ бы я
Близь тебя, родной,
Какъ и ты теперь
Подо льдомъ цвѣтнымъ!

Здѣсь не вижу я
Снѣгу-бархата,
И не краситъ щекъ
Морозъ Русскій нашъ.

Не цвѣсти цвѣтку
На чужой землѣ:
Безъ росы родной
Сохнетъ, вянетъ онъ!

Платонъ Радонежскій.

Сан-Донато близъ Флоренціи.
18 Ноября 1858 г.

Край ты мой, родимый край!...
Конскій бѣгъ на волѣ,
Въ небѣ крикъ орлиныхъ стай,
Волчій голосъ въ полѣ!

Гой ты, родина моя!
Гой ты, боръ дремучій!
Свистъ полночный соловья,
Вѣтеръ, степь да тучи!...

Графъ А. Толстой.

Родина.

Люблю отчизну я, но странною любовью;
Не побѣдитъ ея разсудокъ мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордаго довѣрія покой,
Ни темной старины завѣтныя преданья
Не шевелятъ во мнѣ отраднаго мечтанья.

Но я люблю — за что, не знаю самъ —
Ея степей холодное молчанье,
Ея лѣсовъ безбрежныхъ колыханье,
Разливы рѣкъ ея, подобные морямъ;
Проселочнымъ путемъ люблю скакать въ телегѣ
И, взоромъ медленнымъ пронзая ночи тѣнь,
Встрѣчать по сторонамъ, вздыхая о ночлегѣ,
Дрожащіе огни печальныхъ деревень.
Люблю дымокъ спаленной жнивы,
Въ степи кочующій обозъ,
И на холмѣ, средь желтой нивы,
Чету бѣлѣющихъ березъ.
Съ отрадой, многимъ незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
Съ рѣзными ставнями окно;

И въ праздникъ, вечеромъ росистымъ,
Смотрѣть до полночи готовъ
На пляску съ топаньемъ и свистомъ,
Подъ говоръ пьяныхъ мужичковъ.

Лермонтовъ.

Масленица на чужой сторонѣ.

Здравствуй въ бѣломъ сарафанѣ,
Изъ серебряной парчи!
На тебѣ горятъ алмазы,
Словно яркіе лучи....
Ты живительной улыбкой,
Свѣжей прелестью лица,
Пробуждаешь къ чувствамъ новымъ
Усыпленныя сердца....
Здравствуй, Русская молодка,
Раскрасавица — душа,
Бѣлоснѣжная лебедка,
Здравствуй, матушка зима!
Изъ-за льдистаго Урала
Какъ сюда ты невзначай,
Какъ, родная, ты попала
Въ басурманскій этотъ край?
Здѣсь ты, сирая, не дома,
Здѣсь тебѣ не-понутру,
Нѣтъ приличнаго пріема,
И народъ не на-юру....
Чѣмъ твою мы милость встрѣтимъ?
Какъ задать здѣсь пиръ горой?—
Не съумѣть имъ, Нѣмцамъ этимъ,
Поздороваться съ тобой.
Не напрасно дѣдовъ слово
Затвердилъ народный умъ:
«Что для Русскаго здорово,
«То для Нѣмца карачунъ!»
Намъ не страшенъ снѣгъ суровый,
Съ снѣгомъ — батюшка — морозъ,
Нашъ природный, нашъ дешевый
Пароходъ и паровозъ....
Ты у насъ краса и слава,
Наша сила и казна,
Наша бодрая забава,
Молодецкая зима!
Скоро масленицы бойкой
Закипитъ широкій пиръ,
И блинами и настойкой
Закутитъ крещеный міръ....
Въ честь тебѣ и ей Россія,
Православныхъ предковъ дочь,
Строитъ горы ледяныя,
И гуляетъ день и ночь.
Игры, братскія попойки,
Настежъ двери и сердца;
Пляшутъ бѣшеныя тройки,
Снѣгъ топоча у крыльца.
Вотъ взвились и полетѣли,
Что твой соколъ въ небесахъ!
Красота ямской артели
Возжи ловко сжалъ въ рукахъ;
Въ шапкѣ, въ синемъ полушубкѣ
Такъ и смотритъ молодцомъ;
Погоняетъ закадычныхъ
Свистомъ, ласковымъ словцомъ.
Мать дородная въ шубейкѣ,
Важно въ розвальняхъ сидитъ,
Дочка рядомъ въ душегрѣйкѣ,
Словно маковъ цвѣтъ горитъ.
Яркой пылью иней сыплетъ,
И одежду серебритъ....
Мчится вихремъ безъ помѣхи

По полямъ и по рѣкамъ,
Звонко щелкаетъ орѣхи
На веселіе зубкамъ.
Пряникъ, мой однофамилецъ,
Также тутъ не позабытъ
А нашъ пѣнникъ, нашъ кормилецъ,
Сердце любо веселитъ.
Разгулялись городъ, села,
Загуляли старъ и малъ:
Всѣмъ зима родная гостья,
Каждый масленицѣ радъ.
Нѣтъ конца весельямъ, кликамъ,
Пѣснямъ, удали, пирамъ, —
Гдѣ тутъ Нѣмцамъ горемыкамъ
Вторить намъ, богатырямъ?
Сани здѣсь — подобной дряни
Не видалъ я на вѣку,
Стыдно сѣсть въ чужія сани
Коренному Русаку.
Нѣтъ, красавица, не мѣсто
Здѣсь тебѣ; не обиходъ;
Снѣгъ здѣсь—рыхленькое тѣсто,
Вялъ морозъ и вялъ народъ....
Чѣмъ почтутъ тебя, сударку? —
Развѣ кружкою пивной,
Да копѣечной сигаркой
Да копченой колбасой?
Съ пива только кровь густѣетъ,
Умъ раскиснетъ и лицо; —
То-ли дѣло какъ прогрѣетъ
Наше рьяное винцо.
Выпьетъ чарку — чародѣйку
Забубенный нашъ землякъ: —
Жизнь-копѣйка! смерть злодѣйку
Онъ считаетъ за пустякъ....
Нѣмецъ къ мудрецамъ причисленъ,
Нѣмецъ дока для всего,
Нѣмецъ такъ глубокомысленъ,
Что провалишься въ него;
Но, по нашему покрою
Если Нѣмца взять въ расплохъ,
А особенно зимою, —
Нѣмецъ, воля ваша, плохъ.

Князь Вяземскій.

Первый Снѣгъ.

Пусть нѣжный баловень полуденной природы,
Гдѣ тѣнь душистѣе, краснорѣчивѣй воды,
Улыбку первую привѣтствуетъ весны!
Сынъ пасмурныхъ небесъ полуночной страны,
Привыкшій къ свисту бурь и реву непогоды,
Привѣтствую душой и пѣснью первый снѣгъ.
Съ какою радостью нетерпѣливымъ взглядомъ
Волнующихся тучъ ловлю мятежный бѣгъ,
Когда съ небесъ онѣ на землю вѣютъ хладомъ!
Вчера еще стенялъ надъ онѣмѣвшимъ садомъ
Вѣтръ скучной осени, и влажные пары
Стояли надъ челомъ угрюмыя горы,
Иль мглой волнистой клубился надъ боромъ.
Унынье томное бродило тусклымъ взоромъ

По рощамъ и лугамъ, пустѣющимъ вокругъ.
Кладбищемъ зрѣлся лѣсъ, кладбищемъ зрѣлся лугъ.
Пугалище Діадъ, пріютъ крикливыхъ враговъ,
Вѣтвями голыми махая, древній дубъ
Чернѣлъ въ лѣсу пустомъ, какъ обнаженный трупъ;
И воды тусклыя подъ пеленой тумановъ,
Дремали мертвымъ сномъ въ безмолвныхъ берегахъ.
Природа блѣдная, съ унылостью въ чертахъ,
Поражена была томленіемъ кончины.
Сегодня новый видъ окрестность приняла,
Какъ быстрымъ маніемъ чудеснаго жезла;
Лазурью свѣтлою горятъ небесъ вершины;
Блестящей скатертью подернулись долины
И яркимъ бисеромъ усѣяны поля;
На праздникѣ зимы красуется земля
И насъ привѣтствуетъ живительной улыбкой.
Здѣсь снѣгъ, какъ легкій пухъ, повисъ на ели гибкой;
Тамъ темный изумрудъ подернувъ серебромъ,
На мрачной соснѣ онъ разрисовалъ узоры.
Разсѣялись пары и засверкали горы
И солнца жаръ взыгралъ на небѣ голубомъ.
Волшебницей зимой весь міръ преобразованъ;
Цѣпями льдистыми покорный прудъ окованъ
И синимъ зеркаломъ сравнялся въ берегахъ.
Забавы ожили; пренебрегая страхъ,
Сбѣжались смѣльчаки съ береговъ толпой игривой
И, празднуя зимы ожиданный возвратъ,
По льду свѣтящему кружатся и скользятъ.
Тамъ ловчихъ полкъ готовъ; ихъ взоръ нетерпѣливой
Допрашиваетъ слѣдъ добычи торопливой:
На бѣгство робкаго нескромный снѣгъ донесъ;
Съ неволи спущенный, за жертвой хищный песъ
Ввѣряется стремглавъ предательному слѣду
И довершаетъ ножъ кровавую побѣду.
Покинемъ, милый другъ, темницы мрачной кровъ!
Красивый выходецъ кипящихъ табуновъ,
Ревнуя на бѣгу съ крылатоногой ланью,
Топоча хрупкій снѣгъ, онъ по полю помчитъ.
Украшенъ твой нарядъ лѣсовъ сибирскихъ данью
И соболь на тебѣ чернѣетъ и блеститъ.
Презрѣвъ мороза гнѣвъ и тщетныя угрозы,
Румяныхъ щекъ твоихъ свѣжѣй алѣютъ розы
И лиліи свѣжѣй бѣлѣютъ на челѣ.

Какъ лучшая весна, какъ лучшей жизни младость,
Ты улыбаешься утѣшенной землѣ.
О пламенный восторгъ! Въ душѣ блеснула радость,
Какъ искры яркія на снѣжномъ хрусталѣ.
Счастливъ, кто испыталъ прогулки зимней сладость!

Кн. Вяземскій.

Примѣч. — Объ этомъ стихотвореніи такъ отзывается Пушкинъ въ V главѣ Евгенія Онѣгина:

Согрѣтый вдохновенья богомъ,
Другой поэтъ роскошнымъ слогомъ
Живописалъ намъ первый снѣгъ
И всѣ оттѣнки зимнихъ нѣгъ.
Онъ васъ плѣнитъ, я въ томъ увѣренъ и пр.

Предъ Господомъ Богомъ я грѣшенъ,
И кто же не грѣшенъ предъ Нимъ?
Но тѣмъ я хоть мало утѣшенъ,
Что братъ я всѣмъ братьямъ моимъ,
Что слезы мнѣ всѣ симпатичны,
Что съ плачущимъ плачу и я.
Что въ сердцѣ есть отзывъ привычный
На каждую скорбь бытія.
Что духъ мой окрѣпъ подъ ненастьемъ,
Что въ язвахъ созрѣла душа,
Что жизнь мнѣ не блескомъ, не счастьемъ,
А тайной тоской хороша;
Что въ міръ и его обаянья
Недолго вдаваться я могъ;
Но всѣ его понялъ страданья
И чувство для нихъ уберегъ;
Что тайная есть мнѣ отрада
Внезапно войдти въ Божій домъ
И тамъ, гдѣ мерцаетъ лампада,
Съ молитвой поникнуть челомъ.
Что дня не проходитъ и часу,
Чтобъ внутреннимъ слухомъ не внялъ
Я смерти призывному гласу
И слухъ отъ него уклонялъ;
Что въ самой житейской тревогѣ
Сей голосъ не чуждъ для меня;

И мыслью стою при порогѣ
Послѣдняго, страшнаго дня.

Кн. Вяземскій.

Бояринъ.

Бояринъ!... Много въ словѣ этомъ,
И не забыли мы его,
Хотя въ нашъ вѣкъ ужъ передъ свѣтомъ
Оно не значитъ ничего....
А жалко!... Право, наши дѣды
Лихіе были молодцы;
Не даромъ недруги сосѣды
Про нихъ твердили: «гордецы!»

Пусть джентельменъ въ коротковъ фракѣ
Дурацкой шляпою вертитъ;
Съ презрѣньемъ къ жалкому кривлякѣ
Бояринъ холодно глядитъ.
Бояринъ голову сѣдую
Не обнажитъ передъ врагомъ:
Онъ ломитъ шапку мѣховую
Лишь предъ Крестомъ, да предъ царемъ!

Онъ платье носитъ парчевое:
Быть можетъ дорого оно,
За то оно вѣдь вѣковое,
И будетъ въ родѣ передано.
Въ немъ и привольно, и широко,
Оно не жметъ и не тѣснитъ;
Грудь дышетъ ровно и высоко,
И богатырски станъ развитъ....

Бояринъ любитъ хлѣбосолье:
Для гостя домъ его открытъ;
Столъ клонитъ брашна, пиръ — раздолье,
Притомъ и нищій не забытъ!...
Сердецъ веселье чародѣйка
Гуляетъ чарка по рукамъ;
Сама хозяйка въ душегрѣйкѣ
Подноситъ сладкій медъ гостямъ....

Бояринъ набоженъ; онъ ходитъ
Всегда къ обѣднѣ въ свой приходъ;
Заря ль воскресная восходитъ,
Онъ къ утрени съ семьей идетъ.
Душей и сердцемъ православный,
Проникнутъ вѣрою отцевъ,
Онъ умираетъ смертью славной
Подъ бѣдной рясой чернецовъ.

Бояринъ, — значитъ воевода;
Отчизнѣ ль нужно послужить,
Сумѣетъ во главѣ народа
Примѣромъ въ бранной сѣчѣ быть;
Равно горячь въ любви и въ мести,
Онъ храбръ, онъ мощенъ, онъ удалъ,
И не одинъ на полѣ чести
За нашу Русь святую палъ!...

Онъ гражданинъ: въ совѣтѣ царскомъ
Свободно, смѣло говоритъ;
Безстрастенъ, съ безкорыстьемъ барскимъ,
Онъ благо общее хранитъ.
Не льститъ онъ, не кривитъ душою,
Не лжетъ перомъ иль языкомъ,
Стоитъ за правду головою,
Какъ Долгорукій предъ Петромъ!

Такъ!... Были на Руси бояре,
И будутъ, можетъ быть, опять,
Когда мы, въ міровомъ разгарѣ,
Перстъ Божій станемъ прозрѣвать;
Въ всеобщемъ Запада паденьѣ
Урокъ, полезный намъ, прочтемъ,
И въ самородномъ направленьѣ
Свое достоинство поймемъ!...

Графиня Е. Растопчина.

Тучи.

Тучки небесныя, вѣчные странники!
Степью лазурною, цѣпью жемчужною

Мчитесь вы, будто какъ я же, изгнанники
Съ милаго сѣвера въ сторону южную.

Кто же васъ гонитъ: судьбы ли рѣшеніе?
Зависть ли тайная? злоба ль открытая?
Или на васъ тяготитъ преступленіе?
Или друзей клевета ядовитая?

Нѣтъ, вамъ наскучили нивы безплодныя...
Чужды вамъ страсти и чужды страданія;
Вѣчно холодныя, вѣчно свободныя,
Нѣтъ у васъ родины, нѣтъ вамъ изгнанія.

Лермонтовъ.

Пророкъ.

Духовной жаждою томимъ
Въ пустынѣ мрачной я влачился,
И шестикрылый Серафимъ
На перепутьи мнѣ явился;
Перстами легкими какъ сонъ,
Моихъ зѣницъ коснулся онъ;
Отверзлись вѣщія зѣницы,
Какъ у испуганной орлицы.
Моихъ ушей коснулся онъ,
И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ:
И внялъ я неба содроганье,
И горній Ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье.
И онъ къ устамъ моимъ приникъ,
И вырвалъ грѣшный мой языкъ,
И празднословный и лукавой,
И жало мудрыя змѣи
Въ уста замерзшія мои
Вложилъ десницею кровавой.
И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечемъ,
И сердце трепетное вынулъ,
И уголь, пылающій огнемъ,
Во грудь отверзтую водвинулъ.
Какъ трупъ въ пустынѣ я лежалъ,
И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
«Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей!»

Пушкинъ.

Примѣч.—Изъ Христоматіи Галахова: «Содержаніе: Посвященіе въ пророки, сообщеніе даровъ пророчества. Раздѣленіе: въ шіесѣ три части—вступленіе, главная часть и заключеніе. Вступленіе (первые четыре стиха) изображаетъ состояніе, предшествовавшее посвященію: избранникъ томился духовной жаждой, скитался въ мрачной пустынѣ. Главная часть подраздѣляется на четыре отдѣла, соотвѣтствующіе четыремъ дѣйствіямъ Серафима, который сообщаетъ избраннику четыре дара: острое, орлиное зрѣніе; чуткій слухъ, уловляющій неуловимое обыкновенными средствами; даръ краснорѣчія, мудрый глаголъ (изображенный въ видѣ змѣинаго жала); любовь къ ближнимъ,

ревность къ вѣщанію воли небесной (изображенныя въ видѣ угля, пылающаго огнемъ): ибо безъ любви и ревности всѣ слова подобны кимвалу брящающему. Заключеніе содержитъ въ себѣ велѣніе Бога, укрѣпляющее всѣ дѣйствія Серафима: «и виждь» (просвѣтленіе зрѣнія), «и внемли» (просвѣтленіе слуха), «глаголомъ» (даръ убѣдительнаго слова), «жги» (пламень любви и ревности). Стихотвореніе принадлежитъ къ высоко художественнымъ произведеніямъ: въ немъ все полно, окончено; нѣтъ ни одного лишняго слова, равно какъ нечего къ нему и прибавлять».

Пророкъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Вѣчный Судія
Мнѣ далъ всевѣдѣнье пророка,
Въ очахъ людей читаю я
Страницы злобы и порока.

Провозглашать я сталъ любви
И правды чистыя ученья;
Въ меня всѣ ближніе мои
Бросали бѣшено каменья.

Посыпалъ пепломъ я главу,
Изъ городовъ бѣжалъ я нищій,—
И вотъ, въ пустынѣ я живу,
Какъ птицы — даромъ Божьей пищи.

Завѣтъ Предвѣчнаго храня,
Мнѣ тварь покорна тамъ земная,
И звѣзды слушаютъ меня,
Лучами радостно играя.

Когда же черезъ шумный градъ
Я пробираюсь торопливо,
Тамъ старцы дѣтямъ говорятъ
Съ улыбкою самолюбивой:

«Смотрите: вотъ примѣръ для васъ!
Онъ гордъ былъ, не ужился съ нами;
Глупецъ, хотѣлъ увѣрить насъ,
Что Богъ гласитъ его устами!

Смотрите жъ, дѣти, на него,
Какъ онъ угрюмъ, и худъ, и блѣденъ!

Смотрите, какъ онъ нагъ и бѣденъ,
Какъ презираютъ всѣ его!»

Лермонтовъ.

Примѣч.—«Пророкъ» Лермонтова составляетъ какъ бы продолженіе «Пророка» Пушкина. Здѣсь мы видимъ избранника Божія на служеніи роду человѣческому. Это служеніе исполнено многихъ скорбей. Путь тернистый лежитъ пророку въ жизни.... Ср. оба стихотворенія.

Когда волнуется желтѣющая нива,
И свѣжій лѣсъ шумитъ при звукѣ вѣтерка,
И прячется въ саду малиновая слива
Подъ тѣнью сладостной зеленаго листка;

Когда росой обрызганный душистой,
Румянымъ вечеромъ, иль утра въ часъ златой,
Изъ-подъ куста мнѣ ландышъ серебристый
Привѣтливо киваетъ головой;

Когда студеный ключъ играетъ по оврагу
И, погружая мысль въ какой-то смутный сонъ,
Лепечетъ мнѣ таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится онъ, —

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ, —
И счастье я могу постигнуть на землѣ,
И въ небесахъ я вижу Бога....

Лермонтовъ.

На Родинѣ.

Роскошны вы, хлѣба заповѣдные
Родимыхъ нивъ —
Цвѣтутъ, ростутъ колосья наливные,
А я чуть живъ!
Ахъ, странно такъ я созданъ небесами,
Таковъ мой рокъ,
Что хлѣбъ полей воздѣланныхъ....
Нейдетъ мнѣ въ-прокъ!

Некрасовъ.

Не Сжатая Полоса.

Поздняя осень. Грачи улетѣли,
Лѣсъ обнажился, поля опустѣли,

Только не сжата полоска одна...
Грустную думу наводитъ она.

Кажется, шепчутъ колосья другъ другу:
«Скучно намъ слушать осеннюю вьюгу,

Скучно склоняться до самой земли,
Тучныя зерна купая въ пыли!

Насъ, что ни ночь, разоряютъ станицы
Всякой пролетной прожорливой птицы, —

Заяцъ насъ топчетъ и буря насъ бьетъ...
Гдѣ же нашъ пахарь? чего еще ждетъ?

Или мы хуже другихъ уродились?
Или не дружно цвѣли — колосились?

Нѣтъ! мы не хуже другихъ — и давно
Въ насъ налилось и созрѣло зерно.

Не для того же пахалъ онъ и сѣялъ,
Чтобы насъ вѣтеръ осенній развѣялъ?»

Вѣтръ несетъ имъ печальный отвѣтъ:
— Вашему пахарю моченьки нѣтъ.

Зналъ для чего и пахалъ онъ и сѣялъ,
Да не по силамъ работу затѣялъ.

Плохо бѣднягѣ — не ѣстъ и не пьетъ,
Червь ему сердце больно сосетъ,

Руки, что вывели борозды эти,
Высохли въ щепку, повисли какъ плети,

Очи потускли и голосъ пропалъ,
Что заунывную пѣсню пѣвалъ,

Какъ, на соху налегая рукою,
Пахарь задумчиво шелъ полосою. —

Некрасовъ.

Птичка.

«Ахъ, зачѣмъ пѣвунья птичка,
Птичка рѣзвая моя,
Ты такъ рано прилетѣла
Въ наши дальніе края!

Заслонили солнце тучи,
Небеса заволокли,
И камышъ сухой и желтый
Клонитъ вѣтеръ до земли.

Вотъ и дождикъ, посмотри-ка,
Хлынулъ сильно изъ ведра;
Скучно! холодно! Какъ будто
Не весенняя пора.»

—Не для солнца, не для неба
Прилетѣла я сюда;
Въ камышахъ сухихъ и звонкихъ
Не совью себѣ гнѣзда.

Я совью его подъ кровлей
Горемыки бѣдняка;
Богомъ я ему въ отраду
Послана издалека.

Въ часъ, какъ онъ, вернувшись съ поля
Въ хату ветхую свою,
Ляжетъ грустный на солому,
Пѣсню я ему спою.

Для него я эту пѣсню
Принесла изъ-за морей,
Никогда ея не пѣла
Для счастливыхъ я людей.

Въ ней повѣдаю я много
Про иной, чудесный свѣтъ;
Гдѣ ни бѣдныхъ, ни богатыхъ,
Ни тревогъ, ни горя нѣтъ.

Эта пѣсня примиренье
Въ грудь усталую прольетъ,
И съ надеждою на Бога
Бѣдный труженикъ заснетъ.

Плещеевъ.

Перелетная Птичка.

Скрывалось за горы
Роскошное солнце,
И долгій день лѣтній
Угаснулъ; и вечеръ
Насталъ съ тишиною;
И въ воздухѣ душно.
Зарница играла
По нивамъ волнистымъ;
И сизая туча
Вдали загоралась;
Далекое эхо
Въ горахъ рокотало.
Я въ рощѣ тѣнистой
Дышалъ ароматомъ

Цвѣтущаго луга.
Вдругъ птичка слетѣла
(Не знаю откуда)
И, зыблясь на вѣткѣ,
Запѣла уныло,
Уныло.... и сладко.
Я весь сталъ вниманье,
И весь упоенье:
Душа разрывалась
Отъ пѣсни унылой;
Душа восхищалась
Унылою пѣснью....
И отзывъ далекій
Друзей отлученныхъ,
И память о прошломъ,
О дняхъ невозвратныхъ
Бывалаго счастья,
И стоны разлуки,
И шопотъ предчувствій,
Грядущаго тайны:
Все, все выражала
Волшебная пѣсня
Чудесной пѣвицы....
Мнѣ видѣлось: мѣсяцъ
Стоялъ недвижимо;
И звѣзды внимая,
Горѣли яснѣе,
И грохотъ нагорный
Затихъ.... и въ забвеньи
Сидѣлъ я до утра,
Мечтая о небѣ.
Пѣвица все пѣла,
Но вмѣстѣ съ росою,
Подъемлясь все выше,
Какъ искра угасла,
Въ лучахъ утонула....
Откуда ты, птичка,
Небесная радость!
Гдѣ край тотъ далекій,
Въ которомъ ты, прелесть,
Гостишь неотлетно?
И странникъ печальный
Въ семъ мірѣ мятежномъ,
По сердцу мнѣ чуждомъ,
Услышу-ль опять я
Въ безмолвіи ночи,
Залетная гостья,
Твой голосъ чудесный?
Иль разъ только въ жизни
Онъ смертному слышенъ?

Ѳ. Глинка.

Птичка.

Птичка Божія не знаетъ
Ни заботы, ни труда;
Хлопотливо не свиваетъ
Долговѣчнаго гнѣзда;

Въ долгу ночь на вѣткѣ дремлетъ;
Солнце красное взойдетъ —
Птичка гласу Бога внемлетъ,
Встрепенется и поетъ.

За весной, красой природы,
Лѣто знойное пройдетъ —
И туманъ и непогоды
Осень поздняя несетъ:

Людямъ скучно, людямъ горе;
Птичка въ дальнія страны,
Въ теплый край, за сине море,
Улетаетъ до весны.

А. Пушкинъ.

Птичка.

Вчера я растворилъ темницу
Воздушной плѣнницы моей:
Я рощамъ возвратилъ пѣвицу,
Я возвратилъ свободу ей.

Она исчезла, утопая
Въ сіяньи голубаго дня,
И такъ запѣла, улетая,
Какъ бы молилась за меня.

Ѳ. Туманскій.

Облака.

Серебристою грядою
Быстро мчатся облака.
Подъ лазурной пеленою
Имъ дорога широка.
Полны яркаго сіянья,
Полны радужныхъ цвѣтовъ,
Какъ видѣнья чудныхъ сновъ,
Какъ волшебныя мечтанья,
Вдаль стрѣлой они летятъ,
Блескомъ землю озаряютъ
И по небу разстилаютъ
Свой серебрянный нарядъ.
Но воздушнымъ участь таже,
Что мечтаньямъ молодымъ:
Ждетъ одинъ законъ на стражѣ
Ихъ подъ сводомъ голубымъ:

Минетъ утра часъ летучій,
Полдень небо раскалитъ
И серебренно — зыбучій
Облаковъ волшебный видъ
Въ громовыя сдвинетъ тучи,
Жгучей молньей окаймитъ.
И сольется на лазури,
Серебро ихъ въ ризу бури
И спадетъ въ грозѣ своей
Мутной влагою дождей.
Такъ кипучими страстями
Полдень жизни обожжетъ
Сновъ восторженныхъ полетъ.
Броситъ долу ихъ слезами
И туманными мечтами
Душу бурно обовьетъ.

Грековъ. [1]).

Бываетъ порою:
Такъ хочешь молиться,
Такъ радъ бы душою
Съ душой подѣлиться.
И сердце бъ изъ груди
Здѣсь вырвалъ охотно,
И молвилъ бы: люди!
Терзайте свободно!

А темныя грезы
Бушуютъ и вьются,
А жгучія слезы
Такъ моремъ и льются.
И въ эти мгновенья
Ужасна невзгода....
Ей нѣтъ выраженья,
Ей нѣтъ перевода.

Грековъ.

---

[1]) Современный поэтъ.

Лѣтній Вечеръ.

Люблю я подъ-вечеръ, тропинкою лѣсною,
Спуститься къ берегу зеленому рѣки;
И тамъ, расположась подъ ивою густою,
Смотрѣть, какъ неводъ свой закинутъ рыбаки;
Какъ солнце золотитъ прощальными лучами
И избы за рѣкой, и пашни, и лѣса;
А теплый вѣтерокъ, межъ тѣмъ, шумя листами,
Едва — едва мои взвѣваетъ волоса,
И ласково лицо мое цѣлуетъ ива,
Нагнувъ ко мнѣ свои сребристые листы.
О, какъ мнѣ хорошо! Довольный и счастливый,
Лежу я вдалекѣ отъ скучной суеты.
Мнѣ въ уши не жужжатъ заученыя фразы
Витій, что ратуютъ за «медленный прогрессъ»
И отъ кого бы прочь бѣжалъ, какъ отъ заразы,
Въ пустыни дикія, въ непроходимый лѣсъ.
Порою, въ разговоръ рыбакъ со мной вступаетъ,
О томъ, какой ему на долю выпалъ ловъ;
Какъ сына онъ къ дьячку учиться посылаетъ, —
И я внимать ему хоть цѣлый день готовъ.
Мнѣ по-душѣ его безхитростное слово,
Какъ по-душѣ мнѣ жизнь средь вспаханныхъ полей:
Здѣсь, пошлости и лжи стряхнувъ въ себя оковы,
Свободнѣй я дышу и чувствую полнѣй.

Плещеевъ.

Отдохну-ка, сяду, у лѣсной опушки;
Вонъ въ дали — соломой крытыя избушки.
И бѣгутъ надъ ними тучи въ перегонку,
Изъ роднаго края въ дальнюю сторонку.
Бѣлыя березы, жидкія осины,
Пашни да овраги — грустныя картины;
Не пройдешь безъ думы, безъ тяжелой мимо.
Что же къ нимъ все тянетъ такъ неодолимо?
Вѣдь на свѣтѣ бѣломъ всякихъ странъ довольно,
Гдѣ и солнце ярко, гдѣ и жить привольно.
Но и тамъ, при блескѣ голубаго моря,
Наше сердце ноетъ отъ тоски и горя,

Что не видятъ взоры ни березъ плакучихъ,
Ни избушекъ этихъ, сѣренькихъ, какъ тучи;
Что же въ нихъ такъ сердцу дорого и мило?
И какая манитъ тайная къ нимъ сила?

Плещеевъ.

Родное.

Свѣсилась уныло
Надъ оврагомъ ива
И все дно оврага
Поросло крапивой.
Въ сторонѣ могила
Сиротѣетъ въ полѣ:
Кто-то самъ покончилъ
Съ горемычной долей!
Вонъ вдали чернѣютъ
Словно пни — избушки;
Не изъ той ли былъ онъ
Бѣдной деревушки?

Тамъ, чай, трудъ да горе,
Горе безъ исхода....
И кругомъ такая
Скудная природа!
Рытвины да кочки,
Даль полей нѣмая;
И летитъ надъ ними
Съ крикомъ галокъ стая....
Надрываетъ сердце
Этотъ видъ знакомый....
Грустно на чужбинѣ,
Также какъ и дома!

Плещеевъ.

Соха.

Ты соха ли, наша матушка,
Горькой бѣдности помощница,
Неизмѣнная кормилица,
Вѣковѣчная работница!

По твоей ли, соха, милости
Съ хлѣбомъ гумна пораздвинуты,
Сыты злые, сыты добрые,
По полямъ ковры раскинуты.

Про тебя и вспомнить не кому....
Что жъ молчишь ты, безпривѣтная,
Что не въ славу тебѣ трудъ идетъ,
Не въ честь служба безотвѣтная?...

Ахъ, крѣпка, не знаетъ устали
Мужичка рука желѣзная,
И покоитъ соху-матушку
Одна ноченька беззвѣздная!

На межѣ трава зеленая,
Полынь дикая качается,
Не твоя ли доля горькая
Въ ея сокѣ отзывается?

Ужъ и кѣмъ же ты придумана,
Къ дѣлу на-вѣки приставлена?
Кормишь малаго и стараго,
Сиротой сама оставлена....

Никитинъ.

Нищій.

И вечерней, и ранней порою
Много старцевъ, и вдовъ, и сиротъ,
Подъ окошками ходитъ съ сумою,
Христа-ради на помощь зоветъ.
Надѣваетъ ли сумку неволя,
Неохота ли взяться за трудъ, —
Тяжела и горька твоя доля,
Безпріютный, оборванный людъ!
Не откажутъ тебѣ въ подаяньи,
Не умрешь ты безъ крова зимой, —
Жаль разумное Божье созданье,
Человѣка въ грязи и съ сумой!
Но бѣднѣе и хуже есть нищій:
Не пойдетъ онъ просить подъ окномъ;
Цѣлый вѣкъ, изъ одежды и пищи,
Онъ работаетъ ночью и днемъ.
Спитъ въ лачужкѣ на грязной соломѣ,
Богатырь въ безъисходной бѣдѣ,
Крѣпче камня въ несносной истомѣ,
Крѣпче мѣди въ кровавой нуждѣ.
По-смерть зерна въ землю бросаетъ,
По-смерть жнетъ, а нужда продаетъ;
О немъ облако слезы роняетъ,
Про тоску его буря поетъ....

Никитинъ.

Жена Ямщика.

Скоро будетъ полночь...
Тишина въ избѣ;
Только вѣтеръ воетъ
Жалобно въ трубѣ.

И горитъ лучина,
Издавая трескъ,
И вокругъ дрожащій
Разливая свѣтъ.

Въ старомъ зипунишкѣ,
Прислонясь къ стѣнѣ,
Дремлетъ подлѣ печки
Мальчикъ на скамьѣ.

Слабо освѣщаетъ
Блѣдный огонекъ
Дѣтскую головку
И румянецъ щекъ.

Съ дремлющимъ малюткой
Рядомъ мать сидитъ,
И, лаская сына,
Кротко говоритъ:

«Ты бы легъ, касатикъ,
Вѣдь ужъ ночь давно;
На-ка вотъ шубенку,
Вишь какъ холодно.»

— «А зачѣмъ же, мама,
Ты сама сидишь,
И вечоръ все пряла
И теперь не спишь?» —

«Охъ, мой ненаглядный,
Прясть-то нѣтъ ужъ силъ:
Что-то такъ мнѣ грустно,
Божій свѣтъ не милъ!

«Пятая недѣля
Вотъ къ концу идетъ,
А досель отецъ твой
Вѣсточки не шлетъ.

«Ну, Господь помилуй!
Если съ мужикомъ
Грѣхъ какой случился
На пути глухомъ.

«Дѣло мое бабье,
Какъ тогда мнѣ быть?
Кто насъ горькихъ станетъ
Одѣвать, кормить?»...

— «Полно плакать, мама!» —
Грустно сынъ сказалъ,
И, поднявъ головку,
Тихо съ мѣста всталъ;

И къ щекѣ родимой
Онъ прильнулъ щекой,
И, заплакавъ горько,
Мать обнялъ рукой.

«Я не стану плакать;
Лягъ, усни, дружокъ!
Я тебѣ соломки
Принесу снопокъ.

«Постелю постельку;
А Господь пошлетъ —
Твой отецъ гостинецъ
Скоро привезетъ;

«Новыя салазки
Сдѣлаетъ опять.
Будетъ въ нихъ сыночка
По двору катать.»

И дитя забылось...
Снова мать прядетъ,
Ей отъ думъ, заботы,
Сонъ на умъ нейдетъ.

Дымная лучина
Чуть въ свѣтцѣ горитъ,
Только вьюга какъ-то
Жалобнѣй гудитъ.

Мнится, будто стонетъ
Кто-то у крыльца —
Словно провожаютъ
Съ плачемъ мертвеца...

И съ тоской тяжелой
Вспомнила она,
Какъ ея дѣвичья
Жизнь проведена;

Какъ ей, умирая,
Говорила мать:
«Тошно сиротою
«Мнѣ тебя кидать!

«Гдѣ тебѣ, голубкѣ,
«Замужемъ-то жить,
«Трудъ, порой рабочей,
«Въ полѣ выносить?

«И въ кого родилась
«Ты съ такимъ лицомъ?
«Старшія-то сестры
«Кровь вѣдь съ молокомъ;

«И разгульны, правда,
«Нечего сказать,
«Да за то какъ станутъ
«Въ полѣ работать, —

«Хоть жара, хоть вѣтеръ —
«Все равно для нихъ:
«Оттого и замужъ
«Скоро взяли ихъ.

«А тебя за разумъ
«Хвалитъ вся семья,
«Да любить-то... любитъ
«Только мать твоя.

«Все ты сшить умѣешь
«И въ избѣ прибрать,
«Ребятишекъ братьевъ
«Любишь обмывать.

«Да въ быту крестьянскомъ,
«Знаешь ты сама,
«Сила-то дороже
«Разума ума...»

Вспомнила, какъ замужъ
Взялъ ее ямщикъ,
Какъ его покойный
Тесть любилъ, старикъ.

Вотъ въ сѣняхъ избушки
Кто-то застучалъ.
—«Ахъ, отецъ!» проснувшись
Мальчикъ закричалъ.

— «Вишь морозъ какъ крѣпко
Дверь-то прихватилъ!»
Грубо гость знакомый
Вдругъ заговорилъ.

И мужикъ рукою
Сильно дверь рванулъ,
Въ избу вшелъ, снялъ шапку,
Съ платья снѣгъ стряхнулъ,

Осѣнивъ три раза
Грудь свою крестомъ,
Почесалъ затылокъ
И сказалъ потомъ:

— «Здравствуешь, сосѣдка!
Какъ живешь, мой свѣтъ?...
Экая погодка!
Слѣду въ полѣ нѣтъ!

«Ну, не съ доброй вѣстью
Я къ тебѣ пришелъ:
Я лошадокъ вашихъ
Изъ Москвы привелъ.»

— «А мой мужъ?» — спросила
Ямщика жена,
И бѣлѣе снѣга
Сдѣлалась она.

«Да въ Москву пріѣхавъ,
Вдругъ онъ захворалъ,
И Господь бѣднягѣ
По душу послалъ.

«На дворѣ съ нимъ вмѣстѣ
Мнѣ пришлось стоять,
И меня лошадокъ
Упросилъ онъ взять.»

Горько зарыдала
Бѣдная вдова,
Выслушавъ сосѣда
Первыя слова.

Опустивъ рученки,
Сынъ ея стоялъ,
Блѣдный и всѣмъ тѣломъ
Въ ужасѣ дрожалъ.

«Вишь какая притча!»
Думалъ такъ мужикъ:
«Вѣрно я не въ пору
Развязалъ языкъ.

«А вѣдь жалко бабу,
Что и говорить!
Скоро ей придется
По міру ходить.

— «Полно горевать-то,»
Вслухъ онъ ей сказалъ:
Стало неча дѣлать:
Богъ знать наказалъ!

«Лошади-то ваши
Тутъ вотъ у двора:
Такъ поди возьми ихъ; —
Мнѣ домой пора.

«Да!... вѣдь эка память,
Все сталъ забывать:
Вотъ отецъ сынишкѣ
Крестъ велѣлъ отдать.

«Самъ онъ черезъ силу
Съ шеи его снялъ,
Въ грамоткѣ мнѣ отдалъ
Въ руки и сказалъ:

— «Вотъ благословенье
«Сыну моему;
«Пусть не забываетъ
«Мать, скажи ему.» —

«А тебя-то видно,
Крѣпко онъ любилъ:
По́ смерть твое имя
Бѣдный онъ твердилъ.»

Никитинъ.

Дѣдушка.

Лысый, съ бѣлой бородою,
Дѣдушка сидитъ.
Чашка съ хлѣбомъ и водою
Передъ нимъ стоитъ.

Бѣлъ, какъ лунь; на лбу морщины;
Съ испитымъ лицомъ.
Много видѣлъ онъ кручины
На вѣку своемъ.

Все прошло; пропала сила,
Притупился взглядъ;
Смерть въ могилу уложила
Дѣтокъ и внучатъ.

Съ нимъ въ избушкѣ закоптѣлой
Котъ одинъ живетъ.

Старъ и онъ, и спитъ день цѣлый,
Съ печки не спрыгнетъ.

Старику немного надо:
Лапти сплесть, да сбыть —
Вотъ и сытъ. Его отрада —
Въ Божій храмъ ходить.

Къ стѣнкѣ, около порога,
Станетъ тамъ, кряхтя,
И за скорби славитъ Бога,
Божіе дитя.

Радъ онъ жить, не прочь въ могилу, —
Въ темный уголокъ....
Гдѣ ты черпалъ эту силу,
Бѣдный мужичокъ?

Никитинъ.

L'enfant chantait....

(Виктора Гюго).

Ребенокъ пѣлъ.... а мать въ предсмертныхъ мукахъ
Металася на ложѣ день деньской,
И слышались въ печально-рѣзкихъ звукахъ
Ребячья пѣснь и хриплый стонъ больной.

Пять только лѣтъ тебѣ, невинный крошка,
Какъ птичка ты весенняя точь-въ-точь,
Весь день поешь, играя у окошка,
А близъ тебя мать кашляетъ всю ночь.

И вотъ она сошла въ могилу скоро....
Дитя же все по прежнему поетъ....
Страданье — плодъ, — но плодъ такой, который
Господь вѣтвямъ окрѣпнувшимъ даетъ.

С. Д.

Міръ.

(Гейне).

Высоко на небо поднялося солнце
И плавали бѣлыя тучи,
Въ прозрачныхъ волнахъ отражаясь
Глубокаго, тихаго моря.
Лежалъ у кормы корабля я въ раздумьи,
И видѣлъ я въ полудремотѣ — Христа
Спасителя міра. —
Въ клубящейся бѣлой одеждѣ
Шелъ Онъ великъ и прекрасенъ
Чрезъ воды и земли;
Глава Его неба касалась,
Онъ, благословляя, далеко простеръ свои руки
Чрезъ воды и земли.
И несъ Онъ въ груди необъятной
Великое сердце —
Горячее, красное солнце —
И лило то сердце лучи милосердья обильно,
И свѣтъ тотъ, любовный и чистый,

Потекъ, озаряя и грѣя,
Чрезъ воды и земли....
И звонъ колокольный такъ празднично къ небу поднялся.
По морю, какъ лебеди, медленно плыли
Кораблики, розовый парусъ надувши,
Играя съ волной голубою,
Къ зеленому берегу, къ башенкамъ бѣлымъ,
Гдѣ люди живутъ за стѣнами.
Какъ въ городѣ тихо и мирно!
Не слышно ни треска, ни гула глухаго,
Ни громкаго говора жизни.
По улицамъ чистымъ, широкимъ
Идутъ, одѣтые въ бѣлое, люди,
Въ рукахъ у нихъ пальмы;
Встрѣчаясь, глядятъ такъ покойно и кротко;
Беззвучно, безстрастно
Въ чело лобызаютъ другъ друга
И взоры возводятъ къ горячему солнцу,
Что радостно, красно — лучистую кровь изливаетъ
На все, озаряя и грѣя;
И трижды въ восторгѣ духовномъ они повторяютъ:
«Хвала Іисусу Христу!» [1])

Бергъ.

Кукла.

(Сырокомли [2]).

Не плачь, моя кукла, не будь своенравной,
Умненько сиди, не мотай головой!
Послушай, о чемъ говорили недавно,
Папá и мамаша со мной.
Мнѣ къ празднику платье сошьютъ — заглядѣнье!
Я къ этому времени буду ужъ знать
Молитвы Французскія: мы въ воскресенье
Поѣдемъ къ обѣднѣ опять.

---

[1]) Стихотвореніе это много напоминаетъ нѣкоторыя картины Откровенія Іоаннова. Особенно ср. 21, 10. Таково это стихотвореніе въ *Buch der Lieder*. Въ *Reisebildern* оно имѣетъ совершенно другой характеръ.

[2]) Псевдонимъ Польскаго писателя Кондратовича, автора «Исторіи Польской Литературы». Умеръ 1862 г.

А наши крестьяне..... вотъ будутъ дивиться,
И слыша молитву, качать головой.....
А мнѣ не прилично по-польски молиться,
Какъ будто мужичкѣ простой.

Но тихо — по-польски — просить буду Бога,
Чтобъ мнѣ хорошѣть и рости поскорѣй,
Чтобъ далъ Онъ папашѣ такъ много, такъ много
И бѣлыхъ и желтыхъ грошей.

Ужъ какже папаша мой любитъ монеты:
И служитъ молебны, и въ церковь даритъ.
Господь — говоритъ онъ — заплатитъ за это,
И больше въ сто разъ возвратитъ.

Такъ вотъ онъ и молитъ усердно у Бога,
И Богъ ему больше и больше даетъ....
И скоро накопится денегъ такъ много,
Что мы потеряемъ и счетъ!

Ахъ, кукла! какая ты, право, смѣшная!
Ты думаешь: Богъ къ намъ появится Самъ,
Иль спустится съ деньгами ангелъ изъ рая
И деньги отдастъ эти намъ?

Нѣтъ! явится жидъ въ длинноломъ кафтанѣ,
И будетъ онъ деньги папашѣ носить;
За деньги мы купимъ крестьянъ, а крестьяне
Намъ будутъ и жать, и косить.
Ты знаешь ли, кто мы? Мы — паны, я — панна,
А это — холопы, рабочій народъ;
Самъ Богъ имъ велѣлъ, чтобъ они постоянно
Трудились для насъ, для господъ.
Фи! какъ они грубы, нечисты и пьяны,
Въ дырявыхъ сермягахъ, всегда безъ сапогъ....
Да кто жъ виноватъ въ томъ! Не слушаютъ пана:
За то и караетъ ихъ Богъ.
Папа любитъ лошадь, мамаша — собачку,
Холоповъ же всякій ругаетъ и бьетъ.
Хоть жаль, а нельзя же давать имъ потачку:
Такой ужъ упрямый народъ.
Вчера вотъ.... папа́ отдыхалъ въ кабинетѣ,
Они же..... ну, право, ихъ мало бранятъ!...
Вошли, натоптали слѣдовъ на паркетѣ.....
«Ѣсть нечего, баринъ!» кричатъ.
За то были выгнаны вонъ и прибиты....
Ну, право, когда я начну управлять,

Пока эти люди не будутъ всѣ сыты,
До тѣхъ поръ не лягу я спать!
Уснешь ли спокойно, когда тутъ толпится
Голодный народъ у окна, у воротъ!...
Пожалуй какой-нибудь нищій приснится,
И въ сумкѣ съ собой унесетъ!
А пуще боюсь: не узналъ бы на небѣ
Господь..... а Онъ добръ, говорятъ, къ бѣднякамъ....
Помолимся жъ, кукла, о деньгахъ и хлѣбѣ,
Чтобъ далъ ихъ крестьянамъ и намъ!

А. С.

Украинкѣ.

(Сырокомли).

Когда молодая красотка Украйны,
Про дѣдовъ мнѣ пѣсню затянетъ порой,
И, вѣя тоскою непризнанной муки,
Закаплютъ мнѣ на душу свѣжіе звуки,—
Тогда.... о, тогда я — мечтой и душой —
Въ бываломъ привольѣ Украйны былой, —
И хочется быть мнѣ тогда гайдамакомъ,
Съ булатною саблей, съ лихимъ аргамакомъ.
Какъ было бъ привольно и весело мнѣ
Промчаться по степи до хаты — дымóвки,
Баранью бы шапку на брóви надвинулъ,
За плéчи стальное копье перекинулъ, —
И мой долгогривый, по теми лѣсной,
Мелькалъ бы, какъ молнія въ тучѣ ночной;
Сплывала бы съ плечъ моихъ черная бурка,
А за поясъ заткнуты ножъ и бандурка.
Туда бы, въ Украйну, въ затишье степей,
Бѣжалъ я отъ взгляда и шума людскова,
И тамъ допросился бы вѣщаго слова
У вѣчно зеленыхъ, безбрежныхъ морей,
Гдѣ вѣтеръ колышетъ вѣтвями бурьяна,
Той пальмы Украйны, что, съ шлема кургана,
Вѣнчаетъ, какъ памятникъ присно-живой,
Быть можетъ, могилы Мороза, Нечая,
Могилы страдальцевъ обмершаго края,
Могилы казачьей семьи удалой,

Какъ памятникъ славы и вольности дикой
И дикой поэзіи....
.....Но защемитъ
Мое ретивое, тоскою великой,
Когда моя греза, что дымъ, улетитъ,
Когда многожданное слово: «воскресни»!
Услышу въ преданіяхъ только и въ пѣснѣ....
Видалъ я, какъ — пѣсней испуганы — въ высь
Срывалися соколы съ гнѣздъ и неслись,
Вращая кругомъ изумленное око,
И всѣ отлетали со стономъ далеко....
И понялъ я, понялъ тоскливый ихъ стонъ:
Охъ, не съ кѣмъ ужъ больше помчаться въ обгонъ—
Все минуло.... только листочки калины
Шумятъ по обломкамъ былой Украины.

Мей.

Сонъ Невольника.

(Лонгфелло).

Истомленный, на рисовой нивѣ онъ спалъ.
Грудь открытую жегъ ему зной;
Серпъ остался въ рукѣ,—и въ горячемъ пескѣ
Онъ курчавой тонулъ головой.
Подъ туманомъ и тѣнью глубокаго сна
Снова видѣлъ онъ край свой родной.

Тихо царственный Нигеръ катился предъ нимъ,
Уходя въ безграничный просторъ.
Онъ царемъ былъ опять, и на пальмахъ родныхъ
Отдыхалъ средь полей его взоръ.
И звеня и гремя опускалися въ долъ
Караваны съ сіяющихъ горъ.

И опять черноокой царицѣ своей
Съ нѣжной лаской глядѣлъ онъ въ глаза;
И дѣтей обнималъ,—и опять услыхалъ
И родныхъ и друзей голоса.
Тихо дрогнули сонныя вѣки его —
И съ лица покатилась слеза.

И на борзомъ конѣ вдоль рѣки онъ скакалъ
По знакомымъ, роднымъ берегамъ....
Въ серебрѣ повода, — золотая узда...
Громкій топотъ звучалъ по полямъ
Средь глухой тишины, — и стучали ножны
Длинной сабли коню по бокамъ.

Впереди, словно красный кровавый платокъ,
Ярко-крылый фламинго летѣлъ.
Вслѣдъ за нимъ онъ до нòчи скакалъ по лугамъ,
Гдѣ кругомъ тамариндъ зеленѣлъ.
Показались хижины Кафровъ, — и вотъ
Океанъ передъ нимъ засинѣлъ.

Ночью слышалъ онъ ревъ и рыканіе льва,
И гіэны пронзительный вой;
Слышалъ онъ, какъ въ пустынной рѣкѣ бегемотъ
Мялъ тростникъ своей тяжкой стопой....
И надъ соннымъ пронесся торжественный гулъ,
Словно радостный кликъ боевой.

Миріадой немолчныхъ своихъ языковъ
О свободѣ гласили лѣса;
Кличемъ воли въ дыханьи пустыни неслись
И земли и небесъ голоса....
И улыбка и трепетъ пошли по лицу,
И смежилися крѣпче глаза.

Онъ не чувствовалъ зноя; не слышалъ, какъ бичъ
Провизжалъ у него надъ спиной....
Царство сна озарила сіяніемъ смерть,
И на нивѣ остался — нѣмой
И безжизненный трупъ: перетертая цѣпь,
Сокрушенная вольной душой.

Мих. Михайловъ.

Негръ въ проклятомъ болотѣ.

(Лонгфелло).

Въ проклятомъ болотѣ, въ трущобѣ лѣсной
Бѣжавшій невольникъ лежалъ.

Онъ видѣлъ — костеръ зажигали ночной;
Онъ слышалъ собакъ, за нимъ рыскавшихъ, вой,
И топотъ коней различалъ.

Гдѣ свѣтятся искры блудящихъ огней
Въ болотной травѣ, по кустамъ,
Гдѣ лѣпится мохъ у древесныхъ корней,
И лозы — всѣ въ пятнахъ, какъ кожа у змѣй —
Ползутъ по кедровымъ стволамъ;

Куда человѣкъ заглянуть бы не смѣлъ,
Гдѣ въ зыбкой трясинѣ кругомъ
Увлаженный дернъ подъ ногами скрипѣлъ,
Въ колючей и вязкой травѣ онъ засѣлъ,
Какъ звѣрь въ логовищѣ своемъ.

Несчастный старикъ, истомленный, больной,
Лицо все въ глубокихъ рубцахъ,
Какъ въ клеймахъ позорныхъ. Одеждой худой
Не могъ онъ прикрыть и позоръ свой другой —
Слѣды отъ бича на плечахъ.

Свѣтло и прекрасно на свѣтѣ всему,
Свобода и радость есть всѣмъ!
Вотъ векша скакнула, — вотъ въ сонную тьму
Пѣснь вольная птицъ донеслася къ нему.
А онъ неподвиженъ и нѣмъ!

Разсвѣта не видѣлъ онъ въ жизненной мглѣ,
Въ неволѣ, въ цѣпяхъ, подъ бичемъ....
Какъ Каинъ, проклятье онъ несъ на челѣ,
Безвыходнымъ рабствомъ придавленъ къ землѣ,
Какъ колосъ тяжелымъ цѣпомъ!

Мих. Михайловъ.

Къ Вильяму Чаннингу.[1])

(Лонгфелло).

Когда изъ книги мнѣ звучалъ
Твой голосъ величаво, строго,

---

[1]) Чаннингъ — пасторъ, мыслитель, моралистъ и филантропъ (1780 — 1842), всю жизнь свою посвятилъ развитію идей человѣколюбія, писалъ противъ невольничества.

Я сердцемъ трепетнымъ взывалъ:
«Хвала тебѣ, служитель Бога!»

Хвала! Твоя святая рѣчь
Немолчно пусть звучитъ народу!
Твои слова — разящій мечъ
Въ священной битвѣ за свободу.

Не прерывай свой грозный кличъ,
Покуда Ложь — закономъ вѣка,
Пока здѣсь цѣпь, клеймо и бичъ
Позорятъ званье человѣка!

Во глубинѣ твоей души
Господень голосъ непрестанно
Зоветъ тебя: «Пророкъ! пиши!»
Какъ на Патмосѣ Іоанна.

Пиши кровавыя дѣла
И возвѣсти день скорби слезной,
День гнѣва надъ пучиной зла,
Апокалипсисъ этотъ грозной.!

Мих. Михайловъ.

Кто мнѣ родня?

Покрытый ранами, поверженный во прахъ,
Лежалъ я при пути, въ томленьи и слезахъ,
И думалъ, про себя, въ тоскѣ невыразимой:
«О, гдѣ моя родня? Гдѣ близкій, гдѣ любимый?»
И много мимо шло... Но что-жъ? Никто изъ нихъ
Не думалъ облегчить тяжелыхъ ранъ моихъ...
Иной бы и желалъ, да вдаль его манила
Житейской суеты губительная сила;
Иныхъ пугалъ видъ ранъ и мой тяжелый стонъ.
Ужъ мной овладѣвалъ холодной смерти сонъ;
Ужъ на устахъ моихъ стенанья замирали;
Въ тускнѣющихъ очахъ ужъ слезы застывали.
Но вотъ, пришелъ одинъ, склонился надо мной
И слезы мнѣ отеръ спасительной рукой.
Онъ былъ невѣдомъ мнѣ, но полнъ святой любовью,
Текущею изъ ранъ не погнушался кровью.

Онъ взялъ меня съ собой и помогалъ мнѣ самъ,
И лилъ на раны мнѣ цѣлительный бальзамъ.
И голосъ мнѣ сказалъ, въ душѣ неотразимый:
«Вотъ, кто родня тебѣ, кто близкій, кто любимый!»

Жадовская.

На Кладбищѣ.

Сквозь деревья освѣщаются гробницы,
По плитамъ скользитъ узорчатая тѣнь,
Въ знойномъ воздухѣ поютъ и рѣютъ птицы,
Надъ усопшимъ ликуетъ красный день.

Разрослись деревья, преизбытокъ силы
Дышитъ въ каждой жилкѣ влажнаго листка,
И кругомъ, куда ни взглянешь на могилы,
И цвѣты нарядны и трава густа.

И сидѣлъ я долго на плитѣ гробницы...
Отъ вѣтвей узоромъ колебалась тѣнь,
Воздухъ знойный пѣньемъ оглашали птицы,
Надъ могилами сіялъ веселый день.

И мгновенной жизнью пользуясь безпечно,
Проходили люди шумною толпой;
А во храмѣ пѣли радость жизни вѣчной,
Грустно пѣли: «со святыми упокой.»

Жемчужниковъ.

Встрѣчный голосъ при торжественномъ въѣздѣ Его Императорскаго Величества Александра II въ С.-Петербургъ [1]).

Вотъ Онъ, нашъ Кормилецъ! Вотъ Онъ — въ блескѣ новомъ!
Встрѣтимъ же Роднаго задушевнымъ словомъ,
Грянемъ цѣлымъ міромъ — не одной столицей:
Здравствуй, нашъ Желанный, съ матушкой — Царицей!
Зычно закачался колоколъ Кремлевскій;
Пировалъ на славу добрый людъ Московскій;
Освѣщались ярко зданія и храмы;
Вся Москва вставлялась въ огненныя рамы;
Золото сверкало колесницъ и башенъ,
И столы трещали отъ обильныхъ брашенъ;

---

[1]) Послѣ Коронаціи.

Всѣмъ былъ праздникъ велій отъ Царя дарованъ:
При мольбахъ всеобщихъ былъ Онъ коронованъ.
Но огней потѣшныхъ пиршественной ночи
Ярче тамъ горѣли радостныя очи
Русскаго народа; бой сердецъ довольныхъ
Тамъ гудѣлъ слышнѣе звоновъ колокольныхъ.
Золото! ты — чадо суеты и праха,
Милость! ты свѣтлѣе шапки Мономаха —
И вкуснѣй всѣхъ брашенъ ласковое слово
Подданныхъ семейству отъ Отца родново:
«Дѣти, — говорилъ Онъ, — Я васъ не покину,
Крѣпко вы стояли въ тяжкую годину.
Нынѣ Я на милость руку простираю —
Къ узнику, къ Еврею, къ Западному краю,
Къ рудникамъ Сибири, къ падшимъ и виновнымъ,
Да цвѣтетъ Россія въ мирѣ вселюбовномъ!»
И народъ, утѣшенъ словомъ благотворнымъ,
О сырую землю бьетъ челомъ покорнымъ,
И, рѣчей заморскихъ тонкаго изгиба
Чуждый, восклицаетъ: Батюшка! спасибо!
Чувствуемъ! лобзаемъ царственную руку.
Ты, вступилъ на царство, оживилъ науку,
И теперь, исполненъ отческой заботы,
Всѣмъ даруешь ласки, милости и льготы:
Батюшка, спасибо! — Дай-то Богъ, чтобъ зрѣло,
Шло и развивалось остальное дѣло!
Не терпи, Родимый, лжи и злоуправства,
Ѣдкаго пронырства, низкаго лукавства,
Хитрости змѣиной, лести ядовитой!
Истинѣ священной путь стели открытый!
Выслушай порою съ благостію кроткой
Искреннее слово мужичка съ бородкой!
Пусть, Отецъ нашъ, тѣми, кто къ Тебѣ приближенъ,
Не глушится голосъ, что идетъ изъ хижинъ!
Поуймемъ, посдержимъ роскошь — лиходѣйку,
Да на черный день мы сбережемъ копѣйку!
Родственно-живая связь Царя съ народомъ
Пусть урокомъ будетъ алчнымъ воеводамъ!
Ты-бъ насъ не далъ никому обидѣть,
Да вѣдь гдѣ-жъ, Родимый, одному все видѣть!
Пусть же смотрятъ зорко верхніе-то мужи,
Чтобъ внутри все было чисто и снаружи,
Чтобъ внутри святая правда разгаралась,

А снаружи гибель злая не подкралась.
Дай Тебѣ Всевышній провоззрѣній быстрыхъ,
Счастія въ народѣ, радости въ министрахъ
И въ мужахъ совѣта — сихъ опорахъ царства!
Да найдешь въ нихъ доблесть, а не пошлость барства,
Да узришь въ нихъ знанье, честь и правосудье,
Да не скажутъ люди, что у насъ безлюдье!
Пусть они въ блестящихъ, золотыхъ палатахъ
Мыслятъ о лачугахъ, думаютъ о хатахъ,
О народныхъ нуждахъ, о народныхъ требахъ!
Пусть не тунеядцы у Тебя на хлѣбахъ
Плаваютъ въ довольствѣ! — Всѣ мы молимъ Бога:
Будь Тебѣ въ работѣ царственной подмога!
Не взыщи на словѣ скуднаго привѣта:
Здравствуй, нашъ Желанный! Царствуй многи лѣта!

Бенедиктовъ.

Нива.

По нивѣ прохожу я узкою межей,
Поросшей кашкою и цѣпкой лебедой:
Куда ни оглянусь — повсюду рожь густая;
Иду съ трудомъ, ее руками разбирая.
Мелькаютъ и жужжатъ колосья предо мной
И колютъ мнѣ лицо. Иду я наклоняясь,
Какъ будто бы отъ пчелъ тревожныхъ отбиваясь,
Когда перескочивъ чрезъ ивовый плетень,
Средь яблонь, въ пчельникѣ проходишь въ ясный день.
О, Божья благодать! о, какъ прилечь отрадно
Мнѣ въ тѣнь высокой ржи, гдѣ сыро и прохладно!
Заботы полные, колосья надо мной
Бесѣду важную ведутъ между собой.
Имъ внемля, вижу я — на всемъ полей просторѣ
И жницы, и жнецы, ныряя точно въ морѣ,
Ужъ вяжутъ весело тяжелые снопы;
Вонъ на зорѣ стучатъ проворные цѣпы;
Въ анбарахъ воздухъ полнъ и розана и меда;
Вездѣ скрыпятъ возы; средь шумнаго народа —
У пристаней кули валятся; вдоль рѣки,
Гуськомъ, какъ журавли проходятъ бурлаки,

Нагнувши головы, плечами напирая
И длинной бичевой по влагѣ ударяя....
О, Боже! Ты даешь для родины моей
Тепло и урожай — дары святые неба!
Но хлѣбомъ золотя просторъ ея полей,
Ей также, Господи, духовнаго дай хлѣба!
Уже надъ нивою, гдѣ мысли сѣмена
Тобой насажены, повѣяла весна,
И непогодами не сгубленныя зерна
Пустили свѣжіе ростки свои проворно...
О дай намъ солнышка! пошли Ты вёдра намъ,
Чтобъ вызрѣлъ ихъ побѣгъ по тучнымъ бороздамъ,
Чтобъ намъ, хоть опершись на внуковъ, стариками
Прійти на пышныя ихъ нивы подышать
И, позабывъ, что ихъ мы полили слезами,
Промолвить: «Господи! какая благодать!»

Майковъ.

Нива.

Нива, моя нива,
Нива золотая!
Зрѣешь ты на солнцѣ,
Колосъ наливая.
По тебѣ отъ вѣтру, —
Словно въ синемъ морѣ, —
Волны такъ и ходятъ,
Ходятъ на просторѣ.
Надъ тобою съ пѣсней
Жаворонокъ вьется;
Надъ тобой и туча
Грозно пронесется.
Зрѣешь ты и спѣешь,
Колосъ наливая, —
О людскихъ заботахъ
Ничего не зная.
Унеси ты, вѣтеръ,
Тучу градовую;
Сбереги намъ, Боже,
Ниву трудовую!...

Юлія Жадовская.

У страха глаза велики.

Есть люди, — и такихъ не мало, —
Вся жизнь ихъ — безконечный страхъ,
Не Божей мудрости начало,
А страхъ больной, съ бѣльмомъ въ глазахъ.

Глаза ихъ чѣмъ тупѣй и лживѣй,
Тѣмъ дальновиднѣй быть хотятъ:

Ихъ мудрость въ томъ, что все пугливѣй
Они на все и всѣхъ глядятъ.

Они живутъ въ особомъ мірѣ;
Имъ мало видѣть то, что есть:
Гдѣ прочимъ дважды два четыре,
Тамъ имъ съ испугу пять и шесть.

У нихъ всегда, какъ отъ угара,
Въ глазахъ рябитъ, въ ушахъ звенитъ,
Имъ свѣчка — зарево пожара,
Набатомъ каждый шумъ звучитъ.

Предусмотрительность ихъ мучитъ,
Но прозорливость ихъ смѣшна,
Она въ быка лягушку пучитъ
И муху жалуетъ въ слона.

Благоразумія личиной
Свой малодушный умъ прикрывъ,
Они ложатся тяжкой льдиной
На каждый доблестный порывъ.

Стращаютъ мысль и упованья,
Развязкой горькой имъ грозя,
На всѣ вопросы, всѣ призванья,
Одинъ отвѣтъ у нихъ: нельзя!

Самонадѣянность насъ губитъ
И мнительность — болѣзнь ума,
Одна теряться въ тучахъ любитъ, —
Другой, — что новость, то чума.

Князь Вяземскій

Борьба.

Таковъ знать Богомъ Всемогущимъ
Уставъ данъ міру съ давнихъ поръ:
Всегда прошедшее съ грядущимъ
Вело тяжелый, трудный споръ;
Всегда минувшее стояло
За свой негодный старый хламъ,

И свѣжей силы не пускало
Къ возобновительнымъ дѣламъ;
Всегда оно ворчало, злилось
И пѣло пѣсню все одну,
Что было лучше въ старину,
И съ этой пѣснью въ гробъ валилось.
И надъ могилами отцовъ,
Зарытыхъ бодрыми сынами,
Иная жизнь со всѣхъ концовъ
Катилась бурными волнами.
Пусть тотъ скорѣй оставитъ свѣтъ,
Кого пугаетъ все, что ново,
Кому не въ радость, не въ привѣтъ
Живая мысль, живое слово:
Умри — въ комъ будущаго нѣтъ!

Порой средь общаго движенья
Все смутно, сбивчиво, темно;
Но не отъ мутнаго-ль броженья
Творится свѣтлое вино?
Не жизни-ль варваръ Риму придалъ,
Когда онъ опрокинулъ Римъ?
Гдѣ прежде правилъ мертвый идолъ,
Тамъ Богъ живой поставленъ имъ.

Тамъ рыцарь несъ креста обновы
И гибнулъ съ мыслью о крестѣ.
Мы — тоже рыцари Христовы
И крестоносцы, — да не тѣ:
Подъ средне-вѣковое иго
Уже не клонится никто.
И хоть предъ нами та же книга,
Но въ ней читаемъ мы не то,
И новый образъ пониманья
Кладемъ на старыя сказанья....
И нынѣ мы пошли бы въ бой —
Не ради гроба лишь святаго,
Но съ тѣмъ, чтобъ новою борьбой
Освободить Христа живаго!

Бенедиктовъ.

И нынѣ.

Надъ нами тѣ-жъ, какъ древле, небеса,
И также льютъ намъ благъ своихъ потоки,
И въ наши дни творятся чудеса,
И въ наши дни являются пророки.

Богъ не усталъ: Богъ шествуетъ впередъ.
Міръ борется съ враждебной силой змія.
Тамъ зритъ слѣпой: тамъ — мертвый возстаетъ.
Исайя живъ и живъ Іеремія.

Не истощилъ Господь своихъ даровъ,
Не оскудѣлъ верховной благодатью:
Онъ все творитъ — и библія міровъ
Не замкнута послѣднею печатью.

Кто духомъ живъ, въ комъ вѣра не мертва,
Кто сознаетъ всю животворность слова,
Тотъ всюду зритъ наитье Божества
И слышитъ все, что говоритъ Егова, —

И разогнавъ кудесничества чадъ,
Въ природѣ онъ усмотритъ святость чуда,
И не распнетъ онъ слова, какъ Пилатъ,
И не предастъ онъ слово, какъ Іуда, —

И брата онъ, какъ Каинъ, не сразитъ,
Гонимаго съ радушной лаской приметъ,
Смиреніемъ надменныхъ пристыдитъ,
И слабаго, и падшаго подыметъ.

Не унывай, о малодушный родъ!
Не падайте, о племена земныя!
Богъ не усталъ: Богъ шествуетъ впередъ.
Міръ борется съ враждебной силой змія.

Бенедиктовъ.

Впередъ!

Впередъ! безъ страха и сомнѣнья,
На подвигъ доблестный, друзья!

Зарю святаго искупленья
Ужъ въ небесахъ завидѣлъ я!

Смѣлѣй! дадимъ другъ другу руки,
И вмѣстѣ двинемся впередъ!
И пусть, подъ знаменемъ науки,
Союзъ нашъ крѣпнетъ и ростетъ.

Жрецовъ грѣха и лжи мы будемъ
Глаголомъ истины карать;
И спящихъ мы отъ сна пробудимъ,
И поведемъ на битву рать;

Не сотворимъ себѣ куміра
Ни на землѣ, ни въ небесахъ;
За всѣ дары и блага міра
Мы не падемъ предъ нимъ во прахъ!...

Провозглашать любви ученье
Мы будемъ нищимъ, богачамъ,
И за него снесемъ гоненье —
Простивъ озлобленнымъ врагамъ!

Блаженъ, кто жизнь въ борьбѣ кровавой,
Въ заботахъ тяжкихъ истощилъ;
Какъ рабъ лѣнивый и лукавый,
Талантъ свой въ землю не зарылъ!

Пусть намъ звѣздою путеводной
Святая истина горитъ;
И вѣрьте, голосъ благородной
Не даромъ въ мірѣ прозвучитъ!

Внемлите-жъ, братья, слову брата,
Пока мы полны юныхъ силъ:
Впередъ, впередъ и безъ возврата, —
Что́-бъ рокъ вдали намъ ни сулилъ.

Плещеевъ.

О нѣтъ! не всякому дано
Святое право обличенья.
Кто не взростилъ въ себѣ зерно
Любви живой и отреченья,
И безполезно и грѣшно
На міръ его ожесточенье.

Но если пламенная рѣчь
Изъ сердца чистаго стремится,
Она разитъ, какъ Божій мечъ,
Дрожитъ, блѣднѣетъ и стыдится
Предъ нею тотъ, кого обречь
Она проклятью не страшится.

Но гдѣ тотъ вѣка проводникъ,
Что скупъ на рѣчи — щедръ на дѣло,
Что заглушивъ страстей языкъ—
Идя на подвигъ честно, смѣло,
Благой примѣръ являть привыкъ
Толпѣ, въ неправдѣ закоснѣлой!

Гдѣ онъ? Насъ къ безднѣ привела
Стезя безвѣрья и порока;
Рабамъ позорной лжи и зла
Пошли, пошли Господь пророка,
Чтобъ рѣчь его намъ сердце жгла,
И содрогнулись мы глубоко.

Плещеевъ.

Трудились бѣдные, вы, отдыху не зная,
Судьбѣ покорные, трудились день и ночь,
И думали: знать доля ужъ такая
Намъ Богомъ суждена — и горю не помочь!

Смочивъ поля кровавымъ, скорбнымъ потомъ,
Вы знали, что не вамъ они готовятъ плодъ;
Но не роптали вы, согбенные подъ гнетомъ,
Нѣтъ, вы несли свой крестъ — какъ праведникъ несетъ.

И Тотъ, Кто міръ своею чистой кровью
Отъ рабства искупилъ, Кто, какъ и вы, страдалъ, —
Кому молились вы смиренно и съ любовью,
Вамъ Избавителя Вѣнчаннаго послалъ.

И настаетъ пора святая возрожденья!
Да будетъ ясенъ дня грядущаго разсвѣтъ,
Да принесетъ онъ вамъ съ прошедшимъ примиренье
И раны вѣковой да уврачуетъ слѣдъ!

Плещеевъ.

Христосъ, Христосъ воскресъ! Во-истину воскресъ!
Воспойте: живъ Господь и слава въ вышнихъ Богу!
Блеснулъ свободы лучъ и намъ съ родныхъ небесъ,—
Осанна! Вайями усыплемте дорогу.

Разбита рабства цѣпь. Вставайте, мертвецы!
Вставайте, Лазари, изъ гроба вѣковаго,
Гдѣ вы родилися, гдѣ отжили отцы;
Прощенье прошлому! Забвеніе былаго!

Оплотъ коснѣнія и порчи сокрушенъ;
На свѣтъ, на Божій свѣтъ скорѣе выходите!
Граждане новые, привѣтъ вамъ и поклонъ,
Богъ помочь, братья, вамъ, Богъ помочь въ новомъ бытѣ.

Не стойте, прочь скорѣй отъ двери гробовой!
Васъ жизнь къ себѣ зоветъ, живымъ работы много.
Впередъ! васъ братья ждутъ, впередъ, рука съ рукой!
Теперь вамъ всѣмъ одно, всѣмъ общая дорога.

Вы, чуждые досель, сыны одной семьи,
Средь рабства явнаго и тайнаго проклятья,
Вглядитесь наконецъ другъ въ друга: вы свои,
Одной неволей лишь разрозненные братья.

Но рабство сломано; давайте же рукъ намъ,
Давайте, и пойдемъ, пойдемъ, насъ ждетъ работа,
И радость и печаль — все вмѣстѣ, пополамъ,
Про дѣло земское всѣмъ общая забота.

Пойдемъ, свободы лучъ блеснулъ съ родныхъ небесъ,
Побѣду довѣршимъ при кликахъ всенародныхъ:
Христосъ, Христосъ воскресъ! Во-истину воскресъ,
И стала наша Русь землей людей свободныхъ.

Христосъ, Христосъ воскресъ! Хвала и честь Тому,
Тому, Кто, какъ пророкъ, Евреямъ Богомъ данный,
Воздвигнулъ свой народъ отъ рабства и ему
Открылъ широкій путь къ землѣ обѣтованной!

М. Розенгеймъ [1]).

Погостъ.

Глубина небесъ синѣетъ,
Свѣтитъ яркая луна. —
Церковь въ сумракѣ бѣлѣетъ,
На погостѣ тишина.

---

[1]) Современный поэтъ.

Тишина — не слышно звука.
Не горитъ огня въ селѣ.
Безпробудно скорбь и мука
Спятъ въ кормилицѣ — землѣ.

Спитъ въ землѣ нужда — неволя,
Спитъ кручина бѣдняковъ,
Спитъ безвыходная доля.
Миръ вамъ, кости мужичковъ!

Догорѣли ваши силы
Тише свѣчки восковой.
Донесли вы до могилы
Крестъ свой, кровью облитой...

Миръ вамъ, старыя невзгоды!
Память вѣчная слезамъ!
Вѣетъ воздухомъ свободы
По трущобамъ и лѣсамъ.

Золотыя искры свѣта
Проникаютъ въ глушь и дичь,
Слышенъ въ полѣ кличъ привѣта,
По степямъ веселый кличъ.

Никитинъ.

Бѣглый.

Ты куда, удалая ты башка!
Уходи ты къ лѣсу темному пока.
Не сегодня — завтра свяжутъ молодца.
Не ушелъ ли ты отъ матери — отца?
Не гулялъ ли ты за Волгою въ степи?
Не сидѣлъ ли ты въ острогѣ на цѣпи?
«Я сидѣлъ и въ острогѣ на цѣпи,
Я гулялъ и за Волгой въ степи,
Да наскучила мнѣ волюшка моя,
Воля буйная, чужая, не своя.
Съ горя, братцы, изловить себя я далъ —
Изъ острога, братцы, съ радости бѣжалъ.
«Какъ въ острогѣ-то послышалося намъ,
Что про волю-то читаютъ по церквамъ [1]), —
Ужъ откуда сила — силушка взялась:
Цѣпь желѣзная, и та вишь порвалась!
И задумалъ я на родину бѣжать;
Божья ночка обѣщалась покрывать.
«Я бѣжалъ — ногъ не чуялъ подъ собой....
Очутился на сторонушкѣ родной.
Тутъ за рѣчкой моя матушка живетъ,
Не разбойничка, а сына въ гости ждетъ.

---

[1]) Разумѣется манифестъ 19 Февраля 1861 года, которымъ Государь Императоръ Александръ II освободилъ отъ крѣпостной зависимости двадцать три милліона крестьянъ.

Я сначала постучуся у окна —
Выходи, скажу, на улицу жена!
«Ты не спрашивай, въ лицо мнѣ не гляди,
Отъ меня, жена, гостинчика не жди.
Много всякихъ я подарковъ тебѣ несъ,
Да вишь какъ-то по дорогѣ все растресъ;
Я вина не пилъ — съ воды былъ пьянъ,
Были деньги — не зашилъ карманъ.
«Какъ намъ волю-то объявятъ господа,
Я съ воды хмѣленъ не буду никогда;
Какъ мнѣ землю-то отмѣрятъ на міру, —
Я въ карманѣ-то зашью себѣ дыру.
Буду въ праздники Царевъ указъ читать...
Кто же, братцы, меня можетъ забижать?»
Ты куда, удалая ты башка!
Уходи ты къ лѣсу темному пока.
Хоть родное-то гнѣздо недалеко, —
Ночь-то мѣсячна: признать тебя легко.
Знать тебѣ въ дому хозяиномъ не быть —
По дорогамъ значитъ велѣно ловить....

Полонскій.

Крестьянскія Дѣти.

Опять я въ деревнѣ. Хожу на охоту,
Пишу мои вирши — живется легко.
Вчера, утомленный ходьбой по болоту,
Забрелъ я въ сарай и заснулъ глубоко.
Проснулся: въ широкія щели сарая
Глядятся веселаго солнца лучи.
Воркуетъ голубка; надъ крышей летая,
Кричатъ молодые грачи.
Летитъ и другая какая-то птица —
По тѣни узналъ я ворону какъ разъ!
Чу! шопотъ какой-то.... а вотъ вереница
Вдоль щели внимательныхъ глазъ!
Все сѣрые, каріе, синіе глазки —
Смѣшались какъ въ полѣ цвѣты.
Въ нихъ столько покоя, свободы и ласки,
Въ нихъ столько святой доброты!
Я дѣтскаго глаза люблю выраженье,

Его я узнаю всегда.
Я замеръ: коснулось души умиленье....
Чу! шопотъ опять!
Первый голосъ. Борода!
Второй. А баринъ, сказали!...
Третій. Потише вы, черти!
Второй. У баръ бороды не бываетъ — усы.
Первый. А ноги-то длинныя, словно какъ жерди.
Четвертый. А вона на шапкѣ глядитко — часы!
Пятый. Ай, важная штука!
Шестой. И цѣпь золотая....
Седьмой. Чай, дорого стоитъ?
Осьмой. Какъ солнце горитъ!
Девятый. А вона собака — большая, большая!
Вода съ языка-то бѣжитъ.
Пятый. Ружье! поглядитко: стволина двойная,
Замочки рѣзные...
Третій (съ испугомъ). Глядитъ!
Четвертый. Молчи, ничего! постоимъ еще, Гриша!
Третій. Прибьетъ....»

Испугались шпіоны мои
И кинулись прочь: человѣка заслыша,
Такъ стаей съ мякины летятъ воробьи.
Затихъ я, прищурился — снова явились,
Глазенки мелькаютъ въ щели.
Что было со мною — всему подивились
И мой приговоръ изрекли:
— Такому-то гусю ужъ что за охота!
Лежалъ бы себѣ на печи!
И видно не баринъ: какъ ѣхалъ съ болота,
Такъ рядомъ съ Гаврилой.... «Услышитъ, молчи!»
О, милые плуты! Кто часто ихъ видѣлъ,
Тотъ, вѣрю я, любитъ крестьянскихъ дѣтей;
Но если бы даже ты ихъ ненавидѣлъ,
Читатель, какъ «низкаго рода людей,» —
Я все-таки долженъ сознаться открыто,
Что часто завидую имъ:
Въ ихъ жизни такъ много поэзіи слито,
Какъ дай Богъ балованнымъ дѣткамъ твоимъ.
Счастливый народъ! Ни науки, ни нѣги

Не вѣдаютъ въ дѣтствѣ они.
Я дѣлывалъ съ ними грибные набѣги:
Раскапывалъ листья, обшаривалъ пни,
Старался примѣтить грибное мѣстечко,
А утромъ не могъ ни-за-что отыскать.
«Взгляни-ка, Савося, какое колечко!»
Мы оба нагнулись, да разомъ и хвать
Змѣю! Я подпрыгнулъ: ужалила больно!
Савося хохочетъ: «попался спроста!»
Зато мы потомъ ихъ губили довольно
И клали рядкомъ на перилы моста.
Должно-быть за подвиги славы мы ждали.
У насъ же дорога большая была:
Рабочаго званія люди сновали
По ней безъ числа.
Копатель канавъ Вологжанинъ,
Лудильщикъ, портной, шерстобитъ,
А то въ монастырь горожанинъ
Подъ праздникъ молиться катитъ.
Подъ нами густые, старинные вязы
На отдыхъ тянуло усталыхъ людей.
Ребята обступятъ: начнутся разсказы
Про Кіевъ, про Турку, про чудныхъ звѣрей.
Иной подгуляетъ, такъ долго держися —
Начнетъ съ Волочка, до Казани дойдетъ!
Чухну передразнитъ, Мордву, Черемиса,
И сказкой потѣшитъ и притчу ввернетъ:
Рабочій разставитъ, разложитъ снаряды —
Рубанки, подпилки, долота, ножи:
«Гляди, чертенята!» А дѣти рады,
Какъ пилишь, какъ лудишь — имъ все покажи.
Прохожій заснетъ подъ свои прибаутки,
Ребята за дѣло — пилить и строгать!
Иступятъ пилу — не наточишь и въ сутки!
Сломаютъ буравъ — и съ испугу бѣжать.
Случалось, тутъ цѣлые дни пролетали,
Что новый прохожій, то новый разсказъ....

Ухъ, жарко!... До полдня грибы собирали,
Вотъ изъ лѣсу вышли — на встрѣчу какъ разъ
Синѣющій лентой, извилистой, длинной,
Рѣка луговая: спрыгнули гурьбой
И русыхъ головокъ надъ рѣчкой пустынной

Что бѣлыхъ грибовъ на полянкѣ лѣсной!
Рѣка огласилась и смѣхомъ и воемъ:
Тутъ драка — не драка, игра — не игра....
А солнце палитъ ихъ полуденнымъ зноемъ,
Домой, ребятишки! обѣдать пора.
Вернулись. У каждаго полно лукошко,
А сколько разсказовъ! Попался косой,
Поймали ежа, заблудились немножко
И видѣли волка..... у, страшный какой!
Ему предлагаютъ и мухъ и козявокъ,
Карней молочко ему отдалъ свое —
Не пьетъ! отступились....

Кто ловитъ піявокъ
На лавѣ, гдѣ матка колотитъ бѣлье,
Кто няньчитъ сестренку двухлѣтнюю Глашку,
Кто тащитъ на пожню ведерко кваску,
Та въ лужу забилась, а эта съ обновой,
Сплела себѣ славный вѣнокъ:
Все бѣленькой, желтенькой, блѣдно-лиловой
Да изрѣдка красный цвѣтокъ,
Тѣ спятъ на припекѣ, тѣ пляшутъ въ присядку.
Вотъ дѣвочка ловитъ лукошкомъ лошадку:
Поймала, вскочила и ѣдетъ на ней.
И ей ли, подъ солнечнымъ зноемъ рожденной
И въ фартукѣ съ поля домой принесенной,
Бояться смиренной лошадки своей?....

Грибная пора отойти не успѣла,
Гляди ужъ чернехоньки губы у всѣхъ,
Набили оскому: черница поспѣла!
А тамъ и малина, брусника, орѣхъ!
Ребяческій крикъ, повторяемый эхомъ,
Съ утра и до ночи гремитъ по лѣсамъ.
Испугана пѣньемъ, ауканьемъ, смѣхомъ,
Взлетитъ ли тетеря, закокавъ птенцамъ,
Зайчонокъ ли вскочитъ — содомъ, суматоха!
Вотъ старый глухарь съ облинялымъ крыломъ
Въ кусту завозился.... ну, бѣдному плохо!
Живаго въ деревню тащатъ съ торжествомъ....

— Довольно, Ванюша! гулялъ ты не мало,
Пора за работу, родной! —
Но даже и трудъ обернется съ начала
Къ Ванюшѣ нарядной своей стороной:
Онъ видитъ, какъ поле отецъ удобряетъ,
Какъ въ рыхлую землю бросаетъ зерно,
Какъ поле потомъ зеленѣть начинаетъ,
Какъ колосъ ростетъ, наливаетъ зерно:
Готовую жатву подрѣжутъ серпами,
Въ снопы перевяжутъ, на ригу свезутъ,
Просушатъ, колотятъ — колотятъ цѣпами,
На мельницѣ смелютъ и хлѣбъ испекутъ.
Отвѣдаетъ свѣжаго хлѣбца ребенокъ
И въ поле охотнѣй бѣжитъ за отцомъ.
Навьютъ ли сѣна: «полѣзай, пострѣленокъ!»
Ванюша въ деревню въѣзжаетъ царемъ....

Однако же, зависть въ дворянскомъ дитяти
Посѣять намъ было бы жаль.
И такъ, обернуть мы обязаны кстати
Другой стороною медаль.
Положимъ, крестьянскій ребенокъ свободно
Ростетъ, не учась ничему,
Но выростетъ онъ, если Богу угодно,
А сгибнуть ничто не мѣшаетъ ему.
Положимъ, онъ знаетъ лѣсныя дорожки,
Гарцуетъ верхомъ, не боится воды,
За то безпощадно ѣдятъ его мошки,
За то ему рано знакомы труды....

Однажды, въ студеную зимнюю пору
Я изъ лѣсу вышелъ; былъ сильный морозъ.
Гляжу — поднимается медленно въ гору
Лошадка, везущая хворосту возъ,
И шествуя важно, въ спокойствіи чинномъ,
Лошадку ведетъ подъ-уздцы мужичокъ
Въ большихъ сапогахъ, въ полушубкѣ овчинномъ,
Въ большихъ рукавицахъ.... а самъ съ ноготокъ!
— Здорово, парнище! — «Ступай себѣ мимо!»
— Ужъ больно ты грозенъ, какъ я погляжу!
Откуда дровишки? — «Изъ лѣсу, вѣстимо;
Отецъ, слышишь, рубитъ, а я отвожу.»

(Въ лѣсу раздавался топоръ дровосѣка).
— А что, у отца-то большая семья? —
«Семья-то большая, да два человѣка
Всего мужиковъ-то: отецъ мой да я....»
— Такъ вонъ оно что! А какъ звать тебя? — «Власомъ.»
— А кой тебѣ годикъ? — «Шестой миновалъ....
Ну мертвая!» крикнулъ малюточка басомъ,
Рванулъ подъ-уздцы и быстрѣй зашагалъ.
На эту картину такъ солнце свѣтило,
Ребенокъ былъ такъ уморительно малъ,
Какъ будто все это картонное было,
Какъ будто бы въ дѣтскій театръ я попалъ!
Но мальчикъ былъ мальчикъ живой, настоящій,
И дровни, и хворостъ, и пѣгонькій конь,
И снѣгъ до окошекъ деревни лежащій,
И зимняго солнца холодный огонь —
Все, все настоящее Русское было.
Играйте же, дѣти! Ростите на волѣ!
На то вамъ и красное дѣтство дано,
Чтобъ вѣчно любить это скудное поле,
Чтобъ вѣчно вамъ малымъ казалось оно.
Храните свое вѣковое наслѣдство,
Любите свой хлѣбъ трудовой. —
Теперь намъ пора возвратиться къ началу.
Замѣтивъ, что стали ребята смѣлѣй, —
— Эй! воры идутъ! закричалъ я Фингалу:
— Украдутъ, украдутъ! Ну, прячь поскорѣй! —
Фингалушка скорчилъ серьезную мину,
Подъ сѣно пожитки мои закопалъ,
Съ особымъ стараньемъ припряталъ дичину,
У ногъ моихъ легъ — и сердито рычалъ.
Обширная область собачьей науки
Ему въ совершенствѣ знакома была;
Онъ началъ такія выкидывать штуки,
Что публика съ мѣста сойти не могла.
Дивятся, хохочутъ! Ужъ тутъ не до страха!
Командуютъ сами: — «Фингалка умри!»
— Не засти, Сергѣй! Не толкайся, Кузяха! —
«Смотри — умираетъ — смотри!»
Я самъ наслаждался, валяясь на сѣнѣ,
Ихъ шумнымъ весельемъ. Вдругъ стало темно
Въ сараѣ: такъ быстро темнѣетъ на сценѣ,
Когда разразиться грозѣ суждено.

И точно: ударъ прогремѣлъ надъ сараемъ,
Въ сарай полилась дождевая рѣка,
Актеръ залился оглушительнымъ лаемъ,
А зрители дали стречка!
Широкая дверь отперлась, заскрипѣла,
Ударилась въ стѣну, опять заперлась.
Я выглянулъ: темная туча висѣла
Надъ нашимъ театромъ какъ разъ.
Подъ крупнымъ дождемъ ребятишки бѣжали
Босые къ деревнѣ своей....
Мы съ вѣрнымъ Фингаломъ грозу переждали
И вышли искать дупелей.

Некрасовъ.

Примѣч. — Отдѣлите картины природы и разсказы о жизни крестьянскаго мальчика. — Изложите содержаніе каждой отдѣльной картины и каждаго отдѣльнаго разсказа. — Сравните жизнь крестьянскаго мальчика съ жизнью городскаго. — Составьте описаніе занятій деревенскаго мальчика, соотвѣтствующихъ временамъ года.

Восторгомъ святымъ пламенѣя,
На все, что свершается въ мірѣ,
Порой я взираю яснѣе,
И мыслю свободнѣй и шире;

Я братъ на землѣ всѣмъ живущимъ
И въ жизнь отошедшимъ иную,
И полонъ мгновеньемъ бѣгущимъ,
Присутствіе вѣчности чую;

И слышны мнѣ ангеловъ хоры,
И стону людскому я внемлю,
И къ небу возносятся взоры,
И падаютъ слезы на землю....

Жемчужниковъ.

Творяй истину, грядетъ къ свѣту.
Іоан. III, 21.

Мы долго лежали повергнуты въ прахъ,
Не мысля, не видя, не слыша;
Казалось, мы заживо тлѣемъ въ гробахъ,
Забита тяжелая крыша:
Но вспыхнувшій свѣточъ вдругъ вышелъ изъ тьмы,
Какъ будто бы рѣчь прозвучала, —
И всѣ встрепенувшись, воспрянули мы,
Почуявъ благое начало....
Въ насъ сердце забилось, духъ жизни воскресъ,
И гимномъ хвалы и привѣта
Мы встрѣтили даръ просіявшихъ небесъ
Въ рожденіи слова и свѣта!...

Жемчужникова.

Долго надъ нами висѣли
Черныя тучи кругомъ
Долго во мракѣ, безъ цѣли,
Шли и спросить мы не смѣли
Гдѣ мы, куда мы идемъ?
Долго въ тревогѣ мы ждали —
Выглянетъ солнце иль нѣтъ?
Много душевной печали
Въ это мы время узнали,
Много извѣдали бѣдъ!

Сердце въ насъ горестно ныло,
Очи смежалъ уже сонъ;
Тихо духовная сила
Выхода, воли просила,
Голосомъ слабымъ какъ стонъ.....
Вдругъ засверкала Зарница, —
Свой намъ привѣтъ она шлетъ!
Ожили мрачныя лица,
Шумною мы вереницей
Двинулись къ свѣту—впередъ.....

Иванова.

Пѣсня о Хмѣлѣ [1]).

Какъ во городѣ было во Казани,
Середи было торгу на базарѣ:
Хмѣлюшка по торгу гуляетъ,
Да и самъ-себя Хмѣль выхваляетъ, —
Что и нѣтъ-то меня, Хмѣлюшки, лучше,
Хмѣлевой моей головки веселѣе....
Еще Царь-Государь меня знаетъ,
Господа, бояре уважаютъ,

[1]) Помѣщается какъ добавленіе къ отдѣлу «Народныхъ Пѣсенъ.»

Священники — попы благословляютъ,
И крестинъ безъ меня не бываетъ,
Да и свадьбы безъ Хмѣля не играютъ,
Еще въ домѣ подерутся — побранятся, —
Да и тутъ безъ Хмѣля не мирятся,
Только лихъ на меня мужикъ-крестьянинъ:
Онъ широкія борозды копаетъ,
Глубоко меня, Хмѣля, зарываетъ,
Въ ретиво́ сердце тычинку вбиваетъ....
Ужъ какъ тутъ-то я, Хмѣль, догадался: —
По тычинушкѣ вверхъ увивался,
Распустилъ свои я́ровы шишки.
Красны дѣвушки Хмѣлинушку сбирали,
Въ рогожные кули зашивали,
На овинѣ меня, Хмѣлюшку, сушили,
На базаръ меня, Хмѣля, вывозили,
Что богатые мужики покупали,
Во суслицѣ меня, Хмѣлюшку, топили....
По дубовымъ бочкамъ разливали....
Ужъ какъ тутъ-то я, Хмѣль, догадался:
По уторамъ я, Хмѣль, расходился,
Въ молодецкія головы забирался,
Не въ одномъ мужикѣ разъигрался....
Отсмѣю-жъ я крестьянину насмѣшку:
Ужъ я сдѣлаю его сатаною....
Я ударю его въ тынъ головою!...

Примѣч. — Сравнить эту пѣсу съ пѣснью Роберта Борнса «Джонъ-Ячменное Зерно» (стр. 88).

DUKE IV 42/684